ВАЛЬТЕРЪ

ИЗНАНКА ФИНЛЯНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Алексѣевъ, В. А. Панфинско-лютеранскій походъ финляндцевъ на православную Карелію. Спб. 1910.
Берендтсъ, Э. Финансовое право В. Кн. Финляндскаго въ XIX столѣтіи. Спб. 1900.
Берендтсъ, Э. Краткій обзоръ финансовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.
Берендтсъ, Э. Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи. 1900.
Берендтсъ, Э. Лекціи по административному праву Великаго Княжества Финляндскаго. 2 т. Спб. 1903.
Берендтсъ, Э. Къ финляндскому вопросу. По поводу рѣчи члена Гос. Думы П. Н. Милюкова 13 мая 1908 г. при разсмотрѣніи вопросовъ по финл. управленію. Спб. 1910.—Тоже на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Stockholm. 1912.
Берендтсъ, Э. Н. По поводу возваваній иностранныхъ ученыхъ относительно правъ Финляндіи. Спб. 1910.—Тоже на французскомъ яз. St. Pétersbourg. 1911.—На нѣмецкомъ яз. Berlin. 1910.—На англійскомъ яз. St.-Pétersbourg. 1910.—На итальянскомъ яз. Roma. 1911.—На шведскомъ и финскомъ языкахъ. Stockholm. 1911.
Berendts. Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage insbesondere Rede, gehalten am 14 Januar 1907. St.-Petersburg. 1907.
Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Спб. 1910.—Время Елизаветы. Спб. 1910.—Время Екатерины II и Павла. Спб. 1912.—Время Императора Александра I. Спб. 1909.—Время Императора Александра II. Спб. 1908.
Бородкинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова. Спб. 1905.
Бородкинъ, М. Финляндія въ русской печати. Библіографическій указатель книгъ и статей о Финляндіи. Спб. 1902.
Бородкинъ, М. Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережьѣ. Спб. 1904.
Бородкинъ, М. Итоги столѣтія. Харьковъ. 1909.
[Бородкинъ, М.]. Финляндская окраина въ составѣ Русскаго Государства. Спб. 1910.—Тоже на французскомъ яз. Paris. 1912.—На нѣмецкомъ яз. Berlin. 1911.—На англійскомъ яз. St.-Pétersbourg. 1911.
Borodkine, M. Condition juridique de la Finlande. Paris. 1912.
Valiszevsky, K. Question finlandaise. L'Autruche et le Moineau. S.-Pétersbourg. 1910.—Тоже на англійскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. St.-Petersburg. 1910.
Верховской, П. В., проф. Юридическія условія присоединенія Финляндіи къ русской государственной территоріи. Варшава. 1910.
Владиміровъ, В. Революція въ Финляндіи при кн. Иванѣ Оболенскомъ. Спб. 1905.—Тоже на англійскомъ яз. London. 1911.
Главнѣйшія событія и мѣропріятія правительства въ періодъ 1905—1909 г.г. Спб. 1910.
Державныя права Россіи на Финляндской окраинѣ. Спб. 1911. **Доколѣ, о Господи!...** Спб. 1913.
Евреиновъ, Г. А. Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб. 1908.
Ewreinoff, G. Zur finnischen Frage. St.-Petersburg. 1909.—Тоже на французскомъ яз. St. Pétersbourg. 1910.
Еленевъ, Ѳ. Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.
Elénew, Th. Les prétentions des séparatistes finlandais. Paris. 1895 г.
Изнанка революціи вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства. Спб. 1906.— Тоже на французскомъ яз. St-Pétersbourg. 1909.
Каменскій, Н. Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства. Спб. 1908.
Карелинъ. Путеводитель по Финляндіи. Спб. 1911.—Изд. 2-е дополненное. Спб. 1913.—Тоже на англійскомъ яз. London. 1912.
Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Вел. Кн. Финляндскаго. Т. I (А—І), т. II (К—П), т. III (Р—Я). Спб. 1907—1909.

Николай Вальтеръ.

ИЗНАНКА ФИНЛЯНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Финляндская печать о финляндцахъ.

Матеріалы для очерка финляндскихъ нравовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Бр. В. и И. Линникъ, Гончарная, 7.
1913.

ГН41
В191 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1930
27
26808 У

Оглавленіе.

СТРАНИЦЫ.

Предисловіе. . . . . IX—XXVIII.

Перечень финляндскихъ газетъ и журналовъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ изданіи въ качествѣ источниковъ . . . . . XXVIII.

Глава первая.—Нравы.

1. **Преступность**. Развитіе преступности (1). Преступность среди финновъ въ Америкѣ (5). Преступность среди малолѣтнихъ (5) . . 1—7

2. **Пьянство**. Финляндія страна трезвости (7). Отсутствіе пьяныхъ на улицахъ, какъ результатъ хорошей системы подбиранія пьяныхъ (8). Отзывъ Министра Статсъ-Секретаря фонъ-Дена о склонности финновъ къ пьянству (10). „Развитіе пьянства грозитъ уничтоженіемъ финской націи“ (10). Количество спиртныхъ напитковъ, потребляемыхъ въ Финляндіи (11). Случаи пьянства общественныхъ дѣятелей (11), пасторовъ (11), полицейскихъ (12), фискаловъ (14). Пьянство финляндскихъ матросовъ на пароходѣ „Екатеринославъ“ (15). Скандалы у питейныхъ заведеній (15). Шведская газета „Aftonbladet“ о пьянствѣ финновъ въ приграничномъ шведскомъ городкѣ (15). Развитіе тайной продажи вина (16). Контрабандный провозъ спиртныхъ напитковъ изъ-за границы (17). Бездѣйствіе полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія корчемства (18). Развитіе тайнаго винокуренія (20). Суррогаты алкоголя (23) . . . . . 7—24

3. **Буйства, драки, ножевщина**. Отзывы финляндскихъ газетъ о развитіи этихъ явленій (24). Празднованіе Иванова дня (26). Рождественскіе праздники (28). Битье стеколъ (29). „Кровавыя свадьбы“ (29). Ярмарки (30). Убійства въ дракахъ (30). Буйства интеллигенціи (31). Вечера рабочихъ обществъ (31). Буйства молодежи (32). „Karjala“ о некультурныхъ явленіяхъ въ Кареліи (32). Картежная игра, оканчивающаяся драками (33). Роль ножа „puukko“ въ дракахъ (34). Газеты о необходимости запретить ношеніе ножа (37). Развитіе хулиганства (39) . . . . . 24—40

4. **Проявленіе жестокости къ членамъ семьи**. Случаи жестокаго обращенія съ членами семьи (40). Дѣтоубійства (41). Вопросъ объ ослабленіи наказаній за вытравленіе плода (41). Отцеубійства (42). Убійства женъ и мужей (42) . . . . . 40—43

5. **Проявленіе жестокости и дикости въ отношеніи животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ**. Случаи жестокаго обращенія съ животными (43). Уничтоженіе сада (46). Покушенія на крушеніе поѣздовъ (46). Порча телефоновъ и телеграфовъ (47) . . . . . 43—47

6. **Самоуправство и неповиновеніе закону**. Случаи кулачныхъ расправъ (48). Истязанія и самоуправныя дѣйствія полицейскихъ чиновъ (49). Сопротивленіе полиціи (52). Противодѣйствіе переписи населенія (53). Нарушеніе правилъ объ охотѣ (53) . . . . . 48—54

7. **Ограждена ли въ Финляндіи собственность**. Восторженный отзывъ о финляндской честности нѣмецкой газеты (54). Статистическія данныя о преступленіяхъ противъ права собственности въ Финляндіи (55). Отзывы газетъ о развитіи въ Финляндіи воровства и грабежей (55). Убійства съ цѣлью грабежа (56). Вымогательства (57). Мошенничества (57). Поджоги (58). Подлоги (58). Поддѣлка денежныхъ знаковъ (59). Растраты (61). Коммерческіе нравы (64). Дѣло сѣменной фирмы „Агросъ“ (65). Другія мошенничества въ купеческой средѣ (66). Банкротства (67). Ростовщичество (69). Отношеніе къ русскимъ дачникамъ (70). „Uusi Aura“ о финской честности (70) . . . . 54—71

СТРАНИЦЫ.

8. **Развитіе безнравственности**. Отзывы газетъ о развитіи безнравственности (71). Легкость нравовъ деревенской молодежи (73). „Ночныя похожденія“ (73). „У гловые танцы“ (74). „Танецъ бодуновъ“ (75). Невысокое состояніе супружеской вѣрности (75). Паденіе нравовъ въ городахъ (75). Случаи безнравственнаго поведенія полицейскихъ (78) и пасторовъ (78). Изнасилованіе и растлѣніе малолѣтнихъ (80). Скотоложство (82). Сеймъ и борьба съ безнравственностью (82). Безнравственныя лекціи и брошюры д-ра Таннера (83). Ослабленіе чувства стыдливости (83). Развитіе венерическихъ болѣзней (84) . . . . . 71—84

Глава вторая.—Школа.

1. **Общія замѣчанія**. Хорошая постановка школьнаго дѣла въ Финляндіи (85). Поголовная грамотность населенія зависитъ отъ требованій, предъявляемыхъ лютеранской религіей (85). Содержаніе школъ тяжело отзывается на бюджетахъ сельскихъ общинъ (86). Положеніе учителей и отношеніе ихъ къ преподаванію (89) . . . . . 85—89

2. **Тѣлесныя наказанія въ школахъ**. Установленныя закономъ наказанія (89). Истязанія учениковъ учителями (90). Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній рекомендуется учителямъ въ учительскихъ семинаріяхъ (94). Учителя на съѣздахъ высказываются за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній (95). Вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ на Сеймѣ (95) . . . . . 89—97

3. **Нравы учащихъ и учащихся**. Случаи безнравственнаго поведенія учителей (97). Нравы учениковъ: буйства (98), половая распущенность (98), воровство (99). Кражи среди студентовъ университета (99). Похищеніе темъ для выпускныхъ экзаменовъ въ средней школѣ (100) . . . . . 97—101

4. **Направленіе школьнаго преподаванія**. Политика и партійность въ школѣ (101). Воспитаніе ненависти къ русскимъ (101). Характерныя особенности финляндской школы, въ которыхъ выражается антирусское направленіе преподаванія (103) . . . . . 101—103

Глава третья.—Лютеранское духовенство; отношеніе къ религіи.

1. **Лютеранское духовенство**. Вліятельное положеніе его (104). Пасторское землевладѣніе (104). Доходы пасторовъ (105). Взысканіе недоимокъ черезъ полицію (106). Положеніе помощниковъ пасторовъ и кистеровъ (106). Торгъ изъ-за платы за совершеніе требъ (107). Небрежное отношеніе пасторовъ къ своимъ обязанностямъ (107). Духовенство и соціализмъ (108). Случаи безнравственнаго поведенія пасторовъ (108). Случаи неисправнаго веденія книгъ (108). Политическое значеніе духовенства (109) . . . . . 104—111

2. **Отношеніе финляндцевъ къ религіи**. Упадокъ религіозности въ населеніи и уваженія къ пасторамъ (111). „Экзаменъ волосъ“ (112). „Церковные баре“ (112). Финляндцы перестаютъ крестить дѣтей (112). Вопросъ объ отмѣнѣ преподаванія Закона Божія въ школахъ (113). Характеръ посѣщенія церкви населеніемъ (113). Собаки въ церкви (113). Игра въ карты въ церкви (114). Скандалы при богослуженіи (114). Воскресный день крестьянина, по описанію писателя Пухакка (114) . . . . . 111—115

Глава четвертая.—Администрація и судъ.

1. **Чиновничество**. Большое количество чиновниковъ въ Финляндіи (116). Соціалистическія газеты называютъ ее „страною чиновниковъ“ (117). Матеріальная обезпеченность чиновниковъ (117). Необременительность занятій (118). Партійность и политиканство (118). „Пассивное сопротивленіе“ (118). Оппозиціонное настроеніе чиновниковъ по отношенію къ русской государственности и русской власти (122). Мѣры борьбы съ бунтарскимъ настроеніемъ финляндскаго чиновничества (123). Привлеченіе къ русскому суду за сопротивленіе примѣненію закона о равноправіи русскихъ (124). Нравственныя качества чиновничества: подкупность (126), растраты, подлоги, самоуправство (127), недобросовѣстное отношеніе къ обязанностямъ, злоупотребленіе служебнымъ положеніемъ (127) . . . . . 116—128

2. **Почта**. Злоупотребленія въ почтовомъ вѣдомствѣ (128). Циркуляры Почтоваго Управленія о борьбѣ съ злоупотребленіями (129). Дѣло почтъ-директора Ямалайнена (130) . . . . . 128—130

СТРАНИЦЫ.

3. **Полиція**. Благопріятное внѣшнее впечатлѣніе, производимое полиціей (130). Случаи безчинства, пьянства, безнравственности, самоуправства, истязаній и другихъ неблаговидныхъ поступковъ полицейскихъ (131). Полиція иногда потворствуетъ политическимъ демонстраціямъ (131). Полиція—какъ кадръ народной милиціи (132). Нравы сельской полиціи (133) . . . . . 130—133

4. **Желѣзныя дороги**. Состояніе желѣзнодорожной сѣти въ Финляндіи (133). Недостатки желѣзнодорожнаго сообщенія: малоудобные вагоны, незначительная скорость (134). Письмо русскаго о путешествіи по финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ (134). Столкновенія поѣздовъ (135). Поѣзда нагоняютъ другъ друга въ пути (136). Прибывающіе поѣзда не встрѣчаются на станціи агентами (136). „Спящій поѣздъ“ (137). Небрежное составленіе расписаній поѣздовъ (137). Финляндская печать о дурныхъ порядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ (138). Сокращеніе числа служащихъ (139). Провалъ потолка въ зданіи Управленія финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ (139). Партійность и политиканство при замѣщеніи должностей (140). Безпорядки на желѣзныхъ дорогахъ вызвали вмѣшательство Генералъ-Губернатора (141) . . . . . 133—141

5. **Финляндцы, какъ лоцманы и мореходы**. Неудовольствіе, вызванное подчиненіемъ лоцмановъ Морскому Министерству (141). Неполнота лоцманскихъ картъ (142). Шведская газета „Svensk Sjöfarts-tidning“ о финскихъ лоцманахъ (142). Выговоръ Директора лоцманскаго вѣдомства лоцманамъ за частыя аваріи судовъ (142). Случаи аварій судовъ, происшедшихъ за одинъ мѣсяцъ 1911 г. во внутреннихъ и внѣшнихъ финляндскихъ водахъ (143). Финляндская печать о хроническихъ аваріяхъ (144). Картина пароходной жизни въ Саволаксѣ (144) . . . . . 141—145

6. **Судъ и судьи**. Устарѣлость судебныхъ формъ (145). Финляндское судоустройство (146). „Kansan Lehti“ о недостаткахъ финляндскаго суда (146). Медленность (146). Письменность въ судебномъ производствѣ (146). Отсутствіе мирового института, суда присяжныхъ, спеціализація судей (148). Любовь финновъ къ сутяжничеству (148). Неопытные практиканты въ качествѣ судей (148). Ничтожная роль немдемановъ (149). Формальная оцѣнка доказательствъ (149). Очистительная присяга (149). Предвзятый взглядъ на обвиняемаго, какъ на преступника (150). Несовершенство предварительнаго слѣдствія (151). Лжесвидѣтельство (151). Двухлѣтній ребенокъ-свидѣтель (152). Осужденіе душевнобольной (152). Финляндское правосудіе съ точки зрѣнія русскаго адвоката (152). Анонимное письмо, какъ предлогъ для откладыванія дѣла (153). Примѣненіе цѣпей при арестованіи (154). Финляндскіе кандалы (154). Пристрастность и политиканство финляндскаго суда: дѣло фонъ-Карма (154). Наказанія за критику судебныхъ приговоровъ (155). Вынесеніе обвинительнаго приговора губернаторамъ, исполнявшимъ свой долгъ (155). Дѣло объ убійствѣ жандарма К. Сарда (158). Дѣло объ оскорбленіи жандарма Новикова (159). Дѣло газеты „Suomalainen Kansa“ объ оскорбленіи Генералъ-Губернатора (159). Дѣло Рейникка, покушавшагося на убійство Выборгскаго губернатора Мясоѣдова (159). Предположеніе объ изъятіи государственныхъ преступленій изъ вѣдѣнія финляндскихъ судовъ (160). Затягиваніе судомъ дѣла о преслѣдованіи разврата въ Выборгѣ (160). Затруднительность веденія процессовъ бѣдными людьми (160). Личный составъ судей (162). „Московскія Вѣдомости“ 1889 г. о недостаточной образованности судей (162). Курьезы, происходящіе отъ незнанія судьями финскаго языка (162). „Спящіе судьи“ (163). Юмористическій предсѣдатель суда (163). Оштрафованіе судьи за неумѣлое исполненіе обязанностей (163). Запаздываніе судей къ засѣданіямъ (163). Финляндская прокуратура (164) . . . . . 145—164

7. **Тюрьмы**. Переполненіе тюремъ (165). Газета „Dagens Tidning“ о неудовлетворительной постановкѣ тюремнаго дѣла въ Финляндіи (165). Восторженный отзывъ о тѣхъ же тюрьмахъ проф. М. Исаева (166). Отрицательный отзывъ о режимѣ финляндскихъ тюремъ русской революціонерки (166). Критика финляндскихъ тюремъ на Сеймѣ 1911 г. (167) . . . . . 165—168

Глава пятая.—Общественная жизнь.

1. **Печать**. Большое количество газетъ въ Финляндіи объясняется развитіемъ партійности (169). Даровая разсылка газетъ

СТРАНИЦЫ.

(170). Погоня за подписчиками (171). Газеты какъ органы отдѣльныхъ лицъ (171) . . . . . 169—172

2. Общественное самоуправленіе и городское благоустройство. Организація самоуправленія на имущественномъ принципѣ (172). „Uusi Suometar" о результатахъ шведскаго хозяйничанья въ Гельсингфорсѣ (172). Разоблаченія „Työmies" (173). Хозяйничанье соціалистовъ въ гор. Коткѣ (174) и въ Иломантской общинѣ (176). Внѣшнее благоустройство городовъ требуетъ большихъ средствъ (176). Заграничные городскіе займы (176) Картина благоустройства г. Гельсингфорса по описанію „Hufvudstadsbladet" (177). Газетная замѣтка о городскомъ благоустройствѣ г. Христинестада (177). Трамвайное дѣло въ Гельсингфорсѣ (178). Квартирный вопросъ въ Гельсингфорсѣ (178). Гельсингфорсскія бани (179) . . . . . 172—179

3. Общественное призрѣніе. „Karjala" о развитіи нищенства въ Финляндіи (179). Лекція Пяйвяйнсало о нищенствѣ (180). Неудовлетворительная постановка призрѣнія бѣдныхъ (180). „Финляндія въ этомъ дѣлѣ отстала отъ Швеціи и Даніи на 100 лѣтъ" (181). Съѣздъ по вопросу о призрѣніи бѣдныхъ оказался немноголюднымъ (181). Примѣры черстваго отношенія финляндцевъ къ бѣднымъ (182). Аукціоны бѣдныхъ (182). „Невольничій рынокъ" Юхани Ахо (186). Положеніе аукціонныхъ бѣдныхъ (187). Отсутствіе общественнаго надзора за призрѣваемыми (189). Неудовлетворительное состояніе домовъ призрѣнія (190). Призрѣніе внѣбрачныхъ и неимущихъ дѣтей (191) . . . . . 179—193

4. Больницы и врачи. Неудовлетворительное состояніе медицинской помощи въ Финляндіи (193). Развитіе туберкулеза (194). Развитіе дѣтской смертности (195). Неудовлетворительная постановка призрѣнія душевнобольныхъ (196). Случаи сваренія больныхъ въ кипяткѣ въ Питкяніемиской больницѣ (198). Безпорядки въ другихъ домахъ для душевнобольныхъ (200). Безпорядки въ разныхъ другихъ больницахъ (201). Случаи недобросовѣстнаго отношенія врачей къ больнымъ (203). Докторъ Сиверсъ, какъ директоръ медицинскаго вѣдомства (204) . . . . . 193—205

5. Сельское землевладѣніе. Гебгардъ о распредѣленіи сельскаго населенія Финляндіи (205). Характеристика финляндскихъ крестьянъ землевладѣльцевъ (205). Положеніе торпарей-арендаторовъ по книгѣ соціалдемократки А. Колонтай и по письму торпаря въ „Московскія Вѣдомости" (206). Арендные договоры (207). Положеніе торпарей въ культурномъ отношеніи (209). Средневѣковые законы объ арендованіи земли (209) Законъ 1909 г. и инцидентъ съ его опубликованіемъ (210). Случаи выселенія торпарей послѣ изданія закона 1909 г. (212). Бобыли (213). Распространеніе въ Финляндіи соціализма, какъ слѣдствіе ненормальности земельныхъ отношеній (213) . . . . . 205—213

Глава шестая.—Отношеніе къ русскимъ.

1. Общія замѣчанія. Неосновательность утвержденій о лойяльности финляндцевъ (214). Шведскіе публицисты о финляндской измѣнѣ какъ явленіи не новомъ (214). Примѣры отзывовъ финляндскихъ газетъ о Россіи и русскихъ (216). Оцѣнка финляндскихъ отношеній къ русскимъ въ брошюрѣ В. Курберга (216) . . . . . 214—217

2. Отношеніе къ православной церкви. Положеніе православной церкви въ Финляндіи по общегосударственному закону и по толкованію финляндцевъ (217). Какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники въ двадцатыхъ годахъ XIX в. (218). Отношеніе къ присягѣ по православному обряду (219). Издѣвательство надъ православіемъ въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в. (220). Современное отношеніе финляндцевъ къ православію (221) Оштрафованіе православныхъ за несоблюденіе лютеранскихъ праздниковъ (222). Необходимость для православныхъ посѣщать лютеранскія кирки (222). Непризнаваніе православнаго вѣнчанія при смѣшанныхъ бракахъ (223). Отношенія населенія къ православію (223). Оплеваніе русскихъ священниковъ (224). Дѣло о глумленіи надъ иконами въ финляндскомъ судѣ (225). Оскорбленіе священника, ѣхавшаго со Св. Дарами (226). Финны на островѣ Валаамѣ (227). Отзывъ архіепископа Сергія о положеніи православія въ Финляндіи (229). Борьба съ православіемъ въ Кареліи (230) . . . 217—231

3. Отношеніе къ русскимъ торговцамъ. Преслѣдованіе русскихъ коробейниковъ ведетъ начало отъ шведскаго владычества (231).

Финляндское законодательство направлено къ преслѣдованію коробейниковъ (232). Постановленіе 1900 г. и финляндскія власти (232). Бойкотированіе русскихъ купцовъ и товаровъ (234) . . . . . 231—235

4. Отношеніе къ представителямъ русской арміи и власти. Удостовѣреніе В. Курберга о существованіи враждебныхъ отношеній къ русскимъ войскамъ (235). Разсказъ русскаго офицера Жерве (235). „Воспоминанія о Финляндіи" (236). Открытыя нападенія на русскихъ военныхъ (238). Задѣваніе часовыхъ у дома Генералъ-Губернатора (239). Стрѣльба по военнымъ воздушнымъ шарамъ (239). Оскорбительныя выходки по отношенію къ Генералъ Губернатору (240). Примѣры газетныхъ отзывовъ о чиновникахъ Генералъ-Губернатора (240). Отказы сдавать квартиры русскимъ (241) . . . . . 235—242

5. Отношеніе къ эмблемамъ русской государственности. Случаи неуваженія къ общегосударственному флагу и гербу (242). Выставленіе фантастическихъ флаговъ (243). Прусскія власти и датскія цвѣта въ С. Шлезвигѣ (243). „Waasa" о нежеланіи финляндцевъ примѣнять общегосударственный флагъ (244) . . . . . 242—244

6. Дѣла объ оскорбленіи Величества. Статистика дѣлъ, возбужденныхъ въ 1905—1910 гг. (244). Примѣръ разбирательства подобнаго дѣла (245). Достойна ли Финляндія пользоваться свободою печати (245).

Къ вопросу о равноправіи русскихъ въ Финляндіи (246) . . . 242—246

Заключеніе.

Ожидаемыя возраженія (247). Указаніе отрицательныхъ сторонъ не есть очеркъ нравовъ (247). Сознаютъ ли финляндцы свои недостатки (248). Финляндское самомнѣніе (248). Рекламный характеръ финляндской культуры (249). Заграничная агитація (249).

Перечень отрицательныхъ сторонъ финляндской жизни (251).

Въ правѣ ли финляндцы гордиться своей культурой передъ русскимъ народомъ (253) . . . . . 247—256

Предисловіе.

„Ужасно многаго не хватаетъ намъ для того, чтобы мы могли назвать себя культурнымъ народомъ".
„Raja Karjala", 1911, № 82.

Однимъ изъ слѣдствій реформъ Великаго Преобразователя Россіи Петра I явилось преклоненіе русскаго общества передъ всѣмъ, къ чему такъ или иначе могъ быть приложенъ эпитетъ „иностранный" или „заграничный". И въ этомъ не было ничего удивительнаго. Внезапный, можно сказать, оптовый ввозъ благъ и плодовъ западно-европейской культуры не могъ не поразить воображенія русскаго общества, дотолѣ стоявшаго на низкой, сравнительно, ступени развитія. Могущество западно-европейскаго знанія было слишкомъ велико, эффектъ новой западно-европейской техники слишкомъ грандіозенъ. Граничившее съ суевѣрнымъ страхомъ уваженіе, которое это знаніе, по справедливости, внушало полуобразованному русскому обществу, было перенесено на представителей западно-европейской культуры, а затѣмъ и вообще на всѣхъ иноземцевъ. Не только въ народной психикѣ, но и въ психикѣ высшихъ классовъ русскаго населенія представленіе о культурѣ, о наукѣ и вообще о болѣе высокой цивилизаціи прочно ассоціировалось съ представленіемъ объ иностранцахъ. Эта ассоціація вкоренилась настолько глубоко, что много позже, когда русское мышленіе, русская наука и русская литература поднялись до западно-европейскаго уровня, всякій иностранецъ, независимо отъ его качествъ, продолжалъ пользоваться въ глазахъ русскаго общества особымъ уваженіемъ и даже привилегированнымъ положеніемъ. Консерватизмъ общественной психики сказался въ данномъ случаѣ во всей своей силѣ. Успѣхи отечественной культуры не смогли разрушить ореола культуртрегерства, которымъ общество изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкло окружать иностранцевъ. Въ концѣ концовъ преклоненіе передъ иностранцами сдѣлалось характерною особенностью русскаго сознанія, которую отмѣчаютъ не только русскіе, но и многіе иностранные писатели.

Указанное явленіе, при всей своей характерности для русскаго общества въ его прошломъ, а отчасти и въ настоящемъ, само по себѣ ничего исключительнаго не представляетъ. Можно указать не мало аналогичныхъ примѣровъ изъ жизни другихъ націй. Въ частности дореформенная Германія страдала, съ конца XVIII вѣка вплоть до середины XIX, въ высокой степени франкоманіей, которая начала исчезать и исчезла съ развитіемъ германской культуры и германскаго національнаго самосознанія. Такая же судьба, вѣроятно, постигнетъ и русское преклоненіе передъ ино-

странцами. Но пока это явленіе живо. Русская общественная психика еще не отдѣлалась отъ навязчивой идеи превосходства всего иностраннаго. Она все еще болѣетъ чрезмѣрнымъ уваженіемъ передъ Западной Европой и передъ всѣмъ, что носитъ отпечатокъ послѣдней.

Частнымъ случаемъ этой болѣзни несомнѣнно слѣдуетъ считать и столь распространенное въ Россіи финнофильство. Финнофильство, какъ извѣстно, выражается двумя направленіями. Во-первыхъ, рѣшительно отрицательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ мѣрамъ правительства, стремящагося къ вполнѣ естественному юридическому объединенію Финляндіи съ остальной Россіей, и, во-вторыхъ, фанатическимъ уваженіемъ къ финляндской культурѣ. Это преклоненіе передъ финляндской культурой во всемъ ея объемѣ, во что-бы то ни стало, является даже основнымъ моментомъ всего финнофильства. Финляндская культура — это ultima ratio всякаго финнофила, стремящагося опорочить объединительныя мѣры правительства. Излюбленный діалектическій пріемъ защитниковъ финляндскихъ привилегій—ссылка на опасность, которой правительственныя мѣропріятія подвергаютъ финляндскую культуру. Что такое финляндская культура, каковы ея основныя черты, достоинства и недостатки, въ этомъ финнофильское направленіе себѣ никакого отчета не отдаетъ. Финляндская культура — фетишъ, не подлежащій критической оцѣнкѣ.

Такое отношеніе къ финляндской культурѣ со стороны сектантскаго финнофильства вполнѣ понятно. Гдѣ царитъ фетишизмъ, тамъ нѣтъ мѣста критикѣ нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Все разсматривается черезъ опредѣленную призму, которая задерживаетъ лучи нежелательной части спектра, пропуская только то, что въ данный моментъ желательно. Результатомъ этого являются вполнѣ понятная предубѣжденность и неразрывно съ нею связанная неосвѣдомленность.

Какъ велика неосвѣдомленность русскаго общества относительно сущности финляндской культуры — это съ замѣчательной очевидностью обнаружилось, когда финляндскій вопросъ былъ вынесенъ покойнымъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ на судъ русскаго народнаго представительства. Противники юридическаго объединенія Финляндіи съ остальной Россіею боролись всѣми силами противъ предложеннаго правительствомъ законопроекта объ общегосударственномъ законодательствѣ. Въ короткое время создалась обширная литература. Защитники привилегированнаго положенія Финляндіи постоянно ссылались на опасность проектированныхъ мѣръ для финляндской культуры. И тѣмъ не менѣе, съ финнофильской стороны не было написано ни одной брошюры, не было произнесено ни одной рѣчи, въ которой было-бы доказано по существу превосходство финляндской культуры по сравненію съ русской. Вся аргументація финнофиловъ основывалась на слѣпомъ признаніи неприкосновенности финляндской культуры и ея безусловномъ превосходствѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что сторонники юридическаго объединенія Финляндіи съ остальной Россіей обнаружили по отношенію къ этой части аргументаціи своихъ противниковъ какую-то непонятную слабость. Правда, на ихъ сторонѣ было преимущество государственной точки

зрѣнія, и они могли, до извѣстной степени, игнорировать ссылку на необычайную цѣнность финляндской культуры. Однако, отъ нихъ слѣдовало ожидать болѣе критическаго отношенія къ фетишу русскаго общества. Можно съ увѣренностью утверждать, что разрѣшеніе наболѣвшаго вопроса прошло бы скорѣе, если бы слабость главной предпосылки противниковъ общегосударственнаго законодательства была своевременно обнаружена. И сдѣлать это, какъ кажется, было нетрудно. Достаточно было хоть немного обнажить передъ глазами русскаго общества изнанку прославленной финляндской культуры.

Цѣль этой книги—нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ въ полемикѣ по финляндскому вопросу; конечно, только отчасти, потому что для полной побѣды надъ вѣковымъ предубѣжденіемъ русскаго общества необходимо издать всестороннее и очень подробное изслѣдованіе о финляндской культурѣ. Современемъ это кѣмъ-нибудь, вѣроятно, и будетъ сдѣлано. Но пока авторъ этой книги задался болѣе скромной задачей—предложить на разсмотрѣніе русскаго читателя нѣкоторыя стороны финляндской жизни, которыя игнорируются предубѣжденными финнофилами, а людямъ объективнымъ совершенно неизвѣстны.

Авторъ очень далекъ отъ мысли опорочивать финляндскую культуру во всѣхъ ея проявленіяхъ. Эта культура безусловно европейская по своему происхожденію и уже въ силу этого заслуживаетъ уваженія. Болѣе того, она имѣетъ свои всѣмъ извѣстныя преимущества, отрицать которыя было бы нелѣпо. Но ей присущи, какъ всякой другой культурѣ, и недостатки и притомъ въ такой мѣрѣ, которая отнюдь не приличествуетъ культурѣ высшей, культурѣ—фетишу. Эти недостатки должны быть извѣстны всякому и въ особенности тѣмъ, кто аргументируетъ ссылками на совершенно особую цѣнность финляндской культуры. Не надо забывать, что признаніе такой цѣнности за финляндской культурой опорочиваетъ нашу отечественную культуру, которая, несмотря на свою относительную молодость, имѣетъ свои хорошія стороны. Въ виду этого авторъ считаетъ умѣстнымъ и своевременнымъ предложить вниманію читателей собранные имъ факты, иллюстрирующіе тѣневыя стороны финляндской жизни. Онъ дѣлаетъ это съ совершенно спокойной совѣстью, прежде всего потому, что *собранные въ этой книгѣ факты взяты, за немногими исключеніями, изъ финляндскихъ источниковъ и притомъ за сравнительно короткій срокъ* послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ, причемъ, какъ увидитъ читатель, иногда цѣлый рядъ фактовъ приводится лишь за одинъ 1911 годъ. Кромѣ того,—положительныя стороны финляндской культуры, благодаря вышеуказанному чрезмѣрному преклоненію передъ ней, извѣстны всѣмъ слишкомъ хорошо.

* * *

Какъ мы увидимъ, даже въ самой финляндской прессѣ нерѣдко проскальзываютъ характеристики финляндской культуры, далеко не соотвѣтствующія тѣмъ представленіямъ о ней, которыя сложились въ нашемъ обществѣ.

Критикой финляндской культуры занимаются не только соціалистическія газеты, не упускающія случая подчеркнуть тѣ или другіе недостатки

„буржуазнаго строя“ Финляндіи; и въ газетахъ другихъ лагерей отъ времени до времени можно найти весьма нелестную оцѣнку мѣстной культуры.

Такъ, напримѣръ, никто изъ насъ никогда не сомнѣвается въ томъ, что Финляндія—страна трезвости. Между тѣмъ старофинская газета „Uusi Suometar“ (см. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 133) удостовѣряетъ, что „въ Гельсингфорсѣ—этомъ центрѣ культуры Финляндіи—пьютъ какъ нигдѣ“. Младофинская „Laatokka“ (1911 г., № 37) приводитъ мнѣніе одного мѣстнаго общественнаго дѣятеля, что въ Финляндіи пьянство настолько развито, что „дальнѣйшее распространеніе его можетъ грозить уничтоженіемъ самой финской націи“. Старофинская газета „Lahti“ (1911 г., № 102) говоритъ, что сильное развитіе пьянства въ Финляндіи слѣдуетъ считать главнымъ факторомъ, способствующимъ развитію преступности. „Пьянство, развратъ и лѣность стали обычными явленіями въ Финляндіи“, по словамъ младофинской „Karjala“ (1910 г., № 172).

Такъ отзываются о пьянствѣ финновъ финляндскія газеты, даже не соціалистической партіи. Не менѣе рѣзкіе отзывы могутъ быть приведены о развитіи преступности и, въ особенности, о специфически финляндскомъ явленіи—буйствахъ, дракахъ и ножевщинѣ, нерѣдко кончающихся убійствами. Такъ, въ старофинской „Uusi Suometar“ (1909 г., № 281) читаемъ: „Не проходитъ дня, чтобы въ газетахъ не было сообщеній о ножевой расправѣ, дракахъ и убійствахъ. Зашли такъ далеко, что въ газетахъ завелся на опредѣленномъ мѣстѣ особый отдѣлъ „ножевщины“ на-ряду съ отдѣломъ „спортъ“. „Не проходитъ дня безъ того, чтобы не случилось чего-либо ужаснаго, пишетъ младофинская „Helsingin Sanomat“ (1910 г., № 59). Ножевыя расправы и убійства прямо таки относятся къ порядку дня“. „Не проходитъ дня безъ того, чтобы гдѣ нибудь въ странѣ не зарѣзали человѣка самымъ звѣрскимъ образомъ, иногда по самымъ пустяшнымъ причинамъ, причемъ убійцы оправдываются тѣмъ, что они были настолько пьяны, что ничего не помнятъ“, говоритъ финская газета „Pohjanmaa“ (1911 г., № 94).

Газета „Raja Karjala“ (1911 г., № 82), отмѣчая нѣсколько происшедшихъ почти одновременно убійствъ, пишетъ, что ножъ, этотъ пресловутый „пуукко“, сдѣлался своего рода „національнымъ оружіемъ“. „Эти проявленія грубости, по словамъ газеты, безпощадно клеймятъ уровень образованности среди низшихъ классовъ населенія нашей страны именемъ настоящей „ножевой культуры“.

Отмѣчая „крайнее невѣжество“ и „звѣрскую грубость“ народныхъ массъ, названная газета безъ обиняковъ говорила: „Ужасно многаго еще недостаетъ для того, чтобы мы могли назвать себя культурнымъ народомъ. Вѣдь тамъ, гдѣ праздники проводятъ такимъ образомъ, и гдѣ такія кровавыя дѣянія случаются непрестанно, тамъ нельзя говорить о культурности, тамъ нѣтъ ея!“

Старофинская газета „Wiipuri“ (см. „Финляндскую Газету“, 1912 г., № 108) утверждала, что безъ дракъ, ножевщины, пьянства, скандаловъ и т. п. безчинства не обходится ни одно устраиваемое въ Финляндіи общественное или семейное празднество. Газета сожалѣла, что „всѣ эти печальныя

„прибавленія“ празднествъ, служа неоспоримымъ доказательствомъ грубости и дикости финляндскаго народа, въ то же самое время очень вредны и прежде всего потому, что они роняютъ авторитетъ финляндскаго народа въ глазахъ посѣщающихъ Финляндію туристовъ“.

При этомъ газета особенно печальнымъ находила, что „варварство финскаго народа совершенно не поддается „излѣченію“. Съ нимъ всѣми силами борются просвѣтительныя учрежденія Финляндіи, борются общины и полиція, борются, наконецъ, губернаторы, на это тратится масса энергіи и денегъ, но все напрасно—варварство, грубость и звѣрство не только не уменьшаются, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе процвѣтаютъ“. Причинами этого печальнаго явленія, этой „непобѣдимости варварства“, по мнѣнію газеты, нужно считать, во-первыхъ, индифферентность властей, во-вторыхъ, неразвитость финскаго народа. Газета утверждала, что не было случая, чтобы власти сами, безъ посторонняго вліянія, привлекли преступника къ отвѣтственности. „Что же касается финскаго народа, то послѣдній настолько еще не развитъ, что даже не считаетъ происходящихъ среди него безобразій дѣйствительно безобразіями, своей дикости—дикостью“.

„Мы весьма склонны увѣрять себя, пишетъ младофинская газета „Karjala“ (1913 г., № 72), что просвѣщеніе нашего народа стоитъ на очень высокой степени. Но какъ ни пріятно было бы это, однако, постоянныя, грубыя проявленія дикости говорятъ столь яснымъ языкомъ, что нравственное достоинство нашего народа выступаетъ въ очень сомнительномъ освѣщеніи. Объ этомъ приходится говорить постоянно, столь часто бываютъ указанныя печальныя явленія. Мы имѣемъ въ виду особенно *одичаніе нашей молодежи*. У насъ теперь дѣло дошло до того, что воскресные и особенно праздничные дни, предназначенные для духовнаго освѣженія и отдыха, дѣлаются днями позора для нашего народа, когда низменныя наклонности отбросовъ выступаютъ наружу во всемъ своемъ безобразіи“. Газетныя описанія рождественскихъ, пасхальныхъ и другихъ большихъ праздниковъ представляютъ, по словамъ „Karjala“, „прямо поразительныя сообщенія объ убійствахъ, нанесенныхъ ножами ранахъ, истязаніяхъ, ночныхъ убійствахъ, скандалахъ на празднествахъ и т. д. безъ конца. И, тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ случаи отмѣчаются въ газетахъ. Развѣ это признаки народа культурнаго?,“—восклицала въ отчаяньи газета.

Указывая на происшедшій во время пасхальныхъ праздниковъ 1913 года въ Сякки-Ярви скандалъ, когда толпа хулигановъ вторглась на вечеръ общаго праздника молодежи, причемъ собравшаяся на вечеръ публика еле спаслась бѣгствомъ черезъ окна изъ помѣщенія, гдѣ происходило настоящее сраженіе въ миніатюрѣ,—„Karjala“ писала: „Подобные же и даже болѣе поразительные случаи имѣли мѣсто во время пасхальныхъ праздниковъ и въ другихъ мѣстахъ, и съ увѣренностью можемъ сказать, что въ предстоящій Троицынъ день накопившійся въ нашемъ народѣ гной вновь выльется наружу въ столь же отвратительномъ видѣ. Все это, кажется, происходитъ отъ того, что *этого гноя такъ безконечно много*, что *его въ нашемъ обществѣ несравненно болѣе, чѣмъ мы думаемъ*. Вѣрно и то, что общественное мнѣніе у насъ еще не относится къ подобнымъ явленіямъ съ должною строгостью, почему распущенность перешла всякія границы“...

„Но отцы и матери, сосѣди и подлежащія власти, а также всѣ, кто можетъ повліять на развитіе общества, натяните крѣпче вожжи, кончала свою статью „Karjala". А то если все останется по-прежнему, жизнь сдѣлается нестерпимою, и о нашемъ народѣ разойдется по всему свѣту такая слава, что *мы будемъ отнесены къ числу дикихъ народовъ*. И врядъ ли тогда это будетъ несправедливостью".

Между прочимъ, характернымъ проявленіемъ „звѣрской грубости" и „дикости" нравовъ въ Финляндіи служатъ отзывы газетъ о распространеніи дѣтоубійствъ. Газета „Uusi Suometar" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 76) отмѣчала, что „ужасныя сообщенія о дѣтоубійствахъ сдѣлались повседневными". Далѣе, характерны случаи истязанія животныхъ. Та же старофинская „Uusi Suometar" (1912 г., № 130) писала: „какъ часто приходится слышать и читать, что въ одной мѣстности животное исколотили палкою, въ другой изрѣзали ножами и т. д. Та же самая безсердечность и жестокость, по словамъ газеты, проявляются и въ часто наблюдаемыхъ въ Финляндіи случаяхъ поджога складовъ сѣна и фуража".

Конечно, каждому изъ насъ приходилось слышать, что Финляндія—страна законности и порядка. Поэтому, тѣмъ неожиданнѣе явятся для читателя сообщенія о частыхъ случаяхъ самоуправства и кулачныхъ расправъ, наблюдаемыхъ во всѣхъ слояхъ общества Финляндіи. Равнымъ образомъ, отмѣчаются случаи противодѣйствія переписи и незаконной охоты. По словамъ младофинской газеты „Karjala" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 146), „если *подобное нарушеніе законовъ является общимъ среди нашего народа*, то, безъ сомнѣнія, оно уменьшаетъ въ подростающемъ поколѣніи уваженіе къ святости закона".

Кажется, гордостью финляндцевъ всегда является исключительная честность. И что же? Младофинская газета „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 153), констатируетъ фактъ „поразительнаго развитія въ Финляндіи воровства". Старофинская „Uusi Suometar" (1912 г., № 54) утверждаетъ, что подлоги векселей и вообще разнаго рода финансовыя шулерства дѣлаются въ Финляндіи самымъ обычнымъ явленіемъ", что „нѣтъ ни одного газетнаго нумера, въ которомъ не сообщалось бы о подобнаго рода фактахъ". Младофинская „Karjala" (1912 г., № 68) открываетъ намъ, что „въ пограничныхъ мѣстностяхъ *общепринято быть нечестными въ коммерческихъ дѣлахъ съ русскими*". А приведенная въ отчаяніе старофинская „Uusi Aura" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 174) восклицаетъ: *Было бы самое лучшее, если бы о такъ называемой „финской честности" никогда ничего не говорили*, если же о ней говорили раньше, то давнымъ давно настала пора о ней замолчать!"

Столь же нелестные отзывы читаемъ и о положеніи въ странѣ половой нравственности. „Всякій, кто хотя немного ходилъ съ открытыми глазами по городу и деревнѣ, читаемъ въ старофинской газетѣ „Lahti" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 109), каждый день могъ наблюдать, насколько сильно расшатаны нравственныя понятія современнаго поколѣнія и насколько сильно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ измѣнилось къ худшему міросозерцаніе". Младофинская „Kalewa" (1911 г., № 282), касаясь вопроса о постоянно повторяющихся въ Финляндіи случаяхъ изнасилованія и растлѣнія молодыхъ дѣвушекъ, говоритъ, что „нравственность нашего народа пала въ угрожающей степени". По удостовѣренію младофинской „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 147), „въ Гельсингфорсѣ проституція процвѣтаетъ въ необычайныхъ размѣрахъ. Тайныхъ увеселительныхъ домовъ—изобиліе. Сверхъ того, безнравственность творится даже въ экипажахъ извозчиковъ: крытые экипажи обращены въ настоящіе притоны разврата. Улицы съ 11 часовъ вечера и до 3 часовъ ночи полны женщинами".

Изъ многочисленныхъ газетныхъ сообщеній мы узнаемъ, что въ финляндскихъ школахъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣняются тѣлесныя наказанія, переходящія нерѣдко въ истязанія. „Въ газетахъ почти ежедневно приходится читать о новыхъ случаяхъ жестокаго обращенія учителей финляндскихъ народныхъ школъ со своими учениками", пишетъ соціалистическая газета „Työ" (1911 г., № 56). Необходимость примѣненія тѣлесныхъ наказаній отстаивалась въ 1911 году на съѣздѣ народныхъ учителей въ Улеаборгѣ къ большому конфузу мѣстной печати. „Подобная тактика не дѣлаетъ чести финляндскимъ учителямъ, писала по этому поводу младофинская газета „Laatokka" (1911 г., № 72). Тѣлесныя наказанія не считаются болѣе подходящимъ воспитательнымъ средствомъ... Къ тому же они часто ведутъ къ злоупотребленіямъ, въ виду чего было бы лучше совсѣмъ ихъ отмѣнить. Съ какой бы стороны ни взглянуть на дѣло, рѣшеніе учительскаго съѣзда нельзя оправдать. Принявъ его, съѣздъ доказалъ свое убожество" и т. д.

Какъ въ обществѣ, такъ и въ школѣ, газетами отмѣчается паденіе нравственности. Встрѣчаются учителя, насилующіе своихъ ученицъ; сообщается о скандалахъ на почвѣ нарушенія нравственности въ школахъ совмѣстнаго обученія; наконецъ, отмѣчается о развитіи воровства не только среди школьниковъ, но даже среди студентовъ Гельсингфорсскаго Университета. „Неужели ничего нельзя подѣлать для прекращенія кражъ въ университетскомъ домѣ?"—писала по поводу послѣдняго явленія старофинская „Uusi Suometar" (1911 г., № 286). „Нельзя бы, повидимому, и мысли допускать о томъ, чтобы въ такихъ мѣстахъ, которыя посѣщаются или должны бы посѣщаться исключительно студентами, происходили кражи. Въ помѣщеніяхъ студентовъ, особенно въ передней, передъ читальнымъ заломъ, *кражи сдѣлались обычными явленіями*, не взирая на то, что въ передней имѣется швейцаръ, а то и два".

Отрицательной стороной финляндской школы является внесеніе въ школу партійности и антирусскаго направленія. „Попробуйте только еще десятокъ лѣтъ воспитывать молодежь въ духѣ безпартійности и вы увидите поколѣніе, которое въ народномъ дѣлѣ (?) не будетъ понимать ничего!"—пишетъ старофинская „Wiipuri" (1911 г., № 22). Съ другой стороны, по словамъ соціалистическаго „Työmies" (1909 г., № 250), „*постоянною задачею финской школы было раздувать въ финскомъ селянинѣ ненависть ко всему русскому*". „*Финляндскій патріотизмъ училъ всѣмъ сердцемъ презирать русскаго мужика*; къ нему систематически, начиная съ народной школы и кончая университетомъ, внушали національную ненависть, о варварствѣ его говорилось съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ дьявольскою насмѣшкою, кровь его считалась по сравненію съ кровью финна равною грязи"...

Представляемъ судить читателямъ, насколько подобное направленіе школьнаго преподаванія отвѣчаетъ истиннымъ задачамъ школы.

Въ послѣдніе годы въ Финляндіи соціалистическою печатью открыта усиленная борьба противъ духовенства и церкви, благодаря чему то и дѣло открываются темныя стороны изъ жизни лютеранскаго духовенства въ видѣ безнравственнаго поведенія, пьянства, небрежнаго исполненія обязанностей и т. п. Съ другой стороны отмѣчается полный упадокъ религіозныхъ чувствъ въ населеніи, которое, по словамъ соціалистической газеты „Kansan Lehti" (1909 г., № 247), или не посѣщаетъ церквей, или „идетъ въ церковь и слушаетъ, какъ пасторъ проповѣдуетъ; выйдя же изъ церкви, смѣется надъ всею проповѣдью". „Самое поведеніе молящихся, если можно только такъ называть еще посѣтителей церквей, пишетъ другая соціалистическая газета „Työmies" (1909 г., № 207), теперь таково, что заставляетъ церковные совѣты придумывать мѣры принужденія публики вести себя въ церкви прилично, а то „посѣтители церкви, въ особенности молодежь, совершенно забываютъ, гдѣ они и какъ они должны вести себя: они безобразничаютъ, какъ на постояломъ дворѣ".

Отмѣчая, что добровольные сборы на церковь сдѣлались предметомъ шутокъ, такъ какъ въ церковныя кружки опускаются, вмѣсто монетъ, пуговицы и т. п., даже буржуазная (младофинская) газета „Karjala" (1909 г., № 208) совѣтовала „вынести церковныя кружки на чердаки".

Конечно, мы не найдемъ въ финляндскихъ газетахъ словъ осужденія по отношенію мѣстныхъ чиновниковъ, являвшихся до послѣдняго времени опорою финляндскаго сепаратизма и прославившихся своимъ „пассивнымъ сопротивленіемъ". Повидимому, чиновничество является любимымъ дѣтищемъ финляндцевъ, будучи чрезвычайно многочисленнымъ и вліятельнымъ классомъ общества. Не даромъ соціалистическая газета „Kansan Tahto" (1909 г., № 185) писала: „Наша чудная Финляндія по-прежнему продолжаетъ быть обѣтованною землею для чиновниковъ, раемъ для лѣнтяевъ, тучнымъ пастбищемъ для дармоѣдовъ. Хороша ты, Финляндія! Ни на какую страну не промѣняетъ тебя твой чиновникъ!"

Однако и въ жизни этого класса встрѣчаются отрицательныя явленія, свойственныя всему населенію. Газетамъ приходится отмѣчать и случаи подкупности, и растраты, и подлоги, и самоуправства, причемъ въ особенности часто злоупотребленія отмѣчаются въ полиціи, почтовомъ и желѣзнодорожномъ вѣдомствахъ.

Несмотря на кажущіеся образцовыми порядки на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ, финляндскія газеты и здѣсь отмѣчаютъ многіе дефекты. Такъ, шведоманская газета „Nya Pressen" (1910 г., № 291) говоритъ, что „скорость движенія поѣздовъ въ Финляндіи ниже всякой критики". Другая шведоманская газета, „Wiborgs Nyheter" (1911 г., № 177), была вынуждена констатировать, что на Выборгскомъ вокзалѣ „паровозная прислуга самовольно распоряжается исправленіемъ своихъ служебныхъ обязанностей". „На вокзалѣ, по словамъ газеты, не установлено никакого порядка и дисциплины. Паровозы отправляются безъ предварительнаго увѣдомленія объ этомъ стрѣлочниковъ, а машинисты не обращаютъ вниманія на сигналы послѣднихъ". Съ удивленіемъ газета задавала себѣ вопросъ, какъ это

возможно. „Если подобный „порядокъ" будетъ продолжаться, то надо считать затраченными совершенно напрасно тѣ милліоны, которые ассигнованы на приведеніе вокзала въ порядокъ въ цѣляхъ избѣжанія несчастій".

Разсказывая, какъ однажды машинистъ товарнаго поѣзда „на авось" ушелъ со станціи, вслѣдствіе чего произошло серьезное крушеніе, старофинскій „Wiipuri" (1910 г., № 139) писалъ: „Самъ главный директоръ желѣзнодорожнаго вѣдомства долженъ былъ согласиться, что и *раньше на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ наблюдалось, что машинистъ самъ рѣшалъ, подчиниться ли ему полученному отъ дежурнаго по станціи приказанію оставаться, или, не взирая на приказаніе, вести поѣздъ до слѣдующей станціи.* Кромѣ того, общеизвѣстно, что отсутствіе дисциплины на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ дошло до того, что, напримѣръ, многіе начальники станцій лишь при содѣйствіи инспектора движенія могли заставить станціонныхъ служителей исполнять самыя простыя обязанности и что такая обструкція не преслѣдовалась; но до сихъ поръ не всѣ знали, что поѣздная прислуга совершенно игнорируетъ полученныя приказанія. Если все это возможно, то тогда дѣло обстоитъ плохо, и приходится только удивляться, что не случается больше несчастныхъ случаевъ".

Не менѣе безотрадные отзывы мы можемъ прочесть въ мѣстныхъ газетахъ и о состояніи финляндскаго судоходства. Оказывается, аваріи судовъ въ водахъ Финляндіи обычная вещь, причемъ отъ нихъ не спасали даже „настоящіе финскіе" лоцмана.

„Если бы случаи аварій были единичны", писала по этому поводу шведоманская „Abo Underrättelser" (1911 г., № 221), къ нимъ можно было бы относиться сравнительно спокойно, но вѣдь скандальныя исторіи происходятъ каждое лѣто. Къ тому же онѣ не могутъ быть отнесены къ числу несчастій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а происходятъ вслѣдствіе отсутствія элементарной осторожности или въ виду плохого качества матеріала. Каковы же ближайшія причины несчастій? А вотъ какія: то руль передается въ неумѣлыя руки, то засыпаетъ рулевой; иногда виновато „чрезмѣрное" волненіе, иногда же причиною несчастія является потеря винта; въ гавани пароходы часто наѣзжаютъ на пристань, а въ каналахъ состязаются въ быстротѣ своего хода. И все это продѣлывается съ большими пароходами, имѣющими большое число пассажировъ и дорогой грузъ. Въ 1908 г., напримѣръ, число несчастій равнялось 30. И въ большинствѣ случаевъ они произошли отъ неумѣлаго управленія".

Что касается финляндскаго суда, то онъ является обычнымъ предметомъ критики финляндской печати.

„Самый уставъ о судопроизводствѣ, взятый въ полномъ объемѣ, пишетъ газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 32), представляетъ поразительную путаницу изданныхъ въ разное время и при разныхъ условіяхъ жизни законовъ, королевскихъ и царскихъ указовъ, постановленій, объясненій и т. п. Изобиліе постановленій о судопроизводствѣ и ихъ противорѣчивость не даютъ возможности хорошо въ нихъ разобраться не только простому народу, но даже и юристамъ".

Газета „Uusi Suometar" (1911 г., № 99) удостовѣряетъ, что судебные процессы тянутся въ Финляндіи многіе годы. „Главнѣйшею причиной ме-

Digitized by Google
при Ц. Н. Б. (1.03)

дленности нашего судопроизводства, пишетъ упомянутая выше газета „Kansan Lehti“ (1911 г., № 32), является письменное веденіе дѣлъ и постоянное перенесеніе ихъ изъ одной сессіи на другую“.

Въ Финляндіи нѣтъ ни мирового суда, ни суда присяжныхъ. Часто судьи не сами разбираютъ дѣла, а поручаютъ это молодымъ, только что окончившимъ юридическій факультетъ практикантамъ (по частному найму) По словамъ „Kansan Lehti“ (1911 г., № 38), „въ судахъ чаще засѣдаютъ неопытные практиканты, чѣмъ опытные постоянные владѣльцы судебныхъ должностей“. „Можно указать на массу случаевъ, говоритъ младофинская „Helsingin Sanomat“ (см. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 123), когда тяжущіеся должны или страдать отъ рѣшенія неопытнаго юноши, или дѣло должно быть просто отложено до слѣдующей сессіи. Стороны нерѣдко до открытія засѣданія съ понятнымъ любопытствомъ разспрашиваютъ, кто будетъ предсѣдательствовать, молодой судья или старый. Сложилось вообще уже мнѣніе, что рѣшенія незнакомыхъ съ мѣстными обычаями аускультантовъ часто совершенно случайны“.

Въ обвиняемомъ уголовный судъ видитъ уже преступника и, по словамъ старофинской „Uusi Aura“ (см. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 118), „всю могучую государственную машину направляетъ на то, чтобы обвинить заподозрѣннаго въ преступленіи, между тѣмъ какъ обвиняемый, будучи подъ стражей и часто безъ средствъ, не можетъ принять мѣръ къ собранію доказательствъ своей невиновности.

Та же газета „Uusi Aura“ удостовѣряетъ о дурной постановкѣ въ Финляндіи предварительнаго слѣдствія: „У насъ даже наиболѣе крупныя дѣла передаются въ судъ почти совершенно неподготовленными, и суду потомъ приходится тратить время на выясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя лучше всего могли-бы быть на мѣстѣ установлены обвинителемъ“.

Въ виду существованія въ финляндскомъ судопроизводствѣ формальной оцѣнки доказательствъ и института очистительной присяги, большое значеніе имѣютъ свидѣтельскія показанія и присяга. Газета „Kansan Lehti“ (1911 г., № 170) удостовѣряла, что „теперь въ Финляндіи ложные свидѣтели на каждомъ шагу предлагаютъ свои услуги желающимъ“.

„Судопроизводство наше, повидимому, сверхъ ожиданія имѣетъ тенденцію превращаться въ какую то систему обиранія народа“, писала младофинская „Helsingin Sanomat“ (см. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 123), подтверждая этимъ отзывомъ мнѣнія соціалистическихъ газетъ о томъ, что „много мытарствъ и препятствій приходится въ Финляндіи пройти бѣдному человѣку, пока онъ доберется до справедливости“ („Työ“, 1911 г., № 71).

Вопреки представленію многихъ, тюрьмы въ Финляндіи вовсе не пустуютъ. Наоборотъ, вслѣдствіе развитія преступности, въ нихъ, по отзыву старофинской „Uusi Suometar“ (1911 г., № 52), „ощущается сильная тѣснота“. „Даже внѣ круговъ спеціалистовъ сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что финляндскія тюрьмы давно уже страдаютъ отъ недостатка помѣщенія“, писала другая издающаяся въ Финляндіи шведская газета „Dagens Tidning“ (см. „Финляндскую Газету“, 1912 г., № 110) и при этомъ давала слѣдующую характеристику этихъ тюремъ: „Присмотръ за арестантами оставляетъ желать лучшаго. Гигіеническія условія никуда не годятся. Арестантамъ приходится дышать испорченнымъ воздухомъ, и наряду съ такими условіями жизни идетъ нравственная порча. Организація работъ страдаетъ, и все это вмѣстѣ взятое представляетъ собой каррикатуру того, что предусмотрѣно современнымъ тюремнымъ дѣломъ. Эти переполненныя арестантами тюрьмы представляютъ собою положительно склады товаровъ.“ „Общеизвѣстный фактъ, писала газета „Työmies“ (1911 г., № 48), что заключенному въ финляндскую тюрьму лицу постоянно грозитъ опасность подвергаться оскорбленіямъ словами и дѣйствіями со стороны тюремныхъ властей“.

Въ Финляндіи издается очень большое, сравнительно, количество газетъ. На первый взглядъ это служитъ явнымъ доказательствомъ культурности страны. Однако, не слѣдуетъ дѣлать такихъ быстрыхъ заключеній: обиліе газетъ въ Финляндіи не вызывается особымъ спросомъ на печатное слово, а просто объясняется чрезвычайнымъ развитіемъ партійности. Газеты издаются на средства партій и часто даромъ разсылаются обывателямъ. „Повидимому, у насъ скоро газеты будутъ платить деньги своимъ подписчикамъ, писала „Savon Työmies“ (1911 г., № 4). Тѣ условія, на которыхъ годами уже разсылаются здѣсь газеты, очень выгодны для подписчиковъ. Напр., въ Тусніэмскій приходъ газеты высылаются за подписную плату въ 10 пенни (4 копѣйки) за годъ“.

Иногда газеты прямо служатъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ. По этому поводу шведоманская газета „Tammerfors Nyheter“ (1911 г., № 112) писала: „Есть города, гдѣ единственная мѣстная газета проводитъ буквально семейную политику. Редакторъ, который, напримѣръ, осмѣлился бы, въ вопросѣ о выборахъ какого нибудь общиннаго должностного лица, выступить противъ личнаго желанія владѣльца газеты, не усидѣлъ бы долго на своемъ посту. Имѣются города, гдѣ одно лицо съ помощью единственной газеты вполнѣ повелѣваетъ ходомъ общинной жизни. Понятно, къ какимъ невыносимымъ послѣдствіямъ можетъ привести подобный порядокъ вещей“.

Несмотря на то, что сеймовое представительство въ Финляндіи, построенное на всеобщемъ избирательномъ правѣ, является однимъ изъ самыхъ передовыхъ въ мірѣ, общинное управленіе, какъ городское, такъ и сельское, основано на имущественномъ принципѣ, причемъ одно лицо можетъ имѣть нѣсколько голосовъ. Отъ этого происходитъ то, что даже въ главномъ городѣ края съ преобладающимъ финскимъ населеніемъ общинное хозяйство находится въ рукахъ небольшой, но богатой кучки шведовъ.

Отмѣчая это обстоятельство, „Uusi Suometar“ (1911 г., № 138) писала: „Намъ, финнамъ, остается только смотрѣть на это управленіе, платить за него дважды въ годъ деньги и... читать въ газетахъ о результатахъ этого шведскаго хозяйничанья“, которое, какъ, оказывается, далеко не можетъ назваться хорошимъ, судя по описываемому газетою скандалу при постройкѣ городской богадѣльни въ Гельсингфорсѣ.

Мы убѣждены, что въ Финляндіи нищенства почти не существуетъ, но младофинская газета „Karjala“ (1912 г., № 36) рисуетъ другую картину. „Когда идешь по улицѣ, читаемъ въ этой газетѣ, тебя преслѣдуетъ и окружаетъ цѣлая масса подростковъ-нищихъ, которые визгливымъ, надоѣдливымъ голосомъ просятъ „о помощи бѣдному“. Нерѣдко встрѣчается

и взрослый нищій, навязчиво просящій о милостынѣ. Не ограничиваясь помощью, получаемою на улицѣ, нищіе ходятъ еще по квартирамъ, звонятъ въ парадныя двери (часто въ одну и ту же по нѣсколько разъ въ день) и снова начинаютъ просить о помощи".

Въ шведоманскомъ органѣ „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 308) читаемъ, что, по отзыву Начальника Гельсингфорсскаго учрежденія по призрѣнію бѣдныхъ, полковника Меларта, „Финляндія въ дѣлѣ по призрѣнію бѣдныхъ отстала отъ Швеціи и Даніи, по крайней мѣрѣ, на 100 лѣтъ".

Дѣйствительно, нѣчто вопіющее представляетъ практикующійся способъ призрѣнія бѣдныхъ путемъ отдачи ихъ на содержаніе частнымъ лицамъ *съ аукціоннаго торга.*

Описывая безпорядки, господствующіе во многихъ общинахъ Финляндіи въ области призрѣнія бѣдныхъ, старофинская газета „Wiipuri" (1911 г., № 253) признавала, что болѣе всего въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе „аукціоны призрѣваемыхъ". Газета находила, что если вообще нельзя избѣжать этихъ „торговъ", то, по крайней мѣрѣ, необходимо организовать дѣло такъ, чтобы эти „торги" были гуманны и не оскорбляли человѣческаго достоинства призрѣваемыхъ", которые, по словамъ газеты, „очень часто сами принуждены бываютъ присутствовать на этихъ торгахъ". Далѣе газета отмѣчала, что „призрѣваемые отдаются лицу, предложившему болѣе низкую цѣну, о которомъ предварительно не наводится никакихъ справокъ" (напримѣръ, о его матеріальномъ положеніи, жилищѣ, личныхъ качествахъ); что „о человѣческомъ обращеніи съ аукціонными призрѣваемыми, конечно, не можетъ быть и рѣчи"; что „если призрѣваемые жалуются на плохое съ ними обращеніе, то эти жалобы остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а положеніе ихъ становится еще болѣе несноснымъ"; что, наконецъ, „аукціоны бѣдныхъ до сихъ поръ происходятъ почти во всѣхъ общинахъ (обыкновенно въ концѣ года)".

Говоря о злоупотребленіяхъ по содержанію аукціонныхъ бѣдныхъ Піелисьярвискаго прихода, газета „Rajavahti" (1912 г., № 21) писала: „Аукціоны нищихъ для многихъ жителей превратились въ какой то безнравственный промыселъ. Пріобрѣтаются нищіе обычно хозяевами большихъ зажиточныхъ домовъ. Живутъ бѣдняки у своихъ хозяевъ въ баняхъ и сараяхъ. Кормятъ ихъ лишь настолько, чтобы они не умерли съ голоду. Что же касается одежды призрѣваемыхъ нищихъ, то ее можно назвать чѣмъ угодно, но только не одеждою".

Такимъ способомъ призрѣваются не только старики и нищіе, но также бездомныя дѣти и душевнобольные.

„Положеніе аукціонныхъ дѣтей, писала газета „Työ" (1911 г., № 31), особенно печально. Очень часто имъ приходится поселяться въ семьѣ, которая и сама голодаетъ. О воспитаніи ребенка здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Существуетъ даже всеобщее убѣжденіе, что воспитаніе для „аукціонныхъ" дѣтей является излишнимъ".

„Постановка дѣла ухода за слабоумными въ нашей странѣ, пишетъ старофинская „Aamulethi" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 30), конечно, далеко не заслуживаетъ похвалъ,—это фактъ всѣмъ извѣстный и всѣми признанный. Со стороны финляндскаго правительства и общинъ

слишкомъ мало сдѣлано на пользу этихъ несчастныхъ... Въ нашей странѣ всего лишь два болѣе или менѣе значительныхъ учрежденія для ухода за такими больными, такъ что помощь, доставляемая ими, почти не замѣтна. Большая часть этихъ несчастныхъ людей находится или на попеченіи родственниковъ, или же виситъ на шеѣ обществъ призрѣнія бѣдныхъ. Въ общинахъ, гдѣ нѣтъ домовъ призрѣнія и больницъ для слабоумныхъ, а такихъ общинъ множество, несчастные больные составляютъ аукціонный товаръ и подвергаются такому обращенію, что глаза каждаго наблюдавшаго это невольно наполняются слезами. Самые кроткіе и робкіе изъ нихъ нерѣдко испытываютъ лишь жестокое и грубое обращеніе, отчего ихъ слабый умъ еще болѣе тупѣетъ. Бываетъ, что такой душевно-больной, въ обыкновенное время очень спокойный, послѣ того, какъ люди всячески поиздѣваются надъ нимъ и помучаютъ его, начинаетъ волноваться и буйствовать; тогда такого несчастнаго связываютъ веревками, или же бьютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не успокоится. Подобное обращеніе—варварство". По удостовѣренію „Kansan Lehti" (1911 г., № 95), такихъ буйныхъ больныхъ, съ вѣдома управленія по призрѣнію бѣдныхъ, прямо сажаютъ на цѣпь.

Слѣдуетъ сказать, что и немногочисленныя больницы для душевнобольныхъ въ Финляндіи не отличаются хорошими порядками. Такъ, въ 1911 году всѣ финляндскія газеты сообщали о нѣсколькихъ случаяхъ сваренія въ кипяткѣ душевнобольныхъ въ Питкяніемиской больницѣ. Указывая на это, а также отмѣчая, что въ Фагернесской больницѣ для умалишенныхъ нѣсколько больныхъ, будучи безъ надзора, подвергли себя сожженію, газета „Työmies" (1911 г., № 12) находила, что „печать удѣляетъ слишкомъ мало вниманія порядкамъ въ мѣстныхъ домахъ для умалишенныхъ".

Однако, и при маломъ вниманіи, удѣляемомъ печатью домамъ для умалишенныхъ, въ финскихъ газетахъ отмѣчаются удивительные порядки, царствующіе въ этихъ домахъ: старофинская „Uusi Aura" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 145) указывала на „ужасную обстановку призрѣнія душевнобольныхъ въ „лучшемъ" заведеніи этого рода—Маріинскомъ. Газеты „Sosialisti" (1910 г., № 255) и „Kansan Tahto" (1912 г., № 94) передавали о случаяхъ изнасилованія душевнобольныхъ женщинъ и т. п.

Въ такомъ же родѣ сообщенія имѣются и о порядкахъ въ другихъ больницахъ, что съ невыгодной стороны характеризуетъ постановку врачебной части въ Финляндіи, какъ это удостовѣрялось, между прочимъ, даже въ изданной въ 1898 г., подъ редакціей Протопопова, книгѣ „Финляндія", имѣющей цѣлью оттѣнить высоту финляндской культуры (стр. 21).

Между прочимъ, въ Финляндіи имѣетъ значительное распространеніе туберкулезъ, причемъ, согласно приведеннымъ въ „Uusi Suometar" (1911 г., № 194) отзывамъ финляндскихъ врачей, „главнѣйшими причинами распространенія этой болѣзни по странѣ являются недостатокъ чистоплотности, невѣжество населенія и безпечность его".

Къ числу отрицательныхъ сторонъ финляндской жизни, которыя финляндцы стараются замалчивать, относится ненормальное состояніе сельскаго землевладѣнія и ужасное экономическое положеніе цѣлаго многочисленнаго класса торпарей, до послѣдняго времени состоявшаго на положеніи

крѣпостныхъ и только въ недавнее время обратившаго на себя вниманіе мѣстныхъ законодателей. „Можно думать, писалъ финскій писатель Ганнесъ Гебгардъ („Oma maa", вып. 56), что отмѣна въ Россіи въ 1883 г. послѣднихъ слѣдовъ крѣпостной зависимости повліяла и на положеніе торпарей въ Финляндіи". Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи культурная Финляндія оказалась позади прочихъ частей Россійской Имперіи.

Даже знаменитая „лойяльность" финляндцевъ по отношенію къ русскимъ и главное къ Своему Монарху не можетъ болѣе поддерживаться финляндскою печатью. „Не взирая ни на какіе возможные преслѣдованія и доносы, пишетъ „Kansan Lehti" (1909 г., № 284), мы намѣрены прямо сказать, что *прославленная лойяльность* въ отношеніи Монарха и государства, о чемъ наши пляшущіе на канатѣ „патріоты" постоянно болтаютъ, является, *поскольку это касается громаднаго большинства нашего народа*, унизительной и пустой болтовней".

Дѣйствительно, преслѣдованіе насмѣшками и оскорбленіями служителей православной церкви, русскихъ торговцевъ, военныхъ и даже представителей верховной власти въ краѣ — явленіе довольно частое въ финляндской жизни, и даже въ самой финляндской печати начинаютъ раздаваться голоса осужденія подобныхъ явленій.

Такъ, однажды, финская газета Raja Karjala" (1911 г., № 77) привела описаніе скандала, учиненнаго финнами, предпринявшими увеселительную поѣздку на Валаамъ: „Пьяные участники поѣздки съ шумомъ и криками подошли къ монастырской гостиницѣ, и такъ какъ ихъ въ пьяномъ видѣ не хотѣли впустить, то они подняли шумъ, силою вломились въ помѣщеніе и криками разбудили богомольцевъ, почивавшихъ въ своихъ комнатахъ. Нѣкоторые финны вламывались даже въ комнаты богомольцевъ. Такъ какъ финны не переставали безобразничать и стали даже бить монаховъ, то пришлось обратиться къ помощи полиціи, имѣющейся въ монастырѣ. Только тогда удалось вывести безобразниковъ. Другіе изъ этихъ безобразниковъ ножами вырѣзывали или просто вырывали цвѣты, насаженные около монастырской гостинницы". „Такіе случаи бывали и прежде", писала Raja Karjala" и съ негодованіемъ восклицала: „Неужели, однако, такимъ образомъ съ нашей стороны отплачиваютъ за ласковый пріемъ и радушное гостепріимство, которое выказывается монастыремъ пріѣзжимъ? Вѣдь тамъ каждаго пріѣзжаго кормятъ даромъ, даютъ пріютъ и вообще любовно принимаютъ! Если же такое безстыдство по отношенію къ монастырю со стороны финновъ будетъ продолжаться, то монастырскія власти будутъ вынуждены прекратить доступъ въ монастырь и благопристойнымъ нашимъ гражданамъ, что лишило бы многихъ изъ насъ случая знакомиться не только съ чуждою для насъ монастырскою жизнью, но и любоваться красивыми видами монастырскаго острова".

Подобное же слово осужденія было произнесено старофинскою газетою „Waasa" (1911 г., № 77) по поводу упорнаго нежеланія финляндцевъ признавать общегосударственный бѣло-сине-красный флагъ. „Какъ извѣстно писала газета, властями издано распоряженіе, въ силу котораго вывѣшиваніе флаговъ допускается только въ томъ случаѣ, если имѣется на лицо

шиваніе общегосударственнаго флага свидѣтельствуетъ о подчиненіи, и поэтому рѣшили не вывѣшивать вообще никакихъ флаговъ. Послѣдній исходъ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно наилучшимъ, ибо иногда просто жалко смотрѣть, до какихъ крайностей доходятъ въ этой дѣтской игрѣ. Флаги вывѣшиваются спеціально съ намѣреніемъ досадить властямъ". Далѣе газета указывала, что неуваженіемъ къ русскому національному флагу финляндцы доказываютъ неуваженіе не только къ правительству, но и къ великому русскому народу. Къ тому же финляндскіе моряки всегда пользуются русскимъ трехцвѣтнымъ флагомъ, что ни въ комъ не вызываетъ ни удивленія, ни насмѣшекъ. Поэтому газета совѣтовала на будущее время соблюдать болѣе корректный образъ дѣйствій по отношенію къ русскому государственному флагу.

Даже шведоманская газета „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 343) должна была отмѣтить культурную незрѣлость финляндцевъ, выражающуюся въ томъ обиліи дѣлъ объ оскорбленіи Величества, которое стало замѣчаться въ финляндскихъ судахъ со времени объявленія свободы печати въ Финляндіи. „Даже теперь, когда уже создалась извѣстная привычка пользоваться свободою печати, оскорбленія Величества не только не уменьшаются, но становятся повседневнымъ явленіемъ", писала названная газета. Явленіе это шведоманскій органъ объяснялъ тѣмъ, что „общество не привыкло еще держаться извѣстныхъ границъ и умѣрять свой пылъ въ обсужденіи событій, а также считаться съ принятымъ въ монархическихъ странахъ правиломъ, въ силу котораго личность Монарха не должна быть затрагиваема критикою мѣропріятій правительства".

* * *

Таковы отзывы самихъ финляндскихъ газетъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ финляндской жизни, наиболѣе порочащихъ финляндскую культуру. Конечно, эти отзывы даютъ намъ тѣмъ большее право представить передъ русскимъ читателемъ приведенную ниже массу фактовъ изъ финляндской жизни, служащихъ яркою иллюстраціей къ приведеннымъ отзывамъ.

Приводя эти факты, мы не хотѣли задѣвать отдѣльныя личности. Поэтому фамиліи по большей части замѣнены иниціалами.

Для того, чтобы насъ не могли обвинить въ передержкахъ, тенденціозномъ освѣщеніи и подтасовкахъ, мы, въ большинствѣ случаевъ, безъ измѣненія приводимъ цитаты изъ мѣстныхъ же газетъ.

Слѣдуетъ сказать, что финляндская печать вообще избѣгаетъ сообщать всякаго рода свѣдѣнія, которыя могли бы повредить прочно сложившейся репутаціи финскаго народа. Лишь соціалистическія газеты, чуждыя націоналистическихъ тенденцій, не стѣсняются дѣлать разоблаченія темныхъ сторонъ финляндской жизни, къ негодованію газетъ „буржуазныхъ" партій.

„Наши соціалистическія газеты, читаемъ въ младофинской „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 64), постоянно предлагаютъ лишнее оружіе обрусителямъ... Повидимому, нашихъ соціалистовъ зудитъ кольнуть буржуазію, но они вмѣстѣ съ этимъ колютъ и важнѣйшія общественныя учрежденія

„У соціалистовъ нѣтъ ни національнаго самоуваженія, ни національнаго образа мыслей, наличность каковыхъ свойствъ не позволила бы имъ выставлять на показъ господствующіе въ средѣ своего народа порядки и бывающіе при нихъ случаи“, писала старофинская „Uusi Suometar“ (1911 г., № 14). „Йхъ тактика: кричать, насколько хватаетъ силъ, что здѣсь царятъ жалкія условія жизни и что тѣ лица, которыя служатъ обществу,— суть презрѣнные негодяи“.

Въ № 20, за 1912 г., „Uusi Suometar“ помѣстила цѣлую статью подъ заглавіемъ „Могильщики отечества“, въ которой указывала, что финляндская соціалистическая печать дѣлаетъ большія услуги „Новому Времени“ и прочей „финнофобской“ печати. Крайне недовольная разоблаченіями соціалистовъ, газета обвиняла ихъ въ отсутствіи патріотизма.

Впрочемъ, „шила въ мѣшкѣ не утаишь“—, какъ мы видѣли выше, не только соціалистическія, но и буржуазныя газеты вынуждены отмѣчать отрицательныя явленія финляндской жизни, иногда посвящая имъ цѣлыя статьи. Подобные отзывы газетъ, обобщающіе данное отрицательное явленіе, являются, съ нашей точки зрѣнія, наиболѣе цѣнными, хотя имѣютъ значеніе и отдѣльные приводимые факты. Пусть эти факты недостаточны для какихъ либо общихъ выводовъ, но они слишкомъ многочисленны и слишкомъ характерны для того, чтобы не возбудить сомнѣнія въ истинной цѣнности столь прославленной финляндской культуры. Къ тому же надо помнить, что народонаселеніе Финляндіи лишь немного превышаетъ 3 милліона, т. е. равняется нашей средней губерніи, а тѣ отрицательныя явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, насчитываются вовсе не единицами.

Не имѣя возможности, на основаніи случайныхъ газетныхъ сообщеній, дѣлать какія либо обобщенія, мы, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что существуютъ явленія, которыя вовсе не должны быть обрабатываемы по научнымъ методамъ статистики для того, чтобы съ полной добросовѣстностью и съ высокой степенью вѣроятности можно было сдѣлать вполнѣ опредѣленный выводъ о *характерѣ* данной культуры. Такіе выводы можно дѣлать въ силу характерности изучаемыхъ явленій.

Отрицать положительныя стороны финляндской культуры нельзя, какъ нельзя ее и опорочивать. Но позволительно сопоставить характеръ финляндской культуры, которая сама называетъ себя высшей, съ характеромъ той культуры, которую она поноситъ, именуя варварской и азіатской.

Мы, русскіе, не кичимся нашей культурой, отдѣльныя стороны которой не только не ниже, но даже выше культуры западно-европейскихъ странъ—достаточно указать на нашу изящную литературу и высокую общественную терпимость. Мы, русскіе, признаемъ, что въ нашей культурѣ имѣются крупные изъяны, требующіе устраненія. Но мы не можемъ также допустить, чтобы небольшой край, культуру котораго пьянство, половая распущенность, жестокость и другіе пороки пятнаютъ едва ли не въ большей степени, чѣмъ нашу культуру (преступность Финляндіи въ 7 разъ больше преступности Россіи!), кичился надъ нами и ставилъ-бы на пути нашего государственнаго развитія якобы совершенно исключительную цѣнность своей культуры.

Россія во многомъ еще очень некультурна. Но варварская Россія

отмѣнила у себя крѣпостное право болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ и съ большимъ трудомъ заставила это сдѣлать культурную Финляндію всего лишь въ 1909 году! Русскій крестьянинъ, кровь котораго, съ точки зрѣнія культурнаго финляндца, равна, по сравненію съ кровью финляндскаго крестьянина, грязи, съ ужасомъ отвернулся-бы, если-бы ему предложили съ аукціона купить ребенка или брата своего-же неимущаго односельчанина и обратить его въ своего раба. Въ Россіи нѣтъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, прямого и пропорціональнаго избирательнаго права, но въ Гос. Думѣ не было и не будетъ депутата, который доказывалъ-бы, что старшіе могутъ продавать младшихъ въ рабство, какъ то говорилось на финляндскомъ демократическомъ сеймѣ. Русскій государственной строй далекъ, конечно, отъ „конституціоннаго правопорядка“ Финляндіи, но въ Россіи дѣйствуютъ суды, а не ископаемыя, средневѣковыя судилища, въ которыхъ судятъ наймиты судей и которыя нехристіанъ не допускаютъ въ качествѣ свидѣтелей.

Изъ этихъ параллелей, число которыхъ можно было-бы по желанію увеличить еще очень многими, видно, что финляндской культурѣ вовсе нельзя приписывать безусловной цѣнности по сравненію съ русской. Напротивъ, какъ мы указали, эта культура, этотъ фетишъ финнофиловъ, обладаетъ такими пороками, слѣда которыхъ нельзя найти въ культурѣ Россіи. И это еще не все.

Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе ста лѣтъ Финляндія пользовалась значительными матеріальными привилегіями, благодаря которымъ она могла отдавать большую часть своихъ средствъ на культурное развитіе своего народа.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли найдется какая-либо другая страна въ мірѣ, которая имѣла бы столь большія преимущества для своего экономическаго и культурнаго развитія: вѣдь въ теченіе ста лѣтъ Финляндія жила, такъ сказать, внѣ исторіи, сосредоточившись въ своей внутренней жизни, и, подъ крыломъ великодержавной Россіи, свои „государственные“ доходы расходовала почти исключительно на культурныя потребности. Въ то время, какъ русскій мужикъ долженъ былъ иногда, въ дореформенное время, почти на всю жизнь отрываться отъ сохи для несенія рекрутчины, платить усиленныя подати на содержаніе войскъ и уплату многомилліонныхъ процентовъ по военнымъ займамъ и страдать отъ паденія, вслѣдствіе войнъ, курса рубля,—наши финляндскіе сограждане по нѣскольку лѣтъ сряду не знали воинской повинности, а если знали, то въ гораздо болѣе легкой (въ 3 — 5 разъ) степени, чѣмъ другіе русскіе подданные, почти совершенно не вносили денегъ на общегосударственную оборону, не участвовали ни копѣйкой въ платежахъ по военнымъ займамъ. Когда же на торговлѣ Финляндіи, послѣ Крымской войны, стало невыгодно отражаться паденіе курса рубля, который до того времени являлся такою же монетою Финляндіи, какъ и остальной Россіи,—финляндцы добились отдѣльнаго отъ Имперіи денежнаго обращенія, дабы и косвенно не терпѣть убытковъ отъ войнъ государства, подъ охраной котораго росла и культурно крѣпла Финляндія.

Наконецъ, въ новѣйшее время, когда къ Финляндіи было предъ-

явлено требованіе объ уплатѣ государственному казначейству по 10—20 милліоновъ марокъ въ годъ за освобожденіе отъ личной воинской повинности, ни въ Сеймѣ, ни въ общественномъ мнѣніи это чрезвычайно умѣренное требованіе не было признано справедливымъ и встрѣтило упорное сопротивленіе. Лишь нѣкоторыя старофинскія газеты осторожно приводили цифры расходовъ, которые несутъ на военныя нужды разныя государства, въ цѣляхъ освѣтить цифру предъявленнаго требованія.

„Не мѣшаетъ сравнить, писала финская газета „Kaiku" (1909 г., № 11), какіе расходы несутъ ежегодно наши ближайшія сосѣднія государства по содержанію войскъ. Въ Россіи на этотъ предметъ расходуется 1.368 милліоновъ марокъ или около 10 марокъ на душу. Если бы намъ пришлось въ этой пропорціи платить военный налогъ, то это составило бы 30 милліоновъ марокъ въ годъ. Въ Норвегіи, гдѣ число жителей меньше, чѣмъ въ Финляндіи, обыкновенные военные расходы составляютъ немногимъ болѣе 23 милліоновъ марокъ въ годъ, а чрезвычайные—за послѣдніе года равнялись 10 милліонамъ марокъ въ годъ, слѣдовательно всего 33 милліона. Въ нашемъ сосѣднемъ государствѣ, въ милой Швеціи, расходъ по военному бюджету въ 1900 г. равнялся, въ общемъ, около $94^1/_2$ милліоновъ марокъ. Такъ какъ въ Швеціи въ это время было $5^1/_2$ милліоновъ народонаселенія, то военный налогъ тамъ равняется 17 маркамъ съ каждой души. Въ этой пропорціи намъ пришлось бы платить 50 милліоновъ. Страшныя суммы, если даже принять во вниманіе, что указанный годъ въ Швеціи былъ исключительнымъ, такъ какъ тамъ производились различныя крѣпостныя постройки. Если даже допустить, что платежная способность нашихъ сосѣдей значительно выше нашей (?), то цифры все-таки настолько краснорѣчивы, что мы не въ правѣ закрывать отъ нихъ уши".

Однако, кромѣ денежныхъ расходовъ, какъ извѣстно, всѣ государства несутъ бремя личной воинской повинности, что, конечно, также вызываетъ значительныя матеріальныя жертвы, которыхъ Финляндія нынѣ не знаетъ совершенно.

Весьма мало, такимъ образомъ, участвуя въ расходахъ по государственной оборонѣ, Финляндія совершенно не принимаетъ участія въ оплатѣ нашего государственнаго долга, обязаннаго своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, большимъ войнамъ минувшаго столѣтія, когда Финляндія уже составляла часть Россійской Имперіи. Не несетъ Финляндія расходовъ и по содержанію иностраннаго представительства. Легко понять, какія суммы остаются, вслѣдствіе этого, въ странѣ на культурныя надобности.

Мало того, признаваемая съ самаго присоединенія къ Имперіи страной бѣдной, Финляндія неоднократно пользовалась пособіями русской казны *)

*) Напр., при основаніи Финляндскаго Банка изъ государственнаго казначества было выдано 1 милліонъ рублей. Въ 1868 г. для надѣленія крестьянъ общинъ Соанлахты, Корписельки и Сальмя было уступлено русскою казною изъ Суоярвской лѣсной дачи 302.780 дес. за ничтожную сумму 389.487 р. и въ 1882 г. для обезпеченія землей крестьянъ Суоярвской общины — 144.000 дес. совсѣмъ безплатно. Въ 1908 г. Императорскій Финляндскій Сенатъ возбудилъ ходатайство о дальнѣйшей уступкѣ означенной дачи названнымъ общинамъ, на что согласія со стороны правительства не послѣдовало.

и получала разныя льготы *). Наконецъ, въ нее всегда притекали крупныя, сравнительно, деньги за постой въ краѣ русскихъ войскъ, за стоянки русскаго флота, за житье петербуржцевъ на дачахъ въ Выборгской губ., за службу финляндцевъ въ Россіи.

Финляндія въ настоящее время является зажиточной страной, и выраженіе „бѣдная Финляндія", которое еще до сихъ поръ нерѣдко употребляется финляндцами, когда нужно добиться отъ Имперіи какихъ-либо преимуществъ, уже давно должно быть признано анахронизмомъ.

Въ настоящее время уже сами финляндцы нерѣдко посмѣиваются надъ своей бѣдностью, рекламированіе которой оказало имъ большую услугу.

„Финляндія бѣдна—жалуется наша буржуазія!"—писала финская газета „Sosialisti" (1911 г., № 285),—„однако, по статистическимъ даннымъ, въ этой „бѣдной" странѣ живетъ около полутысячи милліонеровъ, которые, въ общей сложности, владѣютъ капиталомъ въ 1.190 мил. марокъ". „Директора частныхъ финляндскихъ банковъ, акціонерами которыхъ состоятъ помянутые милліонеры, по сообщенію младофинской „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 70), имѣютъ большое вознагражденіе. Многіе изъ нихъ за послѣдніе годы получали ежегодно до сотни тысячъ марокъ и болѣе того на каждаго въ отдѣльности. За минувшій годъ наибольшее вознагражденіе, какое когда-либо получалъ кто изъ нихъ, было у главнаго директора Ференингсбанка: его вознагражденіе за прошлый годъ выразилось суммою въ 170 тысячъ марокъ". „Развѣ мы бѣдны?" спрашиваетъ старофинская „Uusi Suometar" (1912 г., № 101), указывая на ту массу цвѣтныхъ бумажекъ, или конфетти, которыми 1 мая перекидывалась на улицахъ Гельсингфорса молодежь и которыя потомъ на другой день возами пришлось убирать съ улицъ города. По ея подсчету, однѣхъ такихъ бумажекъ было раскидано на 10 тыс. марокъ. На катанье на автомобиляхъ и извозчикахъ выброшено въ этотъ день гельсингфорсскими жителями, по подсчету той же газеты, 40 тысячъ марокъ. Прибавляя сюда стоимость пароходныхъ прогулокъ, угощеній въ ресторанахъ, газета приходитъ къ выводу, что одинъ Гельсингфорсъ выбросилъ въ этотъ день на увеселенія четверть милліона марокъ.

Вѣдь (по даннымъ 1907 года) въ этой бѣдной странѣ,—для которой „въ виду ограниченности денежныхъ средствъ" рубль былъ слишкомъ крупной денежной единицей и которая, въ силу этого, съ 1877 года окончательно перешла къ совершенно особой отъ Имперіи золотой денежной системѣ, на одного жителя приходилось по 24 р. 30 к. вкладовъ въ сберегательныя кассы, тогда какъ въ остальной Россіи на каждаго жителя приходилось всего $8^1/_3$ руб. **).

*) Предоставляемыя Финляндіи уже съ самаго присоединенія ея къ Россійской Имперіи льготы и преимущества вызывали неудовольствіе даже такихъ либерально-настроенныхъ русскихъ людей, какимъ былъ глава партіи декабристовъ, казненный 13 іюля 1826 г. полковникъ Вятскаго полка Пестель. Отмѣчая „картину народнаго неблагодѣнствія", послѣдній въ числѣ другихъ возмущавшихъ его порядковъ Александровскаго царствованія отмѣчалъ „преимущества разныхъ присоединенныхъ областей",—т. е. Финляндіи и Польши; эти преимущества, по его словамъ, съ одной стороны возбуждали чувство обиды въ русскихъ людяхъ, а съ другой—заставляли ихъ ожидать политической свободы и для Россіи. Это обстоятельство, по мнѣнію Пестеля, могло послужить однимъ изъ поводовъ къ революціи. „Финляндія, писалъ онъ, не только должна быть лишена привилегированнаго положенія status in statu, дарованнаго ей Александромъ I, но и должна быть слита съ Россіей обрусительными мѣропріятіями" („Русскій біографическій словарь". Спб., 1902 г. „Пестель", стр. 601 и 602).

**) Дм. Тризна. „Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи". Спб., 1911 г., стр. 66.

Такимъ образомъ, теперь Финляндія уже не та бѣдная страна, которая, доставшись намъ изъ шведскихъ рукъ, нуждалась въ особомъ привилегированномъ положеніи. Финляндія страна довольно зажиточная, имѣющая возможность обращать большій средства на культурныя цѣли. Ясно также, что этою зажиточностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурностью, она обязана во многомъ русскому народу.

А если такъ, то не будемъ ли мы правы, относясь къ состоянію финляндской культуры съ особою строгостью и предъявляя къ ней даже нѣсколько повышенныя требованія? Вѣдь кому многое дано, съ того много и взыщется. Финляндіи же именно было много дано, и хотя во многомъ она переуспѣла, но еще многаго ей не достаетъ для того, чтобы она могла назвать себя культурною страною и кичиться надъ культурой своего вѣкового пестуна—русскаго народа.

Не отрицая многихъ хорошихъ сторонъ своеобразной финляндской культуры, которыя для русскаго человѣка весьма поучительны, мы желали бы, чтобы финляндцы, найдя въ себѣ мужество сознать свои недостатки, въ свою очередь, пришли кое чему поучиться къ своимъ русскимъ согражданамъ, съ которыми ихъ связываетъ столѣтняя совмѣстная историческая жизнь. Желаемъ мы также, чтобы финляндцы вспомнили, что хотя они и получили зерна своей культуры съ запада, но зерна эти дали пышные всходы только подъ покровомъ великодержавной Россіи.

ПЕРЕЧЕНЬ

финляндскихъ газетъ и журналовъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ изданіи въ качествѣ источниковъ.

Aamulehti
Abo Underrättelser.
Dagens Tidning.
Fyren.
Hämeen Woima.
Haminan Lehti.
Helsingin Sanomat.
Hufvudstadsbladet.
Itä Suomen Sanomat.
Kaiku.
Kalewa.
Kansan Ääni.
Kansan Lehti.
Kansan Tahto.
Karjala.
Keski Suomi.
Laatokka.
Lahti
Nya Pressen.
Oma maa.
Päivä.
Pohjanmaa.
Raja Karjala.
Rajawahti.
Raivaaja.
Satakunta.
Savon Lehti.
Savon Työmies.
Sorretun Woima.
Sosialidemokraatti.
Sosialisti.
Suomalainen Kansa.
Syd Österbottningen
Tammerfors Nyheter.
Tampereen Sanomat.
Turun Sanomat.
Työ.
Työmies.
Työväen Liitto.
Uusi Aura.
Uusi Suometar.
Uusi Maa.
Waasa.
Wapaa Sana.
Wasabladet.
Wiborgs Nyheter.
Wiipuri.

Глава первая.—Нравы.

1. Преступность.

Однимъ изъ важныхъ показателей культурности страны нужно, по справедливости, считать степень развитія въ ней преступности. Съ одной стороны, чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сильнѣе въ немъ уваженіе къ закону, тѣмъ тверже сознаніе долга ему повиноваться, а съ другой – вслѣдствіе вліянія культуры нравы смягчаются, и тотъ „звѣрь“ въ человѣкѣ, который порождаетъ убійства, истязанія, изнасилованія и другія многочисленныя преступленія, выступаетъ все рѣже и рѣже.

На первый взглядъ, какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что жители Финляндіи проникнуты уваженіемъ къ закону? Вѣрность закону финляндцевъ и способность ихъ приносить всевозможныя жертвы въ защиту попраннаго закона достаточно извѣстны и составляютъ характерныя черты финскаго народа. Достаточно, кажется, вспомнить, съ какимъ самоотверженіемъ сопротивляются ихъ должностныя лица закону о равноправіи русскихъ съ финляндцами, изданному, по ихъ мнѣнію, въ „незаконномъ“ порядкѣ, какъ ставятъ они при этомъ на карту и служебную карьеру, и личную свободу, и благосостояніе.

Повидимому, однако, особое уваженіе къ закону у финляндцевъ проявляется, главнымъ образомъ, въ ревнивомъ охраненіи своей „конституціи“ при всякомъ, даже мнимомъ, поползновеніи на ея нарушеніе со стороны русскаго правительства. Въ личной же и общественной жизни законность вовсе не является руководящимъ принципомъ, и, какъ во многихъ странахъ съ молодою культурою, въ массахъ населенія понятію законности нерѣдко приходится уступать передъ представленіемъ о личной выгодѣ.

Кромѣ того, и нравы финляндцевъ, какъ будетъ ясно изъ послѣдующаго изложенія, вовсе не отличаются мягкостью, а врожденная этому народу вспыльчивость часто вызываетъ выступленія „звѣря“, значительно укрощаемаго въ другихъ странахъ истинною культурностью.

Указанныя обстоятельства въ достаточной мѣрѣ объясняютъ значительное развитіе въ краѣ преступности.

Въ составленной по оффиціальнымъ даннымъ брошюрѣ генерала Д. С. Тризны „Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи“ (С.-Петербургъ, 1911 г.) указывается на постоянное возрастаніе преступности въ Финляндіи, причемъ приводятся такія данныя (стр. 26): „въ 1902 г. было осуждено за различныя преступленія въ Финляндіи 18.052 человѣка, что составляетъ 645 человѣкъ на 100 тыс. населенія въ годъ, а въ 1907 г. было осуждено 25.654 чел., т. е. 850 на 100 тысячъ. Въ Россіи (кромѣ Финляндіи и Кавказа), по словамъ брошюры, въ 1902 г. было осуждено 119 902 чел., что на 100 тыс. населенія (при 130 милл.) составитъ только 92 осужден-

ныхъ: „значитъ, говоритъ Д. С. Тризна, *преступность въ Финляндіи въ семь разъ значительнѣе, чѣмъ въ Россіи*“.

Финляндская *соціалистическая* газета „Туö“ (1911 г., № 89), въ статьѣ „Преступность въ нашемъ преступномъ обществѣ“, подтверждаетъ, что „*преступность въ Финляндіи стала самымъ обыкновеннымъ явленіемъ и что съ каждымъ днемъ она все больше и больше растетъ*; газеты пестрятъ описаніями самыхъ разнообразныхъ преступленій. По мнѣнію лицъ, не желающихъ стать на матеріально-историческую точку зрѣнія, ростъ преступности свидѣтельствуетъ о томъ, что народъ становится все болѣе и болѣе грубымъ и преступнымъ по природѣ“.

Соціалистическая газета конечно не согласна съ такимъ объясненіемъ и полагаетъ, что сѣмена преступности лежатъ „въ основахъ современнаго капиталистическаго строя общества“, но это не измѣняетъ дѣла. Газета констатируетъ фактъ, что въ Финляндіи *преступленія противъ права собственности стоятъ на первомъ мѣстѣ*, „что, конечно-де, свидѣтельствуетъ о томъ, что капитализмъ и есть одинъ изъ наиболѣе сильныхъ факторовъ преступности“.

Далѣе газета приводила заимствованную изъ Статистическаго Ежегодника Финляндіи 1910 г. таблицу, рисующую отношенія между различными преступленіями въ 1908 г.

Изъ этой таблицы видно, что въ 1908 году было осуждено: за умышленное убійство—67 человѣкъ, за неумышленное (въ дракѣ) и за убійство по неосторожности—135 человѣкъ; за дѣтоубійство и умерщвленіе плода—82 человѣка; за преступленіе противъ брачнаго союза и другія преступленія противъ общественной нравственности—132 человѣка.

Въ общей сложности наиболѣе тяжкихъ преступленій противъ личности въ 1908 году всего было совершено 416. Но и это, по мнѣнію соціалистическаго „Туö“, не доказываетъ, будто-бы, огрубѣнія нравовъ, такъ какъ „совершенію всѣхъ этихъ преступленій способствуютъ несомнѣнно и экономическія причины“.

„Болѣе обращаетъ на себя вниманіе въ таблицѣ, говоритъ газета, пьянство и истязаніе. Но въ виду того, что пьянство и истязаніе, а также и большинство преступленій, намѣченныхъ въ графѣ „за ложный доносъ и оскорбленіе чести“,— суть прямое послѣдствіе изготовленія и продажи капиталистами спиртныхъ напитковъ, то всѣ эти преступленія и надо отнести за счетъ капиталистовъ, они именно и способствуютъ росту этого рода преступленій въ народѣ“.

Дѣйствительно, число лицъ, осужденныхъ за истязаніе (1.400) и за пьянство (15.859), очень внушительно, но трудно согласиться съ толкованіемъ газеты, что эти преступленія вытекаютъ изъ экономическихъ причинъ. Наоборотъ, именно преступленія противъ личности, въ особенности истязанія, очень характерны для финляндской жизни и являются доказательствомъ значительной грубости нравовъ. Характерно еще, что изъ 1.400 преступленій, заключавшихся въ истязаніи, большая часть (802) падаетъ на сельскія поселенія, въ то время, какъ, напр., преступленія противъ собственности (грабежи, кражи, подлоги) въ большинствѣ случаевъ совершаются въ городахъ. Это, повидимому, доказываетъ, что такія преступленія, какъ истязанія, мало зависятъ отъ экономическихъ причинъ; совершеніе же большей части преступленій противъ собственности въ городахъ, при городскомъ населеніи, составляющемъ всего лишь 14,5 процентовъ численности всего населенія края, до извѣстной степени правильно объясняется газетою тѣмъ, что рабочіе въ городахъ находятся въ настолько жалкихъ экономическихъ условіяхъ, что они „вынуждены“ нарушать право частной собственности. Напротивъ, въ средѣ сельскихъ обывателей, составляющихъ 85,5 процентовъ общаго числа всего населенія, преступленія этого рода незначительны и именно въ виду того, что экономическія условія въ деревнѣ не такъ тяжелы, какъ въ городахъ и фабричныхъ раіонахъ.

Если сравнить приведенныя въ Статистическомъ Ежегодникѣ 1910 г. данныя о преступности *за 10 лѣтъ*, то можно видѣть, что *преступность* въ краѣ, приближаясь къ настоящему времени, *сильно возрастаетъ*, причемъ значительно возрастаетъ число осужденныхъ за пьянство.

ГОДЫ:	Въ низшихъ судахъ было осуждено за различныя преступленія:	Что составляетъ на 100.000 жит. старше 15 лѣтъ.	Въ томъ числѣ было осуждено за пьянство:
Въ 1899 г.	19.336 человѣкъ.	1.131	8.339 человѣкъ.
„ 1900 „	20.379 „	1.174	9.082 „
„ 1901 „	18 703 „	1.047	7.765 „
„ 1902 „	18.052 „	998	7.149 „
„ 1903 „	18.253 „	989	8.712 „
„ 1904 „	15.958 „	859	7.343 „
„ 1905 „	13.893 „	733	5.145 „
„ 1906 „	17.737 „	929	7.242 „
„ 1907 „	25 654 „	1.324	14.589 „
„ 1908 „	27.933 „	1.423	15.859 „

Ясно, что преступность и пьянство въ Финляндіи растутъ. Развитіе преступности стало замѣчаться въ особенности послѣ забастовки 1905 года.

Младофинская газета „Karjala“ (1910 г., № 172) говоритъ, что „вообще нравственное чувство въ странѣ послѣ всеобщей забастовки стремительно пало. *Пьянство, развратъ и лѣность стали обычными явленіями*. Расточительность и страсть къ наслажденіямъ возрасли, и состоятельные классы въ этомъ отношеніи даже шли впереди другихъ“.

Одно время выражалась надежда, что со временемъ, когда все войдетъ въ норму, число преступленій уменьшится, однако это предположеніе не оправдалось.

Та же газета „Karjala“ (1912 г., № 163) сообщала, что директоръ Тюремнаго Управленія г. Бруфельдтъ, высказывая сотруднику абоской газеты „Uusi Aura“ мнѣніе о недостаткѣ помѣщенія въ тюрьмахъ и особенно въ „карательныхъ“, т. е. каторжныхъ, удостовѣрилъ, что съ 1905 года не наблюдается никакихъ признаковъ, чтобы число преступленій уменьшалось. „Семь лѣтъ тому назадъ полагали, говорилъ г. Бруфельдтъ, что наблюдавшееся тогда увеличеніе числа преступленій было лишь случайное. Но, къ сожалѣнію, теперь убѣдились въ томъ, что это предположеніе было неосновательно“.

Касаясь того же вопроса, *старофинская* „Uusi Aura“ (1911 г., № 155) указывала, что лѣто 1911 года „съ особенною очевидностью обнаружило, насколько опустился нравственный уровень финскаго народа. *Преступленій и различныхъ проявленій варварства было въ текущемъ году больше, чѣмъ когда либо*, если не считать времени, слѣдовавшаго непосредственно за большою забастовкою. Тогда преступленія носили исключительный характеръ и имѣли оттѣнокъ политическій, что, конечно, не можетъ служить ихъ оправданіемъ, а лишь объясненіемъ. Хотя господствующія нынѣ политическія условія не вполнѣ нормальны, однако они въ корнѣ отличаются отъ того революціоннаго помраченія, которое царило послѣ большой забастовки. Теперешнія преступленія не имѣютъ политическаго характера; они говорятъ лишь о проявляющемся въ обществѣ одичаніи нравовъ“.

Газета горевала, что все это даетъ матеріалъ „русскимъ врагамъ Финляндіи“ для неблагопріятныхъ выводовъ о состояніи финляндской культуры. Въ стремленіи найти причины замѣчаемаго въ народѣ нравственнаго паденія „Uusi Aura“ останавливалась на *вліяніи соціалъ-демократіи*, которое привело къ ослабленію религіознаго чувства. „Прежде всего, по мнѣнію газеты, необходимо воспитать мощное общественное мнѣніе, на-

правленное противъ явленій преступности и варварства въ народѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ разоблачать несостоятельность и пагубность понятій, которыхъ открыто придерживаются соціалисты и особенно ихъ представитель „Työmies“.

„Ужасныя убійства и грабежи близкаго къ 1905 году времени, писала также *старофинская* „Uusi Suometar“ (см. „Финляндскую Газету“, 1912 г., № 76), у насъ пробовали подвести подъ рамку политическихъ безпорядковъ или объяснить ихъ, какъ результаты послѣднихъ. Однако, позднѣе мы часто должны были убѣждаться въ томъ, что эти преступленія у насъ умѣютъ совершать и по мотивамъ много болѣе низкимъ, чѣмъ политическіе. Число убійствъ и грабежей увеличилось чрезмѣрно. Духъ насилія и преступности руководитъ людями. Грубость наложила свою печать на все людское поведеніе. Тѣ сообщенія о насиліяхъ, которыми въ настоящее время почти *сплошь заполнены* во всѣхъ газетахъ отдѣлы хроники, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ были почти неслыханными. Но, можетъ быть, кто либо скажетъ, что всѣ эти преступленія представляютъ собою только единичные случаи. Да, они, дѣйствительно, единичные случаи, но въ то же время *настолько общіе и многочисленные, что на основаніи ихъ вполнѣ логично кое что можно сказать о современномъ нравственномъ состояніи финскаго народа.* Въ нравственномъ отношеніи финскій народъ усиленнымъ темпомъ скользитъ по наклонной плоскости. На это обстоятельство слѣдовало бы обратить гораздо большее вниманіе, чѣмъ обычно на него обращалось. Это обстоятельство требуетъ по меньшей мѣрѣ настолько же основательнаго обсужденія, какъ и печальныя условія нашей политической жизни“.

Старофинская газета „Lahti“ (1911 г., № 102), высказывая свою полную солидарность съ изложенными выше взглядами, находила, что „главнымъ факторомъ, способствующимъ развитію преступности, является, несомнѣнно, *пьянство*, возрастающее въ виду свободной продажи вина. Въ городахъ можно добыть неограниченное количество спиртныхъ напитковъ. Сплошь да рядомъ случается, что и въ деревни вино доставляется изъ города, особенно подъ праздники. Несомнѣнно, что большая часть насилій, совершенныхъ подъ Ивановъ день, явилась результатомъ опьяненія“. При этомъ газета отмѣчала странное *поведеніе соціалъ-демократической партіи въ вопросѣ о налогѣ на спиртные напитки.* „Въ то время какъ этотъ налогъ является однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ дѣлѣ борьбы противъ пьянства, а, слѣдовательно, и преступности, соціалисты хлопочутъ объ уничтоженіи налога на спиртные напитки. Этимъ они берутъ на себя тяжелую отвѣтственность“.

Соціалистическая газета „Työmies“ (1911 г., № 169), однако, находила, что развитіе преступности не можетъ быть объяснено однимъ пьянствомъ. „Несомнѣнно, крѣпкіе напитки играютъ большую роль въ убійствахъ, давая толчокъ къ совершенію преступленія и порождая необходимую для преступленія смѣлость. Однако, основною причиною крѣпкіе напитки не могутъ быть, ибо въ такомъ случаѣ *среди высшихъ у насъ классовъ, гдѣ пьютъ болѣе всего*, каждый номеръ гостинницы былъ бы залитъ кровью и покрытъ трупами убитыхъ.

„Гдѣ же причина?.. Преступность и дикость берутъ начало у насъ въ томъ крайне жалкомъ положеніи, которое теперь является удѣломъ большей части населенія. Безработица, бездомничество подрываютъ семейную жизнь, дѣти растутъ безъ ласки и призора; пинки и розги достаются имъ въ обиліи. Лучи свѣта и знанія рѣдко проникаютъ въ массы бѣдноты, чтобы согрѣть и облагородить ихъ. *Дѣти и молодежь внѣ семьи воспитываются подъ вредными вліяніями улицы.* Неудивительно, что слѣдствіемъ всего этого является *духовное огрубѣніе; жестокость и насиліе дѣлаются обычными*; получаются мошенники, хулиганы и пр., которые ничего не знаютъ о гуманности и у которыхъ *каждый споръ рѣшается кулакомъ и ножемъ.*

„Само наше общество ожесточаетъ человѣка, ибо оно само въ основѣ своей грубо и безчеловѣчно; оно постоянно прибѣгаетъ къ насилію, мести и неправдѣ. Чиновники жестоко угнетаютъ бѣдныхъ и беззащитныхъ; полиція прибѣгаетъ къ пинкамъ, кулакамъ и саблямъ. Вездѣ—законное насиліе, законная грубость; удивительно ли, что законная дикость порождаетъ подобное же лишь въ незаконной формѣ; удивительно ли, что люди, лишенные просвѣщенія и понятія о человѣческомъ достоинствѣ, по своему дѣлаютъ то же самое, что они постоянно видятъ въ высшихъ слояхъ. Развѣ удивительно, что такимъ образомъ въ нихъ проявляется одичавшій духъ общественности?“..

Мнѣнія финляндскихъ газетъ объ особой склонности финляндцевъ къ преступности, являющейся слѣдствіемъ дикости мѣстнаго общества, вовсе не есть напрасное самобичеваніе. Въ странахъ, гдѣ среди населенія встрѣчаются финны, выселившіеся изъ Финляндіи, замѣчается особая склонность этого элемента къ преступности. Это замѣчено въ Сѣверной Америкѣ, замѣчено и въ Швеціи.

Финская газета „Kaiku“ въ 1911 году (№ 100) сдѣлала слѣдующее сообщеніе: „Въ Маргетскую тюрьму штата Мичигенъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ доставлено 278 новыхъ арестантовъ. По своей національности они дѣлятся слѣдующимъ образомъ: *финновъ 89* (32%), американцевъ 97, англо-американцевъ 54, шведовъ 17, англичанъ 11 и итальянцевъ 10. Изъ женщинъ: *финнокъ 5*, американокъ 4, англо-американокъ 1 и шведокъ 1. Какой то финскій писатель по поводу этихъ цифровыхъ данныхъ высказалъ сожалѣнію, что *финны, не смотря на свою малочисленность, все же являются самымъ многочисленнымъ элементомъ заграничныхъ тюремъ.* Въ вышеуказанномъ городѣ, кромѣ означенной мѣстной тюрьмы, находится еще большая правительственная тюрьма. *Количество заключенныхъ въ ней финновъ колеблется, обычно, между 30—50 чел.*“

Вотъ каковы культурные финны, попадающіе въ страну дѣйствительной культуры!

Весьма важно отмѣтить *увеличеніе въ Финляндіи преступности среди малолѣтнихъ.*

„Кто хотя бы поверхностно слѣдилъ за описаніемъ совершенныхъ въ нашей мѣстности въ текущимъ году преступныхъ дѣяній, пишетъ старофинская газета „Aamulehti“ (1912 г., № 181), тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что большинство этихъ дѣяній совершено молодыми людьми, почти дѣтьми. Прежде всего слѣдуетъ поставить убійства“. Газета приводитъ три случая совершенныхъ въ мѣстности убійствъ, причемъ убійцами всѣ три раза были мальчики отъ 16 до 20 лѣтъ. Равнымъ образомъ „немало совершено дѣтьми также кражъ; совсѣмъ недавно здѣсь обнаружена цѣлая воровская шайка, большинство членовъ которой были несовершеннолѣтніе. Съ ужасомъ приходится констатировать, что *дѣти у насъ выступаютъ на самыхъ разнообразныхъ преступныхъ поприщахъ*“.

„По свѣдѣніемъ Тюремнаго Управленія, пишетъ шведоманская „Hufvudstadsbladet“ (1911 г., № 59), въ теченіе 1903—1910 гг., число малолѣтнихъ преступниковъ мужескаго пола увеличилось съ 40 до 90 человѣкъ, а женскаго пола—съ 9 до 10 человѣкъ. Число порочныхъ мальчиковъ, принятыхъ въ воспитательный домъ, увеличилось съ 193 до 336 человѣкъ, а число подобныхъ же дѣвочекъ съ 36 до 47 человѣкъ. Число заключенныхъ въ карательные дома увеличилось въ ужасающей степени. Незначительное увеличеніе числа порочныхъ дѣвочекъ объясняется тѣмъ, что ихъ испорченность обнаруживается не въ дѣйствительныхъ нарушеніяхъ закона, а въ другихъ отношеніяхъ. Тюремное Управленіе усматриваетъ причину увеличенія порочности и преступности въ средѣ малолѣтнихъ преиму-

щественно въ возбужденіи, охватившемъ менѣе зажиточные классы. Семьи съ антирелигіозными тенденціями не въ состояніи воспитать дѣтей въ чувствѣ долга, честности и законопослушности. Политическіе конфликты (!) и связанные съ ними правовые конфликты, а также соціальная классовая борьба подѣйствовали-де разрушающе и на молодежь". Газетою почему то не приведены другія болѣе существенныя причины этого зла.

Старофинская „Uusi Aura" (1911 г., № 51), ссылаясь на то же заключеніе Тюремнаго Управленія, указываетъ, что „главныя причины увеличенія преступности заключаются въ худыхъ условіяхъ семейной жизни и развратности общества, въ средѣ котораго молодежь живетъ. Эти двѣ причины, а также пьянство, по мнѣнію Управленія, создаютъ много зла".

Старофинская „Aamulehti" (1912 г., № 181) причину развитія дѣтской преступности видитъ въ нуждѣ, охватившей рабочіе классы вслѣдствіе безработицы. Кромѣ того, по мнѣнію газеты, „въ настоящее время въ рабочихъ кругахъ не заботятся даже о самомъ элементарномъ домашнемъ воспитаніи дѣтей. Можно сказать, что по мѣрѣ того, какъ пропадаетъ въ нашемъ народѣ религіозность, въ немъ пропадаетъ также домашнее воспитаніе и дисциплина. Родители считаютъ болѣе священными свои обязанности въ отношеніи рабочихъ организацій, нежели въ отношеніи своихъ домовъ и семей. День они проводятъ въ работѣ, вечера въ собраніяхъ и союзахъ, для дѣтей же времени совсѣмъ не остается. Какъ только дѣти достигаютъ того возраста, что не надо слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ, они оставляются родителями на произволъ судьбы. Многіе изъ родителей преступныхъ дѣтей чистосердечно сознаются, что жизни своихъ сыновей они совершенно не знаютъ, хотя эти сыновья постоянно жили при родителяхъ".

Дѣйствительно, есть много основаній сомнѣваться въ правильной *постановкѣ нравственнаго воспитанія молодежи* не только въ рабочихъ, но и въ болѣе состоятельныхъ кругахъ общества.

Напримѣръ въ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 66) мы читаемъ, что школьная молодежь Гельсингфорса посѣщаетъ кафе-шантаны. Говоря объ успѣхахъ „Варьетэ" и „Кабаре", газета пишетъ: „Варьетэ посѣщаются теперь не только обычной ресторанной публикой, но и рабочими, учащеюся школьной молодежью и лицами женскаго пола, вращавшимися до сихъ поръ, главнымъ образомъ, въ семейномъ кругу. Присутствующая *публика* въ одномъ изъ такихъ *кабаре состояла*, по наблюденію хроникера, *изъ школьной молодежи всѣхъ возрастовъ*. Датская шансонетная пѣвица пѣла двусмысленныя вещи. Шведскій „универсальный" юмористъ выступалъ съ сальными пѣснями. Программа повторяется ежедневно при полныхъ сборахъ"...

Можно ли при подобныхъ условіяхъ удивляться паденію нравственности молодежи?

Если принять во вниманіе посѣщеніе молодежью описанныхъ увеселеній, можно легко понять и тотъ своеобразный характеръ, который имѣютъ, по сообщеніямъ газетъ, устраиваемые въ Гельсингфорсѣ въ послѣднее время *дѣтскіе балы*.

По словамъ газеты „Karjala" (1911 г., № 39), „сперва эти вечера устраивались въ частныхъ квартирахъ, но потомъ это было найдено „не въ достаточной мѣрѣ шикарнымъ", и мѣстомъ вечеровъ стали кухмистерскія. Не особенно давно, одинъ такой вечеръ, въ видѣ исключенія, все же былъ устроенъ въ частной квартирѣ. „Заиграла музыка, но танцы почему то не удавались. Дѣло скоро разъяснилось. Маленькая дочь устроителя вечера подошла къ своей мамашѣ и спросила: *почему же это „молодымъ господамъ" не предлагаютъ виски*, безъ котораго у нихъ не можетъ создаться соотвѣтствующаго настроенія. Ошибка была исправлена, и танцы начались въ полномъ разгарѣ".

Корреспондентъ „Suomalainen Kansa" (1911 г., № 40) по этому поводу пишетъ: „не знаю, насколько справедлива эта исторія съ виски, но во всякомъ случаѣ знаю навѣрное, что требованія, предъявляемыя къ этимъ „баламъ", громадны. *Дѣти на этихъ „балахъ" пріучаются къ такому поведенію, которое трудно себѣ даже представить.* Вечера эти обычно устраиваются гдѣ либо въ окрестностяхъ Гельсингфорса. Дѣти туда ѣдутъ въ обыкновенной одеждѣ, а лакеи сзади везутъ сшитыя по послѣдней модѣ платья. По пріѣздѣ на мѣсто „кавалеры" и ихъ „дамы" переодѣваются, и затѣмъ начинаются танцы, далеко за полночь. Во время танцевъ дѣтямъ подносятъ *шампанское* и такъ называемаго *„ерша"*. Одинъ 14-лѣтній мальчикъ съ гордымъ видомъ разсказалъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто на одномъ подобномъ вечерѣ, участникомъ котораго былъ и разсказчикъ. Балъ былъ устроенъ въ одномъ „въ высшей степени тонкомъ" семействѣ. Въ числѣ приглашенныхъ была одна дѣвочка, подруга дочери устроителей вечера. Родители этой подруги, отправляя ее на вечеръ, забыли ей дать съ собою бѣлыя перчатки. Это было нарушеніемъ „этикета". Провинившуюся наказали тѣмъ, что лакей въ присутствіи всѣхъ гостей поднесъ ей на серебряномъ подносѣ пару бѣлыхъ перчатокъ. По окончаніи всѣхъ подобныхъ баловъ „кавалеры" провожаютъ своихъ дамъ „домой".

Изъ этого описанія видно, что уже съ дѣтскаго возраста финляндцы состоятельныхъ классовъ пріучаются къ спиртнымъ напиткамъ *), въ дѣтяхъ развивается тщеславіе и другіе не свойственные дѣтскому возрасту пороки.

Съ другой стороны и школьное воспитаніе не способствуетъ смягченію нравовъ въ низшихъ классахъ населенія (см. главу вторую—„Школа").

Соціалистическая газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 167), признавая, что проявленія звѣрства уменьшаются по мѣрѣ развитія въ народѣ образованія, находитъ, что *финляндскія просвѣтительныя учрежденія не въ состояніи насадить настоящее просвѣщеніе.* Газета ссылается на Улеаборгскій съѣздъ народныхъ учителей, гдѣ большинствомъ голосовъ рѣшено *сохранить тѣлесное наказаніе* въ школахъ въ качествѣ необходимаго средства воспитанія. Это постановленіе, по мнѣнію газеты, служитъ лучшей аттестаціей учителей и доказываетъ, что они неспособны иными средствами внушить къ себѣ уваженіе учащихся, какъ только поддерживая въ учащихся угрозою наказанія чувство страха.

„Между тѣмъ должно быть ясно, что практикуемое въ народныхъ школахъ *тѣлесное наказаніе болѣе всего и способствуетъ развитію въ дѣтяхъ звѣрскихъ наклонностей.* Если малыя дѣти видятъ, что ихъ посредствомъ тѣлесныхъ наказаній принуждаютъ отъ чего либо воздерживаться или что либо дѣлать, то это во всякомъ случаѣ не воспитываетъ въ нихъ сознанія превосходства духовной силы надъ физическою. Наоборотъ—это укрѣпляетъ ихъ въ сознаніи того, что именно *кулачнымъ правомъ слѣдуетъ въ мірѣ отстаивать свои интересы*".

Такъ говоритъ соціалистическій органъ. Однако, какъ мы видѣли, и газеты *всѣхъ буржуазныхъ партій* принуждены констатировать развитіе въ Финляндіи преступности, паденіе нравовъ, въ связи съ недостатками въ воспитаніи молодежи и, главное, чрезвычайное распространеніе пьянства.

2. Пьянство.

Приступая къ освѣщенію столь непригляднаго общественнаго явленія, какъ пьянство, мы чувствуемъ то недовѣріе, которое испытываетъ читатель къ сообщенію о развитіи пьянства именно въ Финляндіи.

*) По словамъ старофинской „Uusi Aura" (1911 г., № 257), одинъ Выборгскій полицейскій подобралъ съ улицы двухъ совершенно пьяныхъ подростковъ. Одному изъ напившихся было 6 лѣтъ, другому 9.

Вѣдь трезвость Финляндіи, гдѣ даже спиртные напитки достать затруднительно, достаточно извѣстна каждому, побывавшему въ этой странѣ.

Дѣйствительно, „для борьбы съ пьянствомъ въ Финляндіи уже давно закономъ установлены строгія, стѣснительныя мѣры, въ силу которыхъ продажа водки разрѣшается только въ городахъ, изъ особыхъ складовъ, въ опредѣленномъ количествѣ въ однѣ руки; покупка въ складчину строго запрещается. Въ селеніяхъ-же, деревняхъ и на станціяхъ желѣзныхъ и почтовыхъ дорогъ продажа водки вовсе не допускается, а равно вовсе не допускается и въ городахъ въ праздничные дни и вечеромъ передъ праздниками; въ этихъ случаяхъ всѣ трактиры должны быть закрыты. На ярмаркахъ продажа водки не дозволена даже въ будни“ *).

Все это факты, доказывающіе какія мѣры принимаются въ Финляндіи для борьбы съ народнымъ порокомъ, и это, конечно, на первый взглядъ производитъ благопріятное впечатлѣніе.

Главный признакъ трезвости видятъ въ томъ, что, проѣзжая по городамъ Финляндіи, рѣдко можно встрѣтить на улицахъ пьяныхъ.

Если послѣдній фактъ, до извѣстной степени, вѣренъ, то этотъ внѣшній признакъ едва ли можетъ служить показателемъ трезвости населенія Финляндіи.

Выше было указано, что въ 1908 г. въ судахъ низшей инстанціи было осуждено за пьянство въ Финляндіи 15.859 человѣкъ, изъ коихъ 15.096 человѣкъ въ городахъ и 763 въ деревняхъ (Статистическій Ежегодникъ Финляндіи, 1910 г.). Конечно, незначительное, по сравненію съ городами, число задержанныхъ за пьянство въ деревняхъ объясняется не тѣмъ, что въ деревняхъ пьянство распространено настолько меньше, а главное особою, хорошо постановленною *системою „уловленія“ пьяныхъ* въ городахъ. Если означенныя цифры осужденныхъ за пьянство въ 1908 г. взять въ сравненіи съ численностью населенія—окажется, что по всей Финляндіи на каждую тысячу населенія за пьянство было осуждено 5 человѣкъ, а если взять отдѣльно города, то на каждую тысячу городского населенія было осуждено 34 пьяницы.

Цифры эти, думается, должны весьма поколебать сложившее мнѣніе объ исключительной трезвости финляндцевъ. Чѣмъ же объясняется дѣйствительно почти полное отсутствіе пьяныхъ на улицахъ?

Отвѣтъ на это даетъ, со словъ старофинской „Uusi Suometar“, „Финляндская Газета“ (1911 г., № 133) въ статьѣ *„Нѣсколько словъ и цифръ о трезвости въ Финляндіи“*. Газета ссылается на примѣръ Гельсингфорса. По словамъ газеты, *„въ этомъ центрѣ культуры Финляндіи пьютъ, какъ нигдѣ“*.

„Отсутствіе же на улицахъ пьяныхъ объясняется лишь хорошей „работой“ дрессированныхъ полицейскихъ, которые, замѣтивъ на улицѣ выписывающаго „мыслете“ гражданина, тотчасъ же устремляются къ нему, „вѣжливо“ берутъ подъ руки и ведутъ... въ „будку“ **). Подобнаго рода „доставка“ практикуется, когда субъектъ хотя и пьянъ, но еще держится на собственныхъ ногахъ. Если же онъ бываетъ пьянъ до безчувствія, то полицейскій вызываетъ свисткомъ извозчика и, втиснувъ „тѣло“ въ пролетку, везетъ его въ полицію. По улицамъ расхаживаютъ еще переодѣтые въ штатское представители, такъ называемой, полиціи нравовъ, на обязанности которыхъ лежитъ также наблюденіе за пьяными и доставка ихъ въ участки. Въ будкѣ пьяный субъектъ остается до слѣдующаго дня, когда его, успѣвшаго къ тому времени вытрезвиться, предварительно записавъ

*) Д. С. Тризна. „Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи“, СПБ., 1911 г., стр. 29.
**) Камеры для вытрезвленія носятъ въ Финляндіи названіе „putka“ и находятся при нѣкоторыхъ полицейскихъ участкахъ.

въ книгу „постояльцевъ“ и получивъ штрафныя деньги, отпускаютъ на всѣ четыре стороны. Каждый такой „постоялецъ“ обязанъ платить, какъ говорятъ, за ночлегъ на соломѣ и вытрезвленіе отъ 5 до 25 марокъ, изъ каковой суммы 1 марку получаетъ доставившій его извозчикъ. Размѣръ штрафа съ каждымъ новымъ „посѣщеніемъ“ увеличивается. Если же „субъектъ“ настолько бѣденъ, что не можетъ внести этой суммы, то его приглашаютъ прожить нѣкоторое время на „казенной квартирѣ“, на „казенныхъ“ же хлѣбахъ“.

По сообщенію газеты „Uusi Suometar“, въ числѣ кліентовъ камеры для вытрезвленія довольно часто встрѣчаются и лица изъ общества. Газета такъ говоритъ объ этомъ: „Тѣ 79.000 бутылокъ шампанскаго, которыя въ прошломъ году были роспиты въ Гельсингфорсѣ, помогли многимъ *господамъ* попасть на жесткое ложе полицейскаго управленія“.

Такъ какъ и извозчики, получающіе за доставку въ участокъ каждаго пьянаго 1 марку, заинтересованы въ нахожденіи пьяныхъ, шатающихся по улицамъ, то понятно, что рѣдкій пьяный на улицѣ можетъ ускользнуть отъ доставки въ участокъ.

„Къ чему подобная система ведетъ, говоритъ „Финляндская Газета“, въ это мы вдаваться не будемъ, но, повидимому, она не приноситъ особой пользы объекту доставки, а также не способствуетъ и дѣлу трезвости въ Финляндіи, такъ какъ съ каждымъ годомъ число доставленныхъ въ участокъ лицъ увеличивается“.

Особенно, конечно, пьянство наблюдается въ праздничные дни, когда число доставляемыхъ въ участокъ пьяныхъ достигаетъ десятковъ, даже сотенъ. И подобное явленіе отмѣчается не только въ Гельсингфорсѣ, но и въ другихъ городахъ.

Газета „Itä-Suomen Sanomat“ (1911 г., № 61) пишетъ, что въ ночь на лютеранскую Троицу (22 мая по старому стилю) *Вильманстрандская полицейская камера* была буквально *переполнена* „гостями“, т. е. собранными съ улицъ *пьяными*.

Подобное же переполненіе замѣчается въ гор. Выборгѣ. Это недавно (въ іюнѣ 1911 г.) заставило Выборгскаго полиціймейстера Пеконена обратиться къ городскимъ гласнымъ съ ходатайствомъ *объ увеличеніи* въ первомъ городскомъ полицейскомъ участкѣ *числа камеръ для подобранныхъ съ улицы пьяныхъ*. „Въ настоящее время, писалъ полиціймейстеръ, подобныхъ камеръ въ городѣ имѣется только три, изъ которыхъ двѣ отведены для мужчинъ и одна для женщинъ. Всѣ эти три камеры находятся въ самыхъ невѣроятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, такъ что *„прилично одѣтыхъ пьяныхъ*, по мнѣнію полиціймейстера, *въ нихъ жалко даже и садить“*. По проекту полиціймейстера, необходимо устроить еще 4 камеры, двѣ изъ которыхъ были бы отведены для подобранныхъ въ безсознательномъ состояніи и двѣ для „полупьяныхъ“ („Työmies“, 1911 г., № 136).

Въ упомянутой выше статьѣ „Финляндской Газеты“ (1911 г., № 133) приводятся нѣкоторыя статистическія *данныя, заимствованныя изъ газеты „Uusi Suometar“*. Данныя эти, почерпнутыя изъ книгъ Гельсингфорскаго полицейскаго управленія, могутъ служить прекраснымъ показателемъ состоянія трезвости и вообще въ городахъ Финляндіи.

„Согласно этимъ даннымъ многіе изъ доставленныхъ въ участки находились въ такомъ положеніи, когда человѣкъ уже рѣшительно ничего не соображаетъ и теряетъ совершенно человѣческій обликъ. Другіе же были въ такомъ состояніи, что становились опасными для окружающихъ.

„За появленіе въ пьяномъ видѣ было забрано въ Гельсингфорсѣ въ „будку“ въ 1905 г.: мужчинъ 9.265, женщинъ 1.126; всего 10.391. Соотвѣтствующія цифры 1906 г.—мужчинъ 11.110, женщинъ 891; всего 12.001. Въ 1907 г. —мужч. 16.821, женщ. 1.156; всего 17.977. Въ 1908—мужч. 17662,

женщ. 1.019; всего 18 681. Въ 1909—мужч. 15.914, женщ. 1.108; всего 16.022. Въ 1910—мужч. 14.575, женщ. 1.019; всего 15.532.

„Въ первую половину 1911 года было забрано пьяныхъ мужчинъ 7.080 и женщинъ 508; всего 7,588. Между прочимъ, въ февралѣ—917 мужчинъ и 74 женщинъ, а въ августѣ—1.779 мужчинъ и 79 женщинъ.

„Если считать населеніе Гельсингфорса въ 150.000 человѣкъ, то выходитъ, что каждый 10-й побывалъ въ „будкѣ". Если же принять во вниманіе то, что изъ 150.000 населенія этого города взрослыхъ людей всего 40.000, то окажется, что около половины является кліентами камеры для вытрезвленія. Между ними, конечно, встрѣчается много и такихъ, которые бываютъ въ этой камерѣ по нѣскольку разъ въ годъ.

„Какъ видно изъ вышеприведенныхъ нами цифръ, до 1908 г. число подобранныхъ пьяныхъ ежегодно росло, а съ этого года стало значительно падать. Это отнюдь нельзя объяснить уменьшеніемъ пьянства, а только лишь сокращеніемъ числа полицейскихъ, которыхъ въ 1908 г. было 752, а въ 1910 году всего 465.

„*Uusi Suometar*" такъ говоритъ объ этомъ: „Естественно, что 752 полицейскихъ въ 1908 году нашли большее число пьяныхъ, чѣмъ 500 полицейскихъ въ 1910 году, хотя въ послѣднемъ году безъ сомнѣнія пьянствовали больше, нежели въ 1908".

„Однимъ словомъ, заключаетъ „Финляндская Газета", въ Финляндіи пьянство прогрессируетъ, и можно смѣло сказать, что этотъ край *страдаетъ алкоголизмомъ*".

Склонность къ пьянству финновъ отмѣчалась такими людьми, авторитетъ которыхъ стоитъ высоко въ глазахъ финляндцевъ.

Такъ въ обширномъ трудѣ *архитектора Аренберга „Люди, которыхъ я зналъ"*, содержатся, между прочимъ, воспоминанія *о бывшемъ Министрѣ статсъ секретарѣ Великаго Княжества Финляндскаго фонъ-Денъ*. Авторъ, разсказывая о частыхъ поѣздкахъ своихъ по Финляндіи, вмѣстѣ съ фонъ-Деномъ, во время которыхъ онъ имѣлъ возможность съ нимъ ближе познакомиться, съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ о поѣздкѣ въ Вильманстрандъ въ 1885 г. во время подготовленій къ пріему Императора Александра III.

„Первыя сутки мы жили въ городской гостинницѣ въ одной комнатѣ. Жизнь въ Вильманстрандскихъ гостинницахъ того времени была *шумная, безпокойная и пьяная*. Когда граждане города навеселѣ принимались распѣвать патріотическія пѣсни, обсуждать мѣстныя скандальныя исторіи или сводить свои партійные счеты, то легко могло дойти до того, до чего часто доходятъ въ нашихъ малыхъ провинціальныхъ городахъ.

„Фонъ-Денъ, ненавидѣвшій пьянство больше всѣхъ прочихъ пороковъ, особымъ свойственнымъ ему образомъ *выразилъ свое отвращеніе и гнѣвъ на этотъ національный порокъ* и однажды сказалъ мнѣ: „Да, архитекторъ, вы состоите предсѣдателемъ какого то союза трезвости для рабочихъ, это прекрасно, что и говорить. Но съ ихъ пьянствомъ легче бороться, а вотъ *какъ бы построже обойтись съ средними сословіями* въ этомъ смыслѣ". Къ этому вопросу онъ часто возвращался. „Ахъ, какъ неизмѣримо выше насъ народы юга, *мы варвары по сравненію съ ними*. И эта наша грубость въ рѣчи и жестахъ все продолжается. Невольно вспоминаются грузины, армяне, не говоря уже о туркахъ, любезныхъ, трезвыхъ. Какіе у всѣхъ нихъ манеры. Рядомъ съ ними мы дикіе, преисполненные грубости и зла".

На одномъ собраніи корельскаго общества трезвости въ Сердоболѣ, происходившемъ въ началѣ 1911 года, секретарь общества въ вступительной рѣчи констатировалъ фактъ настолько сильнаго развитія въ Финляндіи пьянства, что дальнѣйшее распространеніе его можетъ грозить, по мнѣнію оратора, *уничтоженіемъ самой финской націи* („Laatokka", 1911 г., № 37).

Дѣйствительно, даже количество потребляемыхъ въ Финляндіи спиртныхъ напитковъ отнюдь не можетъ назваться малымъ.

По словамъ Д. С. Тризны („Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи", СПБ., 1911 г., стр. 30), *„количество выпитыхъ въ Финляндіи спиртныхъ напитковъ* въ 1905 году было слѣдующее: 8.246.000 литровъ водки въ 50%, или 10.307.000 въ 40%, пива 21.000.000 литровъ и привознаго вина на 5.710.000 финскихъ марокъ *). Если эти количества распредѣлить на число населенія, то на каждую душу придется (считая въ ведрахъ): водки—0,29, пива—0,60 и привозныхъ винъ почти на 2 марки или 75 коп. **). По словамъ финляндскихъ газетъ нигдѣ на свѣтѣ не истребляется столько бенедиктина, какъ въ Финляндіи".

Въ газетѣ „Työmies" (отъ 28 января 1912 г.) были помѣщены статистическія свѣдѣнія о выпитыхъ за время 1908—11 г.г. спиртныхъ напиткахъ въ Гельсингфорсѣ. Изъ нихъ видно, что въ 56 ресторанахъ Гельсингфорса въ 1908 г. было выпито 182.955 литровъ такихъ напитковъ, причемъ больше всего выпито было водки (89.202 л.) и пуншу (40.864 л.); въ 1910 г. всего 192.350 л., причемъ потребленіе перваго напитка уменьшилось (70.408 л.), а второго настолько же увеличилось (51.270 л.). Коньякъ тоже занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ: въ 1908 г.—35.212 л., а въ 1910 г.—34.151 л.

Въ сколь большемъ количествѣ финны любятъ запасаться крѣпкими напитками на праздничные дни, видно изъ того, что, по сообщенію газеты „Россія" (1910 г., № 1423), одна изъ винныхъ лавокъ въ г. Улеаборгѣ въ теченіе трехъ дней, предшествовавшихъ Иванову дню, „продавала водки каждый часъ приблизительно на тысячу марокъ".

При такомъ значительномъ потребленіи крѣпкихъ напитковъ, которое, повторяемъ, развивается несмотря на всѣ принимаемыя ограничительныя мѣры,—весьма понятны тѣ описанія совершаемыхъ пьяными финнами буйствъ, дракъ и преступленій, которыми полны хроники финляндскихъ газетъ. Выдержки изъ этихъ газетъ будутъ приведены ниже, здѣсь же приведемъ пикантныя сообщенія *о пьянствѣ общественныхъ дѣятелей*.

Въ 1909 году одинъ *депутатъ Финляндскаго сейма* отъ восточнаго округа Куопіоской губ. соціалистъ *К.* отправился въ Швецію читать „лекціи" горнорабочимъ г. Каруны. Однажды въ желѣзно-дорожномъ паркѣ сосѣдняго городка Лулео онъ былъ *поднятъ мертвецки пьянымъ*. Когда было установлено, кто онъ и зачѣмъ пріѣхалъ, полиція предложила ему немедленно выѣхать изъ Швеціи. Оказалось, однако, что К. *пропилъ всѣ свои деньги*. Одинъ пароходъ согласился безплатно доставить его въ Финляндію („Россія", 1909 г., № 1130).

Въ томъ же 1909 г. *ярый сторонникъ трезвости*, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ соціалистическаго „Työmies" и предсѣдатель секретаріата профессіональнаго союза финляндскихъ рабочихъ *судился* въ ратгауэскомъ судѣ *за пьянство*, буйство, сопротивленіе полиціи и избіеніе констабля. Приговоренъ къ штрафу въ 180 марокъ, съ замѣною, при несостоятельности, арестомъ на 28 дней („Россія", 1909 г., № 1143).

Обычнымъ предметомъ сообщаемыхъ газетами болѣе или менѣе веселыхъ анекдотовъ является также *неумѣренное потребленіе вина пасторами*.

Газета „Rajavahti" (1907 г., № 147) передаетъ, что изъ погреба Куусъярвской церкви испарилось 40 литровъ вина. „Пропажу скрываютъ, ибо виновникъ испаренія ходилъ въ погребъ съ надлежащимъ ключемъ, открывалъ погребъ и аккуратно закрывалъ его".

Въ томъ же духѣ сообщаетъ анекдотъ газета „Savon Työmies" (1910 г., № 39) объ одномъ пасторѣ, совершавшемъ службы для арестантовъ. „Тюремный пасторъ въ своей проповѣди утѣшалъ наиболѣе закоснѣлыхъ преступниковъ. „И тебѣ, доро-

*) Въ 1906 г. на 5 480 т. м., въ 1907—5.765, въ 1908—6.350, въ 1909—6.243 т. м. (Статистич. Ежегодникъ Финляндіи 1911 г.).

**) По оффиціальнымъ даннымъ, въ Финляндію ввозится ежегодно коньяку, рому и друг. крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ на сумму около 6 милліоновъ марокъ; въ самой Финляндіи крѣпкихъ напитковъ приготовляется на сумму около 8 милліоновъ марокъ

гой брате во Христѣ, готово помилованіе отъ Пострадавшаго за грѣхи наши и т. д.". Одинъ изъ арестантовъ съ широко раскрытыми глазами понемногу приближается къ пастору. Какъ только пасторъ кончилъ, арестантъ со вздохомъ сказалъ: „Еще разъ скажите эти слова, г. пасторъ!" Пасторъ началъ снова: „И тебѣ, дорогой брате во Христѣ, и т. д." Арестантъ все ближе подходитъ къ пастору и опять, по окончаніи пасторомъ словъ проповѣди, сказалъ: „Ой, дорогой пасторъ, повторите эти слова еще разъ!" Въ восторгѣ отъ неожиданной набожности пасторъ спрашиваетъ: „Неужели тебѣ, братъ, давно уже не говорили словъ утѣшенія, если ты такъ жадно слушаешь эти слова изъ моихъ устъ?"—„Говорили, но... вотъ уже 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ отвѣдалъ пунша, а изъ вашихъ устъ, г. пасторъ, распространяется такое чудное благоуханіе пунша!"

Послѣ финскаго Иванова дня газета „Rajavahti" (1910 г., № 69), писала: «Не былъ ли на Ивановской гульбѣ и нашъ пасторъ? Минувшимъ воскресеньемъ вѣнчали одну парочку. Все бы тутъ было хорошо, да пасторъ отстранилъ жениха, а на его мѣсто поставилъ одного изъ свидѣтелей, въ качествѣ исправляющаго должность. Правда, что невѣста не совсѣмъ была довольна исправляющимъ должность, да и женихъ теперь не знаетъ, холостъ онъ или уже числится вдовцомъ".

Газета „Työmies" (1911 г., № 141) сообщаетъ: „Проходившіе вечеромъ 17 іюля между усадьбой пастора одного изъ ближайшихъ къ Або приходовъ мальчики увидѣли довольно странную картину: на пасторскомъ дворѣ стоялъ въ нижнемъ бѣльѣ какой-то мужчина и что-то во все горло пѣлъ. Мальчики, не желая ему мѣшать, прибавили шагу. Но пѣвецъ, увидѣвъ ихъ, бросился за ними въ погоню. Мальчики пустились бѣжать, а мужчина за ними. Наконецъ, убѣдившись въ безрезультатности погони, мужчина (бывшій все время въ нижнемъ бѣльѣ) подбѣжалъ къ одной торпѣ и сталъ требовать, чтобы ему открыли двери. Хозяева торпы этого не исполнили. Тогда мужчина сталъ грозить, что онъ убьетъ всѣхъ находящихся въ торпѣ людей. Когда и это не помогло, мужчина разбилъ въ торпѣ окно и затѣмъ, еще немного побуянивъ, ушелъ домой. Утромъ, подвергавшіеся погонѣ мальчики узнали, что буянившій мужчина былъ мѣстный пасторъ. Все вышеизложенное онъ сдѣлалъ въ нетрезвомъ видѣ".

Въ другомъ нумерѣ той же газеты (1911 г., № 160) читаемъ: „Сторожъ Нурмиеской лютеранской кирки Гранской, войдя въ нее 4-го числа сего мѣсяца, замѣтилъ, что въ устроенномъ рядомъ съ алтаремъ погребкѣ, не хватаетъ нѣсколькихъ бутылокъ церковнаго вина При произведенномъ по поводу этого обстоятельства дознаніи выяснилось, что вино было похищено черезъ устроенную въ ризницѣ дверь, которую воръ, очевидно, открылъ какою-нибудь отмычкой. Что касается личности вора, то было установлено, что онъ только пьяница, но не грабитель, такъ какъ всѣ находившіяся въ киркѣ деньги оказались нетронутыми. Воромъ оказался псаломщикъ кирки Х. К."

Въ газетѣ „Työ" (1911 г., № 249) находимъ сообщеніе, что „нѣкій лютеранскій пасторъ, придя на-днихъ съ большимъ запасомъ спиртныхъ напитковъ въ какую-то гостинницу одного изъ ближайшихъ къ Выборгу уѣздныхъ городовъ, напился въ ней пьянымъ Утромъ, когда прислуга пришла прибирать занятую пасторомъ комнату, она была свидѣтельницей отвратительной картины".

Младофинская газета „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 243) пишетъ, что „церковный совѣтъ Пеутуяскаго прихода извѣстилъ Абоскую духовную консисторію, что капелланъ означеннаго прихода Н. Л, кромѣ систематическаго пьянства, сдѣлалъ цѣлый рядъ другихъ требующихъ наказанія проступковъ".

О случаяхъ пьянства и буйства въ пьяномъ видѣ *полицейскихъ* также можно найти много сообщеній въ газетахъ всѣхъ направленій.

„Абоосскій полицейскій В., придя въ нетрезвомъ видѣ въ баню, завязалъ тамъ споръ со служащими, а затѣмъ разругался съ бывшими въ банѣ извощиками Во время спора В, придя въ ярость, выхватилъ револьверъ и началъ стрѣлять въ потолокъ Вызванною по телефону полиціею онъ былъ связанъ и доставленъ въ участокъ. Послѣ разбора дѣла буянъ лишенъ должности" („Uusi Aura", 1910 г., № 299).

Однажды въ 1910 г. „въ кофейнѣ, около ст. Перкъярви, произошла драка между посѣтителями, въ числѣ которыхъ былъ и полицейскій констабль Т Х., произведшій изъ револьвера три выстрѣла, причемъ одинъ изъ посѣтителей былъ раненъ въ руку. Послѣ этого удалось выпроводить полицейскаго изъ кофейни; однако онъ не успокоился и еще на дворѣ продолжалъ стрѣлять По разсказамъ, полицейскимъ было произведено еще 19 выстрѣловъ черезъ дверь и при этомъ онъ ранилъ двухъ человѣкъ" („Karjala", 1910 г., № 225).

„13 ноября 1910 г., около 9 ч. вечера двое пьяныхъ полицейскихъ констаблей почти насильно ворвались въ мѣстную кофейню. Тамъ одинъ изъ нихъ упалъ и растянулся на полу, причемъ его каска полетѣла въ уголъ. Когда хозяйка кофейни всѣми способами старалась выпроводить непрошенныхъ гостей, то ползающій по полу полицейскій вдругъ сдѣлался строгимъ и угрожалъ на другой же день устроить такъ, что кофейню закроютъ, если имъ не дадутъ „чаю". Наконецъ, хозяйкѣ удалось ихъ выпроводить, но одинъ изъ нихъ забылъ въ кофейнѣ свою саблю; въ часъ ночи,

когда всѣ въ домѣ уже спали, полицейскій вернулся, сталъ стучать въ окна и дверь и требовалъ свою саблю. Когда раскрыли дверь, чтобы дать ему саблю, то онъ опять насильно вошелъ въ комнату и сталъ настойчиво навязывать хозяйкѣ свою любовь" („Työ", 1910 г., № 269).

„Однажды, вечеромъ, полицейскій изъ Гранкулла появился въ мѣстномъ поѣздѣ, отходящемъ въ 8 ч. 30 м. въ Кирконуми, въ совершенно пьяномъ видѣ—„пьяный, какъ свинья", по выраженію газеты. Въ концѣ-концовъ его стало рвать, и тогда терпѣніе публики иссякло и она потребовала его удаленія. На ст. Гранкулла полицейскій былъ удаленъ" („Työmies", 1910 г, № 194).

4 января 1910 г. пять Лаппескихъ полицейскихъ были командированы на одно озеро отыскивать трупъ утонувшей тамъ дѣвочки Предъ отходомъ на поиски, полицейскіе зашли въ Вильманстрандскую винную лавку и къ вечеру „всѣ блюстители порядка" были совершенно пьяны Между ними завязался споръ, а затѣмъ драка. При возвращеніи въ городъ полицейскій сталъ стучаться въ двери одного Тюстерніемскаго дома Когда ему отказались открыть, то онъ началъ грозить поджечь домъ. Товарищъ его, спрошенный о томъ, правда ли это, откровенно заявилъ, что онъ былъ настолько пьянъ, что ничего не помнитъ" („Työmies", 1911 г., № 10).

Газета „Työ" (1911 г., № 40) пишетъ, что въ одномъ изъ финляндскихъ приморскихъ приходовъ существуетъ „блюститель порядка", который всегда бываетъ въ настолько *нетрезвомъ видѣ*, что вмѣсто „наведенія порядковъ" *самъ ихъ всегда нарушаетъ*. Та же газета (1910 г., № 205) сообщаетъ о буйствѣ полицейскихъ изъ дер. Пелляккяля. Муоласкаго прихода, въ такъ называемой мѣстности „раяся".

„Однажды въ Торнео, разсказываетъ „Kansan Tahto", въ домѣ общества пожарныхъ было устроено состязаніе въ борьбѣ. На состязаніе прибыли изъ Гельсингфорса два чина сыскной полиціи для производства поисковъ за шайкою воровъ. Одинъ изъ сыскныхъ былъ *сильно подпулявши* и затѣялъ драку съ извощиками. Онъ схватилъ одного извощика за горло, а другой рукой выхватилъ револьверъ, угрожая застрѣлить противника. Револьверъ однако далъ осѣчку. Въ то время прибѣжали члены гимнастическаго общества и выхватили револьверъ. Во время схватки съ послѣдними полицейскій все время пытался стрѣлять и разорвалъ одежду одного изъ унимающихъ. Замѣчательно, что присутствовавшіе *чины мѣстной полиціи не вмѣшивались*. Только послѣ разоруженія разъяреннаго они повели его къ себѣ домой. На слѣдующій день лицо, чей костюмъ былъ разорванъ, потребовало у буяна вознагражденія, которое тутъ же и было уплачено" („Kansan Tahto", 1911 г., № 55).

„Одинъ Таваастгусскій типографщикъ В. Л. поссорился съ констаблемъ В. М. въ гостинницѣ изъ-за какихъ-то пустяковъ. М. обѣщался отомстить. Спустя нѣсколько дней Л. гулялъ въ городѣ, причемъ ему на встрѣчу попался констабль М. *въ пьяномъ видѣ*. М. набросился на Л., но тотъ началъ звать городового. Позже вечеромъ, когда Л. съ товарищемъ возвращался домой, на нихъ набросились сторожившіе ихъ у заставы полицейскіе М. и К. В. Они повалили Л. на землю, при чемъ констабль М. бритвою нанесъ Л. глубокую рану, длиною въ 20 сантиметровъ, въ спину. Затѣмъ полицейскіе быстро убѣжали. На крики прибѣжалъ городовой, который доставилъ раненаго къ врачу. *Одинъ изъ прибѣжавшихъ на мѣсто происшествія полицейскихъ намѣревался выручить своихъ товарищей*. Когда его послали на квартиру М. и В., чтобы узнать, были ли они дома, онъ налгалъ, что видѣлъ ихъ преспокойно спавшими, хотя вовсе не ходилъ къ нимъ на квартиру. Интересно еще, что полиціймейстеръ отказался назвать фамилію полицейскаго, намѣревавшагося скрыть преступниковъ" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 102). Дѣло это 23 августа 1911 г разбиралось въ Таваастгусскомъ ратгауаскомъ судѣ, который приговорилъ М. къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, къ возмѣщенію судебныхъ издержекъ и къ уплатѣ рабочему Л. 100 марокъ. („Lahti", 1911 г., № 193).

„4 іюля 1911 г. Муоласкій уѣздный судъ присудилъ полицейскаго Х., *за безпричинную стрѣльбу по рабочимъ* М. и Р., къ годичному заключенію въ тюрьмѣ и къ уплатѣ понесенныхъ послѣдними расходовъ по лѣченію, въ размѣрѣ 1.000 марокъ" („Työmies", 1911 г., № 153).

„Якобстадскій полицейскій Х., придя на квартиру одного обывателя, *безъ причины избилъ тамъ всѣхъ его дѣтей*. Лицамъ, пытавшимся его остановить, Х. угрожалъ револьверомъ" („Työ", 1911 г., № 186).

„Яккимаскій полицейскій Х., пріѣхавъ 9 іюня въ *нетрезломъ видѣ* къ выстроенному близъ станціи балагану, сталъ тамъ безобразить. Первоначально онъ пытался въѣхать въ балаганъ на лошади, но когда это ему не удалось, онъ перепрыгнулъ черезъ устроенный для стрѣльбы барьеръ и началъ валить поставленныя тамъ для стрѣльбы мишени. Пытавшемуся остановить его хозяину Х. грозилъ ручными кандалами. Не будучи въ состояніи долго держаться на ногахъ, блюститель порядка свалился, сильно разбившись, на землю, гдѣ и пролежалъ до тѣхъ поръ, пока не былъ „прибранъ" вызваннымъ черезъ ленсмана вторымъ полицейскимъ" („Rajavahti", 1911 г., № 63).

Однажды, по сообщенію газеты „Karjala" (1911 г., № 74), на станціи Келломяки двое полицейскихъ вмѣстѣ съ станціоннымъ телеграфистомъ устроили попойку, причемъ выпили пришедшій на чье-то имя коньякъ. По этому поводу было произведено

слѣдствіе, результатомъ котораго явилось увольненіе всѣхъ участниковъ попойки со службы.

Вообще, по словамъ газеты „Туö“ (1911 г., № 191) все чаще приходится слышать о томъ, что финляндскіе блюстители порядка находятся во время исполненія своихъ служебныхъ обязанностей въ нетрезвомъ видѣ. „*Въ газетахъ объ этихъ фактахъ пишется мало* потому, что буржуазные суды, не обращая вниманія на справедливость такихъ сообщеній, налагаютъ на помѣщающихъ ихъ въ своихъ газетахъ редакторовъ большіе штрафы“. Такимъ образомъ въ газеты попадаетъ лишь небольшая часть описаній подвиговъ полицейскихъ чиновъ, но и того, что попадаетъ, достаточно.

Въ газетныхъ хроникахъ встрѣчаются сообщенія о появленіи въ пьяномъ видѣ, даже при исполненіи служебныхъ обязанностей, *фискаловъ* (прокуроровъ), за что послѣдніе привлекались къ суду.

„Въ Кемискомъ ратгаузскомъ судѣ въ 1910 г. разсматривалось дѣло, возбужденное противъ городского фискала І. А. Н. *по обвиненію въ пьянствѣ во время исполненія служебныхъ обязанностей и употребленіи конфискованнаго коньяка.* Дѣло возбуждено согласно требованія прокурора.—Н., ранѣе возбужденія дѣла, успѣлъ подать въ отставку, но прокуроръ постановилъ принять прошеніе къ разсмотрѣнію лишь по окончаніи судебнаго дѣла“ („Uusi Aura“, 1910 г., № 130).

По сообщенію газеты „Karjala“ (1911 г., № 166), въ среднихъ числахъ мая и. о. полиціймейстера города Котки представилъ Выборгскому губернатору рапортъ, въ которомъ онъ сообщалъ, что коткаскій ратгаузскій судъ позволялъ общественному обвинителю, городскому фискалу Г. Р. О. выступать на судѣ въ нетрезвомъ видѣ, что означенный судъ рѣшалъ дѣла безъ допроса предлагавшихся свидѣтелей и что имъ безъ причины отводились свидѣтели изъ чиновъ полиціи. Поэтому полиціймейстеръ ходатайствовалъ о вмѣшательствѣ губернатора. Губернаторъ направилъ жалобу прокурору, который и потребовалъ объясненія какъ отъ суда, такъ и отъ фискала О. Объясненія суда признаны были удовлетворительными, фискала же прокуроръ распорядился предать суду и отстранилъ отъ должности впредь до рѣшенія его дѣла („Uusi Suometar“, 1911 г., № 96)

Въ половинѣ іюля 1912 года, по словамъ газеты „Туö“ (1912 г., № 162), фискалъ города Каяны Ф., въ сообществѣ конторщика Х. и телеграфиста Х., въ пьяномъ видѣ пошли гулять по городу. На углу двухъ улицъ „фискалъ вынулъ изъ кармана нѣсколько пивныхъ бутылокъ и началъ ихъ тщательно осматривать. Стоявшій въ это время на томъ же углу нѣкій портной, увидѣвъ занятіе фискала, замѣтилъ своему товарищу: „Посмотри-ка на нашего фискала“. Эта фраза, услышанная фискаломъ, страшно озлобила его. Онъ, подобно какому-то разъяренному звѣрю, бросился на портного и началъ его бить, толкать, рвать на немъ одежду и т. д. Въ концѣ концовъ портному все же удалось вырваться изъ рукъ пьянаго чиновника и убѣжать. Между тѣмъ, на поднятый фискаломъ шумъ, собралась большая толпа народа. Фискалъ, замѣтивъ это, врѣзался въ толпу и началъ въ ней бить и толкать всѣхъ попадавшихся подъ руку людей. Между прочимъ, онъ сильно толкнулъ нѣкоего Л. Послѣдній, съ цѣлью самозащиты, поднялъ руку. Фискалъ понялъ это какъ нападеніе на него и, признавъ полицейскаго, приказалъ ему вести мнимаго обидчика въ полицейскую камеру. Набравъ затѣмъ изъ публики свидѣтелей, фискалъ самъ пошелъ позади задержаннаго, не переставая въ то же время его усердно толкать и трясти. По дорогѣ въ полицію фискалъ зашелъ во дворъ одного мѣстнаго обывателя К. и тамъ оставилъ всѣ имѣвшіяся при немъ пивныя бутылки. Горожане, узнавъ объ этомъ, въ теченіе цѣлаго дня приходили смотрѣть на эти бутылки „точно какъ на какое-либо чудо“. По приходѣ въ полицію фискалъ призвалъ комиссара и приказалъ ему приступить къ дознанію. Комиссаръ, задавъ „обидчику“ и „обиженному“ по нѣсколько вопросовъ, предложилъ имъ, равно какъ и свидѣтелямъ, разойтись по домамъ“.

Скандальную исторію, въ которой принималъ участіе городской фискалъ, разсказываетъ затѣмъ газета „Kansan Lehti“ (1911 г., № 193). „Недавно на пароходѣ „Ahkera“ во время стоянки его въ Нюстадской гавани произошла отвратительная сцена, которую, впрочемъ, и *раньше нисколько разъ можно было наблюдать.* Героями были капитанъ парохода Г. и *городской фискалъ* Г. Рано утромъ послѣ ночного кутежа они въ совершенно пьяномъ видѣ явились на пароходъ и поднявшись на палубу начали тамъ безобразить. Скоро какъ фискала, такъ и капитана стало тошнить. Не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, они свалились на палубу“. Наконецъ кое какъ фискалъ отправился домой, а „капитанъ“ уже безъ него закончилъ скандалъ тѣмъ, что *избилъ* на глазахъ публики машиниста, давшаго неправильный свистокъ, и разбилъ сложенное на палубѣ въ корзинахъ пиво.

Въ городѣ Іоэнсу *городской фискалъ*, вмѣстѣ съ другими „господами города“, какъ передаетъ газета „Rajavahti“ (1911 г., № 3), въ пьяномъ видѣ устроилъ „шествіе“ по улицамъ города, причемъ „участники его кричали и что-то невнятно пѣли“.

Такъ веселятся Финляндіи блюстители закона, фискалы — прокуроры на соблазнъ всего населенія.

Пьянствуютъ въ Финляндіи, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, и пасторы, и судьи, и фискалы.

Между прочимъ, интересно привести фактъ, доказывающій, насколько культурные финляндцы представляются элементомъ, болѣе склоннымъ къ пьянству и буйству, чѣмъ русскіе варвары.

Въ 1910 г. вышла книга капитана 1 ранга Селецкаго, озаглавленная „*646 дней въ японскомъ плѣну*“. Въ 1904 году капитанъ Селецкій былъ командиромъ парохода Добровольнаго флота „Екатеринославъ“ и попалъ въ плѣнъ къ японцамъ по дорогѣ изъ Владивостока въ Одессу, прежде чѣмъ война была оффиціально объявлена. Изъ этой книги „Голосъ Москвы“ даетъ нѣсколько выдержекъ и, между прочимъ, слѣдующую:

„Японцы иногда старались развлечь плѣнныхъ. Однажды адъютантъ адмирала Самедшема сообщилъ мнѣ пожеланіе адмирала прислать на пароходъ хоръ музыки. Съ согласія другихъ капитановъ я объявилъ адъютанту, что мы благодаримъ адмирала за вниманіе, но просимъ не присылать музыки, такъ какъ намъ было бы непріятно ее слушать въ то время, какъ наши братья умираютъ за отечество и мы находимся въ плѣну. Противъ этого протестовали *финляндцы и латыши, принадлежавшіе къ компаніи пьяницъ и скандалистовъ и проводившіе время въ безпрестанныхъ попойкахъ.* Музыка не только явилась на пароходъ, но финляндцы напились еще пьяными вмѣстѣ съ музыкантами“.

У питейныхъ заведеній въ Финляндіи настолько обычное явленіе составляютъ скандалы, что является необходимость держать около нихъ *полицейскіе посты.*

Такъ, когда однажды Выборгское общество распивочной продажи спиртныхъ напитковъ заявило полиціймейстеру Пеконену, что оно далѣе отказывается платить за содержаніе стоящаго близъ ресторана „Чертовой кирки“ полицейскаго, то Пеконенъ на это отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ обратится къ коменданту и попроситъ его на мѣсто уволеннаго полицейскаго поставить солдата. Вмѣстѣ съ тѣмъ полиціймейстеръ сказалъ, что, по его мнѣнію, „всѣ эти кабаки нужно уничтожить, такъ какъ они приносятъ слишкомъ много вреда“ („Karjala“, 1911 г., № 40).

Выше было упомянуто, что продажа водки въ Финляндіи очень стѣснена. Несмотря, однако, на всѣ стѣсненія пьянство не уменьшается: запрещенный плодъ всегда слаще.

Газета „Туö“ (1911 г., № 72) пишетъ, что § 4 сельско-полицейскихъ правилъ строго запрещаетъ въ общинныхъ домахъ употребленіе спиртныхъ напитковъ. Между тѣмъ, „члены К—ской общины, приходя въ общинный домъ на собранія, приносятъ съ собою спиртные напитки и тамъ пьютъ ихъ, смѣшивая съ чаемъ“.

Въ мѣстностяхъ приграничныхъ финны переходятъ границу спеціально для того, чтобы напиваться, и вотъ какія впечатлѣнія отъ этого пьянства финновъ отмѣчаются въ корреспонденціи г-на Э. Меландера изъ шведскаго пограничнаго города Хапаранды въ шведскую газету „Aftonbladet“ *).

...„Мы, пограничные комиссары, получили бы наилучшее впечатлѣніе отъ всей долины рѣки Торнео и не менѣе того отъ города Хапаранды, если бы только у этихъ входныхъ воротъ въ нашу страну мы не наткнулись на цѣлую ораву полупьяныхъ, шатающихся, горланившихъ людей, исходнымъ пунктомъ которыхъ былъ Хапарандскій кабакъ.

„Да, сказали мы другъ-другу, „*это финны!*“ Это не мы пьянствуемъ такъ. Приходятъ сюда изъ Финляндіи, и этому помѣшать мы не въ состояніи.

*) См. „Финляндскую Газету“, 1912 г., № 149.

„Городъ имѣетъ громадный доходъ отъ своей винной торговли съ братьями по другую сторону границы. Въ Хапарандѣ водка значительно крѣпче и дешевле, чѣмъ въ Торнео. Поэтому-то финны и перебираются цѣлыми массами „въ страну Оскара“ („Oscarsland“)—„Oscarin valtakuntaan“, какъ они называютъ Швецію, и на шведскомъ кабацкомъ прилавкѣ они оставляютъ большую часть своего разума. Въ послѣдній день производства повѣрки шведско-русской границы русскіе офицеры провожали меня черезъ такъ называемый Хандолинскій мостъ. Намъ попалась навстрѣчу группа шатавшихся, ревѣвшихъ, вывалявшихся въ грязи людей и потерявшихъ на шведской территоріи данный имъ Богомъ разумъ, и мы должны были отойти далеко въ сторону, чтобы дать имъ дорогу.

„Но пьянствуетъ здѣсь не только „простонародье“. Въ Хапарандѣ имѣется красивый и во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ спирта, благоустроенный отель. Но спиртъ портитъ все. Въ 12 час. ночи потокъ его обязанъ пріостановиться въ кофейныхъ. Но вмѣсто этого начинается съ означеннаго времени разливъ его по отдѣльнымъ номерамъ отеля въ видѣ шампанскаго. Попробуй вздремнуть хоть на минутку въ этомъ отелѣ въ свѣтлыя лѣтнія ночи.

„Да, это финны, которые появляются здѣсь, чтобы покутить („släppa Barrabam lös“), возражаютъ снова хапарандцы. Во время моего пребыванія тамъ—на Сѣверѣ, пріѣхалъ въ Хапаранду изъ Рованіеми въ автомобилѣ нѣкій господинъ, ассигновавшій на кутежъ („Barrabam“) 500 мар. Это ему вполнѣ удалось“.

Повышеніе Сеймомъ налога на винокуреніе и на солодъ вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, значительное сокращеніе мѣстнаго винокуреннаго производства, но за то имѣло послѣдствіемъ усиленное *развитіе* въ Финляндіи *корчемства и тайнаго винокуренія*.

Тайные продавцы вина въ трезвой Финляндіи составляютъ обычное явленіе почти на каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ общественномъ собраніи.

По словамъ газеты „Туö“ (1911 г., № 187), „на устроенный 13 августа 1911 г. въ С. *„союзный вечеръ“* явилось нѣсколько *тайныхъ продавцевъ вина*. Охотниковъ до алкоголя среди присутствовавшей на вечерѣ публики нашлось очень много. Въ началѣ тайная, продажа вина черезъ малое время перешла въ совершенно открытую: лица, желавшія выпить, сидѣли на своихъ мѣстахъ, а виноторговцы изъ оконъ подавали имъ стаканчики съ водкой. Результаты этой винной торговли были самые печальные: въ залѣ поднялся такой сильный шумъ, что вечеръ пришлось прекратить раньше времени“.

Младофинская газета „Karjala“ (1911 г., № 209) пишетъ, что при недѣльномъ разсчетѣ на писчебумажной фабрикѣ С. *явилось нѣсколько винныхъ торговцевъ*. „Чуть не каждый рабочій тотчасъ же отправился въ близъ лежащій лѣсъ, гдѣ продавцы открыли свою торговлю. Трудно себѣ представить тотъ гвалтъ, который начался въ лѣсу, лишь только рабочіе въ достаточномъ количествѣ выпили продававшагося тамъ напитка. Проклятія, просьбы о помощи, стоны, циничныя слова и такія же пѣсни все это слилось въ какой то одинъ болѣзненный стонъ. Одни изъ напившихся играли въ карты, другіе спорили, третьи дрались. Результаты подобнаго времяпрепровожденія получились самые печальные: *изъ лѣсу одного за другимъ стали выносить облитыхъ кровью, находившихся въ безсознательномъ состояніи рабочихъ*. Одинъ изъ нихъ послѣ перевязки вновь возвратился въ лѣсъ, а другіе остались въ больницѣ. Оргія тянулась въ лѣсу до самаго утра“.

По словамъ „Финляндской Газеты“ (1912 г., № 31), „нерѣдко переднія и свидѣтельскія комнаты нѣкоторыхъ герадскихъ судовъ Финляндіи во время сессій превращаются въ филіальныя отдѣленія кабаковъ“. Такой случай описывается въ газетѣ „Kansan Lehti“ (отъ 27 октября 1911 г.).

Газета передаетъ, что на осенней сессіи суда въ селѣ Пюхяярви (Вааск. губ.), разбиралось 24 дѣла о тайной фабрикаціи водки. Виновные были приговорены къ штрафу отъ 75 до 250 мар. „Цѣлыхъ пятнадцать „водочныхъ дѣлъ“—говоритъ далѣе газета -разбиралось въ одинъ изъ дней Свидѣтелей изъ ближайшихъ окрестностей прибыла цѣлая толпа. Зная свидѣтелей за большихъ любителей выпить, *обвиняемые*

принесли съ собой громадные запасы спиртныхъ напитковъ и напоили всѣхъ ихъ до пьяна. Когда понадобилось привести свидѣтелей къ присягѣ, то оказалось, что большая часть изъ нихъ уже ничего не соображала, а только лишь бурнила. Пятерыхъ, наиболѣе пьяныхъ полиція увела. На другой день всѣ эти свидѣтели были оштрафованы отъ 10 до 50 марокъ. „Благодаря этому“ — добавляетъ газета —„часть дѣлъ пришлось отложить“.

О подобномъ случаѣ сообщала также старофинская „Wiipuri“ (отъ 21 февраля 1912 г.), причемъ на этотъ разъ питейное заведеніе оказалось не въ помѣщеніи судебнаго органа сельской мѣстности, а въ *городскомъ ратгаузскомъ судѣ*.

„Въ пятницу,--пишетъ „Wiipuri“,—въ Таммерфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ во время разбора одного дѣла, которое тянулось очень долго, какая то женщина принесла въ переднюю *цѣлую корзину спиртныхъ напитковъ*. Усиліями публики, состоящей изъ мужчинъ и даже женщинъ, большая часть запаса была выпита; глаза многихъ отъ значительнаго возліянія полѣзли на лобъ. Конецъ пиру положилъ полицейскій, забравшій корзину и ея содержимое, а также и сильнѣе всѣхъ шумѣвшихъ участниковъ пира. Кромѣ пива въ корзинѣ была и водка“.

Чрезвычайно развито *корчемство въ приграничныхъ мѣстностяхъ*, куда спиртъ привозится контрабанднымъ способомъ. Мы можемъ почти ежедневно найти въ финляндскихъ газетахъ сообщенія о задержаніи контрабанднаго спирта и въ особенности о контрабандномъ провозѣ спирта на лодкахъ черезъ Ладожское озеро изъ Имперіи. Въ лодкахъ при этомъ нерѣдко бываетъ болѣе 500 бутылокъ спирта.

„Провозъ спирта за послѣднее время, по словамъ младофинской „Suomalainen Kansa“ (1910 г., № 276), принялъ большіе размѣры. Изъ Суоярви его провозятъ въ Корписелькя и въ Иломанцъ. Въ Комминселькя (Агляярвскаго прихода) для провоза спирта, будто-бы, существуетъ, даже *спеціальное „акціонерное общество“*.

Другая финская газета, „Päivä“, въ 1910 г. (№№ 29 и 30) писала, что только въ одномъ мѣстѣ у деревни Кяснселькя провезено изъ Россіи въ Финляндію спирта на *200.000 мар. въ годъ*, изъ чего можно заключить, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ ведется контрабанда. Провозятся контрабандой спиртные напитки не только изъ Имперіи, но также изъ-заграницы.

Напр., газета „Туö“ (1911 г., № 27) сообщала, что на Рованіемиской шоссейной дорогѣ полиціей однажды было задержано 122 литра *спиртныхъ напитковъ*, провезенныхъ изъ Швеціи безъ уплаты пошлины. Въ другой разъ, по словамъ той же газеты (1911 г., № 147), на шведской границѣ, послѣ продолжительной перестрѣлки, у какого то контрабандиста было конфисковано 4 наполненныхъ бутылки со шведскимъ коньякомъ и 3 посудины спирта.

Въ „Финляндской Газетѣ“ (1911 г., № 124), ссылающейся на мѣстную „Abo Underrättelser“, читаемъ, что по прибытіи въ Раумо изъ Киля одной финской барки, таможеннымъ досмотромъ было обнаружено 90 бутылокъ коньяку, 12 бут. виски, 4 бут водки, 10 литровъ спирта и проч.

Въ концѣ 1911 года въ „Wiborgs Nyheter“ (№ 288) сообщалось, что трое финляндцевъ, пытались тайно перевезти черезъ границу *60 бутылокъ спирту*, но были задержаны русской пограничной стражей и доставлены въ Выборгъ, дабы затѣмъ быть привлеченными къ герадскому суду въ Кивинебѣ. Однако, когда тюремный перевозчикъ везъ ихъ изъ Выборга въ Кивинебскій судъ, арестанты, по словамъ названной газеты, близъ пустоши Парккила выскочили изъ тюремной повозки и скрылись въ лѣсу *).

Курьезный разсказъ, доказывающій, какую изобрѣтательность обнаруживаютъ мѣстные жители въ провозѣ изъ-заграницы спиртныхъ напитковъ, приводится въ газетѣ „Kansan Tahto“ (1911 г., № 151): „Беременная, что называется „на-послѣдяхъ“, женщина, спѣшитъ сѣсть въ поѣздъ желѣзной дороги, проходящей по сосѣдству съ шведскою границею. Кондукторъ бережно подсаживаетъ пассажирку и, опасаясь, какъ бы не случилось „исторіи“ дорогою, проситъ даже по телеграфу врача на ближайшую станцію. За неявкою врача высаживаться изъ вагона помогали „больной“ полицейскіе, которые очень были изумлены особеннаго рода бульканьемъ въ животѣ беременной и металлическимъ звукомъ, происшедшимъ отъ нечаяннаго прикосновенія къ больной. Для выясненія недоумѣнія больную, несмотря на ея рѣшительные про-

*) Характерные для финляндскаго суда порядки: трехъ уголовныхъ преступниковъ отправляютъ подъ охраною одного человѣка, точно намѣренно предоставляя имъ вырваться изъ рукъ правосудія. Прим. сост

тесты, изслѣдовали и нашли... большой плоскій жестяной сосудъ съ нѣсколькими десятками литровъ шведскаго коньяку, привязанный къ животу женщины. Такимъ образомъ и произошло неожиданное разрѣшеніе отъ беременности, хотя и безболѣзненное, но очень для родильницы непріятное".

На почвѣ продажи спиртныхъ напитковъ бываютъ и другія злоупотребленія.

Такъ, напримѣръ, виноторговцы въ Финляндіи *фальсифицируютъ вина и коньякъ*: въ виноторговлѣ въ Нейшлотѣ обнаруженъ „коньякъ", который фактически оказался лишь подкрашеннымъ спиртомъ („Kaiku", 1910 г., № 78).

Винокуренные заводчики, идя навстрѣчу потребностямъ населенія, незаконно продаютъ спиртные напитки Въ 1911 году въ Бьернеборгскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло владѣльца мѣстнаго винокуреннаго завода В., изобличеннаго въ тайной продажѣ водки и рому. Предпріимчивый заводчикъ оштрафованъ на 800 марокъ („Turun Sanomat", 1911 г., № 72).

Насколько полиція стоитъ на высотѣ призванія по пресѣченію разврата и корчества, напр. въ Выборгѣ, видно изъ приведеннаго въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 77) донесенія и. д. полиціймейстера гор. Выборга губернатору по поводу устраненія отъ должности комиссара сыскной полиціи Г. А.

„За послѣдніе годы, пишетъ и. д. полиціймейстера, повидимому начиная со времени забастовки 1905 г., здѣсь развелось громадное количество разныхъ притоновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ гостиницъ для пріѣзжающихъ и мѣстъ для ночлега. Жизнь въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ этихъ притоновъ особенно много, стала для мирныхъ гражданъ настолько невыносимою, что группа гражданъ обратилась прошлою осенью къ губернатору съ письмомъ, въ которомъ характеризуется жизнь нѣкоторыхъ улицъ и указывается, что въ свое время на эти безпорядки было обращено вниманіе полиціи, однако никакихъ улучшеній не послѣдовало. „Можно подумать", говорится въ письмѣ, „что городская полиція не въ состояніи ничего предпринять для пресѣченія разгульной жизни".

Находя, что развитію этой жизни способствовали многія причины. и. д. полиціймейстера полагаетъ, что виною этому отчасти и полиція.

„Неспособность послѣдней положить предѣлъ разгульной жизни, по словамъ донесенія, зависѣла въ значительной степени отъ того, что *полицейскіе чины не исполняли своего долга*, да и не могли его исполнить, такъ какъ начальникъ сыскного отдѣленія, уголовный комиссаръ Г. А., пренебрегалъ своими обязанностями и, участвуя самъ въ разгульной жизни притоновъ, своимъ неподобающимъ для полицейскаго чина поведеніемъ естественно привелъ въ упадокъ дѣятельность сыскного отдѣленія, поскольку она имѣла отношеніе къ упоминавшимся въ письмѣ проступкамъ. и затруднилъ работу агентовъ по пресѣченію подобныхъ безпорядковъ. Вполнѣ понятно. что дѣятельность сыскного отдѣленія терпѣла ущербъ отъ исчезновеній начальника на нѣсколько дней. Въ виду всего вышеизложеннаго, считаю дальнѣйшее пребываніе А. на службѣ при полиціи и особенно въ качествѣ начальника сыскного отдѣленія неудобнымъ и ходатайствую передъ г. губернаторомъ объ его увольненіи".

Такимъ образомъ, полиція способствовала развитію притоновъ и развратной жизни. Въ то же время ее обвиняютъ въ содѣйствіи корчеству. Какъ старофинскій „Wiipuri" (1911 г., № 15), такъ и соціалистическій „Työ" (1911 г., № 72), говоря о развитіи въ Финляндіи шинкарства, посылаютъ полиціи упреки въ томъ, что она является защитницею и помощницею тайныхъ продавцевъ вина.

„Почти каждый день приходится слышать объ открытіи новыхъ шинковъ и о ихъ плохомъ нравственномъ вліяніи на общество, пишетъ „Wiipuri" (1911 г., № 15). *Во многихъ мѣстахъ вся молодежь пьетъ уже запоемъ*. Но этимъ еще не ограничивается тотъ нравственный вредъ, который приносится шинками народу. Послѣдній подъ вліяніемъ безпре-

пятственно торгующихъ цѣлые годы шинковъ начинаетъ терять уваженіе къ авторитету законовъ. Полиція утверждаетъ, что существованіе шинковъ ей неизвѣстно. Конечно, владѣльцы шинковъ не придутъ заявлять властямъ о выбранной ими профессіи. Что же касается лицъ, враждебно настроенныхъ противъ шинковъ, то они не могутъ сообщить властямъ мѣста существованія послѣднихъ уже въ силу того, что и сами его хорошо не знаютъ, а если бы даже и знали, то все же не рѣшились бы сказать изъ боязни мщенія. Но все это, конечно, *не можетъ оправдать мѣстныя власти*. Во всякомъ случаѣ, *ленсманы и полиція знаютъ о существованіи шинковъ*. О послѣднихъ вездѣ говорятъ совершенно открыто, о нихъ же все время пишутъ газеты. Трудно предположить, чтобы должностныя лица не читали газетъ и не слышали о шинкахъ разговоровъ".

Соціалистическій „Työ" считаетъ, что преслѣдованіе корчемства только потому и трудно, что заступниками тайныхъ продавцовъ являются полицейскіе.

„Девять финляндскихъ рабочихъ обществъ, говоритъ газета, устроили особый союзъ, цѣлью котораго является противодѣйствіе тѣмъ безо разіямъ, которыя составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ финляндскихъ вечеровъ, спектаклей и увеселеній. Главною причиною всѣхъ этихъ безобразій, по мнѣнію союза, служитъ *тайная продажа близъ мѣста увеселенія спиртныхъ напитковъ*. Придя къ такому заключенію, союзъ приступилъ къ обсужденію мѣръ, при помощи которыхъ эту продажу можно было бы прекратить. Но поставленная задача оказалась довольно трудною, такъ какъ *помощниками и защитниками продавцовъ являются... полицейскіе*" („Työ", 1911 г., № 72).

„Особенно много винныхъ торговцевъ, по словамъ „Työ" (1911 г., № 184), появляется по субботамъ и воскресеньямъ. Они совершенно беззастѣнчиво ходятъ по улицамъ и усиленно предлагаютъ свой „товаръ" встрѣчающемуся на пути рабочему люду. *Владѣльцы домовъ*, въ которыхъ живутъ торговцы, не только не гонятъ ихъ, но даже, наоборотъ, имъ покровительствуютъ" *).

Въ № 289 за 1910 г. соціалистическая газета „Työmies" обвиняла полицію въ *десятилѣтнемъ нарушеніи закона* при продажѣ спиртныхъ напитковъ въ студенческомъ домѣ Нюландскаго землячества. Газета говорила, что закрытіе продажи спиртныхъ напитковъ въ этомъ домѣ произошло совершенно неожиданно и было полнымъ сюрпризомъ для жителей Гельсингфорса.

„Дѣйствительно, во вторникъ вечеромъ общество трезвости „Койтто" обсуждало вопросъ о закрытіи упомянутой продажи, въ воскресеніе же она была уже закрыта. Еще болѣе странной покажется эта энергія Гельсингфорсской полиціи, если познакомиться съ ея предыдущимъ отношеніемъ къ этому дѣлу". А дѣло, по сообщ. газеты, происходило такъ. „Общество „Койтто", постановивъ повліять на закрытіе этого *студенческаго кабака*, отправило въ Гельсингфорсскую полицію депутацію съ запросомъ о томъ, на какомъ основаніи въ томъ самомъ домѣ, гдѣ бываютъ публичныя вечера и балы, вдругъ разрѣшена продажа спиртныхъ напитковъ Полиція, не будучи въ состояніи дать тотчасъ отвѣтъ, обѣщала прислать его обществу черезъ нѣсколько дней. Своего обѣщанія она все же не исполнила, въ виду чего къ ней была отправлена уже вторая депутація, которая узнала новость, первоначально показавшуюся совершенно немыслимою, а именно, что домъ Нюландскаго землячества имѣетъ права клуба. Депутація узнавъ это, спросила на какомъ же основаніи въ этомъ клубѣ продаютъ спиртные напитки не только его членамъ, но и всѣмъ желающимъ, между тѣмъ какъ законъ позволяетъ продажу спиртныхъ напитковъ только членамъ того общества, которое имѣетъ клубныя права. Полиція на это отвѣтила молчаніемъ. Далѣе,

*) Тайные продавцы вина находятъ, повидимому, себѣ защиту не только въ полиціи и квартирохозяевахъ, но и въ населеніи Такъ, по сообщенію младофинской „Laatokka" (1911 г., № 22), когда на одной крестьянской вечеринкѣ въ деревнѣ Менчеля полиція хотѣла забрать прибывшаго сюда виноторговца съ большимъ запасомъ вина, то *участники вечеринки вступили въ крупныя пререканія съ полицейскими, выгораживая и защищая виноторговца*.

когда депутація спросила, намѣревается-ли полиція привлечь къ судебной отвѣтственности лицъ, нарушавшихъ законъ о клубахъ, то и на этотъ вопросъ блюстители порядка не могли сказать ничего опредѣленнаго. У депутаціи получилось впечатлѣніе, что полиція сама замѣшана въ десятилѣтнемъ нарушеніи закона. Въ послѣднемъ же убѣждаетъ и настоящее отношеніе полиціи къ этому дѣлу. Прошло уже двѣ недѣли съ того времени, какъ упомянутая продажа закрыта, а полиція все еще не приступаетъ къ разслѣдованію дѣла и наказанію виновныхъ".

„Что же буржуазныя газеты?"—спрашиваетъ соціалъ-демократическая „Työmies" и сама же далѣе отвѣчаетъ „однѣ изъ нихъ молчатъ, а другія еще пытаются защищать эту противозаконную продажу, такъ какъ не могутъ же онѣ придираться къ своимъ родственникамъ, несмотря на противозаконные поступки послѣднихъ".

Хорошимъ примѣромъ отношенія чиновъ администраціи къ правиламъ торговли крѣпкими напитками служитъ еще слѣдующій случай, описываемый въ старофинской газетѣ „Uusi Suometar" (1910 г., № 273).

„17 апрѣля 1908 года содержатель „Театральнаго ресторана" Э. К. не закрывалъ этого ресторана до 1¾ час. ночи. Согласно заявленію объ этомъ полицейскаго констабля, городской фискалъ Л. оштрафовалъ К. на 40 марокъ. Послѣдній не согласился на уплату этого штрафа и подалъ въ Абоскій гофгерихтъ жалобу, въ которой, между прочимъ, заявилъ, что въ упомянутую ночь въ ресторанѣ *сидѣлъ до половины второго самъ фискалъ-обвинитель суда*, вмѣстѣ съ ратманомъ юстиціи П. Послѣ допроса обвиняемыхъ, протоколы по этому дѣлу были переданы адвокатъ-фискалу, т. е. въ гофгерихтъ, который, ознакомясь съ дѣломъ, просилъ призвать къ допросу свидѣтелей".

Слѣдовательно, самъ фискалъ является соучастникомъ въ нарушеніи закона, и можетъ быть ради него не закрывался ресторанъ, и онъ же затѣмъ штрафуетъ владѣльца ресторана!

Затрудненія, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе водки, способствуютъ развитію *тайнаго винокуренія*.

По сообщенію финской газеты „Aamulehti", Центральное Управленіе Общества друзей трезвости въ Финляндіи разослало по всѣмъ общинамъ края циркуляръ, въ которомъ рекомендуетъ общинамъ *слѣдить и всячески препятствовать тайному винокуренію*, которое за послѣдніе годы получило въ Финляндіи *небывалые размѣры*. При этомъ Управленіе, приводя статистическія данныя о ростѣ преступности въ связи съ развитіемъ пьянства, указывало, на сколько увеличивается число нарушеній постановленій о винокуреніи: въ 1906 г. ихъ было 569, а въ 1909 г. уже 1.122 и т. д." („Финляндская Газета", 1911 г., № 169).

Въ 1910 году къ суду было привлечено 245 „заводчиковъ", т. е. владѣльцевъ тайныхъ винокуренъ, и 2.308 нелегальныхъ продавцовъ водки („Uusi Suometar", 1911 г., № 135).

Эти цифры, конечно, далеко не указываютъ дѣйствительнаго количества тайныхъ винокуренъ, такъ какъ открытіе тайной винокурни и уличеніе хозяина ея очень затруднительно. Поэтому мѣстныя общинныя власти предлагаютъ даже особыя награды всѣмъ тѣмъ, кто укажетъ мѣсто существованія такой винокурни. Такъ, Виртская община объявила 50 марокъ награды тому, кто укажетъ мѣсто существованія тайной винокурни, и 40 марокъ тому, кто укажетъ на продавца такой водки („Kansan Lehti", 1911 г., № 18). Тойвакская община обѣщаетъ по 50-ти марокъ награды всякому, кто сообщитъ или о тайной винокурнѣ или о тайномъ продавцѣ водки („Työmies", 1912 г., № 8). Кевруская община, по словамъ „Финляндской Газеты" (1912 г., № 48), выказала себя еще болѣе щедрою въ выдачѣ наградъ за сообщенія о тайныхъ винокурняхъ и нелегальныхъ продавцахъ водки: она обѣщаетъ по 100 марокъ за каждое сообщеніе о первыхъ и 50 марокъ за сообщеніе о вторыхъ. Подобныя преміи за сообщенія указаннаго рода объявлены и многими другими общинами.

Трудно, однако, думать, чтобы всѣ подобныя мѣры имѣли большое значеніе: слишкомъ вошло въ привычку у финскаго сельскаго населенія пользоваться услугами тайнаго винокура, безъ котораго, при существующемъ ограниченіи питейной продажи въ краѣ, страсть финна къ спиртнымъ напиткамъ не была бы удовлетворена.

Теперь же финну не трудно получить водку: по словамъ финскаго писателя Кауписъ-Хейкки („Savolaiset", т. е. „Саволаксцы", стр. 148), описывающаго нравы финскаго народа въ Саволаксѣ, для этого стоитъ лишь отнести мѣшокъ ржаной муки къ тайному винокуру, и водка готова. „Такое приготовленіе водки закономъ запрещено, но Юрьо (одинъ изъ героевъ автора) не видѣлъ никакого нарушенія закона въ томъ, что онъ заказывалъ водку для самого себя, а не для продажи. Винокуръ-старикъ приготовленную водку относилъ заказчику въ большой деревянной кадкѣ, которая вся снаружи густо была высмолена; и если встрѣчный спрашивалъ, что въ кадкѣ, то старикъ отвѣчалъ: смола. Чтобы ни полицейскія власти, ни другіе недоброжелатели не могли догадаться о такомъ секретѣ, заинтересованныя въ изготовленіи водки лица въ разговорахъ между собою называютъ ее также смолою, и я однажды слышалъ, какъ старикъ-винокуръ спрашивалъ собесѣдника: Юрьо! у тебя еще есть смола?" *)

Несмотря на всѣ эти хитрости, мы можемъ постоянно встрѣтить въ газетахъ сообщенія объ обнаруженіи тайныхъ винокуренъ.

Такъ, по сообщенію газеты „Työmies" (1911 г., № 85), „въ началѣ 1911 года полицейскимъ констаблямъ Куортанескаго прихода К. и П. въ Аиттиласкомъ лѣсу послѣ продолжительныхъ поисковъ удалось обнаружить большую *тайную винокурню*. Неочищеннаго спирта было найдено 2.050 литровъ и, кромѣ того, большое количество барды; все это было уничтожено. Винокуровъ на мѣстѣ не было найдено".

Подобная же, хорошо оборудованная винокурня была обнаружена 20 іюля 1911 г. въ дер. Лянсикюля, причемъ конфисковано 105 литр. водки. („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 142).

По сообщенію газеты „Kansan Tahto" (1911 г., № 157), Кяркяляскій полицейскій Ниссиненъ съ нѣсколькими членами мѣстнаго общества трезвости обнаружили въ деревнѣ Сиркисало хорошо оборудованный *винокуренный заводъ*. Въ то же время второй винокуренный заводъ, какъ сообщаетъ газета „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 158), былъ обнаруженъ въ Хейнявеси. Готоваго вина въ немъ было найдено 350 литровъ.

Сообщая о томъ, что совершенно случайно удалось обнаружить цѣлыхъ *пять тайныхъ винокуренъ* въ лѣсу около дер. Яккимаа, газета „Tunpenen Sanomat" (1910 г., № 150) писала: „Если уже теперь винокуреніе въ такой модѣ, то что же будетъ, если у насъ введутъ запретительный законъ".

А вѣдь извѣстно, что въ изданіи закона, совершенно запрещающаго выдѣлку и продажу спиртныхъ напитковъ въ Финляндіи, нѣкоторыя финляндскія партіи видятъ лучшее средство борьбы съ алкоголизмомъ!

Въ особенности распространено *тайное винокуреніе въ Саволаксѣ*, который, по справедливости, можно назвать обѣтованной землей для финляндскихъ тайныхъ винокуровъ.

„Нигдѣ по всей Финляндіи, писала „Финляндская Газета" (1912 г., № 26), такъ не распространено тайное винокуреніе, какъ въ Саволаксѣ, нигдѣ не дымится столько алтарей „огненной воды", какъ въ глухихъ лѣсахъ обширныхъ приходовъ „Саво".

Мѣстныя власти, на обязанности которыхъ лежитъ тушеніе этихъ „алтарей" и уничтоженіе ихъ, безсильны въ борьбѣ съ ними. Сегодня они погасили одинъ здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ разгорается новый, еще ярче. Вмѣстѣ съ „алтарями" кочуютъ и „жрецы"; на смѣну однихъ, получившихъ „казенную квартиру" **), появляются другіе и т. д. безъ конца".

*) „Финляндская Газета", 1912 г., № 170.

**) Къ сожалѣнію, говоритъ „Финляндская Газета" (1912 г., № 26), такой способъ наказанія (т. е. тюрьма) виновныхъ въ занятіи тайнымъ винокуреніемъ практикуется въ Финляндіи рѣдко: виновные преимущественно отдѣлываются штрафами. Относящійся сюда законъ гласитъ: „Кто безъ надлежащаго разрѣшенія самъ производитъ или поручаетъ производить выкурку или перегонку вина какими бы то ни было снарядами, тотъ подвергается денежному взысканію, первый разъ въ размѣрѣ отъ ста до двухсотъ пятидесяти марокъ. Въ случаѣ повторенія сего преступленія виновный подвергается денежному взысканію отъ 250 до 500 мар., или тюремному заключенію отъ 2 мѣсяцевъ до одного года. Кромѣ того, какъ заготовленный заторъ и противозаконно выкуренное или дистилированное

Въ помѣщенныхъ въ старофинской „Uusi Suometar" „Воспоминаніяхъ о посѣщеніи Саволакса" (см. тотъ же № „Финляндской Газеты") авторъ говоритъ: „Я жилъ еще только короткое время въ Х—ской общинѣ западнаго Саволакса, но уже получилъ возможность замѣтить, какъ усиленно во всѣхъ углахъ этой общины занимаются тайнымъ винокуреніемъ. Въ извѣстное время года помѣщеніе мѣстнаго суда Х—ской общины бываетъ биткомъ набито „спиртозаводчиками", торговцами виномъ и „перепродавцами", и проходитъ обыкновенно нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ „высокій судъ" успѣетъ разобрать всѣ „винныя" дѣла и получитъ возможность заняться и другими дѣлами. Нерѣдко „винные" штрафы во время одной сессіи доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ марокъ, хотя всѣ вообще саволакскіе „спиртозаводчики" держатся того мнѣнія, что лучше короткое время „отсидѣть", чѣмъ платить громадные штрафы. Отсюда вытекаетъ, что власти, прибывъ на тайную винокурню, часто застаютъ за занятіемъ по управленію „заводомъ" какую-нибудь старушку или старика призрѣваемаго, которые для другого дѣла негодны и которые, слѣдовательно, свободны „просидѣть" и заняться пересчетомъ кирпичей. Мнѣ приходилось слышать, что въ какомъ-то домѣ этой общины старики — призрѣваемые отдаютъ свою часть хлѣба тайнымъ винокурамъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи получить отъ нихъ его обратно виномъ".

Далѣе авторъ описываетъ, какъ благодаря любезности мѣстнаго лесмана, ему удалось участвовать въ розыскахъ тайныхъ винокуренъ среди „дремучаго лѣса"

По пути изъ разговоровъ съ лесманомъ и констаблемъ выяснилось, что все мѣстное населеніе было на сторонѣ тайныхъ винокуровъ, почему преслѣдованіе ихъ было очень затруднительно и полно приключеній. Послѣ продолжительнаго путешествія путники прибыли наконецъ къ цѣли—въ стоявшую среди лѣса одинокую торпу

„Черезъ низкія двери, въ темнотѣ, мы вошли въ избу. Въ носъ намъ сразу ударилъ своеобразный кислый запахъ Я не обратилъ на это вниманія, такъ какъ не понималъ откуда онъ исходитъ. Но зато онъ заинтересовалъ моихъ товарищей: каждый изъ нихъ вдыхалъ его въ себя, въ то же время зорко осматривая всѣ углы черной избы. Все населеніе торпы безмолвно стояло передъ нами, на лицахъ ихъ виднѣлся испугъ; старый дѣдъ, лежавшій на печи, и тотъ повернулъ голову, когда лесманъ, отогнувъ воротникъ шубы, заговорилъ, обращаясь къ хозяину, который въ это время разворачивалъ для просушки табачные листья.

„— Вы навѣрное догадываетесь, по какому дѣлу я пріѣхалъ. Я получилъ самыя вѣрныя свѣдѣнія, что въ вашей торпѣ послѣдніе годы практикуется тайное винокуреніе и поэтому я прошу васъ немедленно принести сюда всю посуду для винокуренія; въ противномъ случаѣ я принужденъ буду произвести обыскъ.

„Хозяинъ молчалъ, но казался страшно смущеннымъ. Помолчавъ нѣкоторое время, онъ, стараясь придать своему голосу выраженіе оскорбленнаго чувства, съ гнѣвомъ произнесъ:

„— Позвольте спросить васъ, кто г. валлесману *) сдѣлалъ подобнаго рода заявленіе?

„— Это мое дѣло, отвѣтилъ лесманъ, по долгу службы я долженъ буду произвести обыскъ.—И обыскъ начался".

Сперва обыскали избу, гдѣ нашли большой ушатъ киснувшей барды, затѣмъ стали обыскивать дворъ. „Лесманъ началъ внимательно разсматривать высокую кучу снѣга, стоявшую у конюшни. Онъ взялъ прислоненную къ стѣнѣ конюшни лопату и воткнулъ ее въ снѣжную кучу... „Въ кучѣ снѣга мы открыли цѣлый заводъ: большой мѣдный котелъ, „шляпу", боченокъ съ трубой и, кромѣ того, громадную жестяную посудину, полную желтоватой „саволакской росы". Посудину опорожнили, „шляпу" саблей продырявили, котелъ же стащили въ сани".

Послѣ этого хозяину было предложено „прибыть въ судъ для отвѣта въ недозволенномъ винокуреніи", а лесманъ со своими спутниками и съ добычей двинулся къ другому „заводу".

Послѣдній находился вдали отъ дороги въ густомъ лѣсу, куда пришлось пробираться на лыжахъ Издали увидѣли огонекъ, просвѣчивавшій сквозь деревья. Когда ползкомъ путники пробрались поближе, имъ представилась такая картина:

вино, такъ и употребленные при этомъ снаряды подлежатъ конфискаціи" (Выс. пост. 9 іюня 1892 г., гл. V, § 41, 1).

*) Простонародіе центральной части Вазаской губерніи и Саволакса такъ называетъ лесмана.

„На пнѣ сидѣлъ съ довольнымъ видомъ длиннобородый мастеръ и поправлялъ огонь, изрѣдка обращая глаза на вѣковыя сосны, которыя до сихъ поръ его отечески оберегали. Пожилая женщина дополняла снѣгомъ боченокъ съ трубой. На сукѣ сосны висѣла большая котомка Все казалось спокойнымъ и кругомъ царила святая тишина.

„Въ этотъ моментъ лесманъ разрядилъ въ воздухъ револьверъ Этотъ револьверный выстрѣлъ нарушилъ тишину глухого лѣса. У женщины выпалъ изъ рукъ ковшъ и она сама повалилась на земь. Мастеръ вскочилъ на ноги, какъ медвѣдь, котораго потревожили въ берлогѣ, и вздумалъ оказывать сопротивленіе, но, замѣтивъ два направленныхъ на него дула, рѣшилъ лучше сдаться похорошему".

Тогда былъ составленъ протоколъ, причемъ „заводчикамъ" было предложено явиться въ судъ. Потомъ началось уничтоженіе „завода": „Огонь былъ потушенъ, котелъ опрокинутъ, деревянную лейку разбили въ куски. Ушатъ, полный барды былъ настолько тяжелъ, что мы втроемъ едва его наклонили. Ударами сабель разнести и его въ щепы. Женщина всетаки подобрала желѣзные обручи".

„Лесманъ передавалъ, кончаетъ авторъ свой разсказъ, что *число тайныхъ винокуренъ въ послѣдніе годы сильно увеличилось* и что торговцы сдѣлались необыкновенно смѣлыми. Онъ замѣтилъ также, что община еще далеко не сдѣлала того, что обязана сдѣлать въ борьбѣ съ тайнымъ винокуреніемъ. Но онъ надѣется, что *свѣтъ просвѣщенія и трезвости побѣдитъ въ концѣ концовъ тьму*, царящую въ этой мѣстности, и тогда тайныя винокурни сами собой погаснутъ".

Неизвѣстно, скоро ли наступитъ время, когда свѣтъ просвѣщенія и культуры сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе тайныхъ винокуренъ, пока же страсть финновъ къ опьяненію такъ велика, что, если не представляется возможность раздобыть для этой цѣли спирта, они прибѣгаютъ къ потребленію разныхъ *суррогатовъ алкоголя*.

Такъ, по словамъ „Sosialisti" (1911 г., № 129), вмѣсто запрещенной водки, они потребляютъ *древесный спиртъ* и притомъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что результатомъ этого потребленія является иногда потеря зрѣнія и даже смерть.

Въ Кареліи выдѣлываютъ *особый квасъ* „Kiljuva-Kalja", который дѣйствуетъ много болѣе опьяняющимъ образомъ, чѣмъ обыкновенное пиво („Laatokka", 1911 г., № 38).

„Луумякскій кричащій квасъ, изобрѣтателемъ котораго является одинъ пробстъ, пріобрѣлъ очень много поклонниковъ, послѣ того какъ сталъ извѣстенъ рецептъ приготовленія его. Въ нѣкоторыхъ приходахъ Або-Бьернеборгской губерніи этого „крикуна-квасу" пьютъ такъ много, что врядъ-ли найдется тамъ дворъ, гдѣ не заготовили бы его на праздники бочками Этотъ „крикунъ-квасъ" такъ силенъ, что литръ его уже валитъ съ ногъ; приготовленіе же „крикуна-кваса" просто и легко запомнить" („Karjala", 1910 г., № 274).

Въ большомъ ходу также *„гофманскія капли"* и т. п. фармацевтическіе препараты.

Газета „Åbo Underrättelser" *), со словъ шведскаго журнала „Frisinnad Ungdom", - разсказываетъ, что стокгольмскія аптеки, находящіяся вблизи отъ гаваней, имѣютъ громадный кругъ покупателей въ лицѣ пріѣзжающихъ въ Стокгольмъ финляндскихъ шкиперовъ баржъ и матросовъ финляндскихъ пароходовъ, покупающихъ въ этихъ аптекахъ частью для самихъ себя, частью по порученію другихъ, громадныя партіи аптечнаго спирта въ различныхъ видахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ-за конкуренціи эти аптеки имѣли даже особую *„таксу для финновъ"*, по которой цѣна на отпускавшіяся ими финнамъ *„капли"* была установлена по расчету за треть литра. Множество пріѣзжающихъ въ Стокгольмъ постоянно весной на своихъ баржахъ жителей Аландскихъ шхеръ наполняютъ себѣ обыкновенно въ аптекахъ Стокгольма „каплями" бутылокъ 10—12.

Наконецъ, въ самое послѣднее время, по сообщенію „Hufvudstadsbladet" (1912 г., № 226), широкое распространеніе среди рабочаго класса получилъ „дешевый и легко добываемый опьяняющій напитокъ", отгоняемый изъ *лака и политуры*.

По словамъ газеты, на этотъ „пріятный опьяняющій напитокъ" спросъ особенно великъ въ Сернесѣ и Теле. „Товаръ выписывается отъ фирмы I. Коха изъ Риги и

---

*) См. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 14

ввозится сюда безпошлинно, въ небольшихъ бутылкахъ. Въ февралѣ 1911 года, по приказанію Нюландскаго губернатора, была конфискована партія производимыхъ техническимъ заводомъ Эмиля Бьеркенъ лака и политуры на томъ основаніи, что названный заводъ выписалъ готовый лакъ и политуру, состоявшій почти изъ вовсе неденатурированнаго спирта и употреблявшійся въ качествѣ опьяняющаго напитка, по удаленіи изъ него лака. Замѣчательно, что рижская фирма невозбранно продолжаетъ ввозить и распространять свой политурный товаръ, признаваемый рабочими, особенно столярами, неизмѣримо выше мѣстнаго приготовленія, ибо онъ скорѣе сохнетъ и т. п. Но главнымъ образомъ товаръ этотъ служитъ, какъ средство опьяненія. Изъ магазиновъ Сернесса и Теле рабочіе запасаются цѣлыми ящиками политуры, особливо по субботамъ и воскресеньямъ, когда продажа спиртныхъ напитковъ не производится и когда нѣтъ никакой надобности въ политурѣ въ жилищахъ рабочихъ. Въ расщелинахъ скалъ въ этой мѣстности находятъ потомъ массу пустыхъ бутылокъ изъ-подъ политуры. Такъ легко запастись этимъ товаромъ, ибо имѣются совсѣмъ маленькія бутылочки, глотка въ два, за 40 пенни. Потребители уже наловчились отдѣлять лакъ отъ спирта. Обыкновенно содержимое бутылочки выливается въ чашку горячаго кофе, который впитываетъ въ себя спиртъ, а лакъ остается на верху и его снимаютъ легко ложкою. Зимою же наполняютъ бумажный корнетъ снѣгомъ и выливаютъ въ него бутылку,—тогда лакъ остается на верху, а спиртъ вытекаетъ въ подставленную чашку или стаканъ"

Изъ сказаннаго видно, что въ настоящее время Финляндія можетъ жить лишь надеждою на наступленіе временъ культуры и трезвости, а до тѣхъ поръ, еще можетъ быть долго, несмотря на всѣ запретительные законы и даже вслѣдствіе ихъ существованія, во многихъ мѣстностяхъ края будутъ процвѣтать тайныя винокурни, отравляя населеніе своимъ примитивнымъ одурманивающимъ зельемъ, а привыкшее къ пьянству населеніе будетъ прибѣгать къ разнымъ суррогатамъ алкоголя.

3. Буйства, драки, ножевщина.

Наибольшее сомнѣніе въ истинной культурности населенія Финляндіи закрадывается при чтеніи въ мѣстныхъ газетахъ о почти невѣроятныхъ случаяхъ проявленія дикости нравовъ, выражающейся въ дракахъ, кулачныхъ и ножевыхъ расправахъ, буйствахъ и т. п.

Эту отрицательную сторону финляндской жизни отмѣчаютъ также всѣ мѣстныя газеты, принадлежащія какъ къ соціалистической партіи, такъ и къ буржуазнымъ.

Въ *старофинской* „Uusi Suometar" (1909 г., № 281) читаемъ: *„Не проходитъ дня, чтобы въ газетахъ не было сообщеній о ножевой расправѣ, дракахъ и убійствахъ.* Зашли такъ далеко, что въ газетахъ завелся на опредѣленномъ мѣстѣ особый отдѣлъ „ножевщины" на-ряду съ отдѣломъ „спортъ".

„Не проходитъ дня безъ того, чтобы не случилось чего-либо ужаснаго, пишетъ *младофинская* „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 59). *Ножевыя расправы и убійства прямо таки относятся къ порядку дня".*

„Не проходитъ дня безъ того, чтобы гдѣ нибудь въ странѣ не зарѣзали человѣка самымъ звѣрскимъ образомъ, иногда по самымъ пустяшнымъ причинамъ, причемъ убійцы оправдываются тѣмъ, что они были настолько пьяны, что ничего не помнятъ" („Pohjanmaa", 1911 г., № 94).

Находя, что такія явленія крайне печальны, газета „Pohjanmaa" добавляетъ, что они особенно опасны въ настоящее время, когда „русская финнофобская пресса весьма тщательно слѣдитъ за всѣми этими происшествіями и пользуется ими, чтобы показать всему міру, насколько низко стоитъ финляндская культура" *). Буйства, драки и другія сцены пьянства

*) Несомнѣнно русская печать не такъ интересовалась бы отрицательными сторонами финляндской культуры, если бы финны были скромны и не кричали бы на весь міръ о высотѣ своей культуры, которую создавшая ее Россія якобы хочетъ подавить. Прим. сост

и разгула такъ вошли въ обычай въ Финляндіи, что напр. *шведоманская* „Nya Pressen" (1911 г., № 186), находитъ необходимымъ отмѣтить одинъ изъ вторниковъ какъ *„замѣчательный день"*: „Тогда, насколько извѣстно полиціи, не произошло никакого несчастья, не было ножевщины, стрѣльбы изъ револьверовъ и т. п. обычныхъ ежедневныхъ явленій".

„Кровавыя дѣянія и насилія, пишетъ *соціалистическій* „Työmies" (1911 г., № 169), *стали у насъ не только ежедневными событіями, но и постоянными.* Убиваютъ въ Нюландской губерніи, убиваютъ гдѣ-нибудь въ Іоутсено, и впереди всѣхъ, показывая примѣръ, идетъ Гельсингфорсъ съ его непрекращающимися ножевыми расправами и убійствами".

Младофинская газета „Raja Karjala" (1911 г., № 82) въ тонѣ „Työmies" пишетъ: „Послѣднія сообщенія опять знакомятъ насъ съ ужасными кровавыми дѣяніями. Три злодѣянія произошли въ теченіе однѣхъ и тѣхъ же сутокъ, четвертое на слѣдующій день. Въ этотъ послѣдній день, т. е. минувшее воскресенье, опять прибавилось два убійства, изъ которыхъ одно говоритъ о невѣроятной жестокости. Эти событія произошли въ различныхъ мѣстностяхъ нашей страны, и въ каждомъ изъ нихъ человѣческая жизнь гибла отъ ножа, *сдѣлавшагося у насъ своего рода національнымъ культурнымъ оружіемъ...* Въ одномъ Гельсингфорсѣ за два мѣсяца произошло семь убійствъ. Теперь опять шесть „доказательствъ" культивированія ножевщины, изъ которыхъ три случились въ одинъ день и три на другой. Эти проявленія грубости безпощадно клеймятъ уровень образованности среди низшихъ классовъ населенія нашей страны именемъ настоящей *„ножевой культуры"*.

Переходя къ объясненію причинъ, которыми вызываются такіе факты, „Raja-Karjala" прямо указываетъ на крайнее невѣжество народныхъ массъ, на ихъ „звѣрскую грубость". „Надо признаться, что наряду съ прекрасными стремленіями къ культурности, процвѣтаетъ еще, къ прискорбію, звѣрская грубость, въ борьбѣ съ которою оказываются недѣйствительными даже лучшія усилія... *Ужасно многаго еще недостаетъ для того, чтобы мы могли назвать себя культурнымъ народомъ. Вѣдь тамъ, гдѣ праздники проводятъ такимъ образомъ и гдѣ такія кровавыя дѣянія случаются непрестанно, тамъ нельзя говорить о культурности, тамъ нѣтъ ея!"*

Скорбя о развитіи въ Финляндіи такихъ „некультурныхъ" явленій, какъ драки, ножевщина, пьянство, скандалы и т. п. безчинства, безъ которыхъ *не проходитъ почти ни одно устраиваемое въ Финляндіи общественное или семейное празднество, старофинская* „Wiipuri" *) находила, что „всѣ эти печальныя „прибавленія" празднествъ, *служа неоспоримымъ доказательствомъ грубости и дикости финляндскаго народа,* въ то же самое время очень вредны и прежде всего потому, что они роняютъ авторитетъ финляндскаго народа въ глазахъ посѣщающихъ Финляндію туристовъ".

Далѣе, въ особенности цѣнно отмѣтить сознаніе старофинской газеты, что варварство финновъ пустило настолько глубокіе корни, что, несмотря на усиленную борьбу съ нимъ, не прекращается въ своихъ проявленіяхъ. „Но что особенно печально—*варварство* финскаго народа совершенно *не поддается „излѣченію"*. Съ нимъ всѣми силами борются просвѣтительныя учрежденія Финляндіи, борются община и полиція, борются, наконецъ, губернаторы, на это тратится масса энергіи и денегъ, но все напрасно—варварство, грубость и звѣрство не только не уменьшаются, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе процвѣтаютъ." Причинами этого печальнаго явленія этой „непобѣдимости варварства", по мнѣнію газеты, являются, во первыхъ, индифферентность властей, во вторыхъ, *нерачительность* финскаго народа. Газета утверждала, что не было случая, чтобы власти сами, безъ посторонняго вліянія, привлекли преступника къ отвѣтственности. „Что же

*) См. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 108.

касается финскаго народа, то послѣдній *настолько еще не развитъ, что даже не считаетъ происходящихъ среди него безобразій дѣйствительно безобразіями, своей дикости—дикостью*".

Такому одичанію нравовъ, по мнѣнію буржуазныхъ газетъ, много способствуетъ развитіе алкоголизма, а также вліяніе соціализма. Вотъ, что мы читаемъ, напр., въ *старофинской* газетѣ „Aamulehti" (1911 г., № 172): „Кажется, будто распространилась зараза какой то страшной эпидеміи, превращающей человѣка въ звѣря и устраняющей способность разумнаго существа держаться предѣловъ его организаціи. Ежедневно совершаются убійства и наигрубѣйшія насилія во всѣхъ частяхъ края. Жизнь ближняго потеряла всякую цѣну. Одна изъ бактерій заразы извѣстна очень хорошо: это алкоголизмъ. Желѣзныя дороги несутъ его вглубь страны, въ городахъ ему снова открытъ просторъ. Другая бактерія—это *идущій по пятамъ соціализма матеріализмъ*, искореняющій въ человѣкѣ его духовное благородство и сохраняющій въ немъ лишь дикость и черствость У насъ соціализмъ не только не достигъ своей первоначальной цѣли—братства, но заглушилъ во многихъ наиболѣе богатый источникъ любви—вѣру".

То же самое отмѣчаетъ *шведоманская* газета „Wiborgs Nyheter" (1911 г., № 171), которая выступаетъ противъ нѣкоего „Эину", старающагося оправдать на столбцахъ „Туö" одного убійцу-рабочаго. „Мы хотимъ указать, говоритъ газета, на то одичаніе, которое проявляется въ рабочихъ газетахъ. Въ нихъ стараются оправдать ничѣмъ не оправдываемыя преступленія, обвиняя во всемъ общество и буржуазію. Говорятъ о посѣвѣ и жатвѣ. Однако, результатомъ статей, помѣщавшихся и все еще помѣщаемыхъ въ рабочихъ газетахъ, именно и являются убійства".

Итакъ, финляндскія газеты всѣхъ лагерей отмѣчаютъ ужасающія явленія дикости нравовъ населенія. Разница лишь въ томъ, что соціалисты приписываютъ это современному буржуазно-капиталистическому общественному строю Финляндіи, каковой строй, однако, какъ извѣстно, господствуетъ пока во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ,—буржуазныя же партіи наблюдаемое паденіе нравовъ относятъ къ отрицательнымъ сторонамъ распространенія соціализма. Впрочемъ и тѣ, и другія должны согласиться съ тѣмъ, что эти явленія очень сильно колеблютъ сложившееся представленіе о высокой культурности финляндской націи.

Дѣйствительно наше высокое мнѣніе о трезвости и культурности финляндцевъ подвергается большому испытанію при чтеніи однихъ газетныхъ сообщеній о *празднованіи въ Финляндіи Иванова дня*.

Лѣтній праздникъ—Ивановъ день и его канунъ—издревле считаются въ Финляндіи временемъ дозволеннаго разгула и всевозможныхъ излишествъ. Въ этотъ день по всей Финляндіи наблюдаются сцены дикаго пьянства, ножевщины, хулиганства, и даже убійствъ, совершаемыхъ преимущественно въ пьяномъ видѣ. Газета „Työmies" по этому поводу такъ характеризуетъ своихъ соотечественниковъ: „многіе изъ финновъ, потребителей охмѣляющихъ напитковъ (а ихъ очень не мало!), положительно не умѣютъ обуздывать себя; выпивъ хоть немного хмѣльного, они становятся опасными и для себя и для окружающихъ" („Финляндская Газета", 1911 г., № 85).

Въ самомъ дѣлѣ, читая въ мѣстныхъ газетахъ хронику происшествій за Ивановъ день, прямо не вѣрится, что все это происходитъ въ той культурной Финляндіи, гдѣ населеніе, по нашему представленію, такъ корректно и такъ привыкло къ законности, гдѣ личная безопасность обезпечена многочисленною полицейскою охраною и гдѣ высшее образованіе уже почти становится удѣломъ крестьянина.

Но безпристрастные факты говорятъ сами за себя.

Приведемъ, со словъ „Финляндской Газеты" (1911 г., № 85), *сообщенія мѣстныхъ газетъ*, вышедшихъ послѣ Иванова дня въ 1911 году.

Старофинская газета „Uusi Aura" сообщала о случаяхъ, бывшихъ *въ Або*: „Къ стоявшему утромъ въ канунъ Иванова дня на Александровской площади постовому полицейскому подошелъ человѣкъ (имя его неизвѣстно) весь въ крови и заявилъ, что когда онъ проходилъ по Кучерской улицѣ, изъ-за угла выбѣжалъ какой-то мужчина и ударилъ его ножемъ въ грудь и какимъ-то тяжелымъ предметомъ по головѣ. Полицейскій доставилъ раненаго въ больницу". „Немного ранѣе, туда же пришелъ рабочій-эстонецъ, у котораго оказалось тоже двѣ раны—одна на правой сторонѣ груди, другая на правомъ плечѣ. Раны эти, по его словамъ, ему нанесъ какой-то неизвѣстный на улицѣ". „Въ тотъ же день, около 5 ч. вечера, рабочій П. на Анненской улицѣ, безъ всякой причины ударилъ грузчика С. ножемъ въ правую руку и хотѣлъ скрыться, бросившись въ море, но былъ оттуда извлеченъ безъ сознанія двумя полицейскими". „Около 8 ч. вечера того же дня получилъ глубокую рану въ бокъ рабочій Ф.". „Въ Ивановъ день, около 3 ч., къ проходившему по новой дорогѣ у Рунсало переодѣтому полицейскому констаблю подошли двое, и одинъ изъ нихъ взятымъ у товарища перочиннымъ ножомъ ударилъ полицейскаго въ спину. По счастью ножъ разорвалъ только платье, немного задѣвъ тѣло". „Къ компаніи, расположившейся закусывать въ окрестностяхъ г. Нюстада, подошелъ пьяный рабочій Я. и сталъ приставать къ сидѣвшимъ. Когда одинъ изъ послѣднихъ, торпарь Х., сталъ уговаривать Я., тотъ, выхвативъ ножъ, ударилъ имъ Х. въ лѣвую руку и въ правое плечо. На помощь Х поспѣшилъ В., которому Я. тоже успѣлъ нанести рану въ правую руку. Черезъ нѣсколько часовъ Х. отъ потери крови скончался".

Газета „Туö" сообщала о слѣдующихъ происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто *въ Выборгѣ* и его окрестностяхъ: „Въ канунъ Иванова дня, во время сжиганія „кокко" *), сынъ земледѣльца Л. ударилъ ножемъ по горлу П. Раненый черезъ нѣсколько минутъ скончался". „*Въ Новой Киркѣ*, около старой мельницы, Юхо К. ударилъ ножемъ Германа У. настолько серьезно, что послѣдняго пришлось отправить въ больницу". „*Въ мѣстечкѣ Самола* на праздникѣ молодежи въ канунъ Иванова дня, сынъ земледѣльца Аксель М. ударилъ ножемъ рабочаго Матти П. Раненый помѣщенъ въ губернскую больницу". „Въ ту же больницу доставлены были *изъ Маникала* раненые тамъ на праздникѣ Уно П. и рабочій Дмитрій В.". „*Въ Лепплякоски* хулиганы выстрѣломъ изъ ружья ранили студента Т. І. въ область живота настолько серьезно, что тотъ на другой день скончался". *Въ Рисалахти* неизвѣстный человѣкъ ударилъ ножемъ норвежскаго матроса изъ Койвусаари". „Въ Выборгскую губернскую больницу въ ночь на Ивановъ день было доставлено *свыше десяти человѣкъ раненыхъ*".

Въ газетѣ „Työmies" читаемъ: „*Въ Антреа* въ ночь на Ивановъ день рабочій К. ударилъ ножемъ въ спину рабочаго Антона К. такъ сильно, что ножъ проникъ въ легкія. Раненый доставленъ въ губернскую больницу".

Газета „Raja Karjala" сообщаетъ, что „во время сжиганія „кокко" въ *Тулолансаари* возникъ споръ между сыномъ земледѣльца Р. и рабочимъ изъ Сердобольскаго уѣзда О Послѣдній выхватилъ ножъ и ударилъ имъ Р. Ударъ пришелся въ бокъ, и ножъ задѣлъ легкое.

По словамъ младофинской газеты „Helsingin Sanomat", „въ 10 ч. утра Иванова дня въ *дер. Торхола*, Хаусъярвискаго прихода, *родные братья* Манассе и Ильмаръ В затѣяли между собой ссору, послѣ чего произошла драка. Причиной драки послужило нежеланіе Манассе взять съ собой на гулянье брата... Ильмаръ выхватилъ ножъ и ударилъ брата въ лѣвую часть груди; черезъ полчаса послѣдній умеръ. Убитому было 22 года, а убійцѣ всего только 17".

Не лучше было въ эти дни и *въ Гельсингфорсѣ* и его окрестностяхъ.

„*Праздникъ злодѣяній*", какъ мѣтко назвала Ивановъ день шведоманская газета „Wiborgs Nyheter", *прошелъ по заведенному годами порядку*. „На улицахъ Гельсингфорса было пусто, *встрѣчались только пьяные и извозчики, перевозившіе напившихся до безчувствія или раненыхъ и избитыхъ*. Въ городѣ было размѣщено по полицейскимъ участкамъ 148 человѣкъ пьяныхъ. Въ хирургическую лѣчебницу было доставлено и явилось по собственному желанію для перевязки 42 человѣка.

По сообщенію газеты „Työmies", въ этомъ году въ городѣ было „спокойнѣе обыкновеннаго" (?). Однако въ то же время газета писала, что „на ближайшихъ къ Гельсингфорсу островахъ было довольно не спокойно: на Турхольменѣ произошло два случая ножевщины. Изъ нихъ одинъ случай довольно серьезный: одному рабочему въ полномъ смыслѣ слова вспороли животъ. Народу было много".

„Въ тотъ же вечеръ, по сообщенію газеты „Työmies", на Уніонской улицѣ, у Николаевскаго собора, возникла между тремя пьяными драка. Двоихъ сильно израненыхъ, полиціи удалось схватить, а третій скрылся".

По сообщенію „Helsingin Sanomat", „въ 8 час. вечера того же дня пьяный рабочій Ялмаръ Э. ударилъ стоявшаго на посту у Длиннаго моста полицейскаго по головѣ такъ, что каска упала. Когда его вели въ полицію онъ оказывалъ сильное сопротивленіе".

Газета „Suomalainen Kansa" сообщала о слѣдующихъ случаяхъ, бывшихъ въ *Гельсингфорсскомъ уѣздѣ*. „Между двумя рабочими возникла драка, во время которой

*) Костры въ Ивановъ день

рабочій С. ударилъ нѣсколько разъ ножемъ рабочаго Х. Одинъ изъ ударовъ пришелся въ шею. Раненый былъ доставленъ въ хирургическую лѣчебницу.

„Въ канунъ Иванова дня *въ Сернесѣ* на Флемингской улицѣ, во дворѣ дома № 25, былъ усмотрѣнъ лежащимъ на землѣ пьяный рабочій Иванъ Х. раненый въ бедро. Рана была настолько глубока, что Х. былъ весь залитъ кровью. Вытрезвившись, онъ заявилъ, что не помнитъ, кто его ударилъ.

„Въ тотъ же вечеръ на 5-й линіи между маляромъ Генрихомъ А., рабочимъ, Иваномъ В., подмастерьемъ Рихардомъ Х. и неизвѣстнымъ успѣвшимъ скрыться, возникъ споръ, а послѣ него драка. Во время этой драки А. получилъ глубокую ножевую рану въ голову, В. въ правую руку и Х. двѣ не серьезныхъ раны въ бокъ.

Много случаевъ приводилось и въ другихъ газетахъ, напр. въ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 170), которая удостовѣряла что „приведенный списокъ могъ бы быть значительно увеличенъ, и этому мѣшаетъ лишь недостатокъ мѣста".

Подобный же списокъ могъ бы быть приведенъ и за 1912 годъ (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 92).

Между прочимъ, старофинская газета „Waasa" слѣдующимъ образомъ описывала празднованіе Иванова дня въ 1912 году въ Николайстадѣ.

„По примѣру прежнихъ лѣтъ и въ этомъ году Вазаскій шведскій рабочій союзъ устроилъ танцы на островѣ Боскери. Сообщеніе съ островомъ поддерживало два-три парохода Народу ѣхало очень много. Пароходы были переполнены болѣе, чѣмъ вдвое. Естественно, что туда же устремились и пьяные, но поставленные слѣдить за порядкомъ полицейскіе препятствовали наиболѣе пьянымъ входить на пароходъ. Все-таки достаточно строго за этимъ не слѣдили, такъ какъ большое число замѣтно пьяныхъ людей попало на пароходы, а такихъ, у которыхъ въ карманахъ лежало вино было безъ конца. Снабженные въ дорогу такимъ образомъ люди, утоляли на пароходѣ свою жажду, никѣмъ не стѣсняемые; въ концѣ концовъ они оказались подъ полными парами. Такъ обстояли дѣла, въ особенности въ субботу вечеромъ.

„Хулиганы и пьяные изъ города и его окрестностей наложили свой отпечатокъ на весь субботній вечеръ. Грубыя словечки, скабрезные разсказы и крики слышались отовсюду. Они бранились и затѣвали между собой ссоры Въ лѣсу шелъ дождь изъ камней, крики о помощи раздавались безпрестанно. Бесѣда ихъ станетъ ясной, если мы приведемъ, нѣсколько наиболѣе употребительныхъ въ средѣ ихъ фразъ: „Дай, Яшка, ножъ, я имъ перерѣжу ему горло"; „гдѣ мой револьверъ, я убью его"; „его черепъ еще будетъ разбитъ прежде, чѣмъ утро наступитъ", „вотъ здѣсь онъ лежитъ теперь въ крови, заслужилъ онъ это". Характерно предостереженіе одного нарядно напившагося спиртомъ и украшеннаго майскимъ значкомъ социалиста, который, обращаясь къ ножевщикамъ, сказалъ: „не ударяйте ножомъ организованныхъ".

„Мы спросили у Мустасаарискихъ полицейскихъ — говоритъ въ заключеніе „Waasa"—каково число случаевъ ножевщины и насилій Они предполагали, что „полное число случаевъ ножевщины будетъ *тридцать*". Такъ праздновали соціалисты, осуждающіе пьянство и поведеніе „господъ".

Изъ этого видно, что празднованіе Иванова дня ежегодно имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ—пьянство, драки и ножевщина.

Буйный характеръ имѣетъ въ Финляндіи и *празднованіе Рождества*.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько газетныхъ сообщеній о томъ, какъ „справлялись" въ Финляндіи святки въ 1911 году.

„Блистательнѣйшимъ" образомъ они сошли, конечно, въ столицѣ Финляндіи Гельсингфорсѣ Тамъ „празднованіе" святокъ началось еще за три дня до Рождества, причемъ начало праздничнымъ безобразіямъ было положено полицейскими. Такъ, въ газетѣ „Turun Sanomat", (1911 г., № 300) сообщалось, что въ ночь на 23 декабря въ Гельсингфорсѣ на углу Сѣверной Эспланадной улицы была найдена въ безсознательномъ состояніи, съ разбитымъ носомъ, нѣкая Марія С Послѣ приведенія несчастной въ сознаніе выяснилось, что она сдѣлалась *жертвою полицейскихъ* В. и М Блюстители порядка, завлавъ женщину къ себѣ въ квартиру, напоили ее тамъ пьяною. Воспользовавшись затѣмъ тѣломъ несчастной, они спустили ее съ лѣстницы на улицу Наканунѣ рождественскаго сочельника въ Гельсингфорсѣ мастеръ цементныхъ работъ У., въ пьяномъ видѣ, нанесъ нѣсколько ранъ рабочему Р. Въ тотъ же день вечеромъ проживающій въ Гельсингфорсѣ въ домѣ № 26 по 4 линіи каменщикъ К. во время попойки опасно *изрѣзалъ финскимъ ножомъ свою жену* Положеніе пострадавшей безнадежно Въ ночь на рождественскій сочельникъ проживающій въ домѣ № 8 по Лапинлахтинской улицѣ 17-лѣтній рабочій Р. *нанесъ топоромъ своей матери двѣ опасныя для жизни раны*, одну въ високъ и другую въ спинной хребетъ. Какъ сынъ, такъ и мать были пьяны Положеніе пострадавшей вызываетъ опасенія. Почти въ то же самое время на крыльцѣ дома № 30 по Западному Шоссе былъ найденъ убитымъ извощикъ Т. По сообщенію газеты „Helsingin Sanomat" (1911 г, № 299) убійство Т произошло не въ ночь сочельника, а въ самое Рождество.

Интересно, что газета „Helsingin Sanomat", прежде чѣмъ излагать всѣ случившіяся въ Гельсингфорсѣ, на Рождествѣ, преступленія, дѣлала такое заключеніе: „Это

Рождество прошло замѣчательно мирно. Уличныхъ свалокъ, равно какъ и дракъ не было ни одной Что же касается *пьяныхъ*, то ихъ за все Рождество съ улицъ было подобрано *только 250 человѣкъ*".

Газета „Työmies" (1911 г., № 299) сообщала, что вечеромъ 23 декабря въ Гельсингфорсѣ убитъ какой то неназванный по фамиліи русскій портной.

Не лучше чѣмъ въ Гельсингфорсѣ, прошло Рождество и въ другихъ мѣстностяхъ Финляндіи.

Такъ газета „Työmies" (1911 г., № 300) разсказывала, что въ фабричномъ мѣстечкѣ Кюминтехдасъ (близъ Коувола) на святкахъ были ранены 2 рабочихъ; *на устроенномъ* во второй день Рождества *въ домѣ Самматискаго рабочаго союза вечерѣ* рабочій К ранилъ своего товарища 1 Л 23 декабря близъ деревни Хювинкя былъ убитъ рабочій Вяйне Л. и еще ранены двое неназванныхъ по фамиліи рабочихъ. Тамъ же на Рождествѣ произошелъ цѣлый рядъ незначительныхъ дракъ, ножевщинъ и тому подобное.

Газета „Wiipuri" (1911 г., № 301) передавала что *на состоявшемся* во второй день Рождества *въ Каалампоской народной школѣ вечерѣ* былъ тяжело раненъ домовладѣлецъ Л Во второй же день Рождества, по сообщенію той же газеты, произошли драки въ Луумякискихъ деревняхъ Хіетамяенкюля и Эллосенкюля и Вехкалахтинской деревнѣ Саарамаакюля. Въ деревнѣ Хіетамяенкюля драка произошла на вечерѣ мѣстнаго союза молодежи. Причиною драки было то, что члены союза начали выгонять съ вечера всѣхъ не участвующихъ въ союзѣ дѣвокъ и парней. Орудіями драки были ножи и револьверы, причемъ было нѣсколько раненыхъ Въ деревнѣ Эллосенкюля драка произошла на устроенныхъ въ какой-то избѣ „угловыхъ танцахъ", причемъ также было порядочно раненыхъ. Въ деревнѣ Саарамаакюля драка, съ такими же послѣдствіями, произошла на устроенныхъ тамъ во второй день Рождества рождественскихъ танцахъ.

Подобныя же сообщенія о *праздничномъ весельѣ* молодежи дѣлаются ежегодно и лишь сопровождаются болѣе или менѣе интересными подробностями.

Въ Виханти „на Рождествѣ здорово дрались въ обществѣ молодежи: сперва сбили внизъ лампы, а затѣмъ дрались въ темнотѣ" („Kansan Lehti", 1910 г, № 17) „Въ пожарномъ домѣ въ Аханси на вечерѣ, во второй день Рождества произошла жестокая кровавая схватка", писала „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 301), разсказывая, какъ тутъ дрались при помощи ножей и револьверовъ, какъ раненыхъ ножами и пулями пришлось относить въ мѣстную аптеку для оказанія первой помощи. „Драка длилась съ половины восьмого часа вечера до половины десятаго", заканчивала свое сообщеніе газета. „*Большія лужи крови* свидѣтельствовали потомъ, что оружіе пускали въ ходъ съ усердіемъ", писала „Kansan Lehti" (1911 г., № 6), сообщая о подобномъ же происшествіи

Характерно, что весьма обыкновеннымъ явленіемъ при буйствахъ финляндцевъ является *битье стеколъ* въ окнахъ.

Въ деревнѣ Суонта на устроенные во второй день Рождества танцы явилась группа парней и начала буянить. „Парни били кого только успѣвали, болѣе слабыхъ валили на землю, нѣсколькимъ пробили черепа, а предъ уходомъ *разбили въ избѣ всѣ стекла*. Покончивши съ этою деревнею, парни пошли въ слѣдующую" („Wiipuri", 1911 г, № 6). „Въ ночь на 29 января нѣсколько рабочихъ Симпелеской фабрики обходили поселокъ и стукомъ въ двери (безъ всякой причины) будили всѣхъ жителей. Затѣмъ рабочіе *начали бить стекла*" („Työ", 1911 г., № 28) „На станціи Терioки одинъ финнъ, напившись ночью пьянымъ, стукомъ въ двери разбудилъ жителей нѣсколькихъ домовъ. Гдѣ ему не открывали дверей, тамъ онъ *билъ стекла*" („Työ", 1911 г., № 40).

Рѣдкая *свадьба* въ Финляндіи обходится безъ кровопролитія. На свадьбу въ деревнѣ, какъ извѣстно, является много посторонняго люда посмотрѣть на молодыхъ, на гостей, вообще на свадебное веселіе. Это появленіе постороннихъ и вызываетъ въ Финляндіи драку, такую драку, отъ которой свадьбы часто называются *„кровавыми свадьбами"*.

Вотъ, напримѣръ, описаніе такой „кровавой свадьбы" въ Теннялѣ, Холлольскаго прихода Посторонніе, возмутившись тѣмъ, что ихъ не впустили въ избу, начали, какъ только могли, *бить стекла*. Послѣдовалъ потомъ обмѣнъ и выстрѣлами. Въ свалкѣ у хозяина дома такъ свернули челюсть, что даже зубы перевернулись У одного изъ гостей ножемъ отхватили съ лѣваго плеча все мясо до кости, и кровь полилась ручьемъ Гости въ ужасѣ, съ плачемъ и молитвами, метались, кто подъ кровать, кто на чердакъ Посторонніе послѣ такого штурма отступили, имѣя лишь одного раненаго" („Kansan Lehti", 1909 г., № 225).

Это—типичная финская свадьба; варьируются въ другихъ случаяхъ лишь послѣдствія

Въ Хонкойоки, напр., на свадьбѣ одинъ убитъ и двое опасно ранено: „у одного носъ и лицо изрѣзаны ужаснымъ образомъ" („Helsingin Sanomat", 1910 г., № 240). Въ

Руокалахти брачущихся выгнали изъ дому и вдребезги разбили окна и двери. Полиціи удалось разогнать публику лишь послѣ стрѣльбы по ней съ серьезнымъ пораненіемъ одного изъ толпы („Uusi Suometar", 1910 г., № 119). Въ Мерикарвіо одному гостю раскололи черепъ („Tyomies", 1910 г., № 128); въ Оярви два гостя изъ-за полученныхъ ими ранъ, отвезены къ доктору („Karjala", 1910 г., № 128); въ Ярвіо одинъ изъ гостей получилъ 11 ножевыхъ ранъ („Kansan Lehti", 1910 г., № 139); въ Харволѣ на свадьбѣ „многіе участники драки получили кто болѣе тяжкія, кто болѣе легкія раны отъ ударовъ кольями, камнями и бутылками" („Karjala", 1910 г., № 141).

Всѣхъ такихъ сообщеній печати не перечтешь. Насколько, однако, обычны „кровавыя свадьбы" въ Финляндіи, лучше всего видно изъ того факта, что печать приводитъ, какъ „замѣчательныя" явленія, свадьбы безъ кровопролитія. „Замѣчательно, что на свадьбѣ въ Пелькъярви ничего не было, кромѣ словесной перебранки", пишетъ газета „Raja-Wahti" (1909 г., № 112).

Проявленія грубости находятъ также себѣ мѣсто на *ярмаркахъ*: тутъ достается и людямъ и животнымъ, такъ что мѣстныя власти во многихъ случаяхъ пришли въ послѣднее время къ мысли о необходимости отмѣнить такія ярмарки.

Такъ, по словамъ „Laatokka" (1911 г., № 70), предполагаютъ *отмѣнить лѣтнюю ярмарку въ г. Сердоболѣ*. „Опять здѣсь была ярмарка: бѣшеная изъ бѣшеныхъ. Цѣлую недѣлю городъ представлялъ бѣшеную толчею: проклятія и ругань, пьянство и безобразничаніе было ежедневнымъ блюдомъ, и предлагалось его до отвалу. Одно твореніе Божіе было во время ярмарки предметомъ ужаснаго обращенія: это лошадь. Какъ будто вся ярмарка существуетъ для *истязанія лошадей*!"... И по другимъ мѣстностямъ Финляндіи ярмарки проходятъ не лучше: напр., въ Куопіо зимняя ярмарка прошлаго года сопровождалась *уличными драками*, во время которыхъ были опасно ранены два ярмарочныхъ гостя и одинъ полицейскій. Въ Осмолѣ — барскомъ мѣстѣ пьянства и метанія икры — тоже дрались!" („Savon Työmies", 1910 г., № 11). Въ Каукалѣ „ярмарочные гости—числомъ шесть человѣкъ—квартируя у одного мѣстнаго жителя, ночью, когда хозяева спали, утащили изъ-подъ бока у хозяина его жену и, стащивъ ее въ баню, поочередно удовлетворили свою страсть. Изъ насильниковъ четверо арестовано" („Karjala", 1911 г., № 102).

Описанія ярмарокъ въ такомъ родѣ очень часты.

Такимъ образомъ, празднованіе всякаго рода выдающихся дней въ результатѣ оканчивается буйствами и грандіозными драками.

Финляндцы подвели приблизительные итоги *убитымъ въ дракахъ*, и оказалось, что въ 1909 году въ Финляндіи было убито 172 человѣка („Uusi Suometar", 1911 г., № 174).

Можно думать, что число это въ 1910 и 1911 г. не уменьшилось, такъ какъ газеты постоянно сообщаютъ о новыхъ убійствахъ, совершаемыхъ въ Финляндіи во время дракъ. Подобныя драки бываютъ не только на разныхъ праздникахъ, когда люди звѣрѣютъ отъ пьянства, но также когда по разнымъ поводамъ начинаются споры и ссоры.

Вотъ, напр., „27 іюля въ Куркіокскомъ приходѣ, въ деревнѣ Алю, крестьянинъ В. съ домашними вышелъ косить лугъ. Крестьянинъ Т., съ домашними же, вышелъ его гнать съ луга, и началась драка. Въ дракѣ В. получилъ страшный ударъ коломъ по головѣ, такъ что все лицо опухло, ротъ былъ такъ обезображенъ, что зубы выпадались и губы были разсѣчены, какъ у зайца. Т. въ свою очередь получилъ страшную рану отъ удара косою по плечу, такъ что большая вена была совершенно перерѣзана. Раненыхъ отвезли къ врачамъ" („Kansan Lehti", 1911 г., № 173).

Рабочее общество въ Пюхяярви устраиваетъ вечеръ съ лотереею. „Въ 10 часовъ вечера произошло убійство: убитъ былъ лѣсничій В. По какой-то причинѣ произошелъ споръ между лѣсничимъ В. и нѣкіимъ В., который такъ ударилъ кулакомъ лѣсничаго, что послѣдній свалился. Когда же онъ сталъ подниматься, то сапожникъ Л. *ударилъ его по шеѣ ножемъ* такъ, что совершенно перерѣзалъ дыхательное горло. Безъ звука лѣсничій В. свалился на землю и черезъ минуту скончался" („Uusi Suometar", 1911 г., № 173).

9-го августа 1911 г. работникъ имѣнія Лилль-Гуссъ Адольфъ Ф. поссорился съ работникомъ имѣнія Трескбю Германомъ Л. изъ-за возжей. Л. ударилъ Ф. съ такой силой камнемъ въ лобъ, что у послѣдняго треснулъ черепъ, и онъ 25-го августа н. ст. умеръ отъ столбняка, оставивъ послѣ себя жену и дѣтей („Hufvudstadsbladet", 1911 г., № 235).

По сообщенію газеты „Uusi Suometar" (1911 г., № 136), проживавшій въ Келломяки маляръ І. К. изрубилъ топоромъ торговку М. Р. При этомъ всѣ кишки послѣдней вывалились изъ образовавшейся въ области живота раны наружу.

Не удивительно, конечно, если низшіе классы населенія Финляндіи допускаютъ подобныя буйства и не могутъ при всякомъ подходящемъ случаѣ воздержаться отъ того, чтобы не пустить въ дѣло ножъ, топоръ или какое нибудь другое орудіе, но любопытно, что подобное же направленіе, до битья стеколъ включительно, имѣютъ *и увеселительныя собранія „высшихъ" классовъ*.

Въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 179) читаемъ, что въ ночь на 28 іюля 1911 г. въ деревню Юлеярви пріѣхала на автомобилѣ группа *интеллигентныхъ молодыхъ людей, перебила тамъ всѣ окна* и затѣмъ уѣхала обратно.

На Рождественскихъ праздникахъ въ Гельсингфорсѣ, одинъ „господинъ", катаясь на извозчикѣ по городу, началъ стрѣлять изъ револьвера. Къ нему для выясненія дѣла подошелъ полицейскій. Оказалось что „господинъ" *стрѣляла, „чтобы согрѣться"* („Kansan Tahto", 1911 г. № 1).

По сообщенію газеты „Kansan Lehti" (1911 г., № 66), въ Моннинкюля *лица изъ интеллигенціи* въ 11 ч. вечера забрались въ помѣщеніе школы, *разбили окна*, сломали двери и угрожали жителямъ револьверами.

Газета „Savon Työmies" (1911 г., № 12) описываетъ *„именины у интеллигенціи"*: „Недавно представители высшаго класса населенія одного городка и сосѣдняго села, какъ-то: *доктора, лесманы, желѣзнодорожные чиновники* и пр. и пр. мѣстная знать собралась на именины къ одному барину. На именины заранѣе были заготовлены десятки бутылокъ коньяку, пуншу, корзины пива и портера. Въ разгаръ веселья произошла *драка*, во время которой *„кровь текла ручьями"* и *девять оконныхъ рамъ были разбиты* въ дребезги. Пришлось, наконецъ, послать за полицейскими".

„Haminan Lehti" (1911 г., № 35) разсказываетъ о слѣдующемъ характерномъ фактѣ. „Въ мѣстности Виролахти на дняхъ состоялся *„младофинскій семейный вечеръ"*. На вечерѣ произошла серьезная ссора на политической подкладкѣ. Поссорились *„ласточки"* и *„воробьи"* *). Женщины уже въ началѣ ссоры перешли къ дракѣ. Подъ крики „ylös" и „alas" („да здравствуетъ" и „долой"), были слышны звуки сильныхъ пощечинъ".

Подобный же буйный характеръ носятъ *вечера*, устраиваемые въ помѣщеніяхъ *рабочихъ обществъ*. Вотъ, напр., описанія нѣсколькихъ такихъ вечеровъ, заимствованныя изъ газетъ соціалистической и старофинской партій.

Вечеръ въ Юливеси. „Вошедшіе молодые люди начинаютъ кричать и безобразничать. Одинъ въ одной рукѣ держитъ револьверъ, въ другой ножъ; у двухъ другихъ заряженные револьверы; остальные вооружены различнымъ оружіемъ. Среди присутствующихъ возникла паника, и вечеръ былъ прекращенъ". Послѣ разгона публики молодежь ушла драться въ другое мѣсто, гдѣ „большія лужи крови лишь свидѣтельствовали о силѣ драки" („Työmies", 1910 г., № 89). Вечеръ въ Полвіярви. „Потоки брани, невообразимый шумъ мѣшаютъ слушать рѣчь. Такъ какъ заранѣе уже отобрали ножи отъ присутствующихъ, то послѣдніе, схватившись и дубася другъ друга кулаками, дрались подъ аккомпанементъ звѣриныхъ криковъ" („Rajavahti", 1909 г., № 193).

Въ Урьялѣ во время рѣчи одинъ изъ присутствующихъ началъ перепрыгивать черезъ сидящихъ на скамейкахъ, но при одномъ прыжкѣ нога не нашла себѣ опоры, и онъ шлепнулся на полъ. Вабѣшенный этимъ онъ, поднявшись, началъ колоть ножемъ направо и налѣво". Въ происшедшей дракѣ одинъ свалился отъ сорока ранъ, другой устоялъ съ шестнадцатью ранами. „Поле сраженія въ залѣ было ужасно: полъ весь въ крови, даже лотерейные предметы были запачканы кровью". Лотерея послѣ драки продолжалась; спокойствіе нарушено было лишь появленіемъ полицейскаго, на котораго набросились присутствующіе и котораго, обезоруживъ, они заперли въ чуланъ („Työmies", 1909 г., № 214).

Вечеръ въ Эспо. „Послѣ того, какъ возникла сильная драка, полицейскій хотѣлъ возстановить порядокъ, но былъ раненъ ножомъ и пулею. Часть публики повыскакала въ окна, оставшіеся подняли такой шумъ, что его было слышно за два километра" („Suomalainen Kansa", 1910 г., № 53).

Бываютъ и идилическія картины на вечерахъ въ помѣщеніяхъ рабочихъ обществъ. „Пьянство у насъ въ Карихари было необычайно развилось; даже на репетиціи многіе приходятъ пьяными, такъ что репетиціи не могутъ состояться. Бываетъ и такой срамъ, что во время вечера сцены не исполняются изъ-за пьянаго состоянія исполнителей" („Kansan Tahto", 1910 г., № 259). Въ Хирвиярви—вечеръ, но „представленіе не заслуживало благодарности: исполнители были свински пьяны" („Kansan Lehti", 1910 г., № 4).

---

*) Двѣ части младофинской партіи—„ласточки" клонятъ къ шведоманамъ, а „воробьи" къ старофинамъ. Прим. сост.

Описывая танцовальный вечеръ, устроенный въ домѣ Кеккальскаго рабочаго союза, старофинская „Wilpuri“ (1911 г., № 243) писала: „Въ самый разгаръ всеобщаго веселья между нѣсколькими пришедшими потанцовать рабочими возникъ споръ, который, *какъ это обычно бываетъ, перешелъ затѣмъ въ ножевщину.* Въ результатѣ убитъ одинъ, раненыхъ нѣсколько“.

„*На вечеръ, устроенномъ по случаю 1 мая рабочимъ обществомъ въ Ласкаля*, ворвавшаяся на вечеръ пьяная кампанія произвела такой шумъ, что пришлось пріостановить исполненіе программы. Особенно отличался одинъ часовыхъ дѣлъ мастеръ Р. Будучи совершенно пьянъ, онъ сталъ разбрасывать крутомъ свои деньги, затѣмъ вытащилъ изъ кармана револьверъ и выпустилъ нѣсколько холостыхъ зарядовъ. Послѣ этого у него отобрали револьверъ и самого его выпроводили за дверь. Къ счастью, во время удалось остановить его стрѣльбу, такъ какъ оказалось, что въ револьверѣ были и боевые патроны“ („Rajavahti“, 1911 г., № 48).

Дѣлая послѣднее сообщеніе, газета „Rajavahti“ писала, что „устроители рабочихъ вечеровъ должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы пьяные не допускались на вечера. Само рабочее общество должно разъ навсегда запретить подобнымъ личностямъ являться на вечера, чтобы они вообще не могли портить добрую славу и достоинство этихъ вечеровъ (!), ибо подобныя безобразія могутъ въ корнѣ подорвать рабочее движеніе въ этой мѣстности“.

Конечно, подобное пожеланіе газеты похвально, но врядъ ли осуществимо, если принять во вниманіе укоренившіяся привычки населенія и только что приведенные случаи буйствъ въ рабочихъ обществахъ.

Не лучше дѣло обстоитъ и въ *обществѣ молодежи.*

Въ Хейнъоки послѣ рѣчи начались танцы, но вотъ „послышались ругательства, затѣмъ раздался трескъ, и одно изъ оконъ съ рамою полетѣло на полъ. Скоро и всѣ окна были разбиты, загремѣли выстрѣлы, засверкали ножи, читаемъ въ младофинской газетѣ „Karjala“ (1909 г., № 268). Тамъ же названная газета описываетъ литературный вечеръ въ обществѣ молодежи въ Луумяки: „Половина жителей была пьяна, во время представленія безпрерывно входили, выходили и вообще вели себя такъ, что ничего не слышно было со сцены. Когда же исполнители старались что-либо сказать, толпа зрителей мѣшала имъ, отпуская по адресу исполнителей всякія глупости и грубости Мужчины весь вечеръ похаживали, имѣя шапки на головѣ и папиросы въ зубахъ *И такъ здѣсь ведутъ себя на всѣхъ вечерахъ и праздникахъ*“, говоритъ въ заключеніе младофинская газета.

Въ Харьюнтаустѣ въ обществѣ молодежи на вечерѣ избили полицейскихъ („Kansan Lehti“, 1909 г., № 295).

Молодежь деревни Сирканкюля устроила въ одной нежилой избушкѣ „угловые танцы“. Въ числѣ пришедшихъ на эти танцы крестьянъ, между прочимъ, были домовладѣлецъ С. и рабочій П. Въ самый разгаръ всеобщаго веселья между этими лицами произошла ссора. С. схватилъ полѣно и чуть не до полусмерти избилъ имъ своего противника („Kansan Tahto“, 1911 г., № 119).

„Въ Хаусъярви на состоявшійся тамъ вечеръ мѣстнаго *союза молодежи* явилось нѣсколько хулигановъ. Сперва они взобрались для чего то на чердакъ. Спустившись затѣмъ внизъ, хулиганы, съ револьверами и обнаженными ножами, вошли въ залъ Потушивъ тамъ всѣ лампы, они бросились на публику. Ни просьбы о пощадѣ, ни плачъ дѣтей не остановилъ хулигановъ отъ звѣрства — *они рѣзали ножами рѣшительно всѣхъ, кто только попадался имъ подъ руку.* У входа въ залъ хулиганы поставили особую стражу, въ силу чего публикѣ пришлось выломать стекла и бѣжать чрезъ окна“ („Sosialisti“, 1911 г., № 272) Совершенно тождественнымъ образомъ, какъ сообщала младофинская „Karjala“ (1911 г., № 247), закончился вечеръ Копраласкаго союза молодежи

Во время праздничнаго веселья финской деревенской молодежи нерѣдки инциденты своеобразно дикаго характера въ родѣ слѣдующаго: „Однажды молодежь деревни Мякикюля собралась вечеромъ въ торпѣ нѣкоего С. Сюда же въ нетрезвомъ видѣ пришелъ одинъ призрѣваемый общиной бѣднякъ, носящій названіе „Кимаринъ-Каллэ“. Войдя въ комнату, онъ вмѣстѣ съ другими сталъ играть въ хороводъ. Во время игры, со словами „не будетъ ли такъ“, онъ сшибъ и разбилъ лампу, а затѣмъ началъ *стрѣлять изъ револьвера* и размахивать желѣзнымъ безмѣномъ. Изъ этой комнаты Каллэ пошелъ въ другую, разбилъ лампу и тамъ, а затѣмъ и въ прихожей Гости, испуганные непрерывными выстрѣлами и вообще поведеніемъ Каллэ, въ паникѣ бросились сперва на дворъ, а оттуда въ ближайшій лѣсъ, гдѣ и пробыли все время, пока Каллэ не былъ успокоенъ“ („Työmies“, 1910 г., № 279).

Говоря о безобразіяхъ, которыя позволяетъ себѣ молодежь въ Кареліи, младофинская „Karjala“ (1912 г., № 113) писала: „*Драки, ножевщина*

и убійства и здѣсь въ Кареліи стали самымъ обычнымъ явленіемъ. Всѣ эти гадости особенно господствуютъ въ средѣ сельской молодежи, несмотря на то, что просвѣтительная работа въ сельскихъ мѣстностяхъ ведется уже давно. *Безобразія*, совершающіяся въ означенныхъ мѣстностяхъ, можно сказать, *имѣютъ эпидемическій характеръ.* Хулиганство это особенно вредитъ культурной работѣ, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ непреодолимое желаніе вступить съ нею въ борьбу. Такъ, напримѣръ, авторъ статьи недавно получилъ отъ одного общества молодежи письмо, въ коемъ сообщается, что въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ помѣщеніи этого общества попорчена и расхищена вся обстановка и украдены даже декораціи и всѣ другія сценическія принадлежности, причемъ виновные совершенно не обнаружены. Подобныя безобразія молодежи чаще всего имѣютъ мѣсто во время всевозможныхъ празднествъ и вечеринокъ. Провѣдавъ объ устройствѣ празднества, молодежь издалека пріѣзжаетъ побезобразить, вслѣдствіе чего мѣсто празднества очень часто превращается въ поле сраженія, съ котораго однихъ увозятъ въ больницы, другихъ передаютъ въ вѣдѣніе полиціи“. Газета приводила случай, когда Новокиркскій уѣздный судъ въ одинъ день присудилъ къ штрафу шестерыхъ молодыхъ людей за нарушеніе спокойствія и порядка на празднествахъ различныхъ обществъ. „Всѣ эти, далеко не свѣтлыя явленія въ средѣ молодежи, по словамъ газеты, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что *культура* въ Кареліи *молода* и что *глубокихъ корней она еще не пустила* *). Требуются особыя усилія для искорененія всѣхъ этихъ звѣрствъ и безобразій. Только энергичная просвѣтительная работа можетъ уничтожить это зло“.

Между прочимъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій финляндцевъ является *карточная игра.* Конечно и при этомъ возникаютъ споры и ссоры, кончающіеся по обыкновенію драками.

Газета „Waasa“ (1911 г., № 78), сообщая о томъ, что въ вышедшемъ однажды изъ Гельсингфорса на сѣверъ пассажирскомъ поѣздѣ *нѣсколько лицъ интеллигенціи* устроили картежную игру, закончившуюся ножевщиной, утверждала, что *картежная игра и драка—обычное явленіе на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ.*

Газета „Kansan Äani“ (1911 г., № 64) констатируетъ фактъ поразительнаго развитія картежной игры среди Вильманстранскихъ рабочихъ. Играютъ и молодые и старые, притомъ не только въ праздники, но и въ будни. Чуть не каждый рабочій тотчасъ же по приходѣ съ работы спѣшитъ въ лѣсъ, гдѣ его уже поджидаютъ завзятые аферисты—картежники. Еще хуже дѣло обстоитъ въ Тайпалсаари, гдѣ всѣ прилегающіе къ нему поля и лѣса превращены въ клубы. Подобнымъ же образомъ, какъ сообщаетъ та же газета (№ 63), развита картежная игра на станціи Кайтъярви. Мѣстомъ для игры тамъ является будка стрѣлочниковъ и дежурная комната.

По словамъ газеты „Työmies“ (1911 г., № 122), карточная игра стала обыкновеннымъ зломъ въ Рихимякахъ. Каждый праздникъ толпы мужчинъ собираются играть въ карты въ какомъ либо лѣсу или отдаленной избушкѣ.

Газета „Uusi Aura“ (1911 г., № 133) пишетъ, что въ отбывшій вечеромъ 9 іюня изъ Гельсингфорса въ Таммерфорсъ почтовый поѣздъ сѣло нѣсколько хулигановъ. Во время пути они организовали въ вагонѣ картежную игру, которая перешла затѣмъ въ драку. Ѣхавшіе въ томъ же вагонѣ два полицейскихъ пытались ихъ остановить, но сами же за это и пострадали: одному изъ нихъ хулиганы порѣзали руку, а другого чуть не застрѣлили. На станціи Лемпяля буяны были выведены изъ поѣзда и посажены подъ арестъ, откуда черезъ малое время убѣжали. При произведенномъ тотчасъ же по арестѣ обыскѣ у хулигановъ было найдено нѣсколько колодъ краплеными картъ.

*) Какъ видно изъ вышеизложеннаго, эти слова могутъ быть съ полнымъ правомъ отнесены и къ прочимъ частямъ Финляндіи. Прим. сост.

Хотя въ дракахъ и буйствахъ финляндцевъ иногда находитъ себѣ употребленіе и револьверъ, но самымъ обыкновеннымъ оружіемъ является знаменитый *финскій ножъ* („пуукко"). Что представляетъ изъ себя этотъ ножъ, можно судить по слѣдующему нѣсколько ироническому описанію газеты „Työmies" (отъ 19 мая—1 іюня 1912 г.).

„Пуукко"—относится къ самымъ раннимъ произведеніямъ финляндской промышленности. Вслѣдствіе небрежности историковъ осталось все-таки въ неизвѣстности какъ имя изобрѣтателя, такъ и время изобрѣтенія. Пуукко дѣлается изъ стали, часто изъ стали для напильниковъ и къ нему непосредственно относится какъ деревянный черенокъ, такъ и кожаныя (у „врачевателей природы" берестяныя) ножны. Онъ носится въ ножнахъ на ремнѣ или иначе, но преимущественно съ лѣвой стороны, иногда также „по серединѣ живота" или за спиной. Мѣсто ножа безъ ноженъ въ щеляхъ стѣнъ избы. Пуукко распространенъ по всему полуострову Финляндіи...

„По размѣру „пуукко" раздѣляются на три сорта: маленькіе, средніе и большіе. Маленькіе ножи носятся на кушакахъ женщинъ, большіе носятъ драчуны и закалыватели свиней; средними пользуются всѣ остальные. Изъ большихъ „пуукко" исторически извѣстенъ съ оправленнымъ черенкомъ пуукко Ханссинъ Юкки, длиной въ четверть съ лишнимъ.

„По природѣ „пуукко", по словамъ газеты „Työmies", тихій и трудолюбивый ножъ, но онъ вѣрно служитъ своему хозяину для всякихъ цѣлей, какими бы ужасными и кровавыми онѣ ни были. Обыкновенно „пуукко" употребляются: на щепаніе лучинъ, на обстругиваніе топорищъ, для убійства людей и закалыванія скота, сдиранія шкуръ, бритья свиной щетины (въ экстренномъ случаѣ для бритья человѣческихъ подбородковъ), на выдѣлку вѣниковъ и т. д. (въ дѣтствѣ для обрѣзыванія пальцевъ); часто его ни на что не употребляютъ, а носятъ его на ремнѣ, какъ показатель мужества и какъ украшеніе".

Соціалистическая газета находитъ, что самъ по себѣ „пуукко" не представляетъ страшнаго оружія и дѣлается таковымъ лишь въ рукахъ пьянствующаго и дикаго населенія.

Впрочемъ, повидимому, это вовсе не такое безобидное орудіе въ рукахъ финляндцевъ, которые пріучаются пускать его въ ходъ съ дѣтскаго возраста. Какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, ножъ — пуукко уже въ рукахъ подростковъ обращается нерѣдко въ смертоносное оружіе.

Такъ, въ началѣ 1911 года на станціи Итала финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ произошла *драка между 15-лѣтними подростками*, при чемъ одного изъ нихъ на мѣстѣ закололи на смерть финскимъ ножемъ („Suomalainen Kansa", 1911 г., № 46).

Лѣтомъ того же года „10—15-лѣтніе дѣти проживающихъ въ Коликкойнмяки (близъ Выборга) рабочихъ устроили закончившуюся ножевщиной драку. Проходившая мимо дѣтей старуха пыталась остановить, но напрасно: дѣти ей заявили, что если она не замолчитъ, то они зарѣжутъ ее ножемъ („Työ", 1911 г., № 136).

„16 октября 1911 г. въ Выборгѣ 14-лѣтній мальчикъ Ю. М. *нанесъ финскимъ ножемъ* опасную рану своему 15-лѣтнему товарищу Ууно С." („Työ", 1911 г., № 239).

„10 ноября 1911 г. въ Куусанкоски 14-лѣтній мальчикъ Г. опасно изрѣзалъ финскимъ ножемъ находившагося въ томъ же возрастѣ подростка" („Työmies", 1911 г., № 263).

Въ концѣ 1911 г. по сообщенію газеты „Satakunda" (1911 г., № 208). 15-лѣтній сынъ крестьянина Нику Я., во время спора *со своимъ старикомъ отцомъ*, нанесъ ему финскимъ ножемъ 3 глубокія раны.

Старофинская газета «Uusi Aura», отъ 5 марта 1912 г., пишетъ, что „въ Котиніемискомъ воспитательномъ заведеніи какой то не названный по фамиліи питомецъ, вставъ въ половинѣ одной изъ послѣднихъ ночей со своей койки, *съ ножемъ въ рукахъ*, набросился на спавшаго рядомъ съ нимъ товарища и началъ наносить ему куда попало раны. Послѣ нанесенія шестой раны несчастный мальчикъ, обливаясь кровью, свалился на полъ. Это, однако, нисколько не повліяло на несовершеннолѣтняго человѣка-звѣря. Онъ вновь набросился на свою жертву и, если бы не вмѣшательство проснувшихся отъ шума товарищей, навѣрное его убилъ бы". По словамъ газеты, администрація заведенія ни слова не сообщила объ этомъ событіи мѣстной полиціи, равно какъ отказалась сообщить газетнымъ корреспондентамъ фамиліи „героевъ" этой дѣтской драмы".

Таковы нѣсколько ужасныхъ сообщеній изъ газетной хроники 1911—1912 годовъ, доказывающихъ распространеніе ножа среди молодого поколѣнія въ Финляндіи.

Удивительны ли послѣ этого тѣ *ножевыя драки и убійства*, которыя происходятъ въ этой странѣ повседневно *среди взрослыхъ финновъ* и о которыхъ ежедневно сообщаютъ хроники финляндскихъ газетъ. Конечно наиболѣе обширный матеріалъ можно почерпнуть изъ соціалистическихъ газетъ, но встрѣчаемъ соотвѣтствующія сообщенія и въ буржуазной печати.

Въ соціалистической газетѣ „Työ" за 1911 годъ читаемъ:

„На краю Сайменскаго канала въ домѣ крестьянина П. какой то рабочій нанесъ *финскимъ ножемъ 20 ранъ* своему товарищу Т." (№ 179). „Близъ Выборга на одной шоссейной дорогѣ крестьянинъ Ц. *безъ причины* ранилъ встрѣтившагося ему на дорогѣ незнакомца" (№ 180). „На состоявшуюся въ деревнѣ Кяхеля, Луумякискаго прихода, свадьбу домовладѣльца П. „въ качествѣ незванныхъ гостей" явилось нѣсколько пьяныхъ хулигановъ. Въ половинѣ празднества между ними произошелъ споръ, который, какъ и всегда, перешелъ затѣмъ въ *ножевщину*. Убитъ одинъ, раненыхъ нѣсколько" (№ 263). „12 ноября 1911 г. въ Теріоки на свадьбѣ нѣкоего Т. сильно *порѣзанъ финскимъ ножемъ* желѣзнодорожный служащій О. А." (№ 263). „На состоявшійся въ концѣ 1911 г. въ Выборгѣ вечеръ соціалъ-демократическаго союза молодежи, между прочимъ, явился рабочій Иванъ Т. Въ виду того, что пришедшій былъ пьянъ, въ танцовальный залъ распорядители его не впустили. Это такъ его разсердило, что онъ разбилъ въ одномъ изъ оконъ дома всѣ стекла, а затѣмъ, *выхвативъ ножъ*, нанесъ имъ нѣсколько ранъ какому то стоявшему по близости члену союза. Скандалистъ арестованъ" (№ 297).

Въ соціалистическомъ „Työmies" за 1911 годъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія сообщенія:

„На устроенный *въ первый день Пасхи* старофиннами въ деревнѣ Рухіярви, Настоласкаго прихода, праздникъ, явилась пьяная компанія молодежи другой деревни, вооруженная кнутами и ножами Молодые люди всячески пытались затѣять ссору и драку, что къ концу вечера имъ и удалось; въ результатѣ *двое были ранены*. Удаляясь изъ деревни, эта пьяная компанія *перебила окна* въ домѣ, въ которомъ происходилъ вечеръ и кромѣ того окна въ домахъ трехъ бобылей" (№ 90). Двое рабочихъ, прогуливаясь недавно въ находящемся близъ Гельсингфорса Алпииласкомъ лѣсу, встрѣтили виннаго торговца. Послѣдній настоятельно отъ нихъ потребовалъ, чтобы они купили у него за 3 марки лимонадную бутылку вина. Рабочіе отказались. Торговецъ еще разъ безрезультатно повторилъ свое требованіе, а затѣмъ *выхватилъ ножъ и вонзилъ его въ спину* одного изъ непослушныхъ рабочихъ" (№ 114). „Проживающій въ домѣ № 3 по Сувилахдиской улицѣ рабочій К. во время спора *нанесъ ножемъ* нѣсколько ранъ рабочему В. Думая, что онъ скончался, К. извѣстилъ о совершенномъ имъ преступленіи полицію" (№ 202). „10 человѣкъ Сернесскихъ рабочихъ *играли на полѣ въ карты*. Во время игры возникъ споръ Закончился онъ тѣмъ, что одинъ изъ игравшихъ *выхватилъ ножъ и нанесъ имъ нѣсколько ранъ* сидѣвшему рядомъ съ нимъ товарищу. Перевязавъ раны, игроки вновь взялись за карты" (№ 202). „Въ Эсбо какой то кузнецъ *ранилъ финскимъ ножемъ* двухъ совершенно незнакомыхъ ему крестьянскихъ парней. Одинъ изъ порѣзанныхъ черезъ нѣсколько дней выйдетъ изъ больницы, а другой признанъ безнадежнымъ" (№ 202) „Между нѣсколькими напившимися пьяными крестьянами деревни Трескбю возникла драка. Изъ дравшихся работникъ Л. получилъ *нѣсколько ранъ* въ спину, у другого работника поранена рука. Преступники задержаны" (№ 202). „Въ Гельсингфорсѣ рабочій Иванъ К. въ пьяномъ видѣ *вонзилъ своей женѣ въ спину ножъ*. Положеніе пострадавшей безнадежно" (№ 299). „Въ деревнѣ Кіимиямяенкюля рабочій В. во время картежной игры, выхвативъ ножъ, вонзилъ его въ грудь своего партнера Л. Послѣдній тотчасъ же скончался" (№ 301).

Изъ другихъ соціалистическихъ газетъ, газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 264), между прочимъ, сообщала о слѣдующемъ происшествіи: „На состоявшуюся 5 ноября въ деревнѣ Мааріанваара *свадьбу* крестьянина Петра Т., между прочимъ, явился нѣкій гость М. Х. Почти тотчасъ же по своемъ приходѣ послѣдній началъ безобразить. Новобрачный Т. сдѣлалъ попытку его успокоить. Но не успѣлъ еще Т. кончить своихъ увѣщаній, какъ озвѣрѣвшій гость, *выхвативъ ножъ*, вонзилъ его въ самое сердце увѣщателя. Новобрачный тотчасъ же скончался".

Газета „Sosialisti" (1911 г., № 301) сообщала, что однажды „на состоявшемся вечерѣ Аласкюлякаго рабочаго союза былъ опасно *раненъ ножемъ* крестьянинъ Т. С Преступникъ—бродяга І. К., совершивъ свое злое дѣло, подошелъ къ своимъ знакомымъ и началъ тамъ хвастаться, что *„ему чертовски хорошо удалось изрѣзать человѣка и этого никто не замѣтилъ"*.

Въ младофинской „Helsingin Sanomat" за 1911 годъ читаемъ:

„20 ноября въ Гельсингфорсѣ, на углу Елизаветинской и Уніонской улицъ, рабочій Т. порѣзалъ *финскимъ ножемъ* своего товарища К. Того же 20 ноября, въ Фред-

рикcбергѣ, между нѣсколькими напившимися пьяными рабочими произошелъ по какому то незначительному поводу споръ. Закончился послѣдній *ножевщиной*. Раненыхъ нѣсколько" (№ 269). „Въ Гельсингфорсѣ, на Уніонской улицѣ, какой то неизвѣстный злоумышленникъ совершенно безпричинно нанесъ финскимъ ножемъ нѣсколько ранъ шедшимъ по улицѣ ученикамъ торговой школы Д. и Т. Пострадавшіе доставлены въ городскую хирургическую больницу. Положеніе перваго изъ нихъ безнадежно" (№ 294). „На станціи Теріоки рабочій Б. сдѣлалъ попытку *ранить ножомъ* полицейскаго К. При полицейскомъ дознаніи Б. заявилъ, что причиною его нападенія на полицейскаго была месть. „Если мнѣ въ этотъ разъ не удалось отомстить К.", добавилъ онъ, „то въ слѣдующій разъ уже навѣрное удастся" (№ 302).

По сообщенію *младофинской* газеты „Laatokka" (1911 г., № 96), „29 августа въ Репосаари рабочій Карлъ Х. нанесъ *финскимъ ножемъ* 6 ранъ своему товарищу М. Раненшій арестованъ, а раненый свезенъ въ Бьернеборгскую больницу. Положеніе его безнадежное".

Младофинская „Karjala" (1911 г., № 203) сообщала, что „между Уустиласкими и Килпеніокскими парнями, прибывшими на лотерею, возникла драка. Въ дѣло, кромѣ ножей, были пущены палки, камни, револьверы и пр. Раненыхъ насчитывалось около 20 человѣкъ. *Весь полъ лотерейнаго зала былъ облитъ кровью*".

Старофинская газета „Wiipuri" (1912 г., № 11) писала, что близъ полустанка Хонканіеми рабочій А. Р. изъ за мести *изрѣзалъ финскимъ ножемъ* физіономію встрѣтившемуся ему на дорогѣ начальнику полустанка Торкелю. Преступникъ задержанъ".

По словамъ *старофинской* газеты „Aamulehti" (1911 г., № 179), въ одинъ прекрасный день „къ Тамеласкому рабочему Э. подошелъ неизвѣстный торговецъ виномъ и предложилъ ему своего „товару". Э. дѣйствительно выпилъ одну рюмку, но на просьбу торговца заплатить за нее деньги отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Это настолько сильно возмутило „честнаго продавца", что онъ *вонзилъ Э. въ спину ножъ*".

Подобныя же сообщенія мы читаемъ въ „Uusi Suometar" (напр., 1911 г., № 202), въ „Uusi Aura" (напр., 1911 г., № 169), въ „Kaiku" (1911 г., № 146) и въ другихъ финскихъ газетахъ.

Къ убійствамъ въ дракѣ и къ ножевщинѣ финляндцы привыкли, какъ къ обыкновенному повседневному явленію.

Газета „Työmies" (1911 г., № 160) отмѣчаетъ, что всѣ *ежедневно наблюдающіяся въ Финляндіи звѣрскія убійства* происходятъ совершенно одинаковымъ образомъ: сперва пьянствуютъ, затѣмъ начинаютъ спорить и, наконецъ, пускаютъ въ ходъ ножи.

Какъ равнодушно относятся въ Финляндіи къ ножевщинѣ сами пострадавшіе при этомъ, видно изъ слѣдующей замѣтки, помѣщенной въ „Uusi Suometar" (отъ 4 (17) февраля 1912 г.).

„Въ третій полицейскій участокъ привезли вчера рабочаго У. Ф. и печника В. К., изъ которыхъ первый въ 4 часа дня ударилъ послѣдняго ножемъ въ правое плечо, чѣмъ причинилъ тому глубокую и большую рану. Больше 10-ти стежковъ пришлось сдѣлать врачу въ хирургической больницѣ, чтобы зашить эту рану. Несмотря на довольно серьезную рану и сильную боль, пострадавшій просилъ не привлекать ударившаго его къ отвѣтственности, объясняя свое незлопамятство тѣмъ, что *„такъ какъ онъ родственникъ, то можетъ бить"*.

Даже въ случаѣ, если въ дракѣ произойдетъ убійство, участники драки иногда не обращаютъ вниманія на это обстоятельство.

Такъ, по словамъ старофинской газеты „Aamulehti" (1911 г., № 121), „однажды въ предмѣстьѣ Гельсингфорса былъ найденъ трупъ проживавшаго близъ мѣста убійства рабочаго С. При полицейскомъ дознаніи выяснилось, что С. былъ убитъ въ дракѣ своимъ товарищемъ Л. Характерно, говоритъ газета, что ни одинъ изъ многочисленныхъ свидѣтелей драки не оказалъ раненому помощи и не увѣдомилъ о случившемся полицію".

Бываютъ, съ другой стороны, случаи укрывательства убійцы отъ рукъ полиціи.

Такъ, по сообщенію газеты „Wiipuri" (1911 г., № 238), однажды „въ Руоколахтиской деревнѣ Сиркіяля безработный Х. *изрѣзалъ финскимъ ножемъ* торпаря С., который черезъ нѣсколько часовъ скончался. *Арестовать преступника не удалось, такъ какъ этому воспрепятствовали вооруженные ножами его товарищи*".

Разумѣется, подобные факты не могутъ не наводить на грустныя размышленія.

Въ № 68 за 1911 г. старофинская газета „Lahti" сообщала о слѣдующемъ ужасномъ случаѣ: „Во время устроенной группой Лахтискихъ ра-

бочихъ попойки одинъ изъ участниковъ попойки—рабочій М-ненъ выхватилъ ножъ и нанесъ имъ бывшему своему товарищу М-кѣ въ область живота широкую рану. *Всѣ кишки несчастнаго рабочаго тотчасъ же выпали черезъ рану наружу.* Покончивъ съ М-кой, М-ненъ *нанесъ подобную же рану другому рабочему*—К-нену. На выздоровленіе пострадавшихъ нѣтъ никакой надежды".

„Изложенный случай, писала газета, ясно доказываетъ, что Финляндія на пути *не прогресса, а регресса.* Финскій ножъ въ настоящее время сдѣлался орудіемъ не полезной дѣятельности, а злодѣйства. Блестящій ножъ долженъ быть привѣшенъ къ одеждѣ каждаго финна, между тѣмъ какъ самая одежда далеко не всегда бываетъ блестящей. *Если финляндцы не умѣютъ пользоваться ножемъ разумно, то ношеніе этого оружія должно быть запрещено законодательнымъ порядкомъ*".

Въ статьѣ „Ножевая культура нашего народа" старофинская „Uusi Aura" (1911 г., № 278) писала: „За послѣдніе годы наши газеты то и дѣло сообщаютъ о дракахъ, убійствахъ и другихъ кровавыхъ дѣяніяхъ въ средѣ нашего народа, имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ смерть. Во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ главнѣйшую роль играетъ „puukko". Читая эти кровавыя сообщенія, каждый здравомыслящій гражданинъ приходитъ къ тому заключенію, что *нашему народу многаго еще не достаетъ для того, чтобы онъ могъ назвать себя цивилизованною націею*, ибо подобныя кровавыя дѣянія придаютъ нашей культурѣ характеръ *„ножевой культуры"*. Чѣмъ большій праздникъ, тѣмъ у насъ больше ножевыхъ расправъ, и совершаются онѣ одинаково и въ городахъ, и деревняхъ".

Далѣе газета приводитъ рядъ совершенныхъ въ „недѣлю Иванова дня" 1911 года убійствъ. По словамъ газеты, „въ теченіе только двухъ дней этой недѣли было совершено 6 убійствъ и во всѣхъ этихъ случаяхъ орудіемъ преступленія былъ ножъ".

„Въ продолженіи двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1911 года, читаемъ затѣмъ въ „Uusi Aura", въ одномъ Гельсингфорсѣ было совершено 7 убійствъ. Что можно сказать по поводу всего этого? Не малую, конечно, роль играютъ въ этихъ ужасахъ спиртные напитки, однако, самое главное необходимо объяснить звѣрствомъ нравовъ. *Навряд-ли можно говорить о существованіи культуры тамъ, гдѣ не переставая совершаются подобныя кровавыя расправы*".

Газета находила, что необходимо запретить ношеніе ножа. „Ношеніе ножа запрещено въ Россіи, а равно и въ другихъ цивилизованныхъ европейскихъ странахъ и даже въ Америкѣ. Намъ необходимо послѣдовать примѣру этихъ странъ: необходимо, чтобы должностныя лица всѣхъ городовъ и сельскихъ общинъ запретили ношеніе ножа".

„Прочь ножи!"—такъ озаглавливала подобную же статью другая старофинская газета „Aamulehti" (1911 г., № 209).

„Всякій, кто бывалъ за границей, читаемъ въ этой статьѣ, знаетъ, какая громадная разница существуетъ между напившимся допьяна иностранцемъ и находящимся въ такомъ же положеніи финляндцемъ. Пьяный иностранецъ никогда не буянитъ. Заграничный человѣкъ въ пьяномъ видѣ всегда сознаетъ свое собственное достоинство. Но таковъ ли напившійся финляндецъ? *Лишь только въ ротъ финляндца попадетъ нѣсколько рюмокъ вина, онъ уже хватается за ножъ и начинаетъ буянить.* Вѣдь большая часть происходящихъ въ Финляндіи преступленій дѣлается именно въ пьяномъ видѣ. Въ настоящее время часто приходится слышать разговоры о томъ, что для уменьшенія числа преступленій необходимо законодательнымъ порядкомъ запретить ношеніе ножа. Нельзя не согласиться съ справедливостью этихъ разговоровъ, тѣмъ болѣе, что введеніе такого закона не представляетъ рѣшительно никакихъ затрудненій. Для вступленія въ силу подобнаго закона въ каждой общинѣ необходимо только провести его че-

резъ общинное собраніе. Примѣровъ такого проведенія означеннаго закона было уже нѣсколько. Но одно дѣло говорить о введеніи запретительнаго закона, а другое фактически провести его въ жизнь. Общественное мнѣніе еще настолько сильно стоитъ на сторонѣ ношенія ножа, что проведеніе закона о запрещеніи носить означенное оружіе вызвало бы, можно быть увѣреннымъ, серьезныя затрудненія *)".

„Постановленія, ограничивающія ношеніе оружія, существуютъ также и въ нашемъ законодательствѣ, писала младофинская „Karjala" (1911 г., № 280). Такъ, напримѣръ, законъ о публичныхъ собраніяхъ запрещаетъ являться на собранія въ вооруженномъ видѣ. Однако, наврядъ-ли въ данномъ случаѣ имѣется въ виду ножъ. Между тѣмъ ножъ, какъ орудіе драки, у насъ весьма распространенъ. Очень часто молодые люди являются на публичныя собранія съ весьма мирными намѣреніями, но, опьянѣвъ, они пускаютъ въ ходъ ножи и убиваютъ своихъ ближнихъ.

„Вышеуказанныя звѣрства подтверждаютъ, что мы многое еще должны сдѣлать въ смыслѣ воспитанія нашего народа. *Съ поднятіемъ уровня культуры прекратятся всѣ эти звѣрскія явленія*, нынѣ весьма обычныя въ жизни нашего народа".

Вслѣдствіе ли участившихся случаевъ ножевщины въ странѣ, или благодаря энергичнымъ статьямъ, которыя стали появляться въ финскихъ газетахъ, но вопросъ о запрещеніи ношенія ножа сталъ занимать общественныя управленія Финляндіи, которымъ, по мѣстнымъ законамъ, предоставлено право издавать обязательныя постановленія. Можно отмѣтить цѣлый рядъ сельскихъ и городскихъ общественныхъ управленій, запретившихъ ношеніе ножа, иначе какъ при работахъ, подъ страхомъ денежнаго штрафа. Такъ, подобныя постановленія изданы въ сельскихъ общинахъ Пялкянаской, Куолемаярвиской, Рускеалаской, Орихвесиской, Іоханнеской, Хумпиласской, Луумякиской, Кискоской, Валкъярвиской, въ общинахъ С. Михельскаго уѣзда, въ Выборгской сельской общинѣ, въ Сакколаской, Сяккіярвиской, Тютярсяриской, въ Пялкяяне, въ Холлола, въ Кюми. Изъ городскихъ общинъ въ Тавастгусѣ. За нарушеніе этихъ постановленій въ разныхъ общинахъ назначены различные штрафы (отъ 20 до 200 марокъ **).

Многія изъ этихъ постановленій были сдѣланы подъ давленіемъ мѣстной администраціи: такъ, „Або-Бьернеборгскій губернаторъ въ разосланномъ ленсманамъ губерніи циркулярѣ предложилъ устроить въ общинахъ собранія, цѣлью которыхъ было бы обсужденіе вопроса о запрещеніи ношенія въ предѣлахъ общины оружія" („Wiipuri", 1911 г., № 296).

Подобныя же предложенія общинамъ сдѣлали губернаторы Выборгскій (см. „Karjala", 1911 г., № 280) и Улеаборгскій (см. „Uusi Suometar", 1912 г., № 5).

Вѣроятно, однако, общинныя собранія неохотно шли на встрѣчу приглашенію губернаторовъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ газеты „Kansan Lehti" (1912 г., № 64), Выборгскій губернаторъ самъ из-

*) Опасеніе газеты, что запрещеніе ношенія ножа можетъ вызвать противодѣйствіе населенія имѣетъ извѣстное основаніе, въ той же газетѣ (1911 г., № 303) сообщалось, что „на одномъ изъ послѣднихъ собраній С. Михельскихъ городскихъ гласныхъ, между прочимъ, обсуждалось предложеніе губернатора о запрещеніи ношенія въ губерніи огнестрѣльнаго оружія. Къ проекту губернатора гласные отнеслись отрицательно". Если С. Михельцы такъ ревниво отстаиваютъ право ношенія огнестрѣльнаго оружія, то, очевидно, добровольно не рѣшатся разстаться съ ножемъ.

Съ другой стороны, по сообщенію газеты „Uusi Suometar" (1912 г., № 47), „когда ленсманъ Руовесискаго прихода предложилъ общиннымъ гласнымъ издать постановленіе о запрещеніи ношенія въ предѣлахъ общины въ публичныхъ мѣстахъ оружія, гласные отказались".

**) См. газеты за 1911 г.: „Wiipuri" №№ 296, 302, „Karjala" №№ 208, 291, 302, „Turun Sanomat" № 299, „Helsingin Sanomat" № 302, „Aamulehti" №№ 291, 303, „Финляндскую Газету" №№ 97, 122, 138, 169; 1912 г. № 13.

далъ слѣдующее постановленіе: „Въ виду того, что *самыя звѣрскія преступленія сдѣлались въ послѣднее время ежедневнымъ явленіемъ*, причемъ большая часть изъ нихъ происходитъ въ силу того, что пьяный человѣкъ, придя въ аффективное состояніе, тотчасъ готовъ схватиться за оружіе, я нашелъ своевременнымъ, подъ угрозою 25—250 марокъ штрафа, запретить ношенія въ Выборгской губерніи на всѣхъ народныхъ собраніяхъ, танцовальныхъ вечерахъ и вообще на всѣхъ вечерахъ ножей, огнестрѣльнаго оружія и т. п.".

По словамъ „Финляндской Газеты" (1911 г., № 148), Конституціонный союзъ рабочихъ рѣшилъ ходатайствовать передъ ближайшимъ Сеймомъ о выработкѣ особаго законопроекта, запрещающаго ношеніе ножа пуукко, иначе какъ при работѣ.

Въ городахъ Финляндіи газеты отмѣчаютъ *развитіе хулиганства*. Такъ, „Kansan Lehti" (1911 г., № 111) говорила о поразительномъ умноженіи хулигановъ въ г. Таммерфорсѣ. Ареною ихъ дѣятельности обычно являются устраиваемые рабочими вечера и спектакли. Хулиганы приходятъ туда съ большими запасами водки, напиваются пьяными и затѣмъ или пускаютъ въ ходъ ножи, или же начинаютъ ругаться такими „отборными" словами, что ихъ стѣсняются слушать „даже лица, привыкшія къ циничнымъ разговорамъ". „Таммерфорсскіе хулиганы, по словамъ газеты, стали просто бичемъ для рабочихъ обществъ сосѣднихъ приходовъ. Особенно въ Поркалѣ и Мессукюлѣ они своими безобразіями довели дѣло до того, что мирные обыватели не смѣютъ болѣе показываться на вечерахъ. Хулиганы такъ безобразничаютъ, что обывателямъ, и особенно устроителямъ вечеровъ, приходится дрожать за свою жизнь". „Нѣсколько иного характера, какъ сообщаетъ „Kansan Aäni" (1911 г., № 56), поведеніе финновъ-хулигановъ въ Вильманстрандѣ.

Такъ, по словамъ газеты, „двое подобныхъ хулигановъ пришли въ одну столовую и потребовали себѣ чаю. Когда въ этомъ, въ виду ихъ нетрезваго вида, имъ было отказано, то хулиганы перебили въ столовой всѣ стекла и витрины".

Отмѣчая подвиги хулигановъ въ Гельсингфорсѣ, *младофинская* „Helsingin Sanomat" (1912 г., № 183) сообщала о слѣдующемъ случаѣ, происшедшемъ съ однимъ господиномъ на Бергманской улицѣ: „Около дома № 3 по означенной улицѣ къ этому, мирно прогуливающемуся господину подошли три хулигана и, ни слова не говоря, начали его бить кулаками по лицу. До крови избивъ его (около носа оказалась кровавая рана), хулиганы, посмѣиваясь, удалились. Такъ какъ на улицѣ не было полисмена, то хулиганы могли вполнѣ безнаказано совершить свой подвигъ, тѣмъ болѣе, что и публика, бывшая очевидцемъ этого насилія, не рѣшилась вмѣшаться въ дѣло. Виновные, конечно, и въ этомъ случаѣ избѣгнутъ отвѣтственности. *Одному Богу извѣстно—сколько подобныхъ насилій въ теченіе года безнаказанно совершается на улицахъ Гельсингфорса*, удостовѣряла газета. Необходимо хотя бы въ газетахъ сообщать о подобныхъ звѣрствахъ, свидѣтельствующихъ о *дикихъ нравахъ нашего общества*".

Другимъ образцомъ нравовъ гельсингфорсскихъ хулигановъ можетъ служить случай, описываемый въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 114) „Нѣсколько хулигановъ устроили на Гельсингфорсской пароходной пристани попойку. Въ числѣ участниковъ попойки была, между прочимъ, одна молодая женщина. Во время самаго разгара выпивки, хулиганы набросились на свою компаньонку, содрали съ нея одежду и затѣмъ перемазали ей голову и „другія части тѣла" дегтемъ".

Свирѣпствуютъ хулиганы и въ Николайстадѣ.

„Лѣтомъ 1911 г., во время загородной прогулки какого то николайстадскаго жителя, на него набросилось нѣсколько хулигановъ. Попытки освободиться были совершенно напрасны. Хулиганы привели свою жертву въ лѣсъ, тамъ свалили ее на землю и били до тѣхъ поръ, пока жертва не потеряла сознаніе. Убѣдившись, что пойманный находится въ безсознательномъ состояніи, хулиганы его ограбили и затѣмъ скрылись. Характерно, что одинъ изъ хулигановъ дошелъ до такого остервенѣнія,

что продолжалъ бить свою жертву даже послѣ того, какъ онъ убѣдился въ томъ, что она лишилась сознанія" („Wiipuri", 1911 г., № 150).

Вообще хулиганство въ Финляндіи, по словамъ старофинской газеты „Lahti" (1911 г., № 53), *„стало самымъ обычнымъ явленіемъ"*, газеты пестрятъ сообщеніями о самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ этого хулиганства. Особенно оно проявляется въ деревняхъ во время ярмарокъ и базарныхъ дней. Воровство, плутовство, вымогательство, ножевщина, а иногда и убійства—обычные атрибуты этихъ ярмарокъ. Большое зло—тайные спиртоторговцы, переѣзжающіе съ одной ярмарки на другую. Спрятавъ въ лѣсу свои склады, они являются на ярмарку, нагруженные наполненными спиртомъ лимонадными бутылками и не только тайно, но и открыто предлагаютъ покупателямъ свой товаръ. Являются они также на всевозможные вечера и на народные праздники, гдѣ они безобразничаютъ, шумятъ и сквернословятъ. Много также развилось въ послѣднее время *бродячихъ хулигановъ*, переходящихъ изъ деревни въ деревню и *занимающихся попрошайничествомъ*. Необходимо бороться съ этимъ хулиганствомъ, говоритъ газета, и успѣшнѣе всего можетъ бороться съ нимъ община. Обязанности общины въ этомъ отношеніи предусмотрѣны дѣйствующимъ постановленіемъ объ общинахъ".

Однако, вѣроятно, общины не въ состояніи справиться съ этимъ явленіемъ, угрожающимъ общественной безопасности, потому что приведенные въ отчаяніе обыватели обращаются, помимо мѣстной власти, къ защитѣ генералъ-губернатора.

Какъ сообщаетъ газета „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 118), въ Канцелярію генералъ-губернатора поступило прошеніе слѣдующаго содержанія: „Мы просимъ съ искреннимъ вѣрноподданническимъ чувствомъ, чтобы вы, какъ представитель власти и безопасности, послали сюда сколько-нибудь жандармовъ для нашей охраны, чтобы и послѣднихъ изъ насъ не убили, ибо Саллиненъ съ товарищами не шутя угрожаетъ намъ. Именемъ Бога просимъ этого у васъ, зная, что вы поставлены оберегать опредѣленныя Богомъ правила безопасности; просимъ послать сюда ревизоровъ, ибо правды здѣсь болѣе нѣтъ. Деревня Вихтари, Хейнявесскаго прихода" (С. Михельской губерніи). Слѣдуетъ болѣе десяти подписей.

4. Проявленіе жестокости къ членамъ семьи.

Характернымъ явленіемъ, указывающимъ на царящую въ Финляндіи грубость нравовъ, служитъ, между прочимъ, жестокость, которая нерѣдко проявляется финляндцами въ отношеніяхъ къ членамъ семьи. Избіеніе дѣтей родителями и родителей дѣтьми, дѣтоубійства, отцеубійства и т. п. явленія встрѣчаются въ финляндской жизни столь часто и сопровождаются столь ужасными истязаніями, что иногда невольно возникаетъ вопросъ, знакомо ли этимъ людямъ нѣжное чувство родственной и, въ частности, родительской любви, которое свойственно даже животнымъ.

Нерѣдко приходится читать о дурномъ обращеніи родителей съ дѣтьми, о какомъ либо воспитаніи которыхъ, по словамъ старофинской газеты „Aamulehti" (1912 г., № 181), совершенно не заботятся въ финляндскихъ рабочихъ семьяхъ. Дѣти въ свою очередь также не остаются въ долгу, проявляя при случаѣ неуваженіе и жестокость по отношенію къ родителямъ.

Въ 1910 году, по словамъ газеты „Aamulehti" (1910 г., № 255), разбиралось невольно обращающее на себя вниманіе судебное дѣло „Жена одного ветеринара, т. е. интеллигентнаго человѣка, С. обвиняла своего разведеннаго мужа въ *жестокомъ обращеніи* съ двумя оставшимися у него послѣ развода *малолѣтними дѣтьми*. По разсказамъ свидѣтелей выяснилось, что ветеринаръ *бьетъ этихъ дѣтей хлыстами*, притомъ настолько сильно, что дѣти послѣ подобныхъ побоевъ по днямъ лежали въ постели. Нѣсколько дней подрядъ онъ держалъ ихъ въ темной комнатѣ. Жестокость

отца дошла до того, что онъ горячимъ сахаромъ прижигалъ имъ ротъ на томъ основаніи, что они безъ спросу берутъ сахаръ".

Другая газета „Rajavahti" (1910 г., № 128) описываетъ случай жестокаго обращенія крестьянина Юхо К. со своимъ пріемнымъ сыномъ въ селѣ Вахіярви. Когда объ этомъ дошли слухи до мѣстнаго общиннаго собранія, послѣднее постановило отправить къ К. депутацію, которая „въ 9 час. вечера пришла на квартиру К. Его пріемнаго сына здѣсь не оказалось. Послѣ продолжительныхъ поисковъ его нашли *спящимъ въ хлѣву, вмѣстѣ со свиньями*. Погода была очень холодная".

Газета „Туö" (1911 г., № 41) приводитъ такой случай: „въ Выборгѣ въ одному зажиточному финну, занимающемуся извозомъ, пріѣхалъ отецъ, намѣреваясь на старости своихъ лѣтъ найти пріютъ у родного сына. Ожиданія старика-отца не оправдались: сынъ, не желая обременять себя, помѣстилъ отца въ богадѣльню".

Старофинская „Uusi Suometar" (1912 г., № 188) сообщала, что однажды въ Николайштадѣ въ квартиру одного обойщика Б. пришелъ въ нетрезвомъ видѣ его сынъ и началъ буянить. Когда отецъ сдѣлалъ попытку его успокоить, пьяница набросился на него и, свиливъ его, началъ таскать по полу, пиная ногами. Успокоился буянъ только послѣ того, какъ старикъ—отецъ отъ ударовъ потерялъ сознаніе.

Жестокость финляндцевъ чрезвычайно рѣзко проявляется въ тѣхъ многихъ случаяхъ *дѣтоубійства*, которыми богата финляндская уголовная хроника.

Надо принять во вниманіе, что нигдѣ, кажется, такъ ни слабы супружескія узы и нигдѣ такъ ни часты случаи рожденія незаконныхъ дѣтей, какъ въ Финляндіи.

По удостовѣренію „Uusi Suometar" (см. „Финляндскую газету", 1912 г., № 76), которая возмущалась паденіемъ нравовъ въ странѣ, „законныхъ расторженій браковъ въ 1890 году было 91, а въ 1908 г.—173; внѣбрачныхъ дѣтей въ Финляндіи родилось за 1900 г.—5.431, а въ 1908 г.—6.383". Вмѣстѣ съ тѣмъ, газета отмѣчала, что „ужасныя сообщенія о дѣтоубійствахъ сдѣлались повседневными *)".

Конечно, рожденіе незаконнаго ребенка, подъ давленіемъ общественныхъ предразсудковъ, обыкновенно является стыдомъ для женщины и часто заставляетъ ее, подъ вліяніемъ этого чувства, прибѣгать къ устраненію ожидаемыхъ послѣдствій беременности и даже къ убійству новорожденнаго ребенка. Однако, всѣ народы христіанской культуры, разсматривая подобныя преступленія какъ убійства, относятся съ осужденіемъ къ безсердечнымъ матерямъ, отваживающимся на такія дѣянія.

Между тѣмъ въ Финляндіи дѣло дошло до того, что на сеймѣ 1912 г. возникъ вопросъ объ ослабленіи отвѣтственности за вытравленіе плода и дѣтоубійство, какъ поступки, не представляющіеся, по мнѣнію многихъ финляндцевъ, тяжелыми преступленіями.

Между прочимъ, соціалъ-демократы требовали совершеннаго освобожденія отъ наказанія за удаленіе плода въ томъ случаѣ, если съ момента зачатія не прошло еще 3 мѣсяцевъ. Они находили, что „подобное удаленіе плода вполнѣ законно въ такихъ, особенно, случаяхъ, когда молодая незамужняя женщина, входя въ половыя сношенія съ мужчиною и не разсчитывая отъ этихъ сношеній имѣть какія либо послѣдствія, становится беременною. Въ подобномъ случаѣ незамужняя женщина должна удалить плодъ прежде, чѣмъ ея беременность будетъ кѣмъ либо замѣчена".

Если подобныя пожеланія раздаются на сеймѣ, что удивительнаго въ томъ, что подкидываніе дѣтей, вытравленіе плода и дѣтоубійство довольно обычныя явленія въ Финляндіи.

Газета „Työmies" (1912 г., № 68) удостовѣряетъ, что подкидываніе новорожденныхъ и малолѣтнихъ дѣтей становится въ Гельсингфорсѣ *повседневнымъ явленіемъ* **). Причинами, побуждающими женщинъ разставаться со своими дѣтьми, по мнѣнію газеты, являются безработица и голодъ.

---

*) Такъ напр., за періодъ времени съ 9 по 28 іюня 1912 г. по новому стилю, финляндская печать отмѣтила 6 имѣвшихъ мѣсто въ Финляндіи случаевъ дѣтоубійства. Прим. сост.

**) То же удостовѣряетъ младофинская „Helsingin Sanomat" (1912 г., № 67).

Однако, послѣднія явленія наблюдаются не только въ Финляндіи, но и въ другихъ странахъ, и нигдѣ, кажется, еще не доходило до открытаго оправданія дѣтоубійства: слишкомъ высоко народы христіанской культуры ставятъ жизнь человѣка, и слишкомъ сильно внѣдрилось въ нихъ понятіе объ инстинктивной любви матери къ ребенку.

Чѣмъ же объяснить такое черствое отношеніе къ означенному вопросу въ культурной и христіанской Финляндіи? Конечно, единственно жестокостью нравовъ, заключающеюся въ самомъ характерѣ народа.

Дѣйствительно, можно подивиться той жестокости, съ которой финляндскій „пролетаріатъ" „устраняетъ" своихъ дѣтей.

Такъ, газета „Sosialisti" (1912 г., № 55) сообщала, что „служанка Паймосскаго постоялаго двора Э. *сожгла въ печкѣ* своего новорожденнаго ребенка. Когда вѣсть объ этомъ звѣрствѣ дошла до полиціи, и послѣдняя пришла для производства дознанія на постоялый дворъ, въ печкѣ послѣдняго были только обуглившіяся кости малютки".

Газета „Työmies" (1912 г., № 57) писала, что „въ Гельсингфорскомъ приходѣ на землѣ нѣкоего Л., подъ складомъ сѣна, найденъ *замороженный* трупъ новорожденнаго ребенка. Малютка завернутъ въ старую кофточку и, какъ видно, подъ складъ сѣна былъ снесенъ тотчасъ же по рожденіи. Личность матери убитаго ребенка пока не установлена".

Старофинская газета „Waasa" (1912 г., № 30) сообщала, что въ Николайштадтѣ задержана по обвиненію въ убійствѣ своего новорожденнаго ребенка какая то не названная по фамиліи дѣвица. „Возмутителенъ, по словамъ газеты, самый процессъ убійства. Вливъ сперва въ ротъ ребенка основательную дозу *карболовой кислоты*, жестокая мать засунула ему въ горло тряпку. Все это она продѣлала въ поѣздѣ между Николайштадтомъ и станціею Сейняеки. По прибытіи поѣзда въ Сейняеки дѣвица вышла изъ вагона и, пройдя къ какому то находившемуся близъ станціи складу сѣна, закопала тамъ ребенка въ землю".

Старофинская газета „Wiipuri" (1912 г., № 96) сообщала, что проживающая въ деревнѣ Керкеноски бобылиха Р. „взяла, во время сна мужа своего, родившагося въ прошлое лѣто ребенка, снесла въ баню и, положивъ его тамъ на порогъ, *отрубила ему топоромъ голову*".

Хозяйка Кескіярвскаго постоялаго двора *убила двухъ прижитыхъ ею дѣтей*. Одного изъ нихъ она закопала въ картофельной ямѣ, а другого (по ея заявленію) на кладбищѣ" („Työmies", 1911 г., № 167.).

„Жена крестьянина, Хильма Танека *утопила* своего 2-лѣтняго сына въ Сайменскомъ озерѣ. Къ ногамъ ребенка она привязала камень, вѣсомъ 10 клгр., и выбросила ребенка изъ лодки въ озеро" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 116).

Проживающій въ Яюстенкюля торпарь С. В. убилъ своего *семилѣтняго сына* („Kaiku", 1911 г., № 63).

Нерѣдки случаи также убійствъ и истязаній вообще близкихъ родственниковъ. Вотъ, напр., нѣсколько случаевъ *отцеубійствъ*.

Гельсингфорскій извощикъ Е. Л. настолько сильно *изранилъ* финскимъ ножемъ своего *отца*, что тотъ черезъ часъ скончался („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 116)

„Въ Таммерфорсѣ 17-лѣтній рабочій сапожной фабрики К. С. *убилъ* своего престарѣлаго *отца* сапожника. Какъ отецъ, такъ и сынъ были трезвы. Причиною убійства было то, что отецъ заступился за свою жену, которую сынъ ругалъ за медленное приготовленіе ужина" („Uusi Suometar", 1911 г., № 300).

„Проживающіе въ Бьернеборгѣ братья Отто и Генрихъ Д. до полусмерти *избили* полѣномъ своего *63 лѣтняго отца*" („Työmies", 1911 г., № 130).

„Проживающій въ Химакгаскомъ церковномъ селѣ глухонѣмой крестьянинъ Р. *разрѣзалъ животъ своей 76-лѣтней матери*. Желая куда нибудь скрыть трупъ, Р. *разрѣзалъ его на куски и сталъ кормить имъ свиньи*" („Uusi Aura", 1911 г., № 170).

А вотъ сообщенія объ убійствахъ *женъ и мужей*.

Проживающій въ Таммерфорсѣ рабочій К. Э. топоромъ *раздробилъ своей женѣ черепъ* („Aamulehti", 1911 г., № 123).

„Гельсингфорскій рабочій Э. *убилъ* топоромъ свою *жену*" („Työmies", 1911 г., № 145).

„Въ 1911 г. наканунѣ „Юханки" крестьянинъ деревни Вайконкюля Х. Т. завелъ свою жену въ лѣсъ, свалилъ ее тамъ на землю, и, затѣмъ, началъ наносить ей *ножемъ* въ лицо и руки удары. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, женѣ удалось выхватить отъ него ножъ и отбросить его въ сторону. Это однако не помогло. Мужъ досталъ ножъ вторично и *выкололъ* имъ *женѣ глаза*. Затѣмъ онъ потащилъ ее къ находившемуся близъ мѣста этой звѣрской сцены пруду, желая ее тамъ утопить. Послѣднее, однако, не удалось, такъ какъ на крикъ несчастной женщины сбѣжались люди" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 148).

Жена проживавшаго въ Сундискомъ приходѣ (на Аландѣ) торпаря Я. Вильгельмина *отравила своего мужа* („Uusi Suometar", 1911 г., № 134).

Всѣ эти сообщенія, какъ видно изъ указанныхъ №№ газетъ, относятся къ какимъ нибудь тремъ мѣсяцамъ 1911 года, и притомъ приведенная хроника, разумѣется, не исчерпываетъ всѣхъ происшествій подобнаго рода.

Конечно, такія же сообщенія читаемъ и въ 1912 г.

Такъ *старофинская* газета „Uusi Suometar" (1912 г., № 40) сообщала, что 17 февраля 1912 г. въ 3 отдѣленіи Гельсингфорскаго ратгаузскаго суда вновь разбиралось дѣло по обвиненію строительнаго мастера Виктора Д. въ отравленіи своей *жены* Матильды Д. Несмотря на то, что свидѣтельскія показанія вполнѣ доказали виновность отвѣтчика, дальнѣйшій разборъ дѣла судомъ былъ отложенъ *).

По словамъ младофинской „Helsingin Sanomat" (1912 г., № 85), 12 апрѣля въ Лемускомъ уѣздномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію Ф. В. въ убійствѣ своего *мужа*. Дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ. Газета „Waasa" (1912г., № 43), писала, что проживающій въ Америкѣ финнъ Иванъ П. застрѣлилъ свою *жену*

„Työmies" (1912 г., № 90) передавала, что на Кюмменескомъ заводѣ какой то рабочій жестоко избилъ свою нервно-больную беременную жену.

Обыкновенно, всѣ эти факты преступности и безпримѣрной грубости нравовъ относятся на счетъ менѣе культурной расы—финновъ. Финская печать, однако, съ этимъ не согласна, и газета „Työmies" (1911 г., № 37), въ опроверженіе шведовъ, обвиняющихъ финновъ въ грубости и невоспитанности, приводитъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что приписываемыя финнамъ качества не чужды и самимъ шведамъ.

5. Проявленіе жестокости и дикости въ отношеніи животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ.

Слѣдствіемъ малой культурности и грубости нравовъ населенія являются, между прочимъ, многочисленные случаи удивительно жестокаго обращенія съ животными. Нѣкоторые изъ нихъ прямо поражаютъ своимъ звѣрствомъ, тѣмъ болѣе что нерѣдко происходятъ безъ всякой видимой причины, просто ради истязанія.

Приведемъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, заимствованныхъ изъ финляндскихъ газетъ за одинъ только 1911 годъ.

„Одинъ хозяинъ-мясникъ, разсказываетъ младофинская „Karjala" (1911 г., № 32), отправилъ двухъ своихъ помощниковъ въ мѣстечко Куолемаярви съ приказаніемъ купить ему двухъ *коровъ*. Выполнивъ порученіе хозяина, мясники начали пьянствовать въ находящемся близъ дороги кабачкѣ. Намѣреваясь, затѣмъ, двинуться въ обратный путь, они уложили одну корову къ себѣ въ сани, а другую привязали къ послѣднимъ за веревку. Въ пути мясники до того гнали лошадь, что корова, выбившись изъ силъ, упала и волочилась по дорогѣ. И только тогда, когда измученная лошадь готова была сама упасть, мясники перерѣзали почти уже издохнувшей коровѣ жилы и тѣмъ положили конецъ ея мученіямъ.

По словамъ „Uusi Maa", въ деревнѣ Лепсямя, въ Нурміярви нѣсколько неизвѣстныхъ *вырѣзали кусокъ мяса изъ задней ноги живой коровы*. Это мясо они употребили въ качествѣ приманки для ловли раковъ („Финляндская Газета", 1911 г., № 117).

Старофинская газета „Wiipuri" (1911 г., № 169) пишетъ, что однажды въ сараѣ Выборгской богадѣльни найденъ убитымъ принадлежавшій богадѣльнѣ *молочной быкъ*. Оказалось, что онъ былъ застрѣленъ. Газета „Hamінan Lehti" (1911 г., № 90) сообщаетъ, что въ предмѣстьѣ Выборга кѣмъ то *отпарена кипяткомъ* принадлежавшая мѣстному домовладѣльцу *собака*. Въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 177) читаемъ, что 31 іюля въ Яаккима неизвѣстный злоумышленникъ *проколол* какимъ то острымъ оружіемъ *лошадь* крестьянина У.

По сообщенію газеты „Työ" (1911 г., № 178), въ Ряйсяляской деревнѣ Кіисанлахти хулиганы настолько сильно *избили* принадлежащую крестьянину М. *корову*, что

*) Безконечное откладываніе дѣлъ—характерная особенность финляндскихъ судовъ См. ниже главу четвертую „Администрація и судъ".

у послѣдней *разорвались сухожилія*. По сообщенію той же газеты (1911 г., № 172 „въ), Пихтипута *убиты три коровы* крестьянина X. Одной изъ нихъ злоумышленники *пробили черепъ, другой переломали ребра, а третьей прокололи бокъ*". Въ той же газетѣ (1911 г., № 254) читаемъ, что «3 ноября въ Вильманстрандѣ неизвѣстный злоумышленникъ разрубилъ топоромъ животъ находившейся на дворѣ купца Яковлева лошади. *Всѣ кишки несчастнаго животнаго выпали на землю*".

Газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 201) пишетъ, что „какая то Пирккелаская хозяйка, заманивъ къ себѣ въ домъ *собаку* сторожа мѣстнаго рабочаго дома *исколола* ей какимъ то острымъ предметомъ тѣло, и, *вырѣзавъ* затѣмъ несчастному животному *глаза*, выпустила на дорогу. Въ истязаніи собаки, кромѣ хозяйки, участвовали трое ея дѣтей".

По словамъ младофинской газеты „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 198), „какой то неизвѣстный злоумышленникъ, похитивъ на дняхъ у одного крестьянина деревни Мяммяля *лошадь*, привелъ ее въ расположенный близъ деревни лѣсъ *и тамъ перерѣзалъ ей горло*". Та же газета (1911 г., № 207) сообщала, что 6 августа въ Тикаманнила неизвѣстные злоумышленники пристрѣлили двухъ, находившихся въ конюшнѣ Ніемеляской торпы лошадей.

Читая эти сообщенія, не знаешь, чему удивляться, чрезвычайно ли легкому отношенію къ чужой собственности,—такъ какъ большею частью описанныя жестокости были продѣланы съ чужими животными,—или непонятной для всякаго болѣе или менѣе культурнаго человѣка виртуозности произведенныхъ надъ животными истязаній!

Недурную картину рисуетъ „Työmies" (1911 г., № 206), описывая практикуемый въ „Арміи Спасенія" способъ убоя свиней:

„6 августа, около 4 часовъ дня, изъ принадлежащаго Сернесскому отдѣленію „Арміи Спасенія" хлѣва послышался душераздирающій крикъ свиней. Когда слышавшіе этотъ крикъ вошли въ хлѣвъ, то увидѣли, что одна изъ находившихся тамъ свиней, вся изрѣзанная ножами, бьется въ предсмертной агоніи. Другую же свинью члены „Арміи Спасенія" какъ разъ въ это время *били палками*. На вопросъ, зачѣмъ это они дѣлаютъ, тѣ отвѣтили, что такимъ путемъ они хотятъ *довести свинью до безсознательнаго состоянія*".

Что касается дурного, жестокаго обращенія съ собственнымъ домашнимъ скотомъ, то такихъ случаевъ не оберешься.

Газета „Karjala" (1911 г., № 193) пишетъ, что „рабочіе, возившіе въ теченіе прошлаго лѣта мимо Ревонхянтяскаго магазина кирпичи, *поразительно жестоко обращались со своими лошадьми*. Когда послѣднія, вслѣдствіе чрезмѣрной тяжести возовъ, не могли везти, рабочіе самымъ безжалостнымъ образомъ *били ихъ палками*. Подобнымъ же образомъ, по словамъ газеты, обращались съ лошадьми ломовики, которые подвозили къ строющемуся въ Выборгѣ дому Народнаго банка необходимый для постройки матеріалъ". Въ той же газетѣ приводился такой случай: „Въ деревнѣ Калксало извозчикъ Н. наложилъ на возъ такую массу тяжести, что лошадь не могла сдвинуться съ мѣста. Н., желая заставить лошадь идти, зажегъ бересту и этою горящею берестою *началъ жечь у лошади животъ*. Мученія лошади были ужасны. Только благодаря появленію на мѣстѣ истязанія нѣсколькихъ крестьянъ, Н. прекратилъ свое звѣрство".

Почти тождественный случай мученія животнаго произошелъ близъ деревни Нурми. „Тамъ нѣсколько ѣхавшихъ на лошади крестьянъ такъ сильно били послѣднюю, что она буквально не была въ состояніи двигаться. Тогда „культурные ѣздоки" вывѣли изъ саней, нашли гдѣ то *огромныя вилы*, которыми поднимаютъ на сѣновалъ сѣно, и этими вилами стали *бить лошадь*. Лица, пытавшіяся остановить это звѣрство чуть сами не подверглись той же участи" („Työ", 1911 г., № 66).

Газета „Kaiku" (1911 г., № 42) сообщала *о жестокомъ и систематическомъ истязаніи скота* вдовою Т. въ мѣстности Скрэдери. „Свои 8 коровъ и 1 лошадь она держала въ дырявомъ, наполовину врытомъ въ землю хлѣву, переполненномъ нечистотами скота. Кормъ давала въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Отъ холода, голода и грязи молоко и мясо коровъ оказались не съѣдобными. Санитарно-полицейскимъ осмотромъ скотъ былъ найденъ въ настолько ужасномъ и жалкомъ состояніи, что было рѣшено отправить на казенный счетъ вдовѣ возъ сѣна, для временнаго поддержанія ея животныхъ, Ратгаузскій судъ за такое систематическое истязаніе скота присудилъ вдову къ штрафу въ 200 мар. или, за несостоятельностью, къ 30 дневному тюремному заключенію".

Въ „Työ" (1911 г., № 79) читаемъ, что какъ *хозяева*, такъ и *прислуга* находящагося въ Выборгской губерніи имѣнія „Парккали" поразительно *жестоко обращаются со своими лошадьми*. „Одинъ изъ работниковъ этого имѣнія устроилъ для лошадей даже спеціальный кнутъ, веревка въ которомъ замѣнена желѣзною проволокою. Одна изъ лошадей имѣнія была избита желѣзнымъ кнутомъ настолько сильно, что вся облитая

кровью свалилась на дорогу. Это нисколько не тронуло звѣрскаго работника: онъ продолжалъ бить лошадь, пока не усталъ самъ. Почувствовавъ, что больше бить не въ состояніи, работникъ ушелъ на малое время отдыхать. Вернувшись затѣмъ обратно, онъ снова приступилъ къ прежнему занятію. Проходившіе мимо крестьяне пытались его остановить, но онъ имъ грозилъ тѣмъ же кнутомъ, которымъ билъ лошадь".

Та же „Työ" (1911 г., № 81) пишетъ, что въ Іяске торпарь В. настолько сильно билъ свою лошадь, что вся спина и бедра послѣдней были *облиты кровью*.

По словамъ „Sosialisti" (1911 г., № 157), Пайміоскій крестьянинъ К. настолько сильно бьетъ своихъ лошадей, что у нихъ *отъ ударовъ прорывается кожа*. Поитъ своихъ лошадей означенный хозяинъ только дважды въ день.

О подобномъ же жестокомъ обращеніи съ лошадьми мѣстныхъ крестьянъ можно прочесть въ „Työ" (напр., 1911 г., № 157) и „Työmies" (напр., 1911 г., № 249) и во многихъ другихъ финскихъ газетахъ.

Впрочемъ, жестокое обращеніе съ животными встрѣчается не только въ крестьянской средѣ. Подобное же истязаніе своихъ лошадей въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ допускалъ, по словамъ газеты „Työmies" (1911 г., № 141), проживающій въ Инкала (близъ Тавастгуса) *баронъ* С. „О степени жестокости его можно судить по тому, что губернскій ветеринаръ часто на основаніи слуховъ о худомъ обращеніи со скотомъ пріѣзжалъ въ названное имѣніе и многихъ лошадей, съ цѣлью прекращенія ихъ мученій, приказывалъ убивать".

Первою разоблачила производящіяся въ имѣніи барона С. истязанія животныхъ газета „Hametär", противъ редактора которой А. Итконена баронъ возбудилъ судебное дѣло по обвиненію въ клеветѣ. Сообщая о разбирательствѣ этого дѣла въ Тавастгусскомъ ратгаузскомъ судѣ, газета „Työmies" (1911 г., № 231) писала, что „допросъ свидѣтелей вполнѣ подтвердилъ справедливость предъявленныхъ редакторомъ барону обвиненій. Такъ, согласно показанію одного свидѣтеля, въ имѣніи барона С. лошадей обычно били толстою, *сдѣланною изъ телефонной проволоки плетью*. Всѣ спины несчастныхъ животныхъ отъ ударовъ *постоянно были въ крови*. Кормили скотъ въ имѣніи скверно—однимъ *только гниившимъ сѣномъ*, но и послѣдняго никогда не давали въ достаточномъ количествѣ. Согласно другому показанію, зимою баронскія лошади всегда мерзли отъ стужи, такъ какъ отведенныя для нихъ конюшни были очень холодны. Свидѣтель К. Н. показалъ, что изъ 12 бывшихъ въ прошломъ году у барона лошадей *нескальченными сохранились только двѣ*. Изъ остальныхъ же однѣ были съ переломанными ногами, а другія съ окровавленными спинами". „Судъ, какъ сообщала „Sosialisti" (1911 г., № 239), признавъ справедливость возведенныхъ редакторомъ „Hämetär" Итконеномъ на барона С. обвиненій доказанною, постановилъ начатое барономъ дѣло по обвиненію Итконена въ клеветѣ прекратить".

Мы можемъ найти въ финскихъ газетахъ сообщенія и о другихъ случаяхъ судебнаго разбирательства дѣлъ объ истязаніяхъ животныхъ.

Такъ, по сообщенію старофинской „Uusi Suometar" (1911 г., № 226), полиціей былъ привлеченъ съ суду работникъ Гельсингфорсской Маріинской больницы А. Э., который, „замѣтивъ однажды на больничномъ дворѣ какого-то чужого фокстерьера, сдѣлалъ по немъ изъ винтовки нѣсколько выстрѣловъ. Взявъ затѣмъ собаку на руки, онъ снесъ ее въ машинное отдѣленіе больницы и тамъ бросилъ ее въ топившуюся въ это время печь. *Три раза несчастное животное выскакивало изъ печки*, но жестокій работникъ каждый разъ бросалъ его обратно. Гельсингфорсскій ратгаузскій судъ, признавъ фактъ истязанія доказаннымъ, оштрафовалъ Э. на 50 марокъ. Владѣльцу собаки истязатель присужденъ уплатить 25 марокъ".

По сообщенію газеты „Kansan Lehti" (1912 г., № 50), „въ декабрѣ 1911 года мастеръ Таммерфорсскаго мыловареннаго завода Г. приказалъ какому то рабочему завода *сжечь въ заводской печкѣ свою больную собаку*. Приказаніе было исполнено. Цѣлыхъ полчаса несчастное животное билось въ печкѣ и визжало, пока не задохнулось въ дыму. Произведенное полицейское дознаніе вполнѣ подтвердило справедливость ходившихъ объ этомъ истязаніи слуховъ. Виновный привлеченъ къ суду".

По сообщенію газеты „Työmies" (1911 г., № 234), въ 1911 году въ Гельсингфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію подрядчика А. І. и братьевъ Эмиля и Эдуарда П. *въ истязаніи лошади*. „Означенныя лица, проѣзжая 17 сентября 1911 г. изъ Сино на станцію Тиккурила, распрягли въ половинѣ пути лошадь изъ упряжи и, привязавъ затѣмъ къ березѣ, начали бить ее толстыми, найденными поблизости въ лѣсу хворостинами. Напрасно лошадь, что есть силы, рвалась и лягалась, напрасно присутствовавшая при этой возмутительной сценѣ маленькая дѣвочка, плача, просила истязателей прекратить свое звѣрство, дошедшіе до остервенѣнія путники *били лошадь до тѣхъ поръ, пока вся ея спина не покрылась глубокими ранами*. Судъ присудилъ истязателей къ заключенію въ карательную тюрьму срокомъ на 1 мѣсяцъ каждаго".

Такимъ образомъ и финляндскому суду приходится имѣть дѣло съ этимъ, чисто мѣстнымъ явленіемъ—варварскою жестокостью по отношенію къ животнымъ, принимающею, какъ мы видѣли, такія формы, что „за человѣка дѣлается страшно!“

Говоря о сильномъ развитіи въ Финляндіи преступности и находя, что часто преступленія вызываются местью, старофинская газета „Uusi Suometar“ (1912 г., № 130) пасала, что „особенно печальны тѣ случаи, когда люди вмѣсто своихъ враговъ мстятъ ихъ скоту. Точно послѣдній виноватъ въ нехорошихъ поступкахъ своихъ хозяевъ. А между тѣмъ, *какъ часто приходится слышать и читать, что въ одной мѣстности животнаго прокололи палкою, въ другой зарѣзали ножами и т. д.* Та же самая безсердечность и жестокость, по словамъ газеты, проявляются и въ часто наблюдаемыхъ въ Финляндіи случаяхъ поджога складовъ сѣна и фуража“.

Между прочимъ, въ газетѣ „Туö“ сообщалось о такомъ случаѣ дикаго вандализма, вызванномъ, вѣроятно, также местью.

„Въ ночь на 31 августа 1910 г. большой и прекрасный садъ д-ра А. Генеца, въ дер. Хирвосіенкюля, въ приходѣ Импилахти, былъ злодѣйски срубленъ и уничтоженъ. Большія деревья были срублены, поменьше выдернуты съ корнями, а ягодные кусты скошены косой. Злодѣи не обнаружены“.

Если описанный случай можно объяснить местью, то совершенно необъяснимымъ, съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, является слѣдующій поступокъ „финляндскихъ соціалистовъ“, описанный въ газетѣ «Wiipuri» (1912 г., № 115): „Однажды весною сего (1912) года на Нурмеское лютеранское кладбище пришла группа мѣстныхъ молодыхъ соціалистовъ и начала тамъ безобразить. Вытащивъ почти изо всѣхъ могилъ кресты, безобразники *разбросали ихъ по кладбищу*. Если на могилахъ были горшки съ цвѣтами, хулиганы горшки били, а *цвѣты рвали и топтали*. Когда эта „забава“ хулиганамъ надоѣла, одинъ изъ нихъ легъ на землю, а другой, при общемъ смѣхѣ товарищей, сталъ засыпать его землею. Въ это время третій хулиганъ для чего то взобрался на какой-то находившійся поблизости надмогильный памятникъ“.

Возможны ли подобные случаи въ истинно культурной странѣ, гдѣ населеніе проникнуто уваженіемъ къ правамъ своихъ согражданъ и гдѣ оно, подъ вліяніемъ христіанской морали, воспитало въ себѣ любовь къ природѣ и ко всякому живому существу? Вѣдь признакомъ культурности является, какъ кажется, обереганіе садовыхъ насажденій, которыя, при сравнительно суровомъ климатѣ Финляндіи, не такъ тамъ и часты. А случаи вырѣзанія изъ живой коровы мяса для ловли раковъ? а вырѣзаніе женщиной, при участіи дѣтей, изъ живой собаки глазъ? а троекратное бросаніе раненой собаки въ печь? а избіеніе членами Арміи Спасенія свиней передъ убоемъ? а истязаніе лошадей въ имѣніи барона С.?—что это за ужасныя проявленія человѣческой жестокости! И подобные случаи не всегда даже происходятъ гдѣ-нибудь въ глуши,—собаку три раза бросали въ печь въ главномъ городѣ края,—и не всегда совершаются представителями низшихъ классовъ—вѣдь мы видѣли лошадей, истязаемыхъ въ имѣніи высоко-культурнаго *барона*! Поистинѣ, можно сказать: избави насъ Богъ отъ такой „культурности“! Не представляются также подобные случаи какимъ либо исключеніемъ—они повседневны. Одно перечисленіе ихъ заняло у насъ нѣсколько страницъ, а между тѣмъ они взяты почти исключительно изъ газетъ одного года, причемъ приведенный перечень вовсе не имѣетъ исчерпывающаго значенія.

Ясно, поэтому, что всѣ эти явленія служатъ характерной чертой финской націи и, вмѣстѣ съ наклонностью финновъ къ пьянству, дракамъ и ножевщинѣ, тяжелымъ камнемъ ложатся на прославленную финляндскую культуру.

Только дикостью и некультурностью населенія могутъ быть объяснены также нерѣдкіе случаи безпричиннаго *покушенія на крушенія поѣздовъ*.

Напр., въ № 255 (1910 г.) газеты „Uusi Suometar“, находимъ сообщеніе, что „на 46-й верстѣ отъ Гельсингфорса между станціями Ярвэнпяя и Екэла на рельсы желѣзной дороги было положено бревно. Поѣздъ, во избѣжаніе крушенія, пришлось остановить“.

Газета „Hufvudstadsbladet“ (1910 г., № 221) сообщаетъ, что „когда, смѣшанный поѣздъ, отходящій изъ Вильманстранда въ 1 ч. 55 м. пополудни, приближался къ станціи Симола, паровозъ соскочилъ съ рельсъ въ виду положенной поперекъ рельсъ шпалы. Въ качествѣ подозрѣваемыхъ въ этомъ покушеніи арестованы двое праздношатающихся, изъ которыхъ одинъ сознался въ томъ, что онъ «безъ какого либо намѣренія» положилъ шпалу на рельсы. Его товарищъ зналъ объ этомъ злодѣяніи. Дѣло передано суду“.

Въ газетѣ „Туö“ (1911 г., № 272) читаемъ, что „20 ноября 1911 года при приближеніи почтоваго поѣзда, въ 12 час. дня вышедшаго изъ Тавастгуса въ Або, къ Ванаявесискому мосту, съ поѣзда былъ замѣченъ огромный камень, положенный на мосту на рельсы. Несмотря на то, что поѣздъ былъ заторможенъ, онъ все же наскочилъ на камень, въ результатѣ чего повредился локомотивъ, и поѣзду пришлось вернуться въ Тавастгусъ. Камень былъ настолько великъ, что одному человѣку его не сдвинуть съ мѣста. Неужели, говоритъ газета, имѣлось въ виду произвести крушеніе, въ результатѣ коего поѣздъ оказался бы въ озерѣ?“

„Karjala“ (1912 г., № 118) пишетъ, что «однажды въ 8 ч. вечера дорожный сторожъ на станціи Лоунатіоки Финляндскихъ каз. ж. д., передъ приходомъ курьерскаго поѣзда, слѣдующаго изъ Гельсингфорса въ Петербургъ, замѣтилъ, что между рельсами стрѣлки и южнаго главнаго пути были положены разные хранящіеся вблизи полотна тяжелые желѣзные предметы, очевидно въ намѣреніи *вызвать крушеніе поѣзда*. Къ счастью, въ этотъ день вмѣсто ординарнаго поѣзда № 12 былъ отправленъ отходящій позже поѣздъ № 12а, который отправляется въ случаяхъ опозданія пароходовъ, прибывающихъ изъ Стокгольма въ Або. Если былъ бы отправленъ ординарный поѣздъ № 12, то, безъ всякаго сомнѣнія, произошло бы крушеніе. Немедленно послѣ открытія злодѣянія староста дорожныхъ сторожей и полицейскій со ст. Уусикиркко прибыли въ Лоунатіоки для производства разслѣдованія. О злоумышленникахъ еще не имѣется никакихъ свѣдѣній“.

По словамъ „Hufvudstadsbladet“ (1912 г., № 12), „въ инженерное отдѣленіе Гельсингфорскаго центральнаго телефоннаго заведенія за послѣднее время поступило множество заявленій *о порчѣ телефонныхъ проводовъ*. При изслѣдованіи причинъ оказалось, что поврежденія причинены какимъ то злодѣемъ, перерѣзавшимъ около 150 проводовъ. Выяснено, что имъ перерѣзаны многіе телефонные кабели. Подозрѣнія пали на рабочихъ, уволенныхъ со службы телефоннаго акціонернаго общества. При изслѣдованіи установлено, что порча произведена „спеціалистами“.

Характерны также случаи систематической умышленной *порчи изоляторовъ телеграфныхъ линій* въ Финляндіи.

По этому поводу Начальникъ Финляндскаго телеграфнаго округа обратился даже съ жалобой въ Сенатъ, который, по словамъ „Hufvudstadsbladet“ (1910 г., № 182), предложилъ Нюландскому губернатору дать свое заключеніе относительно мѣръ, которыя могли бы быть приняты въ цѣляхъ огражденія изоляторовъ отъ умышленной порчи. „Губернаторъ въ своемъ заключеніи увѣряетъ, писала газета, что порча, будто бы, производится шаловливою молодежью, которая разбиваетъ ихъ камнями или стрѣляетъ въ нихъ изъ огнестрѣльнаго оружія. Что касается мѣропріятій въ цѣляхъ огражденія изоляторовъ отъ умышленной порчи, то губернаторъ рекомендуетъ сооруженіе телеграфныхъ линій вдоль желѣзнодорожнаго полотна. По его мнѣнію, *бѣлые изоляторы должны бы быть перекрашены въ темный цвѣтъ, дабы они менѣе бросались въ глаза*(!). Наконецъ, слѣдовало бы вмѣнить учителямъ народныхъ школъ въ обязанность предостерегать своихъ учениковъ отъ умышленной порчи изоляторовъ“.

По мѣропріятіямъ, рекомендуемымъ губернаторомъ можно судить, насколько культурно населеніе, которое не можетъ уяснить себѣ общеполезности телеграфа и нуждается въ мѣрахъ, обыкновенно примѣняемыхъ только среди невѣжественнаго и дикаго населенія.

---

6. Самоуправство и неповиновеніе закону.

Существуетъ мнѣніе, что Финляндія, par excellence, страна законности и порядка, гдѣ уважаютъ права другихъ и требуютъ уваженія собственныхъ правъ. Объ этомъ говорятъ всегда мѣстныя газеты, выставляя, вполнѣ справедливо, эти качества, какъ доказательства культуры. Врядъ ли, однако, подобное представленіе о Финляндіи можетъ быть принято безъ оговорокъ. Мы уже видѣли, какъ высока въ этомъ краѣ преступность и насколько финны, попавшіе въ другія страны, даютъ высокій процентъ преступности. Характерными въ этомъ отношеніи являются сообщенія мѣстной печати, о случаяхъ *самоуправства и кулачныхъ расправъ*.

Газета „Россія" (1909 г., № 1045), со словъ финляндскихъ газетъ, передаетъ о слѣдующемъ дѣлѣ, разбиравшемся въ герадскомъ судѣ въ Эсбо, Нюландской губ., характеризующемъ *пріемы шведо-финской національной борьбы*. „Г. А., владѣлецъ имѣнія Луукъ, возмутился тѣмъ, что мѣстные жители открыли для своихъ дѣтей финскую школу въ домѣ сосѣднихъ торпарей. Онъ началъ въ судѣ дѣло о выселеніи школы, а тѣмъ временемъ принялъ свои мѣры: окружилъ всю усадьбу, гдѣ была школа, изгородью изъ колючей проволоки и разставилъ вездѣ таблицы съ надписями, строго, подъ страхомъ штрафа, воспрещающими ходить по дорогамъ въ его имѣніи и въ деревнѣ Луукъ мѣстнымъ жителямъ. Находя, что и этого мало, г. А. просверлилъ двери школьнаго помѣщенія и заперъ ихъ прочнымъ висячимъ замкомъ. Учительница школы, г-жа В., лишенная такимъ образомъ возможности попасть въ собственную квартиру, была вынуждена проникнуть туда черезъ окно. Но тогда г. А. задѣлалъ и всѣ окна въ помѣщеніи школы. Суду пришлось одновременно разбирать дѣла о самоуправствѣ и выселеніи школы. Помѣщикъ А. признанъ виновнымъ въ самоуправныхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ и въ недопущеніи должностнаго лица (школьной учительницы) къ исполненію служебныхъ обязанностей при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ,—и приговоренъ къ штрафу въ 200 марокъ и уплатѣ судебныхъ издержекъ. Къ такому же точно штрафу и уплатѣ судебныхъ издержекъ приговорены бѣдняки-торпари: какъ смѣли пустить финскую школу въ свой домъ на землѣ шведа помѣщика!—Приговоръ суда оглашенъ въ № 89 „Nya Pressen".

Въ „Kansan Lehti" (1910 г., № 174) читаемъ, что *фискалъ г. Тамперфорса* II, замѣтивъ около своей дачи на берегу озера двоихъ рабочихъ, ловившихъ раковъ, напалъ на нихъ, вмѣстѣ со своимъ управляющимъ и сторожемъ, отнялъ лодку и собственноручно избилъ одного изъ рабочихъ.

Въ той же газетѣ (1910 г., № 178) находимъ сообщеніе о томъ, какъ *инженеръ «трясъ за загривокъ»* охотника, застигнутаго имъ въ своемъ лѣсу.

Газета „Työmies" (1910 г., № 74) передаетъ о случаѣ расправы *хозяина имѣнія* съ рабочимъ-соціалистомъ, объясняемой, вѣроятно, партійною ненавистью. „Товарищъ А. съ однимъ другимъ товарищемъ прибылъ во вторникъ вечеромъ въ имѣніе Саустило, чтобы получить отъ рабочихъ причитавшійся съ нихъ сборъ на партію. Здѣсь онъ подвергся экспропріаціи, которая не имѣетъ себѣ подобной. Войдя въ комнату служанокъ, А. не успѣлъ еще разсказать о цѣли своего прихода, какъ появился хозяинъ имѣнія г. Ш., вмѣстѣ съ кучеромъ, имѣя въ рукѣ кнутъ въ три метра длины. Онъ съ бранью накинулся на товарища А. и закричалъ: долой пальто, прочь часы, снимай рубашку и т. д. А. попросилъ объясненій, но г. Ш. началъ тогда силою срывать одежду, приказывая кучеру помогать ему въ этомъ. Видя, что лучше исполнить волю освирѣпѣвшаго господина, А. снялъ пальто, сюртукъ, рубаху и т. д., и... оказался голымъ. Ш. свернулъ конфискованную одежду и, сунувъ ее себѣ подъ мышку, кнутомъ заставилъ А. выйти на мартовскій воздухъ".

Въ газетѣ „Sosialisti" (1911 г., № 95) читаемъ объ избіеніи *женой* одного *купца* пятилѣтняго мальчика при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Мальчики на улицѣ бросали камни, однимъ изъ которыхъ случайно было разбито окно; въ домѣ одного купца. Тогда жена купца съ палкою въ рукѣ бросилась на улицу избивать мальчика, попавшаго камнемъ въ окно она била его, пока сама не устала и пока мальчикъ не оказался уже совершенно изуродованнымъ. Слѣдовало бы, говоритъ газета, привлечь эту безчеловѣчную женщину къ судебной отвѣтственности".

А вотъ образецъ высококультурныхъ поступковъ *сенатора*: „Сенаторъ К., увидѣвъ, какъ мальчикъ сорвалъ на его полѣ нѣсколькоструччковъ, съ палкою набросился на него и такъ ударилъ мальчика, что тотъ свалился. Когда мальчикъ поднялся, сенаторъ сталъ бить мальчика по спинѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ опять не упалъ..." Дѣло это, по обвиненію, возбужденному отцомъ мальчика, вторично разбиралось, 26 апрѣля 1911 г., въ Хатуласкомъ герадскомъ судѣ. „Сенаторъ К самъ присутствовалъ на судѣ. Судъ призналъ К. виновнымъ въ насиліи и присудилъ его къ штрафу въ 50 марокъ или, за несостоятельностью, къ

10-дневному тюремному заключенію и, кромѣ того, къ возмѣщенію издержекъ въ размѣрѣ 50 марокъ" («Työmies», 1910 г., № 227 и 1911 г., № 98).

Недурны нравы *пароходнаго начальства*. По сообщенію газеты „Työmies" (1911 г., № 175), „рулевой парохода „Титанія" Х. настолько сильно избилъ матроса того же парохода К. Л., что кровью послѣдняго была забрызгана вся находившаяся близъ мѣста истязанія столовая посуда".

Другой подобный же случай описывается въ „Kansan Lehti" (1911 г., № 193, см. выше стр. 14).

Нерѣдки затѣмъ случаи удивительно жестокаго самоуправства *съ прислугою*.

Такъ, въ Каркунъ-Кутала въ деревнѣ Кобвункюля одинъ крестьянинъ избилъ до безчувствія свою прислугу 17-лѣтнюю дѣвушку. Жители сосѣдняго дома, явившіеся спасать дѣвушку изъ рукъ жестокаго хозяина, нашли ее въ безпамятствѣ лежащею въ хлѣву и на рукахъ перенесли въ домъ. Долгое время спустя все еще можно было обнаружить на тѣлѣ бѣдной дѣвушки синяки" („Työmies", 1911 г., № 101).

„Какой-то проживающій близъ Тавастгуса землевладѣлецъ настолько сильно избилъ взятаго имъ въ услуженіе 11-лѣтняго мальчика, что вся спина послѣдняго была буквально испещрена рубцами. Подобную жестокость домовладѣлецъ допустилъ безъ всякихъ къ тому поводовъ со стороны мальчика. Въ предшествовавшемъ году этотъ же самый землевладѣлецъ подобнымъ же образомъ избилъ другого служившаго у него мальчика" („Työmies", 1911 г., № 141).

„Какая то Сердобольская хозяйка до синяковъ избила свою прислугу. Причиною истязанія было то, что у сына хозяйки съ пиджачка оторвалась пуговица, въ чемъ, по мнѣнію заботливой матери, виновна была прислуга" („Rajavahti", 1911 г., № 133).

„14 ноября 1911 г. въ Куоккала жена монтера Г., вмѣстѣ со своимъ пасынкомъ, до полусмерти избили свою 16-лѣтнюю служанку. Орудіями истязанія были тростниковый хлыстъ и кожаный ремень. Характерно, что, несмотря на вполнѣ законное требованіе слышавшей объ этомъ звѣрствѣ публики, полиція категорически отказалась производить по поводу этого истязанія дознаніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что истязатели якобы уже уладили дѣло съ родителями жертвы. Это заявленіе полиціи, говоритъ газета, все же является ложью, такъ какъ истязатели, даже при желаніи войти въ сдѣлку съ родителями прислуги, заключить ее, за краткостью времени, ни въ какомъ случаѣ не могли" („Työmies", 1911 г., № 267).

Въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 267) были помѣщены интересныя свѣдѣнія о происшедшемъ лѣтомъ 1911 г., поразительномъ по своей дикости истязаніи Пюхянкюлякимъ крестьяниномъ А. прислуги своего отца—дѣвицы Софіи Я. „Длилось истязаніе въ теченіе цѣлыхъ 3-хъ дней, причемъ особенно характерными были два послѣднихъ дня. Такъ, во второй день—4 августа А., обнаживъ прислугѣ нижнюю часть тѣла, сталъ уговаривать какого то присутствовавшаго при этомъ мальчика засунуть дѣвушкѣ въ половыя части палку. Мальчикъ этого не сдѣлалъ. На третій день, 5 августа, истязатель свалилъ прислугу на землю и, ставъ колѣнами на ея животъ, началъ ее мять. Цѣлыхъ 9 недѣль послѣ этого истязанія бѣдная служанка лежала въ постели". Сообщивъ этотъ фактъ, газета замѣчала, что *подобныя явленія въ Финляндіи не рѣдкость*.

Пускаютъ въ ходъ руки даже *приказчики*, когда имъ не нравится требованіе покупателя: „Финляндка К. пришла въ лавку одного финскаго торговца и попросила его обмѣнять проданное имъ испорченное масло на свѣжее. Эта законная просьба такъ возмутила торговца, что онъ *схватилъ покупательницу за руки, свалилъ ее на землю*, а затѣмъ призвалъ служившаго въ лавкѣ мальчика и, при помощи его, выволокъ покупательницу на улицу" („Työ", 1911 г., № 82).

Слѣдовательно, бьютъ въ Финляндіи и кулаками и палками, бьютъ мужчины и женщины, сенаторы и мужики, фискалы (прокуроры) и инженеры, словомъ, всѣ, у кого есть палка.

Сообщая о такомъ „уваженіи личности" въ Финляндіи—этой странѣ законности, газета „Россія" (1910 г., № 1516) указываетъ, что ударъ палкою въ Финляндіи оплачивается иногда двумя рублями на наши деньги, какъ напримѣръ, это было на заводѣ Острема въ Улеаборгѣ, гдѣ хозяинъ за ударъ палкою далъ рабочему 5 марокъ („Kansan Tahto", 1910 г., № 228). „Вышеприведенные факты, говоритъ газета, любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ, насколько ложны утвержденія финляндцевъ о невозможности для ихъ молодежи служить въ русской арміи, гдѣ будто бы допустимы внушенія съ рукоприкладствомъ, между тѣмъ какъ финляндцы не имѣютъ даже, будто бы, понятія объ этомъ".

Не менѣе „гуманно", повидимому, бываетъ иногда поведеніе представителей *полицейской власти*.

Въ Ювискюлѣ одинъ извозчикъ зашелъ къ ленсману Р. справиться о томъ, которая изъ его двухъ лошадей описана за долгъ, ибо его самаго не было дома, когда производилась опись. „Ленсманъ сталъ гнать въ шею извозчика, а когда послѣдній вздумалъ попросить объясненій такого обращенія, ленсманъ схватилъ палку и началъ дубасить его по головѣ" („Työmies", № 247, 1910 г.).

„Ленсманъ Арне Л., встрѣтивъ на дорогѣ собиравшуюся эмигрировать въ Америку крестьянку, съ *мужа* которой было присуждено къ уплатѣ 130 марокъ, потребовалъ отъ нея уплаты этихъ денегъ и, получивъ отказъ, сначала „облупилъ" отца крестьянки, а затѣмъ раздѣлъ ее самое „до рубашки" въ присутствіи нѣсколькихъ мужчинъ, желая убѣдиться, не зашиты ли въ одеждѣ деньги" („Työmies", 1909 г., № 192).

Въ особенности интересны отмѣчаемые мѣстными газетами случаи самоуправства и истязаній, которые допускались *чинами полиціи* при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Многіе изъ этихъ случаевъ кажутся прямо невѣроятными по тѣмъ проявленіямъ жестокости, о которыхъ приходится читать описанія. Большинство изъ нихъ мы находимъ въ соціалистическихъ газетахъ, и указанія о нихъ попадаютъ въ буржуазныя газеты гораздо рѣже. Но такъ какъ многіе изъ случаевъ были предметомъ судебнаго разбирательства, причемъ виновные были осуждены, то даже соображеніе о предвзятости и тенденціозности соціалистической печати въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста.

„7 декабря 1910 г. четыре рабочихъ деревни Соданкюля отправились въ мѣстечко Асконкюля на поиски работы. Полицейскіе П. и Х., узнавъ объ ихъ уходѣ, запрягли лошадь и безъ всякой причины отправились за ними въ погоню. Поровнявшись съ рабочими, полицейскіе остановили лошадь. Х. вышелъ изъ саней, снялъ свой пиджакъ и затѣмъ вдругъ бросился на путниковъ. Одного изъ нихъ онъ свалилъ на землю и ударилъ его два раза головкою ножа, два раза кнутомъ и, наконецъ, два раза лыжей. Послѣ этого „блюстители порядка" отправились дальше" („Kansan Tahto", 1910 г., № 288). „22 іюня 1910 г., около 9½ ч. вечера, полицейскіе констабли въ порту г. Якобстада, подъ предводительствомъ старшаго констабля Г., ворвались въ квартиры рабочихъ. Въ одномъ домикѣ они схватили рабочаго Куста К. за ноги и волосы и выволокли его на улицу; затѣмъ на него надѣли наручники и старшій полицейскій, выхвативъ саблю, сталъ кричать другимъ полицейскимъ: бейте саблями, бейте саблями, и въ то же время самъ нанесъ К. въ голову саблей рану. Кровь хлынула ручьемъ изъ головы рабочаго, который умолялъ, чтобы его не убили. Большая толпа народа собралась смотрѣть на происшествіе, и одна изъ женщинъ умоляла полицейскихъ не бить раненаго. Тогда полицейскій Х. съ револьверомъ бросился на эту женщину и кричалъ: молчать. Полицейскими были избиты еще трое рабочихъ. Женщинъ, осмѣлившихся порицать поведеніе полицейскихъ, они обругали самымъ постыднымъ образомъ" („Hämeen Woima", 1910 г., № 71).

Въ 1910 г., благодаря разоблаченіямъ печати, обнаружены многочисленные случаи *истязаній* различныхъ лицъ *чинами Гамла-Карлебюской полиціи*. Губернаторъ предложилъ городскому фискалу произвести слѣдствіе.

Между прочимъ оказалось, что грубому истязанію подвергся крестьянинъ Николай Т. изъ Лохтео, котораго такъ *били желѣзными цѣпями*, что онъ въ настоящее время безъ посторонней помощи не можетъ даже двигаться. Виновниками этой дикой расправы съ человѣкомъ, кстати, *ни въ чемъ не виновнымъ*, оказались старшій констабль С. и констабль С., которые впредь до времени отстранены отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей („Nya Pressen", 1910 г., № 262).

Гамла-Карлебюская полиція, истязавшая крестьянина Т., предложила ему въ видѣ удовлетворенія за понесенные побои 1000 марокъ. Т. на эту сумму согласился.

Передавая объ этомъ, газета „Wapaa Sana" говоритъ, что этой сдѣлкой „полиція лучшимъ образомъ доказала свою виновность. Поэтому, хотя Т. отказался отъ своихъ прежнихъ обвиненій, но этого дѣла, по мнѣнію газеты, нельзя прекратить. Общественный обвинитель долженъ предать виновныхъ суду и повліять на нихъ увольненіе со службы" („Kansan Lehti", 1910 г., № 270).

Случается, что полицейскіе доходятъ прямо до пытокъ съ поджиганіемъ на кострѣ и битьемъ цѣпями.

„Въ Кюреляскомъ уѣздномъ судѣ въ началѣ 1911 г. разбиралось дѣло, возбужденное землевладѣльцемъ Юхани Р. по обвиненію полицейскихъ констаблей Оскара В. и Іосифа Э. въ томъ, *что они жгли его руки на кострѣ*. Констабль О. В. присужденъ къ

штрафу въ размѣрѣ 100 марокъ, съ замѣною въ случаѣ несостоятельности 20-дневнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Дѣло В. присужденъ къ уплатѣ жалобщику 20 марокъ въ видѣ вознагражденія, 10 марокъ на лѣченіе и 75 марокъ на судебныя издержки. Констабль Э. освобожденъ отъ отвѣтственности" („Työ", 1911 г., № 54).

Въ августѣ 1911 г. „Эсбоскій полицейскій В. арестовалъ по подозрѣнію въ воровствѣ 12-лѣтняго сына рабочаго Іивара В. Желая принудить „арестанта" сознаться въ совершеніи преступленія, *полицейскій билъ его желѣзною палкою*. Неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошла бы жестокость В., если бы дѣйствительные совершители кражи сами не сознались въ своемъ преступленіи. *Узнавъ о невиновности* Іивара В., полицейскій отпустилъ его на свободу" („Työmies", 1911 г., № 189).

Въ мартѣ 1911 г. въ Коткаскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось другое характерное дѣло, возбужденное рабочимъ М. противъ одного конного констабля. „Повѣренный жалобщика указалъ, что когда послѣдній 5 марта въ 7 ч. вечера шелъ по улицѣ, констабль ѣхалъ верхомъ по тротуару, при чемъ сшибалъ съ ногъ людей. Жалобщику удалось забраться на сугробъ снѣга за заборъ. Полицейскій въѣхалъ во дворъ и потребовалъ, чтобы жалобщикъ удалился. Когда же послѣдній сошелъ съ сугроба, полицейскій ударилъ его кулакомъ въ лицо, схватилъ его за горло и прижалъ его такъ, что не было возможности дышать. Затѣмъ онъ ударилъ жалобщика шашкою въ спину, повалилъ на землю и угощалъ пинками въ плечи и спину. Констабль увѣрялъ, что имѣлъ въ виду доставить жалобщика въ участокъ. Послѣ допроса свидѣтелей судъ приговорилъ констабля къ штрафу въ размѣрѣ 30 марокъ и къ уплатѣ судебныхъ расходовъ въ размѣрѣ 100 марокъ" („Työmies", 1911 г., № 67).

Въ Таммерфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ лѣтомъ 1910 г. разбиралось дѣло по обвиненію мѣстнаго констабля Е. Т. въ истязаніи извозчика Т. присужденъ къ штрафу въ 25 мар. („Kansan Lehti", 1910 г., № 175).

Въ Якобстадскомъ ратгаузскомъ судѣ около того же времени разбиралось дѣло по обвиненію оберъ-констабля Г. въ истязаніи рабочихъ. Судъ присудилъ рабочихъ къ штрафу въ 130 мар. за пьянство и сопротивленіе полиціи, а полицейскаго оберъ-констабля Г. къ штрафу въ 50 мар. за истязаніе и 40 мар. въ вознагражденіе рабочему К. („Työmies", 1911 г., № 194).

Неедержанность и самоуправство полицейскихъ чиновъ характеризуетъ также слѣдующій случай, передаваемый тою же газетою („Työmies", 1910 г., № 112). „Однажды вечеромъ въ маѣ 1910 г. 5 рабочихъ отправились на скалу въ концѣ Фредериской улицы, въ Гельсингфорсѣ, „на лоно природы", захвативъ съ собой пару бутылокъ вина. Послѣ того какъ они успѣли выпить половину захваченнаго вина, на мѣсто явился полицейскій, который захотѣлъ отнять отъ нихъ бутылку. Произошелъ споръ съ владѣльцемъ бутылки, портнымъ Акселемъ Н., причемъ полицейскій выхватилъ саблю и изо всѣхъ силъ нанесъ съ Акселю Н. нѣсколько ранъ. Затѣмъ полиція отвела всѣхъ въ полицейскую камеру, откуда раненаго отправили въ больницу; оказалось, что ему нанесены были раны въ шею, руку и третья, самая опасная, въ лѣвую сторону груди, простирающаяся до самыхъ легкихъ. По заключенію врача эта рана представляется опасной для жизни. Остальныхъ рабочихъ отправили въ сыскное отдѣленіе, гдѣ ихъ безъ допроса держали 5 дней".

Описаніе подобнаго же случая читаемъ въ старофинской „Uusi Suometar" (1911 г., № 123). „Два надзирателя полиціи нравовъ въ Або С. и Н., находясь однажды ночью на службѣ по надзору за южной частью города, напились пьяными и въ этомъ состояніи встрѣтили компанію, состоявшую изъ нѣсколькихъ публичныхъ женщинъ и молодыхъ людей. Желая разогнать женщинъ, они вступили въ драку съ мужчинами, причемъ одинъ изъ послѣднихъ, маляръ, угрожалъ полицейскому С. ножемъ. Полицейскій выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ сперва въ воздухъ, а затѣмъ два раза въ маляра, ранивъ его въ грудь и животъ. Маляръ былъ отправленъ въ губернскую больницу, и его положеніе тяжелое. Полицейскаго С. вчера арестовали, но онъ былъ затѣмъ отпущенъ, такъ какъ выяснено было при слѣдствіи, что онъ стрѣлялъ при самозащитѣ. *Другой надзиратель былъ такъ пьянъ, что ничего о происшествіи не могъ разсказать*".

По сообщенію газеты „Työmies" (1911 г., № 270), 26 ноября 1911 года и. д. Вазаскаго полицеймейстера Густавсонъ уволилъ за нетрезвый образъ жизни отъ должности и. д. коммисара сыскного отдѣленія при Вазаскомъ полицейскомъ управленіи Х. „Ближайшею причиною увольненія послужило то, что въ воскресенье, 26 ноября, ночью Х., *будучи совершенно пьянъ*, съ помощью дежурныхъ полицейскихъ чиновъ привелъ въ полицейскую камеру, якобы за нарушеніе порядка, *двухъ мирныхъ и совершенно трезвыхъ лицъ*".

„Въ Таммерфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ, по словамъ газеты „Työ" (1912 г., № 77), разбиралось дѣло по обвиненію полицейскаго П. въ совершенно безпричинномъ истязаніи 15-лѣтняго мальчика К. Х. Отвѣтчикъ присужденъ къ уплатѣ 100 марокъ штрафа и 60 марокъ судебныхъ издержекъ".

Газета „Aamulehti" (1912 г., № 72) сообщала, что въ томъ же ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію шести полицейскихъ констаблей въ возмутительномъ по своей грубости *истязаніи газетнаго корреспондента Т. В.* „Отвѣтчики, приведя свою жертву въ полицейскую камеру, *свалили ее тамъ на землю* и затѣмъ начали *стукать ее головою объ полъ и бить кулаками*. Прекратили свое истязаніе констабли только

послѣ того, какъ все тѣло В. покрылось большими синяками и ранами. Дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ".

Всѣ эти факты невольно наводятъ на размышленія о томъ, насколько хорошо подготовлена къ исполненію своихъ обязанностей финляндская полиція, представители которой допускаютъ самоуправство, кулачныя расправы, истязанія. Говорятъ, что часто бьютъ людей въ русскихъ участкахъ, но о томъ, чтобы били цѣпями или жгли руки на кострѣ—что то не слышно. Недурна и такая, описываемая въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 97), сцена, происшедшая въ апрѣлѣ 1911 года въ одинъ изъ четверговъ въ Хуопалахтиской полицейской конторѣ, но, вѣроятно, происходящая очень часто въ финляндскихъ участкахъ.

Въ контору пришли нѣсколько женщинъ уплачивать общинныя подати. Застоялись ли онѣ въ конторѣ, или по другой причинѣ пребываніе ихъ стало непріятно, но полицейскій констабль деревни Хуопалахти сталъ грубо выпроваживать ихъ на улицу, причемъ такъ работалъ кулаками, что у многихъ женщинъ оказались синяки.

„Очевидцы были возмущены звѣрскимъ поведеніемъ констабля, говоритъ газета, тѣмъ болѣе, что онъ позволилъ себѣ это въ присутственномъ мѣстѣ и при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей".

Жестокое и самоуправное поведеніе полиціи не остается въ долгу за населеніемъ. Встрѣчаются случаи сопротивленія полиціи и покушенія на жизнь ея представителей.

Старофинскій „Wiipuri" (1910 г., № 282) сообщаетъ, что когда и. о. ленсмана въ Суоярви г. С. въ декабрѣ 1910 г., въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, отправился задержать одно присужденное къ штрафу лицо, то въ него въ темной прихожей избы былъ произведенъ выстрѣлъ изъ ружья, заряженнаго дробью Раненъ никто не былъ, но и задержаніе не удалось.

„Въ 1911 г. было совершено покушеніе на патрулирующаго на Карельской улицѣ въ Выборгѣ констабля Матти С. Работникъ Юхо К., изъ мѣстности Карвусъ, ранилъ его въ правую руку выстрѣломъ изъ револьвера. К., который былъ сильно подгулявши, арестованъ" („Wiborgs Nyheter", 1911 г., № 52).

По словамъ газеты „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 135), въ Лахтисѣ рабочій А. ранилъ стоявшаго на посту полицейскаго І. Э.

По сообщенію газеты „Työmies" (1911 г., № 74), „въ Асикаласскомъ уѣздномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію адвоката О. П. въ сопротивленіи полиціи. Дѣло заключалось въ томъ, что адвокатъ, придя однажды въ качествѣ защитника въ Асикаласскій уѣздный судъ на разборъ дѣла, хотѣлъ научить подсудимаго, какъ ему нужно себя защищать. Когда ленсманъ К. К. этого не допустилъ, адвокатъ П. его *прибилъ*, а затѣмъ сдѣлалъ попытку *отнять отъ него своего кліента насильно*. Судъ присудилъ адвоката къ уплатѣ 500 марокъ штрафа и къ покрытію всѣхъ судебныхъ издержекъ, общая сумма которыхъ достигаетъ 800 марокъ".

По сообщенію газеты „Wiipuri" (1911 г., № 141), „19 августа 1911 г. какой то проживающій въ Хаттула мужчина избилъ камнями одну женщину. Ленсманъ Л., узнавъ объ этомъ, призвалъ мужчину къ себѣ на квартиру и тамъ сталъ его увѣщевать. Но, какъ видно, увѣщанія ленсмана были весьма не убѣдительны, потому что мужчина, послушавъ ихъ немного, *набросился на увѣщевателя и очень серьезно его избилъ*".

„Въ сентябрѣ 1911 г., 10 человѣкъ рабочихъ устроили въ Гельсингфорсѣ на углу Садовой и Заставской улицъ драку. Произведенные во время драки выстрѣлы привлекли къ мѣсту полицію. Однако, всѣ попытки послѣдней успокоить рабочихъ не привели ни къ чему. *И только приходъ на мѣсто драки военнаго патруля подъ начальствомъ русскаго офицера заставилъ дравшихся разбѣжаться*. На слѣдующее утро двоихъ изъ буяновъ удалось задержать. Арестованные были сведены въ полицейскую камеру. Передъ началомъ допроса полицейскій М. спросилъ у нихъ, имѣется ли у нихъ какое-нибудь оружіе. Одинъ изъ арестованныхъ—П. отвѣтилъ, что нѣтъ, *но въ тотъ же моментъ вынулъ браунингъ и направилъ его на М.* Стоявшій сзади рабочаго другой полицейскій, замѣтивъ попытку задержаннаго, схватилъ его за руку, въ силу чего пуля попала въ стѣну. Тотчасъ же на стрѣлявшаго набросились всѣ присутствовавшіе полицейскіе и общими усиліями револьверъ у П. былъ отнятъ. Задержанный, оставшись безъ оружія, заявилъ, что М. все равно будетъ имъ убитъ" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 199).

По словамъ „Abo Underrättelser" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 16), однажды въ началѣ 1912 года, на проходившаго вечеромъ въ штатскомъ платьѣ по Аннингайской площади, въ Або, полицейскаго констабля напалъ одинъ изъ встрѣтившейся ему на площади толпы молодежи и нанесъ констаблю сильный ударъ кулакомъ въ лицо, послѣ чего вся толпа начала избивать безоружнаго констабля кулаками, пока ему не удалось спастись бѣгствомъ. Получивъ подкрѣпленіе, констабль отправился въ погоню за нападавшими на него. Ихъ удалось настичь за городомъ, на большой дорогѣ

въ Ресо. Одинъ былъ пойманъ, а остальные оказались уже раньше хорошо извѣстными полиціи рабочими, таскающими кирпичъ на одной изъ новыхъ построекъ города Або".

Въ качествѣ образца неповиновенія распоряженіямъ властей младофинская газета „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 279) отмѣчаетъ *противодѣйствіе переписи населенія* и жилищъ въ главномъ городѣ Финляндіи, Гельсингфорсѣ.

„Переписчики, разсказываетъ газета, со своими листами, ходили изъ дома въ домъ, вездѣ собирая свѣдѣнія о фамиліяхъ владѣльцевъ домовъ и квартиръ. Во многихъ домахъ этимъ переписчикамъ была выражена самая безцеремонная холодность, а въ нѣкоторыхъ домахъ даже *категорически отказались дать нужныя чиновникамъ свѣдѣнія*".

„Въ нѣкоторыхъ округахъ давались неохотно свѣдѣнія о квартирной платѣ, о занятіяхъ жены и т. п. Одна счетчица-студентка подверглась въ высшей степени невѣжливому обращенію", по тому же поводу читаемъ въ шведоманской газетѣ „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 334).

Подобное противодѣйствіе переписи младофинская „Helsingin Sanomat" отчасти объясняетъ боязнью какихъ либо непріятныхъ послѣдствій, какъ напримѣръ, увеличенія годичныхъ налоговъ, т. е. тѣмъ мотивомъ, которымъ обычно объясняется враждебное отношеніе населенія малокультурныхъ странъ ко всякимъ переписямъ.

Но, кромѣ того, по словамъ газеты, такое противодѣйствіе переписи „еще свидѣтельствуетъ объ абсолютномъ незнаніи членами общества лежащихъ на нихъ обязанностей. Вѣдь не кто либо, а правительство постановило произвести эту перепись. Исполненіе ея взяло на себя общинное управленіе. Въ виду этого, всѣ домовладѣльцы и хозяева квартиръ въ данномъ случаѣ такъ же обязаны давать свѣдѣнія, какъ они обязаны давать свѣдѣнія для мантальныхъ вѣдомостей и адреснаго стола Гельсингфорсской полиціи".

Должно быть, однако, не всѣ еще „члены общества" такъ проникались сознаніемъ лежащихъ на нихъ обязанностей, чтобы безпрекословно повиноваться распоряженіямъ властей. Вѣроятно, до сихъ поръ сильнѣе этого чувства у нихъ шкурные интересы, заставляющіе съ недовѣріемъ относиться къ начинаніямъ правительства.

Хорошимъ примѣромъ уваженія къ законности можетъ служить отмѣчаемое младофинскою газетою „Karjala" (1911 г., №№ 122 и 124) *нарушеніе* близъ самаго Гельсингфорса *правилъ объ охотѣ*, причемъ нарушителями являются не какіе-нибудь хулиганы, а лица изъ общества.

„Много лицъ заявляли намъ о происходящемъ, даже въ самой близости города, нарушеніи запретнаго времени по охотѣ на водяныхъ птицъ. Напримѣръ, у береговъ Ховиса пребываютъ каждый вечеръ десятки охотничьихъ компаній. Безпрерывно раздаются выстрѣлы, и около берега небезопасно проходить, такъ какъ ежеминутно рискуешь получить изъ-за какого нибудь мыска зарядъ дроби въ спину. Тѣмъ болѣе грустно, что въ числѣ браконьеровъ встрѣчаются часто *лица, которыхъ по ихъ положенію всего меньше можно было бы ожидать встрѣтить*. Не нужно говорить, что такое нарушеніе покоя птицъ, именно во время вывода птенцовъ, является безумно губительнымъ. Этимъ способомъ уничтожается вся птица, такъ какъ и та, которая чудомъ спасется отъ ружья браконьеровъ, перекочуетъ въ болѣе спокойныя мѣста. Прямо срамъ, что подъ бокомъ самой *столицы благоустроеннаго государства* *) безнаказанно могутъ происходить такія нарушенія закона".

„Недавно полиція ночью предприняла на моторной лодкѣ объѣздъ береговъ, прилегающихъ къ заливу Сорвали. Поѣздка не осталась безрезультатной, такъ какъ

*) Очевидно, газета говоритъ про Гельсингфорсъ и про „Финляндское государство". Прим. сост.

были усмотрѣны десять лодокъ, пассажиры которыхъ занимались запретной охотой. У нихъ полицей были отобраны ружья, амуниція и билеты, а у троихъ цѣлая куча убитой птицы. Всѣ браконьеры будутъ привлечены къ отвѣтственности" („Karjala", №124).

Подобнаго же рода сообщеніе читаемъ въ газетѣ „Туö" (1911 г., № 137), которая пишетъ, что въ Сатакунтѣ браконьерами истреблена масса лосей. Приглашенный изъ Гельсингфорсской полиціи сыщикъ выяснилъ, что браконьерами были „пользовавшіеся общимъ довѣріемъ" землевладѣльцы.

Газета „Työmies" (1910 г., № 170) сообщала, что однажды въ подобномъ преступленіи попался Таммерфорсскій *городской фискалъ*.

„Въ концѣ августа 1909 года, въ *запретный день*, городской фискалъ П., лѣсничій Т. Р., главный кондукторъ Л. Т. и І. Р. въ лѣсу имѣнія Кулю убили лося, съ котораго они сняли шкуру и раздѣлили между собой мясо. Это преступленіе дошло до свѣдѣнія мѣстнаго ленсмана, который произвелъ предварительное слѣдствіе. Странно, говоритъ газета, что этотъ *фискалъ*, преслѣдующій съ такимъ рвеніемъ рабочихъ и бобылей за охоту на лосей, теперь самъ попался въ томъ же, да еще въ запретное время".

Характерное явленіе изъ той же области финляндской жизни, лишній разъ показывающее, насколько сильно въ Финляндіи уваженіе къ «законности", отмѣчаетъ младофинская „Karjala" въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „Жестокій способъ ловли дичи" *).

„Прогуливаясь ранней осенью по лѣсамъ Финляндіи, можно частенько замѣтить, въ особенности въ пустошахъ, множество различныхъ запрещенныхъ закономъ снарядовъ для ловли дичи, какъ, напримѣръ: силковъ, петель и др. ловушекъ. Ихъ устраиваетъ главнымъ образомъ молодежь изъ ближайшихъ деревень, и иногда одинъ изъ такихъ ловцовъ имѣетъ нѣсколько десятковъ подобныхъ ловушекъ, разбросанныхъ по всему лѣсу.

„Большею частью жители расположенныхъ близъ лѣса деревень и домовъ знаютъ, что устройство такихъ ловушекъ не разрѣшается закономъ. Но законъ, повидимому, въ этомъ случаѣ является лишь мертвой буквой, и тѣ лица, на чьей обязанности лежитъ слѣдить за исполненіемъ законовъ, обращаютъ на это слишкомъ мало вниманія, почему подобное беззаконіе творится свободно.

„Это дѣло имѣетъ, помимо всего, громадное культурное значеніе, такъ какъ, если *подобное нарушеніе законовъ является общимъ среди нашего народа*, то, безъ сомнѣнія, оно уменьшаетъ въ подрастающемъ поколѣніи уваженіе къ святости закона.

„Грустнымъ явленіемъ можетъ служить и то, что наши торговцы, которые пріобрѣтаютъ дичь для отсылки ея въ различныя мѣстности вплоть до заграницы, совершенно не считаются съ тѣмъ, какимъ способомъ убита покупаемая ими птица. Если бы они въ этомъ случаѣ опирались на законъ, то тогда значительно уменьшилось бы и истязаніе птицъ вышеупомянутыми „аппаратами".

Повидимому, однако, въ Финляндіи „опираются на законъ" только до тѣхъ поръ, пока это не вредитъ личнымъ выгодамъ, а коль скоро задѣваются послѣднія, то можно и законъ забыть.

7. Ограждена ли въ Финляндіи собственность.

Не правда ли, читатель, вамъ не разъ проходилось слышать о прославленной фивляндской честности? О ней вамъ говорили еще на школьной скамьѣ, о ней вамъ сообщалось въ учебникахъ и чуть ли не въ прописяхъ, о ней вы читали въ письмахъ путешественниковъ и въ газетныхъ корреспонденціяхъ.

Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ недавно описывалась эта финляндская честность въ нѣмецкой газетѣ „Deutsche Bodenbacher Zeitung" **) въ корреспонденціи подъ заглавіемъ: „Въ странѣ честныхъ людей":

*) См. «Финляндскую Газету», 1911 г., № 146.
**) См. „Финлядскую Газету", 1912 г., № 155.

„Финляндія можетъ гордиться той рѣдкостною честностью, благодаря которой тюрьмы ея почти пусты, ибо тяжкія преступленія и въ особенности *кражи* тамъ—*рѣдкія, можно сказать, исключительныя явленія*. Даже путешественникъ, впервые посѣтившій край, не можетъ не почувствовать, что онъ въ странѣ, которая во многихъ отношеніяхъ совершенно иная, чѣмъ прочія страны свѣта. Такъ, напр., тамъ совершенно не присматриваютъ за столомъ на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ во время остановокъ поѣздовъ на нѣсколько минутъ. Путешественникъ выбираетъ по своему вкусу закуски на столѣ, кладетъ опредѣленную таксою плату на столъ и возвращается затѣмъ съ забранною закускою въ вагонъ, чтобы тамъ на досугѣ спокойно закусить. Никому изъ финляндцевъ въ голову даже не приходитъ мысли о томъ, что плату можно забыть или оставить на столѣ меньше, чѣмъ показано въ таксѣ. Въ Финляндіи спятъ даже къ незамкнутыхъ домахъ и комнатахъ; ворота большихъ имѣній часто имѣютъ единственный лишь затворъ въ видѣ щеколды, которую одинаково легко можно открыть и съ той и съ другой стороны воротъ".

Такъ, къ большому удовольствію финляндцевъ прославляется на весь свѣтъ особая честность этого народа, причемъ мѣстная печать подхватываетъ подобные отзывы иностранцевъ и съ горделивымъ добавленіемъ помѣщаетъ ихъ на своихъ столбцахъ.

Картина, сднако, весьма перемѣнится, если мы приведемъ данныя о количествѣ преступленій противъ права собственности: такъ, въ 1908 году въ Финляндіи *было осуждено за кражу 1345, за грабежъ 60, за подлогъ 112 человѣкъ*. Для одного года при небольшомъ населеніи Финляндіи этого, кажется, достаточно.

Не безынтересно также прочесть отзывы финляндскихъ газетъ о развитіи въ Финляндіи преступленій противъ права собственности.

Дѣло дошло до того, что, по словамъ „Itä-Suomen Sanomat" (1911 г., № 66), въ г. Вильманстрандѣ городскіе жители уже перестаютъ считать воровство уголовнымъ преступленіемъ, за которое положено наказаніе. „Однихъ кошельковъ съ деньгами похищено за этотъ годъ болѣе, чѣмъ на 1.000 марокъ, но ни одинъ „кошельковый воръ" не пойманъ полиціей. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ болѣе крупными кражами".

Младофинская газета „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 153) *также констатируетъ фактъ поразительнаго развитія въ Финляндіи воровства*. Газета же „Työmies" (1911 г., № 146) сообщаетъ, что въ Раумо обнаруженъ даже особый хорошо оборудованный *„воровской лагерь"*. По сообщенію газетъ за 1911 г., „Karjala" (№ 137), „Aamulehti" (№ 177), „Kansan Lehti" (№ 146), „Työmies" (№№ 175 и 182), *въ Финляндіи* за послѣднее время *очень сильно начинаютъ развиваться грабежи*. Нѣкоторые изъ нихъ буквально поражаютъ своею наглостью.

„Въ Або, по словамъ „Abo Underrättelser" (см. „Финляндскую Газету". 1911 г., № 169), появилась въ послѣднее время цѣлая „лига" воровъ, состоящая изъ мальчишекъ, въ возрастѣ 13—15 лѣтъ Воришки эти обходятъ большіе магазины, гдѣ при массѣ покупателей передъ Рождествомъ имъ удается незамѣтно стащить какую нибудь мелочь"...

Въ мартѣ 1912 года, по сообщенію газеты „Tyomies" (1912 г., № 53), въ Выборгскомъ раттаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію *двадцати 18—20-летнихъ мальчиковъ* въ производствѣ цѣлаго ряда мелкихъ кражъ Изъ обвиняемыхъ 5 самыхъ старшихъ оштрафованы, 6 другихъ присуждены къ отдачѣ въ исправительный домъ, а разборъ дѣла остальныхъ малолѣтнихъ преступниковъ отложенъ судомъ до другого раза

Зимою 1910—1911 г., за какихъ-нибудь два мѣсяца около желѣзнодорожной станціи Мустамяки (Выборгской губ.) были обокрадены четыре дачи, хозяевами которыхъ являются русскіе. По словамъ газеты „Русское Знамя" (14 янв 1911 г.) громилы не пойманы, и мѣръ для ихъ задержанія, повидимому, не принимается, такъ какъ ленсманъ живетъ за 25 кил въ Новой Киркѣ, а мѣстный полицейскій чинъ не обращаетъ вниманія.

Со словъ газеты „Työmies", „Финляндская Газета" (1911 г., № 142) сообщаетъ, что „въ конторѣ Гельсингфорсскаго пароходнаго акціонернаго общества", въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, наблюдалась систематическая кража денегъ изъ денежнаго шкафа. Недавно администрація общества увѣдомила о кражахъ мѣстную сыскную полицію. Командированному послѣднею на мѣсто воровства сыщику сразу же удалось обнаружить виновника кражъ, каковымъ оказался главный машинистъ общества К. Л. Общая сумма похищенныхъ имъ денегъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ марокъ".

Газета „Työ" (1911 г., № 234) пишетъ, что „въ Коркеакоски злоумышленники похитили изъ лавки купца Х кассу. Денегъ въ послѣдней было около 150 марокъ".

Много сообщеній въ финляндскихъ газетахъ можно прочесть и о болѣе или менѣе *наглыхъ грабежахъ*. Вотъ, напр., нѣсколько такихъ сообщеній, относящихся къ концу 1911 года.

Газета „Uusi Suometar" (№№ 185 и 242) пишетъ: „Группа Гельсингфорсскихъ рабочихъ *ограбила среди бѣла дня на* улицѣ Топелиуса своего довѣреннаго К." „Въ Таммерфорсѣ какой то интеллигентно одѣтый молодой человѣкъ, придя въ торговлю купца Р., попросилъ дать ему на 10 пенни деревяннаго масла Когда жена Р., одна только бывшая въ это время въ лавкѣ, пошла за требуемымъ въ находящійся рядомъ съ лавкою складъ, молодой человѣкъ, *схвативъ изъ-за прилавка кассу, выбѣжалъ на улицу*. Несмотря на организованную погоню, поймать преступника не удалось". Газета „Helsingin Sanomat" (№ 237) пишетъ: „на полустанкѣ Тюрисевя 5 неизвѣстныхъ хулигановъ въ одну изъ послѣднихъ ночей пытались разграбить лавку купца Павла С. Замѣченные приказчикомъ лавки, они, ничего не утащивъ, бѣжали". Газета „Uusi Aura" (№ 235) пишетъ: „близъ Раумо, на Унтамалаской проселочной дорогѣ, какіе то неизвѣстные злоумышленники *ограбили* шедшаго по этой дорогѣ въ деревню Лаустинкюля мясника С." Газета „Satakunta" (№ 114) пишетъ: „въ поѣздѣ, близъ станціи Оталамни, на дняхъ *ограбленъ* домовладѣлецъ Н П. Общая сумма отнятыхъ у него денегъ превышаетъ 700 марокъ. Грабежъ былъ произведенъ настолько быстро, что ни одинъ изъ ѣхавшихъ въ томъ же вагонѣ пассажировъ не успѣлъ притти домовладѣльцу на помощь Тотчасъ же по совершеніи грабежа грабители выпрыгнули изъ поѣзда"

Немало описывается и случаевъ *грабежей, соединенныхъ съ насиліемъ и даже убійствомъ*..

Напр., газета, „Uusi Suometar" (1911 г., № 60) разсказываетъ о возмутительномъ ограбленіи хулиганами старой женщины вблизи Або „Въ первомъ часу ночи возвращалась домой съ работы банщица, состоящая при баняхъ въ Або. На разстояніи около одного километра отъ города на нее напали пьяные хулиганы, изъ которыхъ одинъ нанесъ ей ножемъ рану въ лицо подъ правымъ глазомъ Женщина упала, причемъ другіе хулиганы нанесли ей удары въ голову кольями, поврежденъ ей черепъ. Затѣмъ ее *ограбили* Газета замѣчаетъ, что мѣстность, гдѣ произошелъ этотъ случай, славится тѣмъ, что тамъ *безъ всякаго вмѣшательства властей и полиціи* безчинствуетъ всевозможный сбродъ".

Старофинскій „Wiipuri" (1910 г., № 223) сообщаетъ объ ограбленіи подъ Выборгомъ *днемъ* женщины, возвращавшейся изъ города на лошади. „Грабитель отнялъ у нея сумку съ 60 мар. и нанесъ ей нѣсколько ранъ ножемъ. Несмотря на поиски, грабитель до сихъ поръ не разысканъ".

Социалистическій „Työ" (1910 г., № 202) сообщаетъ о *дневномъ ограбленіи* одного 75-ти лѣтняго старика мужчиной и женщиной, которые отняли у него все, что у него было. Въ томъ же нумерѣ сообщается, что въ Нивола, въ домъ крестьянина А., явился неизвѣстный и потребовалъ отъ него денегъ. Когда А хотѣлъ выпроводить непрошеннаго гостя, то послѣдній выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ его въ руку и нанесъ еще нѣсколько ранъ ножемъ въ голову. Тамъ же читаемъ о совершеніи многихъ кражъ со взломомъ.

Убійства съ цѣлью грабежа совсѣмъ не рѣдкость.

Такъ, по сообщенію младофинской „Karjala" (1911 г., № 186), въ Лапиньярви два неизвѣстныхъ злоумышленника *убили съ цѣлью грабежа* супруговъ Карлсонъ.

Старофинская газета „Wiipuri" (1911 г., № 92) сообщаетъ, что въ г. Вильманстрандѣ, въ самомъ центрѣ города, на главной улицѣ, вѣроятно, *въ ночь на лютеранскую Пасху* таинственно убиты собственница магазина готовыхъ вещей Лена Петтиненъ и находившаяся у нея въ услуженіи 11-лѣтняя дѣвочка Хельми Даніельсонъ. „Убійство удалось обнаружить вслѣдствіе того, что магазинъ съ воскресенья до субботы оставался закрытымъ. Полиціею были взломаны двери магазина; дѣвочка и женщина найдены убитыми на кроватяхъ; убиты онѣ безменомъ и ножемъ и, очевидно, во время сна. Убійство совершено съ цѣлью грабежа"

Въ той же газетѣ (1911 г., №№ 237 и 243) читаемъ слѣдующія два сообщенія: „Въ одномъ находящемся между Фредриксбергомъ и Булункюля, вблизи Гельсингфорса, сѣнномъ сараѣ *обнаруженъ трупъ неизвѣстнаго молодого мужчины* На шеѣ умер-

шаго *зіяли двѣ большія нанесенныя финскимъ ножемъ раны* Убійство было совершено, очевидно, *съ цѣлью грабежа*, такъ какъ убитый былъ найденъ совершенно раздѣтымъ". „20 октября 1911 года близъ дома Таликкаласкаго рабочаго союза неизвѣстными злоумышленниками *убитъ съ цѣлью грабежа* кассиръ означеннаго союза Альфредъ Илмоненъ Захватить находившіяся при убитомъ деньги преступникамъ все же не удалось"

Та же газета (1912 г., № 50) писала, что „въ 9 верстахъ отъ Вильманстранда, на выборгской дорогѣ, ограбленъ извозчикъ И Х. Преступникъ, безработный Х Т., прежде чѣмъ ограбить свою жертву, нанесъ ей въ шею глубокую, весьма опасную для жизни рану. Положеніе пострадавшаго признано безнадежнымъ".

Иногда подобныя убійства поражаютъ своимъ звѣрствомъ.

Такъ, финская газета „Rajavahti" (1911 г., № 114) сообщала, что въ Іоенсуекомъ ночлежномъ домѣ „Seusa" рабочіе Эдуардъ К. и Августъ Т., *съ цѣлью грабежа, звѣрски убили своего товарища* О. Косунена

Газета „Työ" (1912 г., № 286) сообщала слѣдующія подробности возмутительнаго убійства коробейника Ивана Яаколлы съ цѣлью грабежа. „Убійцы,—рабочіе И. Л. и Р А.,—сперва оглушили Яаколлу ударомъ камня по правому виску. Когда коробейникъ, несмотря на полученный ударъ, продолжалъ обнаруживать признаки жизни, одинъ изъ преступниковъ камнемъ, какой только онъ могъ поднять, раздробилъ Яаколлѣ голову. Не удовлетворившись этимъ, тотъ же человѣкъ-звѣрь, выхвативъ ножъ, нанесъ имъ своей жертвѣ нѣсколько ранъ и, наконецъ, перерѣзалъ ей горло. Всѣ найденныя при убитомъ деньги преступники взяли себѣ, а трупъ убитаго оставили на дорогѣ. Сходивъ затѣмъ на берегъ озера вымыть себѣ руки и одежду, убійцы, согласно данному имъ ранѣе обѣщанію, пошли разыскивать для имѣвшихъ вечеромъ состояться танцевъ музыканта. *Весь вечеръ* дня, въ который было совершенно преступленіе, убійцы *провели на танцахъ* Ночью они вновь пришли на мѣсто преступленія. Раздѣливъ между собою весь имѣвшійся при Яаколлѣ товаръ, убійцы потопили затѣмъ трупъ въ находящемся близъ мѣста преступленія озерѣ".

Можно привести и случаи *вымогательства*.

„Землевладѣлецъ О. Ф. изъ Варнаранта въ Сямиинге получилъ подписанное неизвѣстными лицами угрожающее письмо, въ которомъ требовалось отъ него, подъ угрозой смерти, въ извѣстный день подъ указанный километровый столбъ на большой дорогѣ положить 10 000 марокъ. Къ назначенному времени О. Ф. снесъ пакетъ бумаги, причемъ была устроена засада изъ двухъ полицейскихъ. Немного спустя явились на мѣсто два неизвѣстныхъ человѣка, оказавшіеся потомъ Иваномъ II и Вейкко К., которые были арестованы полиціей" („Wiipuri", 1911 г., № 121)

Подобный же случай, по словамъ „Sosialisti" (1911 г., № 233), произошелъ въ Петяявеси. „Мѣстный домовладѣлецъ П. получилъ однажды письмо, въ которомъ какіе то неизвѣстные аферисты приказывали ему положить къ указанному ими телефонному столбу 3.000 марокъ. Въ случаѣ же неисполненія П. этого требованія, отправители письма угрожали взорвать его домъ".

Весьма процвѣтаютъ въ Финляндіи разнаго рода *мошенничества, подлоги, злостныя растраты* и тому подобныя преступленія.

Въ 1910 году была обнаружена цѣлая мошенническая шайка интеллигентныхъ лицъ, занимавшихся добываніемъ страховой преміи для нѣкоего мнимо умершаго Паасивирты (см. „Nya Pressen", 1910 г., № 294).

Лѣтомъ 1911 г. дѣло это разбиралось въ Абоскомъ гофгерихтѣ. Какъ видно изъ помѣщеннаго въ „Tammerfors Nyheter" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 87) отчета объ этомъ разбирательствѣ, дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Подрядчикъ строительныхъ работъ Вяйне-Викторъ Х., управляющій Каарло Оскари Т. и учитель народной школы Тойво-Урхо Т. отправились вмѣстѣ съ Паасивиртой и Смоландеромъ на моторной лодкѣ по Нясіярвискому озеру съ цѣлью привести въ исполненіе планъ, выработанный Х. и Паасивиртой. По этому плану Паасивирта, финансовыя дѣла котораго находились въ плохомъ состояніи, долженъ былъ во время этой поѣздки скрыться изъ страны, а прочіе участники поѣздки—объявить, что онъ погибъ, и получить отъ страховыхъ обществъ „Суоми", „Куллерво", „Патрія", „Калева" и „Сампо" страховыя преміи въ общей сложности на 90.000 м Паасивирта, согласно вышеупомянутому плану, отдѣлился отъ компаніи для выѣзда изъ страны. Во время поѣздки пропалъ также и Смоландеръ, причемъ не извѣстно, находится ли онъ въ живыхъ, или нѣтъ. Х., вмѣстѣ съ двумя другими названными лицами, возвратившись изъ поѣздки, при помощи ложныхъ заявленій добыли отъ городского врача свидѣтельство о смерти Паасивирты, и обманомъ заставили помощника главнаго пастора Таммерфорсскаго прихода отмѣтить въ церковныхъ книгахъ о смерти Паасивирты, а впослѣдствіи воспользовались этой неправильной отмѣткой для полученія изъ церковной канцеляріи свидѣтельства о смерти Паасивирты. Ссылаясь затѣмъ на

это свидѣтельство, они потребовали у страховыхъ обществъ выдачи страховыхъ премій".

Всѣ привлеченныя къ дѣлу лица, за исключеніемъ, конечно, Паасивирты и Смоландера, которые исчезли, были приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки.

Между прочимъ, газета „Uusi Suometar" (1911 г., № 276) обращала вниманіе на странное отношеніе Таммерфорской полиціи къ этому дѣлу. Первоначально, по словамъ газеты, *полиція совершенно бездѣйствовала.* Потомъ, когда она, въ силу необходимости, должна была приступить къ производству слѣдствія. то обнаружила въ немъ *поразительную и непростительную медлительность.* Такъ, участники преступленія были арестованы не сразу, чѣмъ имъ безусловно была дана возможность хорошо сговориться; домашній обыскъ у арестованныхъ былъ произведенъ только чрезъ недѣлю по арестѣ; агентамъ страховыхъ обществъ было запрещено присутствовать при допросѣ арестованныхъ и т. д

Въ томъ же 1911 году разбиралось дѣло агента общества страхованія жизни Е. В. Послѣдній пытался нечестнымъ образомъ добиться выдачи обществомъ страхованія жизни „Suomi" 10.000 марокъ страховой преміи. Въ этомъ намѣреніи онъ 12 апрѣля 1910 года застраховалъ на означенную сумму жизнь своей сестры Вильгельмины, которая скончалась 26 апрѣля 1911 года отъ чахотки. Соучастницей въ преступленіи была вторая сестра его Ида-Марія, которая на медицинскомъ осмотрѣ замѣнила чахоточную сестру. Состоявшимся приговоромъ суда В. присужденъ къ заключенію въ карательную тюрьму на два года и къ лишенію гражданскаго довѣрія въ теченіе 4 лѣтъ послѣ окончанія срока наказанія. Ида-Марія В. присуждена къ двухмѣсячному тюремному заключенію („Uusi Aura", 1911 г.,№ 167).

Съ тою же цѣлью полученія страховой преміи въ Финляндіи практикуются *поджоги*, которые вызываютъ истребительные *пожары*. Вотъ, напр., пожарная хроника мѣстныхъ газетъ за нѣсколько дней іюля—августа 1911 г.

Въ первыхъ числахъ августа, по сообщенію газеты „Kansan Tahto" (1911 г № 185), сгорѣли отъ *поджога* домъ и скотный дворъ Антреаскаго землевладѣльца Х. Въ газетѣ „Työ" (1911 г., № 165) читаемъ, что 19 іюля сгорѣлъ до тла находившійся близъ станціи Хіитола лѣсопильный заводъ нѣкоего П. Въ виду двухлѣтняго бездѣйствія завода предполагаютъ, что причиною пожара былъ *поджогъ*. Газета „Työmies", № 188, пишетъ, что въ деревнѣ Улянумми сгорѣлъ домъ крестьянина М. „Предполагаютъ, что причиною пожара былъ *поджогъ*, устроенный съ цѣлью полученія страховой преміи самимъ домовладѣльцемъ" Въ газетѣ „Rajavahti" (1911 г., № 88) сообщается, что „19 іюля довольно страннымъ образомъ загорѣлась находящаяся близъ Іисалми Луунемская кузница Благодаря дружнымъ усиліямъ мѣстныхъ рабочихъ. пожаръ вскорѣ удалось прекратить. При произведенномъ затѣмъ осмотрѣ пожарища выяснилось, что причиною пожара былъ *поджогъ*. Вскорѣ былъ обнаруженъ и самъ поджигатель Имъ оказался одинъ изъ арендаторовъ кузницы Александръ К.". Газета „Helsingin Sanomat", № 207, пишетъ, что „въ ночь на 6 августа въ Пієлисявской деревнѣ сгорѣлъ до тла принадлежавшій крестьянину Н. хлѣвъ; находившіяся въ хлѣву 3 лошади, 30 куръ и 6 свиней погибли въ огнѣ. Предполагаютъ, что причиною пожара былъ *поджогъ*".

Можно думать, что поджоги совершаются не только для полученія страховой преміи, но и по другимъ причинамъ, напр., изъ мести и т. п.

Только этимъ можно объяснить сообщенія о поджогахъ, напр., лѣсовъ.

Газета „Työ" (1911 г., № 175) пишетъ, что лѣтомъ 1911 г. загорѣлся находящійся въ двухъ верстахъ отъ Коувола лѣсъ нѣкоего Н. Причиною пожара былъ *поджогъ* Второй случай поджога лѣса, по сообщенію той же газеты (№ 189), произошелъ въ Тейско.

Газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 203) пишетъ, что, при произведенномъ въ Корпилахти полицейскомъ дознаніи по поводу пожара Илмоніемскихъ лѣсовъ, выяснилось, что причиною пожара былъ *поджогъ*. Обнаружить виновниковъ поджога все же не удалось.

Газета „Karjala" (1911 г., № 177) сообщаетъ, что лѣтомъ 1911 года въ Монрепо, близъ Выборга, сгорѣлъ *отъ поджога* стогъ сѣна вѣсомъ въ 4900 килогр.

Не представляютъ особой рѣдкости сообщенія *о подлогахъ*. О нихъ говорятъ газеты всѣхъ партій.

„Въ Ювяскюляское отдѣленіе Сѣвернаго акціонернаго банка нѣкіимъ г. Я. предъявленъ *подложный вексель* на 10.000 марокъ" („Hufvudstadsbladet", 1911 г, № 108).

„Конгіенканскій уѣздный судъ приговорилъ бывшаго кистера мѣстнаго прихода, Отто С. за *подлогъ 15 векселей* къ 8 мѣсячному заключенію въ карательной тюрьмѣ" („Kansan Lehti", 1911 г, № 117).

„Нѣсколько времени тому назадъ пропалъ безъ вѣсти Якобстадскій купецъ К. Э., получившій передъ тѣмъ по *подложному векселю* 40.000 марокъ" („Aamulehti, 1911 г., № 143).

„Торговкою Ольгою Э. изъ Падасъіоки и ея 19-лѣтнимъ сыномъ *подделаны около 20 векселей* на общую сумму 10—12.000 марокъ. На векселяхъ подделаны фамиліи нѣкоторыхъ лицъ, проживающихъ въ мѣстности Падасъіоки" („Sosialisti", 1911 г., № 112).

„Въ Нюстадскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію нѣкоего Виктора Т *въ подлогѣ 3-хъ векселей*, всего на сумму 580 марокъ Въ судѣ обвиняемый былъ доставленъ изъ Абоской карательной тюрьмы, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе за сдѣланный въ прошломъ году въ Лайтила подлогъ долговой расписки" („Turun Sanomat", 1911 г., № 252).

„13 ноября 1911 г. въ Ювяскюляскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію ученика Раумоской семинаріи Нестора Л. въ попыткѣ получить *по подложному векселю* изъ банка 10.000 марокъ Судъ присудилъ обвиняемаго къ заключенію на 6 мѣсяцевъ въ карательную тюрьму и къ лишенію на 2 года, послѣ отбытія наказанія, гражданскаго довѣрія" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 263).

„Въ Куопіо недавно открылась новая торговая фирма—„Т. П. и К-о". Не имѣя возможности открыть торговлю на свои собственныя средства, фирма взяла весь необходимый для начала торговли товаръ въ долгъ у Куопіоскихъ купцовъ, представивъ имъ въ качествѣ залога *подложное письменное поручительство одного* Куопіоскаго домовладѣльца. Этимъ, однако, и закончились „торговыя операціи" фирмы: подлогъ вскорѣ былъ обнаруженъ, и фирма объявлена несостоятельной" („Työmies", 1911 г., № 117).

По словамъ „Helsingin Sanomat" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 156), 13 октября 1911 г. *нельдемансъ Каухавалтаосскаго суда* К. Э. по подложнымъ документамъ пытался получить изъ Николайстадскаго отдѣленія Народнаго акціонернаго банка 10.000 марокъ.

Въ Тейся обнаружено нѣсколько подлоговъ, совершенныхъ *чиномъ мѣстной полиціи Якко В.* Посредствомъ поддѣлки фамилій двухъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ ему удалось получить изъ банка общины Алавусъ 700 марокъ Въ другой разъ ему удалось получить еще 200 марокъ такимъ же образомъ По словамъ газеты „Kansan Lehti" (1911 г., № 66), дѣло до сихъ поръ держалось въ секретѣ по той причинѣ, что въ немъ замѣшаны близкіе родственники обманутыхъ Вѣроятно имѣя въ виду бывшіе примѣры, газета спрашивала, не будетъ-ли дѣло по этому поводу замято.

„Перная скій уѣздный судъ присудилъ *бывшаго лексмана* и учителя карательной тюрьмы, нынѣ Сердобольскаго повѣреннаго по дѣламъ печати В. за подлогъ векселя и вымогательство къ заключенію въ карательной тюрьмѣ срокомъ на 1 годъ 6 мѣсяцевъ и къ уплатѣ судебныхъ расходовъ въ размѣрѣ 200 марокъ" („Wiipuri", 1911 г., № 79).

Газета „Uusi Suometar" (1912 г., № 54) сообщала, что при разбирательствѣ 26 февраля 1912 г въ Ловизаскомъ ратгаузскомъ судѣ дѣла по обвиненію домовладѣльца Ивана Л. въ неуплатѣ 16 500 марокъ по векселю, данному имъ на имя нѣкоего Э А, выяснилось, что Иванъ Л. никакого векселя на 16.500 марокъ не давалъ, что означенный вексель былъ данъ всего на 500 марокъ. и уже затѣмъ нѣкіимъ Карломъ В., пріобрѣвшимъ его отъ А., былъ передѣланъ на вексель въ 16 500 марокъ Судъ, оправдавъ Л., призналъ В. виновнымъ въ подлогѣ векселя, а *свидѣтелей* Карла П. и Э. Я. виновными *въ дачѣ, несмотря на присягу, завѣдомо ложныхъ показаній.*

Сообщивъ вышеизложенное, „Uusi Suometar" замѣчала, что „*подлоги векселей и вообще разнаго рода финансовыя шулерства дѣлаются въ Финляндіи самымъ обычнымъ явленіемъ.* Нѣтъ ни одного газетнаго нумера, въ которомъ не сообщалось бы о подобнаго рода фактахъ. Очень часто, напримѣръ, на желѣзнодорожной станціи можно видѣть состоящую изъ 5—6 человѣкъ группу „полугосподъ". Члены группы о чемъ то таинственно шепчутся между собою и боязливо оглядываются по сторонамъ. Уже заранѣе можно угадать, что группа ѣдетъ „покупать" какую либо дачу, домъ или что либо подобное. Одинъ изъ членовъ группы „покупатель", другой его пріятель, могущій когда нужно „засвидѣтельствовать" колоссальныя богатства „покупателя". Остальные члены компаніи—это случайные свидѣтели, которые, если дѣло перейдетъ въ судъ могутъ дать „полезныя для покупателей показанія". При этомъ газета удостовѣряла, что всѣ подобнаго рода аферы устраиваются настолько ловко, что „героевъ" ихъ совершенно невозможно привлечь къ отвѣтственности.

Къ той же области мошенничествъ и подлоговъ относится довольно распространенная въ Финляндіи *поддѣлка денежныхъ знаковъ*.

„Просматривая мѣстныя газеты, пишетъ „Финляндская Газета" (1911 г., № 128), вы нерѣдко можете видѣть въ нихъ замѣтки о появленіи то тамъ, то здѣсь по Финляндіи фальшивыхъ денежныхъ знаковъ. Иногда эти фальшивыя деньги бываютъ сдѣланы довольно грубо, иногда же мѣстная печать вынуждена бываетъ воздавать должное тому искусству, съ которымъ

злоумышленники изготовили тотъ или другой денежный знакъ. Поддѣлыватели денежныхъ знаковъ пробуютъ свое искусство въ изготовленіи копій и съ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, и съ бумажныхъ денегъ, цѣною отъ одной и до ста марокъ. Конечно, больше вниманія обращается ими на поддѣлку бумажныхъ денегъ пятидесятимарковаго и стомарковаго достоинства, но не брезгаютъ они и такою мелочью, какъ монета въ одну марку". Для примѣра газета приводила нѣсколько газетныхъ сообщеній послѣдняго времени о дѣятельности поддѣлывателей денежныхъ знаковъ въ Финляндіи.

Въ Рейсъярви, по границѣ Улеоборгской и Вазаской губерній, въ февралѣ 1911 года обнаружена была цѣлая мастерская, въ которой изготовлялись фальшивыя монеты одномарковаго достоинства. Газета „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 60), сообщая объ этомъ, добавляла: „Монеты замѣчательно хорошо сдѣланы. И если бы самое вещество, изъ котораго выдѣлывались деньги, было вполнѣ похоже на серебро, то невозможно было бы и отличить ихъ отъ настоящихъ серебряныхъ монетъ". Другая финская газета „Sosialisti", издаваемая въ г. Або, въ № 118 за 1911 г., предупреждала публику о необходимости „осмотрительнѣе принимать серебряныя монеты" въ виду того, что въ Або попадаются въ обращеніи фальшивыя монеты двухмарковаго достоинства. Въ то же время появились сообщенія о появленіи въ Вильманстрандѣ и Выборгѣ фальшивыхъ серебряныхъ монетъ въ 50 пенни („Финляндская Газета", 1911 г., № 100).

Въ г. Тавастгусѣ дѣлались опыты по изготовленію фальшивыхъ *золотыхъ монетъ* десятимарковаго достоинства, и, какъ сообщала „Uusi Suometar" (1911 г., № 132), довольно удачные: „Фальшивая золотая монета въ десять марокъ была получена однимъ магазиномъ въ Тавастгусѣ. Только потомъ замѣтили, что монета, несмотря на тщательную свою внѣшнюю отдѣлку, была фальшивая, ибо при царапаніи она потеряла свою позолоту и разсыпалась".

Изъ бумажныхъ денегъ поддѣлыватели вниманіе свое обратили, какъ выше было сказано, на билеты пятидесяти и стомарковаго достоинства. О фальшивыхъ билетахъ перваго рода мы читаемъ въ „Uusi Suometar" (1911 г., № 131) слѣдующее:

„Въ обращеніи оказались фальшивыя пятидесятимарковки: одна такая пятидесятимарковка уже дошла до Финляндскаго банка. Такъ какъ она очень искусно поддѣлана, то надо быть осторожнымъ въ отношеніи ихъ, особенно въ виду того, что поддѣлыватели стараются пускать ихъ въ обращеніе по возможности больше"

И „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 178) признаетъ за поддѣлывателями фальшивыхъ пятидесятимарковыхъ билетовъ большой талантъ:

„Въ одномъ магазинѣ въ Тавастгусѣ опять попалась фальшивая пятидесятимарковка, которая такъ искусно и умѣло сдѣлана, что надо быть спеціалистомъ по знакомству съ денежными знаками, чтобы отличить фальшивую бумажку отъ настоящей".

Переходя къ фальшивымъ денежнымъ знакамъ стомарковаго достоинства, мы сразу наталкиваемся на поддѣлывателей ихъ двоякаго рода: среди нихъ встрѣчаются и плохіе и искусные мастера.

Въ селеніи Сейняйоки, напр., отобрали одну фальшивую стомарковку, которая „была плохо сдѣлана" („Sosialisti", 1911 г., № 91). Въ Кареліи недавно изъята изъ обращенія стомарковка „плохого изготовленія" („Laatokka", 1911 г., № 101). Зато въ г. Улеаборгѣ однимъ изъ банковъ была получена стомарковка, такъ хорошо поддѣланная, что ее пришлось даже отослать въ Гельсингфорсъ для изслѣдованія: „и здѣсь убѣдились, что бумажка - фальшивая. Вообще она очень хорошо сдѣлана, и лишь въ шведскомъ ея текстѣ найдены были ошибки". („Kansan Tahto", 1911 г., № 92).

Ошибки, встрѣчающіяся въ шведскомъ текстѣ фальшивыхъ денегъ, указываютъ на принадлежность поддѣлывателей къ финской народности. „Минувшею зимою въ г. Таммерфорсѣ удалось не только отобрать фальшивую стомарковку, но и арестовать самого редактора-издателя ея—нѣкоего столяра, у котораго захватили ручную сумку съ различными принадлежностями и красками для изготовленія фальшивыхъ денегъ" („Kansan Lehti", 1910 г., № 304).

Большое количество обращающихся въ Финляндіи фальшивыхъ денежныхъ знаковъ доказываетъ, что этотъ родъ преступнаго промысла,

посягающій на карманъ ближняго и задѣвающій интересы казны, имѣетъ много послѣдователей среди „культурныхъ и законопослушныхъ финляндцевъ".

Весьма обычно читать въ финляндскихъ газетахъ *о растратахъ*, производимыхъ въ разнаго рода обществахъ, банкахъ, а также о растратахъ казенныхъ и общественныхъ суммъ. Онѣ весьма часты и въ купеческой средѣ, и въ чиновничьей, и иногда достигаютъ значительныхъ суммъ. Такъ, напр., по словамъ газеты „Sosialisti" (1911 г., № 137), въ 1911 году изъ Абоской карательной тюрьмы былъ выпущенъ директоръ Николайштадтскаго банка I. С., посаженный туда 6 лѣтъ тому назадъ за растрату *1.300.000 марокъ*.

Газета „Rajavahti" (1910 г., № 140) „*составила списокъ въ нѣсколько страницъ*", заключающій въ себѣ лицъ, которыя съ 1907 года проявили себя въ Финляндіи по части прикарманиванія общественной собственности. „*Сумма растратъ и хищеній въ Финляндіи съ 1907 года составляетъ 4.140.000 марокъ*", говоритъ помянутая газета. Для честныхъ финляндцевъ и этого, повидимому, достаточно.

Наиболѣе часто встрѣчаются растраты денегъ городского и сельскаго общественнаго управленія.

„*Въ послѣднее время у насъ происходятъ постоянно перехватыванія господами большихъ и малыхъ ранговъ денегъ изъ общинныхъ городскихъ и сельскихъ кассъ*",—пишетъ газета „Työmies" (1910 г., № 274) по поводу все учащающихся въ Финляндіи случаевъ прикарманиванія различными лицами общественной собственности.

Передавая объ этомъ, газета „Россія" (1910 г., № 1549) говоритъ: „Тутъ характернѣе всего то, что въ отношеніи къ общественной собственности позволяютъ себѣ вольности лица, пользующіяся довѣріемъ общества и обществомъ избираемыя въ качествѣ вполнѣ надежныхъ. И хотя финляндцы съ большимъ успѣхомъ сумѣли рекламировать вездѣ себя, какъ честныхъ людей, однако, въ самой Финляндіи даже самые „надежные" представители ихъ народа не могутъ удержаться отъ того, чтобы не погрѣть рукъ у общественнаго сундука".

„И общественные сундуки въ Финляндіи поэтому нерѣдко стали оказываться теперь безъ значительной части своего содержимаго".

Такъ, въ г. Христинестадѣ „купецъ А. пользовался всеобщимъ довѣріемъ горожанъ и предсѣдательствовалъ вслѣдствіе этого въ казначействѣ. Провѣрили казначейство и убѣдились въ растратѣ, произведенной имъ на *полмилліона марокъ*" („Työmies", 1910 г., № 140)*). Въ г. Бьернеборгѣ послѣ смерти завѣдующаго общественнымъ продовольственнымъ магазиномъ нашли недочетъ въ двѣсти гектолитровъ зерна („Työmies", 1910 г., № 167). Въ г. Выборгѣ сборщикъ взысканій Х. растратилъ 5.800 марокъ („Karjala", 1910 г., № 205). Сборщикъ взысканій въ г. Або Л. растратилъ 1585 марокъ („Kansan Lehti" 1910 г., № 204). Въ г. Хейнола директоръ конторы сѣвернаго банка растратилъ 120 тысячъ марокъ („Uusi Suometar", 1910 г., № 115). Въ гор. Нодендалѣ „денежныя дѣла города находятся въ очень запутанномъ видѣ... казначей не въ состояніи ихъ разъяснить" („Työmies", 1910 г., № 213). Въ г. Тавастгусѣ въ казначействѣ съ 1904 года не имѣется „отчетности по поступленію городского подоходнаго налога. Не поддается оправданію сумма въ 35 тысячъ марокъ" („Työmies", 1910 г., № 274).

Въ концѣ 1910 г. у предсѣдателя общиннаго управленія въ Лемландѣ, землевладѣльца К. А. А., обнаружена растрата общественныхъ суммъ на 2 000 мар. („Wiipuri", 1910 г., № 208).

Въ 1911 г. въ нюстадскихъ городскихъ суммахъ обнаружена растрата нѣсколькихъ тысячъ марокъ. Виновникомъ растраты оказался предсѣдатель городской казначейской камеры, купецъ Ф. А. П., прославившійся цѣлымъ рядомъ подлоговъ.

---

*) Касаясь этой растраты, газета „Wiipuri" (1910 г., № 174) говоритъ, что она не столько удивляется растратѣ, сколько тому, что завѣдующій мѣстнымъ отдѣленіемъ банка, нисколько не сомнѣваясь, выдавалъ А. деньги подъ краткосрочные векселя, якобы на городскія дѣла, хотя въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Христинестадъ, не только городскія дѣла, но и вся подноготная каждаго обывателя прекрасно извѣстна всему городу.

Такъ, по словамъ газеты „Sosialisti“ (1911 г., № 19), „П. 5 января получилъ по векселю общества „Янхуа“ 15.000 марокъ. Изъ этихъ чужихъ денегъ онъ взялъ себѣ 5.500 мар и немедленно внесъ въ городское казначейство 5.000 мар на покрытіе сдѣланной имъ тамъ растраты. На собраніи дирекціи общества П сознался въ кражѣ. Въ виду сего было приступлено къ ревизіи наличныхъ денегъ, хранимыхъ въ банкѣ, въ размѣрѣ 12.500 мар. Далѣе установлены различные подлоги по векселямъ и чекамъ. П. признался во всемъ и былъ арестованъ“.

Между прочимъ, много шуму въ Финляндіи надѣлало самоубійство виднаго агитатора и общественнаго дѣятеля, бургомистра гор. Гельсингфорса Л. Каяндера, покончившаго съ собой осенью 1911 года, вслѣдствіе запутанности денежныхъ дѣлъ. Результатомъ этого самоубійства былъ цѣлый рядъ конкурсовъ крупныхъ фирмъ, въ которыхъ Каяндеръ былъ руководителемъ дѣла, или же акціонеромъ. Обнаружились и многія другія некрасивыя аферы бургомистра Каяндера (см. „Helsingin Sanomat“, № 224, „Uusi Aura“, № 228, „Työmies“, №№ 226, 227 и 230). Очевидно, бургомистръ Л. Каяндеръ, игравшій видную роль въ мѣстномъ коммерческомъ мірѣ, позволилъ себѣ разнаго рода злоупотребленія общественнымъ довѣріемъ *).

Перечень подобныхъ подвиговъ городскихъ общественныхъ дѣятелей можно бы дополнить и многими другими случаями, но достаточно и приведенныхъ.

Не лучше дѣло обстоитъ и въ сельскихъ общинахъ.

„Въ Ряйсялѣ общинный казначей Х. „состоялъ по довѣрію во многихъ должностяхъ“, и тѣмъ не менѣе отчетность по завѣдыванію общинною кассою имъ представлена лишь за 1907 г., да и то съ растратою восьми тысячъ марокъ“ („Raja-Karjala“, 1910 г., № 75). „Въ Лемпямической общинѣ денежные счета уже въ прошломъ году были не въ порядкѣ; теперь тамъ уже обнаруженъ недочетъ въ двѣ тысячи марокъ“ („Uusi Suometar“, 1910 г., № 206).

„Всѣ эти фактики, по словамъ газеты „Россія“ (1910 г., № 1549), говорятъ только о томъ, что финляндцы совершенно неосновательно присвоили себѣ привилегію прилагать къ своему наименованію эпитетъ „честныхъ“, если выборныя, „надежныя“, „пользующіяся довѣріемъ“ среди нихъ лица столь сильно грѣшатъ противъ понятія, заключающагося въ этомъ самомъ эпитетѣ“.

Подобные же случаи и злоупотребленія наблюдаются и въ болѣе мелкихъ общественныхъ организаціяхъ Финляндіи. Вотъ, напр., нѣсколько сообщеній, взятыхъ наудачу изъ финляндскихъ газетъ за 1911 г.

Въ кассѣ Таммерфорскаго рабочаго дома обнаружена *растрата* 1.200 марокъ („Karjala“, 1911 г., № 28). Въ суммахъ Куркіокской лавки общества на паяхъ обнаружена *растрата 6.107 марокъ*. Растрата произведена завѣдующимъ лавкою („Työ“, 1911 г., № 71). Въ акціонерной кассѣ города С. Михеля обнаружена *растрата* 8.000 марокъ („Karjala“, 1911 г., № 20). Управляющій Коткинской фирмы „Hykkärä & Ahola“—Е. В. Х. сдѣлалъ нѣсколько *подлоговъ*, всего на *20.000 марокъ* („Karjala“, 1911 г., № 74).

Безпорядки и злоупотребленія *въ похоронныхъ кассахъ* приняли такіе размѣры, что Управленіе промышленности обратило на это вниманіе Нюландскаго губернатора, съ просьбою принять мѣры въ цѣляхъ предотвращенія злоупотребленій („Työmies“, 1911 г., № 112).

Все это, конечно, доказываетъ, что въ общественной жизни Финляндіи много скрытыхъ язвъ, наличность которыхъ обнаруживаетъ недостаточное развитіе чувства гражданскаго долга въ массѣ финляндскаго общества, слишкомъ поверхностно еще пріобщившагося къ европейской культурѣ.

Не мало случаевъ растраты *церковныхъ денегъ*.

Такъ, напр., „Kansan Lehti“ (1911 г., № 70) сообщаетъ о растратахъ изъ церковныхъ средствъ прихода Рауталампи, совершенныхъ кистеромъ Абелемъ Х. „Сперва была обнаружена растрата 5000 марокъ. Во время производства ревизіи по поводу этой растраты обнаружились новыя растраты въ 6.600 марокъ, 300 марокъ и 600 марокъ. Имущество Х. оцѣнено въ 50.000 марокъ, а долги достигаютъ суммы 60.000 марокъ“.

По словамъ газеты „Työmies“ („Финляндская Газета“, 1911 г., № 102) въ Ниваласкихъ церковныхъ суммахъ обнаружена растрата 6.363 марокъ.

Наконецъ, весьма часто приходится читать о растратахъ разнаго рода суммъ, совершаемыхъ лицами *на финляндской коронной службѣ*.

*) Какъ сообщала газета „Rajavahti“ (1912 г., № 20), долги Л. Каяндера достигаютъ 1.100.306 мар., цѣнность же имущества—155.398 мар.

Въ сентябрѣ 1911 года, покончилъ самоубійствомъ Гельсингфорскій городской фискалъ О. Р. Ф. Альбрехтъ, яркій представитель шведоманской партіи, создавшій себѣ извѣстность въ качествѣ политикана и врага русскихъ властей.

Хотя шведоманская печать (напр., см. „Nya Pressen“, 1911 г., № 229) причину самоубійства усматривала „въ пошатнувшемся матеріальномъ положеніи и въ нервномъ возбужденіи, вызванномъ слабымъ здоровьемъ“, однако въ старофинской газетѣ „Uusi Suometar“ (1911 г., № 231) было опубликовано сообщеніе, дающее основаніе къ предположенію о другихъ причинахъ самоубійства. „Не такъ давно, писала газета, Гельсингфорскою городскою полиціею были арестованы два русскихъ банковыхъ вора, совершившихъ ловкія кражи въ различныхъ финляндскихъ банкахъ. Дѣло противъ этихъ воровъ было передано въ ратгаускій судъ. *Найденныя же при ворахъ деньги, 9.000 марокъ, были переданы фискалу Альбрехту на храненіе. Нынѣ дѣло рѣшено въ Сенатѣ и деньги должны были быть возвращены различнымъ обокраденнымъ банкамъ. Возможно, что Альбрехтъ эти деньги растратилъ и что это явилось причиною самоубійства*“.

Другая старофинская газета „Aamulehti“ (1911 г., № 232), признавая, что матеріальное положеніе Альбрехта дѣйствительно оказалось пошатнувшимся, находила невѣроятнымъ, чтобы онъ не могъ покрыть, въ случаѣ надобности, столь ничтожную сумму, какъ 9.000 мар. Однако „Uusi Suometar“ предполагала, что были и другія дѣла подобнаго же характера. Соображенія „Uusi Suometar“, по мнѣнію соціалистическаго „Työmies“ (1911 г., № 232), тѣмъ болѣе вѣроятны, что они не были опровергнуты въ печати.

Въ кассѣ почтовой конторы въ Иломантсѣ обнаружена растрата въ 5.000 марокъ. Завѣдующая конторой дѣвица Рауха Э. отстранена отъ исправленія должности („Wiipuri“, 1910 г., № 273). *У помощника судебнаго пристава* Х. Х., въ Выборгѣ была обнаружена растрата въ 5.800 марокъ („Karjala“, 1911 г., № 29). Подобная же *растрата* 800 марокъ была совершена начальникомъ Ховинмаской желѣзнодорожной станціи („Wiipuri“, 1911 г., № 27).

По словамъ газета „Työmies“ (1911 г., № 165), „Гельсингфорскій ратгаускій судъ приговорилъ бывшаго *кассира больничной и погребальной кассъ желѣзнодорожныхъ механическихъ рабочихъ* А. Л. Л., за растрату 7.500 мар. къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы. Характерно, что несмотря на это Л. продолжалъ состоять въ должности при желѣзнодорожной механической мастерской“.

По словамъ „Kansan Tahto“ (1912 г., № 126), „въ Коткаскомъ ратгаускомъ судѣ разбиралось дѣло о растратѣ 1000 марокъ желѣзнодорожныхъ средствъ *и. о продавца билетовъ на станціи Котка*, дѣвицею Айною Л. Подсудимая присуждена къ штрафу въ 50 марокъ и къ уплатѣ растраченной суммы и судебныхъ издержекъ“.

„Туо“ (1912 г., № 130) передаетъ сообщеніе „Työväenliitto“, что на станціи Іокела обнаружена растрата, совершенная вторымъ *бухгалтеромъ* І., который года два тому назадъ былъ уволенъ за растрату, но затѣмъ снова принятъ на службу. Размѣръ растраченной суммы не установленъ.

Въ недавнее время много шуму надѣлала растрата совершенная *кассиромъ С.-Петербургской станціи Финляндской желѣзной дороги* П. Сумма растраты достигаетъ 23.487 мар.

По словамъ „Työmies“ (1912 г., № 116), „кассиръ П. дѣйствовалъ ньоче ловко и разсудительно и продолжительное время скрывалъ свою растрату тѣмъ, что продавалъ билеты (для спальныхъ вагоновъ) не по порядку, а въ перемѣшку“. Благодаря этому онъ имѣлъ возможность при ревизіяхъ представлять тетрадки съ вырванными изъ середины билетами, какъ цѣлыя. „Но этого еще мало. Кассиръ П. для прикрытія своей растраты *мошенничалъ* и при сдачѣ полученной за продажу билетовъ выручки. Дѣлалъ это онъ, по словамъ „Työmies“, очень просто, а именно: въ тѣ денежныя стопки, которыя должны были содержать въ себѣ только серебряные рубли, онъ клалъ въ середину мѣдныя монеты. Подобныхъ стопокъ обнаружено по крайней мѣрѣ семь. Вмѣсто десяти рублей, въ этихъ стопкахъ было по четыре серебряныхъ рубля, а все остальное мѣдь. Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ работоспособности растратчика!“

Предполагаютъ, что растрата, началась съ ноября мѣсяца прошлаго (1911 года). Однако, по мнѣнію „Työmies“, есть основанія предполагать, что она велась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

„Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на той же станціи было произведена растрата *помощникомъ начальника станціи* І. Ц. Несмотря на то, что сумма растраты была наполовину меньше, чѣмъ у П., покрыть ее Ц. все же не могъ“.

„Вообще, по словамъ соціалистическаго „Työmies“ (1912 г., № 115), растраты въ Финляндіи не рѣдкость. Онѣ представляютъ собою самое обыкновенное повседневное явленіе, необходимо вызываемое все болѣе и болѣе развивающимся нравственнымъ разложеніемъ финляндской буржуазіи. Послѣдней, конечно, очень не нравится, что среди ея одна за другою раскрываются гнойныя, издающія зловонный запахъ язвы. Но кто же въ этомъ виноватъ? Не сама ли буржуазія?“

Газета высказывала предположеніе, что кассовыя дѣла находятся въ безпорядкѣ не только на петербургской станціи, но и на другихъ станціяхъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Участившіеся на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ случаи растратъ находящихся въ станціонныхъ кассахъ денегъ отмѣчали и другія газеты (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 74).

Между прочимъ, нѣкто А. Х. въ газетѣ „Uusi Rautatielehti" (отъ 8—21 мая 1912 г.) занялся подробнымъ разборомъ причинъ, вліяющихъ на ростъ подобныхъ растратъ. По мнѣнію автора, растраты эти являются слѣдствіемъ плохого матеріальнаго положенія служащихъ, задолженности ихъ со временъ вступленія на желѣзнодорожную службу въ качествѣ практикантовъ *).

Потребность въ деньгахъ нерѣдко „заставляетъ позаимствоваться въ кассѣ" — говоритъ А. Х. „У получившагося однажды недочета удивительная способность расширяться, чему сильно способствуетъ отсутствіе ревизіи со стороны начальствующихъ лицъ. Ежедневная ревизія сдѣлала бы появленіе недочета невозможнымъ".

Далѣе авторъ продолжаетъ:

„Кромѣ тѣхъ кассовыхъ дефицитовъ, о которыхъ сообщается офиціально и которые влекутъ за собой привлеченіе къ отвѣтственности подлежащаго лица, повидимому, иногда происходятъ и такъ называемыя *скрытыя кассовыя растраты*, т. е. такія, которыя, хотя тѣмъ или инымъ способомъ были обнаружены, но извѣстны лишь ограниченнымъ кругамъ. Такія растраты, правда, бывали пополняемы, но не предавались гласности, и поэтому можетъ случиться, что растрата въ такой кассѣ впослѣдствіи повторится, что вполнѣ возможно въ виду того, что предыдущая растрата была скрыта. Подобныя кассы слѣдуетъ считать опасными и онѣ требуютъ особаго наблюденія.

Авторъ рекомендовалъ ревизорамъ болѣе строго относиться къ ревизіямъ кассъ, а также установить твердое правило, что „никакія позаимствованія изъ казенныхъ средствъ не должны допускаться".

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Х. указывалъ, что „въ вопросѣ о растратѣ личность не должна играть ни малѣйшей роли".

Послѣднее замѣчаніе имѣетъ большое значеніе при царствующей на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ партійности (см. ниже стр. 140).

Нравы финляндской *коммерческой жизни* также не отличаются тѣми качествами, которыя называются добросовѣстностью и честностью.

Вотъ, что пишетъ по этому поводу газета „Tampereen Sanomat" (1910 г., № 200): „За послѣднее время въ финляндскихъ газетахъ появилось не мало сообщеній, свидѣтельствующихъ, что въ финляндской коммерческой средѣ имѣется много скрытыхъ язвъ. Такъ, напримѣръ, одинъ крупный коммерсантъ г. Христинестада и его довѣренное лицо лишили себя жизни вслѣдствіе мошенничествъ купца А., размѣръ которыхъ по мѣрѣ производства слѣдствія все растетъ. Далѣе, одинъ Ювяскюляскій купецъ изъ-за разстроенныхъ дѣлъ удралъ въ Америку, а въ Германіи арестованъ одинъ финляндскій коммерсантъ за крупныя мошенническія продѣлки". „О болѣе мелкихъ неправильностяхъ и безчестныхъ поступкахъ въ средѣ нашей коммерческой жизни, продолжаетъ газета, мы уже не будемъ говорить".

По мнѣнію газеты, финляндское организованное купечество обязано обратить серьезное вниманіе на всѣ эти гнойные нарывы въ мѣстной коммерческой жизни.

*) Практиканты въ Финляндіи не получаютъ ничего, или же очень мало—60—100 мар. въ мѣсяцъ, и то это жалованье имъ стали выдавать лишь въ послѣднее время.

Крупное *мошенничество*, между прочимъ, было обнаружено въ началѣ 1911 г. *въ одной изъ большихъ Гельсингфорсскихъ сѣменныхъ фирмъ*. Дѣло это весьма характерно въ смыслѣ отношенія къ нему мѣстныхъ властей, долго не принимавшихъ никакихъ мѣръ противъ замѣченнаго злоупотребленія.

„Однажды завѣдующій Гельсингфорсской купеческой химической лабораторіей, пишетъ газета „Työmies" (1911 г., № 39), былъ приглашенъ въ сѣменный складъ крупной гельсингфорсской фирмы „Агросъ" съ цѣлью удостовѣренія доброкачественности находившихся въ складѣ сѣмянъ и наложенія на мѣшки съ сѣменами пломбы, „чтобы у сельскихъ хозяевъ не было никакого сомнѣнія относительно доброкачественности покупаемаго ими товара". Въ противоположность прежнимъ анализамъ завѣдующій взялъ пробныхъ сѣмянъ не только сверху каждаго мѣшка, но также и со дна. И что же оказалось? Во всѣхъ подвергнутыхъ наслѣдованію мѣшкахъ только сверху были насыпаны хорошія сѣмена, остальная же часть мѣшковъ была заполнена самымъ недоброкачественнымъ товаромъ". Несмотря на такіе результаты анализа, сѣмена продолжали продаваться довѣрчивымъ покупателямъ, и власти долгое время не принимали никакихъ мѣръ для пресѣченія злоупотребленія.

По наведеннымъ въ губернскомъ правленіи справкамъ, писала старофинская „Uusi Suometar" (1911 г., № 43), къ какимъ мѣрамъ подлежащія власти приступили въ виду донесенія Сельско-хозяйственнаго Управленія, тамъ отвѣчали, что „по крайней мѣрѣ въ теченіе ближайшихъ дней не приступятъ къ какимъ-либо мѣрамъ". „Подобное заявленіе, говоритъ „Uusi Suometar", способствуетъ возбужденію крайняго удивленія. Всюду въ мірѣ вполнѣ ясно сознаютъ, что всякія мѣропріятія властей въ подобныхъ случаяхъ должны производиться возможно спѣшно. Совершенно необходимо, чтобы разслѣдованіе и допросы были производимы немедленно послѣ доноса. Въ противномъ случаѣ не представляется возможности точно установить суть дѣла".

Поэтому газета самымъ энергичнымъ образомъ требовала, чтобы Нюландскій губернаторъ немедленно распорядился о производствѣ требуемаго Сельско-хозяйственнымъ Управленіемъ разслѣдованія „Дѣло настолько важно, писала газета, что власти не должны замедлять разслѣдованія".

Старофинская газета „Wiipuri" (1911 г., № 43) по этому поводу замѣчала, что подобная фальсификація случается уже *не въ первый разъ*. „*Торговцы сѣмянъ уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ обманывали* довѣрчивыхъ сельскихъ хозяевъ, и только немногіе изъ торговцевъ были разоблачены".

Наконецъ, по постановленію Нюландскаго губернатора, дѣло о фальсификаціи сѣмянъ обществомъ „Агросъ" было передано полиціи для разслѣдованія.

Разслѣдованіе, по словамъ старофинской же газеты „Uusi Suometar" (1911 г., № 45), производилось не только въ Гельсингфорсѣ, но также въ уѣздахъ, гдѣ у общества находятся отдѣленія, причемъ особенное вниманіе было обращено на Куопіоскую губернію. Допросомъ бывшихъ и настоящихъ служащихъ общества выяснились чрезвычайно интересныя подробности. Такъ, оказалось, что „по письменному приказанію одного изъ заправилъ общества А. К. въ складѣ общества смѣшивались сѣмена тимофѣевки такимъ образомъ, что обыкновенно ⅔ мѣшка содержали русскія и финляндскія сѣмена невысокаго качества, а остальная треть мѣшка наполнялась доброкачественными сѣменами При этомъ послѣдніе клались всегда сверху. Въ 1907 году общество получило большую партію недоброкачественныхъ сѣмянъ Приглашенный для установленія качества сѣмянъ представитель лабораторіи, установивъ прозябаемость лишь 70%, отказался наложить пломбы. Вскорѣ послѣ того общество получило незначительную партію очевидно хорошихъ сѣмянъ тимофѣевки. Тогда А. К. приказалъ взять вышеуказанную недоброкачественную партію и наполнить мѣшки на одну треть хорошими сѣменами, причемъ приказалъ поставить мѣшки такъ, чтобы въ случаѣ надобности изъ раскрытаго мѣшка доставались хорошія сѣмена. Въ виду положенія мѣшковъ, при производствѣ наслѣдованія, разумѣется, сѣмена были найдены первоклассными". Такимъ же образомъ смѣшивались и разныя другія сѣмена, причемъ смѣшеніе производилось даже при посредствѣ особой машины Работники получали особое дополнительное жалованіе за то, что возили покупателямъ недоброкачественную рожь для посѣва

О результатахъ разслѣдованія было донесено губернатору. „Казалось, говоритъ „Uusi Suometar", въ наличности фальсификаціи не было сомнѣній Особенно компрометирующею являлась продажа смѣси шотландскаго турнепса за турнепсъ изъ Эстерсундома Первый продается по 2 марки 50 пенни за килогр., а послѣдній по 8 марокъ".

Между тѣмъ, какъ сообщалось въ той же газетѣ (1911 г., № 120), состоялось совершенно неожиданное рѣшеніе Нюландскаго губернатора: Нюландское губернское правленіе, на разсмотрѣніе котораго поступило дѣло общества „Агросъ", постановило, что *губернское правленіе не находитъ повода къ принятію*

какихъ-либо мѣръ по сказанному дѣлу. „Извѣстіе это, говоритъ означенная газета, должно возбудить громадную сенсацію". Газета напоминала, при какихъ обстоятельствахъ было обнаружено дѣло, какія уличающія показанія были даны при его разслѣдованіи, и приходила въ негодованіе, что губернское правленіе не придало имъ никакого значенія.

„Полнаго выясненія противозаконности дѣйствій не достигнуто, писала газета. Но развѣ полицейское дознаніе можетъ добыть „полное" выясненіе дѣла. Не подлежитъ-ли это суду и судебному слѣдствію? Ибо „полное выясненіе" преступности можетъ послѣдовать по закону только послѣ того, какъ судъ объявитъ свое рѣшеніе по вопросу и, на основаніи этого рѣшенія, или прекратитъ дѣло, или привлечетъ виновныхъ къ отвѣтственности.

„Очень грустно, если столь важное дѣло закончится такимъ образомъ, и наши власти распишутся въ своей неспособности защищать даже самые важные общественные интересы".

Дѣло же, дѣйствительно, имѣло серіозное значеніе. „Uusi Suometar" (1911 г., № 106) сообщала, что въ виду распространившихся слуховъ о мошенничествахъ съ сѣменами „крестьяне не рѣшаются болѣе покупать травяныя сѣмена у городскихъ торговцевъ, а обращаются къ своимъ же сосѣдямъ. Поэтому спросъ на сѣмена по деревнямъ сильно увеличился, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, удвоились и даже утроились цѣны. Такъ какъ запасы сѣмянъ у крестьянъ, торгующихъ ими, уже истощаются, то сельскому населенію вообще грозитъ опасность остаться безъ сѣмянъ, благодаря чему у многихъ посѣвы останутся несдѣланными".

Чѣмъ же объясняется такое странное, чтобы не сказать сильнѣе, отношеніе предержащихъ властей къ настоящему дѣлу? А тѣмъ, что общество „Агросъ" находится въ рукахъ финляндскихъ конституціоналистовъ, а потому пользуется особымъ покровительствомъ. Если бы этого не было, то какъ это и слѣдуетъ въ дѣлахъ, подобныхъ данному, — общественный обвинитель и полиція, независимо отъ распоряженія губернатора, давно бы по собственному почину произвели слѣдствіе и предали виновныхъ суду.

Дѣло не заглохло только благодаря вмѣшательству прокурора, должность котораго, какъ извѣстно, занимаетъ въ настоящее время состоявшій ранѣе на русской службѣ, внѣпартійный финляндскій гражданинъ г. Хозяиновъ.

По словамъ „Tammerfors Nyheter" (1911 г., № 107), прокуроръ предложилъ мѣстному городскому фискалу возбудить судебное дѣло противъ завѣдывающаго сѣменнымъ отдѣленіемъ акціонернаго общества „Агросъ", а также противъ членовъ дирекціи общества по обвиненію въ мошенничествѣ при продажѣ сѣмянъ и въ введеніи въ заблужденіе должностныхъ лицъ *).

Если подобныя мошенничества происходятъ въ одной изъ крупнѣйшихъ фирмъ страны, что же дѣлается въ мелкихъ?

Въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 147) читаемъ: „Конгинкангаскій купецъ Матти П. смѣшивалъ хорошую муку съ подгнившею и затѣмъ, выдавая ее за муку Николайштадтской паровой мельницы, продавалъ по высокой цѣнѣ. Обманъ удавался благодаря тому, что на всѣ мѣшки съ подобною мукою П. клалъ клеймо указанной мельницы".

Младофинская газета „Laatokka" (1911 г., № 93) сообщаетъ о *„жалкой недобросовѣстности поставщиковъ сѣна"* въ Кареліи и восточномъ Саволаксѣ. Покупатели сплошь и рядомъ *въ тюкахъ прессованнаго сѣна и соломы находятъ большіе куски льда,* обледенѣвшаго навоза и всякій мусоръ. И за такое сѣно покупателямъ приходится платить по 10 и 15 пенни за кило. „Подло поступать такъ", восклицаетъ газета, „когда крестьянамъ при нынѣшнемъ недостаткѣ кормъ для скота и безъ этого мошенничества приходится тяжело".

Изъ болѣе мелкихъ мошенничествъ отмѣтимъ практикуемую, по словамъ „Työmies" (1911 г. № 121), въ гор. Николайштадтѣ, поддѣлку чернослива. „До Николайштадскихъ городскихъ властей дошелъ слухъ, что въ одной находящейся въ городѣ фруктовой торговлѣ какимъ то путемъ *перерабываютъ старый сухой черносливъ въ сочный и свѣжій.* На

*) Послѣдовавшимъ судебнымъ приговоромъ всѣ привлеченныя къ суду лица были оправданы („Helsingin Sanomat", 1912 г., № 138)

основаніи этихъ слуховъ, въ помѣщеніи торговли былъ сдѣланъ обыскъ, при которомъ выяснилось, что это „превращеніе" стараго товара въ новый фирмою дѣйствительно практиковалось. Происходило оно путемъ продолжительной варки высохшаго чернослива въ особомъ составѣ, въ который, между прочимъ, входили патока и *глицеринъ*".

Чрезвычайно характернымъ явленіемъ финляндской торгово-промышленной жизни являются *постоянныя объявленія несостоятельностей.*

„За послѣднее время, пишетъ шведоманская газета „Tammerfors Nyheter" (1911 г., № 69), *число объявленій себя несостоятельными, какъ извѣстно, увеличилось въ ужасающемъ размѣрѣ,* причемъ объявленія эти въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ раньше, явились конечнымъ результатомъ безграничнаго шарлатанства. Цифры, приводимыя статистикой за послѣдніе годы, таковы, что даютъ поводъ къ серьезнымъ размышленіемъ и должны заставить открывающихъ кредитъ постараться всѣми силами выработать болѣе раціональную кредитную систему. Списокъ объявившихъ себя несостоятельными и согласившихся на сдѣлки въ 1910 году, былъ составленъ союзомъ обществъ взаимнаго кредита. Онъ настолько ярко характеризуетъ тотъ способъ, какимъ въ дѣловомъ мірѣ привыкли пользоваться существующимъ кредитомъ, что болѣе чѣмъ желательно произвести гласное обсужденіе этого.

„Въ послѣднемъ номерѣ „Kauppalehti" помѣщена коротенькая замѣтка объ этомъ спискѣ. Изъ этой замѣтки мы беремъ нѣкоторыя освѣщающія дѣло данныя. Списокъ раздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) объявленія несостоятельности, разсматриваемыя въ настоящее время, 2) объявленія, оконченныя разборомъ, 3) сдѣлки и соглашенія безъ объявленія несостоятельности.

„Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ отчетъ о 700 случаяхъ объявленія несостоятельности. Тамъ указаны имена и мѣстожительства должниковъ, день разбора дѣла о несостоятельности, довѣренныя лица и кураторы, процентъ долга, идущій на удовлетвореніе кредиторовъ, и масса особыхъ примѣчаній. Такія примѣчанія сдѣланы почти относительно каждаго объявленія себя несостоятельнымъ. Изъ этихъ примѣчаній видно, что *вознагражденія кредиторовъ въ большинствѣ случаевъ будутъ весьма ничтожны.* Особенно ужасно то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ несостоятельности, несмотря на то, что непосредственно передъ этимъ сумма наличнаго капитала превышала долги, вознагражденіе кредиторовъ сводится почти что къ нулю. При многихъ же объявленіяхъ сдѣланы такія замѣчанія, какъ напр.: „не пользующіеся правомъ старшинства поручители не получатъ никакого вознагражденія" и т. д. До какой степени *злоупотребленія и мошенничества вкрались въ нашу коммерческую жизнь,* показываетъ масса примѣчаній: „скрылся изъ страны", „никакой уплаты кредиторамъ", „привлеченъ къ судебной отвѣтственности", „приговоренъ за преступленіе по объявленію себя несостоятельнымъ" и т. п. Въ 257 случаяхъ несостоятельности, при которыхъ союзъ кредиторовъ слѣдилъ за удовлетвореніемъ кредиторовъ, уплата долговъ была произведена въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ 61 случаѣ—никакой уплаты, въ 46 случ. 1—10% долга, въ 40 случ. 10—20%, въ 41 случ. 20—30%, въ 25 случ. 30—40%, въ 18 случ. 40—50%, въ 10 случ. 50—60%, въ 4 случ. 60—70%, въ 5 случ. 70—80%, въ 2 случ. 80—90% и лишь въ 5 случаяхъ 90—100% всего долга.

„Дабы еще точнѣе освѣтить вопросъ вышеприведенными цифрами, слѣдовало бы сравнить ихъ съ суммами долговъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ. Такое сравненіе, по словамъ „Tammerfors Nyheter", несомнѣнно, привело бы къ весьма странному освѣщенію состоянія кредита въ нашей коммерческой жизни".

Исправную уплату долга, по удостовѣренію „Финляндской Газеты" (1912 г., № 33), не гарантируетъ и поручительство.

„Чтобы получить въ Финляндіи взаймы какую-либо сумму, вы должны представить двухъ лицъ, которыя ручались бы въ уплатѣ вами долга. Если имущество должника окажется недостаточнымъ для покрытія долга, то поручители отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за несостоятельность должника. Но частенько сами поручители заблаговременно такъ обставляютъ себя, что съ нихъ взятки, какъ говорится, гладки. Въ виду такихъ случаевъ, частные банки въ Финляндіи имѣютъ своихъ агентовъ, обязанность которыхъ заключается въ развѣдываніи о матеріальномъ положеніи лицъ, желающихъ взять деньги въ долгъ, а также и о матеріальномъ положеніи ихъ поручителей. И, несмотря на это, даже банки въ Финляндіи не всегда бываютъ въ состояніи получить всѣ деньги со своихъ должниковъ; ясно, что частныя лица могутъ расчитывать на это еще менѣе.

„Газета „Käkisalmen Sanomat" такъ объясняетъ причину этого явленія: „Человѣкъ, владѣющій большимъ имуществомъ, землею, строеніями и пр., пользуется, понятно, хорошимъ довѣріемъ и въ банкахъ, и у торговцевъ, и у капиталистовъ. Такъ какъ такому человѣку легко достать денегъ въ долгъ, то онъ и не думаетъ трудиться и работать, а, занимая деньги въ долгъ, живетъ за чужой счетъ. Изъ предосторожности онъ лишь переводитъ заблаговременно свое имущество на другое имя, чтобы избавиться отъ необходимости платить долги. Когда ему предъявляютъ рѣшеніе суда объ арестѣ на имущество, которое должно пойти на удовлетвореніе исковъ кредиторовъ, то такой человѣкъ лишь предъявляетъ купчую о состоявшейся въ свое время продажѣ имущества и объ отсутствіи у него имущества даже на пять пенни. Вслѣдствіе этого такой человѣкъ продолжаетъ и впредь жить въ своемъ домѣ и пользоваться имуществомъ, а кредиторы его терпятъ убытки... *Такія преступленія сдѣлались столь общераспространенными и обычными въ Финляндіи, что ихъ даже среди сельскаго населенія не считаютъ уже за преступленія*"...

Удивляясь обилію банкротствъ въ Финляндіи, финская газета „Sosialisti" (1912 г., № 24) писала, что многія изъ нихъ такъ „чисто" обдѣланы, что кредиторы не получаютъ ни пенни изъ тѣхъ своихъ денегъ, которыми они ссудили своихъ должниковъ въ данныхъ случаяхъ. „*Въ Финляндіи очень много людей, охочихъ до заниманія денегъ въ долгъ, и очень мало хорошихъ плательщиковъ ихъ.* Въ Финляндіи, и прежде всего въ Гельсингфорсѣ, имѣется компанія праздношатающихся господъ, которые, опираясь на „довѣріе", занимаются законнымъ разбоемъ. Эти „господа праздношатающіеся" и имъ подобныя лица устроили въ Финляндіи за 1911 годъ 1.080 конкурсныхъ распродажъ и банкротствъ, изъ которыхъ въ указанномъ году закончено 298 конкурсовъ и банкротствъ.

„Изъ законченныхъ 298 конкурсовъ и банкротствъ въ 105 случаяхъ кредиторы ничего не получили, въ 70 случаяхъ получили обратно отъ 1 до 10% своихъ денегъ, въ 36 случаяхъ отъ 10 до 20%, въ 98 случаяхъ отъ 20 до 50%". Приведя такіе случаи, помянутая газета восклицаетъ: „Сколь бы большими могли показаться эти плутни, если бы къ приведеннымъ выше цифрамъ прибавить 782 конкурса и банкротства, которые еще не были закончены въ теченіе 1911 года?"

Какъ извѣстно, когда какое-либо лицо объявляется несостоятельнымъ должникомъ, кредиторы налагаютъ арестъ на его имущество, которое оцѣнивается ими, чтобы опредѣлить, въ какой степени имущество должника отвѣчаетъ общей суммѣ долговъ. Въ мѣстныхъ газетахъ по этому поводу можно читать сообщенія, показывающія стоимость имущества должниковъ и суммы долговъ, сдѣланныхъ ими.

„Хонкалахтинское акціонерное общество подало просьбу о продажѣ съ конкурса его имущества. Долги общества выражаются суммою въ 800 тысячъ марокъ, а имущества имѣется у общества на 5½ тысячъ марокъ, въ томъ числѣ на 4½ тысячи сомнительнаго" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 208). Или другое объявленіе: „Вчера

была запись кредиторовъ покойнаго бургомистра Каяндера *): по описи его имущество оцѣнено въ 150 тысячъ марокъ, между тѣмъ какъ долговъ заявлено на сумму 1.000.000 мар." („Uusi Suometar", 1911 г., № 269) Или еще примѣръ: „Домовладѣлица В подала заявленіе о несостоятельности имущества заявила на сумму 150 марокъ, а долговъ на 31 тысячу марокъ" („Työmies", 1912 г., № 23).

Изъ „блестящихъ" конкурсовъ, объявленныхъ въ 1911 году, особенно выдѣлился сенсаціонный конкурсъ фирмы наслѣдниковъ П. А. С. въ г. Або, *пассивъ которой выразился въ суммѣ 2.584.032 марокъ, а активъ... не болѣе 184 марокъ* („Wiipuri", 1911 г., № 104).

Въ другомъ конкурсѣ абоскаго акціонернаго общества „К. В." долги достигаютъ 3.104.799 марокъ („Suomalainen Kansa", 1911 г., № 109).

Въ 1912 году, въ нумерѣ отъ 23 мая (5 іюня), шведоманская газета „Abo Underrättelser" посвятила передовую статью исходу конкурса акціонернаго общества „Helsingin Valimo O.-Y.", въ результатѣ котораго получилось *заключеніе въ тюрьму* отъ одного до восьми мѣсяцевъ *всѣхъ членовъ дирекціи общества* за преступленія, обнаруженныя при разсмотрѣніи дѣла о несостоятельности, причемъ „въ довершеніе всего этого оказалось, что *многіе изъ нихъ принадлежали, кромѣ того, къ корпусу учителей* „Suomen Liikemiesten Kauppaopisto" (коммерческаго училища финляндскихъ промышленниковъ). Это обстоятельство должно, по мнѣнію „Abo Underrättelser", безъ всякаго сомнѣнія, вызвать во всей странѣ должное вниманіе и серьезное размышленіе".

Усматривая въ веденіи дѣла общества „Валимо" и легкомысліе, и нерадѣніе, и разныя другія погрѣшности, газета приходила къ тому заключенію, что „число и свойства коммерческихъ скандаловъ сдѣлались такими, что, если немедленно не будетъ предпринята энергичная работа по прекращенію ихъ, то *экономической жизни страны угрожаютъ вполнѣ очевидныя опасности.* Ясно, что и *коммерческая нравственность испорчена*, и *коммерческіе обычаи* сдѣлались совершенно *превратными*".

Въ подтвержденіе этого „Abo Underrättelser" приводила обстоятельства, выяснившіяся при разборахъ дѣлъ о многихъ происшедшихъ въ послѣднее время банкротствахъ, при чемъ указывала на обнаруженныя различныя неправильности веденія дѣла нѣкоторыми изъ наиболѣе крупныхъ фирмъ. Ссылаясь на мнѣніе, высказанное журналомъ „Mercator" (осенью 1910 г.), о существующихъ въ Финляндіи „коммерческихъ методахъ", а также на отзывъ о причинахъ банкротствъ, данный въ 1910 году предсѣдателемъ „Союза финляндскихъ кредитодателей", названная газета находила, что для предотвращенія всего этого банкамъ, открывающимъ различнымъ предпріятіямъ кредитъ, слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла ихъ и посредствомъ предостереженій, или прямо закрытіемъ кредита, предотвращать такіе случаи, какъ происшедшій недавно съ обществомъ Валимо.

Останавливаясь на томъ же отрицательномъ явленіи финляндской общественной жизни, старофинская газета „Wiipuri" (отъ 21 марта — 3 апрѣля 1912 г.) находила, что причиною его слѣдуетъ считать *стремленіе финляндцевъ жить не по средствамъ.* „До тѣхъ поръ,—говоритъ газета,— пока финляндцы не будутъ считаться съ выраженіемъ „ротъ по мѣшку" и не примутъ мѣры къ сокращенію своихъ расходовъ, случаи подобныхъ прискорбныхъ явленій будутъ не только повторяться, но и расти".

Весьма интереснымъ въ дѣлѣ кредита въ Финляндіи является также существованіе *чудовищнаго ростовщичества.*

Газета „Työmies" (1911 г., № 139) пишетъ, что „15 іюня въ Коткинскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло о незаконномъ открытіи владѣльцемъ Коткинской посреднической конторы „Lahti" Соломономъ П. ссудной кассы. Изъ допроса свидѣтелей выяснилось, что за выданныя подъ залогъ какихъ либо вещей деньги П. бралъ *480% въ годъ*"

*) Бургомистръ гор. Гельсингфорса Каяндеръ, игравшій большую роль въ мѣстномъ коммерческомъ мірѣ, осенью 1911 г покончилъ самоубійствомъ вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ. См. выше стр. 62.

Немного раньше, по сообщенію той же газеты (1911 г., № 48), „въ Гельсингфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ разсматривалось дѣло, возбужденное противъ ростовщика Яфета М. по обвиненію въ томъ, что онъ за даваемыя въ займы деньги бралъ до 20% въ недѣлю, т. е. *1640% въ годъ*. Судъ приговорилъ отвѣтчика къ штрафу въ размѣрѣ 800 марокъ, соотвѣтствующему тюремному заключенію на 90 дней".

Какъ извѣстно, высота ссуднаго процента обратно пропорціональна культурности страны. Какое же заключеніе можно сдѣлать о высотѣ финляндской культуры на основаніи приведеннаго сообщенія?

Не съ положительной, наконецъ, стороны характеризуютъ финляндскую честность отношенія финляндцевъ къ русскимъ дачникамъ.

Даже всегда симпатизирующая финляндцамъ кадетская „Рѣчь" (отъ 28 апрѣля 1911 г.) указываетъ, что финляндцы *обираютъ русскихъ дачниковъ*, и описываетъ скверныя дачныя условія. Причину такого явленія газета усматриваетъ въ отсутствіи конкуренціи и *въ скромности русскихъ*, которые довольствуются, чѣмъ угодно.

Финляндская газета „Туб" (1911 г., № 82) также весьма возмущается тою недобросовѣстностью, которую финны, ежегодно, проявляютъ по отношенію къ русскимъ дачникамъ.

Въ указанномъ нумерѣ этой газеты напечатано, между прочимъ, слѣдующее письмо изъ Келломяки:

„Для нашихъ купцовъ, извозчиковъ и молочныхъ торговцевъ вновь наступаетъ то благодатное время (весна и лѣто), которое ежегодно бываетъ у всѣхъ людей вышеперечисленныхъ профессій, если они живутъ при желѣзной дорогѣ и не особенно далеко отъ *вонючей русской столицы*. Съ мѣсяцъ тому назадъ по здѣшнимъ дорогамъ ѣздили только ломовики, а теперь то и дѣло проѣзжаютъ господа и дамы,—это искатели дачъ. Наживаются, здѣсь, въ настоящее время больше всего извозчики. Существуетъ обычай, въ силу котораго извозчики везутъ нанимателей дачъ только къ тѣмъ дачамъ, хозяева которыхъ обѣщали имъ за доставку дачниковъ извѣстное вознагражденіе. Если же хозяинъ дачи не обѣщаетъ извозчику 5—10 рублей, то можетъ быть совершенно спокоенъ — дача его будетъ пустовать. Извозчики объ этомъ уже позаботятся: они напугаютъ нанимателя клопами, тараканами и т. п., но во всякомъ случаѣ своего добьются. Съ другой стороны, если кому либо необходимо отдать въ наемъ дачу, находящуюся въ самыхъ неблагопріятныхъ для дачника условіяхъ, то за помощью обращаются къ тѣмъ же извозчикамъ. Такъ, напримѣръ, одинъ извозчикъ разсказывалъ, что недавно онъ привезъ какого то русскаго нанимателя къ выстроенной на самомъ краю болота дачѣ. Наниматель, очень боявшійся сырости, этой дачи брать не хотѣлъ. Но извозчикъ сталъ его увѣрять, что вся окружающая дачу мѣстность представляетъ собою сухое поле, все лѣто покрытое красивыми цвѣтами. Въ результатѣ дача была нанята".

„Въ пограничныхъ мѣстностяхъ общепринято быть нечестными въ коммерческихъ дѣлахъ съ русскими", говоритъ младофинская „Karjala" (1912 г., № 68), а простодушный русскій дачникъ,—добавимъ мы,—проводящій лѣто въ Финляндіи, и не подозрѣваетъ о существованіи такихъ принциповъ у финляндцевъ и, при случаѣ, самъ же рекламируетъ финляндскую честность.

„*Было бы самое лучшее, если бы о такъ называемой „финской честности" никогда ничего не говорили*, если же о ней говорили раньше, то давнымъ давно была пора о ней замолчать", писала старофинская газета „Cusi Aura" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 174) по поводу происшедшихъ въ концѣ 1912 года въ гор. Таммерфорсѣ колоссальныхъ растратъ *). Газета перечисляла цѣлый рядъ преступленій противъ права собственности, — мошенничествъ, растратъ, банкротствъ, — совершившихся въ послѣднее время, и приходила къ заключенію, что въ этомъ отношеніи „ни одинъ общественный классъ, ни одинъ народный элементъ ничуть не лучше другого". „Гнойные нарывы безчестности свили себѣ гнѣздо среди всѣхъ классовъ нашего народа и они могутъ превратиться въ глубокую язву, которая принесетъ намъ много больше вреда, чѣмъ тѣ несчастья, которыя приходятъ на нашу долю извнѣ".

*) Дѣло это, находившееся во время печатанія настоящей книги на разсмотрѣніи суда, заключалось въ томъ, что одно лицо, Н. И., занимавшее должность директора Таммерфорсской конторы „Союзнаго банка" и многія другія должности и пользовавшееся общимъ уваженіемъ, совершило подлоговъ и растратъ на сумму въ нѣсколько милліоновъ марокъ. Многіе обыватели Таммерфорса были доведены растратами и подлогами И до полнаго разоренія, акціи „Союзнаго банка" сильно упали, словомъ, растрата повлекла за собой разстройство коммерческой жизни не только гор. Таммерфорса, но и всей страны. „Таммерфорсскій крахъ" повергъ всю финляндскую печать въ большое смущеніе въ особенности потому, что виновникомъ его являлось лицо, занимавшее видное общественное положеніе и пользовавшееся общимъ довѣріемъ (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., №№ 165, 168 и др. съ отзывами мѣстныхъ газетъ объ этомъ дѣлѣ).

Старофинская газета возбуждала вопросъ *о причинахъ подобнаго явленія*: „На вопросъ, что является причиною событій, цѣлый рядъ которыхъ мы выше отмѣтили, обычно отвѣчаютъ: недостаточный надзоръ и слабость ревизіи въ финансовыхъ промышленныхъ учрежденіяхъ, слишкомъ большая легкость полученія денегъ, слишкомъ большая увѣренность въ личностяхъ и т. д. Говорятъ, что взаимныя отношенія коммерсантовъ остаются старыми, патріархальными, довѣрчивыми, хотя развитіе коммерческой жизни и измѣнило условія жизни. Безъ сомнѣнія, всѣ эти причины имѣютъ извѣстное значеніе. Но главную основную причину этихъ многочисленныхъ печальныхъ явленій все же нужно искать *въ общемъ нравственномъ обветшаніи и разложеніи нашего народа*.

Этимъ отзывомъ старофинской газеты мы и закончимъ нашъ обзоръ по вопросу о томъ, ограждена ли въ Финляндіи собственность: повидимому, если уже сами финляндцы стѣсняются говорить о своей „честности", то, конечно, намъ быть „plus royalistes, que le roi" не приходится.

8. Развитіе безнравственности.

Однимъ изъ отрицательныхъ явленій современной общественной жизни въ Финляндіи является сильное паденіе нравственныхъ принциповъ, отмѣчаемое финляндскою печатью всѣхъ направленій.

„Всякій, кто хотя немного походилъ съ открытыми глазами по городу и деревнѣ, читаемъ въ старофинской газетѣ „Lahti" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 109), каждый день могъ наблюдать, *насколько сильно расшатаны нравственныя понятія современнаго поколѣнія* и насколько сильно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ измѣнилось къ худшему міросозерцаніе".

Описывая жизнь въ Соданкюля, на дальнемъ сѣверѣ, корреспондентъ соціалистической газеты „Kansan Lehti" (1909 г., № 290) пишетъ: „Пробывъ здѣсь 10 лѣтъ, я еще не видѣлъ и не слышалъ о хорошей жизни. Картежная игра и прочая срамная жизнь составляютъ обычныя явленія въ нашей мѣстности. И такую жизнь ведутъ здѣсь и днемъ, и ночью, и въ праздники, и въ будни, и старые, и молодые, и даже женщины". Корреспондентъ проситъ обратить на это вниманіе и подумать о способахъ поднятія нравственности въ населеніи.

Младофинскій „Kalewa" (1911 г., № 282), касаясь вопроса о постоянно повторяющихся въ Финляндіи случаяхъ изнасилованія и растлѣнія молодыхъ дѣвушекъ, говоритъ, что „*нравственность нашего народа пала въ угрожающей степени*".

По этому же поводу въ газетѣ „Työväen Liitto“ была помѣщена приведенная въ „Финляндской Газетѣ“ (1911 г., № 102) статья подъ заглавіемъ „Еще разъ о нравственности“. Въ ней финская газета сѣтовала о томъ, что, вмѣсто того, чтобы указывать на нравственность финскаго народа, восхваляя его истинную культурность и доблесть, приходится говорить о безнравственности его.

„Безнравственность заразила нашъ народъ, по мѣрѣ того какъ „теоретическое“ просвѣщеніе—знаніе—все больше и больше завоевывало его, и развратъ, грубость, свобода увлеченія и пр. дурныя привычки начали чаще и чаще проявляться въ обыденной жизни“...

„Позволяемъ себѣ утверждать, что болѣзнь эта идетъ отъ того господскаго класса, который въ своей невоздержаной жизни не знаетъ границъ даже въ дѣлахъ нравственности. *Свободная любовь* развита даже въ тѣхъ кругахъ и среди тѣхъ элементовъ, отъ которыхъ этого всего меньше можно бы ожидать и которые должны бы въ обыденной жизни являться примѣромъ другимъ, менѣе развитымъ.

„Въ добавокъ *къ публичному разврату*, который долженъ бы быть запрещенъ, въ нашей странѣ въ столь обширныхъ размѣрахъ развита *тайная свободная любовь*, что постепенно изъ нея образовывается одинъ изъ величайшихъ бичей нашего общества. Нынѣ нѣтъ уже, кажется, разницы въ томъ, состоитъ ли или не состоитъ въ законномъ бракѣ лицо, мужчина или женщина; всѣ считаютъ себя свободными любовниками, падая рабами своихъ страстей, опускаясь благодаря своей безнравственности, едва ли не до положенія животнаго. Отъ растерзанія хищниковъ не могутъ уже больше уберечься даже маленькія невинныя дѣти. Въ прежнее время, если даже такія дѣла и не всѣ получали огласку, они всетаки были рѣже. Деревня была, по крайней мѣрѣ, менѣе заражена всѣмъ этимъ. Теперь, напротивъ того, *моральная гниль распространилась всюду*. Мужья и жены, если и не всецѣло покидаютъ семью, то нерѣдко живутъ въ связи съ другою женою или другимъ мужемъ, или даже и съ нѣсколькими женами и мужьями. Неженатые и незамужнія не отстаютъ отъ нихъ. Торговля развратомъ производится едва ли не столь же свободно, какъ и обмѣнъ цыганами лошадей на ярмаркѣ. Она производится всюду, внѣ дома, дома, въ дорогѣ, однимъ словомъ, всюду, гдѣ только не безлюдно.

„Такъ *глубоко погрязла въ развратѣ не малая часть гражданъ*. Печально это, но всетаки это *истинная правда* во всей своей наготѣ. Сердце разрывается у каждаго нравственнаго гражданина при видѣ подобной жизни и онъ задается вопросомъ: что дѣлать для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія этой болѣзни?

„Часто слышишь, говоря объ этихъ дѣлахъ, ссылки на, будто бы, ограничивающіе личную свободу стѣснительные законы и многое другое. Свободы, говорятъ одни, еще и теперь недостаточно; причина, по мнѣнію другихъ, въ современномъ обществѣ и т. д. Хочется спросить, насколько должна простираться свобода, если даже и ограниченія не препятствуютъ разврату.

„Народное представительство одобрило идущій въ болѣе свободномъ направленіи законъ о гражданскомъ бракѣ. Но врядъ ли нужно быть пророкомъ, говоря, что и онъ, ставъ закономъ, не можетъ больше, чѣмъ и всякіе другіе законы, уничтожить зло, если только въ нравахъ лицъ, ведущихъ развратную жизнь, не произойдетъ улучшенія“.

Отзываясь въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ о господствующей въ Финляндіи безнравственности, финляндская *буржуазная* газета имѣла къ тому, очевидно, серьезныя основанія.

Между прочимъ, одною изъ причинъ развитія безнравственности газета считаетъ *увлеченіе соціализмомъ*: „Вліяніе его разслабляетъ твердость характера людей и создаетъ изъ нихъ жалкихъ слугъ своихъ страстей, не имѣющихъ силы воли для обузданія ихъ“.

Однако врядъ ли развитіе безнравственности въ Финляндіи можетъ быть приписано, главнымъ образомъ, соціализму; вѣрнѣе будетъ очень многое отнести къ самому характеру народа. Дѣло въ томъ, что взглядъ на цѣломудріе женщинъ и дѣвушекъ среди сельскаго населенія Финляндіи, т. е., слѣдовательно, главной массы населенія, и въ прежнія времена былъ очень оригиналенъ. Извѣстенъ, напримѣръ, обычай „ночныхъ похожденій“ (*yöjuoksut*), существовавшій въ недавнее время повсемѣстно въ Финляндіи и, какъ можно думать, сохранившійся во многихъ мѣстахъ и по нынѣ. Заключается онъ въ томъ, что дѣвушки принимаютъ къ себѣ на ночь, на ночлегъ, молодыхъ людей. Обычай этотъ „былъ общераспространеннымъ по приходамъ, и всѣ браки брали свое начало отъ этихъ „ночныхъ похожденій“. „*Ту дѣвушку, которая не провела въ своей клѣти ту или другую ночь съ молодымъ человѣкомъ, не ставили ни во что*. Чѣмъ болѣе было ночныхъ посѣтителей у какой-либо дѣвушки, тѣмъ въ большемъ почетѣ была она, тѣмъ большею извѣстностью она пользовалась и тѣмъ скорѣе для нея наступалъ день свадьбы. Та же дѣвушка, которая не пускала къ себѣ въ клѣть на ночь молодыхъ людей, считалось дурною, и замужество для нея, по мнѣнію многихъ, было подъ большимъ сомнѣніемъ, если не совсѣмъ безнадежнымъ“.

Это удостовѣряетъ, по словамъ „Финляндской Газеты“ (отъ 8 января 1911 г.), финскій писатель М. Пухакка въ своей брошюрѣ „Вліяніе обществъ молодежи“.

„Все это происходило, пишетъ далѣе М. Пухакка, не безъ благосклонности со стороны старшихъ, и не рѣдко родители потирали отъ удовольствія руки, замѣтивъ, какъ сынъ богатаго крестьянина завернулъ въ клѣть ихъ дочери. Неприличнымъ лишь считалось, если батракъ заходилъ въ клѣть крестьянской дочери. Жена одного богатаго крестьянина чуть не лопнула отъ радости, подмѣтивъ возлѣ дочери молодого человѣка, котораго по ошибкѣ въ темнотѣ приняла за жившаго въ то время въ деревнѣ землемѣра“ (Пухакка, 27, 28). Конечно, на другой день родители ради приличія бранятъ свою дочь: „не можешь теперь и работать по дому, когда всю ночь возишься со всякими батраками. Пусть бы еще возилась съ путными парнями, тогда бы и времени не жаль было! А то отъ возни съ батраками можно только получить“... (Пухакка, 43). И дѣвушка понимаетъ, насколько серьезно родители бранятъ ее за ночныя похожденія, и сами дѣвушки иногда приглашаютъ на ночь молодыхъ людей. „Очень наивно и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно бранитъ дѣвушка парня изъ другой деревни: „Что это такъ возгордился ты, что не заходишь къ намъ?“—„А ты пустишь меня тогда къ себѣ въ клѣть?“—„Чего еще и спрашивать объ этомъ!“ (Пухакка, 18, 19).

„Почти всѣ браки вели свое начало отъ ночныхъ похожденій, и ночныя похожденія были общепринятыми, столь общепринятыми и разрѣшенными, что даже члены самихъ причтовъ принимали въ нихъ участіе и начинали такимъ способомъ свою женитьбу. Хоть я и не желаю приводить примѣровъ этому, однако не могу не разсказать въ подтвержденіе этого, какъ *кистеръ* одного прихода задерживалъ до болѣе поздняго времени *болѣе развитыхъ и болѣе смазливыхъ учениць*, подготовляемыхъ къ принятію причастію, задерживалъ для того, *чтобы онъ съ нимъ раздѣлили ночное похожденіе* и чтобы онъ могъ на ночь прилечь къ своей ученицѣ въ постель“ (Пухакка, 27). Въ заключеніе главы о ночныхъ похожденіяхъ Пухакка (стр. 38) говоритъ: „было бы очень желательно, чтобы духовенство принялось за точное веденіе статистики дѣтей, родившихся у новобрачныхъ прежде времени“...

Пухакка увѣряетъ, будто изображаемые имъ нравы теперь мѣняются уже къ лучшему, что такіе нравы господствовали въ населеніи *лѣтъ пять тому назадъ*. Однако, какъ мы сказали, въ финской печати и теперь

можно часто встрѣтить сообщенія, которыя даютъ основаніе предполагать, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, „ночныя похожденія“ сохранились.

Такъ, въ газетѣ „Työmies“ (1909 г., № 89) мы читаемъ слѣдующую любопытную замѣтку: „Въ Р. парень по обычаю приходитъ къ возлюбленной, которая спала въ избѣ и которую онъ уже много разъ посѣщалъ по ночамъ. Нашъ герой въ сѣняхъ, ради предосторожности, снимаетъ сапоги и въ чулкахъ крадется въ избу, гдѣ на полу видитъ ожидающую его подругу. Онъ опускается возлѣ нея, поднимаетъ одѣяло и хочетъ обнять возлюбленную, но... о ужасъ!.. она — совсѣмъ холодна!.. Умерла!.. Съ быстротою молніи онъ отскакиваетъ отъ постели и спѣшитъ къ дверямъ, какъ вдругъ, около самыхъ дверей, послышалось какъ бы овечье блеяніе. Бяа! бяа!—слышитъ парень. Волосъ всталъ у парня дыбомъ, къ дверямъ идти страшно, и онъ сталъ удаляться отъ дверей вдоль стѣны. Но голосъ слѣдуетъ за нимъ, и чудится, что четвероногій чертъ преслѣдуетъ его. Бяа, бяа—раздается то болѣе грубо, то болѣе нѣжно: чортъ, и притомъ не одинъ, чудится парню. Въ бѣдѣ припомнилъ онъ и Бога. Наконецъ, попавъ въ сѣни, онъ уже забылъ и про сапоги свои, а прямо въ чулкахъ улепетнулъ домой. Утромъ обитатели дома, войдя послѣ ночи, проведенной въ чуланѣ, въ избу, съ изумленіемъ увидѣли, что дверь въ избу была открыта, а у порога были чьи-то сапоги. Болѣе всего, однако, они были напуганы тѣмъ, что одѣяло было откинуто съ бабушки, которая какъ разъ вечеромъ умерла и была оставлена въ избѣ. Въ углу избы все было въ порядкѣ: овца съ довольнымъ видомъ кормила своего ягненка“.

Приведемъ еще нѣсколько газетныхъ сообщеній въ такомъ же родѣ.

Въ Каукилѣ герои „ночныхъ похожденій“ явились въ домъ крестьянина. „*Желая попасть въ чуланъ, гдѣ спали дѣвушки дома*“, парни вошли сначала въ избу и затѣявъ ссору съ хозяиномъ, „побили его коломъ по головѣ, нанеся большія раны“ („Karjala“, 1910 г., № 202) *).

Въ деревнѣ Саанро, Пюхяярвискаго прихода, одна *дѣвушка не пустила къ себѣ на ночь парней*; тогда одинъ изъ нихъ утромъ слѣдующаго дня застрѣлилъ ее изъ ружья („Helsingin Sanomat“, 1910 г., № 206).

Газета „Savon Työmies“ (1910 г., № 149), описываетъ, какъ „герои *ночныхъ похожденій*“ дрались ножами въ Рождество. „Когда торпарь Адамъ К. и бобыль Августъ В. пошли въ домъ въ Рауталампи, чтобы пріятно провести время съ подружкою, то послѣдній успѣлъ раньше попасть въ объятія подружки. Когда К. увидѣлъ это, онъ схватилъ узду и ударилъ В. по спинѣ. Послѣдній вскинѣлъ и ножемъ нанесъ нѣсколько ранъ противнику въ лицо и шею. Изъ-за этой красотки и прежде уже дрались парни“, добавляетъ газета.

По словамъ газеты „Kansan Ääni“ (1911 г., № 64), однажды „ночью нѣсколько Вайниккаласкихъ парней пришли съ сексуальными намѣреніями къ одному сараю, гдѣ въ это время спали молодыя дѣвки, и потребовали, чтобы тѣ открыли имъ двери. Когда дѣвки отказались исполнить ихъ требованіе, парни стали угрожать, что они выломаютъ двери. Поднятый въ сараѣ шумъ заставилъ сластолюбцевъ удалиться. Тѣ же самые парни въ прошломъ году прославились тѣмъ, что, черезъ образовавшуюся въ стѣнѣ щель, всовывали при помощи лучины въ отведенный для дѣвокъ сарай—свои испражненія (!)“.

Нѣчто въ высшей степени безнравственное представляютъ изъ себя устраиваемые въ деревняхъ, по обычаю, въ праздничные дни „*угловые танцы*“.

Вотъ, что пишутъ о нихъ финляндскія газеты.

Газета „Waasa“ (1912 г., № 26) пишетъ, что вся молодежь деревни Юликюля въ буквальномъ смыслѣ слова болѣетъ „танцовальною горячкою“. Не удовлетворяясь танцами, устраиваемыми по воскресеньямъ въ домѣ мѣстнаго союза молодежи и въ домѣ рабочаго союза, кромѣ праздниковъ, часто и по буднямъ молодежь устраиваетъ еще дважды въ недѣлю такъ называемые „*угловые танцы*“, проводить на которыхъ время она находитъ много болѣе полезнымъ, чѣмъ, напр., за чтеніемъ какого либо беллетристическаго произведенія

*) „Какъ видно, взрослыя дочери доставляютъ финскому крестьянину немало хлопотъ,—пишетъ со словъ финскихъ писателей газета „Россія“ (1910 г., № 1410). Быть взрослой дочерью отцомъ для него—комиссія хуже фамусовской. Дочь крестьянина Малиненъ (см. повѣсть „Kirottua Työta“) спитъ съ кухарками въ клѣти; къ нимъ стремятся на ночь забраться парни. „Малиненъ часто въ полночь выскакиваетъ съ кнутомъ въ рукѣ въ сѣни и во дворъ и не понапрасну: многіе парни уходили съ изрядными рубцами на спинѣ. Малиненъ былъ очень чутокъ во снѣ, и парни не успѣвали еще постучать въ клѣть, какъ получали вознагражденіе“. Малиненъ приказалъ, наконецъ, дочери спать въ избѣ, чтобы грѣха не было. И все-таки онъ не уберегъ дочери отъ „грѣха“ (см. стр. 3, 4, 28).

„Перваго января молодежь деревни Лахинкюля „въ силу традиціоннаго обычая“ рѣшила устроить такъ называемые „угловые танцы“. Парни, собравшись въ предназначенную для этихъ „танцевъ“ избу, отправили нѣсколько человѣкъ заманивать туда же дѣвушекъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ пошли туда съ удовольствіемъ, но въ одной избѣ противъ „танцевъ“ высказались какъ дѣвушки, такъ и родители. Парни, не обращая на это вниманія, схватили одну изъ дѣвушекъ, съ „голыми ногами“, посадили ее въ сани и привезли къ „танцовавшимъ“ товарищамъ“ („Wiipuri“, 1911 г., № 4).

Подобные же танцы были устроены въ Куоксъярви, Хінтольскаго прихода. Что происходило на этихъ „танцахъ“, газета не передаетъ, но объ этомъ можно судить по ея восклицанію: „бѣдная молодежь и бѣдные родители, которые покровительствуютъ и даже сами принимаютъ участіе въ такой вознѣ“ („Karjala“, 1911 г., № 17).

По сообщенію четвертой газеты („Kansan Ääni“, 1911 г., № 58), подобные „угловые танцы“ устроили недавно въ деревнѣ Еухіала пріѣхавшіе изъ Гельсингфорса въ Тайпалсаари землемѣры. По окончаніи „танцевъ“, „интеллигентные гельсингфорцы“ набросились съ ножами на присутствовавшихъ на танцахъ парней, выгнали ихъ прочь, *а дѣвушекъ заперли въ избѣ, гдѣ и провели съ ними ночь*.

Та же газета сообщаетъ (1911 г., № 62), что во всѣхъ деревняхъ Лаппискаго прихода устраиваютъ угловые танцы, причемъ на нихъ приглашаются только тѣ, которые обладаютъ большою физическою силою, очевидно, въ виду постоянно сопровождающихъ эти танцы дракъ

Существуетъ еще въ Финляндіи, такъ называемый, „*танецъ бодуковъ*“.

„Танецъ“ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Становясь въ пару, кавалеръ и дама берутъ другъ друга обѣими руками за талію и прижимаются другъ къ другу лбами; нѣкоторые наиболѣе ловкіе кавалеры ухитряются помѣстить свой носъ въ глазной впадинѣ дамы. Бодая другъ друга, пара вертится, какъ клубокъ.

По словамъ „Työmies“ (1911 г., № 70), на собраніи одного рабочаго союза, 23 марта 1911 года, было категорически постановлено запретить этотъ некрасивый танецъ въ помѣщеніяхъ союза. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ онъ былъ въ употребленіи.

„Всего обиднѣе, говоритъ по этому поводу „Русскій Инвалидъ“ (1911 г., № 80), что, несмотря на такіе перлы, находятся люди, которые, по распущенности языка и отсутствію національнаго чувства, увѣряютъ, что бытъ финляндскаго населенія и красивѣе, и поэтичнѣе, и культурнѣе быта русской деревни! Однако нашъ казачекъ, русская, насколько они выше этой финляндской ловкости кавалеровъ, помѣщающихъ свой носъ въ глазной впадинѣ дамы!“

Давшій картину невысокаго, съ нашей точки зрѣнія, состоянія цѣломудрія у дѣвушекъ въ финской деревнѣ, писатель М. Пухакка, по словамъ „Россіи“ (1910 г., № 1410), не высоко ставитъ и *супружескую вѣрность* финновъ. „Жена для мужа была нужною вещью, въ родѣ, какъ бы молотокъ для сапожника, не болѣе. Когда въ ней не было надобности, она оказывалась въ сторонѣ и была совсѣмъ забытою!... Удивительно ли поэтому, если отецъ семейства или мать начинали предаваться блудливому сожительству внѣ брака, хотя бы всѣ объ этомъ знали!“ (См. „Mila nuorisosenrat ovat vaikuttaneet“, стр. 42, 43).

На только что помянутой почвѣ супружеской невѣрности происходятъ иногда въ Финляндіи довольно характерные случаи, рисующіе намъ какъ нравы населенія, такъ и мѣстные законы.

27 сентября 1909 года въ тавастгусскомъ ратгаузскомъ судѣ мужъ просилъ развода съ женою потому, что „жена предавалась блудливымъ прогулкамъ съ русскими солдатами и даже съѣздила съ однимъ изъ нихъ въ Россію. Жена не отрицала этого, но заявляла лишь, что она не можетъ жить съ такимъ мужемъ, который худо съ нею обращается и даже грозитъ ее убить. Судъ, тѣмъ не менѣе, отказалъ просителю въ разводѣ на томъ основаніи, что по закону обвиненіе въ блудѣ должно быть возбуждено, по крайней мѣрѣ, не позже, чѣмъ черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ факта прелюбодѣянія, а въ данномъ случаѣ факты имѣли мѣсто въ минувшемъ году“ („Kansan Lehti“, 1909 г., № 224).

Крупные города Финляндіи, въ родѣ Гельсингфорса, Таммерфорса и др., въ особенности *стали* въ послѣднее время *выдѣляться по безнрав-*

ственности. „Въ Гельсингфорсѣ проституція процвѣтаетъ въ необычайныхъ размѣрахъ. Тайныхъ увеселительныхъ домовъ — изобиліе. Сверхъ того, безнравственность творится даже въ экипажахъ извоачиковъ: крытые экипажи обращены въ настоящіе притоны разврата. Улицы съ 11 часовъ вечера и до 3 часовъ ночи полны женщинами" („Helsingin Sanomat", 1910 г., № 147). Факты, въ родѣ нижеслѣдующихъ, дополняютъ характеристику общественной нравственности въ Гельсингфорсѣ.

„Одна 17-лѣтняя деревенская дѣвушка пріѣхала погостить къ замужней своей сестрѣ въ Гельсингфорсъ. Знакомый ея сестры пригласилъ дѣвушку погулять съ съ нимъ по городу и двѣ недѣли съ нею „гулялъ"; возилъ по господамъ и получалъ по 5—6 марокъ съ нихъ за пользованіе своею знакомою дѣвушкою" („Uusi Suometar", 1910 г., № 165).

Подобная же исторія разсказывается въ корреспонденціи газеты „Россія" (1910 г., № 1444) изъ Гельсингфорса.

„Въ 1910 г. въ Гельсингфорсѣ на вокзалѣ, по заявленію одного чиновника финляндскаго сената, былъ задержанъ рабочій А., разгуливавшій по перрону съ красивой 17-лѣтней дѣвушкой и предлагавшій прохожимъ „купить" ее за 50 марокъ. Приведенная въ ратушу, вмѣстѣ съ задержаннымъ А., дѣвушка, горько рыдая, повѣдала свою грустную исторію. По ея словамъ, оставшись послѣ смерти матери круглою сиротою, она временно поселилась въ комнатѣ рабочаго А., приходящагося ей дальнимъ родственникомъ. На третьи сутки А., послѣднее время, кромѣ бродяжничества и попрошайничества, ничѣмъ не занимавшійся, явившись домой въ пьяномъ видѣ, пробрался въ ея комнату и, несмотря на ея крики и мольбы, лишилъ ее невинности. Съ этой злополучной ночи жизнь несчастной дѣвушки превратилась въ сплошную пытку. Не довольствуясь уже тѣмъ, что онъ самъ насиловалъ несчастную дѣвушку, А. заставлялъ ее отдаваться и своимъ товарищамъ, которыхъ онъ приводилъ домой, подвергая ее, въ случаѣ отказа, побоямъ и истязаніямъ. Не разъ въ головѣ несчастной мелькала мысль бѣжать, но, опозоренная, не имѣя никого родныхъ, она не рѣшалась покинуть уголъ, доставшійся ей такой цѣной". Привлеченный къ суду А. былъ приговоренъ къ 12 годамъ каторжной тюрьмы и на 5 лѣтъ лишенъ довѣрія гражданъ.

Рабочій С. былъ арестованъ въ Гельсингфорсѣ за то, что „онъ давно уже промышлялъ незаконною продажею крѣпкихъ напитковъ и, кромѣ того, предоставлялъ свою квартиру для блуда" („Uusi Suometar", 1910 г., № 165).

Газета „Työmies" (1911 г., № 175), касаясь наблюдающейся въ Гельсингфорсѣ безнравственности, пишетъ, что „интеллигентные господа въ цилиндрахъ, котелкахъ и студенческихъ фуражкахъ въ ночное время на Эспланадной и Бульварной улицахъ пристаютъ съ „вѣжливыми предложеніями" къ каждой встрѣчающейся женщинѣ. Полиція, по словамъ газеты, не обращаетъ никакого вниманія на это безобразіе".

Въ журналѣ „Fyren" (1912 г., № 49) была описана весьма характерная картинка ночной гельсингфорсской жизни.

Одинъ провинціалъ, „ратманъ Брогренъ", вмѣстѣ съ женою и дочерью „фрекенъ Еленой", пріѣхалъ „освѣжиться въ атмосферѣ столичной жизни". Въ отелѣ, гдѣ они остановились, Брогренъ встрѣтилъ своего стараго знакомаго „нѣмецкаго путешественника". Всей компаніей они отправились въ театръ, потомъ поужинали въ ресторанѣ и въ 1½ часа ночи по эспланадѣ отправились въ отель.

„Ночь была прекрасная, теплая, и пріятно было пройтись. Фрекенъ Елена приходила въ изумленіе отъ оживленнаго движенія, еще продолжавшагося въ городѣ. Мамаша Брогренъ была изъ любопытныхъ и время отъ времени останавливалась передъ оконными выставками. Какъ вѣжливые кавалеры, нѣмецъ и Брогренъ составляли ей компанію. Они всѣ трое погрузились въ созерцаніе прелестей выставки Nordisku.

„Елена прошла, замедляя шаги, нѣсколько впередъ и заглянула въ ночную жизнь. На всѣхъ углахъ стояли господа, только что вышедшіе изъ трактировъ и кабаковъ. Нѣкоторые усердно высматривали кого-то на эспланадѣ, другіе громко смѣялись и болтали, нѣкоторые весело распѣвали и размахивали руками. На другой сторонѣ тротуара два господина поспорили и принялись драться. Медленно приближался къ нимъ полисменъ. Они продолжали тузить другъ друга. Но вотъ полицейскій передъ ними. „Господа, не разрѣшается нарушать тишину. Будьте любезны удалиться". Борцы заключили миръ и завели дружескую бесѣду съ полисменомъ, предложили ему папироску и продолжали, распѣвая вполголоса, свою прогулку вверхъ по улицѣ. Навстрѣчу показалась дама. Въ одно мгновеніе оба господина обхватили ее, и она, смѣясь, очутилась въ ихъ нѣжныхъ объятіяхъ. Елена окаменѣла. Вдругъ она почувствовала, что ее взяли подъ руку, и не вполнѣ трезвый кавалеръ склонился надъ нею: „Нельзя ли проводить малютку домой?" Съ крикомъ вырвалась она отъ него, мамаша Брогренъ поспѣшила къ ней, но моментально сама очутилась въ

крѣпкихъ объятіяхъ.—„Нѣтъ, эта вотъ, такъ совсѣмъ чудесная толстушка",—и пьяные ночные гуляки захохотали во все горло. Мамаша Брогренъ была готова разрыдаться. Но тутъ вмѣшались папа Брогренъ и нѣмецъ, и нарушители тишины обратились въ бѣгство. Въ молчаніи подвигалось общество къ отелю, изумляясь творившемуся въ лучшей части города. Вотъ вдоль тротуара движется господинъ, не переставая размахивать руками и ногами впередъ и вверхъ, совсѣмъ точно эспланада для него гимнастическій залъ. Тамъ группа мужчинъ преслѣдуетъ убѣгающую даму. Тутъ прекрасная нимфа остановила проходившаго господина. Тотъ подозвалъ автомобиль, и они исчезли во мракѣ ночи.

„Вплотную у тротуара стоятъ дрожки передъ какимъ то господиномъ, и слѣдующая бесѣда ведется между нимъ и кучеромъ по фински:—„Не пожелаетъ ли господинъ дѣвченокъ?" — А вы развѣ знаете? — „Найдутся". — А гдѣ же? — „Поѣдемъ и отыщемъ". -Ну, это еще не извѣстно.—„Найдутся и въ Кронохагенѣ, и въ Хегнесѣ".— А сколько за это вамъ слѣдуетъ?—„Пять марокъ". — Согласенъ, но чтобы были хорошенькія, а то ничего не получите. — „Угодно господину совсѣмъ молоденькихъ?".— Какихъ лѣтъ?—„12 лѣтъ"... Конецъ разговора теряется въ шумѣ колесъ дрожекъ и стука подковъ лошади.

„Дамы Брогренъ дрожали, а ратманъ пришелъ въ ярость. Нѣмецъ иронически улыбался.

„У самаго отеля на углу было очень оживленно и весело. Тутъ настоящая „государственная дума" и оживленная людская биржа прямо на глазахъ путешественниковъ, трезвыхъ и приличныхъ, возвращавшихся домой въ отель. При входѣ на Рунебергскую эспланаду, на землѣ сидѣлъ господинъ, безсмысленно устремивъ взоръ впередъ, не будучи въ состояніи подняться. Полицейскіе хотѣли подобрать его, но болѣе трезвые товарищи вмѣшались, и на сей разъ онъ избѣжалъ своей участи. Изъ гостиницы Кемпа вышли стройныя и элегантныя фрекенъ изъ бара. Быстро окружили ихъ мужчины. Наши пріѣзжіе слышали разговоръ: „Отвяжитесь отъ меня, оставьте меня въ покоѣ". Одна изъ нихъ бросилась въ сторону отъ наступавшихъ молодчиковъ. Трезвый господинъ предложилъ ей свою защиту и проводилъ ее до извозчика. И Брогрены увидѣли, какъ она уѣхала. „Слава Богу, прошептала Елена, она счастливо отдѣлалась".

„А вдоль всей эспланады шла пьяная, распутная, ночная жизнь. Ночныя бабочки всѣхъ оттѣнковъ слетались сюда отовсюду, вдругъ появляясь передъ мужчиною и исчезая вмѣстѣ съ нимъ въ темнотѣ. Старыя и молодыя, накрашенныя и разряженныя, некрасивыя и хорошенькія, всѣ находили своихъ жертвъ. И сквозь эту ночь карнавала двигался блюститель порядка спокойно, какъ бы ничего не замѣчая.

„Брогрены съ отвращеніемъ отвернулись отъ этой грязной картины. Они медленно поднимались по лѣстницѣ къ себѣ, слушая сдержанные, но ироническіе вопросы нѣмца о пресловутой культурѣ Финляндіи".

Конечно, это беллетристическій очеркъ, и, можетъ быть, краски въ немъ нѣсколько сгущены, —трудно повѣрить, чтобы на улицахъ Гельсингфорса каждую ночь царилъ такой бэдламъ,—но, тѣмъ не менѣе, это вѣдь и не „сочиненіе" корреспондента изъ „Новаго Времени" или „Свѣта", а описаніе финляндскаго журнала.

При описанныхъ ночныхъ нравахъ, царствующихъ на улицахъ Гельсингфорса, появляться на улицѣ дѣвушкѣ безъ провожатаго весьма опасно.

По словамъ газеты „Työmies" (1912 г., № 180), въ Гельсингфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ въ концѣ 1912 года разбиралось дѣло по обвиненію Л. Ш. въ оскорбленіи нѣкоей не названной по фамиліи дѣвицы. Встрѣтивъ послѣднюю на углу Фабіанской и Александровской улицъ, отвѣтчикъ *приставалъ къ ней съ гнусными предложеніями.* Дѣвица отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Это такъ разсердило отвѣтчика, что онъ *плюнулъ дѣвицѣ въ физіономію, а затѣмъ ударилъ ее по щекѣ палкою.* Характерно, что виновный *оштрафованъ всего на 90 марокъ*, что доказываетъ, какъ дешево въ Финляндіи цѣнится оскорбленіе женщины.

Подобно Гельсингфорсу развратная жизнь процвѣтаетъ и въ другихъ городахъ Финляндіи.

По словамъ газеты „Rajavahti" (1912 г., № 53), *въ городѣ Іоэнсу* крайне сильно развивается развратъ.

„Доказательствъ этому много. Такъ, владѣлица городской гостиницы привлечена за превращеніе своего „дома для пріѣзжающихъ" въ домъ терпимости, къ судебной отвѣтственности. Нѣкій городской домовладѣлецъ открыто занимается сводничествомъ. Полиція, несмотря на всѣ просьбы городскихъ жителей привлечь сводника къ судебной отвѣтственности, бездѣйствуетъ".

Центромъ разврата, по словамъ газеты, является находящееся въ гор. Іоенсу *отдѣленіе сильно распространившейся въ Финляндіи секты „Арміи Спасенія“*. „На собраніяхъ этой секты, кажется, происходитъ *свальный грѣхъ*“.

Между прочимъ, характерны случаи нарушенія общественной нравственности, на соблазнъ обывателямъ, *полицейскими чинами*.

Такъ, въ гор. Ганге одинъ полицейскій во время исполненія обязанностей оставилъ свой постъ и въ общественномъ мѣстѣ *на глазахъ у публики, вмѣстѣ съ какою то женщиною, совершилъ преступленіе противъ нравственности*.

По этому поводу въ газетѣ „Hangö“ появилась статья, выражавшая удивленіе тому, что мѣстный полиціймейстеръ не возбудилъ дѣла противъ этого полицейскаго. Въ виду этого, губернаторъ потребовалъ объясненій у полиціймейстера. Не удовлетворившись ими, губернаторъ препроводилъ бумаги городскому фискалу въ Ганге, который немедленно сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе о возбужденіи дѣла („Abo Underrattelser“, 1910 г., № 201).

„Выборгскій полицейскій К., уволенный вслѣдствіе доноса своего товарища Х. со службы, въ свою очередь обвинилъ доносчика въ безнравственной жизни и противозаконномъ примѣненіи своей полицейской власти Х привлекъ К за клевету къ судебной отвѣтственности. Дѣло 8 разъ разбиралось въ судѣ, и только на 8-й разъ былъ вынесенъ приговоръ, въ которомъ всѣ возводимыя на Х. обвиненія признаны вполнѣ достовѣрными Но, не смотря на это, Х. по какимъ то страннымъ мотивамъ, еще до сихъ поръ не отрѣшенъ отъ должности“ („Työ“, 1911 г., № 73).

„Въ Гельсингфорсѣ одинъ женатый рабочій, вернувшись послѣ работы домой, засталъ свою жену въ компаніи двухъ полицейскихъ. Оскорбленный семьянинъ пригласилъ незванныхъ гостей въ полицію, но тѣ отказались. Когда мужъ обратился за содѣйствіемъ къ дежурному констаблю, послѣдній отказался отъ всякаго участія въ дѣлѣ, въ которомъ были замѣшаны его же товарищи. Тогда мужъ обо всемъ случившемся заявилъ въ участокъ, но тамъ тоже отказались отъ вмѣшательства въ это дѣло на томъ основаніи, что провинившіеся полицейскіе были не въ формѣ, а въ статскомъ костюмѣ“ („Työmies“, 1910 г., № 301).

Слѣдуетъ замѣтить, что пьянство и безнравственные поступки отмѣчаются не только среди низшихъ служителей полиціи.

Въ 1911 году въ Куопіоскомъ ратгаузскомъ судѣ разсматривалось въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ дѣло, возбужденное полиціймейстеромъ города А. Ч. противъ учителя І. Г. О. по обвиненію въ клеветѣ. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ засѣданій городского казначейства отвѣтчикъ выразился въ томъ смыслѣ, что полиціймейстеръ не въ состояніи устранить безнравственность въ городѣ, разъ онъ самъ замѣшанъ въ подобномъ же дѣлѣ. Допросомъ свидѣтелей во время судебнаго разсмотрѣнія дѣла выяснились очень неблагопріятныя для полиціймейстера обстоятельства. „Свидѣтель Иво Т. разсказалъ, что онъ однажды осенью рано утромъ вмѣстѣ съ товарищемъ шелъ на работу въ Савилахти. Около старой спичечной фабрики имъ попался на встрѣчу полиціймейстеръ въ нетрезвомъ видѣ вмѣстѣ съ женщиной, которая была одѣта въ ночное платье У полиціймейстера сюртукъ висѣлъ на одномъ плечѣ. Женщина требовала отъ полиціймейстера платы „за работу“, угрожая позвать полицію. У воротъ ждалъ извозчикъ. Свидѣтель Ааро К., товарищъ предыдущаго свидѣтеля, удостовѣрилъ правильность показанія, присовокупивъ, что онъ отлично знаетъ полиціймейстера въ лицо, такъ какъ жилъ въ одномъ и томъ же домѣ. Свидѣтель Т. Х. показалъ, что онъ въ то же утро видѣлъ, какъ полиціймейстеръ разговаривалъ съ выбѣжавшимъ въ одномъ бѣльѣ мужчиною, который требовалъ чего то отъ полиціймейстера. И тотъ, и другой были въ нетрезвомъ видѣ. Свидѣтельница Х. Н. разсказала объ инцидентѣ съ полиціймейстеромъ, происшедшемъ три года тому назадъ въ мѣстномъ общественномъ клубѣ. Рано утромъ служащіе замѣтили полиціймейстера спавшимъ на диванѣ вмѣстѣ съ буфетчицей Х. Т. въ неприличной позѣ“ („Työmies“, 1911 г., № 137).

Приходится также читать случаи, доказывающіе, что чистота нравовъ не составляетъ привилегіи даже *служителей лютеранской церкви*. Конечно, разоблаченіями въ этой области занимаются газеты преимущественно соціалистической партіи.

Такъ, напримѣръ, газета „Työ“ (1911 г., № 7) разсказываетъ, что въ одномъ изъ приходовъ Нюландской губерніи есть пожилой пасторъ, который, не довольствуясь законной женой, состоитъ въ близкой связи съ другими женщинами. Обыкновенной жертвой своей похоти онъ выбираетъ какую либо изъ дѣвушекъ, посѣщающихъ школу конфирмаціи. Одной изъ этихъ несчастныхъ жертвъ, которая отъ него забеременѣла; онъ предлагалъ денегъ для переселенія въ Америку, но дѣвушка не

согласилась уѣхать, а осталась дома и родила ребенка, котораго задушила, за что, конечно, попала въ тюрьму. „Пасторъ же разгуливаетъ на свободѣ и пользуется почтеніемъ и уваженіемъ своихъ согражданъ“.

Въ 1911 г. въ таммерфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось нѣсколько разъ откладывавшееся дѣло, возбужденное старшимъ пасторомъ (пробстомъ) въ Юлеярви, С противъ газеты „Tampereen Sanomat“ по обвиненію въ оскорбленіи чести. Поводомъ для процесса послужила помѣщенная въ газетѣ статья, обвинявшая пастора въ пьянствѣ и вообще въ порочной жизни.

При разбирательствѣ дѣла одинъ изъ свидѣтелей, К. Л., показалъ, „что когда онъ однажды зашелъ въ ризницу, то увидѣлъ пастора *пьющимъ вино изъ чаши, употребляющейся для причащенія вѣрующихъ*. При приходѣ свидѣтеля пасторъ очень смутился и поставилъ чашу въ сторону. Въ другой разъ пасторъ, получивъ отъ того же свидѣтеля, бывшаго завѣдующимъ винным погребомъ, ключъ отъ погреба, черезъ недѣлю возвратилъ ключъ и съ сокрушеніемъ заявилъ, что нечаянно разбилъ одну двухкановую бутылку вина. Работникъ К нень сообщилъ, что пасторъ С. въ нетрезвомъ видѣ приходилъ въ конфирмаціонную школу. Нѣкто М. указалъ, что пасторъ при причащеніи давалъ народу сперва вино, а потомъ „евхаристическій хлѣбъ“ (надо наоборотъ). Это утверждали многіе другіе свидѣтели“ („Kansan Tahto“,1910 г., № 282)

Далѣе оказалось, что пасторъ бывалъ при исполненіи служебныхъ обязанностей въ нетрезвомъ видѣ и состоялъ въ связи съ нѣсколькими женщинами, которыя и забеременѣли. Показанія многочисленныхъ свидѣтелей, по словамъ корреспондента „Газеты для всѣхъ“ (отъ 9 апрѣля 1911 г.), были столь циничнаго и непристойнаго характера, что не представлялось возможности передавать ихъ дословно. Такъ, дочь одного свидѣтеля, послѣ окончанія конфирмаціонной школы, открыла отцу, что состояла въ интимныхъ сношеніяхъ съ пасторомъ. Другой свидѣтель показалъ, что пасторъ, возвращаясь отъ больного со св. причастіемъ, прикладывался къ бутылкѣ. Молодыя дѣвушки показали, что пасторъ приставалъ къ нимъ съ безстыдными предложеніями и пытался насиловать ихъ въ ризницѣ“.

Несмотря на такія уличающія пастора показанія, судъ призналъ обвиненіе редактора „Tampereen Sanomat“ въ клеветѣ доказаннымъ. Какъ сообщаютъ „Karjala“ (1911 г., № 125), „Aamulehti“ (1911 г., № 124) и другія газеты, послѣ новаго разбирательства этого дѣла, въ маѣ 1911 года. Таммерфорсскій ратгаузскій судъ призналъ, что хотя жалобщикъ и пилъ церковное вино, но не доказано, что онъ употреблялъ его въ теченіе продолжительнаго времени, какъ указывалъ отвѣтчикъ. Поэтому отвѣтчикъ присуждается къ штрафу въ размѣрѣ 150 марокъ и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Обѣ стороны изъявили неудовольствіе рѣшеніемъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что при послѣднемъ разбирательствѣ этого нѣсколько разъ откладывавшагося дѣла жалобщикъ и судъ обошли обвиненія въ безнравственномъ поведеніи, отказавшись отъ допроса свидѣтелей

Въ недавнее время сдѣлалось предметомъ судебнаго разбирательства дѣло домпробста Боргоской эпархіи Э. фонъ-Г., обвинявшагося въ прелюбодѣяніи („Kalewa“, 1910 г., № 301 и друг.).

Одинъ крестьянинъ Б. женился, а спустя три мѣсяца послѣ свадьбы жена покинула его. Узнавъ, что его жена въ іюнѣ 1910 года родила ребенка, Б. потребовалъ развода и привлекъ жену къ суду за прелюбодѣяніе. Сначала жена ссылалась на то, что она была изнасилована русскими солдатами *), но затѣмъ измѣнила свое показаніе и призналась, что отцомъ ребенка является *домпробстъ Э. фонъ-Г.*, съ которымъ она уже давно находилась въ интимныхъ отношеніяхъ. Вымышленная исторія объ изнасилованіи ея русскими солдатами *была выдумана домпробстомъ*, который на бывшемъ наканунѣ разбирательства дѣла тайномъ свиданіи просилъ жену Б. „не измѣнять своего прежняго показанія, обѣщая уплатить всѣ штрафы и, кромѣ того, давать щедрое вспомоществованіе на воспитаніе ребенка“.

По поводу этого дѣла въ газетѣ „Sosialisti“ (1911 г., № 17) находимъ слѣдующія строки: „Всѣ мы помнимъ, какъ извѣстный шведомаскій викингъ Боргоской домпробстъ фонъ-Г. нарушилъ законъ. На самомъ дѣлѣ его преступленіе является весьма значительнымъ. Говорятъ, что онъ *подделалъ церковныя книги*, въ виду чего ему безусловно грозило заключеніе въ карательную тюрьму. Однако извѣстно, что „господъ“, а въ особенности пасторовъ, не особенно охотно арестуютъ. У нихъ вѣдь много хорошихъ друзей. Друзья г. домпробста помогли ему бѣжать изъ края туда, гдѣ рука правосудія уже не коснется его. Г. въ настоящее время удралъ. „Hufvudstadsbladet“ сообщала, что означенный домпробстъ „въ виду одного судебнаго дѣла“ просилъ объ отставкѣ. Теперь „Hufvudstasbladet“ можетъ прибавить, что означенный пробстъ „въ виду одного судебнаго дѣла“ -бѣжалъ изъ края Надо еще замѣтить, что буржуазная печать уже давно знала о бѣгствѣ г. прелата, но ничего не сообщала своимъ читателямъ“

---

*) Это уже не первая попытка сваливать вину за подобныя грязныя дѣянія на русскія войска. Прим. сост.

Вторичное разбирательство дѣла въ Боргоскомъ уѣздномъ судѣ, 10 февраля 1911 г., окончилось для обвиняемаго ничѣмъ: домпробстъ фонъ-Г. былъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности, а судебные расходы возложены на коровницу Б. *) („Nya Pressen", 1911 г., № 32)

Впрочемъ, по свѣдѣніямъ газеты „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 355), домпробстомъ Э. фонъ-Г. подано духовному капитулу прошеніе объ отставкѣ. Прошеніе уважено, а должность объявлена вакантною къ соисканію.

Доказательствомъ сильнаго паденія въ массѣ населенія нравственнаго чувства могутъ служить чрезвычайно часто встрѣчающіеся *случаи изнасилованія* и, въ особенности, *растлѣнія малолѣтнихъ*.

„Въ началѣ 1910 года, по словамъ „Россіи" (1910 г., № 1436), въ Гельсингфорсѣ была найдена убитою на льду близъ Брунсъ-парка 8-лѣтняя дѣвочка. По осмотрѣ оказалось, что она была изнасилована. Фактъ обратилъ на себя вниманіе, и въ мѣстной печати посыпались сообщенія о такихъ изнасилованіяхъ малолѣтнихъ по градамъ и весямъ Финляндіи".

„Обольщеніе малолѣтнихъ дѣвочекъ теперь въ Таммерфорсѣ является обычною темою разговоровъ, писала младофинская „Karjala" (1910 г., № 108). Говорятъ, что въ послѣднее время такихъ случаевъ было много. Позорно для нашего общества и губительно для нашей молодежи и дѣтей, что позволяютъ такимъ героямъ безчинствовать здѣсь свободно".

Въ Гельсингфорсѣ въ одномъ изъ публичныхъ туалетныхъ павильоновъ, при содѣйствіи публики, былъ задержанъ коммиссіонный землемѣръ Нюландской губ. Б. въ то время, когда онъ собирался изнасиловать 10-лѣтнюю дѣвочку, по профессіи продавщицу газетъ. При полицейскомъ дознаніи Б. самъ признался, что онъ *долгое время занимался совращеніемъ малолѣтнихъ дѣвочекъ*. Дѣло передано въ судъ, но Б. оставленъ на свободѣ („Wiipuri", 1910 г., № 199)

Въ томъ же нумерѣ газеты „Wiipuri" говорится, что въ Гельсингфорсѣ изнасилована 4-хъ лѣтняя дѣвочка и затѣмъ оставлена въ лѣсу, гдѣ ее случайно нашли въ полубезсознательномъ состояніи.

По другимъ городамъ Финляндіи также нѣтъ недостатка въ такихъ случаяхъ: въ Улеаборгѣ изнасилована 9-лѣтняя дѣвочка („Helsingin Sanomat", 1910 г., № 77), близъ Сердоболя—8-лѣтняя дѣвочка („Työmies", 1910 г., № 71), въ Ювяскюля учитель школы глухонѣмыхъ насиловалъ малолѣтнихъ ученицъ, въ Каянѣ помѣшали изнасиловать 5-лѣтнюю дѣвочку („Työmies", 1910 г., № 114), въ Раумо *сыновья ректора лицея* насиловали неоднократно 11-лѣтнюю дѣвочку „Буржуазныя газеты умолчали объ этомъ" („Kansan Lehti", 1910 г., № 93). Въ деревнѣ Курика одинъ купецъ пытался изнасиловать четырнадцатилѣтнюю дѣвочку („Työmies", 1910 г., № 290). Крестьянинъ собственникъ въ Тейско совершилъ растлѣніе 8-ми лѣтней дѣвочки, которая находилась на его попеченіи („Pohjanmaa", 1910 г., № 96).

Такія же сообщеній идутъ изъ Куопіо, Лахтиса, Тюрвы, Пелляккалы, Руосніэми, Кюмы, Холлолы, Хейнявеси, Сяминга, Настолы, Теріокъ, Лойма, Форсы и т. д. Въ Форсѣ, малолѣтнюю дѣвочку изнасиловалъ полицейскій („Työmies", 1910 г., № 109), въ Лоймѣ „совращеніемъ малолѣтнихъ дѣвочекъ" занимался управляющій лѣсопильнымъ заводомъ, нѣкій П. („Helsingin Sanomat", 1910 г., № 87).

Въ 1911 году число подобныхъ сообщеній не уменьшилось.

Въ Энонкоски рабочій Н. *изнасиловалъ 4-лѣтнюю дѣвочку, свою ближайшую родственницу*. Изнасилованіе произошло въ избѣ, гдѣ Н., за отсутствіемъ другихъ членовъ семьи, „присматривалъ" за ребенкомъ. Фактъ изнасилованія засвидѣльствованъ Нейшлотскимъ городскимъ врачемъ („Туö", 1911 г., № 71).

„Kansan Tahto" (1911 г., № 156) сообщаетъ о происшедшей въ Іоэнсу попыткѣ изнасилованія 14-лѣтней дѣвочки нѣкіимъ проѣзжимъ землевладѣльцемъ уѣзда Когда дѣвочка добровольно не соглашалась на гнусное предложеніе, онъ сталъ предлагать ей 100 марокъ и увѣрялъ, что *имѣлъ ранѣе подобныя сношенія даже съ 8-лѣтними*. На крики дѣвочки прибѣжалъ спавшій въ кухнѣ мужчина, который, такимъ образомъ, предотвратилъ изнасилованіе.

*) Характерный образчикъ справедливости политиканствующаго финляндскаго суда. Только что передъ тѣмъ нашумѣло дѣло вновь назначеннаго начальника таможни фонъ-К., у котораго, будто бы, оказался незаконный ребенокъ, записанный имъ на свою жену Этотъ фонъ-К. служилъ раньше въ Канцеляріи Генералъ Губернатора и былъ чуждъ финляндскаго „патріотизма" Поэтому онъ былъ тотчасъ же арестованъ, быстро было назначено экстренное засѣданіе суда, который и присудилъ фонъ-К. къ годичному тюремному заключенію Лишь при новомъ разбирательствѣ дѣла совершенно ни въ чемъ не виновный фонъ-К былъ оправданъ. Между тѣмъ фонъ-Г., который прижилъ ребенка съ замужней женщиной и записалъ его на имя мужа, судъ оправдалъ сразу. Прим. соет.

Проживающій въ Лауритсала 40-лѣтній женатый рабочій С. пытался изнасиловать одну служащую на Лауритсамскомъ заводѣ 16-лѣтнюю дѣвушку („Туö", 1911 г., № 139).

Газета „Työmies" (1911 г., № 130) пишетъ, что какой то *страдавшій венерическою болѣзнью мужчина изнасиловалъ и заразилъ одну проживающую въ Алапяя 15 лѣтнюю дѣвушку*

Газета „Helsingin Sanomat", (1911 г., № 147) пишетъ, что на пароходѣ „Sven Dufva" изнасилована какая то полоумная дѣвочка. Другой случай изнасилованія, какъ сообщаетъ газета „Aamulehti" (1911 г., № 143), произошелъ въ деревнѣ Муураме Изнасилованной 15 лѣтъ

По словамъ „Aamulehti" (1911 г., № 90), въ селѣ Лауккала недавно изнасилована *пятилѣтняя дѣвочка*.

Въ 1911 г., Судебный Департаментъ, по словамъ „Suomalainen Kansa" (1911 г., № 94), утвердилъ приговоръ Абоскаго гофгерихта по дѣлу музыканта Г., изнасиловавшаго *трехъ малолѣтнихъ дѣвочекъ*.

Въ Борго арестованъ не имѣющій опредѣленныхъ занятій Эйнаръ С., изнасиловавшій *четырехлѣтнюю дѣвочку* („Финляндская Газета", 1911 г., № 117).

„Rajavahti" (1911 г., № 74) разсказываетъ, что ленсманомъ Піэлавесискаго округа арестованъ *82 лѣтній* Адамъ Х., подозрѣваемый *въ изнасилованіи 8-лѣтней дочери своего брата*. „Во время дознанія выяснились такіе отвратительные факты, что ихъ нельзя передать въ печати".

Газета „Туö" (1911 г., № 187) разсказываетъ, что „въ Керавѣ нѣкій рабочій взялъ на руки изъ среды играющихъ дѣтей 5-лѣтнюю дѣвочку, а остальнымъ дѣтямъ далъ деньги, посылая ихъ за сластями. Затѣмъ онъ пустился бѣжать съ дѣвочкой въ лѣсъ. Но дѣти подняли тревогу. На ихъ крики прибѣжали родители. Рабочій былъ задержанъ".

Газета „Rajavahti" (1911 г., № 91) пишетъ, что „капельмейстеръ В. Т. въ Іоэнсу заманилъ въ особый кабинетъ гостинницы 7-лѣтнюю дѣвочку и пытался тамъ изнасиловать ее. На крики дѣвочки прибѣжалъ отецъ, который спасъ дочь изъ когтей насильника. Послѣдній былъ доставленъ въ участокъ, но полиція отказалась допросить его на томъ основаніи, что онъ, будто бы, пьянъ. Попеченіе полиціи о преступникѣ, пишетъ съ ироніей газета, дошло до того, что старшій констабль Н. посѣтилъ Т. въ его помѣщеніи, гдѣ они вмѣстѣ опорожнили четыре бутылки пива. Этимъ и кончился допросъ. Дѣло передано суду". По словамъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 195), 1. неудачно пытался совершить самоубійство.

Газета „Туö" (1911 г., № 224) сообщаетъ, что „въ Войккѣ недавно арестована супружеская чета Л., которую обвиняютъ въ томъ, что она на Кайсалаской ярмаркѣ *продавала свою 14-лѣтнюю дочь* для безнравственныхъ цѣлей".

Та же газета (1911 г., № 175) пишетъ, что „года два тому назадъ нѣкій земледѣлецъ села Кауккуярви *изнасиловалъ 15-лѣтнюю дочь*, которая затѣмъ родила ребенка. Исторія надѣлала много шума, но преступленіе осталось безнаказаннымъ. Газета увѣряетъ, что отецъ продолжаетъ и по сіе время плотскую связь съ дочерью и съ женою".

Въ той же газетѣ (1912 г., № 53) читаемъ, что какая то не названная по фамиліи живущая въ деревнѣ Похіола *13-лѣтняя дѣвочка родила ребенка*. Отцомъ послѣдняго, по слухамъ, является нѣкій живущій по сосѣдству съ дѣвочкою мальчикъ.

Старофинская газета „Uusi Suometar" (1912 г., № 68) сообщаетъ, что въ Боргоскомъ ратгаузскомъ судѣ недавно разбиралось дѣло по обвиненію рабочаго И. С. *въ изнасилованіи* какой то, не названной по фамиліи, *4-хъ лѣтней дѣвочки*. Дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ.

По словамъ „Abo Underrättelser", „Таммерфорсской полиціей арестованъ рабочій Б., который, какъ доказано, находился уже долгое время въ преступныхъ сношеніяхъ со своей 14-тилѣтней дочерью. Жена Б. умерла недѣли двѣ тому назадъ, но сношенія отца съ дочерью происходили какъ до, такъ и послѣ смерти матери. Б. 50 лѣтъ отъ роду" („Финляндская Газета", 1911 г., № 100).

Объ изнасилованіи взрослыхъ женщинъ мы уже не говоримъ — они отмѣчаются ежедневно, причемъ нерѣдко совершаются скопомъ.

Такъ, старофинская „Uusi Suometar" (1911 г., № 105) разсказываетъ о возмутительномъ случаѣ изнасилованія въ селѣ Копсала прихода Хійтола. „Въ торпу нѣкоего Микко Х. явились надняхъ въ ночное время шестеро извѣстныхъ въ мѣстности своимъ дурнымъ поведеніемъ мужчинъ. Въ торпѣ находился торпарь съ семьей, рабочій Т. и его нареченная невѣста. Мужчины ворвались въ избу и подняли на ноги всѣхъ спавшихъ. Руководитель шайки схватилъ невѣсту и выволокъ ее на дворъ. Оттуда ее понесли въ баню, гдѣ всѣ *шестеро поочередно насиловали ее*. Одинъ изъ участниковъ все время караулилъ въ дверяхъ, угрожая револьверомъ всѣмъ приближавшимся, а другой держалъ финскій ножъ надъ лицомъ женщины, мѣшая ей сопротивляться".

Газета „Työmies" (1911 г., № 187) пишетъ, что вблизи Нейшлота недавно *изнасилована тремя мужчинами* какая то слабоумная женщина.

По словамъ газеты „Туö" (1912 г., № 119), въ Гельсингфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію владѣлицы одного пансіоната С. Н. въ сводничествѣ. „Допросъ свидѣтелей вполнѣ подтвердилъ справедливость предъявленнаго отвѣтчицѣ обвиненія. Особенно интересными являются показанія бывшей у госпожи Н. въ услуженіи дѣвицы Эльсы Т. По словамъ послѣдней, въ пансіонатъ всегда при-

ходило очень много *интеллигенціи*, которая тамъ пьянствовала и „забавлялась“ съ дѣвицами. Однажды хозяйка завила свидѣтельницу, одѣла въ роскошный костюмъ и затѣмъ отправила ее съ чаемъ, кофе и бутылкой коньяку въ одну занятую *шестью интеллигентными мужчинами* (1 изъ Выборга и 5 гельсингфорсскихъ) комнату. Въ моментъ прихода дѣвицы въ номеръ, всѣ мужчины были уже пьяны. Раздѣвъ Эльсу Т. до гола, мужчины повалили ее на кровать, послѣ чего четверо стали держать ее за руки и ноги, а одинъ насиловать. Перваго замѣнилъ второй, второго — третій и такъ далѣе, *пока дѣвицу не изнасиловали всѣ*. Изъ номера мужчины выпустили Т. только въ первомъ часу ночи. На слѣдующее утро, какъ сообщила свидѣтельница, жившая въ пансіонатѣ проститутка Айно Л., хозяйка получила отъ мужчинъ за „устройство дѣла“ толстую пачку кредитныхъ билетовъ“.

Газета „Туö“ (1911 г., № 168) разсказываетъ, что „въ Кивинебѣ нѣкая старуха недавно подверглась грубому насилію со стороны извѣстнаго жителямъ мужчины. Старуху пришлось доставить врачу“.

Газета „Kansan Tahto“ (1912 г., № 52) пишетъ, что какой то Куйваніемискій крестьянинъ имѣетъ обыкновеніе, особенно когда бываетъ въ нетрезвомъ видѣ, приставать къ женамъ своихъ односельчанъ. Если попавшаяся крестьянину въ моментъ его страстнаго порыва женщина не отдается ему добровольно, онъ примѣняетъ насиліе.

Интересно, что въ подобномъ преступленіи по словамъ газеты „Työmies“ (1911 г., № 67), недавно попался извѣстный *младофинскій агитаторъ* В. Н., который пытался изнасиловать беззащитную дѣвушку, находившуюся со своей малолѣтнею подругою въ торпѣ вблизи села Типасъоя, прихода Соткамо. „Въ торпѣ находились только упомянутыя двѣ дѣвушки 10 и 16-лѣтняго возраста. Попытка, однако, не удалась, ибо десятилѣтняя дѣвочка подняла шумъ и стала бить Н. полѣномъ. На крики прибѣжали прибывшіе съ нимъ на лошади два товарища. Впослѣдствіи отецъ Н. предложилъ родителямъ дѣвушки 175 марокъ, чтобы они не возбуждали дѣла. Коронный ленсманъ, однако, не счелъ возможнымъ оставить дѣло безъ послѣдствій и привлекаетъ Н. къ законной отвѣтственности“.

Газетами сообщается также о случаяхъ *скотоложества*.

Газета „Sosialisti“ (1910 г., № 294) пишетъ: „въ Ояккала одинъ мужчина былъ замѣченъ своими сосѣдями въ хлѣву *совокупляющимся съ коровою*. Скотоложникъ женатъ и его жена просила всю деревню закрывать на замокъ свои помѣщенія для скота“.

По словамъ „Työmies“ (1911 г., № 191), „въ селѣ Вехко прихода Мультіа въ ночное время арестованъ по обвиненію *въ скотоложествѣ* нѣкій Т. В. Преступникъ согласился уплатить владѣльцу скота 200 марокъ отступныхъ“ и т. д.

Паденіе нравовъ въ Финляндіи привлекло даже вниманіе Сейма, который, по словамъ газеты „Suomalainen Kansa“ (1910 г., № 272), ходатайствовалъ объ ассигнованіи 50.000 марокъ на развитіе организацій по борьбѣ съ безнравственностью въ Гельсингфорсѣ и другихъ городахъ Финляндіи. Сенатъ по этому дѣлу сдѣлалъ запросъ Медицинскому Управленію, которое отвѣтило, что за послѣднее время въ Финляндіи началась энергичная дѣятельность въ пользу развитія общаго нравственнаго и умственнаго уровня населенія. Препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ была де проституція. Для уничтоженія ея были учреждены общества, которыя до настоящаго времени содержались только на счетъ общественной благотворительности и мѣстныхъ общинъ. Признавая дѣятельность этихъ обществъ весьма полезной, Медицинское Управленіе находитъ желательнымъ удовлетворить ходатайство Сейма.

На состоявшемся въ г. Таммерфорсѣ собраніи было прочитано поданное нѣкоторыми изъ депутатовъ въ Сеймъ прошеніе „объ увеличеніи наказанія за преступленія противъ нравственности въ отношеніи малолѣтнихъ“ (т. е. объ измѣненіи § 4 главы 25 Уголовнаго Уложенія въ смыслѣ назначенія болѣе строгаго наказанія). Въ цѣляхъ поддержанія этого прошенія и въ виду того, что Сеймъ предполагаетъ приступить къ разсмотрѣнію этого прошенія лишь по обсужденіи другихъ, по мнѣнію собранія, менѣе важныхъ вопросовъ, собраніе поручило двумъ лицамъ обратиться въ Сеймъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы вопросъ объ увеличеніи наказанія за преступленія противъ нравственности въ отношеніи малолѣтнихъ былъ разсмотрѣнъ Сеймомъ въ самомъ непродолжительномъ времени („Aamulehti“, 1911 г., № 101) *).

*) Заботы Сейма Финляндіи объ усиленіи отвѣтственности за преступленія противъ нравственности какъ то не вяжутся съ возбужденнымъ на Сеймѣ 1912 г. вопросомъ

Паденіемъ нравственности можно объяснить успѣхъ *лекцій по половому вопросу* доктора Таннера, для прекращенія которыхъ потребовалось вмѣшательство высшей власти въ краѣ — Генералъ-Губернатора.

„Генералъ-Губернаторъ въ своемъ отношеніи къ Сенату заявилъ, что, на основаніи §§ 6 и 8 инструкціи губернаторамъ, Нюландскій губернаторъ запретилъ доктору Таннеру въ предѣлахъ Нюландской губерніи читать лекціи по половому вопросу. Это запрещеніе все же не остановило доктора Таннера, ибо онъ, выѣхавъ изъ Нюландской губерніи, продолжалъ свои лекціи въ другихъ губерніяхъ, вездѣ вызывая всеобщее возмущеніе. Изъ этого можно заключить, что докторъ Таннеръ не позаботился даже изложить свои лекціи въ научной формѣ, а знакомилъ своихъ слушателей съ половымъ вопросомъ въ неприличныхъ выраженіяхъ, склонялъ ихъ къ разнузданности, разрушая тѣ нравственныя начала, на которыхъ зиждется семья. Генералъ-Губернаторъ, не находя возможнымъ допустить дальнѣйшее чтеніе этихъ *безнравственныхъ лекцій*, предложилъ Сенату разсмотрѣть это дѣло и послать губернаторамъ соотвѣтствующія приказанія“ („Uusi Suometar“, 1910 г., № 250).

Тотъ же д-ръ Таннеръ выпустилъ брошюры по половому вопросу. „По распоряженію Сената, дѣло о распространеніи д-ромъ Таннеромъ безнравственныхъ брошюръ было разсмотрѣно въ мѣстномъ городскомъ судѣ. Обвинитель, городской фискалъ Альбрехтъ, въ своемъ отзывѣ находилъ, что помянутыя брошюры по половому вопросу являются оскорбляющими общественную нравственность, такъ какъ онѣ возбуждаютъ безнравственныя вожделѣнія. Д-ръ Таннеръ представилъ письменное возраженіе, въ которомъ объяснялъ цѣль брошюры и не находилъ ее безнравственной, а потому требовалъ оправданія и возмѣщенія убытковъ. Судъ постановилъ, что цѣль выпущенной обвиняемымъ брошюры какъ по содержанію, такъ и по своей цѣли, была доставленіе автору матеріальныхъ доходовъ, а посему приговорилъ Таннера, на основаніи гл. 20 § 14 Угол. Улож., къ 500 мар. штрафа или 60 днямъ тюремнаго заключенія. Конфискованныя брошюры постановлено уничтожить. Таннеръ остался недоволенъ постановленіемъ суда и обжаловалъ его“ („Suomalainen Kansa“, 1911 г., № 130).

Слѣдствіемъ паденія нравовъ является ослабленіе чувства стыдливости, доказательствомъ чего могутъ служить случаи появленія въ публичныхъ мѣстахъ *голыхъ людей*.

Подъ заглавіемъ „Въ костюмахъ Адама“ шведоманская газета „Hufvudstadsbladet“ *) въ 1911 году приводила слѣдующіе случаи: „Въ Ивановъ день и ст. подошедшій къ Коттбюской платформѣ мѣстный поѣздъ изъ Гельсингфорса былъ встрѣченъ двумя молодыми мужчинами „въ костюмахъ Адама“, которые махали издали своими носовыми платками пассажирамъ. Примѣры заразительны, и во вторникъ, 27-го іюня н. ст. среди бѣлаго дня у Сернеской аптеки расхаживалъ совершенно голымъ какой-то мужчина. Причиною оригинальнаго туалета была не жара и не стремленія реформировать современный костюмъ, а какъ того и слѣдовало ожидать — водка. Наканунѣ же этого дня, 26-го іюня, на крышѣ одного дома по набережной около Ссудо-Сберегательной кассы можно было видѣть мать и дочь, принимающихъ солнечную ванну, въ костюмахъ прародительницы Евы до грѣхопаденія“.

Въ 1912 году въ той же газетѣ (№ 194) была помѣщена слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ „Наши нравы“: „Въ воскресенье, гулявшіе вдоль живописной дороги отъ моста черезъ р. Ванду въ Старомъ городѣ къ прелестному Лильфорсу, могли убѣдиться, какъ *все болѣе грубѣютъ нравы нашего населенія*. На открытомъ воздухѣ сидѣли, *лежали и прогуливались до трехсотъ совершенно нагихъ людей обоего пола*. Женщины еще старались нѣсколько прикрыться, но мужчины, повидимому, находили совершенно естественнымъ пребываніе въ первобытномъ райскомъ видѣ въ двадцатомъ столѣтіи. Нагіе мужчины и женщины возлежали на землѣ. Нѣкоторые мужчины занимались карточною игрою. Когда появились изъ Стараго города два констабля, совершавшіе обходъ, карты были припрятаны, но тотчасъ пущены въ ходъ по удаленіи полиціи, которая все же конфисковала нѣсколько колодъ картъ и предупредила, что карточная игра не допускается, особливо въ воскресенье. Большинство не стѣснявшихся въ одеждѣ лицъ составляли рабочіе и работницы изъ города. Полиція, по словамъ газеты, нашла даже желательнымъ издать въ подлежащемъ порядкѣ воспрещеніе столь неприличнаго поведенія, подъ угрозою штрафа, и опубликовать воспрещеніе посредствомъ выставленныхъ объявленій въ названной мѣстности, по красотѣ своей достойной посѣщенія туристовъ, а между тѣмъ предоставленной произволу дикости нравовъ“.

объ ослабленіи наказанія за дѣтоубійство и даже совершенномъ освобожденіи отъ наказанія за вытравленіе плода въ теченіе первыхъ 3 мѣсяцевъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда незамужняя женщина, вступая въ связь съ мужчиною, *не разсчитывала имѣть отъ этой связи плода*. Высказываясь, такимъ образомъ, за полную безнаказанность вытравленія плода, члены Сейма, правда, только соціалъ-демократической партіи, выставляли себя сторонниками полной нравственной распущенности. Какія же мѣры противъ безнравственности могутъ выработать подобные члены Сейма? Прим. сост.

*) См. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 96

Слѣдуетъ еще отмѣтить и то обстоятельство, что въ баняхъ въ Финляндіи мужчинъ *моютъ женщины*. Это также способствуетъ паденію чувства стыдливости и развитію разврата.

Въ связи съ паденіемъ нравственности въ Финляндіи замѣчается *развитіе венерическихъ болѣзней* во всѣхъ слояхъ общества.

Какъ видно изъ оффиціальной городской статистики гор. Гельсингфорса за 1910 г., среди бывшихъ въ 1910 г. заболѣваній одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ *заболѣванія венерическими болѣзнями*. Ихъ отмѣчено было 2.112. Изъ нихъ *сифилисомъ*—179, гонорреей—1.815 и шанкеромъ—118. Противъ послѣднихъ лѣтъ замѣчается уменьшеніе заболѣваній этого рода. Такъ, въ 1895 г. зарегистрировано было на 100 чел.- 14 6 случаевъ, въ 1900 г.—7,3, въ 1901 г.—15,7, въ 1902 г.—18,4, въ 1903 г.—21,7, въ 1904 г.—19,8, въ 1905 г.—23,4, въ 1906 г.—22,2, въ 1907 г.—19,5, въ 1908 г.—16,5, въ 1909 г.—17,0 и въ 1910, отчетномъ, году- 14,6.

Большая часть заболѣваній венерическими болѣзнями пришлась на долю людей въ возрастѣ 20—30 лѣтъ, но встрѣчаются и дѣти. Слѣдующая таблица указываетъ на возрастъ заболѣваній и подраздѣленіе ихъ по полу.

	Мужчинъ:	Женщинъ:	Всего:	% со всего числа заболѣвшихъ:
Моложе 5 лѣтъ	1	12	13	0,6
Отъ 5—10 лѣтъ	—	5	5	0 2
„ 10—15 „		6	6	0,3
„ 15 20 „	113	200	313	14,9
„ 20—30 „	870	453	1.323	63,0
„ 30—40 „	227	115	342	16,3
Свыше 40 „	67	31	98	4,7

На долю мужского населенія пришлось всего 1.278 случаевъ, а женскаго 822. Изъ мужского населенія холостыхъ заболѣло 1.034 или 80,9% всѣхъ заболѣвшихъ, женатыхъ—55 или 4,3%; незамужнихъ женщинъ заболѣло—789 или 96,0%, замужнихъ же 19 или 2 3%. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что *сифилисомъ заболѣло болѣе всего людей женатыхъ и, въ особенности, замужнихъ*.

По общественному положенію и занятіямъ заболѣвшіе подраздѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Мужчинъ	Женщинъ	Всего.
Высшій классъ.	228	6	234
Студенты	165	—	165
Воспит. средн. и низш. учебн. зав. . .	15	3	18
Средній классъ	285	41	326
Ремесленники	108	47	155
Фабричные рабочіе	85	55	140
Остальные рабочіе	378	81	459
Военные	8	—	8
Служ. въ ресторанахъ и кофейняхъ. .	7	19	26
Домашн. прислуга	—	122	122
Проститутки *).	—	447	447

Заслуживаютъ особаго вниманія заболѣванія венерическими болѣзнями среди ресторанной и домашней прислуги, въ особенности послѣднія.

Всѣ эти цифровыя данныя достаточно говорятъ о нравахъ „культурной столицы" Финляндіи, съ которой беретъ примѣръ и вся остальная страна.

*) По словамъ „Финляндской Газеты" (1912 г., № 88), приводящей эти цифры, является непонятнымъ наименованіе „проститутки", „потому, что въ Финляндіи регламентаціи проституціи не существуетъ, и занимающіяся ею строго преслѣдуются".

Глава вторая.—Школа.

1. Общія замѣчанія.

Народное просвѣщеніе въ Финляндіи стоитъ на значительной высотѣ. Доказательствомъ этому могутъ служить большія, сравнительно, суммы, ассигнуемыя финляндскою казной на просвѣтительныя цѣли. Такъ, по бюджету на 1910 г. на этотъ предметъ было ассигновано 16.871 т. мар., или 12,4% общей суммы ординарныхъ расходовъ (136.594 т. мар.) *), въ то время, какъ по имперскому бюджету на просвѣщеніе, науки и искусства въ томъ же 1910 г. было ассигновано 124.989 т. руб., что составляетъ всего 5% всего бюджета (2.504 милл. руб.) или, если отбросить оборотные расходы казенныхъ операцій, 7,2% всѣхъ остальныхъ расходовъ **). Слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что въ Финляндіи многіе расходы по содержанію низшихъ школъ падаютъ, какъ мы дальше увидимъ, на мѣстныя общины и что въ краѣ существуетъ очень много среднихъ школъ, содержимыхъ частными лицами и получающихъ лишь казенную субсидію. Изъ этого можно заключить, что Финляндія расходуетъ на свои школы очень большія, сравнительно, суммы.

Самое школьное дѣло поставлено у финляндцевъ хорошо и умѣло, по образцу Западной Европы. Все, что необходимо для лучшаго обученія и положенія учащагося ими введено и сдѣлано; они гордятся своими школами, а въ селеніяхъ школьныя зданія служатъ предметомъ особой заботливости. Во многихъ школахъ въ Финляндіи введено совмѣстное обученіе — мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ школахъ особенно выдѣляется показательная и практическая сторона обученія: прекрасные карты, рисунки, чертежи, модели, физическіе, зоологическіе и другіе кабинеты и т. п. Дѣти учатся много, но въ теченіе дня бываютъ перерывы для завтрака и обѣда; уроки готовятъ большею частью въ школѣ по вечерамъ. Много времени удѣляютъ въ школѣ практической сторонѣ жизни будущихъ финляндскихъ гражданъ. Вообще молодое поколѣніе пользуется въ Финляндіи большою заботливостью, и въ городахъ много дѣлается для физическаго развитія молодежи.

Несмотря, однако, на такую блестящую постановку школьнаго дѣла, и въ этой области у финляндцевъ есть много тѣневыхъ сторонъ, доказывающихъ молодость и поверхностность финляндской культуры. Прежде всего, въ Финляндіи пока еще было слишкомъ недостаточно школъ, чтобы говорить о всеобщемъ обученіи, и послѣднее можетъ имѣть мѣсто лишь въ городахъ. Почти поголовная грамотность населенія объясняется, главнымъ образомъ, дѣятельностью протестанскаго духовенства, что видно изъ того, что 60% грамотныхъ не умѣютъ писать, и ихъ образованіе, полученное на пасторскихъ урокахъ, ограничивается лишь умѣніемъ читать библію,

*) См. Статистическій Ежегодникъ Финляндіи 1911 г., стр. 497.

**) См. „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли", 1910 г., № 8. Прилож., стр. 14 и 15.

катехизисъ и вообще церковныя книги, безъ чего нельзя конфирмоваться, а слѣдовательно вступить въ бракъ, получить пасторское свидѣтельство о поведеніи и проч. Легко себѣ представить, насколько большая часть этихъ „грамотныхъ“ можетъ быть въ дѣйствительности названа такимъ именемъ.

По этому поводу извѣстный Снельманъ въ свое время писалъ: „хваленая грамотность финскаго крестьянина ограничивается умѣніемъ читать катехизисъ да псалтирь; чтеніе библіи идетъ уже туго и сопровождается запинками чуть ли не на каждомъ словѣ. Читаютъ въ большинствѣ случаевъ механически, совершенно не понимая смысла прочитаннаго“. Другой финляндскій дѣятель У. Сигнеусъ по тому же поводу писалъ, что „читать умѣютъ, за рѣдкими исключеніями, всѣ, но это чтеніе совершенно механическое; только очень немногіе могутъ разсказать прочитанное“ *).

Лишь 40% населенія могутъ называться дѣйствительно грамотными, т. е. умѣющими читать и писать, что большею частью является результатомъ пребыванія въ школѣ.

Число народныхъ школъ въ Финляндіи, дѣйствительно, ежегодно растетъ, и съ 1908—1909 учебнаго года, какъ видно изъ „Статистическаго Ежегодника Финляндіи“, изд. 1911 г. (стр. 402—407), уже нѣтъ ни одной сельской общины безъ высшаго народнаго училища, число которыхъ въ сельскихъ общинахъ въ 1909—10 учебномъ году достигло 2796. Кромѣ того, имѣется (по свѣдѣніямъ за 1908-9 уч. г.) 1682 дѣтскихъ школъ.

Конечно, подобное развитіе школьной сѣти требуетъ большихъ расходовъ, часть которыхъ падаетъ на мѣстныя общинныя кассы.

„Въ своемъ стремленіи постепенно довести число народныхъ школъ въ сельскихъ мѣстностяхъ края до такого числа, при которомъ можно было бы считать осуществленнымъ всеобщее обученіе, финляндскія школьныя власти, главнымъ образомъ въ лицѣ инспекторовъ народныхъ школъ, энергично добиваются раздѣленія каждой сельской общины на возможно большее число школьныхъ округовъ. Каждый школьный округъ въ пространственномъ отношеніи долженъ быть такихъ небольшихъ размѣровъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста въ данномъ округѣ могли безъ труда посѣщать свою школу. Это, конечно, согласуется съ интересами населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ населенію далеко не по уму то обстоятельство, что ему же самому надо принимать большое участіе и въ содержаніи всѣхъ этихъ школъ: надо построить школьныя помѣщенія, содержать ихъ въ порядкѣ, отоплять, выдавать, кромѣ того, дополнительное вознагражденіе учащему персоналу и пр. На все нужно отпускать деньги изъ своей общинной кассы; и чѣмъ больше школъ, тѣмъ больше общинныхъ денегъ уплываетъ на нихъ, тѣмъ больше податей приходится населенію платить на пополненіе опустошенной кассы“ **).

Газета „Россія“ (1910 г., № 1443), со словъ финляндскихъ газетъ, сообщала, что „въ 1889 году сельскими общинами на школы было израсходовано 607.677 марокъ, т. е. приблизительно 1/6 часть всей суммы расхода; въ 1907 году на школы ими расходовалось уже 4.164.162 марки, т. е. почти 1/2 всего расхода („Rajavahti“, 1910 г., № 82). Казна въ 1901 году на школы отпустила 3.000.000 марокъ, а въ 1909 году — 8.000.000 марокъ. („Uusi Suometar“, 1910 г., № 172). Наиболѣе должаютъ общины *Выборгской губерніи, потому что власти болѣе всего заставляютъ строить школы именно въ этой губерніи, какъ болѣе всего подверженной русскому вліянію.* Поэтому-то и народная школа въ этой губерніи должна быть не столько общеобразовательнымъ учрежденіемъ, сколько *боевымъ націоналистически-политическимъ орудіемъ борьбы съ русскимъ вліяніемъ.*

*) Д. Протопоповъ, „Финляндія“, 1898 г., стр. 337.
**) „Финляндская Газета“, 1912 г., № 83

„Въ 1906 году сельскія общины Выборгской губерніи были должны 2.310,879 марокъ, при общей суммѣ долга сельскихъ общинъ всей Финляндіи въ этомъ году 12.683.817 марокъ („Raja-Karjala“, 1909 г., № 80.) И сельскія общины Выборгской губерніи продолжаютъ увеличивать свои долги. Такъ, въ нынѣшнемъ (1910) году Іоганнесская община постановила взять въ долгъ у общества Суоми 75.006 марокъ „на народныя школы“ („Karjala“, 1910 г., № 114). Имбилахтинская община проситъ въ долгъ у казны на школы же 79.605 марокъ („Rajavahti“, 1910 г., № 82). Шуйстамская община должна тратить на свои школы 72 проц. всего своего бюджета („Laatokka“, 1909 г., № 60)“.

Между тѣмъ община имѣетъ и другія нужды, кромѣ школьныхъ; и денегъ на удовлетвореніе ихъ не хватаетъ, такъ что приходится должать и должать и, конечно, увеличивать взимаемыя съ населенія общинныя подати.

Подобное положеніе нерѣдко вызываетъ неудовольствіе населенія и порождаетъ борьбу противъ увеличенія числа школъ.

По удостовѣренію „Финляндской Газеты“ (1912 г., № 83), „обычно на общинномъ собраніи населеніе протестуетъ противъ увеличенія школъ въ своей общинѣ; школьный инспекторъ или лица изъ мѣстной интеллигенціи, содѣйствующія инспектору, обращаются въ губернское правленіе съ обжалованіемъ такого протеста, и губернское правленіе всегда принимаетъ сторону инспектора, заставляя общину, подъ угрозою штрафа въ нѣсколько сотенъ марокъ, соглашаться на требованіе школьныхъ властей. И община, уступая силѣ, ваваливаетъ такимъ образомъ на плечи себѣ новую школу, и часто, не имѣя наличныхъ денегъ, дѣлаетъ заемъ извнѣ“.

Протесты населенія выражаются иногда въ томъ, что населеніе отказывается посылать своихъ дѣтей въ школы. Такое настроеніе обнаружилось, напр., среди населенія Якимвараскаго прихода, Выборгской губерніи.

По этому поводу была помѣщена статья въ „Dagens Tidning“ (см. „Финляндскую Газету“, 1912 г., № 88).

„Замѣчательнымъ выраженіемъ культурнаго ослѣпленія является, по мнѣнію „Dagens Tidning“, распространяющееся въ настоящее время по Якимвараскому приходу, Выборгской губерніи, движеніе, являющееся, по словамъ газеты, сильной агитаціей среди коренного финскаго населенія *противъ народныхъ школъ* (курсивъ подлинника). Причиной этому послужилъ, по слухамъ, нѣсколько увеличившійся общинный налогъ на постройку новыхъ народныхъ школъ. Агитація приняла такіе размѣры, что она можетъ вызвать общую забастовку, т. е. соглашеніе среди родителей не посылать больше дѣтей своихъ въ школы, чтобы этимъ избѣгнуть матеріальнаго бремени, налагаемаго на нихъ существованіемъ и развитіемъ народнаго просвѣщенія въ ихъ общинѣ. Газета „Karjala“ передаетъ даже про собранія хозяевъ съ чисто насильственнымъ намѣреніемъ, на которыхъ приверженцы просвѣщенія были очень просто выгнаны вонъ, а прочіе — съ какимъ-то бывшимъ лицеистомъ въ качествѣ секретаря—рѣшили сообщить засѣдателю общиннаго управленія, что 1-го наступающаго августа никто изъ дѣтей ихъ не явится больше для полученія образованія въ школахъ общины“.

По словамъ „Wiborgs Nyheter“ (см. „Финляндскую Газету“, 1912 г., № 91), на происходившемъ, 22 іюня 1912 года, собраніи жителей, принадлежащихъ къ Метсямякискому народно-школьному участку, для обсужденія вопроса, поднятаго жителями Якимвараскаго прихода, объ устройствѣ такъ называемой „школьной забастовки“,—рѣшено было „*закрыть до поры до времени всѣ народныя школы* (!), такъ какъ въ нихъ воспитываютъ лишь господъ и лѣнтяевъ“ (?). Собравшіеся высказались, что „бремя налога настолько велико, что лучше будетъ оставить дѣтей своихъ безъ всякаго школьнаго образованія, чѣмъ изнемогать подъ этой тяжестью“. Однако, проектъ о томъ, чтобы каждаго пославшаго наступающей осенью своего ребенка въ школу штрафовать 50-ю марками, не былъ принятъ собраніемъ.

Газета „Wiipuri“ находила, что причиной этой странной забастовки Якимвараскихъ жителей служитъ то обстоятельство, что начали сразу строить тамъ черезчуръ много и слишкомъ дорогія школы. Въ Якимвараской общинѣ существуетъ въ настоящее время 14 народныхъ школъ, изъ которыхъ нѣсколько помѣщается въ наемныхъ домахъ. Для постройки собственныхъ зданій подъ училища податная единица увеличена была съ 4-хъ до 7-ми марокъ.

„Положительно не знаешь, что и думать про подобную наводящую ужасъ индифферентность, говоритъ „Dagens Tidning“ (см. выше), можно даже прямо сказать — враждебность къ просвѣтительной работѣ въ этой общинѣ. Если на новыя школы приходится въ началѣ произвести нѣсколько большій расходъ, то это такая естественная вещь, которой должны были бы, кажется, подчиняться всѣ, тѣмъ болѣе, что не какія-либо постороннія власти, а сама община приняла рѣшеніе объ основаніи ихъ.

„Затѣя эта, замѣчаетъ „Dagens Tidning“, для всѣхъ особенно удивительна, въ особенности, если принять во вниманіе, что Выборгская губернія относительно количества обучающихся въ народныхъ школахъ (т. е. въ процентномъ отношеніи ихъ къ общему количеству дѣтей школьнаго возраста отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ) занимаетъ второе мѣсто въ числѣ губерній Финляндіи (62% дѣтей обучаются въ народныхъ школахъ). Если отбросить самые восточные, мало населенные приходы (Суоярвискій, Салмискій, Суйстамоскій, Корписелкяскій), то она весьма близко подходитъ къ губерніи Нюландской и во всякомъ случаѣ стоитъ въ странѣ значительно выше другихъ губерній по среднему процентному отношенію числа обучающихся въ народныхъ школахъ ко всему количеству дѣтей (что для всей Финляндіи составляетъ 51 процентъ). Въ этой, столь прогрессирующей относительно народно-просвѣтительнаго дѣла губерніи приходъ Якимвара, представляющій собой центральный приходъ сѣверо-западнаго угла Ладожскаго побережья (съ народонаселеніемъ, согласно мантальнымъ спискамъ, приблизительно въ 13.000 душъ), занимаетъ вовсе не какое-либо приниженное положеніе. Процентное отношеніе числа дѣтей его, обучающихся въ народныхъ школахъ, находится дѣйствительно нѣсколько ниже этого средняго процентнаго отношенія для всей губерніи, но гораздо выше такого-же процентнаго отношенія для всей страны. Такимъ образомъ объявленная теперь война народнымъ школамъ происходитъ не въ какомъ-либо захолустномъ углу Финляндіи, а въ мѣстности, находящейся въ весьма благопріятныхъ условіяхъ относительно путей сообщенія и въ общемъ считавшейся очень значительной, гдѣ, между прочимъ, въ періодъ лихолѣтья побуждавшая къ патріотизму работа велась съ большимъ успѣхомъ“.

Вѣроятно, однако, ужъ очень непосильно для населенія было содержаніе школъ, если оно забыло весь свой патріотизмъ, протестуя противъ посягательства на свой карманъ.

Другой случай протеста, описываемый въ „Uusi Suometar“ (1912 г., № 113), произошелъ въ Туртольской общинѣ, Улеаборгской губерніи. „Школьныя власти начали настаивать на томъ, чтобы община наняла помощника учителю въ Пеллоскую школу, ибо въ послѣдней болѣе 50 учащихся, такъ что одному учителю трудно справляться съ такою оравою дѣтей. Община упорно отказывалась отъ этого, и дѣло перешло наконецъ въ Сенатъ. Сенатъ подъ угрозою штрафа въ 200 марокъ обязалъ Туртольскую общину нанять и содержать второго учителя въ Пеллоской школѣ въ виду того, что въ ней болѣе 50 учащихся. Туртольская община въ отвѣтъ на такое рѣшеніе Сената заставила нѣкоторыхъ родителей перевести своихъ дѣтей въ другія школы такъ, чтобы въ Пеллоской школѣ осталось менѣе 50 учащихся, и послѣ этого сочла себя въ правѣ не нанимать второго учащаго въ указанную школу. Школьный инспекторъ обратился, поэтому, снова съ жалобою къ губернатору на дѣйствія Туртольской общины“. Чѣмъ закончится эта борьба, пока неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ она характерна для знакомства съ тою войною, которую теперь ведутъ финляндскія школьныя власти съ общинами изъ-за школъ.

Иногда раздраженіе населенія доходитъ до того, что самыя школьныя помѣщенія, подвергаются чуть ли не погромамъ.

Напримѣръ, 9 января 1910 года около школы въ Ките собралась толпа и учинила разгромъ школьнаго помѣщенія, результатомъ котораго было то, что „всѣ двери были изрѣзаны ножами; расписаніе уроковъ и картины, висѣвшія на стѣнѣ, были изорваны, на фисгармонію былъ, повидимому, нанощенъ снѣгъ, ибо книги, находившіяся на ней, были мокрыя и отдѣлялись отъ переплетовъ“ („Raja-Karjala“, 1910 г. № 8). 27 апрѣля въ Кильполской школѣ, Хитольскаго прихода, кто-то вдребезги разбилъ всѣ 78 оконъ. „Преступленіе это ставятъ въ связь съ вопросомъ о спорахъ по поводу постройки школы“ („Karjala“, 1910 г. № 99).

Школьныя зданія, обыкновенно, очень хороши по внѣшнему виду, учителя также матеріально довольно хорошо обезпечены. Однако, напрасно мы стали бы искать среди нихъ тѣхъ идейныхъ работниковъ, которыми славится, напр., наша русская народная школа. *Отношеніе финскихъ народныхъ учителей къ своимъ питомцамъ сухое, формальное: главное значеніе придается внѣшней выправкѣ и порядку* *).

Для характеристики матеріальнаго положенія финляндскаго народнаго учителя приведемъ сообщенныя „Финляндскою Газетою“ (1911 г., № 133) данныя о размѣрахъ получаемаго учителемъ содержанія. Штатный учитель получаетъ ежегодно отъ казны 900 марокъ жалованія, если онъ холостъ, и 1100—если онъ семейный человѣкъ. По прослуженіи каждаго пятилѣтія учителя получаютъ отъ казны: холостые по 180 мар. добавочнаго содержанія, семейные по 220 мар. Община должна отъ себя давать учителю квартиру, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ комнатъ и кухни, необходимыя постройки: баню, сарай съ хлѣвомъ и др., дрова для отопленія, двѣ или три десятины пахотной земли, пастбище для одной коровы и зимній кормъ ей. Учителя городскихъ школъ получаютъ болѣе высокіе оклады содержанія: напр., въ Гельсингфорсѣ первое пятилѣтіе они имѣютъ 2.400 мар. въ годъ, второе—3.080 мар., третье—3.760 мар. и четвертое—4.200 мар. Пенсія—въ размѣрѣ основного содержанія—полагается народному учителю по прослуженіи имъ 30 лѣтъ; по болѣзни же учителя она можетъ быть дана и значительно ранѣе.

Кромѣ жалованія и матеріальнаго обезпеченія отъ общины, учителя народныхъ школъ получаютъ себѣ половину сбора за ученье: каждый ученикъ народной школы вноситъ ежегодно по 1 маркѣ за право ученья.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что, не довольствуясь тѣмъ содержаніемъ, которымъ обезпечиваетъ ихъ школа, финляндскіе народные учителя нерѣдко прихватываютъ себѣ и другія занятія: занимаютъ должности въ общинномъ управленіи, увлекаются адвокатурой, берутъ на себя завѣдываніе почтовыми конторами, не брезгаютъ агентурой. Эту сторону дѣятельности финляндскихъ учителей отмѣтилъ „Työmies“ (1910 г., № 45), указавъ, что она приноситъ большой ущербъ для дѣла.

---

2. Тѣлесныя наказанія.

Въ финляндскихъ народныхъ школахъ царитъ суровая дисциплина. Это видно изъ того, что закономъ установлена цѣлая лѣстница наказаній, которыя могутъ быть наложены на учениковъ за проступки, а именно: 1) выговоръ въ классѣ; 2) перемѣщеніе съ высшаго мѣста на низшее (предполагается, что ученики сидятъ въ школѣ по успѣхамъ); 3) отдѣле-

*) Д. Протопоповъ, „Финляндія“, 1898 г., стр. 354

ніе отъ товарищей; 4) выговоръ въ присутствіи всей школы; 5) арестъ; 6) тѣлесное наказаніе (не болѣе 6 ударовъ розгой по ладони) и 7) исключеніе изъ школы.

„Наиболѣе употребительно тѣлесное наказаніе, которое широко примѣняется въ финскихъ школахъ и находитъ въ Финляндіи многочисленныхъ сторонниковъ“ *).

При этомъ учителя не ограничиваются предоставленнымъ имъ правомъ ударовъ по ладони, а нерѣдко прямо систематически истязаютъ своихъ учениковъ **).

Въ послѣднее время объ истязаніяхъ учителями своихъ учениковъ очень много стала писать финская, въ особенности, соціалистическая печать.

Сообщенія эти очень характерны. Изъ нихъ видно, что прибѣгать къ содѣйствію рукъ у финскихъ учителей вошло въ обычай, существованіе котораго поддерживается самимъ начальствомъ учителей. Въ то время, какъ общественное мнѣніе, въ голосѣ печати, справедливо возмущается существованіемъ подобныхъ нравовъ въ школѣ, консервативная учительская корпорація продолжаетъ отстаивать устарѣвшій институтъ тѣлесныхъ наказаній. Самое наказаніе, какъ видно изъ сообщеній, достигаетъ изумительной виртуозности.

Въ газетѣ „Liitto“ появились въ 1910 году статьи, направленныя противъ учителей Юливіеской народной школы; изъ нихъ одна статья носила названіе „Учитель жестоко билъ ученика“, а другая „Дѣло объ истязаніи школьника“. Оскорбленные учителя возбудили противъ редактора газеты дѣло, разбиравшееся въ Улеаборгскомъ ратгауэскомъ судѣ. „При разборѣ дѣла выяснилось, что помѣщенныя въ „Liitto“ статьи объ истязаніи дѣтей соотвѣтствуютъ истинѣ. Такъ, когда были призваны въ качествѣ свидѣтелей два полицейскихъ—Л. и В., то они заявили, что сами видѣли около крестцовой кости одного мальчика три почернѣвшихъ полосы, происшедшихъ отъ ударовъ палкой. Другіе два свидѣтеля разсказали еще нѣсколько фактовъ, которые подтвердили какъ показанія предыдущихъ свидѣтелей, такъ и справедливость помѣщенныхъ въ „Liitto“ статей. Двое изъ подвергавшихся истязанію учениковъ сообщили, что учитель В однажды схватилъ ученика О. за шею, свелъ его въ чуланъ, раскрывая по дорогѣ тѣломъ ученика двери. Придя въ чуланъ, учитель взялъ камышевую палку и затѣмъ повелъ ученика прежнимъ способомъ въ классъ. Здѣсь онъ *разъ 20 ударилъ О. принесенной съ собою палкой*, послѣ чего послѣдній потерялъ сознаніе. Затѣмъ учитель отослалъ всѣхъ остальныхъ учениковъ домой, а прибитаго задержалъ еще въ школѣ. Причиною истязанія было только незнаніе ученикомъ заданныхъ наканунѣ уроковъ. Повѣренные отвѣтчиковъ потребовали прекращенія возбужденнаго учителемъ дѣла, такъ какъ справедливость помѣщенныхъ въ „Liitto“ статей внѣ всякихъ сомнѣній. При этомъ повѣренные высказали удивленіе, что учитель, который такъ открыто безобразничалъ, еще хочетъ защищать свою честь“ („Kansan Lehti“, 1910 г., № 281).

О другомъ случаѣ истязанія ученика, отецъ котораго прибѣгнулъ къ защитѣ печати, разсказываетъ старофинская газета „Aamulehti“. „Въ редакцію газеты „Kansan Lehti“ пришелъ въ сопровожденіи отца одинъ десятилѣтній ученикъ Таммерфорской школы. Все лѣвое бедро мальчика было усѣяно мелкими ранками, производившими впечатлѣніе, что *ученика били розгами*. Отецъ, въ поясненіе этого, сказалъ, что его сыну *по приказу ревизора народныхъ школъ*, въ личномъ его присутствіи, была произведена экзекуція розгами. Причинами порки были поразительная шаловливость и лѣность ученика, каковыхъ не могли уничтожить всѣ примѣнявшіяся до этого момента наказанія. Въ редакціи у пришедшаго мальчика спросили дневникъ, изъ котораго выяснилось, что къ нему „въ воспитательныхъ цѣляхъ“ примѣнялись всевозможные виды наказанія, какъ-то замѣчанія, оставленіе въ классѣ послѣ обѣда, карцеръ и т. д. Но этимъ, какъ выяснилось въ разговорѣ, не ограничивались примѣняемыя въ школѣ наказанія. Такъ, очень часто *учитель билъ провинившихся учениковъ по ладонямъ камышевой палкой*, а иногда *гонялъ виновныхъ сквозь строй* (!). Самый процесъ этого „пропусканія“ состоялъ въ слѣдующемъ: *ученики разставлялись въ два ряда, благодаря чему получался „строй“, черезъ который заставляли пробѣгать провинившагося ребенка въ то время, какъ всѣ стоявшіе въ „строю“, по приказу учителя, лягали его, куда попало, ногами*. Дѣти разсказывали, что если кто нибудь изъ нихъ не соглашался ля-

*) Д. Протопоповъ, „Финляндія“, 1898 г., стр. 354

**) Иногда, впрочемъ, и сама дирекція прописываетъ торжественную порку тому или другому школьнику. Въ Койривойской школѣ два мальчика подрались наканунѣ роспуска на Рождественскія каникулы. Дирекція, собравшись послѣ каникулъ, постановила публично высѣчь одного изъ драчуновъ въ классѣ въ присутствіи учителя и другихъ дѣтей („Rajavahti“, 1911 г., № 6).

гать проводившагося сквозь строй ученика, то учитель грозилъ ему тѣмъ же наказаніемъ. Въ силу подобнаго запугиванія, ученики лягали виноватаго настолько сильно, что однажды у провинившагося до крови была разбита нога. Какъ ревизоръ, такъ и учитель подтвердили справедливость всего вышеизложеннаго, но послѣдній въ свое оправданіе замѣтилъ, что примѣнялъ это отвратительное средство по своему неразумію. Научился онъ, будто бы, примѣнять его отъ своего учителя, который къ этому средству прибѣгалъ очень часто. Что же касается примѣненной въ данномъ случаѣ *порки, то она, по словамъ ревизора, допускается школьными правилами* *), и избѣгнуть ея, несмотря на всю ея отвратительность, даже съ точки зрѣнія ревизора, ни въ какомъ случаѣ нельзя“.

По поводу описаннаго случая звѣрскаго обращенія учителя Таммерфорской народной школы со своими учениками, газета „Kansan Lehti“ (1910 г., № 285) писала: „Истязаніе, по мнѣнію учителя, было однимъ изъ педагогическихъ средствъ къ уничтоженію разныхъ пороковъ въ учащихся и, какъ таковое, оно должно было приводить учениковъ къ сознанію того, что не кто нибудь другой, а они сами являются виновниками примѣненія къ нимъ такихъ наказаній. Такъ учитель и дѣлалъ. Истязуя ученика, онъ призывалъ его къ себѣ и тономъ наставника спрашивалъ: „кто виновенъ въ томъ, что тебя сейчасъ били?“ Мальчикъ понималъ, что ему нужно было сказать „я“, но съ языка все же хотѣло сорваться „учитель“. Переживая подобную внутреннюю борьбу, ученикъ молчалъ. Учитель же, объясняя это молчаніе упрямствомъ и своенравіемъ, грозилъ снова приступить къ истязанію, чѣмъ въ концѣ концовъ естественно заставлялъ ученика признать себя заслуживающимъ такого наказанія. О томъ же, насколько хорошо учитель понималъ и ученическую психику и самое дѣло воспитанія, можно судить по слѣдующему замѣчанію въ дневникѣ одного ученика упомянутой школы: „за упорство наказанъ карцеромъ. За то, что продолжалъ упорствовать, наказанъ тѣмъ, что въ продолженіе 10 дней *не спрашивали уроковъ и не провѣряли его тетрадокъ*“. „Каждый педагогъ, справедливо говоритъ газета, долженъ понять, что подобная мѣра безразсудна и только подавляетъ въ ученикахъ всякую охоту къ занятіямъ. Если ученикъ былъ дѣйствительно лѣнивъ, то онъ только радовался такому наказанію. Но какъ подобнымъ наказаніемъ можно уничтожить упрямство, это можетъ понять развѣ только самъ примѣнявшій подобное средство учитель. Наконецъ, какъ учитель могъ оцѣнивать знанія ученика и наказывать его за лѣность, если самъ не провѣрялъ его тетрадокъ и не спрашивалъ уроковъ!“

Какъ сообщала младофинская „Helsingin Sanomat“ (1910 г., № 285), вопросъ о дурномъ обращеніи съ учениками Таммерфорскаго учителя обсуждался на собраніи правленія народныхъ школъ. Правленіе постановило для разслѣдованія этого дѣла избрать особую комиссію, а учителя до окончательнаго рѣшенія дѣла удалить отъ должности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ старофинской газеты „Uusi Aura“ (1910 г., № 289), на состоявшемся собраніи дирекціи Таммерфорской народной школы, инспекторомъ народныхъ школъ былъ даже поднятъ вопросъ о совершенномъ уничтоженіи примѣнявшагося до этого времени въ школахъ низшаго типа тѣлеснаго наказанія. „Дирекція, однако, не сочла себя въ правѣ рѣшать столь важный вопросъ и предложила инспектору рѣшеніе этого дѣла предоставить учительскому съѣзду“.

Подобное отношеніе дирекціи школъ къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ встрѣчается, повидимому, не часто, такъ какъ обыкновенно, наоборотъ, дирекція становится въ такихъ случаяхъ на сторону учителя.

„Въ Юливіескѣ учитель Х. одного ученика такъ отпоролъ плетью, что у него вся спина припухла. По показаніямъ другихъ дѣтей, учитель бивалъ его плетью, по крайней мѣрѣ, уже разъ 20. Другого ученика онъ такъ колотилъ, что оторвалъ рукавъ отъ его пиджака; лицо ученика долгое время было опухшимъ, и подъ глазомъ былъ синякъ. Другихъ учениковъ учитель таскаетъ только за волосы. Послѣ жалобы на

*) Выше мы указали, что по правиламъ можно наказывать лишь 6 ударами розги по ладони. Прим. сост.

учителя, „инспекторъ пояснилъ, что учитель имѣетъ право прибѣгать къ тѣлесному наказанію", и *дирекція школы ставила жалобы безъ послѣдствій*" („Kansan Tahto", 1910 г., № 48 – 53).

„Въ Сейнаекской народной школѣ, 12 января 1911 г, между сыномъ учителя М. и другимъ ученикомъ той же школы К. произошла ссора. Причиною ея было то, что К занялъ мѣсто, гдѣ обычно стоялъ сынъ учителя. Послѣдній пошелъ и пожаловался своему отцу. Тотъ, услышавъ о нанесенной его сыну обидѣ, подошелъ къ К и спросилъ о случившемся. Но, прежде чѣмъ ученикъ успѣлъ отвѣтить, учитель схватилъ его за грудь и оттолкнулъ такъ сильно, что тотъ свалился. Послѣ этого М. вновь подошелъ къ ученику, поднялъ его съ полу и началъ наносить ему по головѣ удары. Послѣдніе были настолько сильны, что К. вновь свалился на землю и расшибъ себѣ при этомъ до крови глазъ. Пока ученикъ лежалъ на землѣ, *учитель все время билъ его ногами*. Ученикъ, придя домой, показался матери, и та засвидѣтельствовала, что во многихъ мѣстахъ на тѣлѣ ея сына были синяки. Когда мать пошла въ школу спросить, что послужило причиною наказанія, то учитель выгналъ ее вонъ. Дѣло это недавно обсуждалось на собраніи дирекціи вышеупомянутой школы *Дирекція ограничилась тѣмъ, что сдѣлала учителю замѣчаніе*" („Työmies", 1911 г., № 15).

„Учитель Таммисуоской народной школы своимъ жестокимъ обращеніемъ съ нѣкоторыми изъ ввѣренныхъ ему дѣтей вызвалъ всеобщее недовольство мѣстныхъ жителей. Для обсужденія этого вопроса въ Таммисуо соетоялось сельское общинное собраніе. Послѣднее единогласно постановило просить объ увольненіи учителя, если же просьба собранія не будетъ удовлетворена, объявить школѣ бойкотъ. Когда дирекція Таммисуоской школы узнала о жестокомъ обращеніи учителя этой школы съ ввѣренными ему дѣтьми, то увѣдомила объ этомъ окружного инспектора и попросила его немедленно пріѣхать для выясненія дѣла. Но *инспекторъ не счелъ долгомъ явиться*" *) („Työ", 1911 г., № 75).

„Учитель Райволовской народной школы П., по словамъ газеты „Työ" (1911 г., № 42), на урокахъ такъ сильно избиваетъ своихъ учениковъ, что тѣ на слѣдующій день не въ состояніи даже приходить въ школу. 17 февраля 1911 года въ Райволовской школѣ произошла сцена, которая буквально поражаетъ своею жестокостью и гнусностью. Въ 4 классѣ къ этому дню былъ заданъ какой-то „патріотическій" псаломъ. Но одинъ изъ учениковъ упомянутаго класса—Пааво К., вмѣсто заданнаго псалма, выучилъ другой. По этому поводу между учителемъ и ученикомъ произошелъ краткій разговоръ, послѣ котораго учитель, подобно ястребу, бросился на ученика и началъ его бить. Не удовлетворившись этимъ, П. *повалилъ К. на землю* и, какъ разсказываютъ другіе ученики, *стукалъ головою ученика объ полъ, топталъ его голову и тѣло ногами, стоялъ на рукахъ ученика, садился на его голову и т. д.* Въ продолженіе всего этого времени жертва только безпомощно билась, не получая откуда либо помощи. Другіе ученики, зрители этой потрясающей сцены всѣ дрожали отъ страха. Вдоволь избивши свою жертву, П. отправилъ ее домой, предварительно смывши съ нея кровь На слѣдующій день избитый *ученикъ былъ сведенъ къ врачу, который засвидѣтельствовалъ*, что у него: 1) на головѣ 3 раны, изъ которыхъ двѣ покрыты кровью; 2) на лбу, выше праваго глаза, налитая кровью шишка, около 3 сант. величиною; 3) около праваго уха два рубца; 4) въ лѣвой ушной раковинѣ шишка и кровавый синякъ; 5) на лѣвой сторонѣ шеи два кровавыхъ шрама; 6) на груди и спинѣ нѣсколько шишекъ и отековъ.

„*Всѣ эти раны*"—гласитъ свидѣтельство—*нанесены частью острыми, частью тупыми предметами*". „Необходимо обратить вниманіе, говоритъ газета, на то, что это освидѣтельствованіе произведено только на слѣдующій день послѣ истязанія, такъ что менѣе значительные ушибы за это время уже сдѣлались незамѣтными. *Душевное состояніе подвергшагося истязанію мальчика внушаетъ сильныя опасенія*. Онъ то начинаетъ бредить, то безъ всякой причины вскакиваетъ и убѣгаетъ на улицу, то ему кажется, что учитель снова его бьетъ, и онъ начинаетъ кричать Все это доказываетъ, насколько сильно ребенокъ испугался, и какое сильное нервное потрясеніе произвело на него истязаніе".

„Вслѣдствіе участившихся въ послѣднее время жалобъ на худое обращеніе учителя Сувимякской народной школы со своими учениками, инспекторъ Ювяскюляскаго округа долженъ былъ произвести по этому поводу слѣдствіе. Послѣднее дѣйствительно подтвердило справедливость всѣхъ возводившихся на учителя обвиненій. Такъ, установлено, что *обычнымъ способомъ наказанія у учителя были кулаки*. Кулаками онъ билъ не только провинившихся учениковъ, но и ни въ чемъ невиновныхъ и притомъ настолько сильно, что избитые ученики нѣсколько дней не были въ состояніи приходить въ школу. *Одного изъ своихъ учениковъ учитель ударилъ настолько сильно, что у того прорвалась барабанная перепонка*. Въ разговорѣ съ учениками учитель употреблялъ самыя неприличныя слова. Кромѣ избіенія кулаками, учитель очень часто морилъ провинившихся учениковъ продолжительнымъ голодомъ. На слѣдствіи выяснилось, что всѣ вышеозначенные способы наказанія примѣнялись не только учителемъ, но также и *учительницею Екатериною А*. Послѣ окончанія слѣдствія какъ учителю, такъ и учительницѣ *сдѣланы только выговоры*" („Työ", 1911 г., № 74).

*) Та же газета („Työ") пишетъ, что описываемый „учитель утаилъ двѣ марки, которыя ему дали съ просьбою передать одной старушкѣ".

Такимъ образомъ, жестокость въ обращеніи съ учащимися свойственна и учительцамъ. Такихъ примѣровъ можно привести не мало.

Учительница Калліоской народной школы на урокѣ объяснительнаго чтенія вызвала одну свою 8-лѣтнюю ученицу. Та, по какой то причинѣ, сразу не была въ состояніи отвѣчать. Это *такъ разсердило учительницу, что она подобно разъяренному звѣрю бросилась на ученицу и схватила послѣднюю за руки* столь сильно, что на рукахъ появились синяки. Затѣмъ, отпустивъ руки, *учительница начала таскать ученицу за волосы, а въ заключеніе повалила ее на землю* Во время всей этой отвратительной сцены всѣ прочіе ученики буквально дрожали отъ страха" („Työ", 1911 г., № 68).

„Въ таммельской школѣ учительница С. ударила ученика по уху такъ, что *порвала барабанную перепонку*. Ученикъ долженъ былъ сходить нѣсколько разъ къ доктору, и учительница сжалилась надъ ученикомъ: дала ему 5 марокъ денегъ" („Kansan Lehti", 1909 г., № 301).

Газета „Työmies" (1910 г., № 45) объясняетъ такую раздражительность учителей тѣмъ, что они обременены массою дѣлъ, такъ что имъ не до учениковъ съ ихъ шаловливостью. „Общеизвѣстно, что учителя народныхъ школъ у насъ берутъ столько постороннихъ занятій, сколько въ состояніи набрать. И въ учебное время учитель проводитъ очень много дней внѣ своей школы, занимаясь посторонними дѣлами. Въ школѣ съ двумя учителями имѣется два класса, но дѣти то въ одномъ, то въ другомъ классѣ сидятъ частенько совершенно одни. У учителя и во время урока мысли заняты другими дѣлами, а ученье обращается въ механическое, побочное дѣло".

Приводящая эту цитату газета „Россія" (1910 г., № 1314) добавляетъ: „Конечно, ученики не всегда помнятъ, что ихъ учитель занятъ въ классѣ обдумываніемъ какого-либо дѣла, и зашалятъ. Ну, тутъ, понятно, учитель и вздуетъ ихъ. Впрочемъ, это не противорѣчитъ финляндской конституціи!"

Тотъ же „Työmies", судя по напечатанной въ „Финляндской Газетѣ" (1911 г., № 78) статьѣ его подъ заглавіемъ „Тѣлесныя наказанія въ школьномъ воспитаніи", безусловно отрицательно относится къ сохраненію тѣлесныхъ наказаній въ школѣ и считаетъ ихъ пережиткомъ старины. „Тѣлесныя наказанія—это старое наслѣдіе. Въ прежнихъ школахъ царствовало слѣпое, безмолвное послушаніе, а тѣлесныя наказанія были лучшимъ способомъ его поддержанія. Исторія педагогики содержитъ въ себѣ много разсказовъ о томъ, какъ школьные мастера того времени, не довольствуясь палкой и розгой, часто колотили мальчиковъ ногами, ударяли ихъ указками и прочими школьными предметами по головѣ, запирали въ холодную зиму въ погребахъ и всѣми способами издѣвались надъ ними. Чѣмъ больше учитель наказывалъ учениковъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ онъ пользовался".

Въ настоящее время, по мнѣнію газеты, въ школѣ должны господствовать совершенно другіе принципы, и авторитетъ учителя долженъ основываться на изученіи индивидуальности ученика, на воспитаніи въ немъ самоуваженія и, главное, на усовершенствованіи личности учителя. Высказавъ всѣ эти здравыя мысли, авторъ, къ сожалѣнію, панацеей всѣхъ золъ считаетъ внѣдреніе въ школы соціализма, забывая, что главная причина таится въ свойственной націи жестокости и черствости, которыя съ развитіемъ соціализма едва ли не усиливаются.

Подобная же статья, протестующая противъ тѣлесныхъ наказаній въ школѣ и дома и характеризующая взглядъ финляндцевъ на эти наказанія, появилась въ газетѣ „Sosialisti" (1911 г., № 224). „Общимъ убѣжденіемъ среди нашего народа, писала газета, является то, что *безъ розогъ изъ ребенка не выйдетъ порядочнаго человѣка*. Если ребенокъ сдѣлаетъ какой-либо проступокъ, то лица, бывшія его очевидцами или же слушавшія о немъ, обычно со скорбью замѣчаютъ: „бѣдный, *его слишкомъ мало били*". Существуетъ даже пословица, которая гласитъ, что „розгу нужно гнуть въ молодости". Это, по мнѣнію большей части родителей, значитъ, что чѣмъ

въ болѣе раннемъ возрастѣ дѣтей начинаютъ пороть, тѣмъ это лучше. Необходимость порки родители мотивируютъ тѣмъ, что она-де является лучшимъ средствомъ пріучить дѣтей къ повиновенію. *Не пори отецъ своего малолѣтняго сына, послѣдній, когда возмужаетъ, будетъ пороть* своего состарившагося къ тому времени *отца*. Вѣдь подобные случаи, по удостовѣренію „Sosialisti", въ Финляндіи бывали *нерѣдко*.

„И хорошо еще, если бы орудіями порки были только одни розги, а мѣстомъ нанесенія ударовъ задъ, продолжаетъ газета. Особеннаго физическаго вреда подобная порка не принесла бы. Но, вѣдь, большею частью бываетъ такъ, что отцы и матери бьютъ своихъ дѣтей не розгами, а первымъ попавшимся подъ руку предметомъ и при этомъ не по заду, а куда случится—чаще въ голову и въ спину. Безъ словъ ясно, насколько громадный какъ нравственный, такъ и физическій вредъ приносятъ ребенку подобнаго рода истязанія. Для убѣжденія въ этомъ достаточно только представить себѣ ту *массу нравственныхъ и физическихъ калѣкъ*, какая является въ Финляндіи результатомъ истязанія дѣтей. Родители учатъ своихъ дѣтей не только переносить побои, но также и наносить ихъ. Дѣти, какъ это часто у насъ приходится наблюдать, уже въ самомъ раннемъ возрастѣ являются спеціалистами въ области драки.

„О томъ, насколько глубоко вкоренилось въ сознаніи финскаго народа убѣжденіе о необходимости примѣненія къ дѣтямъ тѣлеснаго наказанія, можно судить, по словамъ газеты, уже по тому, что послѣднее введено даже въ систему школьнаго воспитанія. Уставъ *среднихъ учебныхъ заведеній* Финляндіи *допускаетъ порку*, какъ замѣну увольненія учащагося изъ школы. Отъ порки, слѣдовательно, не гарантированы ученики даже старшихъ классовъ лицея. Согласно уставу народныхъ школъ, порка употребляется въ качествѣ шестого изъ примѣняемыхъ къ ученику наказаній. Опытъ все же показываетъ, что *большая часть учителей употребляетъ порку въ качествѣ не шестого наказанія, а главнаго*". Газета ссылалась на сообщенія соціалистическихъ газетъ о случаяхъ истязаній учениковъ учителями и справедливо полагала, что если бы эти сообщенія были ложью, то обвиненные газетою въ истязаніи дѣтей учителя привлекали бы редакторовъ газетъ за клевету къ судебной отвѣтственности, однако, они предпочитаютъ молчать.

Сдѣлавшая столько разоблаченій жестокаго обращенія финляндскихъ учителей съ учащимися, соціалистическая газета „Työ" (1911 г., № 56) находитъ, что примѣняемыя въ школахъ истязанія справедливо привлекаютъ вниманіе русской печати, которая изъ этого дѣлаетъ выводъ о положеніи финляндской культуры. Эта газета господствующіе въ школахъ порядки объясняетъ взглядомъ финляндскаго буржуазнаго общества на воспитаніе низшаго класса. Въ семинаріяхъ, изъ которыхъ выходятъ народные учителя, царитъ *ненависть къ народу*, благодаря чему эти учителя совершенно чужды стремленіямъ низшаго класса народа. Одинъ преподаватель семинаріи на своемъ урокѣ замѣтилъ: „на что это будетъ похоже, если всѣ будутъ такъ же равны, какъ равны ноги у свиньи".

„Если преподаватели рѣшаются такъ отзываться передъ учениками о правахъ народа, замѣчаетъ газета, то понятно, что о воспитаніи послѣдняго не можетъ быть и рѣчи.

„Все *семинарское преподаваніе* имѣетъ цѣлью только научить будущихъ учителей примѣнять по отношенію къ своимъ ученикамъ строгую дисциплину и чисто внѣшнее давленіе. Одинъ изъ преподавателей семинаріи прямо совѣтовалъ своимъ ученикамъ (будущимъ учителямъ) *употреблять оплеухи*. Одному изъ слушателей этотъ совѣтъ понравился такъ сильно, что онъ тотчасъ началъ примѣнять его на практикѣ, во время своего урока *въ образцовой школѣ. Въ теченіе всего этого урока съ 7—8 лѣтними дѣтьми изъ класса слышались звуки пощечинъ*. Дававшій урокъ, очевидно, совершенно не боялся, что эти звуки могутъ быть кѣмъ либо услышаны. Въ результатѣ примѣнявшій оплеухи ученикъ вышелъ изъ семинаріи съ отличнымъ аттестатомъ. Подобныхъ учителей, по словамъ газеты, семинарія выпускаетъ ежегодно".

Другая финская газета „Rajavahti" (1910 г., № 139), обсуждая постановку подготовки учителей въ Финляндіи, замѣчаетъ, что *„всѣ учительскія семинаріи есть ни что иное, какъ убѣжища темноты, фарисейства и ханжества*. Въ этихъ семинаріяхъ выгоняютъ изъ учениковъ и оставшіяся у нихъ слабыя способности самооцѣнки и трезваго взгляда на жизнь. Вмѣсто же всего этого, семинарскіе учителя заполняютъ головы учениковъ возможно большею темнотою и узостью взглядовъ. Такіе учителя уничтожаютъ народное здоровье, стремленіе народа къ развитію, его здоровые взгляды на жизнь; изъ народныхъ дѣтей они дѣлаютъ узкихъ и жалкихъ тупицъ".

Не удивительно, конечно, если получившіе такую закваску учителя твердо придерживаются этихъ воспитательныхъ принциповъ и въ своей учительской практикѣ.

Такъ, по словамъ „Työ" (см. выше), характернымъ фактомъ является *рѣшеніе одного Эстерботнійскаго учительскаго общества о дальнѣйшемъ сохраненіи въ народныхъ школахъ тѣлесныхъ наказаній*. По мнѣнію общества, „духъ времени" не позволяетъ уничтожить эти наказанія.

Подобное же рѣшеніе состоялось на съѣздѣ народныхъ учителей лѣтомъ 1911 г., въ гор. Улеаборгѣ. По этому поводу младофинская газета „Laatokka" (1911 г., № 72) пишетъ, что рѣшеніе съѣзда оказалось совершенно неожиданнымъ. Несмотря на то, что и отъ Главнаго Управленія училищнаго вѣдомства, и отъ преподавательскаго персонала поступили предложенія объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, *на защиту послѣднихъ* выступило *большинство преподавателей*, участвовавшихъ въ съѣздѣ.

„Подобная тактика не дѣлаетъ чести финляндскимъ учителямъ, говоритъ газета. Тѣлесныя наказанія не считаются болѣе подходящимъ воспитательнымъ средствомъ. Къ нимъ прибѣгаютъ обыкновенно тогда, когда ничего другого не остается, къ тому же они часто ведутъ къ злоупотребленіямъ, въ виду чего было бы лучше совсѣмъ ихъ отмѣнить. Съ какой бы стороны ни взглянуть на дѣло, рѣшеніе учительскаго съѣзда нельзя оправдать. Принявъ его, съѣздъ доказалъ свое убожество. Въ странномъ освѣщеніи оказалось большинство учителей, считающее нужнымъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Трудно было ожидать, чтобы учителя стали поддерживать такія чрезвычайныя мѣры".

Сообщенія финской печати о царствующихъ въ школахъ порядкахъ сдѣлали свое дѣло: нѣсколько депутатовъ Сейма, въ 1911 году, внесли петицію объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ народныхъ школахъ.

Какъ передавала газета „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 130), на Сеймѣ 1911 г., комиссіей просвѣщенія былъ изготовленъ проектъ петиціи объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ училищахъ, содержимыхъ на счетъ казны или получающихъ отъ нея пособіе.

„По мѣрѣ того, какъ общественное сознаніе съ теченіемъ времени относилось отрицательно къ тѣлеснымъ наказаніямъ, говорилось въ проектѣ комиссіи, и самые методы наказанія, установленные школьнымъ законодательствомъ, смягчались и становились все болѣе гуманными. Согласно гимназическаго и училищнаго устава 1856 г., въ нашихъ училищахъ примѣнялись еще тѣлесныя наказанія, но уставъ 1872 г. замѣнилъ ихъ такъ называемымъ наказаніемъ задержанія (hvarsottningstraff), допуская тѣлесное наказаніе лишь въ одномъ случаѣ, да и то частью внѣ предѣловъ школы. Ст. 40-я послѣдняго устава гласитъ: „При побужденіи къ выходу изъ училища поступать такимъ образомъ, что родителямъ или опе-

куну предлагается получить увольнительное свидѣтельство ученика въ назначенный срокъ, по истеченіи котораго выключеніе его изъ училища должно непремѣнно воспослѣдовать. Однакожъ, если родители или опекуны тотчасъ *надлежащимъ образомъ* *) *накажутъ виновнаго*, или же ректоръ, съ согласія ихъ, подвергнетъ *его такому наказанію*, и если чрезъ то воспослѣдуетъ явное исправленіе, то предположенное исключеніе изъ училища по исходѣ назначеннаго срока отмѣняется". Такъ какъ, по мнѣнію комиссіи, упомянутое постановленіе не имѣетъ особаго практическаго значенія, то комиссія не сочла нужнымъ особо разсматривать его **).

Далѣе обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ народныхъ школахъ, въ которыхъ, согласно §§ 96 и 141 дѣйствующаго школьнаго устава 1866 г., наказанія эти допускаются, при чемъ налагать ихъ предоставляется надзирателямъ практическихъ школъ при семинаріяхъ и высшихъ народныхъ училищъ. „Правда, говорила комиссія, комитетъ, представившій въ 1895 г. проектъ постановленій касательно учрежденія семинарій для школьныхъ учителей и учительницъ, предлагалъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ практическихъ школахъ, но проектъ этотъ не сталъ закономъ".

Слѣдовательно, въ 1895 г. тѣлесныя наказанія находили еще столь много защитниковъ, что объ отмѣнѣ ихъ говорить не приходилось. Комиссія 1911 г. въ принципѣ находила, что тѣлесныя наказанія въ школахъ должны быть уничтожены.

„Школьное воспитаніе достигло теперь такой степени развитія, что можетъ обойтись безъ мѣръ наказанія (вѣроятно, тѣлеснаго?). Конечно, *въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесное наказаніе можетъ дать благопріятный результатъ*, но чаще оно ведетъ къ ожесточенію и уничтожаетъ чувство стыда. Примѣненное въ раздраженіи, оно можетъ повлечь вредныя послѣдствія для здоровья ученика и превратить уваженіе и любовь ученика къ учителю въ чувство презрѣнія и отвращенія. По мнѣнію значительнаго большинства въ комиссіи, за тѣлеснымъ наказаніемъ нельзя признать воспитательнаго значенія и считать его полезнымъ для дисциплины,

*) Финляндцы подъ словами „надлежащимъ образомъ", какъ видно изъ предыдущаго, стали совершенно произвольно понимать тѣлесное наказаніе,—именно сѣченіе розгами,—которое нынѣ и практикуется безъ формальнаго законнаго основанія. Прим. сост.

**) Мнѣніе комиссіи, что постановленіе это не имѣетъ практическаго значенія, повидимому, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ газета „Sosialisti" (1911 г., № 224) указываетъ даже на то, въ какомъ порядкѣ производится въ средней школѣ экзекуція. „Въ этомъ случаѣ школьная власть увѣдомляетъ родителей, что сынъ или дочь ихъ могутъ быть оставлены въ школѣ, если они будутъ согласны дать при свидѣтеляхъ основательную порку виновному или предоставятъ это сдѣлать ректору, при желаніи со стороны послѣдняго самому произвести эту операцію. Само собою разумѣется, что тутъ не спрашиваютъ мнѣнія ученика, хотя бы онъ былъ уже въ VIII классѣ, предпочитаетъ ли онъ исключенію такую душеспасительную порку". Кромѣ того, судя по сообщеніямъ мѣстной печати, неприкосновенность личности учащагося въ средней финляндской школѣ не всегда обезпечена и въ другихъ случаяхъ. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ дѣло ученика шведскаго нормальнаго лицея Іогансона въ Гельсингфорсѣ, сообщенное въ свое время младофинскою газетою „Helsingin Sanomat" (1909 г., № 98). По сообщенію помянутой газеты, *четырнадцатилѣтній ученикъ* Іогансонъ, вернувшись домой по окончаніи уроковъ *изъ шведскаго нормальнаго лицея, застрѣлился*. Причина: учитель географіи Л. *„ударилъ его два раза по головѣ" за плохое знаніе урока* и, кромѣ того, „позволилъ себѣ при этомъ нѣсколько крѣпкихъ, не совсѣмъ-то вѣжливыхъ словечекъ. Мальчикъ былъ робкій, болѣзненный и чувствительный". Что, главнымъ образомъ, говоритъ здѣсь объ обычности такого рода педагогическихъ пріемовъ въ средней финляндской школѣ, такъ это—отвѣтъ ректора лицея родителямъ застрѣлившагося мальчика: *„ректоръ не нашелъ въ поступкѣ учителя ничего такого, что бы могло дать поводъ къ мѣрамъ противъ него"*. Слѣдуетъ обратить при этомъ вниманіе на то, что указанный фактъ имѣлъ мѣсто въ нормальномъ, т. е. *образцовомъ лицеѣ*, гдѣ кандидаты въ учителя, посѣщая уроки, учатся, какъ нужно вести дѣло преподаванія, присматриваются къ принятымъ здѣсь образцовымъ порядкамъ, чтобы и самимъ потомъ придерживаться такихъ же порядковъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ имъ придется впослѣдствіи преподавать. Прим. сост.

ибо оно только способствуетъ поддержанію въ ученикахъ чувства раздраженія, смѣшаннаго со страхомъ".

Находя далѣе, что у многихъ учителей примѣненіе тѣлеснаго наказанія обратилось въ привычку и что примѣненіе такого наказанія въ школѣ часто заставляетъ родителей, не желающихъ, чтобы постороннее лицо наказывало ихъ дѣтей, даже совсѣмъ брать ихъ изъ школы, комиссія полагаетъ, что тѣлесное наказаніе въ народныхъ школахъ должно быть совершенно уничтожено. Поэтому комиссія предлагала, „въ согласіи съ вышеприведенной мотивировкой, обратиться съ ходатайствомъ къ Сейму объ окончательномъ воспрещеніи примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ народныхъ школахъ".

Тѣ же соображенія объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ школахъ высказала и сеймовая комиссія 1912 г., которая полагала сохранить свободу въ отношеніи примѣненія такого наказанія лишь въ отношеніи исправительно-воспитательныхъ заведеній, въ виду существеннаго отличія этихъ заведеній по своимъ задачамъ отъ иныхъ просвѣтительныхъ заведеній.

Въ засѣданіи Сейма, 16 (29) апрѣля 1912 г., депутаты соціалисты высказывались за распространеніе отмѣны тѣлесныхъ наказаній также и на исправительныя заведенія. Съ другой стороны, раздавались голоса и въ защиту тѣлесныхъ наказаній въ школахъ. Такъ, депутатъ Е. С. Ирье-Коскиненъ (старофиннъ) находилъ, что „дисциплина въ школѣ необходима, ради ея поддержанія тѣлесное воздѣйствіе полезно и также необходимо: нельзя де не принять во вниманіе современнаго теченія въ пользу этого наказанія за нѣкоторыя преступленія (при стремленіи даже въ области уголовной юстиціи расширить сферу примѣненія смертной казни); кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что исключеніе нетерпимыхъ учениковъ изъ народныхъ школъ не такъ легко, какъ въ средней школѣ".

Однако, большинствомъ 88 голосовъ противъ 75 (поданныхъ за предложеніе соціалъ-демократовъ о совершенной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія) предложеніе комиссіи было принято *).

Такимъ образомъ, надо надѣяться, позорный институтъ тѣлеснаго наказанія въ народной школѣ, сохранившійся въ „культурной странѣ" до XX вѣка, въ скоромъ времени, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, прекратитъ свое существованіе, несмотря на то, что учителя на своихъ съѣздахъ, какъ, напримѣръ, на Улеаборгскомъ (см. выше, стр. 95), продолжаютъ ходатайствовать о сохраненіи этого института.

3. Нравы учащихъ и учащихся.

Учительскій персоналъ народныхъ школъ, какъ было указано, не отличается особою развитостью, и среди учителей нерѣдки случаи безнравственнаго поведенія.

Для характеристики финляндскихъ учителей въ этомъ отношеніи небезынтересно слѣдующее сообщеніе старофинской газеты „Uusi Suometar" (1911 г., № 21).

„Директоръ Ювяскюляскаго училища для глухонѣмыхъ И. К. Луома, 23 мая 1910 года, отправилъ въ Главное Управленіе училищнаго вѣдомства отношеніе, въ которомъ заявлялъ, что *учитель* подвѣдомственнаго ему училища Х. велъ безнравственную жизнь съ ученицею той же школы Кристиною Х., въ результатѣ чего послѣдняя забеременѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ директора, поведеніе Х. и по отношенію къ другимъ ученицамъ училища не соотвѣтствовало званію учителя и вообще его поведеніе съ чисто нравственной точки зрѣнія было предосудительно. Главное Управленіе постановило произвести разслѣдованіе дѣла, что и было пору-

*) „Финляндская Газета", 1912 г., № 57.

чено служебному обвинителю, инспектору Форсіусу. При разслѣдованіи, противъ Х. обнаружились тяжелыя улики. Нѣсколько разъ дѣло обсуждалось въ Главномъ Управленіи училищнаго вѣдомства. Наконецъ было постановлено, чтобы инспекторъ Форсіусъ произвелъ вторичное разслѣдованіе дѣла, причемъ, въ цѣляхъ выясненія общаго поведенія Х., допросилъ всѣхъ преподавателей училища. Только послѣ второго разслѣдованія и представленія учителемъ Х. по поводу этого разслѣдованія своихъ объясненій, Форсіусъ потребовалъ, чтобы Х. былъ лишенъ должности, такъ какъ его дальнѣйшая служба принесла бы вредъ какъ училищу, такъ и ученикамъ. Тогда Главное Управленіе, принявъ во вниманіе, что Х. непозволительнымъ образомъ велъ себя съ учениками, и между прочимъ съ ученицею Х., и что однажды *„за драку и пьянство онъ былъ посаженъ подъ арестъ“*, нашло нужнымъ *отрѣшить его отъ должности*. Въ этомъ случаѣ Управленіе поступило согласно § 60 Высочайше утвержденнаго 11 декабря 1904 года устава народныхъ школъ“. Это рѣшеніе было затѣмъ представлено на разсмотрѣніе Вазаскаго гофгерихта, который нашелъ, что Управленію слѣдовало *обождать увольненіемъ Х впредь до разсмотрѣнія дѣла въ судѣ*. Поэтому рѣшеніе Управленія отмѣнено („Työmies“, 1911 г., № 108), и дѣло направлено въ судебномъ порядкѣ. Въ началѣ 1912 г. дѣло разбиралось въ Ювяскюлякскомъ ратгаузскомъ судѣ. За недостаточностью уликъ обвиняемый былъ, однако, оправданъ.

Въ 1909 г. пробстъ К. и многіе другіе члены Суомусальской общины подали въ Главное училищное управленіе жалобу на мѣстнаго народнаго учителя *сейноваго депутата*, Артура Л., обвиняя его во многихъ крупныхъ прегрѣшеніяхъ противъ нравственности со своими учениками въ классѣ; напр., онъ цѣловалъ ихъ за классной доской; въ банѣ, гдѣ пользовался ими какъ банщицами, онъ насиловалъ ихъ. Подлежащій школьный *инспекторъ произвести разслѣдованіе по дѣлу отказался*, а потому жалобщики и были вынуждены обратиться въ Главное училищное управленіе, прося перевести учителя въ другое мѣсто. Изъ протокола, приложеннаго къ жалобѣ, усматриваются возмутительные примѣры отношеній учителя къ своимъ ученицамъ („Uusi Suometar“, 1909 г., № 130; „Helsingin Sanomat“, 1909 г., № 131).

„Еще интереснѣе то обстоятельство, говоритъ „Финляндская Газета“ (1911 г., № 133), что при всѣхъ своихъ ярко проявленныхъ наклонностяхъ къ многоженству (Л.—женатый человѣкъ) въ обращеніи съ своими ученицами, какъ обитательницами своего гарема, Л. былъ выбранъ въ депутаты Сейма и засѣдалъ на немъ въ теченіе сессіи 1909 года: очевидно, на мѣстѣ многіе не придавали особеннаго значенія его поведенію, и смотрѣли на отношенія его къ своимъ ученицамъ, какъ на обычныя шалости. Иначе трудно объяснить себѣ выборъ его въ сеймовые депутаты“.

Только что указанное дѣло Л. знакомитъ насъ и еще съ одною стороною школьнаго дѣла въ Финляндіи: ученики народныхъ школъ иногда помогаютъ учителю по домашнему его хозяйству. Л., напр., заставлялъ учениковъ давать кормъ своему скоту, колоть и носить дрова въ его помѣщеніе и исполнять различныя другія работы по своему хозяйству (См. „Kansan Tahto“, 1909 г., № 140).

Въ томъ же 1909 г. Главнымъ Управленіемъ, по словамъ финляндскихъ газетъ было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ учителя финскаго классическаго лицея въ Куопіо Х., по обвиненію въ безпорядочномъ поведеніи, появленіи въ классѣ въ нетрезвомъ видѣ, частомъ пропускѣ уроковъ и проч. („Россія“, 1909 г., № 1089).

По словамъ соціалистическихъ газетъ „Rajavahti“ (1912 г., № 36) и „Työmies“ (1912 г., № 74), въ Туусніемискомъ уѣздномъ судѣ въ 1912 году разбиралось дѣло по обвиненію учителя Юуриккамякиской народной школы А. В. К. *въ педерастіи*. Изъ допроса вызванныхъ на судъ свидѣтелей выяснилось, что отвѣтчикъ дѣйствительно *находился въ половой связи со многими своими учениками*.

Подобное поведеніе учителей, въ связи съ жестокимъ обращеніемъ съ учащимися, конечно, не остается безъ вліянія и на *нравы учениковъ*.

Вотъ, напр., что пишетъ „Raiwaaja“ (1911 г., № 25) о порядкахъ въ *народной школѣ въ Майсіо*: *„Ученики школы ведутъ себя крайне предосудительно*. Главнымъ ихъ занятіемъ является, очевидно, только драка. На дняхъ они *подрались даже на ножахъ*, при чемъ одинъ изъ нихъ ранилъ другого въ плечо такъ, что причинилъ ему разсѣченую рану. Въ тотъ же день другой ученикъ ударилъ полѣномъ по головѣ своего товарища, до полной потери сознанія. Казалось бы, что въ школахъ должны учиться другому“, замѣчаетъ газета.

„Въ Лахтисѣ въ 1909 г., въ совмѣстной школѣ, произошло бурное столкновеніе учениковъ съ учительницей. Ученики бросали въ учительницу тетрадями, книгами, выгнали ее изъ класса. Директоръ школы выслалъ виновныхъ вонъ изъ города“ („Россія“, 1909 г., № 1062).

Имѣются свѣдѣнія, что среди учащихся въ финляндскихъ школахъ не все обстоитъ благополучно и по части *половой нравственности*, что особенно важно при существующемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ совмѣстномъ обученіи.

Такъ, газета „Työmies“ (1912 г., № 70) прямо утверждаетъ, что всѣ ученики и ученицы старшихъ классовъ К-ской финской народной школы находятся между собой въ половой связи.

Другая финская газета „Rajavahti“ (1911 г., № 9) сообщала, что въ одномъ изъ находящихся въ г. Іоэнсу учебныхъ заведеній „обнаруженъ громадный скандалъ на почвѣ нарушенія нравственности“.

Несомнѣнно, что эротическія наклонности учителей, случаи проявленія которыхъ были приведены выше, а также господствующая въ финляндскомъ обществѣ общая легкость нравовъ (см. выше „Развитіе безнравственности“, стр. 71) не остаются безъ вліянія на молодежь, которая старается не отстать отъ старшихъ.

Характернымъ, наконецъ, отрицательнымъ явленіемъ въ жизни финляндской учащейся молодежи являются случаи *обнаруженія воровства* среди учениковъ разныхъ учебныхъ заведеній.

Такъ, среди учениковъ нѣкоторыхъ *среднихъ учебныхъ заведеній* города Борго въ 1909 г. была обнаружена цѣлая группа школьниковъ, занимавшаяся мелкими кражами въ разныхъ торговыхъ заведеніяхъ.

Они похищали разныя мелкія вещи: открытыя письма, почтовыя марки, карандаши, игрушки и т. п. Добытыя вещи продавались товарищамъ по дешевой цѣнѣ. Послѣ разбора дѣла четверо были удалены навсегда, пятеро на 9 мѣс. („Hufvudstadsbladet“, 1909 г., № 107).

Подобное же сообщеніе находимъ въ той же газетѣ („Hufvudstadsbladet“), отъ 29 марта (11 апрѣля) 1912 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „Ученики народныхъ школъ съ дурными наклонностями“ и подзаголовкомъ „Около 30-ти дѣтей пойманы въ мелкихъ кражахъ“.

„Около мѣсяца тому назадъ, повѣствуетъ „Hufvudstadsbladet“, пойманы были въ различныхъ мелкихъ и болѣе крупныхъ кражахъ *около 30-ти учениковъ*, всѣ почти исключительно *изъ Бергхельской финской народной школы*. Они обыкновенно партіями по 5 6 посѣщали магазины и лавки, гдѣ совершали кражи различныхъ товаровъ. Нѣкоторые изъ нихъ уличены также въ томъ, что похищали деньги и у себя дома. Такъ какъ дознано было, что въ школѣ мальчики имѣли при себѣ краденыя вещи, то учителями и надлежащимъ инспекторомъ народныхъ школъ произведено было разслѣдованіе, результатъ котораго сообщенъ былъ секретарю попечительства о воспитаніи дѣтей, который пригласилъ родителей этихъ дѣтей въ попечительство. Родителямъ объявили, въ какихъ проступкахъ и преступленіяхъ дѣти ихъ уличены, и сообщили, что попечительствомъ мальчики отправлены будутъ въ воспитательныя заведенія для дѣтей съ дурными наклонностями. Часть родителей согласилась на это. Трое дѣтей, съ согласія родителей ихъ, отправлены уже въ воспитательныя заведенія. Попечительствомъ о воспитаніи дѣтей возбуждено будетъ предъ ратгаузскимъ судомъ судебное преслѣдованіе противъ наиболѣе провинившихся дѣтей“.

Любители чужой собственности встрѣчаются даже среди *студентовъ университета*.

Газета „Uusi Aura“ (1910 г., № 268) сообщала, что „студентъ Александръ Л. укралъ изъ прихожей университета пальто, снесъ его въ ломбардъ и здѣсь заложилъ за 20 марокъ. Въ скоромъ времени воръ былъ задержанъ. При допросѣ онъ сознался, что, кромѣ упомянутаго воровства, имъ еще раньше были совершены два другія: во-первыхъ, кража кошелька съ 10 марками изъ пальто одной барышни въ студенческомъ домѣ, во-вторыхъ, кража ридикюля, въ которомъ были деньги и контрамарки для полученія обѣдовъ“.

Что это не единичный фактъ, видно изъ того, что, по словамъ хроникера газеты „Suomalainen Kansa“ (1911 г., № 58), „уже давно были слышны жалобы отъ студентовъ, посѣщающихъ лекціи въ Гельсингфорскомъ Университетѣ, *по поводу повторяющихся кражъ головныхъ уборовъ, верхняго платья и галошъ*. Изъ кармановъ верхняго платья пропадаютъ деньги. Эти кражи всегда оправдывали тѣмъ, что Университетъ доступенъ и для постороннихъ лицъ, въ виду чего студенты къ этимъ кражамъ не всегда причастны. Въ теченіе же настоящей зимы то и дѣло повторялись подобныя

кражи, въ каковыхъ исключительно обвинялись студенты. Въ университетской библіотекѣ было много подобныхъ кражъ. Такія кражи повторялись и въ такъ называемыхъ семинарныхъ библіотекахъ, куда имѣютъ доступъ лишь извѣстныя лица".

„Неужели ничего нельзя подѣлать для прекращенія кражъ въ университетскомъ домѣ?"—писала старофинская „Uusi Suometar" (1911 г., № 286). „Нельзя бы, повидимому, и мысли допускать о томъ, чтобы въ такихъ мѣстахъ, которыя посѣщаются или должны бы посѣщаться исключительно студентами, происходятъ кражи. Въ помѣщеніяхъ студентовъ, особенно въ передней, передъ читальнымъ заломъ, *кражи сдѣлались обычными явленіями*, не взирая на то, что въ передней имѣется швейцаръ, а то и два. Вѣдь швейцаръ не знаетъ, кто студентъ и кому какая вещь принадлежитъ. Такъ какъ по правиламъ посѣтители должны оставлять верхнее платье въ передней, то необходимо такъ поставить тутъ дѣло, чтобы ни шапки, ни галоши не уходили изъ передней безъ ихъ хозяевъ. Вѣдь кошельку студентовъ, вообще-то не особенно набитому, причиняетъ большой ущербъ необходимость то и дѣло помогать кому-либо другому своими галошами. Возможно, что кражи совершаются и не студентами, однако, надо сознаться, что кто-либо и изъ студентовъ причастенъ къ этому".

Изъ отрицательныхъ явленій, доказывающихъ отсутствіе надлежащихъ порядковъ въ средней школѣ, слѣдуетъ отмѣтить бывшій, по словамъ „Россіи" (1909 г., № 1005), въ большомъ употребленіи до послѣдняго времени *обычай покупать темы* для выпускныхъ экзаменовъ, подавать чужія работы и т. п. пріемы.

Послѣ того, какъ въ 1909 году ректоръ Гельсингфорсскаго Университета раскрылъ эти обманные пріемы, послѣдовалъ циркуляръ о принятіи самыхъ строгихъ мѣръ противъ подобныхъ обмановъ. Тогда попытались прибѣгнуть къ другому, весьма энергичному пріему.

Однажды въ Выборгѣ нѣсколько молодыхъ людей проникли ночью въ помѣщеніе финской совмѣстной школы, чтобы списать тамъ темы письменныхъ работъ, заготовленныя для выпускныхъ экзаменовъ при поступленіи въ Университетъ. Затѣя не удалась и виновные были открыты. Когда учебное начальство объявило, что трое этихъ предпріимчивыхъ людей исключаются изъ школы, масса окончившихъ курсъ финскаго и шведскаго лицеевъ и совмѣстной школы заявила, что и они причастны къ добыванію темъ. Тогда всѣ они были не допущены къ выпускнымъ экзаменамъ.

Въ Гейнолѣ ученики просверлили стѣну и полъ класса, чтобы на ниточкахъ втаскивать письменныя работы, изготовленныя пособниками. Дознаніемъ выяснено, что помощь въ изготовленіи письменныхъ работъ оказывалъ ученикамъ учитель рисованія X., а стѣны просверлилъ одинъ ученикъ К. при помощи инженера Т. и бывшаго ученика С. Имъ помогалъ учитель пѣнія С. Учителя Н. и Т., наблюдая за учениками во время экзамена, смотрѣли на все сквозь пальцы, а первый, кромѣ того, мѣшалъ дознанію.

Безпорядки на выпускныхъ экзаменахъ въ среднихъ школахъ Выборга и Гейнолы были разслѣдованы главнымъ училищнымъ управленіемъ

За выборгское дѣло ректоръ финскаго лицея П. былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, прочіе причастные къ дѣлу учителя и ректоръ шведскаго лицея получили замѣчанія и выговоры за слабый надзоръ за учениками

За безпорядки въ Гейнолѣ Главное Управленіе, признавъ для учителя рисованія X. достаточнымъ наказаніемъ отставку по прошенію, постановило привлечь учителя пѣнія къ судебной отвѣтственности, а учителямъ Н. и Т. объявить строгій выговоръ („Hufvudstadsbladet", 1909 г., № 164).

Все это, конечно, доказываетъ, что наше представленіе о Финляндіи, какъ странѣ, гдѣ воспитаніе дѣтей поставлено чуть-ли не образцово, повидимому, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: въ низшей школѣ отношеніе къ учащимся чисто формальное, и воспитательные пріемы граничатъ съ истязаніемъ, причемъ учителя въ нравственномъ отношеніи далеко не стоятъ на высотѣ призванія; въ средней школѣ, хотя рѣже, но также бываютъ случаи кулачной расправы съ учащимися. Въ результатѣ нѣкоторые учащіеся такъ мало выносятъ изъ школы нравственныхъ принциповъ, что

позволяютъ прибѣгать къ нечестнымъ пріемамъ для полученія дипломовъ и не брезгаютъ плохо лежащей чужою собственностью.

---

4. Направленіе школьнаго преподаванія.

Отрицательнымъ, наконецъ, явленіемъ въ жизни финляндской школы является внесеніе въ школу *политики*, а въ преподаваніе *агитаціоннаго антирусскаго направленія*.

Еще въ 1872 г. Лео Мехелинъ говорилъ на Сеймѣ, что „задача финляндской школы должна быть двоякая: съ одной стороны, она должна имѣть въ виду совершенствованіе учащагося юношества въ полезныхъ знаніяхъ, а съ другой—воспитаніе юношества по извѣстнымъ, диктуемымъ общественнымъ положеніемъ принципамъ. Такимъ образомъ, школа должна дѣйствовать для двухъ равно значительныхъ цѣлей, именно: для чисто-педагогической и для гражданской цѣли*)".

Выраженная г. Мехелиномъ мысль нашла полное осуществленіе въ современной финляндской школѣ, гдѣ нынѣ царствуетъ политика и партійность.

Въ газетѣ „Tammerfors Nyheter" (1911 г., № 13) читаемъ: „Шведская народная партія устраиваетъ бесѣду, на которой, между прочимъ, будетъ возбужденъ и разсмотрѣнъ вопросъ объ учрежденіи клуба молодежи"...

Что это за клубъ молодежи, объясняетъ уже другая газета „Wiipuri" (1911 г., № 22): „слѣдуетъ ли доказывать необходимость развитія дѣла народнаго пробужденія... Два года тому назадъ началось многообѣщающее движеніе, поставившее себѣ главною цѣлью нравственное воспитаніе юношества и развитіе въ немъ народнаго духа. Это движеніе, получивъ организацію, стало называться „патріотическимъ союзомъ молодежи". Однако есть цѣлые уѣзды съ сотнями приходовъ, гдѣ объ этомъ союзѣ и не слыхали. Причина этого печальнаго явленія въ томъ, что многія изъ тѣхъ лицъ, которыя могли бы развивать это дѣло—безпартійны. *Попробуйте только еще десятокъ лѣтъ воспитывать молодежь въ духѣ безпартійности* и вы увидите поколѣніе, которое въ народномъ дѣлѣ (?) не будетъ понимать ничего!.."

Изъ этого видно, что даже умѣренною финляндскою печатью безпартійность въ школѣ признается зломъ.

Правда, подобныя абсурдныя утвержденія не раздѣляются соціалистическими газетами, но объясняется это, надо думать, враждебнымъ отношеніемъ соціалъ-демократовъ къ „буржуазнымъ" школамъ вообще.

Между прочимъ, оцѣнивая значеніе финляндской школы для пролетаріата, „Sosialisti" (1911 г., № 22) писала: „благодаря школѣ, ребенокъ уже съ раннихъ лѣтъ вмѣшивается въ классовыя распри и ему приходится, послѣ усиленной борьбы, выбирать между школой и семьей. Какъ же исправить это? Мы не требуемъ чтобы буржуазныя школы превратились въ соціалъ-демократическія, а *требуемъ только безпартійности*".

Въ то же время соціалистическою прессою отмѣчалось *антирусское направленіе* школьнаго преподаванія.

Въ 1909 году въ финской соціалистической газетѣ „Työmies" (1909 г., № 250) была помѣщена статья подъ заглавіемъ „Мысли финляндскаго сельскаго жителя", авторъ которой весьма картинно изображалъ, до чего доходило такое направленіе въ преподаваніи: „Вѣдь всегда легко было въ финскомъ селянинѣ раздуть національную ненависть ко всему русскому, писалъ онъ, объ этомъ всегда тщательно заботились у насъ въ нашемъ

*) „Московскія Вѣдомости", 1890 г., № 247.

воспитаніи... *финляндскій патріотизмъ училъ всѣмъ сердцемъ презирать русскаго мужика; къ нему систематически, начиная съ народной школы и кончая университетомъ, внушали національную ненависть*, о варварствѣ его говорилось съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ дьявольскою насмѣшкою, *кровь его считалась по сравненію съ кровью финна равною грязи*".

Подтвержденіемъ вышеприведенныхъ мыслей „финляндскаго сельскаго жителя" служитъ слѣдующее характерное дѣло „Въ селѣ Нивалѣ, находящемся на границѣ Вазаской и Улеаборгской губерній, живетъ сельскій торговецъ Андроновъ, родомъ изъ имперскихъ карелъ. Какъ человѣкъ, носящій русскую фамилію, онъ подвергся жестокому *преслѣдованію со стороны учителя мѣстной народной школы*. Л. Андроновъ обратился за защитою въ мѣстный уѣздный судъ, „жалуясь на то, что учитель Л. и его жена оскорбляютъ его честь бранными прозвищами, нарушаютъ его домашній покой и стараются отклонить публику отъ посѣщенія его лавки На судѣ выяснилось, что жена учителя много разъ приходила къ Андронову, обращаясь съ нимъ невѣжливо и называя его „рюссою". Точно также и самъ учитель говорилъ о „рюссахъ" немного презрительно. А однажды, во время собранія народныхъ учителей, гналъ изъ школы учениковъ, приходящихъ въ школу, со словами: „рюсса васъ сюда послалъ?" Андроновъ считалъ такое называніе его неподходящимъ. Л. съ своей стороны говорилъ, что подъ этимъ словомъ „рюсса" онъ разумѣлъ не Андронова, *а употреблялъ это слово, какъ историческое и народное названіе, вмѣсто ругательства*, но не по адресу, однако, Андронова. Онъ утверждалъ, *что представители финской науки рекомендовали ему не ругаться бранными словами, а употреблять вмѣсто нихъ въ минуту раздраженія другія слова*" („Kansan Tahto", 1911 г., № 45).

Въ поясненіе приведеннаго случая слѣдуетъ замѣтить, что какъ у насъ существуетъ два слова для наименованія финновъ: „финнъ" и „чухна", такъ и у финновъ есть два слова для наименованія русскихъ: одно „venälainen" и другое бранное „ryssä". И вотъ учитель Л. примѣнялъ это послѣднее слово при обращеніи съ Андроновымъ, по его же словамъ взаимѣнъ бранныхъ словъ. На учителя уѣзднымъ судомъ наложенъ штрафъ въ 100 марокъ.

Этотъ, въ сущности, мелкій случай является очень типичнымъ для характеристики настроенія финляндскихъ учителей, а слѣдовательно, и направленія школьнаго воспитанія въ отношеніи всего русскаго.

Для характеристики настроеній школьной молодежи среднихъ учебныхъ заведеній считаемъ не лишнимъ напомнить случай, происшедшій въ Выборгѣ, 6 декабря 1910 г., который, по словамъ шведоманской „Nya Pressen" (1910 г., № 295), состоялъ въ слѣдующемъ: „Въ день тезоименитства Государя Императора, по окончаніи богослуженія въ православномъ соборѣ былъ произведенъ парадъ войскамъ комендантомъ выборгской крѣпости. По исполненіи трижды гимна „Боже, Царя храни" войска стали готовиться пройти церемоніальнымъ маршемъ. Въ этотъ моментъ въ шведскомъ лицеѣ, переполненномъ учащимися и постороннею публикою, въ фасадѣ, выходящемъ на площадь, были открыты окна, и раздались трубные звуки „Бьернеборгскаго марша*). Генералъ Петровъ потребовалъ черезъ полиціймейстера немедленно прекратить игру и донести о виновникахъ этой возмутительной дерзкой выходки. Полиціймейстеръ дѣйствовалъ настолько медленно, что генералъ Петровъ, успѣвъ принять парадъ, прибылъ въ лицей ранѣе его".

Виновнымъ оказался 16-тилѣтній ученикъ лицея В. По распоряженію Генералъ-Губернатора, было произведено строжайшее разслѣдованіе происшествія, причемъ сперва учебное начальство лицея хотѣло выставить все дѣло, какъ пустую шалость, и ограничиться выговоромъ ученику.

Однако, серьезное значеніе этого инцидента, выходящаго за предѣлы „шалости", было понято многими изъ финляндцевъ. По словамъ „Nya Pressen" (1911 г., № 8), „при разрѣшеніи вопроса о наказаніи ученика В., подали свои голоса за исключеніе изъ школы главный инспекторъ Т., старшій инспекторъ преподаванія русскаго языка Е., помощникъ главнаго директора Т. и главный директоръ И.-К. Главный инспекторъ Г. Л. не присутствовалъ, а секретарь С. протестовалъ, полагая, что ученикъ В. своими музыкальными упражненіями нисколько не имѣлъ въ виду нарушить порядокъ во время парада и дѣйствовалъ лишь необдуманно".

---

*) Бьернеборгскій маршъ—пѣснь на слова Рунеберга изъ „Разсказовъ прапорщика Столя": „Сыны народа, который проливалъ свою кровь на поляхъ Нарвы, на пескахъ Польши... Еще не умерла сила Финляндіи, *еще можетъ окрасить поле кровью недруга*. Сіяй, высоко ты, побѣдное знамя... впередъ, нашъ благородный раздранный штандартъ. Еще цѣлъ лоскутокъ, на которомъ виднѣются старинныя цвѣта Финляндіи. Никогда наша родина не будетъ исторгнута насиліемъ изъ нашихъ рукъ. Съ оружіемъ въ рукахъ и смѣло впередъ на недруга! Впередъ, нашъ благородный, гордый штандартъ".

Въ результатѣ по распоряженію главнаго училищнаго управленія, ученикъ В., забавлявшійся разыгрываніемъ въ помѣщеніи лицея Бьернеборгскаго марша, былъ уволенъ.

Подобные случаи, конечно, могутъ служить только иллюстраціями царствующаго въ финляндскихъ школахъ настроенія.

Находя неумѣстнымъ въ подробностяхъ касаться здѣсь политическихъ тенденцій, господствующихъ въ финляндской школѣ,—что въ сущности уже выходитъ за предѣлы нашей задачи,—мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ полезнымъ припомнить нѣкоторые факты, въ которыхъ ярко проявилось антирусское направленіе преподаванія въ финляндской школѣ. Такъ, въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе исторія возникновенія учительской семинаріи въ гор. Сердоболѣ со спеціальною цѣлью подготовки учителей для противодѣйствію русскому вліянію въ Кареліи. Не безынтересенъ, далѣе, вопросъ о положеніи преподаванія въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка, а также исторіи и географіи Россіи. Не маловажно также политическое значеніе Гельсингфорскаго Университета, какъ разсадника односторонне мыслящихъ финляндскихъ сепаратистовъ и какъ лабораторія, въ которой подготовляются ученыя и публицистическія выступленія въ защиту теоріи „Финляндскаго государства".

Тенденціозность преподаванія, даже въ ущербъ научной истинѣ, усиленное замалчиваніе свѣдѣній о Россіи съ изученіемъ, въ то же время, сѣверныхъ странъ и, въ особенности, Швеціи, систематическое уклоненіе отъ изученія русскаго языка—вотъ характерныя особенности финляндской школы, не относящіяся, по нашему мнѣнію, къ ея достоинствамъ.

Предпринятыя въ послѣднее время, по настоянію правительства, мѣры даютъ, впрочемъ, основаніе надѣяться, что скоро эти недостатки финляндской школы будутъ исправлены, школа эта отрѣшится, наконецъ, отъ узкаго мѣстнаго патріотизма и на изученіи великаго своего отечества—Россіи и неисчислимыхъ сокровищъ русской литературы воспитаетъ новое поколѣніе финляндскихъ гражданъ, которые перестанутъ ненавидѣть Россію и будутъ уважать великій русскій народъ.

Глава третья. -Лютеранское духовенство; отношеніе къ религіи.

1. Лютеранское духовенство.

„Однимъ изъ наиболѣе обезпеченныхъ классовъ населенія въ Финляндіи является духовенство „господствующаго" вѣроисповѣданія, которое составляло даже особое сословіе въ краѣ, высылавшее своихъ представителей на Сеймъ на-ряду съ дворянствомъ, крестьянствомъ и городами, хотя численность его могла равняться развѣ лишь дворянству. Въ четырехъ епископствахъ Финляндіи,—Абоскомъ, Боргоскомъ, Нейшлотскомъ и Куопіоскомъ,—числится 818 пасторовъ и ихъ помощниковъ, такъ что одинъ пасторъ приходится приблизительно на 3 съ небольшимъ тысячи душъ. Равняясь по численности своей приблизительно родовому дворянству, лютеранское духовенство въ Финляндіи по матеріальной своей обезпеченности также вполнѣ равнялось дворянству и составляло, вмѣстѣ съ нимъ, высшій классъ населенія въ краѣ.

„Еще въ XVII вѣкѣ считалось необходимымъ, чтобы каждый пасторъ имѣлъ семь строеній, которыя приходъ долженъ былъ построить и содержать: 1) домъ съ сѣнями, 2) поварню съ печью для хлѣбовъ и плитою, 3) амбаръ, 4) чуланъ, 5) клѣть для лѣтняго времени, 6) сарай съ гумномъ и 7) хлѣвъ съ конюшнею. Пользуясь неопредѣленностью этого положенія, пасторы требовали отъ прихода: подъ № 1 домъ, въ которомъ должны были быть: зало, три комнаты, передняя и кухня; подъ № 2 домъ въ три комнаты; подъ № 3 помѣщеніе подъ зерно, муку и съѣстные припасы; подъ № 4 помѣщеніе подъ пивоварню и сушилку; подъ № 5 помѣщеніе для коровъ, овецъ, свиней, куръ и пр.; подъ № 6 конюшню; подъ № 7 сараевъ и гуменъ, сколько потребуется. Вслѣдствіе споровъ въ 1727 году было опредѣлено, что пастору приходъ долженъ построить и содержать: 1) домъ въ 10 саженъ длины и 4 сажени ширины и комнаты въ немъ въ 4 аршина вышины; 2) пивоварню съ печью для хлѣбовъ и плитою; 3) амбаръ съ чердакомъ; 4) чуланъ безъ чердака; 5) сарай съ гумномъ посрединѣ; 6) хлѣвъ и конюшню на 6 стойлъ. Это положеніе имѣло силу до 1892 года, когда оно подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ („Oma maa", в. 50, стр. 706)" *).

Чтобы получить понятіе о пасторскомъ благосостояніи надо принять во вниманіе, что пасторамъ въ Финляндіи принадлежитъ 300 тысячъ гектаровъ **) лучшей земли, т. е. приблизительно на пастора приходится 375 гектоpовъ (т. е. 343 дес.). На этой землѣ живетъ около полутора тысячъ торпарей („Kansan Lehti", 1909 г., № 153).

Касаясь вопроса о пасторскомъ землевладѣніи, соціалистическій „Туб-

*) См. газету „Россія", 1909 г., № 1254.

**) Въ статьѣ Эдв. Гюллинга „Аграрный вопросъ въ Финляндіи" точная цифра пасторскаго землевладѣнія опредѣляется въ 346.360 гектаровъ.

mies" (1910 г., № 159) указываетъ, что многіе пасторскіе бостели образовались совершенно противозаконнымъ образомъ. „Въ настоящее время эти бостели въ общей сложности занимаютъ площадь, изъ которой можно было бы образовать 16.000 обыкновенныхъ крестьянскихъ хуторовъ, что составляетъ 10% общаго числа всѣхъ имѣющихся въ Финляндіи въ настоящее время частновладѣльческихъ обработанныхъ земель. Газета считаетъ проклятіемъ для страны, что такая громадная часть лучшихъ земель страны находится во владѣніи пасторовъ, и говоритъ, что давно пора эти земли раздѣлить между безземельными".

Въ общемъ, стоимость каждаго изъ пасторскихъ имѣній въ Финляндіи колеблется отъ 50 тыс. марокъ до 500 тыс. марокъ. Такъ, въ Піэлавеси имѣніе пастора-настоятеля стоитъ 500.000 мар., имѣніе помощника его—140.000 мар. („Työmies", 1908 г., № 112). Торпарей на пасторскихъ земляхъ, сравнительно мало потому, можетъ быть, что „никакой увѣренности въ прочности аренды у торпарей нѣтъ; ихъ, когда угодно, можно по произволу согнать съ земли. Большую роль и здѣсь играетъ извѣстное стремленіе духовенства... оно готово отнять у торпаря даже послѣднюю корову, чему на лицо постоянные примѣры" („Työmies", 1909 г., № 290). Можетъ быть, конечно, мало торпарей и потому, что всѣ бобыли въ Финляндіи обязаны нѣсколько дней въ году отработать каждый на землѣ пастора своего прихода. Землевладѣльцы должны платить въ пользу пасторовъ оброки: съ коровы извѣстное количество масла, съ гектара пашни—извѣстное количество ржи. Такъ, напр., пасторъ прихода Каннусъ получаетъ со своего прихода одного только масла 1.200 килограммъ (73 п. 10 ф.) („Kansan Lehti", 1909 г., № 203). Оброки доставляются пасторамъ на домъ въ назначенные ими для этого дни; не внесенные оброки взыскиваются черезъ полицію. Въ газетахъ то и дѣло приходится читать замѣтки о взысканіяхъ пасторскихъ недоимокъ, производимыхъ полиціею.

Между прочимъ, въ числѣ оброковъ въ пользу лютеранскаго духовенства числится такъ называемый *пасхальный оброкъ*, который берется въ размѣрѣ 96 пенни съ рабочаго, но не съ землевладѣльцевъ въ приходѣ, и который ведетъ свое начало еще съ тѣхъ временъ, когда въ обычаѣ было среди всѣхъ безземельныхъ, скитающихся по приходу въ поискахъ за работою, заходить на дворъ къ пастору, гдѣ ихъ кормили и гдѣ этому кормленію придавался характеръ общественной благотворительности. Въ возмѣщеніе за такой расходъ на общественныя цѣли пасторы и выхлопотали у приходовъ право себѣ на взиманіе весною, когда болѣе всего и бродитъ рабочихъ, ищущихъ заработка, пасхальнаго оброка.

Въ настоящее время пасторы уже не кормятъ у себя ищущихъ заработка безземельныхъ, но тѣмъ не менѣе пасхальный оброкъ продолжаетъ многими изъ нихъ собираться.

Такъ, газета „Kansan Lehti" (1912 г., № 31), сообщаетъ, что въ приходѣ Ямся. Тавастгуской губерніи, пасторъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы пасхальный оброкъ аккуратно всѣми вносился. Не внесшіе его къ сроку должны потомъ имѣть дѣло съ полиціей, какъ недоимщики. Предшественникъ этого пастора нѣсколько снисходительнѣе относился къ уплатѣ пасхальнаго оброка: онъ не отказывался брать его отъ тѣхъ, кто самъ приносилъ, но не принималъ мѣръ принужденія въ отношеніи тѣхъ, кто забывалъ о необходимости уплаты его.

Соціалистическая печать досадуетъ по этому поводу на то, что законодатели забыли вычеркнуть этотъ налогъ изъ списка дѣйствующихъ, и тѣмъ дали возможность духовенству взимать его, несмотря на то, что само оно давно уже не выполняетъ той самой обязанности, которою въ свое время и былъ вызванъ этотъ оброкъ. Взиманіе его, по сообщеніямъ соціалистической печати, производится иногда *даже за прошлые годы*, если почему либо надлежащій пасторъ не сдѣлалъ въ свое время такого сбора.

Упомянутая уже выше газета „Kansan Lehti" (1910 г., № 53), жаловалась, напр., на то, что „по 96 пенни съ семьи собрали пасхальныхъ денегъ въ пользу вдовы Кан-

гасальскаго пастора, умершаго годъ тому назадъ. Собиралъ эти деньги пасторъ Т. Плата пасхальныхъ денегъ давно уже намъ очень не по душѣ"—писалъ изъ Кухмалахти корреспондентъ указанной газеты.

„Какъ бы, однако, ни ворчали среди населенія Финляндіи на необходимость платить оброки въ пользу лютеранскаго духовенства, послѣднее можетъ быть вполнѣ спокойнымъ за полноту ихъ поступленія и даже за аккуратность во времени поступленія: вѣдь, если упустить срокъ взноса, то *за этими оброками явится сельская полиція*, которая, сверхъ полагающагося духовенству оброка, возьметъ еще и себѣ за трудъ по взысканію оброка четыре марки съ каждаго такого неаккуратнаго прихожанина. Такое побужденіе къ аккуратности очень вліяетъ на память и служитъ хорошимъ средствомъ противъ забывчивости на будущее время" *).

Газета „Työmies" (1911 г., № 85) описываетъ *одинъ изъ случаевъ взысканія пасторомъ недоимки*. Дѣло происходило 8-го апрѣля 1911 года въ деревнѣ Хааканага, Раутъярвискаго прихода: за 15 марокъ была продана съ аукціона избушка одного бѣднаго крестьянина, въ назначенное время не заплатившаго пастору оброка въ размѣрѣ 2 марокъ 40 пенни. Уплаты этой суммы пасторъ требовалъ немедленно, хотя со срока прежняго платежа не истекъ еще и годъ. „Очевидно, писала газета, въ данномъ случаѣ пасторъ вовсе не позаботился о тѣлѣ своего пасомаго бѣднаго крестьянина съ женою и четырьмя малолѣтними дѣтьми, оставивъ всѣхъ ихъ безъ пріюта погибать отъ холода и голода. Слѣдовало бы этому пастырю помнить евангельскій завѣтъ о томъ, что „пастырь добрый не разоряетъ своего стада, а оберегаетъ его".

Газета „Rajavahti" (1911 г., № 75), пишетъ, что у одного Муртомякискаго крестьянина *за шестимарочную недоимку пастору продана послѣдняя корова*.

При такихъ условіяхъ матеріальное положеніе духовенства, конечно, не оставляетъ желать лучшаго: въ настоящее время лютеранскіе пасторы въ Финляндіи считаютъ свои доходы десятками тысячъ марокъ.

Въ г. Вильманстрандѣ, напр., пасторъ получаетъ болѣе 30.000 марокъ въ годъ дохода, т. е. 12.000 руб. („Työmies", 1910 г., № 112). Въ г. Коткѣ пасторъ Т., подготовлявшій къ конфирмаціи 260 подростковъ, получилъ отъ каждаго по 10 марокъ. Слѣдовательно, за двѣ недѣли вечернихъ занятій, у пастора набралась сумма въ 2.600 мар. („Rajavahti", 1910 г., № 33)

Чтобы не обременять себя трудомъ по отправленію требъ и веденію мелкихъ дѣлъ, не дающихъ особеннаго дохода, пасторы держатъ *помощниковъ*, которые должны сами заботиться о своемъ содержаніи.

Корреспондентъ изъ Курунъ-Карьюлы („Kansan Lehti", 1910 г., № 94) пишетъ: „У нашего пастора въ обычаѣ держать при себѣ помощниковъ изъ лицъ, готовящихся въ пасторы, и притомъ часто изъ такихъ, какія только подвернутся подъ руку. Самъ пасторъ не хочетъ имъ платить вознагражденія изъ своего кармана, несмотря на доходы, поднимающіеся до десятковъ тысячъ марокъ, и помощники должны искать себѣ другихъ источниковъ существованія".

Въ такомъ же черномъ тѣлѣ держатъ пасторы *низшихъ церковныхъ служителей*, о чемъ нерѣдко отмѣчается въ мѣстныхъ газетахъ.

Въ особенности тяжело положеніе такъ называемыхъ кистеровъ или псаломщиковъ. Они обыкновенно несутъ многостороннія обязанности, какъ напримѣръ: поютъ псалмы, играютъ на органѣ, помогаютъ пастору при богослуженіи и при требахъ, звонятъ въ колокола и т. д., жалованье же получаютъ ничтожное, въ то время какъ пасторы пользуются тысячными доходами.

Младофинская газета „Laatokka", отъ 7 (20) февраля 1912 г., приводитъ перечень обязанностей кистеровъ, составленный шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ въ началѣ XVII вѣка. Кругъ обязанностей современныхъ финляндскихъ кистеровъ нѣсколько „напоминаетъ служебный долгъ ихъ предковъ", разница лишь въ наказаніяхъ за нарушеніе „прямыхъ" обязанностей.

*) „Финляндская Газета", 1912 г., № 74.

Вотъ, какія, между прочимъ обязанности кистеровъ предусмотрѣны, по словамъ „Laatokka", въ уставѣ Густава Адольфа:

§ 1. Кистеръ долженъ *топить баню* священника и разъ въ недѣлю *прислуживать ему и приготовлять вѣники*.

§ 2. Если нужно, то долженъ охотиться для священника.

§ 3. Если кистеръ въ теченіе цѣлаго года не можетъ пѣть, то за это долженъ работать на священника.

§ 4. Точно также кистеръ обязанъ сѣять хлѣбъ священника и убирать его во время, но можетъ нанимать за себя и другого; за нарушеніе этого долженъ заплатить 3 öra штрафа, а также возмѣстить причиненные убытки.

§ 5. Кистеръ и его жена должны приносить священнику квасъ и боченокъ пива.

§ 6. Жена кистера обязана мѣсить для священника тѣсто и печь ему хлѣба, если это необходимо, за что получаетъ горячее.

§ 7 Если кистеръ все это въ году выполнитъ, то священникъ обязанъ пожертвовать ему за труды *пару сапогъ и пару хорошихъ чулокъ*".

Изъ этого перечня обязанностей видно, что ближайшій помощникъ пастора при богослуженіи, кистеръ разсматривался въ то же время, какъ его даровой работникъ и слуга, который, вмѣстѣ съ женой, былъ въ полномъ распоряженіи пастора.

„Пользуясь доходами своихъ большихъ имѣній, получая порядочное жалованье, будучи обезпечены аккуратнымъ поступленіемъ оброковъ и имѣя, наконецъ, опредѣленную таксою плату за требы, пасторы въ Финляндіи, по словамъ „Россіи" (1909 г., № 1254), могутъ жить припѣваючи или, какъ грубовато выражается соціалистическая газета „Kansan Lehti" въ № 153, „могутъ выращивать жирные животы и содержать сыновей и дочерей въ Гельсингфорсѣ".

Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что хорошо обезпеченные пасторы ни въ коемъ случаѣ *не соглашаются выполнять требы дешевле* опредѣленной суммы.

Такъ, Суміакскій пасторъ Х. былъ приглашенъ отпѣвать одного умершаго рабочаго. Прежде, чѣмъ итти на требу, пасторъ освѣдомился, могутъ ли родственники умершаго уплатить ему „за труды" 7 марокъ 50 пенни. Когда выяснилось, что подобной суммы у родственниковъ нѣтъ, пасторъ категорически отказался итти на требу. Родственники просили у пастора позволенія внести покамѣстъ тѣло въ притворъ, но и на это послѣдовалъ отказъ. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ газета, тѣло умершаго осталось ждать, когда у его родственниковъ финансовыя дѣла будутъ въ лучшемъ положеніи" („Sosialisti", 1911 г., № 14).

Другой пасторъ, окрестивъ трехъ дѣтей, „потребовалъ отъ родителей крестившихся „вознагражденіе за труды" въ размѣрѣ 9 марокъ. Бѣдные родители отвѣтили, что такой суммы они заплатить не въ состояніи. Тогда пасторъ сбавилъ 3 марки и заявилъ, что если бы онъ зналъ подобную скупость родителей, то не сталъ бы и совершать требы" („Työ", 1911 г., № 33).

Имѣя дѣло съ простымъ народомъ, пасторы нерѣдко очень *небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ*.

Соціалистическій „Hämeen Woima" (1910 г., № 73) разсказываетъ, что въ субботу, 25 іюня 1910 г., въ канцеляріи пастора въ Геллинъ-Форесѣ, къ присутственному часу собралось много народа, желавшаго по той или иной причинѣ видѣть своего пастора, но послѣдній соблаговолилъ выйти къ дожидавшимъ *на два часа позже*, чѣмъ ему слѣдовало бы приступить къ своимъ обязанностямъ. „Первой получила аудіенцію одна женщина, явившаяся крестить рожденнаго внѣ „христіанскаго" брака ребенка. Сверхъ всякаго ожиданія, ей досталось отъ пастора и, въ концѣ концовъ, онъ совершенно *отказался окрестить ребенка*".

Интересно бы знать, какое право имѣетъ пасторъ отказываться отъ крещенія ребенка, хотя бы и незаконнаго?

Хороши также порядки на кладбищахъ, которыми завѣдуютъ пасторы.

Напр., газета „Työmies" (1911 г., № 84), описываетъ *мытарства, переносимыя лицами, которымъ приходится хоронить своихъ покойниковъ въ Маньмъ* „Недавно на эту станцію было привезено два вагона покойниковъ Прежде всего чрезвычайно долго продолжалась выгрузка покойниковъ Затѣмъ дорога между станціей и кладбищемъ находится въ настолько ужасномъ состояніи, что лицамъ, участвовавшимъ въ похоронной процессіи, пришлось брести по колѣна въ грязи На кладбищѣ, *по обыкновенію, очень долго пришлось ждать пастора* Несмотря на обиліе покойниковъ, на лицо былъ только одинъ пасторъ Послѣ 2½ часового ожиданія прибылъ, наконецъ, пасторъ, но увы! – злополучной публикѣ, со своими покойниками, пришлось ждать еще до тѣхъ поръ, пока пасторъ не предалъ землѣ покойниковъ изъ больницы Всѣ эти мытарства

окончились лишь въ 5-мъ часу вечера. Лица, сопровождающія покойниковъ, недовольны также тѣмъ, что пасторы слишкомъ въ маломъ количествѣ заказываютъ вагоны, благодаря чему публика бываетъ втиснута въ вагоны, какъ сельди въ бочку. Въ заключеніе газета выражаетъ надежду, что подлежащія власти позаботятся объ устройствѣ дорогъ, о достаточномъ количествѣ вагоновъ, а также объ устраненіи другихъ, имѣющихъ здѣсь мѣсто безпорядковъ".

Почти всѣ перечисленные нами факты почерпнуты изъ соціалистическихъ газетъ, которыя никогда не упускаютъ случая освѣтить отрицательныя стороны жизни духовенства. Зная такое настроеніе соціалистовъ, духовенство особенно щепетильно относится ко всякаго рода проявленіямъ неуваженія къ себѣ со стороны соціалистическихъ рабочихъ союзовъ и, если можетъ, отвѣчаетъ на это репрессіями.

Такъ, напримѣръ, „епископъ разсердившись, что союзъ рабочихъ въ приходѣ Густавъ устроилъ въ домѣ рабочаго союза вечеръ въ тотъ день, когда епископъ пріѣхалъ ревизовать этотъ приходъ, предложилъ мѣстному духовенству принять необходимыя мѣры къ выселенію и сносу дома союза, который находится на землѣ пасторскаго бостеля („Työ", 1910 г., № 221).

„Вообще, по словамъ „Россіи" (1909 г., № 1254), распространившійся по Финляндіи за послѣднія двадцать лѣтъ соціализмъ заставилъ лютеранское духовенство нѣсколько призадуматься; соціалисты повели атаку на духовенство съ двухъ сторонъ: и съ матеріальной, и съ моральной. Отрицая необходимость церковнаго вѣнчанія, крещенія и отпѣванія, и требуя передачи совершенія этихъ обрядностей въ гражданскія учрежденія, соціалисты тѣмъ самымъ хотятъ лишить духовенство значительной части доходовъ. Начавъ же борьбу съ духовенствомъ на матеріальной почвѣ, соціалисты воспользовались слабостями духовенства и въ моральномъ отношеніи, и слабостями послѣдняго рода стали доказывать полное несоотвѣтствіе духовенства своему званію и отсюда выводить отсутствіе въ немъ надобности. И борьба на моральной почвѣ для финляндскаго духовенства, надо думать, гораздо непріятнѣе борьбы на матеріальной почвѣ: скандальныя слабости его стали выставляться на показъ народу".

„Такъ напримѣръ, по словамъ „Россіи", соціалистическая печать указывала на соанлахтинскаго пастора, Т., какъ имѣющаго, кромѣ жены, трехъ наложницъ (Työmies", 1909 г., № 214), разсказывала о способѣ передвиженія раннимъ утромъ куопіоскихъ духовныхъ лицъ на четвереньках („Työmies", 1909 г., № 201), смѣялась надъ китескимъ пасторомъ, по поводу того, что сынъ помѣшалъ ему вступить въ рукопашную схватку со своими прихожанами („Työmies", 1909 г., № 170), злорадствовала надъ рукопашною „жестокою свалкою" между пасторомъ и торпаремъ („Työmies", 1909 г., № 166) и т. д. въ такомъ же родѣ".

Выше при описаніи нравовъ (см. главу первую) были отмѣчены газетныя сообщенія о случаяхъ *безнравственнаго поведенія* пасторовъ, сдѣлавшихся въ недавнее время даже предметомъ судебнаго разбирательства. Между прочимъ, упоминалось о пасторѣ, устраивавшемъ чуть-ли не гаремъ изъ дѣвицъ, подготовлявшихся къ конфирмаціи (стр. 79). Приводились также многочисленныя сообщенія о неумѣренномъ потребленіи вина пасторами (см. стр. 11 и 12).

Встрѣчаются въ печати указанія на *неисправное веденіе духовенствомъ метрическихъ книгъ.*

Такъ, напр., пасторъ К., во время своей службы въ Лаппескомъ приходѣ, записалъ въ метрическія книги массу фиктивныхъ браковъ и, наоборотъ, не записалъ очень многихъ имъ же самимъ вѣнчанныхъ. Въ метрическихъ книгахъ послѣ ухода К., обнаружена такая путаница, что преемникъ К. совершенно не могъ въ ней разобраться („Työ", 1911 г., № 75).

„Недавно, по словамъ шведоманской „Hufvudstadsbladet", дѣвушкою-прислугою изъ Выборга потребовано было пасторское свидѣтельство на переселеніе изъ Выборгскаго городского прихода въ другой. Къ ея величайшему удивленію при этомъ оказалось, что по книгамъ она уже 2½ года замужемъ за человѣкомъ, переселившимся въ Сердоболь. По такому поводу она рѣшительно ничего не могла съ своей стороны объяснить, почему выясненіе было предоставлено комиссіи. Удивительныя, однако, бываютъ книги, такъ любопытно регистрирующія далеко не безразличное для обывателя обстоятельство—тутъ и перекрестятъ, и повѣнчаютъ, и похоронятъ—а ему-то ничего не будетъ объ этомъ извѣстно" („Финляндская Газета", 1911 г., № 142).

Въ самое недавнее время, по сообщенію той же газеты „Hufvudstadsbladet", (1911 г., № 96), Судебный Департаментъ Сената приговорилъ пастора прихода Раутусъ А. Я. за различные проступки по службѣ къ отстраненію отъ должности на трехмѣсячный срокъ.

Наконецъ, касаясь отрицательныхъ сторонъ жизни финляндскаго духовенства, слѣдуетъ отмѣтить *политическое значеніе духовенства.*

Увлекаясь мечтами о своей странѣ, какъ особомъ „государствѣ", финляндцы и лютеранскую церковь, къ которой принадлежитъ преобладающее большинство населенія края, величаютъ именемъ „государственной" *), разумѣя подъ этимъ опредѣленіемъ положеніе ея, какъ церкви господствующей и преимущественно передъ другими поддерживаемой всѣми финляндскими законами и порядками края. Лютеранское духовенство, благодаря этому, до самаго послѣдняго времени составляло особое привилегированное сословіе въ краѣ, высылавшее своихъ представителей на Сеймъ на ряду съ дворянствомъ, горожанами и крестьянами. Теперь сословнаго Сейма уже нѣтъ, но лютеранское духовенство продолжаетъ еще принимать большое участіе въ общественной жизни края.

Будучи весьма вліятельнымъ классомъ среди населенія, духовенство нерѣдко служило опорою мѣстныхъ сепаратистовъ при оказаніи сопротивленія распоряженіямъ русской власти.

Такъ, когда, 29 іюля 1901 года, былъ изданъ манифестъ о воинской повинности для Финляндіи, руководителями финляндской оппозиціи были разосланы обращенные къ пасторамъ и прихожанамъ циркуляры и прокламаціи съ призывомъ не объявлять съ церковныхъ каѳедръ и не допускать объявленія этого манифеста въ церквахъ.

Въ результатѣ во многихъ приходахъ Выборгской, Тавастгусской, Або-Бьернборгской и Куопіоской губерній и въ большинствѣ приходовъ Нюландской и С.-Михельской губерній манифестъ съ церковныхъ каѳедръ не былъ опубликованъ.

„Согласно объясненіямъ губернаторовъ, неопубликованіе манифеста вызывалось какъ отказомъ пасторовъ прочесть присланные документы, такъ и отсутствіемъ слушателей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пасторы сопровождали чтеніе манифеста различными оговорками, въ другихъ прямо отказывались его объявить; 65 пасторовъ Боргоской и Нейшлотской епархій представили въ Сенатъ ходатайство объ освобожденіи ихъ отъ чтенія манифеста, какъ не согласующагося съ требованіями ихъ совѣсти, а въ Нюландской губерніи капелланъ Г. и главный пасторъ Ф. подали отзывы, въ которыхъ признавали незаконными манифесты, изданные какъ въ февралѣ 1899 года, такъ и въ іюнѣ 1901 года."

Въ отвѣтъ на эти представленія Финляндскій Сенатъ предписалъ духовнымъ Консисторіямъ настоять на оглашеніи духовенствомъ переданныхъ ему узаконеній; восемь пасторовъ было предано суду, пасторскіе протесты оставлены безъ послѣдствій**).

Между прочимъ, оглашеніе этого манифеста въ нѣкоторыхъ церквахъ было возложено лютеранскимъ духовнымъ начальствомъ на разъѣзднаго пастора Хальме, приступившаго съ достойною твердостью и рѣшимостью къ исполненію даннаго ему порученія. И вотъ, когда мѣстные политиканы, надѣвшись надъ пасторомъ Хальме, всячески мѣшали ему исполнять порученное дѣло, штатное духовенство церквей, оканчивая очередное служеніе, либо удалялось изъ церкви, либо оставалось въ ней и въ той

*) Такое наименованіе лютеранской церкви въ Финляндіи совершенно неправильно, такъ какъ, на основаніи общегосударственнаго закона (Св. Зак. т. I, Основ. Гос. Зак., ст. 62), государственною на всемъ протяженіи Имперіи является церковь православная. То же самое говорится въ Уставѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій См. ниже, стр. 217.

**) „Финляндія. Обзоръ періодической печати". Вып. VIII, 1902 г., стр. 13 и слѣд.

или иной формѣ, равно непристойной служителямъ алтаря, примыкало къ дерзкимъ демонстраціямъ

Въ Ловизѣ, куда, между прочимъ, прибылъ пасторъ Хальме и гдѣ ему пришлось особенно тяжело, мѣстный пасторъ на другой день по прибытіи пастора Хальме произнесъ проповѣдь, въ которой раза два упоминалъ о томъ, что существуютъ люди фальшивые, и что даже между „двѣнадцатью" (повидимому, Христовыми учениками), также оказался одинъ фальшивый, и это былъ діаволъ. Когда Хальме приступилъ къ своему дѣлу и началъ читать, то изъ толпы раздались крики: „Мы не хотимъ слушать, нѣтъ, нѣтъ", а затѣмъ началось пѣніе псалма, подхваченное органомъ *).

Знаніе русскаго языка считается *предосудительнымъ для пасторовъ*. Это видно изъ слѣдующаго случая.

Въ 1911 году настоятелемъ южнаго шведскаго прихода въ Гельсингфорсѣ былъ назначенъ д-ръ Саволинъ, *владѣющій русскимъ языкомъ*. И вотъ это послѣднее обстоятельство возбудило страшную травлю пастора въ шведоманскихъ газетахъ. Въ статьѣ по этому поводу подъ заглавіемъ: „Д-ръ Саволинъ, настоятель въ Гельсингфорсѣ", газета „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 158) пыталась всячески очернить названнаго пастора, въ главную вину ставя ему то, что онъ самъ предложилъ начальству свои услуги, доведя до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что онъ владѣетъ русскимъ языкомъ. Газета взывала къ прихожанамъ: пусть они, елико возможно, *избѣгаютъ всякаго соприкосновенія съ нимъ и не прибѣгаютъ къ его услугамъ въ случаяхъ надобности въ какихъ либо церковныхъ требахъ*. Пусть церкви, въ которыхъ онъ возвышаетъ свой голосъ, пустуютъ,— ибо этотъ голосъ будетъ слишкомъ сильно напоминать звукъ бряцающаго кимвала. Можетъ быть, тогда д-ръ Саволинъ пойметъ, что нельзя безнаказанно вторгаться и занимать самовольно важную и деликатную должность, и, быть можетъ, такимъ образомъ, *онъ пойметъ, что ему слѣдуетъ сдѣлать*.

Послѣ этого призыва къ бойкоту неугоднаго ей пастыря, газета высказывала слѣдующія мысли *о политической роли церкви въ Финляндіи*:

„Церковь была въ Финляндіи въ теченіе вѣковъ воспитательницей народа. Но времена лукавы, и многіе устои, считавшіеся непоколебимыми, заколебались. Церковь имѣетъ въ Финляндіи еще очень важную задачу. Однако, въ предыдущій періодъ тяжкаго времени церковь успѣла обмануть ожиданія многихъ. Теперь же дѣло обстоитъ хуже: являются служители церкви, добровольно предлагающіе свои услуги правительству, которое никоимъ образомъ не можетъ считаться истиннымъ правительствомъ страны. Неужели д-ръ Саволинъ не понимаетъ, въ какой высокой мѣрѣ онъ подрываетъ уваженіе къ церкви?".

За пастора Саволина вступилась другая шведская газета „Tammerfors Nyheter". Она напечатала статью: „Имперіальные пасторaты", въ которой взяла подъ защиту пастора Саволина. Газета доказывала, во-первыхъ, что назначеніе пастора Саволина вполнѣ закономѣрно, такъ какъ Имперіальные пасторaты замѣщаются Верховною властью, а, во-вторыхъ, что пасторъ Саволинъ, самъ по себѣ, человѣкъ безупречный и не заслуживаетъ тѣхъ подозрѣній, которыя были высказаны по его адресу лейбъ-органомъ шведомановъ. Напротивъ, пасторъ Саволинъ принадлежитъ скорѣе къ числу людей независимыхъ, отнюдь не склонявшихъ спины, подобно многимъ безхребетнымъ, въ Бобриковское время. Онъ даже пострадалъ за свою независимость, ибо начальство не разъ обходило его назначеніями. „Но,—пишетъ далѣе газета,—*если д-ръ Саволинъ дѣйствительно указалъ на свое знаніе русскаго языка, какъ на достоинство, или привелъ какія либо иныя политическія соображенія въ пользу своего назначенія, то онъ, конечно, заслуживаетъ полностью того порицанія*, которое выпало на его долю".

Конечно, послѣднее замѣчаніе очень обрадовало газету „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 164): „Наконецъ то, разумное слово", восклицаетъ она и повторяетъ затѣмъ свои ранѣе высказанныя по адресу пастора Саволина инсинуаціи.

Между тѣмъ, докторъ Саволинъ письмомъ въ редакцію „Tammerfors Nyheter" (1911 г., № 93), счелъ нужнымъ оправдаться во взводимыхъ на него „тяжкихъ" обвиненіяхъ: „онъ никогда не видѣлъ, и тѣмъ менѣе посѣщалъ Генералъ-Губернатора Зейна, не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ этому, а равно не посѣщалъ никого, кромѣ начальника духовныхъ дѣлъ, что было признано необходимымъ всѣми соискателями вкупѣ; затѣмъ, онъ ни единымъ словомъ не возбуждалъ подозрѣнія по отношенію другихъ соискателей и *не выставлялъ своего знанія русскаго языка*".

Вполнѣ удовлетворившись такими объясненіями, „Tammerfors Nyheter" совѣтовала газетамъ, возбудившимъ травлю противъ пастора Саволина, быть на будущее время осторожнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло „касается *отнятія чести и добраго имени*".

Такимъ образомъ, посѣщенія Генералъ-Губернатора и знанія русскаго языка достаточно въ Финляндіи для „отнятія чести и добраго имени".

---

*) „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи". Спб., 1911 г., стр. 57 и слѣд.

Все сказанное заставляетъ насъ притти къ очень нелестнымъ выводамъ о лютеранскомъ духовенствѣ въ Финляндіи.

Несмотря на то, что, благодаря обширнымъ земельнымъ владѣніямъ, духовенство занимаетъ обезпеченное положеніе, содержаніе его тяжелымъ бременемъ ложится на недостаточное сельское населеніе, причемъ взысканіе сборовъ въ пользу пасторовъ съ неисправныхъ плательщиковъ производится при помощи полиціи безъ всякаго послабленія. Встрѣчаются пасторы, торгующіеся изъ-за платы при совершеніи спѣціяльныхъ требъ, а также небрежно исполняющіе свои обязанности.

Склонность пасторовъ къ неумѣренному потребленію алкоголя составляетъ обычную тему при нападкахъ на церковь мѣстныхъ соціалистическихъ газетъ. Не мало сообщеній приводится также о развратномъ поведеніи пасторовъ, жертвами которыхъ являются даже дѣвочки-конфирмантки.

Наконецъ, мы видѣли, что лютеранское духовенство въ Финляндіи занимается совсѣмъ не свойственнымъ ему дѣломъ—политической агитаціей, и дѣло дошло до того, что даже знаніе русскаго языка считается позоромъ.

2. Отношеніе финляндцевъ къ религіи.

Выше уже было указано на борьбу съ духовенствомъ, открытую соціалистической прессой. Разоблачаемые ею случаи безнравственной жизни пасторовъ, а также проявляемое послѣдними презрительное отношеніе къ бѣдному классу естественно создаютъ враждебное отношеніе со стороны населенія къ представителямъ духовенства.

Отмѣчая случаи проявленія враждебныхъ отношеній къ духовенству, являющихся слѣдствіемъ паденія уваженія къ пасторамъ, соціалистическая печать съ удовольствіемъ сообщаетъ о полномъ упадкѣ религіозности и уваженія къ церкви въ населеніи Финляндіи.

Населеніе или не посѣщаетъ церквей, или „идетъ въ церковь и слушаетъ, какъ пасторъ проповѣдуетъ; выйдя же изъ церкви, смѣется надъ всею проповѣдью" („Kansan Lehti", 1909 г., № 247). Самое поведеніе молящихся, если можно только такъ называть еще посѣтителей церквей, таково теперь, что заставляетъ церковные совѣты придумывать мѣры принужденія публики вести себя въ церкви прилично, а то „посѣтители церкви, въ особенности молодежь, совершенно забываютъ, гдѣ они и какъ они должны вести себя: они безобразничаютъ, какъ на постояломъ дворѣ" („Työmies", 1909 г., № 207,).

„Добровольные сборы на церкви, читаемъ въ „Россіи" (1909 г., № 1254), сдѣлались для населенія предметомъ шутокъ: въ церковныя кружки опускаются пуговицы и прочія, никому не нужныя мелкія вещи, такъ что даже такая буржуазная газета какъ „Karjala" (1909 г., № 208), совѣтуетъ, въ виду этого „вынести церковныя кружки на чердаки церквей". Зато, взамѣнъ желанія нести на церковь подаянія, у населенія развивается желаніе отбирать у нея и то, что тамъ есть, учащаются попытки обкрадывать церкви. За небольшой только періодъ времени въ 1909 году *обокрадены*, по сообщенію печати, слѣдующія кирки: Хаусъярвская, Сяакмякская, Кангасальская, Хумпильская, Мессукюльская, Лемпяльская и Лахтиская".

Неуваженіемъ къ духовенству населеніе, къ удовольствію соціалистовъ, проникается съ самаго юнаго возраста.

Вотъ, напримѣръ, въ церкви прихода Метсяпирти епископъ экзаменуетъ молодежь, готовящуюся къ причастію. „Во время экзамена одни играли на церковныхъ скамьяхъ въ карты, другіе грызли яблоки, покупаемыя съ лотковъ возлѣ церкви. Одинъ парень, задумавъ оживить экзаменъ, швырнулъ яблокомъ въ лицо одному изъ пасторовъ. Епископъ не выдержалъ такого поведенія молодежи и сталъ порицать ее за худой образъ жизни" („Kansan Lehti", 1909 г., № 243). Въ Нярпіо епископъ былъ

еще болѣе возмущенъ поведеніемъ молодежи и, „браня ее, грозилъ при помощи полиціи загнать въ кирку тѣхъ молодыхъ людей, которые не пришли на экзаменъ“ („Helsingin Sanomat“, 1910 г., № 156).

Съ другой стороны, повидимому, и духовенство на этихъ экзаменахъ не стѣсняется давать волю своимъ рукамъ. По словамъ „Kansan Tahto“ (1910 г., № 48) – „характеръ этихъ экзаменовъ лучше всего обрисовывается тѣмъ названіемъ, которое дано имъ въ народѣ: *„экзаменъ волосъ“*. Ихъ обычно ждутъ со страхомъ и ужасомъ“.

По словамъ „Россіи“ (1909 г., № 1254), „соціалисты въ Финляндіи особенно враждебно относятся къ духовенству не столько оттого, что оно было духовнымъ вождемъ народа, сколько изъ-за занятаго имъ съ самаго начала „барскаго“ положенія. У насъ нашъ народъ называетъ священниковъ „батюшками“, и самимъ названіемъ, такимъ образомъ, какъ бы признаетъ въ нихъ своихъ духовныхъ отцовъ, наставниковъ; финскій народъ называетъ своихъ пасторовъ „kirkkoherra“, т. е. *„церковными барами“*, и этимъ названіемъ сразу же указываетъ на совершенно иную черту въ нихъ: обособленность ихъ отъ народа, какъ высшаго класса, и только; о духовномъ руководительствѣ въ этомъ названіи нѣтъ и помину. И соціализмъ въ Финляндіи особенно горячо нападаетъ на свое духовенство, именно съ этой стороны. Но „церковнаго барина“ въ Финляндіи взялъ подъ свою защиту законъ, и поэтому въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ и есть „баринъ“, несмотря на всѣ нападки на него соціалистовъ“ *).

Въ послѣднее время въ Финляндіи такъ распространился религіозный индифферентизмъ, что тамъ *перестаютъ крестить дѣтей*.

Недавно въ „Hufvudstadsbladet“ (1911 г., № 236), подъ заглавіемъ „О поступленіи некрещеныхъ дѣтей въ казенныя училища“, была помѣщена замѣтка, въ которой сообщалось, что нѣкій, проживающій въ Таммерфорсѣ инженеръ-электрикъ В. Т. обратился въ главное училищное управленіе съ жалобой, что его сынъ Пауль, который выдержалъ этой весной вступительный экзаменъ въ Таммерфорсскій финскій реальный лицей, не былъ принятъ въ названное заведеніе по той причинѣ, что онъ не крещенъ.

Жалоба была оставлена безъ послѣдствій, „такъ какъ,—гласитъ резолюція училищнаго управленія,—изъ данныхъ подлежащимъ ректоромъ объясненій явствуетъ, что причиной отказа въ принятіи сына жалобщика въ лицей является только то, что ректору не было предъявлено такое надлежащее свидѣтельство, которое, по параграфу 20-му школьнаго устава отъ 8-го августа 1872 года, является необходимымъ условіемъ при пріемѣ въ казенныя училища“

Слѣдуетъ замѣтить, что, вмѣсто „надлежащаго“ метрическаго, было представлено какое-то совершенно неоффиціальное свидѣтельство отъ свободно-церковнаго проповѣдника (frikyrkliga predikant) въ Таммерфорсѣ.

Конечно, вполнѣ понятно негодованіе соціалистовъ на подобное рѣшеніе, но удивительно, что защитницей некрещенія дѣтей выступила самая буржуазная шведоманская газета „Nya Pressen“**).

„Главное училищное управленіе—писала она—стало на сторону ректора по причинамъ чисто формальнаго характера. Параграфъ 20-й училищнаго устава 1872 г. постановляетъ условіемъ для пріема въ учебное заведеніе представленіе пасторскаго свидѣтельства о возрастѣ ученика и мѣстѣ рожденія, а также объ имени родителей и ихъ сословіи. Конечно, законъ, въ такихъ случаяхъ, какъ описанный, указываетъ единственный источникъ—церковныя книги; это естественно. Но въ данномъ дѣлѣ оказалось возможнымъ имѣть всѣ упомянутыя свѣдѣнія и безъ посредства выписки изъ церковныхъ книгъ“. Поэтому газета находила, что главному училищному управленію не слѣдовало увлекаться формализмомъ, и оно должно было принять въ лицей некрещенаго ученика. „Вѣдь дѣло идетъ о всей будущности извѣстнаго члена общества, продолжаетъ „Nya Pressen“, и ребенка, конечно, не должно наказывать за то, что его родители изъ религіозныхъ убѣжденій не слѣдуютъ буквѣ закона“.

*) Выше (стр. 106) были приведены цифры получаемыхъ пасторами доходовъ, выражающихся въ десяткахъ тысячъ марокъ. Если принять во вниманіе, что, кромѣ того, у пастора готовый домъ и хозяйство, будетъ вполнѣ понятно, что пасторы могутъ жить барами. Прим. сост.

**) См. „Финляндскую Газету“ отъ 6 сент. 1911 г., № 125.

Приводя эту цитату, „Финляндская Газета“ справедливо замѣчала: „Конечно, вѣдь это такіе пустяки—по мнѣнію шведоманской газеты—что для дѣтскаго ума и сердца останется закрытой цѣлая область высочайшихъ религіозныхъ истинъ, цѣлый міръ возвышенныхъ христіанской вѣрой нравственныхъ понятій и убѣжденій. Недурна и медвѣжья услуга училищному управленію: оно-де не приняло Пауля Т. лишь потому, что его свидѣтельство подписано частнымъ лицомъ, а не потому, что мальчикъ не крещенъ. Изъ довольно туманной резолюціи названнаго управленія, дѣйствительно, не трудно вывести и подобное заключеніе.

„Даже постороннему наблюдателю бросится въ глаза опасная связь такихъ новомодныхъ явленій, какъ „некрещеныя дѣти“, съ замѣчаемыми повсюду въ странѣ прискорбными признаками нравственнаго одичанія и звѣрской, жестокой преступности. Ожесточенное политиканство, проповѣдующее вмѣсто человѣческаго братства непримиримое человѣконенавистничество, и безъ того губительно разъѣдаетъ нравственные устои мѣстнаго общества, возводя въ героизмъ то, что является собственно преступленіемъ. Если еще ко всему этому уменьшится смягчающее вліяніе религіи, то послѣдствія могутъ быть весьма печальными, а главное—надо помнить то, что посѣянное зло всегда обращается на сѣятелей его“ *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣднее время въ Финляндіи появилось стремленіе *отмѣнить въ школахъ преподаваніе Закона Божія*.

По словамъ „Wiborsg Nyheter“ (1912 г., № 127), на состоявшемся въ 1912 году въ С.-Михелѣ съѣздѣ народныхъ учителей, учитель І. Л. обсуждалъ вопросъ о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ и предложилъ вынести резолюцію объ отмѣнѣ преподаванія названнаго предмета. Во время дебатовъ высказаны были практическія затрудненія подобнаго мѣропріятія, но тѣмъ не менѣе съѣздъ постановилъ выразить надежду, что преподаваніе Закона Божія въ народныхъ училищахъ будетъ офиціально отмѣнено.

Самое *посѣщеніе церкви* населеніемъ происходитъ не въ силу религіознаго побужденія, а по привычкѣ, на основаніи установившагося вѣками обычая проводить такимъ образомъ праздничный день. Посѣщая по такому побужденію кирки, народъ не увлекается тамъ ни ходомъ службы, ни проповѣдью, и поэтому очень благосклонно относится ко всякаго рода происшествіямъ въ киркѣ, не видя въ этихъ происшествіяхъ чего либо такого, что нарушало бы въ глазахъ его церковное благочиніе.

Вотъ, напримѣръ, сообщеніе газеты „Sosialisti“ (1911 г., № 237):

„Когда въ минувшій вторникъ совершали въ киркѣ г. Тавастгуса обычную церковную службу, въ кирку вошелъ подвыпившій торговецъ К. Онъ вошелъ, не снимая съ головы шапки, и, сѣвъ на переднюю скамейку, началъ перебивать своими замѣчаніями пастора и кистера, *вытаскивая времянами бутылку изъ кармана и отхлебывая изъ нея*. Онъ покинулъ свою скамью только послѣ того, какъ и другіе присутствовавшіе вышли изъ кирки“.

Изъ этого сообщенія не видно, чтобы кто либо возмущался поведеніемъ торговца К. или протестовалъ противъ его выходокъ, какъ нарушающихъ церковное благочиніе.

Характерно, что церковное благочиніе въ Финляндіи часто нарушается не столько людьми, сколько *собаками, которыхъ принято брать съ собою въ кирки*.

Инциденты, возникающіе вслѣдствіе такого обыкновенія, довольно часты, причемъ интереснѣе всего то, что прихожане выражаютъ неудовольствіе, когда пасторы требуютъ вывода собакъ.

Напр., въ Абоскую лютеранскую консисторію въ 1911 г. была подана жалоба прихожанъ Мартильскаго прихода, въ которой они обвиняютъ, между прочимъ, своего

*) „Финляндская Газета“, тамъ же.

пастора С. въ томъ, „что онъ много разъ, уже во время самой воодушевленной воскресной проповѣди вдругъ, прекращалъ проповѣдь и начиналъ сурово порицать тѣхъ лицъ, которыя вводятъ своихъ собакъ съ собою въ кирку“ („Helsingin Sanomat“, 1911 г., № 222).

Въ другомъ случаѣ епископъ вынужденъ былъ прекратить свою проповѣдь въ киркѣ опять-таки изъ-за собаки. Во время ревизіонной поѣздки по епархіи, куопіоскій епископъ остановился въ приходѣ Рауталампи и проповѣдывалъ въ киркѣ. Во время его проповѣди съ хоръ упала собака и сильно расшиблась. „Несчастіе такъ подѣйствовало на присутствующихъ, что даже проповѣдь епископа закончилась на этомъ“ („Savon Työmies“, 1910 г., № 98).

Но если въ однихъ случаяхъ духовенство жалуется на помѣхи, чинимыя собаками дѣлу воскресной проповѣди въ киркѣ, то въ другихъ случаяхъ прихожане ворчатъ на преимущества, оказываемыя въ киркѣ пасторскимъ собакамъ.

Такъ, газета „Rajavahti“ (1910 г., № 69), жаловалась на такого рода факты. „Кирка въ Ките является, повидимому, мѣстомъ собранія собакъ: пасторская собака уже два воскресенія выступаетъ въ алтарѣ рядомъ со своимъ хозяиномъ; во время же чтенія молитвы о грѣшникахъ она осматривала пасторскую скамейку для поклоновъ, потомъ, почувствовавъ себя, вѣроятно, мало грѣшною, перепрыгнула черезъ перегородку и интересовалась, въ какой степени набожны прихожане. Да, и собаки барскія чувствуютъ себя барами, разгуливая свободно даже въ алтарѣ“, не безъ юмора замѣчала соціалистическая газета.

Въ Нурмiярви церковная сходка обратилась къ губернатору съ представленіемъ о наложеніи штрафа въ 10 мар. на каждаго, берущаго съ собою въ церковь собакъ, говоря, что приводимыя съ собою собаки сильно мѣшаютъ богослуженію и вообще причиняютъ безпорядокъ. Боргоскій домкапитулъ нашелъ ходатайство заслуживающимъ уваженія („Финляндская Газета“, 1910 г., № 109).

Приводъ собакъ въ церковь, съ нашей точки зрѣнія, кажется прямокощунствомъ, между тѣмъ, судя по приведенной замѣткѣ, такіе поступки возбуждаютъ жалобы лишь потому, что собаки причиняютъ безпорядокъ. Оригинальный взглядъ на святость храмовъ!

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ бываютъ случаи, что *финскія церкви обращаются въ картежный домъ.*

„Kansan Ääni“ (1911 г., № 64) пишетъ, что „нѣсколько Іоутсеноскихъ парней, пользуясь уходомъ пастора на кладбище, устроили *въ мѣстной кирхѣ картежную игру.* Игра сопровождалась громкими проклятіями и руганью“.

Пьяные финны не стѣсняются производить скандалы и при богослуженіи.

„Одинъ финнъ, въ нетрезвомъ видѣ, пришелъ къ Муолаской киркѣ въ то время, когда тамъ шло богослуженіе, и началъ сталкивать съ церковнаго крыльца всѣхъ пытавшихся войти въ кирку богомольцевъ. Присутствовавшимъ здѣсь женщинамъ финнъ говорилъ на церковномъ крыльцѣ неприличныя вещи. Когда полицейскій сдѣлалъ попытку увести его прочь, то финнъ вступилъ съ нимъ въ драку“ („Työ“, 1911 г., № 72).

Гораздо серьезнѣе случай имѣлъ мѣсто, по словамъ газеты „Suomalainen Kansa“ (1910 г., № 275), въ киркѣ Карттульскаго прихода. „Капелланъ этого прихода И. Л. Э. стоялъ предъ алтаремъ, совершая богослуженіе. Въ это время на него, съ сдѣланнымъ изъ косы ножомъ, бросился крестьянинъ В. Послѣдній уже готовъ былъ навести ударъ, но въ этотъ моментъ капелланъ схватилъ ножъ рукою и тѣмъ защитилъ себя отъ удара, все же сильно порѣзавъ себѣ руку. Затѣмъ капелланъ бросился бѣжать, но В. его настигъ, свалилъ на землю и безъ сомнѣнія перерѣзалъ бы ему горло, если бы въ этотъ моментъ не былъ схваченъ и связанъ нѣкоторыми изъ прихожанъ. Богослуженіе было прервано, пока перевязанный пасторъ не былъ въ состояніи приблизиться къ „окровавленному алтарю“.

Можно думать, что В. сумасшедшій. Но говорятъ, что онъ дѣйствовалъ сознательно и на подобный поступокъ рѣшился потому, что былъ *увлеченъ рѣчами соціалистовъ противъ церкви и государства*“

Во всякомъ случаѣ, въ культурныхъ христіанскихъ странахъ такой дикій фактъ не можетъ имѣть мѣста.

Наконецъ, для характеристики отношеній финляндцевъ къ своей церкви, приведемъ заимствованныя изъ газеты „Россія“ (1910 г., № 1410) *бытовыя картинки, рисуемыя въ произведеніяхъ финскихъ писателей.*

„Въ воскресенье, когда крестьянинъ-собственникъ съ семьею ѣдетъ въ кирку, батраки должны приготовить кабріолетъ и запрячь лошадь, „хозяйка беретъ съ собою пару луковицъ, чтобы не уснуть въ киркѣ („Mäkijärvelaiset“, стр. 52). „Во многихъ общинахъ въ обычаѣ спать въ киркѣ... Нельзя отрицать, что народъ ходитъ въ кирки, однако врядъ ли не большая часть его, какъ и теперь, въ ней спала“ (Пухакка, стр. 11 и 18). Кромѣ луковицъ, сонъ въ киркѣ прогоняется иногда и *собаками.* „Въ концѣ проповѣди собаки, не ограничиваясь болѣе ворчаніемъ, подняли настоящій бунтъ: схватились за загривки и начали трепать другъ друга, насколько только хватало силъ“. Сторожъ при помощи молящихся *вытащилъ собакъ изъ кирки* („Mäkijärvelaiset“, стр. 60). Мужчины не запасаются луковицами при отправленіи въ кирку потому, что они рѣже заглядываютъ въ самую кирку: у нихъ свои дѣла помимо пасторской проповѣди. У кирки можно нанимать батраковъ, „которые стоятъ небольшими группами около кирки, и съ ними то и дѣло ведетъ переговоры то одинъ, то другой крестьянинъ“ („Kirottua työtä“, 17). Вообще „жизнь около кирки не была тихою: торговля тутъ производилась такая, словно на базарѣ въ городѣ... Часть мужчинъ занята игрою въ карты въ банѣ или гдѣ-либо въ укромномъ мѣстѣ возлѣ церковной горы. Общеизвѣстно также, какъ во время службы аптеки бойко *торгуютъ гофманскими каплями* и пр., и не одинъ разъ въ лѣтніе дни сильнѣйшій запахъ гофманскихъ капель едва не душилъ трезвыхъ людей въ самой киркѣ“ (Пухакка, 18, 19).

Особенную картину представляютъ собою окрестности кирки въ *годовые праздники,* въ такъ называемые финнами kihupyhät. „На эти праздники собирается очень много народу, изъ сосѣднихъ даже приходовъ, за 70—80 верстъ. Въ субботу наканунѣ праздника танцы составляютъ обязательное явленіе. Въ воскресенье утромъ гости, проснувшись усталыми и съ похмелья, проглотивъ нѣсколько рюмокъ ради оживленія, отправляются длинною цѣпью въ кирку. Тысячи людей на вспѣненныхъ лошадяхъ мчатся по дорогѣ, дѣвушки сидятъ на колѣняхъ у пьяныхъ мужчинъ, изъ которыхъ у однихъ въ рукахъ бутылка водки, у другихъ визжащая гармоника, у третьихъ сверкающій ножъ. Крича во все горло, вскачь несутся эти дикари то къ церковной горѣ, то отъ нея. Ѣзда взадъ и впередъ длится во все время службы, временами ѣздоки соскакиваютъ съ кабріолетовъ для того, чтобы подраться или выказать какую-либо другую непристойность.

„Близъ кирки подъ звонъ колоколовъ сверкаютъ ножи, мелькаютъ бутылки, колья, раздаются даже выстрѣлы изъ револьверовъ. Самъ пасторъ боязливо пробирается между освирѣпѣвшими прихожанами въ кирку, причемъ не исключается возможность полученія имъ удара бутылкою въ голову, если бы онъ былъ менѣе остороженъ. Двери кирки приходится запирать на замокъ тотчасъ же послѣ начала службы: такъ веселились прихожане въ послѣдніе годы XIX вѣка! Окровавленные, покрытые синяками шатались богомольцы, изъ которыхъ многіе имѣли глубокія и довольно опасныя раны... Послѣ службы въ значительно болѣе разъяренномъ видѣ возвращались богомольцы, кто побившимъ, кто побитымъ, въ заранѣе опредѣленныя мѣста плясать и продолжать драки. Домой направлялись лишь поздно ночью, дѣвушки нѣжно ухаживали за тѣми парнями, которые водкою и драками были такъ утомлены, что не могли держаться въ телѣгахъ. Не стоитъ тутъ и говорить о томъ, какъ инстинктивная стыдливость даже у дѣвушекъ совершенно исчезала къ концу дороги, и сестра не стѣснялась ни брата, ни другихъ родственниковъ, непристойно лаская пьяныхъ обожателей и т. д.“ (Пухакка, 20—22).

Глава четвертая.—Администрація и судъ.

1. Чиновничество.

Чиновничество въ Финляндіи представляетъ очень многочисленный и вліятельный классъ общества.

На сравнительную многочисленность чиновниковъ въ Финляндіи въ отношеніи населенія неоднократно указывалось въ русской печати, которая сопоставляла количество чиновниковъ въ Финляндіи и остальной Россіи.

Такъ, въ 1888 году „Московскія Вѣдомости" (№ 345) насчитывали въ Финляндіи 4.000 чиновниковъ или, въ отношеніи населенія, одного чиновника на каждые 560 жителей. Въ то время какъ у насъ, напр., въ Пермской губ., которая по пространству территоріи и по количеству населенія соотвѣтствуетъ Финляндіи, число чиновниковъ не превышало 500, такъ что одинъ чиновникъ приходился на 5000 жителей. Если же взять всю Имперію, то въ ней, по адресъ—календарю на 1887 г., по словамъ газеты, числилось всего около 36.000 чиновъ, считая въ томъ числѣ дворъ, гвардію и т. д. Газета принимала, для простоты, населеніе Имперіи всего лишь въ 100 милліоновъ и опредѣляла. что въ такомъ случаѣ одинъ чиновникъ въ Имперіи приходился бы на 2750 жителей.

„Итакъ, писала газета, 560 и 2750; другими словами *въ Финляндіи чиновниковъ*, сравнительно, *въ пять разъ больше чѣмъ въ Имперіи*".

Съ тѣхъ поръ число чиновниковъ въ Финляндіи еще увеличилось. По крайней мѣрѣ, по статсъ-календарю на 1912 г. въ Финляндіи числится 8980 чиновниковъ, или (при населеніи въ 3.117.000 человѣкъ) 1 чиновникъ на 347 жителей.

Эти цифры наводятъ, конечно, на размышленія о чрезмѣрномъ количествѣ чиновниковъ въ Финляндіи. Не даромъ соціалистическая пресса называетъ Финляндію „страной чиновниковъ" и высмѣиваетъ беззаботное существованіе этого класса.

Вотъ, что, напр., пишетъ про финляндскаго чиновника соціалистическая газета „Työmies" (1910 г., № 26).

„Отецъ уже рано предназначилъ и сыну ту же дѣятельность, что и себѣ, ибо никакая другая дѣятельность не можетъ быть болѣе благодарною въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ казенная служба Финляндіи". По окончаніи университета, нашъ герой, „при помощи и содѣйствіи своихъ родственниковъ, оказался болѣе всѣхъ достойнымъ одной искомой имъ должности".

„Ровно въ 11 часовъ онъ приходитъ на службу. Въ передней почтительный швейцаръ помогаетъ ему снять пальто и открываетъ дверь въ присутственное зало. Здѣсь нашъ герой шутливо киваетъ головой младшимъ чиновникамъ и почтительно раскланивается передъ старшими, затѣмъ садится за „отвѣтственную" свою работу. Во избѣжаніе скуки бесѣдуютъ и курятъ; событія дня и политика даютъ неисчерпаемый матеріалъ для разговора. Въ 3 часа нашъ чиновникъ съ портфелемъ подъ мышкою покидаетъ присутственное зало, почтительный швейцаръ подаетъ ему пальто и съ поклономъ открываетъ передъ нимъ выходную дверь. Чиновникъ закон-

чилъ свой „тяжелый" служебный день. Въ первоклассномъ ресторанѣ онъ обѣдаетъ. По обыкновенію тамъ онъ встрѣчаетъ сослуживцевъ, и время летитъ незамѣтно. Очаровательныя красотки—полуголыя—поютъ, танцуютъ, выказывая свои чарующія формы. Въ залѣ царятъ звонъ стакановъ и смѣхъ. Вечеромъ ѣдутъ въ ресторанъ съ биліардомъ, куда собираются знакомые. Веселье идетъ пуще прежняго и за биліарднымъ столомъ, и въ отдѣльныхъ кабинетахъ. Красотки разносятъ стаканы и стараются развеселить господъ. На разсвѣтѣ пресыщенные и утомленные они разъѣзжаются по домамъ.

„Послѣ женитьбы „вѣтреная" жизнь юности уступаетъ мѣсто солидному поведенію. Онъ получилъ повышеніе по службѣ; сталъ „извѣстнымъ" общественнымъ дѣятелемъ; дурная слава слишкомъ позорна, чтобы ей вѣрить. *Матеріальныя заботы ему неизвѣстны: онъ живетъ въ странѣ, которая не забываетъ чиновниковъ.* Правда, нѣкоторые злые языки много говорятъ о большихъ окладахъ чиновниковъ, но они подводятъ подъ понятіе жалованья разныя части содержанія, носящія различныя наименованія. Если чиновникъ получаетъ ординарное жалованье, сверхъ него экстраординарное и еще различныя добавочныя, то они не понимаютъ того, что экстраординарное жалованье не есть ординарное, и что различныя добавочныя—не то же, что экстраординарное жалованье.

„И этого содержанія, понятно, не хватаетъ для приличнаго существованія. И онъ, кромѣ своей казенной должности, имѣетъ, подобно другимъ чиновникамъ, другія болѣе доходныя занятія. Онъ занимается адвокатурою—правда, отнимающею у него много времени, за то и вознаграждающею очень хорошо. Онъ имѣетъ акціи во многихъ предпріятіяхъ; на собраніи акціонеровъ онъ—вліятельный совѣтникъ-юристъ. Онъ занимаетъ видное мѣсто въ правленіяхъ банковъ и во многихъ другихъ учрежденіяхъ. Его большая работоспособность доставляетъ ему хорошій доходъ, и онъ можетъ жить сообразно политическому и общественному своему положенію.

„Понятно, что онъ нуждается и въ отдыхѣ: ему предоставленъ по службѣ отпускъ на 1—2 мѣсяца, да двѣ недѣли отпуска сверхъ этого; по прошенію онъ можетъ, кромѣ того, получить отпускъ ради „научныхъ" работъ. *Политическое его положеніе требуетъ также отъ него и агитаціонной поѣздки по странѣ.* Онъ снимаетъ съ себя фракъ, цилиндръ, одѣвается въ пиджакъ и фуражку, чтобы быть сыномъ народа. Прибывъ на мѣсто, *онъ говоритъ рѣчи...*"

Прослуживъ урочное время, чиновникъ выходитъ въ отставку. „Казна обезпечила ему пенсію, именно ординарную пенсію. Но, кромѣ нея, существуютъ вѣдь и экстраординарныя пенсіи! И нашему чиновнику даютъ экстраординарную пенсію"..

„Такова то многострадальная жизнь чиновника въ нашемъ „благоустроенномъ обществѣ"—заканчиваетъ свой фельетонъ „Työmies".

Суровѣе относится къ своимъ чиновникамъ газета „Kansan Tahto" (1909 г., № 185): „Наша чудная Финляндія попрежнему продолжаетъ быть обѣтованною землею для чиновниковъ, раемъ для лѣнтяевъ, тучнымъ пастбищемъ для дармоѣдовъ. Хороша ты, Финляндія! Ни на какую страну не промѣняетъ тебя твой чиновникъ!"

Дѣйствительно, присутственныя мѣста въ Финляндіи представляются, чѣмъ то въ родѣ магометова рая, если судить по забавному разсказу, приводимому хроникеромъ шведоманской газеты „Abo Underrättelser".

Онъ пишетъ, что въ губернскомъ правленіи столичнаго города имѣется переписчица, которая очень хороша собой. „Благодаря тѣснотѣ помѣщенія въ означенномъ управленіи, иронизируетъ хроникеръ, переписчицы помѣщаются каждая въ комнатѣ своего непосредственнаго начальства. Можно, однако, думать, что не на столько тамъ тѣсно, чтобы переписчицы были вынуждены сидѣть у начальства на колѣняхъ. Между тѣмъ, послѣднее однажды имѣло мѣсто. На колѣняхъ у одного изъ начальниковъ дѣйствительно сидѣла переписчица. Случай былъ признанъ шокирующимъ, и начальникъ учрежденія чуть не удалилъ красавицу. Дѣло однако уладилось, и хорошенькая переписчица продолжаетъ и до сихъ поръ оставаться въ учрежденіи" („Wiborgs Nyheter", 1909 г., № 143).

Картины безпечальнаго житья финляндскихъ чиновниковъ, рисуемыя въ соціалистическихъ газетахъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Положеніе финляндскаго чиновника очень недурно какъ въ смыслѣ матеріальной обезпеченности, такъ и необременительности занятій.

Изъ приведенныхъ въ газетѣ „Колоколъ", отъ 7 іюня 1908 г., данныхъ видно, что финляндская казна ежегодно выплачиваетъ 11.643.000 м. на гражданское управленіе, 4.742.000 на суды, 16.450.000 на церковь и школы, 3.341.000 на управленіе государственными имуществами, 6.724.000 на управленіе земледѣліемъ, 4.419.000 на управленіе торговлею и промышлен-

ностью, 4.750.000 на пенсіи и проч. Всего-же на содержаніе чиновниковъ Финляндія ежегодно отпускаетъ 95.351.000 марокъ.

„Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что *финляндскій чиновникъ, кромѣ казеннаго жалованья, получаетъ опредѣленный закономъ доходъ*: ленсманъ съ каждаго недоимщика беретъ 8 марокъ въ свою пользу и пр., судья беретъ за выдаваемыя судебныя рѣшенія, пасторъ за требы и т. д.".

„Судьи получаютъ столько, что переходить на постъ сенатора невыгодно: *ежегодные доходы судей составляютъ около 40 тысячъ марокъ*".

„Соотвѣтствующіе нашимъ становымъ приставамъ *ленсманы получаютъ до 11.000 марокъ*, начальникъ Гельсинфорсской почтовой конторы —*до 30.000 марокъ* и т. д. Благодаря такой „побочной доходности", *чиновничьи мѣста покупаются за большія деньги*, причемъ сплошь и рядомъ одно лицо занимаетъ нѣсколько различныхъ должностей (нерѣдко даже въ разныхъ городахъ и губерніяхъ). Чиновничьи мѣста составляютъ какъ-бы родовую ренту: отъ отца мѣсто переходитъ къ сыну и т. д." („Финляндская Газета", 1911 г., № 145).

Съ другой стороны, какъ сообщаетъ „Колоколъ" (см. выше), по закону финляндскій чиновникъ долженъ въ будни удѣлять своимъ служебнымъ обязанностямъ время съ 10 ч. утра до 2 ч. дня, т. е. всего 4 часа.

Неоднократно отмѣчая чрезвычайную необременительность занятій финляндскаго чиновника, соціалистическій органъ „Työmies" (1908 г., № 185) указывалъ, что „несоразмѣрно большое содержаніе чиновниковъ Гофгерихтовъ (отъ 8 до 12 тысячъ марокъ) получается ими только за 138 служебныхъ дней въ году (причемъ служебное время ограничивается 4 часами). Остальные 227 дней въ году гофгерихтскіе чиновники свободны отъ службы, а именно: 2 мѣсяца лѣтняго отпуска, рождественскіе каникулы съ 20 декабря по 15 января, 14 дней отпуска по домашнимъ обстоятельствамъ, недѣля пасхальныхъ каникулъ, по 3 дня на Троицу и Ивановъ день; сюда же надо отнести и всѣ субботы, воскресенья и царскіе дни."

Хорошая обезпеченность финляндскаго чиновничества *отмѣчалась* неоднократно *и на Сеймахъ Финляндіи*.

Между прочимъ, когда въ сессію 1911 года на Сеймѣ зашла рѣчь объ увеличеніи жалованья чиновникамъ Финляндскаго банка, многими депутатами было высказано убѣжденіе, что чиновники вообще получаютъ въ Финляндіи очень хорошіе оклады жалованья и, сверхъ того, имѣютъ побочные заработки; „правда, говорили депутаты, чѣмъ выше окладъ жалованья, тѣмъ менѣе чиновникъ доволенъ имъ". По словамъ этихъ депутатовъ, старшіе чиновники Финляндскаго банка получаютъ вполнѣ приличные оклады: отъ 14 до 19 тысячъ марокъ въ годъ, такъ что увеличивать имъ жалованье нѣтъ никакого основанія.

Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что въ частныхъ банкахъ вознагражденіе гораздо выше, и потому можно опасаться, что они перетянутъ къ себѣ лучшія силы, Сеймъ постановилъ отпустить 80 тысячъ марокъ на ежегодную прибавку къ жалованью служащихъ въ финляндскомъ казенномъ банкѣ („Россія", 1911 г., № 1680).

Наиболѣе важнымъ недостаткомъ финляндскаго чиновничества является *партійность и политиканство*.

Въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ газеты „Työmies", съ описаніемъ финляндскаго чиновника, мы подчеркнули замѣчаніе газеты, что „политическое положеніе чиновника требуетъ отъ него и агитаціонной поѣздки по странѣ"; чиновникъ ѣздитъ и „говоритъ рѣчи".

Мало того, чиновникъ не исполняетъ законныхъ распоряженій начальства разъ эти распоряженія идутъ въ разрѣзъ съ политическими убѣжденіями чиновника.

Подобное неповиновеніе законнымъ распоряженіямъ начальства опирается на цѣлую теорію *„о правѣ сопротивленія"*, которая изложена еще

І. В. Снельманомъ въ его трактатѣ „Ученіе о государствѣ", до сихъ поръ числящемся въ числѣ обязательныхъ пособій Гельсингфорсскаго Университета. Болѣе подробно это ученіе было разработано въ эпоху 1899-1905 гг. цѣлымъ рядомъ шведскихъ публицистовъ во главѣ съ Хоменомъ и, какъ извѣстно, получало широкое примѣненіе, завершившееся всеобщей забастовкой 1905 г. Въ особенности обращено было вниманіе на *„пассивное сопротивленіе"*, теорія котораго, будучи разработана въ рядѣ политическихъ статей проф. Хомена, сводится, по словамъ „Россіи" (1909 г., № 1211), къ тремъ главнымъ пунктамъ: „Пассивно сопротивляющійся долженъ: 1) *послѣдовательно отказывать въ своемъ содѣйствіи* дѣйствіямъ сильнѣйшаго (т. е. правительства и его органовъ); 2) *не подчиняться* и не слѣдовать *велѣніямъ власти*, а, напротивъ, всячески противодѣйствовать планамъ, противъ осуществленія которыхъ направлено пассивное сопротивленіе, и 3) *никогда не признавать введенную систему законной*. Короче: не содѣйствовать, не подчиняться и не признавать".

И хотя эта система сопротивленія была подвергнута основательной и строгой критикѣ проф. Ирье-Коскинена, тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени она имѣетъ широкое примѣненіе въ кругу финляндскихъ должностныхъ лицъ.

За подобное сопротивленіе въ послѣднее время было уволено въ отставку одинъ за другимъ шесть губернаторовъ—мехелинцевъ: С. Михельскій—фонъ Кнорринг, Нюландскій -фонъ Альфтанъ, Вазаскій—де-Понтъ, Тавастгусскій—Иваръ Горди, Выборгскій—баронъ фонъ Троиль и Улеаборгскій—Гадолинъ. Всѣ они, напр., не признавали законной силы за Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ 17/30 декабря 1909 г. о гербовомъ сборѣ и отказывались дѣлать распоряженіе о взиманіи такового сбора. Далѣе фонъ Альфтанъ отказался оказать содѣйствіе Сенату въ дѣлѣ закрытія газеты „Päivä", издатель которой не просилъ надлежащаго разрѣшенія на ея изданіе. Дѣло „Päivä" было уже окончательно разрѣшено Судебнымъ Департаментомъ Финляндскаго Сената, и судебное рѣшеніе подлежало исполненію Гельсингфорсскимъ магистратомъ. Магистратъ, однако, отказался исполнить это рѣшеніе, и когда главное управленіе по дѣламъ печати заявило объ этомъ губернатору, послѣдній также не только не принялъ никакихъ шаговъ для исполненія судебнаго рѣшенія, но даже внушалъ магистрату, будто рѣшеніе Сената неправильно, ибо концессіонная система разрѣшенія органовъ повременной печати отмѣнена, и такимъ образомъ беззаконно вмѣшался въ сферу дѣйствія судебной власти, противодѣйствуя приведенію въ исполненіе ея окончательнаго рѣшенія. Когда же государственная власть настойчиво требовала исполненія, губернаторъ фонъ Альфтанъ подалъ въ отставку.

Иваръ Горди выпустилъ изъ тюрьмы задержанную по распоряженію русскихъ властей соціалъ-революціонерку Марію Остроумову, которая, воспользовавшись этимъ, бѣжала за границу. Между тѣмъ, законъ обязывалъ губернатора ждать 30 дней объясненій, а не угрожать Петербургу, какъ сдѣлалъ Горди, что, если онъ не получитъ объясненій причинъ ареста въ теченіе сутокъ, Остроумова будетъ выпущена.

Фонъ Троиль допускалъ вывѣшиваніе въ Выборгѣ шведоманскихъ красно-желтыхъ флаговъ, не допустимыхъ при наличности закона, разрѣшающаго вывѣшивать лишь русскіе трехцвѣтные флаги. Затѣмъ онъ прямо противился введенію въ качествѣ условія для замѣщенія нѣкоторыхъ должностей въ приграничныхъ съ Имперіей мѣстностяхъ—знанія русскаго языка; отказался выполнить предписаніе Генералъ-Губернатора о производствѣ обыска у финляндской гражданки Тереховой и т. п.

Всѣмъ этимъ уволеннымъ губернаторомъ дѣлались оваціи, устраивались обѣды, подыскивались доходныя мѣста, которыя дѣлали бы для нихъ отставку въ матеріальномъ отношеніи не ощутительною *).

Примѣръ, подаваемый губернаторами, нашелъ себѣ подражаніе и въ средѣ низшихъ представителей мѣстной власти.

Напр., нѣкоторые С. Михельскіе чиновники отказались исполнять временное постановленіе, отъ 17 декабря 1909 г., о взиманіи гербового сбора.

По этому поводу, какъ видно изъ приведеннаго въ „Työmies" (1911 г., № 16) отношенія Генералъ-Губернатора въ Сенатъ, С Михельскимъ губернаторомъ (преемникомъ фонъ Кнорринга, Вуориненомъ) было произведено дознаніе, причемъ губерн-

*) См. „Финляндія. Обзоръ періодической печати". Вып. XVIII, 1911 г., гл. V.

скій архиваріусъ Л. и исполняющій должность регистратора Х. заявили, что они согласны покрыть тѣ убытки, которые казна потерпѣла въ силу ихъ неправильнаго образа дѣйствій. Что же касается причинъ невзиманія гербоваго сбора, то вышеупомянутые чиновники объявили, что въ данномъ случаѣ они руководствовались приказомъ губернатора фонъ-Кнорринга, который запретилъ въ губернскомъ правленіи употреблять бумагу, обложенную гербовымъ сборомъ. Въ силу этого сдѣланнаго совершенно свободно заявленія, губернаторъ нашелъ возможнымъ ограничиться по отношенію къ гг. Л. и Х. одним только выговоромъ.

Подобное сознаніе неправильности своихъ дѣйствій и ссылка чиновниковъ на приказъ своего начальника привели въ ярость финляндскую печать. „Итакъ, вотъ какъ отвѣтили С. Михельскіе господа, писала „Tammerfors Nyheter" (1910 г., № 193), на высказанную цѣлымъ народомъ черезъ Сеймъ, печать, народныя собранія и т. д. надежду, что *финляндскіе чиновники не дадутъ принудить себя къ выполненію незаконныхъ распоряженій*. Болѣе жалкой сцены, чѣмъ та, которая разыгралась во время „канцелярскаго допроса", невозможно себѣ представить. Своимъ трусливымъ покаяніемъ эти господа наглядно показали свою пригодность для нынѣшняго режима. Сваливъ все на прежняго начальника, они провозгласили истинно-русскій принципъ, согласно которому чиновникъ есть автоматъ, обязанный въ точности исполнять приказанія своего ближайшаго начальства, хотя бы даже они и содержали призывъ къ преступленію".

Поднятая ли газетами травля, или другія соображенія были тому причиной, „но черезъ короткое время послѣ этого дознанія, говорится въ отношеніи Генералъ-Губернатора, въ газетахъ вдругъ появилось подписанное Л. и Х. заявленіе, въ которомъ они категорически отрицали справедливость всего вышесказаннаго. Они-де и не думали соглашаться покрывать понесенные казною убытки, потому что *находили свой образъ дѣйствія вполнѣ „честнымъ и законнымъ"*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они заявили, что ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ къ тѣмъ лицамъ, которыя считаютъ себя обязанными быть благодарными такимъ начальникамъ, каковыми являются С Михельскій губернаторъ и Зейнъ".

„Это неслыханное заявленіе состоящихъ на государственной службѣ лицъ, по словамъ Генералъ-Губернатора, дѣлаетъ ихъ виновными въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, они виновны въ томъ, что допустили неумѣстную газетную критику дѣлъ, носящихъ чисто служебный характеръ. Во вторыхъ, черезъ свое опроверженіе отрицаютъ справедливость протокола дознанія губернатора С. Михельской губерніи

„Въ силу всего этого, заключаетъ Генералъ-Губернаторъ, предлагаю Сенату наказать виновныхъ Х. и Л. настолько строго, насколько только это допустимо закономъ, и затѣмъ о послѣдующемъ увѣдомить меня" („Työmies, 1911 г., № 16).

О другомъ случаѣ пассивнаго сопротивленія читаемъ въ „Россіи" (1911 г., № 1618). На этотъ разъ дѣло происходило въ Выборгскомъ губернскомъ правленіи.

Въ концѣ истекшаго 1910 года Генералъ-Губернаторъ предложилъ Выборгскому губернатору камергеру Троилю распорядиться о производствѣ обыска въ квартирѣ Тереховой. Губернаторъ Троиль отвѣтилъ отказомъ на это предложеніе и былъ уволенъ отъ должности. „Вскорѣ послѣ этого Выборгское губернское правленіе получило строгое предписаніе произвести помянутый обыскъ. Отъ имени губернскаго правленія отвѣчали на это предписаніе ландссекретарь О. и вице-ландссекретарь С, что они не находятъ основаній поступить иначе, чѣмъ поступилъ прежній губернаторъ".

Въ 1911 году противъ протокольнаго секретаря Сената К. Т. М. было возбуждено судебное дѣло по обвиненію въ томъ, что онъ отказался скрѣпить рѣшеніе Сената о печатаніи въ Сборникѣ постановленій правилъ объ управленіи крѣпостями и о крѣпостныхъ раіонахъ. Въ Абоскомъ гофгерихтѣ М. былъ оправданъ, послѣ чего дѣло было обжаловано въ Судебный Департаментъ Сената, который присудилъ М. къ штрафу въ 300 марокъ (см. „Nya Pressen 1911 г., № 279, „Hufvudstadsbladet", 1911 г., № 333).

Въ томъ же году за пассивное сопротивленіе былъ уволенъ Бьернеборгскій полиціймейстеръ М. Споре, который, несмотря на распоряженіе властей, дозволилъ устройство соціалъ-демократами демонстративнаго митинга („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 234).

Начальниковъ, назначенныхъ не изъ числа политиканствующихъ финляндцевъ, чиновники бойкотируютъ разными способами.

Изъ случаевъ послѣдняго времени можно отмѣтить исторію, разыгравшуюся при вступленіи въ должность Выборгскаго губернатора фонъ-Фалера и окончившуюся увольненіемъ одного изъ чиновниковъ, короннаго фохта Лагеркранца. *).

*) Впослѣдствіи, въ 1912 г. этотъ же самый г. Лагеркранцъ, въ качествѣ члена Выборгскаго магистрата, прославился сопротивленіемъ закону о равноправіи русскихъ (см. ниже стр. 125).

„Въ Выборгъ прибылъ вновь назначенный губернаторъ полковникъ фонъ-Фалеръ. Въ губернскомъ правленіи чиновники и служащіе ожидали его прибытія, чтобы представиться ему. „Они не были по этому случаю даже въ форменныхъ вицъ-мундирахъ, а женщины-служащія были въ траурныхъ костюмахъ",—сообщаетъ „Karjala" въ № 34, намекая на „патріотическое", а въ дѣйствительности на бунтарское настроеніе служащихъ губернскаго правленія, которые на первомъ же представленіи новому губернатору хотѣли показать, что не считаютъ его за настоящаго губернатора, а пребываютъ въ траурѣ вслѣдствіе увольненія прежняго своего начальника (Троиля)" („Россія", 1911 г., № 1618) Между прочими должностными лицами Выборгской губерніи особенно выдѣлился своимъ демонстративнымъ поведеніемъ коронный фохтъ Л. Какъ сообщаетъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 132), Выборгскій губернаторъ фонъ-Фалеръ, 20 апрѣля 1911 года, донесъ Сенату, что означенный фохтъ не пожелалъ ему представиться и вызванный по служебнымъ дѣламъ явился къ губернатору въ непристойномъ костюмѣ. Кромѣ того, онъ позволилъ себѣ умышленно демонстративно отнестись къ губернатору. Сенатъ предложилъ Л. представить объясненія своего поведенія. Въ своихъ объясненіяхъ г. Л. сообщилъ, что ему трудно было явиться къ губернатору въ назначенное время (12 час. дня), такъ какъ въ это время у него назначенъ сборъ податей. Однако онъ все же *обѣщалъ по возможности* исполнить полученное приказаніе и дѣйствительно 10 апрѣля, пріостановивъ сборъ податей въ Выборгскомъ приходскомъ домѣ, отправился къ губернатору.

„Явившись къ губернатору, *онъ любезно съ нимъ поздоровался* и попросилъ извиненія за свой не парадный костюмъ, объяснивъ это тѣмъ, что онъ пришелъ прямо съ работы. Губернаторъ, не взирая на это объясненіе, сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ явился къ нему не въ форменной одеждѣ, а вмѣстѣ *и за то, что онъ до сего времени не счелъ себя обязаннымъ представиться губернатору*". Въ свое оправданіе г. Л привелъ, что сборъ податей начался еще съ 19 февраля (губернаторъ фонъ Фалеръ вступилъ въ должность 17 февраля), а окончится лишь 11 апрѣля, послѣ чего онъ и хотѣлъ представиться губернатору. Въ свободные же отъ сбора податей дни онъ также былъ очень занятъ Демонстраціи же онъ никакой производить, будто бы, не хотѣлъ". Къ своимъ объясненіямъ г. Л. имѣлъ наглость приложить медицинское свидѣтельство, изъ котораго усматривается, что „прошлою весною *онъ страдалъ ревматизмомъ, въ виду чего онъ не могъ носить никакого другого костюма, кромѣ того, въ которомъ онъ явился къ губернатору, каковой костюмъ, согласно удостовѣренію портного, былъ совершенно новый*"

Разумѣется, и обремененность занятіями, и медицинское свидѣтельство о болѣзни, и удостовѣреніе портного—все это было слишкомъ цинично, какъ способъ оправданія, а потому не могло быть оставлено безъ послѣдствій: не смотря на то, что г. Л. вторично явился къ губернатору уже во фракѣ, онъ былъ уволенъ Сенатомъ со службы по представленію губернатора.

Конечно, это увольненіе вызвало возмущеніе въ шведоманскомъ лагерѣ, представители котораго были всецѣло на сторонѣ „пассивно сопротивлявшагося" чиновника.

Передавая объ этомъ случаѣ, „Hufvudstadsbladet" (1912 г., № 25) называла его „возмутительнымъ и типичнымъ для русскаго бюрократизма".

„Губернаторъ фонъ Фалеръ, писала другая шведоманская газета „Wiborgs Nyheter" (1912 г. № 22), имѣетъ полное право требовать отъ своихъ подчиненныхъ порядка и дисциплины. Но у насъ эти понятія сложились на европейскій образецъ; низкопоклонство, лесть и лизоблюдство такія качества, которыхъ нашимъ губернаторамъ лучше поискать тамъ, гдѣ они готовились къ занятію своихъ должностей. Старымъ, испытаннымъ чиновникамъ нашимъ нѣтъ ни охоты, ни возможности уподобляться лакеямъ съ ихъ поклонами и льстивою рѣчью. Они, по отношенію своего начальства, выказываютъ то внѣшнее почтеніе, какое предписывается тактомъ, вѣжливостью и служебнымъ обычаемъ... Мѣра столь же беззаконная, сколь и возмутительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характерная: лакейство по отношенію къ власть имущимъ, грубость къ подчиненнымъ, презрѣніе къ испытаннымъ, не гнущимъ спины служакамъ и покровительство искателямъ счастья и льстецамъ".

Въ заключеніе газета призывала общество позаботиться о томъ, чтобы „нѣсколько" *облегчить уволеннымъ положеніе*, въ которое они поставлены *возмутительнымъ* къ нимъ отношеніемъ начальства, въ награду за безупречную многолѣтнюю службу странѣ".

Другой случай проявленія неуваженія къ вновь назначенному начальнику приводимъ со словъ газеты „Nya Pressen" (1911 г., № 87). „При вступленіи полков-

ника А. авъ-Энегельма въ должность Главнаго Директора Таможеннаго Управленія. онъ „представлялся“ должностнымъ лицамъ управленія. Тогда произошелъ инцидентъ. Нѣкая дѣвица К., служащая въ управленіи сверхъ штата и занимающаяся регистраціей при ревизіонномъ отдѣленіи, *отказалась подать руку новому начальнику*“. Послѣ этого инцидента г-жа К., будто бы, подвергалась разнымъ придиркамъ. Наконецъ ей было заявлено, что *она уволена со службы въ виду неумѣстнаго поведенія по отношенію къ супругѣ Главнаго Директора*. Дѣло, по словамъ газеты, заключалось, будто бы, въ слѣдующемъ. „Однажды г-жа К. покупала открытки въ бумажномъ магазинѣ. Тамъ же находилась „совершенно неизвѣстная для нея“ г-жа авъ-Энегельмъ Другая находившаяся въ магазинѣ дама замѣтила г-жѣ К.: „Это вѣдь твоя главная директорша“. При этомъ г-жа К. повернулась и „посмотрѣла“ (?) на г-жу авъ-Энегельмъ. Это и послужило причиною увольненія г-жи К.“ *).

Въ финляндской печати можно найти много сообщеній, доказывающихъ *оппозиціонное настроеніе финляндскихъ чиновниковъ по отношенію къ русской государственности и русской власти*.

Такъ, въ старофинской газетѣ „Uusi Aura“ (1911 г., № 206) сообщается, что Генералъ-Губернаторъ обратился въ Сенатъ съ предложеніемъ возбудить судебное преслѣдованіе противъ состоящихъ при Выборгскомъ гофгерихтѣ вицегерадсгевдинговъ Б. Б. и А. Г. за то, что они въ день тезоименитства Вдовствующей Государыни Императрицы, *во время исполненія* военнымъ духовымъ оркестромъ *русскаго народнаго гимна, не обнажили головъ*.

По поводу опубликованнаго предположенія Совѣта Министровъ объ отдѣленіи отъ Выборгской губ. двухъ приходовъ, въ Куоккала состоялся митингъ протеста, предсѣдателемъ котораго, какъ выяснилось произведеннымъ, по распоряженію Главнаго Директора Таможеннаго Управленія А. авъ-Энегельма, дознаніемъ, былъ таможенный чиновникъ Х. Производившіе разслѣдованіе представители таможеннаго управленія указали на рѣзкость принятой собраніемъ резолюціи и неумѣстность для должностного лица въ подобныхъ случаяхъ предсѣдательствовать. На это Х. возразилъ, что онъ въ качествѣ жителя отдѣляемыхъ приходовъ лишь исполнилъ свой долгъ („Wiborgs Nyheter“, 1911 г., № 207).

„Чѣмъ, однако, объяснить такое бунтарство финляндскихъ чиновниковъ?“ спрашивала „Россія“ (1911 г., № 1618). „Объясненіе этого явленія дать не трудно. Вѣдь всѣ финляндскіе чиновники одновременно занимаютъ по нѣсколько должностей, такъ что увольненіе отъ одной изъ нихъ не составляетъ для нихъ наказанія, скорѣе влечетъ за собою для нихъ выгоду. Напр., чиновники Выборгскаго губернскаго правленія, кромѣ служ ы по губернскому правленію, состоятъ чиновниками и въ Выборгскомъ гофгерихтѣ, учителями въ мѣстныхъ финскихъ и шведскихъ лицеяхъ и, сверхъ всего этого, работаютъ еще въ качествѣ агентовъ частныхъ конторъ. Увольненіе изъ губернскаго правленія дастъ имъ лишь повышенія по другимъ должностямъ, что болѣе чѣмъ возмѣститъ для нихъ потерю содержанія, получавшагося ими на службѣ въ губернскомъ правленіи. Итакъ, для финляндскихъ чиновниковъ бунтарство до сихъ поръ было дѣломъ только выгоднымъ, и поэтому-то они всегда готовы были оказать „пассивное сопротивленіе русской власти“.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что до послѣдняго времени были случаи, когда чиновники, отстраненные отъ должности въ виду привлеченія ихъ къ суду, по нѣскольку лѣтъ продолжали получать содержаніе.

Такъ, по словамъ газеты „Туй“ (1911 г., № 186), „инспекторъ пакгауза Абоской таможни *К. Э., обвиняемый въ незаконномъ ввозѣ оружія и принадлежности къ преступному обществу „Война“, былъ уже въ 1907 году отстраненъ отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла. Однако онъ продолжалъ поль-*

*) Дѣвица К., конечно, уже своимъ наглымъ поведеніемъ по отношенію къ начальнику заслужила отставку. Что же касается оскорбленія ею супруги главнаго директора, то навѣрное оно не заключалось просто въ томъ, что она „посмотрѣла“ на нее. Впрочемъ у финляндцевъ практикуется особый способъ „высматривать“ (uititta) политическихъ противниковъ. Этотъ способъ заключается въ томъ, что желающіе „*высмотрѣть*“ кого нибудь, напримѣръ, изъ общественнаго и другого мѣста нахально и пристально смотрятъ на свою жертву до тѣхъ поръ, пока та не выдержитъ и скроется. Были примѣры такой наглости, что „высматривающіе“ подходили такъ близко, что почти задѣвали носомъ лицо жертвы. Это позволяли себѣ финляндцы даже въ Петербургѣ. Прим. сост.

зоваться присвоеннымъ его должности содержаніемъ. Только въ 1911 году Генералъ-Губернаторъ обратился въ Сенатъ съ указаніемъ на недопустимость, чтобы обвиняемый въ столь тяжкихъ преступленіяхъ и отстраненный поэтому отъ должности пользовался полнымъ окладомъ жалованья; поэтому Генералъ-Губернаторъ, основываясь на § 33 „инструкціи Генералъ-Губернатору“, своей властью отстранилъ г. Э. отъ исполненія служебныхъ обязанностей съ лишеніемъ половины жалованья впредь до рѣшенія его дѣла“.

По поводу „геройскаго сопротивленія“ финляндскихъ чиновниковъ „русскому гнету“ въ „Финляндской Газетѣ“ (1911 г., № 45) была помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ „Еще одинъ мученикъ“, въ которой разсказывалось о прославленіи пострадавшаго „за правду и вѣрность законамъ ландсекретаря Выборгской губерніи О., уволеннаго за пассивное сопротивленіе. Отмѣтивъ, что „достойный представитель“ политиканствующаго финляндскаго чиновничества, помимо этихъ малоприличныхъ чествованій, несомнѣнно будетъ вознагражденъ „признательнымъ кагаломъ“, такъ какъ это „вознагражденіе стало теперь какъ бы страховой преміей уволенныхъ чиновниковъ за нарушеніе дисциплины“, авторъ остроумно замѣчалъ: „Сначала чествовались губернаторы, теперь ужъ шлютъ телеграммы кагалопослушнымъ ландссекретарямъ. Затѣмъ наступитъ очередь вице-ландссекретарей *) и такъ далѣе, внизъ по служебной лѣстницѣ. И въ одинъ прекрасный день всѣ шведоманскія газеты помѣстятъ привѣтственныя телеграммы и статьи въ честь писца, который отказался переписать противную конституціи бумагу или въ честь сторожа, который не пожелалъ ее доставить по адресу. Въ чаяніи этихъ великихъ событій не слѣдуетъ ли всѣмъ кагаломъ заранѣе приготовить хвалебныя рѣчи, а также сдѣлать запасы шампанскаго и цвѣтовъ?“.

Случаи „пассивнаго“ и активнаго сопротивленія финляндскихъ чиновниковъ и наблюдаемое среди нихъ оппозиціонное настроеніе вызвали, разумѣется, необходимость въ надлежащихъ *мѣрахъ борьбы* съ подобнымъ явленіемъ.

9 (22) марта 1911 г. Высочайше утверждено новое постановленіе о дисциплинарной отвѣтственности финляндскихъ чиновниковъ. Согласно этому постановленію, подлежащимъ департаментамъ Императорскаго Финляндскаго Сената предоставляется право, по соглашенію съ Генералъ-Губернаторомъ, наказывать подчиненныхъ должностныхъ лицъ (за исключеніемъ судей и занимающихъ должности выше пятаго класса) за проступки и упущенія по службѣ и не соотвѣтствующее служебному положенію и долгу службы поведеніе: выговоромъ, штрафами въ размѣрѣ до двухмѣсячнаго оклада содержанія и отрѣшеніемъ отъ должности на шестимѣсячный срокъ, съ лишеніемъ всего оклада содержанія или части его. Въ отношеніи лицъ, служащихъ въ Управленіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора, и чиновъ полиціи указанныя взысканія налагаются властью Генералъ-Губернатора.

Понятно, что эта безусловно необходимая мѣра вызвала сильное неудовольствіе всего финляндскаго политиканства, среди котораго, какъ было указано, чиновники занимаютъ очень видное мѣсто. Въ газетѣ „Karjala“ (1911 г., № 72) мы читаемъ, между прочимъ, такую аттестацію: „Финляндскіе чиновники являются въ высшей степени важною помѣхою для развитія русской „угнетательной политики“ по отношенію къ Финляндіи. Въ силу этого русскія власти теперь, какъ и въ прежніе „годы угнетенія“, начали дѣлать на финляндскихъ чиновниковъ ярые нападки“.

Шведоманская „Hufvudstadsbladet“ (1911 г., № 82), высказывая соображенія, что причины этого расширенія административной власти заключаются въ желаніи правительства принять мѣры противъ должностныхъ

*) Очередь, повидимому, уже наступила. Въ „Wiborgs Nyheter“ (1911 г., № 285) читаемъ: „Вице-ландссекретарь, отстраненный лѣтомъ на шесть мѣсяцевъ отъ службы, снова вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей. По этому поводу *служащіе въ Выборгскомъ губернскомъ правленіи украсили комнату его цвѣтами*“

лицъ, занимающихся саботажемъ и пассивнымъ сопротивленіемъ, съ нескрываемой злобой предполагала, что путемъ штрафовъ, отстраненій отъ должности и лишенія содержанія можетъ осуществиться надежда правительства сокрушить сопротивленіе чиновниковъ.

Другимъ цѣлесообразнымъ способомъ борьбы съ финляндскими чиновниками, сопротивляющимися законными распоряженіями государственной власти, представляетъ *привлеченіе* таковыхъ чиновниковъ *къ русскому суду*.

20 января 1912 г. удостоился Высочайшаго утвержденія одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, въ порядкѣ закона 17 іюня 1910 г. объ общегосударственномъ законодательствѣ, законъ объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ. Между прочимъ, въ законѣ этомъ предусмотрѣна именно означенная мѣра въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы онъ не остался мертвой буквой и чтобы русскіе люди могли безпрепятственно осуществлять даруемыя имъ этимъ закономъ права. Вызвана эта мѣра, по словамъ объяснительной къ законопроекту записки, существующимъ въ краѣ настроеніемъ, которое даетъ основанія предполагать, что осуществленіе на практикѣ новаго закона можетъ встрѣтить упорное сопротивленіе не только со стороны частныхъ лицъ, но и со стороны судебныхъ, административныхъ и общинныхъ установленій Финляндіи, которыя могутъ умышленно препятствовать русскимъ подданнымъ, не принадлежащимъ къ числу финляндскихъ гражданъ, пользоваться въ Финляндіи предоставленными имъ правами. Разсчитывать на правильное рѣшеніе дѣлъ финляндскими судами, въ случаѣ возбужденія преслѣдованія противъ виновныхъ должностныхъ лицъ, не было возможности. Поэтому, для дѣйствительнаго обезпеченія отвѣтственности послѣднихъ и было признано необходимымъ изъять всѣ подобныя ихъ дѣянія изъ компетенціи мѣстныхъ судебныхъ органовъ и подчинить ихъ дѣйствію Имперскихъ карательныхъ законовъ и вѣдѣнію Имперскихъ судовъ. Именно, согласно указанному закону, возбужденіе судебнаго противъ виновныхъ преслѣдованія предоставлено, по сообщенію Генералъ-Губернатора, прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты, производство предварительнаго слѣдствія—судебнымъ слѣдователямъ С.-Петербургскаго окружнаго суда и право суда—судебнымъ мѣстамъ С.-Петербургскаго судебнаго округа въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Генералъ-Губернатору предоставляется, въ случаѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ подлежащихъ должностныхъ лицъ, кромѣ судей, временно устранять или вовсе удалять ихъ отъ должностей. Далѣе, Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ означенный законъ дополнилъ спеціальною на сей случай статьею (1423[1]), согласно которой виновныя въ вышеописанныхъ преступленіяхъ должностныя лица подвергаются наказанію отъ штрафа въ суммѣ отъ 100—500 р. до заключенія въ тюрьмѣ на время отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣс. съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Разумѣется, уже самый слухъ о возможности привлеченія финляндскихъ чиновниковъ къ русскому суду за отказъ повиноваться общеимперскому законодательству сильно возмутилъ финляндскія газеты. Въ этой мѣрѣ онѣ сразу увидѣли нѣчто, дѣйствительно, непріятное. Газета „Kansan Tahto“ (1911 г., № 37), имѣя въ виду этотъ слухъ, призналась, что въ такомъ случаѣ не трудно будетъ осуществить общеимперское законодательство, „ибо *много у насъ такихъ трусовъ, которые сразу же забудутъ свой долгъ*, какъ только будутъ угрожать ихъ личной опезпеченности“.

Встревоженная такимъ слухомъ и опасаясь за своихъ чиновниковъ, помянутая газета предлагала заблаговременно озаботиться выработкою мѣръ

на тотъ случай, если бы вышеприведенный слухъ осуществился: „Народъ тогда долженъ, съ своей стороны, прибѣгнуть къ системѣ наказаній, которая, по меньшей мѣрѣ, была бы столь же чувствительною, какъ и правительственная. Въ этихъ цѣляхъ мы могли бы *подготовить общественное мнѣніе такъ, чтобы оно вліяло еще сильнѣе, чѣмъ правительственныя постановленія*. При помощи его мы и будемъ въ состояніи принудить какъ чиновниковъ, такъ и прочихъ лицъ крѣпко держаться за свое и отказывать въ повиновеніи незаконнымъ постановленіямъ и предписаніямъ“.

Дѣйствительно, общественное мнѣніе было хорошо подготовлено, ибо, какъ показала практика, при первыхъ опытахъ примѣненія новаго закона о равноправіи, финляндскія власти стали оказывать ему самое энергичное сопротивленіе, несмотря на угрожавшее привлеченіе виновныхъ къ Имперскому суду.

Первымъ изъ подобныхъ дѣлъ было дѣло членовъ Выборгскаго магистрата бургомистра В. Фагерстрема, ратмана Г. Пальмрута и бывшаго короннаго фохта Б. Лагеркранца, которые, разсмотрѣвъ въ засѣданіи магистрата прошеніе русскаго крестьянина Сопетова о разрѣшеніи ему заниматься промысломъ, не признали возможнымъ удовлетворить его ходатайство въ порядкѣ, установленномъ для финляндскихъ уроженцевъ, какъ то слѣдовало на основаніи закона о равноправіи 20 января 1912 г., и предложили просителю, какъ не финляндскому гражданину, а „иностранцу“, предварительно испросить разрѣшеніе губернатора, согласно § 12 финляндскаго закона о промыслахъ 1879 года

Подобныя же резолюціи были вынесены членами Выборгскаго магистрата и по другимъ подобнымъ прошеніямъ (Самойлова, Купцова), причемъ, кромѣ названныхъ лицъ, въ разсмотрѣніи дѣлъ участвовали гг. Исаксонъ и Лукандеръ.

Сопротивленіе закону 20 января 1912 г., со стороны означенныхъ лицъ было явное, и, по предложенію Финляндскаго Генералъ-Губернатора, С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ было возбуждено дѣло сперва противъ В Фагерстрема, Г Пальмрута и Б. Лагеркранца, а затѣмъ и противъ остальныхъ виновныхъ членовъ Выборгскаго магистрата.

Всѣ поименованные члены Выборгскаго магистрата отказывались принимать повѣстки о вызовѣ къ пріѣхавшему въ Выборгъ судебному слѣдователю и подчинялись только приводу силою, причемъ отказывались отвѣчать на вопросы слѣдователя. Такъ какъ они уклонялись отъ явки къ слѣдователю въ Выборгѣ, то были подъ стражею для допроса отправлены въ Петербургъ. Всѣ члены магистрата были затѣмъ освобождены по внесеніи залога въ суммѣ 500 руб. каждый, и лишь бывшій коронный фохтъ Лагеркранцъ, оказавшій особо упорное сопротивленіе при допросѣ и не пожелавшій воспользоваться правомъ представленія залога, былъ подвергнутъ заключенію въ Выборгскую тюрьму.

Тогда Лагеркранцъ подалъ въ Выборгскій Гофгерихтъ жалобу на мѣстнаго полиціймейстера, въ которой онъ требовалъ привлеченія этого представителя власти къ законной отвѣтственности за проступокъ по службѣ и за свой противозаконный арестъ. Жалоба была разсмотрѣна Гофгерихтомъ который постановилъ безотлагательно освободить Лагеркранца изъ тюрьмы, о чемъ и сообщилъ губернатору для исполненія Конечно, губернаторъ фонъ-Фалеръ, ссылаясь на принятую присягу свято и непоколебимо исполнять Высочайшую волю и Высочайше утвержденные законы, въ исполненіи предложенія Гофгерихта отказалъ Тогда Гофгерихтъ обратился къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ жаловался на неисполненіе губернаторомъ, т е лицомъ, находящимся въ подчиненномъ Гофгерихту положеніи, распоряженій Гофгерихта, и ходатайствовалъ о томъ, чтобы было повелѣно немедленно освободить Лагеркранца изъ тюрьмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гофгерихтъ предложилъ адвокатъ-фискалу возбудить дѣло противъ губернатора фонъ-Фалера и чиновника Александрова, скрѣпившаго отвѣтъ губернатора Гофгерихту.

Финляндскій Сенатъ не призналъ возможнымъ представить на Высочайшее благовоззрѣніе всеподданнѣйшее представленіе Императорскаго Гофгерихта и, наоборотъ, противъ членовъ Гофгерихта было возбуждено дѣло о воспрепятствованіи примѣненію закона о равноправіи.

Тѣмъ временемъ Лагеркранцъ былъ перевезенъ изъ Выборгской тюрьмы въ домъ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ.

Перевезеніе Лагеркранца изъ Выборгской тюрьмы послужило поводомъ къ публичнымъ демонстраціямъ По словамъ газеты „Karjala“ (1912 г., № 224), „тысячная толпа провожала его въ Выборгъ“. „На желѣзнодорожныхъ станціяхъ между Выборгомъ и Петербургомъ Лагеркранца встрѣчали пѣніемъ и цвѣтами... На станціи Усикиркко Лагеркранца встрѣтилъ пѣніемъ пѣвческій хоръ высшихъ народныхъ курсовъ. Хоръ пропѣлъ „Пѣснь карелъ“ и „Пѣснь Финляндіи“ „На станціи Теріоки собралась толпа, насчитывавшая нѣсколько сотъ человѣкъ. Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, толпою былъ исполненъ финляндскій національный гимнъ „Вортъ Ландъ“.

Камериру и его супругѣ были вручены цвѣты. То же повторилось на станціи Келломяки. На станціи Перкъярви Лагеркранцу былъ врученъ адресъ „гражданъ", живущихъ въ мѣстности Келломяки. Адресъ гласилъ: „въ Вашихъ страданіяхъ за отечество да будетъ Вамъ утѣшеніемъ сознаніе, что тысячи сочувствуютъ Вамъ".

Доставленный въ С.-Петербургскій окружный судъ, Лагеркранцъ не хотѣлъ принимать обвинительнаго акта, отказался сообщить фамиліи своихъ свидѣтелей и заявилъ, что явится въ судъ, лишь въ томъ случаѣ, если его заставятъ силою („Wiipuri", 1912 г., № 229).

Подобнымъ же образомъ были доставлены въ Петербургъ другіе члены магистрата, причемъ ихъ такъ же провожали оваціями, пѣніемъ національныхъ пѣсенъ, поднесеніемъ цвѣтовъ и т. п. (см. „Wiipuri", 1912 г., № 231, „Karjala", №№ 231 и 232). Они такъ же отказывались отвѣчать по существу на вопросы судебнаго слѣдователя, считая русскій судъ не компетентнымъ въ данномъ случаѣ. При возвращеніи въ Выборгъ послѣ допроса они удостоились новыхъ овацій, причемъ, когда встрѣчали въ Выборгѣ освобожденнаго подъ залогъ Лагеркранца, собралось столько публики и она вела себя такъ вызывающе, что произошли столкновенія съ полиціей.

10 октября 1912 г. въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось первое дѣло членовъ Выборгскаго магистрата: бургомистра Фагерстрема, ратмана Пальмрота и бывшаго короннаго фохта Лагеркранца, обвинявшихся въ отказѣ купцу Сопетову въ разрѣшеніи открыть торговлю въ цѣляхъ воспрепятствовать примѣненію закона 20 января 1912 г. объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими уроженцами другихъ русскихъ подданныхъ. Всѣ обвиняемые были присуждены къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Такимъ неожиданнымъ для мѣстной печати по своей суровости приговоромъ кончилось первое дѣло о сопротивленіи закону о равноправіи. Вслѣдъ за нимъ въ 1912 году противъ членовъ Выборгскаго магистрата было возбуждено еще два подобныхъ же дѣла (по ходатайству русскихъ подданныхъ Самойлова и Купцова). Затѣмъ были привлечены къ отвѣтственности члены Нюштадскаго магистрата, бургомистръ Содерманъ и ратманы Влумъ и Фрикъ (по дѣлу торговца Абеханова).

Не избѣгли кары и члены Выборгскаго Гофгерихта, которые, какъ было выше указано, вынесли рѣшеніе объ освобожденіи Лагеркранца изъ тюремнаго заключенія: приговоромъ С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 14 января 1913 г. они были приговорены къ высшей мѣрѣ наказанія—къ тюремному заключенію на 1 годъ и 4 мѣсяца, и лишь предсѣдатель Гофгерихта Малинъ, оставшійся при особомъ мнѣніи, былъ оправданъ.

Слѣдуетъ сказать, что предсѣдатель Выборгскаго Гофгерихта Малинъ не является единственнымъ изъ чиновъ финляндской магистратуры, нашедшихъ въ себѣ мужество не слѣдовать за кагаломъ и признать изданный въ общегосударственномъ порядкѣ законъ 20 января 1912 г. Такъ, когда въ октябрѣ 1912 г. въ Каянаскомъ ратгаузскомъ судѣ мѣстнымъ городскимъ фискаломъ было возбуждено дѣло по обвиненію редактора газеты „Kajanan Lehti" въ призывѣ къ неповиновенію упомянутому закону о равноправіи, выразившемся въ статьѣ „Законъ о равноправіи и общинныя власти", то ратгаузскій судъ присудилъ отвѣтчика къ штрафу, хотя и очень небольшому (25 мар.). Сообщавшая объ этомъ „Nya Pressen" (1912 г., № 240) указывала, что это первый ратгаузскій судъ, который выноситъ приговоръ за неповиновеніе закону о равноправіи, причемъ газета доводила до свѣдѣнія читателей, изъ какихъ лицъ состоитъ Каянаскій ратгаузскій судъ, конечно, на предметъ бойкота.

Что касается президента Малина, то травля этого мужественнаго человѣка приняла такіе размѣры *), что, несмотря на мѣры, принятыя по распоряженію губернатора для огражденія спокойствія г. Малина, послѣдній отъ потрясенія заболѣлъ и сталъ страдать безсонницей („Wiborgs Nyheter", 1913 г., № 25).

Кромѣ указанныхъ выше явленій финляндской общественной жизни, характеризующихъ финляндское чиновничество, какъ вредный политическій элементъ въ краѣ, въ мѣстной печати можно найти матеріалъ, бросающій тѣнь на *нравственныя качества этого чиновничества*.

Такъ, напримѣръ, газета „Uusi Suometar" (1908 г., № 138), въ статьѣ „Поразительныя разоблаченія", сообщала, что при разсмотрѣніи въ судѣ дѣла о злостномъ банкротствѣ нѣкоего К., агента одной копенгагенской торговой фирмы, обвиняемый представилъ пространное заявленіе, въ которомъ онъ, между прочимъ, указывалъ, что значительныя суммы денегъ употреблены имъ для *подкупа нѣкоторыхъ чиновниковъ*, дабы такимъ путемъ получить отсрочку по довѣреннымъ ему подряднымъ работамъ, и что онъ не считалъ возможнымъ отмѣчать эти статьи расхода въ своихъ счетныхъ книгахъ. Въ виду щекотливаго характера изложеннаго дѣла

*) Между прочимъ, въ теченіе всего дня на квартиру г. Малина разныя лица звонили по телефону. На вопросъ, кто звонитъ, не отвѣчали. Прим. сост.

г. К. заявилъ, что онъ не считаетъ удобнымъ предать гласности фамиліи этихъ чиновниковъ, если только судъ не принудитъ его къ этому. „Uusi Suometar" считала необходимымъ произвести самое основательное слѣдствіе, „хотя бы и пришлось вывести на чистую воду чиновника, забывшаго не только „основные", но и нѣкоторые другіе законы". Однако, журналъ „Окраины Россіи" отмѣтилъ, что дѣло К. болѣе не появлялось въ газетахъ, давая поводъ заключить, что судъ не пожелалъ настаивать на освѣщеніи такихъ непріятныхъ для финляндскаго самолюбія подробностей.

Подкупность желѣзнодорожнаго чиновничества, повидимому, очень распространена въ Финляндіи. Между прочимъ, на желѣзной дорогѣ въ Каянѣ были обнаружены злоупотребленія, состоявшія въ томъ, что вагоны, нагружавшіеся досками, отправлялись перегруженными, при чемъ лишній грузъ, доходившій до 3.000 килогр. на вагонъ, по тарифу, не оплачивался. „Финляндская Газета" (1911 г., № 123) приводила слѣдующій отзывъ по этому поводу соціалистической газеты „Työmies": „Мы имѣемъ полное основаніе спросить, неужели же это дѣло предполагается замять? Если смотрѣть со стороны, то излагаемый случай представляется правдоподобнѣйшимъ доказательствомъ *подкупности желѣзнодорожнаго чиновничества*. Трудно предполагать, чтобы послѣднее не было въ стачкѣ съ лѣсоторговцами. Поэтому необходимо произвести строгое разслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что убытокъ казны доходитъ до 1.750—2.000 марокъ въ день, такъ какъ, начиная съ весны, изъ Каяны ежедневно отправляется около 50 вагоновъ соотвѣтствующаго товара. Однако, *не слѣдуетъ думать, чтобы приведенный случай былъ единичнымъ*. Извѣстно, что начальники станцій, расположенныхъ близко отъ крупныхъ дровяныхъ фирмъ, вполнѣ открыто функціонируютъ въ роли „агентовъ" послѣднихъ. Говорятъ, будто владѣлецъ одной изъ лѣсопиленъ сказалъ, что ему было бы *невыгодно содержать свою лѣсопильню внутри страны, если бы у него не былъ агентомъ начальникъ станціи...*"

Если о подкупности финляндскихъ чиновниковъ указанія въ печати сравнительно рѣдки, то сообщенія о *растратахъ, подлогахъ, самоуправствахъ* и т. п. злоупотребленіяхъ не составляютъ исключенія.

Выше въ главѣ первой (стр. 62 и 63) были приведены случаи растратъ казенныхъ суммъ чиновниками края. Эти случаи настолько же часты, насколько часто отмѣчаются подобныя явленія вообще въ жизни Финляндіи въ разныхъ слояхъ общества.

Указывались также случаи (стр. 48, 50 и сл.) самоуправства и превышенія власти среди должностныхъ лицъ.

Можно привести еще примѣры *недобросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ и злоупотребленія служебнымъ положеніемъ*.

Такъ, короннымъ ленсманомъ въ Пуумала В. Ч. были совершены различные служебные проступки, за которые, по выясненіи обстоятельствъ дѣла, онъ былъ присужденъ къ штрафу въ размѣрѣ 300 марокъ и уволенъ со службы „согласно прошенію" („Nya Pressen", 1911 г., № 94)

Примѣромъ упущеній этого ленсмана можетъ служить слѣдующее дѣло, о которомъ передаетъ „Karjala" (1911 г., № 109) „24 января 1911 года на берегу озера у Пуумалы былъ найденъ утопленникъ; по распоряженію ленсмана Ч. трупъ былъ внесенъ въ покойницкую, гдѣ онъ пролежалъ 3 мѣсяца и 10 дней, такъ какъ ленсманъ не нашелъ свободнаго времени, чтобы произвести полицейское дознаніе. По выходѣ Ч. въ отставку дознаніе пришлось производить его преемнику, но трупъ оказался въ настолько ужасномъ состояніи, что полицейскимъ дознаніемъ ничего уже нельзя было установить; даже личность утопленника осталась невыясненною".

„Начальникъ мѣстнаго управленія по призрѣнію бѣдныхъ въ Рауталампи П. А. Х. присужденъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію за то, что онъ, состоя лѣсничимъ пасторскаго бостеля, пользовался для своихъ собственныхъ потребностей дровами означеннаго бостеля. Противъ того же Х. возбуждено дѣло по обвиненію въ томъ, что онъ отказался выдать одному изъ призрѣваемыхъ общиною нищихъ прописанныя врачемъ лѣкарства. Судъ постановилъ дать Х. серьезное предостереженіе

и возложилъ на него уплату всѣхъ судебныхъ издержекъ „Savon Työmies", указывая, что Х. состоитъ завѣдующимъ складами хлѣба общины, замѣчаетъ, что повидимому буржуазія, въ виду постепенно увеличивающихся „заслугъ" Х., наградитъ его другими должностями" („Työmies", 1911 г., № 35).

Лѣтомъ 1911 г., по словамъ старофинской газеты „Wiipuri" (1911 г., № 162), на чрезвычайномъ засѣданіи уѣзднаго суда на Иматрѣ разбиралось возбужденное желѣзнодорожнымъ управленіемъ дѣло дорожнаго инженера Т. и дорожнаго мастера С., провинившихся въ злоупотребленіяхъ по службѣ „Судъ нашелъ доказаннымъ, что С пользовался въ своихъ интересахъ казеннымъ древеснымъ матеріаловъ, а также трудомъ казенныхъ рабочихъ, занимался побочнымъ дѣломъ, перевозилъ безплатно овесъ и т. д., за что обвиняемый присужденъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ отрѣшенію отъ должности на два года. Т. присужденъ къ штрафу, отвѣчающему 75 дневному тюремному заключенію и къ отрѣшенію отъ должности на два года".

2. Почта.

Въ особенности часто встрѣчаются сообщенія *о злоупотребленіяхъ въ почтовомъ вѣдомствѣ*. Какъ оказывается, судьба почтовыхъ отправленій вовсе ужъ не такъ хорошо обезпечена въ Финляндіи, какъ мы привыкли думать. То и дѣло приходится читать о пропажахъ денежныхъ и простыхъ писемъ и посылокъ, о неисправной доставкѣ корреспонденціи и о другихъ злоупотребленіяхъ.

Такъ, въ 1910 году у начальника почтоваго отдѣленія въ Лянгельмя обнаружена растрата около 2000 мар. При произведенномъ дознаніи виновный сознался, что онъ въ теченіе *12 лѣтъ* вскрывалъ денежныя письма и похищалъ изъ нихъ деньги. („Tampereen Sanomat", 1910 г., № 215) Денежный пакетъ съ четырьмястами марокъ, высланый изъ Вазы въ Нярпіоскую общину „пропалъ между Нярпіо и Тоби" („Kansan Tahto", 1910 г., № 278). Денежный пакетъ съ семьюстами марокъ, посланный кассиру станціи Инха, «пропалъ неизвѣстно куда" („Helsingin Sanomat", 1910 г., № 251). На линіи Улеаборгъ-Киминги почтальонъ, вскрывъ почтовую сумку, забралъ изъ нея денежные пакеты на сумму въ 2 195 марокъ и скрылся („Karjala", 1910 г., № 172).

Въ началѣ 1911 года при вскрытіи въ Гельсингфорсской почтѣ нѣсколькихъ почтовыхъ мѣшковъ была обнаружена „пропажа" нѣкотораго числа почтовыхъ посылокъ, причемъ производство разслѣдованія затруднялось „пропажею списковъ почтовыхъ посылокъ" („Nya Pressen", 1911 г., № 8).

По сообщенію „Wiborgs Nyheter" (1911 г., № 93), „въ теченіе продолжительнаго времени на почтовой линіи Кидесъ-Тохмаярви-Іоэнсу были замѣчаемы пропажи денегъ и простыхъ писемъ. О кражахъ было заявлено почтовому управленію. При произведенномъ дознаніи обнаружились факты, доказывавшіе, что деньги похищались кѣмъ то изъ служащихъ при Тохмаярвиской почтовой экспедиціи При состоявшемся допросѣ и. д. начальницы экспедиціи, дѣвица С. Х. и ея сестра сознались въ кражахъ. Противъ виновныхъ возбуждается судебное дѣло".

„15 февраля 1912 года въ Таммерфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію почталіона Таммерфорсской почтовой конторы Вуорияярви въ похищеніи съ 7 по 24 января 96 простыхъ писемъ. Послѣ непродолжительнаго препирательства отвѣтчикъ сознался, что письма дѣйствительно были похищены имъ. Каждое похищенное письмо онъ подносилъ дома къ зажженной лампѣ. Если въ письмѣ были деньги, онъ разрывалъ конвертъ, деньги бралъ себѣ, а письмо сжигалъ Другія письма, не содержавшія въ себѣ денегъ, приносилъ обратно въ контору. Общая сумма похищенныхъ отвѣтчикомъ изъ писемъ денегъ достигаетъ 70 марокъ. Виновный присужденъ къ 8 мѣсячному тюремному заключенію и къ лишенію послѣ отбытія наказанія на 3 года гражданскаго довѣрія" („Turun Sanomat", 1912 г., № 38).

„24 января 1912 г., въ первомъ отдѣленіи Выборгскаго ратгаузскаго суда разбиралось (уже не въ первый разъ) дѣло по обвиненію почталіона Выборгской почтовой конторы Т въ похищеніи 23 августа 1906 года Иматраскаго почтоваго мѣшка съ заказными письмами и отправленіями съ наложеннымъ платежомъ. Означенный мѣшокъ въ 1907 году былъ землечерпательнымъ ковшомъ поднятъ со дна южной Выборгской гавани Мѣшокъ оказался сбоку подрѣзаннымъ. Всѣ отправленія съ наложеннымъ платежемъ были цѣлы. Не хватало только 5 заказныхъ писемъ" („Karjala", 1912 г., № 19).

„13 февраля 1912 г. въ Урьяла-Кольмякокискомъ уѣздномъ судѣ разбиралось дѣло о похищеніи въ ночь съ 18 на 19 января изъ Вейалаской желѣзнодорожной конторы заказного письма съ 8000 марокъ денегъ. Въ качествѣ обвиняемаго присутствовалъ въ судѣ младшій секретарь конторы Б. Л.". Послѣ допроса свидѣтелей, которыхъ было болѣе 11 человѣкъ, отвѣтчикъ былъ оправданъ Возмѣщеніе же понесенныхъ почтовымъ управленіемъ изъ за похищенія пакета убытковъ, возложены судомъ на начальника станціоннаго почтоваго отдѣленія А". („Kansan Lehti", 1911 г., № 37).

„1 февраля 1912 г. въ третьемъ отдѣленіи Выборгскаго ратгаузскаго суда вновь разбиралось дѣло о похищеніи весною 1909 года изъ Выборгской почтовой конторы адресованнаго въ Гельсингфорсское отдѣленіе Сѣвернаго банка пакета съ 6000 рублей" („Wiipuri", 1912 г., № 26).

Та же газета „Wiipuri" (1912 г., № 26) сообщала, что при ревизіи Перюской почтовой конторы въ суммахъ послѣдней обнаружена растрата въ 1478 марокъ. Виновникомъ ея оказался начальникъ конторы купецъ А. Т. Кромѣ означенной суммы, начальникъ конторы присвоилъ нѣсколько почтовыхъ денежныхъ отправленій какъ посланныхъ мѣстными обывателями, такъ и пришедшихъ на ихъ имя. Сумма этого рода растраты не выяснена.

Въ мѣстныхъ финляндскихъ газетахъ встрѣчаются указанія не только на пропажу денежной корреспонденціи, но и вообще на *небрежность въ доставкѣ почтовыхъ отправленій*.

Газета „Туö" (1911 г, № 39) приводитъ характерный случай для финляндскихъ почтовыхъ порядковъ.

Однажды предъ самымъ уходомъ изъ Выборга петербургскаго почтоваго поѣзда, въ почтовый вагонъ отъ Выборгскаго коменданта было принесено адресованное Государю Императору письмо. Экспедиторъ, *думая, что Государь живетъ въ Гельсингфорсѣ*, передалъ это письмо въ шедшій туда почтовый поѣздъ. Въ послѣднемъ ошибка была замѣчена, и письмо съ первымъ поѣздомъ было отправлено снова въ Петербургъ. „Если письма, адресованныя Государю Императору, странствуютъ такимъ образомъ, то что же—спрашиваетъ газета—дѣлается съ письмами простыхъ смертныхъ"

По сообщенію газеты „Sosialisti" (1911 г, № 165), редакторомъ И. Херхаммеромъ была подана въ финляндское почтовое управленіе жалоба на то, что нѣкоторые изъ находящихся на Гельсингфорсскомъ вокзалѣ почтовыхъ ящиковъ опоражниваются столь неисправно, что многія письма въ виду сего значительно опаздываютъ При произведенномъ разслѣдованіи основательность жалобы подтвердилась

Газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 116) возмущалась небрежностью финляндскихъ почтовыхъ чиновниковъ, изъ за которой и происходятъ приносящія громадный матеріальный ущербъ жителямъ задержки.

Для примѣра газета сообщала, что 26 апрѣля 1911 г. изъ Орихвесиской почтовой конторы былъ отправленъ въ Липери почтовый переводъ, который по самымъ строгимъ вычисленіямъ, долженъ былъ прибыть на мѣсто назначенія до 1 мая. Но на самомъ дѣлѣ въ Липери онъ не былъ полученъ еще и 11 мая

Весьма характернымъ для царствующихъ въ финляндскомъ почтовомъ вѣдомствѣ порядковъ представляется дошедшее, по словамъ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 160), до Управленія Почтъ свѣдѣніе, что *„почтовые служащіе и почталіоны розвозятъ и разносятъ частнымъ образомъ посылки и письма, не оплаченныя почтовымъ сборомъ*. Управленіе Почтъ должно было предписать всѣмъ начальникамъ почтовыхъ отдѣленій принять мѣры къ устраненію этого явленія и немедленно привлекать виновныхъ къ отвѣтственности". Точно сами начальники не знали раньше о незаконности подобныхъ дѣйствій почтовыхъ служащихъ.

Не менѣе интересенъ для характеристики нравовъ финляндскихъ почталіоновъ другой циркуляръ Почтоваго Управленія, о которомъ сообщала старофинская газета „Uusi Suometar" (1911 г., № 262).

„Въ послѣднее время, говоритъ циркуляръ, опять имѣли мѣсто *случаи пропажи почты* въ то время, какъ она находилась въ вѣдѣніи перевозившихъ ее почталіоновъ. Произведеннымъ дознаніемъ установлено, что случаи эти возобновились вслѣдствіе *непростительно небрежнаго обращенія почталіоновъ съ ввѣренной имъ почтой, доходящаго до того, что они оставляютъ ее безъ всякаго надзора*. Въ силу этого, Почтовое Управленіе, ссылаясь на циркуляръ № IV (5) отъ 20 марта 1905 года, считаетъ нужнымъ вновь подтвердить, что почтовыя учрежденія должны заботиться о томъ, чтобы по прибытіи почты направляемые далѣе мѣшки и сумки ни въ коемъ

случаѣ не оставались въ пововкѣ почталіона, а немедленно вносились бы въ почтовое учрежденіе и хранились тамъ до отправленія почталіона въ дальнѣйшій путь".

Изъ этого видно, сколь часто почтовая корреспонденція въ Финляндіи можетъ подвергаться риску пропажи, благодаря небрежности почталіоновъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе на то, что въ Финляндіи мѣстные политиканы нерѣдко пользовались услугами почты для пересылки періодическихъ изданій и другихъ печатныхъ произведеній противоправительственнаго содержанія.

Такъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Имперіи, которому нынѣ подчинено финляндское почтовое вѣдомство, по жалобѣ Генералъ-Губернатора Бобрикова, на основаніи правилъ Высочайшаго манифеста отъ 31 мая (12 іюня) 1890 года о мѣрахъ къ объединенію почтовой части Финляндіи и Имперіи, преподалъ, 11 іюля 1902 года, указаніе чинамъ финляндскаго почтоваго вѣдомства, чтобы, въ случаѣ полученія ими отъ подлежащихъ властей свѣдѣній или возникновенія какимъ либо другимъ путемъ подозрѣнія о нахожденіи въ пересылаемой по почтѣ корреспонденціи (письмахъ, посылкахъ и бандероляхъ) произведеній или изданій, неразрѣшенныхъ цензурою, означенная корреспонденія вскрывалась почтовыми учрежденіями въ присутствіи получателей оной, и запрещенныя изданія препровождались въ распоряженіе мѣстнаго губернатора.

Тогдашній почтъ-директоръ Лагерборгъ, за уклоненіе отъ исполненія таковаго распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, былъ уволенъ отъ службы; преемникъ его г. Ямалайненъ, вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, принялъ зависящія мѣры къ осуществленію сего распоряженія.

За таковой свой образъ дѣйствій г. Ямалайненъ, послѣ событій 1905 года, подвергся злостному преслѣдованію со стороны мѣстныхъ шведомановъ. Противъ него было возбуждено судебное дѣло, при чемъ ему вмѣнялась въ вину, на ряду съ другими совершенно правильными служебными дѣйствіями, главнымъ образомъ исполнительность его въ отношеніи вышеупомянутаго распоряженія.

Между прочимъ, ему вмѣнялось въ вину распоряженіе о задержаніи пересылавшихся въ закрытыхъ оплаченныхъ письмахъ нумеровъ подпольнаго революціоннаго журнала „Fria Ord" и писемъ, адресованныхъ молодежи, подлежащей призыву, съ воззваніемъ уклоняться отъ явки къ призыву 1904 года. Абоскій гофгерихтъ, въ рѣшеніи отъ 20 декабря 1909 г., призналъ какъ г. Ямалайнена, такъ и трехъ другихъ подчиненныхъ Ямалайнену чиновниковъ виновными въ инкриминируемыхъ имъ преступленіяхъ и приговорилъ Ямалайнена къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Настоящее дѣло, по жалобѣ обвиняемыхъ, перешло затѣмъ въ Сенатъ, который вынесеннымъ въ 1911 году рѣшеніемъ оправдалъ всѣхъ привлеченныхъ по дѣлу лицъ за недоказанностью обвиненія, городского же фискала Альбрехта, оскорбившаго въ представленномъ имъ гофгерихту актѣ одного изъ обвиняемыхъ бранными выраженіями, присудилъ за оскорбленіе къ штрафу въ 150 мар. съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности, 25 дневнымъ тюремнымъ заключеніемъ *).

---

3. Полиція.

Финляндская полиція въ городахъ отличается вѣжливостью, дисциплиной и вообще по внѣшности не оставляетъ, повидимому, желать ничего лучшаго.

Однако, финляндская печать сообщаетъ очень много фактовъ, изъ которыхъ можно видѣть, что представители полиціи нерѣдко уличаются въ пьянствѣ, буйствѣ, развратномъ поведеніи, злоупотребленіи властью, истязаніяхъ и т. п.

Въ отношеніи буйства и пьянства полицейскіе не отстаютъ отъ прочаго населенія съ тою лишь разницею, что, будучи вооруженными, они въ этомъ случаѣ становятся гораздо опаснѣе другихъ.

*) „Финляндская Газета" 1911 г., № 139 „Къ вопросу о полож. русскихъ въ Финляндіи" СПБ., 1911 г., стр. 65 Городской фискалъ Альбрехтъ, какъ извѣстно, покончилъ жизнь самоубійствомъ, а потому наказаніе не могло быть приведено въ исполненіе.

Выше было приведено много сообщеній газетъ всѣхъ партій съ описаніями безчинствъ полицейскихъ въ пьяномъ видѣ (стр. 12), случаевъ нарушенія общественной нравственности (стр. 78), случаевъ самоуправства и истязаній нерѣдко совершенно невинныхъ людей (стр. 50). Указывалось на бездѣйствіе полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія корчемства и разврата (стр. 19), на участіе въ нарушеніи закона о продажѣ спиртныхъ напитковъ въ домѣ одного студенческаго землячества (стр. 19), на бездѣйствіе при поимкѣ двухъ мошенниковъ, Смоландера и Паасивирты (стр. 57 и сл.).

Если иногда финляндская полиція обнаруживаетъ „поразительную и непростительную медленность", то бываютъ случаи, когда *быстрота и энергичность ея дѣйствій граничатъ съ безцѣльною жестокостью.*

17 февраля 1911 г. состоялось рѣшеніе мѣстнаго городскаго суда о лишеніи бывшаго сельскаго торговца въ Верэскомъ шхерномъ архипелагѣ Андреаса Х. земли, на которой стояло его хозяйство. Исполненіе этого рѣшенія было назначено на 11 декабря, съ приказаніемъ семейству самому очистить домъ въ праздникъ Крещенія. Это исполнено не было, и рѣшеніе было приведено въ исполненіе полиціей, за счетъ выселяемаго.

Какъ передавала шведоманская „Hufvudstadsbladet" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 23), со словъ „Wasa Posten", мѣстная полиція въ серединѣ января разрушила всѣ восемь построекъ Х. (жилой домъ, ригу, помѣщенія для скота, кладовку и четыре сарая), а матеріалъ былъ убранъ съ мѣста на другой участокъ. „Х. съ женою, пятью малолѣтними дѣтьми и скотомъ остались безпріютными на холодѣ, не говоря уже о запасахъ корма и картофеля. Оставшееся отъ риги и трехъ сараевъ дерево 12 февраля было продано экзекутивнымъ порядкомъ за 107 мар. для погашенія въ этой суммѣ расходовъ по выселенію. Дѣти плакали, когда ломали ихъ жилище, а имъ пришлось въ непогоду пробираться въ одно изъ сосѣднихъ селеній, гдѣ эту несчастную семью и ея имущество пріютили сердобольные люди".

По поводу этого „Финляндская Газета" (1912 г., № 28) писала: „Случай во всѣхъ своихъ подробностяхъ, до нельзя тяжелыхъ, чрезвычайно характеренъ для освѣщенія степени истинной финляндской культурности; цѣнность его въ этомъ смыслѣ тѣмъ болѣе значительна, что на сей разъ это *не сообщенія рабочей печати*, которая не прочь подчасъ и пріукрасить разсказъ о жестокости и эгоизмѣ буржуазіи,—нѣтъ это реляція самихъ буржуазныхъ газетъ, торопящихся тутъ же вскользь отмѣтить, что имъ неизвѣстно имя собственника земли, гнавшаго въ крещенскій морозъ пять малолѣтокъ на улицу, и подчеркнуть, что „подобный случай, къ счастью, въ своемъ родѣ первый въ той мѣстности". Прежде всего, гораздо было-бы утѣшительнѣе, если-бы это былъ послѣдній случай, да и не только въ „той мѣстности", гдѣ это произошло, а и въ прочихъ мѣстностяхъ высококультурнаго края; тамъ—это въ первый разъ; а въ который же—вообще? Объ этомъ сконфуженныя шведоманскія газеты сочли за лучшее совсѣмъ умолчать".

Какъ и чиновничество, финляндская полиція очень считается съ мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ и не рѣшается дѣйствовать очень настойчиво противъ эксцессовъ мѣстной общественной жизни.

Такъ, напр., „Hufvudstadsbdladet" (1911 г., № 117) разсказываетъ, что „соціалъ-демократическимъ обществомъ въ Або былъ 1 мая устроенъ вечеръ въ залѣ зданія рабочаго союза. Въ программѣ значились декламація и пѣніе куплетовъ. Несмотря на это, г-жа Хильда С., которой была поручена декламація, начала декламировать запрещенное стихотвореніе Тогда выступилъ чинъ полиціи и запретилъ ей отъ имени полиціймейстера продолжать декламацію Послѣ короткихъ пререканій г-жа С все же продекламировала стихотвореніе, послѣ чего констабль удалился".

Казалось бы, долгъ требовалъ отъ полицейскаго чина настоять на исполненіи сдѣланнаго распоряженіе или закрыть собраніе, прибѣгнувъ даже, въ крайнемъ случаѣ, къ силѣ, а ни въ коемъ случаѣ не подрывать уваженія къ власти своимъ удаленіемъ изъ собранія, какъ будто бы за отсутствіемъ возможности что-нибудь сдѣлать.

Другимъ примѣромъ можетъ служить описываемый въ „Tyomies" (1911 г., № 273) случай, когда конста бли Таммерфорсской полиціи отказались повиноваться распоряженію полиціймейстера—снять развѣвавшійся на крышѣ дома рабочаго союза красные флаги

Подобныхъ примѣровъ можно привести много.

Въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить то значеніе, которое хотѣлъ придать полиціи мехелинскій Сенатъ и которое она сохраняла до послѣдняго времени.

„Вѣдь мехелинскій Сенатъ, по словамъ газеты „Россія" (1911 г., № 1658), „такъ переустроилъ полицію", что не только охранныя гвардіи стали излишними, но и нечего было болѣе сожалѣть о расформированіи финскихъ баталіоновъ; такъ, по крайней мѣрѣ, понимали переустройство полиціи финляндскіе соціалисты.

„Какъ извѣстно, людей въ гельсингфорсской полиціи столько, сколько было въ прежнихъ финскихъ батальонахъ: нюландскомъ и гвардейскомъ, писала соціалистическая газета „Kansan Lehti" (1909 г., № 185), а газета „Työmies" (1909 г., № 181) прямо называла гельсингфорсскую полицію *„гельсингфорскимъ мѣстнымъ войскомъ"*.

Если припомнить рѣчь депутата Бомана, сказанную имъ о полиціи на Сеймѣ 1909 г., то можно предположить, что мехелинскій Сенатъ и по другимъ городамъ Финляндіи „переустроилъ" полицію въ тѣхъ же цѣляхъ, чтобы она замѣнила собою всѣ прежніе финскіе баталіоны.

„Для чего нужна нынѣшняя полиція? —говорилъ названный депутатъ; по моему мнѣнію, она понадобилась послѣ того, какъ были расформированы финскія войска". Чтобы не быть голословнымъ, Боманъ въ своей рѣчи ссылается на многочисленность полиціи въ г. Куопіо: „Въ г. Куопіо— цѣлый легіонъ полиціи, которая заняла однажды улицу съ одного конца до другого, а также часть двухъ сосѣднихъ улицъ такъ, что по нимъ нельзя было пройти" („Työmies", 1909 г., № 187).

Конечно, при такомъ предполагаемомъ значеніи полиціи она должна была обладать *запасомъ воспрещеннаго оружія*.

Произведенный въ 1911 году Нюландскимъ губернаторомъ обыскъ въ помѣщеніи центральной гельсингфорсской полиціи вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе.

Корреспондентъ „Русскаго Слова" (1911 г., № 75) такъ описываетъ обстоятельства этого дѣла. „Явившись внезапно въ помѣщеніе центральной полиціи, въ сопровожденіи штабъ-офицера и чиновника Генералъ-Губернаторской канцеляріи, Нюландскій губернаторъ Нюманъ потребовалъ планъ помѣщенія. Руководясь имъ, посѣтители начали обходъ. На чердакѣ наткнулись на два сундука, которые и были вскрыты. Оказалось, что ихъ содержимое состоитъ изъ 80-ти ружей Маузера и другихъ".

„Такимъ образомъ, говоритъ „Helsingin Sanomat" (1911 г., № 86), случайно открылось, что полиція хранила такое оружіе, которое вовсе не относится къ предметамъ ея собственнаго вооруженія. А такъ какъ Сенатъ, какъ извѣстно, предписалъ, чтобы все оружіе, конфискуемое полиціею, было передаваемо на храненіе расположеннымъ въ краѣ русскимъ войскамъ, то губернаторъ, видя, что гельсингфорсская полиція не выполнила этого сенатскаго предписанія, рѣшилъ принять немедленно мѣры къ исполненію этого предписанія. Онъ распорядился о передачѣ оружія въ распоряженіе русскихъ войскъ, что тутъ же и было сдѣлано. Вызвана была команда русскихъ солдатъ, и ей передано оружіе".

Любопытны объясненія, приводимыя по этому поводу газетою „Helsingin Sanomat": „Какъ извѣстно, послѣ свеаборгскаго бунта, Сенатъ (мехелинскій) предписалъ общинамъ сформировать охранныя гвардіи и вмѣстѣ съ этимъ Сенатъ отпустилъ на этотъ предметъ деньги, часть которыхъ была употреблена на покупку винтовокъ, которыя и были раздѣлены между общинами. Когда же послѣ этого полиція была заново переустроена, то охранныя гвардіи были распущены, и винтовки препровождены въ гельсингфорсскую полицію, гдѣ ихъ до сего времени и хранили". Полиція, храня оружія, скромно молчала о немъ, несмотря на предписаніе, обязывавшее ее передать оружіе въ распоряженіе русскихъ войскъ. Это оружіе считалось „сенатскимъ" или „государственнымъ". И печать въ Финляндіи не мало смущена конфискацею его. „Рюссы увезли винтовки Сената"—замѣчаетъ „Kansan Lehti" (1911 г., № 85).

„Лишенная винтовокъ, гельсингфорсская полиція, по словамъ газеты „Россія" (1911 г., № 1658), тѣмъ самымъ лишается и того значенія, которое хотѣлъ ей придать мехелинскій Сенатъ, и теперь „мѣстному гельсингфорсскому войску" приходится волей-неволей отказаться отъ чести быть преемникомъ финскихъ батальоновъ города Гельсингфорса и обратиться просто въ полицію города Гельсингфорса".

Храненіе при полиціи оружія было обнаружено и въ другихъ городахъ

Финляндіи, хотя и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, какъ въ Гельсингфорсѣ.

Въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 123) читаемъ, что „по приказанію Генералъ-Губернатора Вазаскій губернаторъ предложилъ гамлакарлебюской полиціи сдать подлежащей власти револьверы и одинъ пистолетъ, равно какъ и 40 патроновъ, хранившіеся уже долго въ полиціи".

Такимъ образомъ, дѣйствіями правительства финляндская полиція, къ огорченію финляндцевъ, была лишена значенія кадра народнаго войска.

Для характеристики *мѣстной сельской полиціи* полезно ознакомиться съ приведеннымъ въ газетѣ „Россія" (1910 г., № 1410) разсказомъ финскаго писателя Кауписъ-Хейки подъ заглавіемъ „Siltavouti", что по-русски можно передать словомъ „Урядникъ". Правда, разсказъ этотъ относится къ прошедшему уже времени—ко второй половинѣ XIX вѣка,—но это не значитъ, что съ тѣхъ поръ многое измѣнилось.

„Въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ, чтобы дать заработокъ населенію прихода, власти предписали прокопать канаву для осушки большого болота въ приходѣ. Дѣло было поручено „Силтавоути", который и нажился на немъ: платилъ рабочимъ мало, продавалъ казенную муку очень дорого, и у него никто не могъ проработать болѣе недѣли. „Силтавоути" представилъ правильную отчетность, такъ что власти остались довольны: „большая часть населенія прихода по отчету была на работахъ въ теченіе всей весны, и канава была хороша. Но что бы власти сказали, если бы увидѣли, что даже половины канавы не было прокопано и рѣдко кто былъ на работѣ больше недѣли" Выполнивъ казенное порученіе, „Силтавоути" купилъ большой дворъ и занялся ростовщичествомъ. Разъѣзжая по служебнымъ обязанностямъ по своему приходу, онъ останавливается у крестьянъ, которые угощаютъ и его и кормятъ его коня. Кто изъ крестьянъ бывалъ скупъ на угощеніе, того „Силтавоути" прижималъ при всякомъ удобномъ случаѣ; а такихъ случаевъ бывало достаточно: онъ находилъ неисправности на участкѣ почтовой дороги, принадлежавшемъ этому крестьянину, и штрафовалъ его; онъ провѣрялъ у крестьянина безмѣнъ, мѣры сыпучихъ тѣлъ и при неточности ихъ грозилъ доносомъ, мирясь однако на взяткѣ въ 20 марокъ. Онъ разузнавалъ о батракахъ крестьянъ и, если у кого батракъ не бывалъ еще въ предприятной школѣ, то являлся во время полевыхъ работъ забрать его изъ такую школу. Крестьянинъ выкупалъ батрака за 10 марокъ. Узнавалъ „Силтавоути" и тайныя винокурни, и за сокрытіе ихъ бралъ по 30 марокъ съ винокурни. „Онъ былъ, что машина, которую постоянно надо было смазывать Вездѣ, гдѣ его не подмазывали, онъ скрипѣлъ и выискивалъ предлоги для смазки" (стр 39) И на судъ нельзя было состязаться съ „Силтавоути" потому, что онъ вездѣ выставлялъ себя блюстителемъ казеннаго интереса".

Изъ этого видно, что „Силтавоути" съ формальной стороны поступалъ безукоризненно и въ то же время обиралъ крестьянъ, какъ хотѣлъ. Таковъ былъ типъ финляндскаго урядника лѣтъ 30 тому назадъ. Можно думать, что нравы нынѣшней сельской полиціи стоятъ все же выше.

4. Желѣзныя дороги.

Желѣзнодорожное дѣло въ Финляндіи возникло нѣсколько позже, нежели въ Имперіи, но свое развитіе оно получило, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и въ прочихъ частяхъ нашего отечества, во второй половинѣ XIX вѣка. Въ первые годы появленія въ Финляндіи желѣзныхъ дорогъ, протяженіе ихъ увеличивалось очень медленно. Въ 1862 году длина желѣзнодорожнаго пути равнялась 107 километрамъ, а въ 1869 году 170 километрамъ. Въ 1911 году длина пути равнялась 3.755 километрамъ, изъ коихъ 3.408 километровъ принадлежали казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, а 347 километровъ—частнымъ. Что касается городовъ, соединенныхъ желѣзною дорогою, то число ихъ увеличивалось по мѣрѣ развитія желѣзнодорожнаго пути, и въ настоящее время, изъ 38 городовъ края, только 5 находятся не при желѣзной дорогѣ.

Эксплоатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ только въ первое время была убыточна, потомъ же, напротивъ, доходы отъ желѣзныхъ дорогъ стали

неизмѣнно расти. Наиболѣе счастливымъ въ смыслѣ доходности было время 1896—1900 года, когда общая прибыль была свыше 7.000.000 мар., а прибыль на каждый километръ пути не опускалась ниже 2.700 мар. По даннымъ за 1908 годъ, общій размѣръ прибыли выражался (при валовомъ доходѣ въ 40.837.791 мар.) цифрою 5.161.034 мар., а на каждый километръ пути приходилось 1.600 мар. Наибольшій валовой доходъ отъ пассажирскаго движенія падаетъ на іюнь мѣсяцъ (въ 1908 году 2.249.698 мар.), что объясняется чрезвычайно усиливающимся въ это время движеніемъ дачныхъ поѣздовъ, большая часть которыхъ совершаетъ пробѣгъ на участкѣ С.-Петербургъ—Выборгъ, обслуживая русскихъ дачниковъ, дающихъ колоссальный доходъ не только желѣзной дорогѣ, но и населенію Выборгской губерніи *).

Такимъ образомъ, финляндская желѣзнодорожная сѣть представляется довольно значительной, хорошо обслуживающей населенныя мѣста края и, повидимому, хозяйственно эксплоатируемою.

Все это не мѣшаетъ, однако, существованію въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ Финляндіи многихъ недостатковъ. Прежде всего, *въ отношеніи удобства вагоновъ и скорости движенія поѣздовъ Финляндскія желѣзныя дороги значительно уступаютъ Имперскимъ.* Шведоманская газета „Nya Pressen" (1910 г., № 291) говоритъ, что „скорость движенія поѣздовъ въ Финляндіи ниже всякой критики".

Что касается удобствъ путешествія по финляндскимъ дорогамъ, въ особенности для русскаго путешественника, то нѣкоторое представленіе о немъ можетъ дать письмо одного русскаго, помѣщенное въ „Финляндской Газетѣ" (1912 г., № 80).

„Только что вы успѣли переѣхать черезъ Литейный мостъ на Выборгскую сторону, пишетъ, между прочимъ, авторъ письма, и войти въ грязное убогое станціонное помѣщеніе финляндскаго вокзала, какъ попадаете въ царство шведскаго и финскаго языковъ и ломаной русской рѣчи. Изволите-ли видѣть, что всѣ служащіе здѣсь, начиная съ багажнаго пріемщика, въ силу „основныхъ финляндскихъ законовъ", привезятся изъ Финляндіи, чтобы дать возможность большему числу финновъ отогрѣться на русскихъ хлѣбахъ **). У платформы стоитъ поѣздъ—рядъ окончательно грязныхъ, короткихъ вагоновъ, потерявшихъ всякое подобіе окраски и снабженныхъ общепринятыми обозначеніями, конечно, лишь на шведскомъ и финскомъ нарѣчіяхъ. Внутри вагоновъ тоже *отсутствіе русскихъ надписей*, ими не снабжены даже рукоятки парового отопленія—извольте понять, что, чтобы пустить отопленіе, нужно нажать въ сторону, обозначенную словомъ lämmin—жарко и наоборотъ, что слово kylma равносильно слову—холодно. Поѣздъ называется курьерскимъ, за скорость берутъ доплату, но на переходъ въ 400 верстъ до Гельсингфорса положено 10 часовъ времени. Объ удобствѣ путешествія не помышляйте—вагоны десятилѣтней давности, съ примитивными рессорами и короткими узкими скамейками, на которыхъ ни лечь, ни сѣсть, и въ довершеніе повсюду удушливый запахъ лизоля. Первый классъ вовсе отсутствуетъ, если не считать маленькаго отдѣленія по серединѣ вагона съ тѣми же узкими диванами, обшитыми лишь вмѣсто коричневаго въ зеленый цвѣтъ. Въ надеждѣ большаго простора вы направляетесь въ столь рекламированный вагонъ-ресторанъ. Опять тоже полнѣйшее пренебреженіе русскимъ языкомъ. Вамъ подаютъ *финско-шведскую карточку* кушаній и лишь по особому заказу приносятъ другую карточку, на которой параллельно напечатаны французскій и русскій тексты, но цѣны тѣмъ не менѣе, обозначены лишь въ финскихъ маркахъ. О кухнѣ распространяться нечего—здѣсь та же финляндская безыскусная стряпня. Вы платите русскими деньгами, ихъ снисходительно принимаютъ, но сдачу приносятъ вамъ *финскими марками*, несмотря на то, что это происходитъ *до Бѣлоострова*, гдѣ, казалось бы, нѣтъ обязательности пріема финской монеты. Надѣются, что снисходительный русскій обыватель будетъ польщенъ почувствовать себя какъ бы за границей".

*) „Финляндская Газета", 1911 г., №№ 131 и 132; 1912 г., №№ 1 и 79.

**) При этомъ всѣ эти господа считаютъ себя въ Россіи на правахъ чуть ли не дипломатическихъ представителей иностранной державы и претендуютъ не болѣе не менѣе, какъ на полную экстерриторіальность. Такъ, напр., когда мѣсяцъ тому назадъ противъ проворовавшагося кассира С.-Петербургской станціи Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ Ц. было возбуждено судебное преслѣдованіе въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, финляндская печать громкимъ голосомъ зашумѣла о нарушеніи финляндской конституціи, согласно коей всѣ служащіе финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ должностныя лица Великаго Княжества Финляндскаго, могутъ быть за преступленія по службѣ судимы лишь въ финляндскомъ судѣ!!...

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этого письма, финляндская желѣзнодорожная культура имѣетъ много такихъ особенностей, которыя дѣлаютъ путешествіе по финляндскимъ дорогамъ непріятнымъ.

Кромѣ того, вопреки сложившимся представленіямъ, порядки на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ вовсе не идеальны, благодаря чему нерѣдки *столкновенія поѣздовъ*, не влекущія большого количества человѣческихъ жертвъ лишь вслѣдствіе незначительной скорости поѣздовъ.

Очень характерно для нравовъ на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ сообщеніе, со словъ финляндскихъ газетъ, „Россіею" (1909 г., № 1137) описаніе едва не происшедшаго, 25 іюля (7 августа) 1909 г., между станціями Лаппила и Ярвеля, столкновенія экстреннаго воинскаго и товарнаго поѣздовъ. „Катастрофа предупреждена бдительностью машинистовъ обоихъ паровозовъ. Въ половинѣ второго часа ночи машинистъ воинскаго поѣзда, шедшаго съ востока къ Рихимякамъ, въ составѣ 32 вагоновъ, нагруженныхъ людьми и обозомъ войсковыхъ частей, подъѣзжая къ ст. Лаппила, въ одномъ километрѣ отъ нея, усмотрѣлъ впереди огни встрѣчнаго поѣзда, котораго не ожидалъ, и сталъ тормозить. Машинистъ встрѣчнаго товарнаго поѣзда тоже своевременно замѣтилъ опасность и принялъ мѣры. Поѣзда благополучно остановились въ 200 метрахъ одинъ отъ другого. Виною возможной катастрофы, по сообщенію „Nya Pressen" (1909 г., №№ 183 и 184), оказывается небрежное исполненіе служебныхъ обязанностей нѣсколькими желѣзнодорожными служащими. Телеграфистъ станціи Лаппила М., принимавшій и отправлявшій въ эту ночь поѣзда, пропустилъ скорый поѣздъ Гельсингфорсъ—Петербургъ и *легъ соснуть* въ ожиданіи воинскаго поѣзда, такъ какъ „былъ измученъ зубною болью". Черезъ двадцать минутъ послѣ скораго поѣзда на станцію пришелъ товарный поѣздъ № 1072. *Телеграфистъ М. этого не слышалъ.* Кондукторъ товарнаго поѣзда *счелъ лишнимъ будить его*, такъ какъ „сверхштатный станціонный рабочій сказалъ ему, что о *встрѣчныхъ поѣздахъ ничего не слышно*". Кондукторъ повѣрилъ и пошелъ домой спать, ибо смѣнился, а новый кондукторъ повелъ поѣздъ дальше, тоже не увѣдомивъ дежурнаго телеграфиста. Между тѣмъ, со станціи Ярвеля запрашивали по телеграфу, свободенъ ли путь для воинскаго поѣзда; *отвѣта не получили*, такъ какъ лаппиласкій телеграфистъ М., какъ сказано, *спалъ*,—но не стѣсняясь этимъ пустили воинскій поѣздъ, „думая, что отвѣта нѣтъ вслѣдствіе неисправности телеграфа, *какъ то случается нерѣдко*". Начальникъ станціи Лаппила „по близорукости" говоритъ газета,—не замѣтилъ, что на станціонной доскѣ воинскій поѣздъ не записанъ, и „ушелъ домой, думая, что поѣздъ уже прошелъ". Въ Рихимякахъ, гдѣ воинскому поѣзду надо мѣнять паровозъ, надпись объ этомъ стерли съ доски,—„думали, что воинскій поѣздъ отмѣненъ". Въ результатѣ всѣхъ этихъ небрежностей едва не произошла катастрофа со многими жертвами".

Порядки для желѣзнодорожной службы очень странные. Можно привести цѣлый рядъ происшедшихъ при такихъ обстоятельствахъ столкновеній и крушеній поѣздовъ за послѣдніе два-три года.

„5 января 1911 г. на полустанкѣ Полія стоявшій здѣсь товарный поѣздъ столкнулся съ ѣхавшимъ со стороны Іисалми рабочимъ поѣздомъ. При столкновеніи одинъ товарный вагонъ врѣзался въ наполненный людьми пассажирскій. Подъ вліяніемъ толчка, всѣ пассажиры были сброшены со своихъ мѣстъ. Всѣ вещи свалились на полъ. Сильно ранено пять пассажировъ, а остальные только получили ушибы" („Uusi Suometar", 1911 г., № 9).

Въ концѣ 1910 г., по словамъ „Wiborgs Nyheter" (1910 г., № 207), чуть было не произошло столкновеніе поѣздовъ на Карпеской желѣзной дорогѣ. „Когда почтовый поѣздъ въ 10 ч. 35 м. утра вышелъ изъ Гельсингфорса въ Карпсъ, то ему на встрѣчу вдругъ показался порожній паровозъ около ст. Фредриксбергъ. Благодаря лишь бдительности машиниста удалось избѣжать столкновенія".

Въ іюнѣ 1911 г., по словамъ газеты „Karjala" (1911 г., № 94), произошло столкновеніе двухъ товарныхъ поѣздовъ на станціи Алхо по Карельской линіи. Въ то время, какъ одинъ товарный поѣздъ, № 1475, въ 6 ч. 5 м. вечера по запасному пути выходилъ со станціи, на него наскочилъ другой, также товарный поѣздъ № 1471, шедшій по главному пути со станціи Елисеннара. Поѣздъ № 1471 шелъ съ такою быстротою, что во время его не удалось остановить; пройдя мимо станціи, при сліяніи главнаго и запаснаго путей, онъ наскочилъ на поѣздъ № 1475. Отъ силы столкновенія паровозъ поѣзда № 1471 сошелъ съ рельсъ, кромѣ того разбился одинъ нагруженный вагонъ. Въ поѣздѣ № 1475 сильно пострадали два вагона. Несчастій съ прислугою поѣздовъ не было".

По словамъ „Uusi Aura" (1911 г., № 168), произошло крушеніе поѣзда на станціи Коркеакоски. „Когда товарный поѣздъ № 1252 прибылъ на станцію и направился на главный путь, паровозъ прошелъ черезъ стрѣлку благополучно, но вагоны перешли на другой путь. При этомъ было разрушено 5 пустыхъ вагоновъ. Путь со стрѣлкою

на протяженіи 100 метровъ былъ разрушенъ". „19 іюля 1911 г. въ 12 ч. 27 м. дня у станціи Выборгъ произошло столкновеніе двухъ маневрировавшихъ локомотивовъ. Локомотивы столкнулись съ такой силой, что врѣзались одинъ въ другой Кочегаръ локомотива № 392 Б. Вяурюненъ отъ толчка попалъ въ топку, гдѣ заживо и сгорѣлъ; машинистъ Куусто получилъ тяжкія поврежденія, отъ которыхъ спустя нѣкоторое время скончался. На другомъ локомотивѣ № 42 машинистъ отсутствовалъ, а кочегаръ отдѣлался легкими ушибами, локомотивъ же приведенъ въ полную негодность" („Nya Pressen", 1911 г., № 174).

Говоря объ этомъ послѣднемъ столкновеніи, шведоманская газета „Wiborgs Nyheter" (1911 г., № 177) рисовала весьма нелестную картину финляндскихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ.

„Изъ произведеннаго дознанія усматривается, что паровозная прислуга самовольно распоряжалась отправленіемъ своихъ служебныхъ обязанностей. На вокзалѣ не было установлено никакого порядка и дисциплины. Паровозы отправляются безъ предварительнаго увѣдомленія объ этомъ стрѣлочниковъ, а машинисты не обращаютъ вниманія на сигналы послѣднихъ". Съ удивленіемъ газета задавала себѣ вопросъ, какъ это возможно. „Надо считать чудомъ то обстоятельство, что ранѣе не произошло еще болѣе серьезныхъ несчастій. Если подобный „порядокъ" будетъ продолжаться, то надо считать совершенно напрасно затраченными тѣ милліоны, которые ассигнованы на приведеніе вокзала въ порядокъ въ цѣляхъ избѣжанія несчастій. Изъ произведеннаго дознанія усматривается, что вина за послѣднее несчастье ложится не на одну паровозную прислугу, а въ еще болѣе высокой степени на начальство, не оказавшееся въ состояніи блюсти за сохраненіемъ порядка на вокзалѣ".

Основное правило желѣзнодорожной службы, что между двумя станціями одновременно не могутъ двигаться два поѣзда въ одномъ и томъ же направленіи. Насколько это правило соблюдается на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ, можно судить по слѣдующимъ случаямъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ 1910 года.

„Въ ночь на 13 сентября,—разсказываетъ, соціалистическій „Hämeen Woima" (1910 г., № 105),—на ст. Ріихимяки прибылъ изъ Гельсингфорса пассажирскій поѣздъ. Не успѣлъ онъ еще остановиться, какъ вслѣдъ за нимъ *туда же и по тому же пути* прибылъ, такъ называемый, масленый поѣздъ, и только благодаря внимательности и расторопности паровозной прислуги было избѣгнуто столкновеніе поѣздовъ. По свѣдѣніямъ газеты, виновными оказываются дежурные агенты на станціяхъ Хювинея и Ріихимяки".

О другомъ случаѣ читаемъ въ „Wiipuri" (1910 г., № 223): „Однажды, въ 8 ч 15 м. утра, къ ст. Хювинкя приближался почтовый поѣздъ; вдругъ машинистъ замѣтилъ, что около одного закругленія пути находится товарный поѣздъ, медленно идущій по тому-же направленію. Почтовый поѣздъ былъ остановленъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ товарнаго поѣзда". Такимъ образомъ опять, только благодаря внимательности путевыхъ сторожей и паровозной прислуги, удалось избѣжать несчастія.

Хороши же порядки на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ, если вслѣдъ за медленно идущимъ товарнымъ поѣздомъ отправляютъ почтовый поѣздъ съ значительно большей скоростью!

Въ Финляндіи нерѣдки, особенно въ ночное время, случаи, когда поѣзда приходятъ на станцію *не встрѣчаемые никѣмъ изъ представителей станціонной администраціи*, которые мирно почиваютъ. Равнымъ образомъ объ отправленіи поѣзда „забываютъ" увѣдомить слѣдующую станцію, куда поѣздъ такимъ образомъ прибываетъ неожиданно.

„Однажды лѣтомъ 1910 г., когда дачный поѣздъ № 402, въ 5 ч. 35 м. утра прибылъ изъ Гельсингфорса на станцію Суккенбакка, на платформѣ *не оказалось дежурнаго начальника станціи. Всѣ двери станціи были заперты на замокъ* Кондукторъ дачнаго поѣзда послалъ станціоннаго служителя за дежурнымъ, который вскорѣ явился съ заспаннымъ видомъ въ туфляхъ и въ пиджакѣ, наброшеннымъ на плечи. Въ виду происшедшей задержки, поѣздъ опоздалъ на 5 минутъ На станцію прибылъ уже ранѣе дачнаго поѣзда товарный поѣздъ, который также остановился въ ожиданіи того, когда проснется начальство" („Kansan Lehti", 1910 г., № 155)

Подобная же исторія произошла, по словамъ младофинской „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 209), на ст. Пихлава, Бьернеборгской желѣзной дороги. „Когда на эту

станцію прибылъ почтовый поѣздъ, то оказалось, что *ни начальника станціи, ни другого служащаго, кто бы могъ отправить поѣздъ дальше.* Случайно оказавшійся въ поѣздѣ желѣзнодорожный служащій по телеграфу справился, можетъ ли слѣдующая станція принять поѣздъ и по полученіи утвердительнаго отвѣта поѣздъ тронулся дальше"

Младофинская газета „Karjala" (1910 г., № 193) сообщаетъ, что „когда товарный поѣздъ однажды въ воскресенье прибылъ на платформу Титкяніеми, то оказалось, что *завѣдывающій платформой спалъ и некому было продавать билеты*".

По сообщенію газеты „Wiipuri" (1910 г., № 174), „27 іюля 1910 г. мѣстный поѣздъ № 361 со станціи Фредриксбергъ былъ отправленъ въ Гельсингфорсъ безъ предварительнаго увѣдомленія, такъ какъ *дежурный по станціи забылъ спросить ст. Гельсингфорсъ—свободенъ ли путь.* Что произошло бы въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что путь былъ не свободенъ?"—спрашиваетъ старофинская газета.

Невѣроятный фактъ, скорѣе похожій на анекдотъ, имѣлъ мѣсто 18 іюня 1910 г. на станціяхъ Бѣлоостровъ и Оллила.

„Товарный поѣздъ № 1003 прошелъ, вопреки правиламъ, не останавливаясь, станцію Бѣлоостровъ, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться приблизительно на полчаса и оставить тамъ за это время нѣсколько вагоновъ. Причина этому обстоятельству была та, что *машинистъ и кочегаръ заснули*, прежде чѣмъ поѣздъ достигъ названной станціи. По телефону объ этомъ сообщили на слѣдующую станцію Оллила и просили принять необходимыя мѣры для остановки поѣзда. Къ счастью, къ ст Оллила поѣздъ подходилъ настолько медленно, что станціоннымъ служащимъ удалось вскочить на паровозъ; тамъ они увидѣли, что *машинистъ и кочегаръ спятъ безмятежнымъ сномъ.* Ихъ немедленно растолкали и поѣздъ, наконецъ, былъ остановленъ" („Karjala", 1910 г., № 145, „Abo Underrättelser", 1910 г., № 209)

Произведеннымъ разслѣдованіемъ установлена полная виновность вышеупомянутыхъ машиниста и кочегара, которыхъ желѣзнодорожное управленіе отрѣшило отъ должности. Сопровождавшій поѣздъ кондукторъ за обнаруженную невнимательность и небрежность былъ оштрафованъ на 100 марокъ *).

Случаи *небрежности* наблюдается даже *въ составленіи расписанія поѣздовъ.*

Младофинскій „Itä-Suomen Sanomat" (1910 г., № 90), въ статьѣ „По новому зимнему расписанію предполагается устраивать регулярныя столкновенія поѣздовъ по той сторонѣ ст. Симола", указываетъ, что „по „графику" поѣздъ № 3 выходитъ со ст. Симола на западъ въ 2 ч. 20 м., въ то время, какъ съ запада на ст. Симола долженъ прибыть поѣздъ № 10 въ 2 ч. 21 м. Слѣдовательно, встрѣча поѣздовъ должна произойти на одноколейномъ пути за чертой ст. Симола. Какъ имъ удастся разойтись на одноколейномъ пути — неизвѣстно. Еще другой курьезъ. Изъ Выборга поѣздъ № 7 прибываетъ на ст. Симола въ 12 ч. 55 м., а поѣздъ № 236 отходитъ оттуда въ Вильманстрандъ въ 12 ч. 50 м. утра. Неужели нельзя было подождать 5 мин., чтобы пассажиры съ поѣзда № 7 успѣли бы попасть на поѣздъ № 236".

---

*) Несмотря на такой поворотъ дѣла, доказывающій, что въ данномъ случаѣ была лишь преступная небрежность, шведская газета „Aftonbladet" (1910 г., № 168) со словъ своего финляндскаго корреспондента находитъ возможнымъ говорить о какой то „провокаціи". Подозрѣваютъ де, что въ питьевую воду, которую пила поѣздная прислуга, было положено какое-нибудь наркотическое средство". Газета ставитъ это въ связь съ предполагаемой руссификаціей финляндскихъ ж. д. Нелѣпость подобной инсинуаціи очевидна На произведенномъ дознаніи вскочившій на ст. Оллила на паровозъ станціонный служитель показалъ, что по крайней мѣрѣ отъ кочегара пахло виномъ. Кромѣ того, по остановкѣ поѣзда, кондукторъ и тормозчикъ сами вскорѣ показались на платформѣ, а машинистъ и кочегаръ проснулись немедленно послѣ того, какъ ихъ окликнулъ станціонный служитель, и, слѣдовательно, ясно, что предположеніе газеты является чистѣйшимъ вымысломъ, лишній разъ показывающимъ, къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ корреспондирующіе въ заграничныя газеты финляндцы, чтобы, по возможности, дискредитировать Россію въ глазахъ иностранцевъ Провоцируютъ въ данномъ случаѣ не русскія власти, а желѣзнодорожное управленіе, не имѣющее права строго взыскивать за проступки, совершенные низшими желѣзнодорожными служащими Такъ, напримѣръ, 15 мая 1910 г. пассажирскій поѣздъ, вышедшій изъ Петербурга, прошелъ мимо ст. Ланской, гдѣ онъ по расписанію долженъ останавливаться, до ст. Удѣльной. Возмущенные пассажиры, ѣхавшіе до Ланской, написали жалобу. Администрація желѣзной дороги нашла возможнымъ ограничиться только объявленіемъ строгаго выговора машинисту за такое, по желѣзнодорожнымъ понятіямъ, грубое нарушеніе правилъ. Можетъ быть и въ этомъ случаѣ машинистъ былъ опоенъ наркотическимъ средствомъ? Объ этомъ случаѣ финляндскія газеты молчали, вѣроятно также по просьбѣ управленія финляндскихъ каз ж д., подобно тому, какъ, по удостовѣренію финляндской печати („Karjala", 1910 г., № 145), онѣ долго молчали и о случаѣ съ поѣздомъ, проспавшимъ ст. Бѣлоостровъ. Прим. сост.

Особенно сильныя нападки на желѣзнодорожное вѣдомство вызвалъ въ финляндской печати случай столкновенія поѣздовъ въ маѣ 1910 года у ст. Суккенбакка Карельской желѣзной дороги, причемъ было убито 4 человѣка и ранено 20.

Старофинскій „Wiipuri" (1910 г., № 139) пишетъ, что, какъ оказалось при разслѣдованіи причинъ этого столкновенія, завѣдующій товарнымъ поѣздомъ, *несмотря на запрещеніе, самъ ушелъ со станціи, надѣясь, что авось успѣютъ прибыть на ст. Суккенбакка раньше отхода пассажирскаго поѣзда.* „Разсказываютъ, что самъ главный директоръ согласился, что *и раньше на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ наблюдалось, что машинистъ самъ рѣшалъ, подчиниться ли ему полученному отъ дежурнаго по станціи приказанію оставаться, или, не взирая на приказаніе, вести поѣздъ до слѣдующей станціи.* Кромѣ того, общеизвѣстно, что *отсутствіе дисциплины на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ* дошло до того, что, напримѣръ, многіе начальники станцій лишь при содѣйствіи инспектора движенія могли заставить станціонныхъ служителей исполнять самыя простыя обязанности и что такая обструкція не преслѣдовалась; но до сихъ поръ не всѣ знали, что *поѣздная прислуга совершенно игнорируетъ полученныя приказанія.* Если все это возможно, то тогда дѣло обстоитъ плохо и приходится только удивляться, что не случилось больше несчастныхъ случаевъ".

На отсутствіе на желѣзныхъ дорогахъ порядка и дисциплины жалуется также „Uusi Suometar" (1910 г., № 136), которая справедливо полагала, что здѣсь „должна быть воинская дисциплина".

Младофинскій „Tampereen Sanomat" (1910 г., № 137) находитъ, что причину несчастнаго случая при столкновеніи поѣздовъ на Карельской желѣзной дороги у ст. Суккенбакка надо искать не только въ упущеніяхъ и небрежности служащихъ, но и *въ общихъ порядкахъ.* „Нельзя отрицать, писала газета, что, при большемъ вниманіи со стороны служащихъ, этого несчастія не произошло бы, но, съ другой стороны, система, допускающая встрѣчу поѣздовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто не имѣетъ власти и рѣшающаго голоса, способствуетъ возникновенію подобныхъ случаевъ. Отдѣльные служащіе, кондуктора, начальники станцій, стрѣлочники и т. д., конечно, понесутъ наказаніе за свою небрежность, но отъ этого безопасность на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ нисколько не улучшится. По мнѣнію газеты, было бы гораздо важнѣе немедленно *выработать настолько ясныя инструкціи, чтобы не оставалось никакой возможности къ различнымъ толкованіямъ.* Въ мѣста встрѣчи поѣздовъ слѣдуетъ назначать облеченныхъ властью вполнѣ компетентныхъ лицъ, могущихъ наблюдать за безопасностью движенія поѣздовъ, и пусть категорически будетъ воспрещено, безъ настоятельной необходимости, устраивать встрѣчу поѣздовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ вполнѣ отвѣтственныхъ за движеніе лицъ".

Газета находила, что „данный случай является для подлежащихъ властей серьезнымъ урокомъ, который не оставляетъ мѣста для различныхъ толкованій: необходимо издать точныя правила, касающіяся безопасности движенія поѣздовъ".

И въ этомъ отношеніи газета совершенно права. Правила, а въ особенности циркуляры на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ пишутся обыкновенно такимъ образомъ, что ихъ можно толковать на всѣ лады, нисколько не соображаясь съ тѣмъ, какъ ихъ примѣнять на практикѣ.

По словамъ „Hufvudstadsbladet" (см. „Финляндскую Газету" 1911 г., № 98), „Союзомъ кондукторовъ финляндскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ было даже подано въ желѣзнодорожное управленіе ходатайство о принятіи мѣръ къ тому, чтобы при отправленіи поѣздовъ не было допускаемо ничего противорѣчащаго постановленіямъ о желѣзныхъ дорогахъ, а все предписанное постановленіями было какъ можно скорѣе проредактировано такимъ образомъ, чтобы стало вполнѣ понятнымъ и не допускало-бы нѣсколькихъ толкованій".

Кромѣ того, за исполненіемъ или неисполненіемъ правилъ и циркуляровъ не слѣдятъ, и въ случаѣ донесеній начальниковъ станцій даже о грубыхъ нарушеніяхъ правилъ со стороны служащихъ, таковыя донесенія часто остаются безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ *высшее начальство всячески заискиваетъ передъ низшими служащими* и предпочитаетъ оставлять начальниковъ станцій козлами отпущенія, между двухъ огней. Поэтому дисциплина на дорогахъ совершенно отсутствуетъ. Всякій дѣлаетъ, что и какъ ему захочется. Если же случится несчастіе, то понесутъ наказаніе по циркулярамъ, хотя всѣмъ извѣстно, что нѣтъ никакой возможности на практикѣ исполнять всѣ правила и циркуляры. Само желѣзнодорожное начальство, готовое наказать за неисполненіе правилъ и циркуляровъ, нарушаетъ изданные циркуляры.

Такъ, напримѣръ, по словамъ газеты „Työ" (1910 г., № 184), „согласно одному циркуляру, каждому служащему полагается два свободныхъ дня въ мѣсяцъ, причемъ, на основаніи того же циркуляра, свободный день равняется 32 часамъ безпрерывной свободы, между тѣмъ такихъ свободныхъ дней не даютъ. Газета говоритъ, что уже въ видахъ безопасности движенія не разумно слишкомъ изнурять служащихъ и спрашиваетъ, можно ли считать человѣка, который, напримѣръ, *только 6 ночей въ мѣсяцъ имѣетъ возможность стать правильнымъ сномъ*, вполнѣ надежнымъ для исправленія такой отвѣтственной обязанности, какъ желѣзнодорожная служба".

Та же газета (1911 г., № 11)—въ статьѣ подъ заглавіемъ *„Желѣзнодорожное учрежденіе причастъ къ воровству"*—указываетъ, что стрѣлочники на ст Выборгъ вынуждены, для согрѣванія своихъ сторожевыхъ будокъ, красть дрова изъ вагоновъ частныхъ лицъ, такъ какъ администрація, въ цѣляхъ бережливости, не снабжаетъ ихъ достаточнымъ количествомъ топлива.

Въ послѣднее время на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ предпринято *сокращеніе числа служащихъ.* По отзывамъ свѣдущихъ лицъ, такое сокращеніе также неминуемо должно привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, если оно не будетъ ведено болѣе раціонально и справедливо. На линіи стараются сократить число служащихъ до минимума, а при Управленіи число ихъ увеличивается совершенно непроизводительно *). Въ то же время на нѣкоторыхъ линіяхъ имѣются лица, совершенно неработоспособныя, есть, напримѣръ, начальники станцій, разбитые параличемъ, которые уже многіе годы не могутъ двигаться. Такимъ лицамъ, въ видахъ справедливости, слѣдовало бы предложить, наконецъ выйти въ отставку.

Не стоитъ, повидимому, на должной высотѣ и *техническая часть* на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Для характеристики *искусства* и *добросовѣстности* служащихъ на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ *инженеровъ* можно привести, напримѣръ, сообщеніе „Uusi Suometar" (1910 г., № 258) объ обвалѣ бетоннаго потолка, происшедшемъ въ новомъ зданіи Управленія Финляндскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Гельсингфорсѣ въ одномъ изъ большихъ помѣщеній третьяго этажа. „Толщина обрушившагося бетоннаго потолка была болѣе одного дециметра. Послѣ обвала остались однѣ балки и настилки пола четвертаго этажа. Въ этажѣ, гдѣ произошелъ обвалъ, помѣщается отдѣленіе почтовыхъ вагоновъ, станціонное жандармское отдѣленіе и экспедиція отправляемаго груза. Полагаютъ, что обвалъ произошелъ *вслѣдствіе недобросовѣстнаго производства бетонной работы.* При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію газеты, надо удивляться, какъ люди могутъ спокойно оставаться въ подобномъ зданіи. Вполнѣ понятно, что настроеніе должностныхъ лицъ, находящихся въ зданіи весьма удрученное. „Всѣ трещины кажутся теперь гораздо болѣе угрожающими, нежели ранѣе". Надо замѣ-

*) Таково, напримѣръ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, учрежденіе двухъ новыхъ конторъ, тарифной и для распредѣленія вагоновъ, въ то время, когда учреждаются три новыхъ участковыхъ управленія, которыя по проекту должны значительно облегчить работу главнаго управленія. Прим. сост.

тить, что зданіе было предоставлено въ пользованіе Управленія уже болѣе года тому назадъ".

„Työmies" (1910 г., № 258) по тому же поводу пишетъ, что уже при закладкѣ фундамента означеннаго зданія была соблюдаема какая то „бережливость". Теперь стѣны зданія во многихъ мѣстахъ сѣли. Во многихъ мѣстахъ появились поперечныя трещины *).

Не къ чести техническаго надзора на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ говоритъ также сообщеніе газеты „Sosialisli" (1911 г., № 120) о провалѣ, вслѣдствіе ветхости, желѣзнодорожнаго моста близъ станціи Коркеакоски**).

Немаловажною причиною дурныхъ порядковъ на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ является господствующее здѣсь, какъ и вообще на финляндской государственной и общественной службѣ, *политиканство*, а также *система заискиванія передъ низшимъ служебнымъ персоналомъ, которая давно практикуется на финляндскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ*. Высшее желѣзнодорожное начальство по политическимъ причинамъ боится строго наказывать низшихъ служащихъ за проступки и несоблюденіе осторожности и всячески старается сдѣлаться популярнымъ среди нихъ, зная, что эта популярность можетъ помочь имъ достигнуть высшихъ должностей.

„Такъ, напримѣръ, по словамъ „Uusi Suometar" (1910 г., № 129), въ 1910 году молодой, ничѣмъ не отличившійся инженеръ, благодаря поддержкѣ соціалистовъ, служащихъ при дорогѣ, получилъ постъ Директора финляндскихъ каз. ж. д., въ то время какъ на эту должность былъ другой очень достойный кандидатъ, инженеръ В., извѣстный въ широкихъ кругахъ спеціалистовъ, какъ выдающійся и способный человѣкъ, который особенно отличился, завѣдуя постройкой Розаніемской ж. д., не только какъ инженеръ, но и въ качествѣ руководителя большой работой. При этомъ „вся постройка этой дороги обошлась дешевле, чѣмъ предполагалась по смѣтѣ,—*фактъ весьма рѣдкій въ исторіи постройки ж. д. въ Финляндіи*", добавляетъ газета. „Кромѣ того, инженеръ В. своими статьями въ спеціальномъ журналѣ доказалъ, что онъ зорко слѣдитъ за развитіемъ своей спеціальности. Не смотря на все это, желѣзнодорожное управленіе обошло этого инженера".

Тѣмъ же политиканствомъ объясняется сравнительно легкое наказаніе, наложенное желѣзнодорожнымъ управленіемъ по дѣлу о столкновеніи поѣздовъ у ст. Суккенбакка: было уволено 3 телеграфиста и одинъ практикантъ, а инспектору движенія К. И. Э. лишь объявленъ выговоръ за небрежное и халатное наблюденіе за дѣятельностью своихъ подчиненныхъ („Karjala", 1910 г., № 190).

Дѣло въ томъ, что инспекторъ К. И. Э. является однимъ изъ столповъ союза желѣзнодорожныхъ чиновниковъ и ярымъ сепаратистомъ. Этимъ объясняется, что когда Сенатъ потребовалъ объясненій отъ инспектора движенія К. И. Э. по поводу *постоянно повторяющихся несчастныхъ случаевъ, столкновеній поѣздовъ и пр. на участкѣ Гельсингфорсъ-Або* финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, желѣзнодорожное управленіе, по словамъ шведоманскаго „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 285), всячески старалось выгородить г. Э., который де вполнѣ удовлетворительно исполняетъ возложенныя на него обязанности. „То обстоятельство, что порядокъ на ввѣренной ему секціи не всегда былъ вполнѣ образцовымъ, едва-ли можетъ быть поставлено ему въ вину,

*) Подобные обвалы потолковъ, характеризующіе финляндскихъ архитекторовъ, не являются рѣдкостью въ Финляндіи. Около того же времени, по сообщенію газеты „Työmies" (1910 г., № 272), провалился потолокъ въ одной комнатѣ верхняго этажа Гельсингфорсской богадѣльни. Отъ сотрясенія, вслѣдъ за потолкомъ, свалилась и труба. Рабочіе, занимавшіеся въ упомянутой комнатѣ, спаслись только благодаря тому, что въ моментъ паденія потолка они пили въ столовой кофе. Въ началѣ 1911 года, по сообщенію газеты «Wiipuri» (1911 г., № 76), въ Васкалаской финской народной школѣ провалилась крыша.

**) Небезупречно, повидимому, поставлена въ Финляндіи и *постройка грунтовыхъ дорогъ*, состояніе которыхъ вызываетъ обыкновенно похвалы туристовъ. Дѣло въ томъ, что каменистая почва Финляндіи большею частью способствуетъ содержанію дорогъ дѣйствительно въ прекрасномъ состояніи. Нельзя, однако, не припомнить постройки столбовой дороги въ сѣверной Финляндіи изъ с. Ровеніеми до имѣнія Антиніеми. Несмотря на то, что въ 1902 г. на постройку этой дороги было отпущено казенное пособіе въ 60 612 марокъ, въ 1904 году дорога была далеко не готова, и мѣстная община ходатайствовала объ отпускѣ изъ казны новыхъ средствъ. По изслѣдованіи дѣла командированнымъ инженеромъ, оказалось, что „никакая часть дороги не была приведена въ удобопроѣзжее состояніе и что работы вообще выполнены непрактично и неправильно, такъ что большая часть ассигнованныхъ на этотъ предметъ средствъ была израсходована непроизводительнымъ образомъ". Прим. сост.

такъ какъ движеніе на этой секціи весьма затруднительно, благодаря внѣшнимъ условіямъ, и даже самое энергичное руководительство не въ состояніи вдругъ совершенно прекратить существующій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непорядокъ. При томъ развитіи, которое въ настоящее время достигнуто финляндской желѣзнодорожной сѣтью, подобныя происшествія не могутъ быть избѣгнуты здѣсь такъ же, какъ они не могутъ быть избѣгнуты въ другихъ странахъ. И такъ какъ г. Э. нельзя обвинять въ какихъ-либо прямыхъ опредѣленныхъ проступкахъ и, по мнѣнію управленія, нельзя считать его непосредственнымъ соучастникомъ въ происшествіяхъ, давшихъ поводъ начальнику Экспедиціи Путей Сообщенія настаивать на его наказаніи, а равно и въ другихъ происшествіяхъ, случившихся на этой секціи и не допускаемыхъ на дорогахъ съ правильной эксплоатаціей, -то желѣзнодорожное управленіе находитъ, что инспекторъ движенія Э. не подлежитъ другому наказанію помимо того серьезнаго замѣчанія, которое ему было уже сдѣлано желѣзнодорожнымъ управленіемъ".

Безпорядки, господствующіе на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ, вызвали, по словамъ „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 199), вмѣшательство Генералъ-Губернатора.

„Въ отношеніи, съ которымъ Генералъ-Губернаторъ обратился въ Сенатъ, писала названная газета, указывалось на происшедшія недавно столкновенія поѣздовъ и на случай, когда поѣздъ прошелъ мимо станціи Бѣлоостровъ по винѣ спящей поѣздной прислуги. Подобные, часто повторяющіеся случаи, по мнѣнію Генералъ-Губернатора, доказываютъ *наличность безпорядковъ въ средѣ управленія и состава служащихъ Финляндскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также преступной небрежности* со стороны различныхъ должностныхъ лицъ во время исполненія ими служебныхъ обязанностей. Находя подобное положеніе вещей недопустимымъ, Генералъ-Губернаторъ предлагалъ Сенату приступить къ самымъ энергичнымъ и дѣйствительнымъ мѣрамъ въ цѣляхъ всесторонняго изслѣдованія причинъ послѣдняго столкновенія поѣздовъ у ст. Перкъярви и, по возможности, скорѣе принять мѣры въ цѣляхъ полнаго возстановленія порядка и огражденія безопасности на Финляндскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ".

„По поводу столкновенія поѣздовъ у станціи Суккенбакка Генералъ-Губернаторъ предложилъ Сенату произвести разслѣдованіе причинъ, вызвавшихъ столкновеніе, и привлечь виновныхъ къ отвѣтственности. При этомъ Генералъ-Губернаторъ возбудилъ вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго положенія семействъ убитыхъ и раненыхъ при столкновеніи" („Uusi Suometar", 1910 г., № 135).

5. Финляндцы. какъ лоцманы и мореходы.

Въ послѣднее время большое вниманіе привлекало на себя Финляндское лоцманское вѣдомство, которое Высочайше утвержденнымъ, 13 февраля 1912 г., положеніемъ Адмиралтействъ-Совѣта подчинено Морскому Министерству. Разумѣется, эта необходимая мѣра, какъ и всякія другія мѣропріятія, клонящіяся къ сближенію Финляндіи съ Имперіей, вызвала неизбѣжное „пассивное", а частью и активное сопротивленіе: лоцмана, подъ вліяніемъ агитаціи, главнымъ образомъ, шведоманскихъ газетъ, стали подавать въ отставку, причемъ уничтожались необходимыя для обстановки фарватеровъ и т. п. вѣхи.

Оставляя въ сторонѣ эти подвиги финляндскихъ лоцмановъ, какъ обычное проявленіе финляндскаго сепаратизма, посмотримъ, что представляло изъ себя лоцманское вѣдомство до настоящаго времени.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что, какъ всѣ лица, состоящія на мѣстной финляндской службѣ, финскіе лоцмана или вовсе не понимали по-русски, или понимали очень плохо; если къ тому же принять во вниманіе характерную черту мѣстнаго населенія—безграничное упрямство, до-

ходящее до тупоумія, можно представить, какія неудобства должны были переносить русскія военныя суда, пользуясь подобными водителями*).

Кромѣ того, самая компетентность Финляндскаго лоцманскаго вѣдомства и финляндскихъ лоцмановъ гораздо ранѣе 1918 года уже подвергалась заслуженному сомнѣнію.

Прежде всего, хваленыя карты Финляндскаго лоцманскаго вѣдомства были далеко не полны. Нерѣдко въ газетахъ появлялись извѣстія, что какой нибудь яхтклубистъ обнаружилъ подъ Гельсингфорсомъ подводный камень, необозначенный на картѣ или что въ той или другой гавани парусное судно сѣло на камень и потерпѣло аварію.

„Такъ, 19 августа 1910 года финляндскій лоцманскій пароходъ „Ахкера" наскочилъ около Выборга у Каркксаари на мель и получилъ пробоину. Ремонтъ судна обошелся въ 2562 мар. Главное Управленіе лоцманскаго вѣдомства просило Сенатъ ассигновать эту сумму, такъ какъ въ данномъ случаѣ нельзя обвинять командира судна въ виду того, что *подводный камень не былъ обозначенъ на картѣ*" („Wiborgs Nyheter", 1910 г., № 204)

Умѣстно вспомнить также случай, когда Императорская яхта „Штандартъ" наскочила на необозначенный на картѣ камень въ финляндскихъ шхерахъ.

Какъ видно изъ приведенной въ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 252) статьи издаваемой въ Швеціи газеты „Svensk Sjöfartstidning", послѣдняя хотя и скорбѣла, вторя финляндскимъ газетамъ, о надвигавшейся на Финляндское лоцманское вѣдомство грозѣ, въ видѣ подчиненія его Морскому Министерству, но въ то же время была вынуждена отмѣтить существовавшіе недостатки.

„Уже при настоящемъ положеніи дѣло стоитъ плохо, писала шведская газета: морскіе пути дурно нанесены на карты, а *трудность для капитановъ объясняться*, въ большинствѣ случаевъ, *съ финскими лоцманами* еще ухудшаетъ положеніе. Финляндская лоція выказываетъ также равнодушіе, не внушающее довѣрія. Изъ опыта шведскихъ страховыхъ обществъ приведемъ случаи неотмѣченныхъ на картѣ погибшихъ судовъ съ желѣзными мачтами, на которыя натыкались пароходы. На дняхъ сѣла на мель „Аталанта", *имѣя лоцмана на борту. Это случается чрезвычайно часто*" **).

Такимъ образомъ, даже суда, слѣдующія подъ командой финляндскихъ коронныхъ лоцмановъ, не гарантированы отъ аварій.

Капитанъ русскаго парохода „Свирь" просилъ черезъ Генералъ-Губернатора о возмѣщеніи ему изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ убытковъ, въ суммѣ 17320 мар. 69 пен., причиненныхъ тѣмъ, что его судно, будучи подъ командой коронного лоцмана, потерпѣло крушеніе близъ Васклотъ („Nya Pressen", 1910 г., № 194)

Главнымъ Директоромъ Финляндскаго лоцманскаго вѣдомства былъ однажды даже объявленъ *выговоръ начальникамъ отдѣленій лоцманскаго вѣдомства* по поводу происшедшихъ аварій судовъ, слѣдовавшихъ подъ руководствомъ казенныхъ лоцмановъ, а Генералъ-Губернаторъ обратился въ Сенатъ съ предложеніемъ, представить свѣдѣнія о томъ, въ какой степени лоцманъ во время управленія судномъ по закону обязанъ отвѣчать за убытокъ, могущій быть причиненнымъ владѣльцу судна по винѣ лоцмана („Hufvudstadsbladet", 1910 г., № 171).

*) Въ прошломъ на Финляндскомъ лоцманскомъ вѣдомствѣ лежитъ даже пятно измѣны отечеству. Объ этомъ случаѣ разсказываетъ въ „Россіи" (1909 г., № 1099) А. Бѣломоръ. „Улеаборгъ въ 1854 г. считался недоступнымъ съ моря. Но вотъ 20 мая 1854 г. неожиданно для мирныхъ жителей этого городка четыре англійскихъ судна „Леопольдъ", „Одевъ", „Валрусъ" и „Волчуръ" быстро и смѣло вошли по надлежащему фарватеру на рейдъ. Затѣмъ послѣдовала скорая и немилостивая расправа съ мѣстнымъ судостроеніемъ. Провелъ англичанъ труднымъ и опаснымъ фарватеромъ улеаборгскій лоцманъ Ананій Михельсонъ".

**) Подобный отзывъ шведской газеты особенно цѣненъ въ настоящее время, когда вслѣдствіе массоваго выхода въ отставку финляндскихъ лоцмановъ замѣнившіе ихъ русскіе лоцманы, еще не успѣвшіе ознакомиться съ мѣстными условіями, вызываютъ злорадныя нападки со стороны мѣстной печати. Ясно, что и сами финляндскіе лоцманы были не на высотѣ призванія. Прим. сост.

Изъ сообщенія Сената видно, что лоцманъ, который по небрежности посадитъ судно на мель, на основаніи § 14, п. 2, Высочайшаго постановленія относительно лоцманскаго и маячнаго вѣдомства отъ 9 мая 1870 года, обязанъ возмѣстить владѣльцу потерпѣвшаго судна всѣ причиненные по его винѣ убытки *).

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на высокое мнѣніе финляндцевъ о себѣ, какъ образцовыхъ морякахъ и судоводителяхъ, по словамъ „Финляндской Газеты" (1911 г., № 188), не проходитъ дня безъ сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ объ аваріяхъ съ судами, несмотря даже на то, что ихъ ведетъ нерѣдко лоцманъ. Газета приводитъ, со словъ финляндскихъ газетъ, цѣлый рядъ случаевъ, происшедшихъ въ теченіе приблизительно мѣсяца (въ 1911 г.), оговариваясь, что статистика эта далеко не полная.

„Въ ночь на среду на озерѣ Пяйяне, недалеко отъ Весіярвискаго канала, пароходъ „Jämsä" наскочилъ на камень. Среди спавшихъ пассажировъ возникла паника Пассажиры въ одномъ бѣльѣ выбѣжали на палубу. Ихъ удалось успокоить и переправить на близъ лежащій островъ, на которомъ они оставались въ теченіе 10-ти часовъ („Keski Suomi", № 128).

„На озерѣ Сайма столкнулись два парохода „Kuopio" и „Kaleva". Оба пострадали довольно сильно, въ особенности первый, который весь погрузился въ воду" („Työ", № 224).

„Шедшій изъ Гельсингфорса въ Борго пароходъ „Helsingfors" близъ Свартбакка наскочилъ на камень и накренился. Пассажиры были спасены командой русскаго военнаго корабля" („Uusi Suometar").

„Изъ Або сообщаютъ, что пароходъ „Von Döbeln", вышедшій изъ Або, около 6 часовъ вечера наскочилъ близъ острова на камень. Съ лѣсопильнаго завода, расположеннаго на островѣ, были посланы спасательныя лодки" („Työ", № 225).

На озерѣ Нурмесъ наскочилъ на камень и наполовину затонулъ пароходъ „Nurmes" („Työ", № 223).

„Въ среду, около 7 часовъ вечера, нѣмецкій пароходъ „Montania" сѣлъ на камень въ 10-ти километрахъ отъ Котки. Пароходу черезъ нѣкоторое время собственными силами удалось сойти съ камня, но онъ получилъ всетаки значительную течь. Пароходъ *велъ лоцманъ* изъ „Suursaari" („Helsingin Sanomat", № 230)

„Въ прошлую субботу, около 10 час. утра, близъ Раумо, наскочила на мель датская шкуна „Jens Nielsen". Причиной несчастья считаютъ *солнце, которое свѣтило прямо въ глаза лоцману* **)" („Työmies", № 230).

„Недалеко отъ Уура и Кирконіеми (близъ Выборга) сѣлъ на мель датскій пароходъ „Rinnesako". Несмотря на то, что на пароходѣ *находился лоцманъ*, пароходъ неправильно обошелъ вѣху, что и послужило причиной аваріи" („Karjala", № 230).

„Въ четвергъ, около 10-ти часовъ утра, на озерѣ Сайма наскочилъ на камень пароходъ „Saima I". Судно получило такую пробоину, что вода проникла въ машинное отдѣленіе. Пассажиры на лодкахъ были переправлены на берегъ" („Työmies", № 232).

Та же газета сообщаетъ: „На Сайменскомъ каналѣ между шлюзомъ Летьярви и Суури-Пялли сѣла на мель барка „Juty". Команда барки обвиняетъ въ этомъ шкипера буксира".

„Изъ Маріегамна сообщаютъ газетѣ „Abo Underrättelser", что судно „City of Benares" изъ Нюстада потерпѣло крушеніе близъ Флиссингена. Капитанъ Іогансъ, штурманъ и 9 человѣкъ команды спасены, а прочіе 9—погибли".

„Во вторникъ утромъ, около 8 ч., близъ Лёвё наскочилъ на камень пароходъ „Concordia". Судно шло изъ Борго въ Петербургъ. Аварія произошла въ ясную тихую погоду. На капитанскомъ мостикѣ находились штурманъ, капитанъ и *лоцманъ*" („Työmies", № 236)

„Въ 9 ч. 15 м. утра пароходъ „Aallotar" на озерѣ Пейяне наскочилъ на камень, обойдя вѣху съ неправильной стороны" („Keski Suomi", № 151).

По поводу очень обычныхъ аварій въ финляндскихъ внутреннихъ

*) Пунктъ 2 § 14 упоминаемаго постановленія (сборн. пост. Вел. Кн. Финл. за 1870 г., № 17) гласитъ: „Если лоцманъ, по нерадѣнію или небрежности, посадитъ на мель судно, то наказывается заключеніемъ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду: въ первый разъ на время отъ двѣнадцати до двадцати дней,—причемъ отъ усмотрѣнія судьи будетъ зависѣть, отставить ли его отъ службы или нѣтъ,—а во второй разъ—на двадцать четыре дня, причемъ непремѣнно исключается изъ службы. Если онъ умышленно посадитъ судно на мель, хотя бы отъ того не произошло никакого вреда, то наказывается заключеніемъ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду на двадцать восемь дней, а ежели судно чрезъ то получитъ поврежденіе и потерпитъ крушеніе, то онъ подвергается заключенію въ исправительное заведеніе на время отъ шести до десяти лѣтъ или на всю жизнь; въ этихъ случаяхъ онъ также обязанъ вознаградить всякое поврежденіе".

**) Чрезвычайно курьезная причина для оправданія лоцмана! Прим сост

водахъ имѣется весьма цѣнное удостовѣреніе шведоманской „Abo Underrättelser" (1911 г., № 221), которая, отмѣчая это обстоятельство, писала:

„Если бы случаи аварій были единичны, то къ нимъ можно было бы относиться сравнительно спокойно, но вѣдь скандальныя исторіи происходятъ каждое лѣто. Къ тому же онѣ не могутъ быть отнесены къ числу несчастій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а происходятъ вслѣдствіе отсутствія элементарной осторожности или въ виду плохого качества матеріала. Каковы же ближайшія причины несчастій? А вотъ какія: то руль передается въ неумѣлыя руки, то *засыпаетъ рулевой*; иногда виновато „чрезмѣрное" волненіе, иногда же причиною несчастія является *потеря винта*, въ гавани пароходы часто *наѣзжаютъ на пристань*, а въ каналахъ *состязаются въ быстротѣ своего хода*. И все это продѣлывается съ большими пароходами, имѣющими большое число пассажировъ и дорогой грузъ. Въ 1908 г., напримѣръ, число несчастій равнялось 30. И въ большинствѣ случаевъ они произошли отъ неумѣлаго управленія".

„Печать, по словамъ газеты, уже нѣсколько разъ обращала вниманіе на безпорядочную постановку озерной навигаціи, но послѣ того какъ стало извѣстнымъ, что инспекторъ судоходства возбудилъ въ свое время вопросъ о какихъ то реформахъ, дѣло было опять предоставлено самому себѣ. Утѣшаются обыкновенно тѣмъ, что дѣйствующій законъ позволяетъ имѣть на озерныхъ пароходахъ некомпетентное начальство, что внутри страны трудно пріобрѣсти навыкъ къ навигаціи, и, наконецъ, что инспекція судоходства обслуживается слишкомъ незначительными силами. Нѣтъ сомнѣнія, что реформы тутъ необходимы. И можно требовать, чтобы инспекторъ судоходства напоминалъ объ этомъ при каждомъ удобномъ случаѣ". Однако газета сомнѣвается, дѣлаетъ ли онъ дѣйствительно все для него возможное при имѣющихся въ его распоряженіи средствахъ.

По словамъ „Финляндской Газеты" (1911 г., № 114), на неудовлетворительное состояніе внутренняго судоходства обращаетъ вниманіе также газета „Hufvudstadsbladet", которая приводитъ выдержки полицейскихъ дознаній относительно *ставшихъ теперь хроническими аварій на Сайменскомъ озерѣ*. „Состояніе тамъ пароходства въ высшей степени неудовлетворительно. Въ моментъ несчастья, обыкновенно, оказывалось, что капитанъ спалъ, машинистъ „отдыхалъ". Пароходомъ же управлялъ матросъ, а машиной, какъ, напримѣръ, то имѣло мѣсто на пароходѣ „Ухри", мальчишка 12-ти лѣтъ. Свой „отдыхъ" капитаны объясняютъ непосильнымъ трудомъ; такъ имъ приходится въ одно и то же время управлять рулемъ, быть кассиромъ, продавать билеты, слѣдить за нагрузкой и выгрузкой. При дальнѣйшемъ осмотрѣ другихъ судовъ, напр.,—въ С.-Михелѣ—парохода „Вуоксенниска", имѣющаго право принять 99 пассажировъ, на немъ оказались на лицо всего 2 спасательныхъ круга, 28 спасательныхъ поясовъ и ни одной спасательной лодки. На вопросъ интересующихся, гдѣ же лодка, капитанъ отвѣтилъ, что, молъ, лодка у нихъ была, но они ее одолжили кому то въ Бьёркэ, и что, молъ, когда они пойдутъ обратно, то возьмутъ ее. А между тѣмъ пароходъ только что хотѣлъ отойти съ массой пассажировъ на увеселительную прогулку".

Для иллюстраціи опасной самоувѣренности финляндскихъ капитановъ и вообще нравовъ, господствующихъ на мѣстныхъ пароходахъ, позволимъ привести выдержки изъ фельетона младофинской газеты „Helsingin Sanomat" *) подъ заглавіемъ „Картинка пароходной жизни въ Саволаксѣ".

„Я стоялъ около рулевого и удивлялся. Солнце ярко свѣтило, и мѣдныя части парохода горѣли, какъ огонь.

„Пароходы нашего общества таковы, что пойдутъ даже по полю, лишь бы оно было немножко сырымъ, — этими словами рулевой закончилъ свои объясненія, имѣвшія въ виду тѣ особенности, которыя доставляютъ славу и честь Саволакскому торговому флоту.

*) См. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 111.

— „А что, часто случаются кораблекрушенія?

— „Чего ради лѣзть на камни, когда много и свободной отъ нихъ воды, по которой можно плыть. Говорятъ, что камни эти не раскалываются, даже если и большое судно на нихъ наскочитъ...

„Я согласился съ нимъ и добавилъ, что въ такихъ случаяхъ больше всего страдаютъ суда, хотя, по настоящему, нападающая сторона должна находиться въ лучшемъ положеніи.

„Идемъ, все время мѣняя курсъ. На протяженіи многихъ километровъ фарватеръ не достигаетъ ширины и нѣсколькихъ саженъ и другой разъ суживается настолько что подводныя отмели, видимыя съ парохода, находятся отъ него на разстояніи какого нибудь метра. Рулевой стоитъ серьезнымъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и опытности. Фарватеръ извилистъ и дѣлаетъ такую массу всякихъ поворотовъ и колѣнъ, какіе только природа при созданіи его могла придумать.

„Капитанъ говоритъ, что все это пустяки, но что, если здѣсь придется встрѣтиться съ лѣснымъ плотомъ, то тогда рулевому, дѣйствительно, приходится „призадуматься".

— „Но не по плоту же вы проходите?

— „Конечно, *но*, такъ какъ на нашихъ судахъ подъ водой еще не ходятъ. Да хорошо и проходимъ. Ни одного разу еще не сломали винта, хотя приходилось проходить черезъ такіе плоты, что потомъ и самому не вѣрится.

„Судно прибавляетъ ходъ, фарватеръ сдѣлался шире"...

Пароходъ пристаетъ къ пристани.

„Вмѣстѣ съ купцомъ Миналайненомъ бросаемъ на пристань три мѣшка крупы. Одинъ изъ мѣшковъ лопается. Миналайненъ начинаетъ ругаться крѣпкими словцами.

„Ты Миналайненъ, не ругайся, -предостерегаетъ рулевой, а не то я, когда мы на будущей недѣлѣ привеземъ тебѣ муку, брошу одинъ куль на твой толстый затылокъ!

Миналайненъ страшно разгорячился и обѣщаетъ сдѣлать заявленіе правленію пароходнаго общества.

„Въ Пеккольскомъ заливѣ насъ встрѣчаетъ лодка.

Судно уменьшаетъ ходъ, и одинъ изъ матросовъ кричитъ:

— „Нѣтъ ли у тебя, Анти, рыбы?

— „Есть—а у этихъ дѣвушекъ—ягоды.

„Пароходъ останавливается. Какъ матросы, такъ и пассажиры начинаютъ торговаться. Рулевой тоже сошелъ съ своего мѣста и отправился покупать ягоды. Вѣтеръ тѣмъ временемъ потихоньку подталкиваетъ пароходъ къ берегу.

— „Въ камышъ идетъ—закричалъ откуда то взявшійся мальчишка, наблюдавшій за пароходомъ.

— „Кто?

— „Да пароходъ!

— „Чортъ возьми!

„И рулевой, бросивъ все, побѣжалъ къ капитанскому мостику и скомандовалъ: „задній ходъ"; въ то же время пароходъ наскакиваетъ на мель.

„Капитанъ набросился на рулевого и начинаетъ его ругать за халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ:—„Чего лучше не смотришь..."

„Черезъ пять минутъ мы опять идемъ „полнымъ ходомъ..."

Подобныя картинки, описываемыя въ финляндскихъ газетахъ шведоманской и младофинской партій, не внушаютъ особаго довѣрія къ финляндскимъ мореплавателямъ. Конечно, онѣ дышатъ извѣстною патріархальностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рисуютъ такія специфически финскія черты, которыя никакой путешественникъ не желалъ бы, навѣрное, видѣть въ капитанѣ своего парохода: небрежность, любовь къ риску, излишнюю самоувѣренность и т. п. Этими то качествами, надо думать, и объясняются случаи вышеприведенныхъ аварій, часто происходящихъ въ финляндскихъ водахъ къ большому удивленію всѣхъ насъ, привыкшихъ видѣть въ финляндцахъ первоклассныхъ моряковъ.

---

6. Судъ и судьи.

Финляндское судоустройство и судопроизводство, сохранившія до сихъ поръ тѣ формы, которыя они имѣли во времена шведскаго владычества, являются во многихъ отношеніяхъ значительно устарѣвшими и не отвѣ-

чающими укладу современной жизни. Подобное положеніе судовъ, впрочемъ, выгодно шведоманамъ, а потому состоявшееся слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ Высочайшее повелѣніе о преобразованіи финляндскаго судопроизводства донынѣ не приведено въ исполненіе.

Низшей судебной инстанціей являются уѣздный или герадскій судъ, въ которомъ судитъ назначенный судья-герадсгевдингъ при участіи выбираемыхъ общинами немдемановъ. Уѣздный судъ, однако, не есть учрежденіе коллегіальное. Роль немдемановъ носитъ характеръ совѣщательный, ихъ голосъ является рѣшающимъ только въ случаѣ единогласнаго рѣшенія дѣла; если же хотя одинъ изъ немдемановъ не согласится съ мнѣніемъ большинства—герадсгевдингъ постановляетъ рѣшенія по собственному убѣжденію, хотя бы оно противорѣчило взглядамъ всѣхъ засѣдателей. Поэтому немдемановъ нельзя сравнивать съ институтомъ присяжныхъ засѣдателей *).

Уѣздный судъ въ каждомъ изъ 3—5 участковъ уѣзда обыкновенно имѣетъ по двѣ сессіи въ годъ. Такое періодическое, а не непрерывное отправленіе правосудія вызываетъ, конечно, накопленіе дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію, и въ то же время затягиваетъ самый процессъ производства, давая возможность отвѣтчику уклоняться въ теченіе продолжительнаго времени отъ суда и т. п. Это послѣднее тѣмъ болѣе возможно, что по финляндскимъ законамъ до послѣдняго времени истецъ самъ обязанъ былъ озаботиться врученіемъ, при двухъ свидѣтеляхъ, повѣстки отвѣтчику и притомъ не позднѣе какъ за 14 дней до вызова въ судъ. Если истецъ не сумѣетъ во время вручить повѣстку,—она утрачиваетъ значеніе, а между тѣмъ засѣданія сессіи суда кончатся и дѣло откладывается до слѣдующей сессіи.

Въ городахъ уѣзднымъ судамъ соотвѣтствуютъ городовые или ратгаузскіе суды, которые представляютъ изъ себя коллегіальныя учрежденія, состоящія изъ назначаемаго Сенатомъ, изъ числа трехъ избранныхъ кандидатовъ, бургомистра и нѣсколькихъ избираемыхъ ратмановъ.

Второю инстанціею, соотвѣтствующею отчасти нашимъ Судебнымъ Палатамъ, являются Гофгерихты (Абоскій, Выборгскій и Вазаскій), въ которые поступаютъ дѣла по апелляціи, а также нѣкоторыя дѣла особой важности, которыя Гофгерихты рѣшаютъ въ качествѣ судовъ первой инстанціи.

Наконецъ, высшей инстанціей является Судебный Департаментъ Сената.

Низшіе суды Финляндіи (герадскіе и ратгаузскіе) призваны отправлять тѣ функціи, которыя у насъ исполняются цѣлымъ рядомъ судебныхъ установленій: они замѣняютъ и волостные суды, и мировыя учрежденія, и нотаріатъ, и окружные суды. Всѣ правовыя отношенія сельскаго и городского населенія регулируются этими судами, организація которыхъ вовсе не приспособлена къ ихъ многосторонней дѣятельности.

Уѣздные и городскіе судьи въ Финляндіи *хорошо обезпечены*, такъ какъ кромѣ жалованія они получаютъ опредѣленные сборы по разнымъ случаямъ, благодаря чему доходы уѣзднаго (герадскаго) судьи достигаютъ, по удостовѣренію финской газеты „Raivaaja" (1907 г., № 55), до 40.000 марокъ въ годъ. По словамъ этой газеты, „судьямъ является невыгоднымъ переходить на постъ сенатора".

„Самый *уставъ о судопроизводствѣ*, взятый въ полномъ объемѣ, по словамъ газеты „Kansan Lehti" (1911 г., № 32), представляетъ поразительную путаницу изданныхъ въ разное время и при разныхъ условіяхъ жизни законовъ, королевскихъ и царскихъ указовъ, постановленій, объясненій и т. п. Остовомъ этого устава является сборникъ шведскихъ постановленій о судопроизводствѣ, изданный въ 1734 году. Остовомъ же этихъ шведскихъ постановленій въ свою очередь послужилъ

*) Д. Протопоповъ, „Финляндія", СПБ., 1898 г., стр. 115.

такъ называемый „Земскій законъ Христофора", вышедшій въ 1442 году. Само собою понятно, что всѣ эти изданныя нѣсколько столѣтій тому назадъ постановленія почти не примѣнимы къ настоящимъ условіямъ жизни Финляндіи. Правда, многія постановленія 1734 года, какъ неприложимыя къ современной жизни Финляндіи, измѣнены. Но судопроизводство отъ этого не улучшилось. Изобиліе постановленій о судопроизводствѣ, ихъ противорѣчивость не даютъ возможности хорошо въ нихъ разобраться не только простому народу, но даже и юристамъ. И что же въ результатѣ? Простой народъ за невозможностью лично ознакомиться съ законами долженъ обращаться къ юристамъ. Послѣдніе же, пользуясь этимъ незнаніемъ, сдираютъ съ кліентовъ большія суммы, а само дѣло затягиваютъ".

Судебные процессы въ Финляндіи могутъ тянуться многіе годы.

Примѣромъ можетъ служить уголовное дѣло, которое, какъ видно изъ сообщенія газеты „Uusi Suometar" (1911 г., № 99), тянулось *одиннадцать лѣтъ*.

Въ 1900 году за неправильное и недобросовѣстное веденіе дѣлъ былъ арестованъ камерируръ Лоцманскаго и Маячнаго Вѣдомства въ Финляндіи Г. М. С. Гельсингфорсскій ратгаузскій судъ 27 апрѣля 1907 года вынесъ по его дѣлу рѣшеніе, изъ котораго усматривается, что С. произвелъ растрату въ размѣрѣ 55.854 мар. и 54 пен., вскорѣ имъ пополненную. За это онъ былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности камерира. Приговоръ суда С. обжаловалъ въ Гофгерихтъ, гдѣ жалоба была оставлена безъ послѣдствій. Послѣ сего онъ обжаловалъ дѣло въ Сенатъ. Только въ 1911 г. это дѣло разсматривалось Сенатомъ, который не нашелъ основаній къ измѣненію рѣшенія Гофгерихта.

Другимъ примѣромъ можетъ служить сообщеніе шведоманской „Hufvudstadsbladet (1911 г., № 313) о томъ, что „крестьяне деревни Ягляярви въ числѣ 40 человѣкъ рѣшили обратиться къ Монарху съ прошеніемъ, дабы Его Императорское Величество соизволилъ повелѣть Сенату незамедлительно вынести приговоръ по ихъ жалобѣ, представленной въ Сенатъ еще *шесть лѣтъ тому назадъ*".

„Главнѣйшею причиною медленности нашего судопроизводства, пишетъ упомянутая выше газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 32), является *письменное веденіе дѣлъ и постоянное перенесеніе ихъ изъ одной сессіи на другую*. Не досадно-ли, напр., слѣдить за какимъ-либо судебнымъ процессомъ, въ которомъ приходится выслушать много свидѣтелей. Слово за словомъ записываются въ протоколъ показанія каждаго свидѣтеля, и большая часть времени уходитъ на чисто механическую работу. Если же на судѣ предъявляются еще и какіе-либо документы, то и они дословно должны быть скопированы въ протоколъ, какъ бы обширны они ни были.

„Не говоря уже о томъ, что такое громадное письмоводство сильно затягиваетъ судебное разбирательство, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, сопровождается и большими недочетами по выясненію правды: все вниманіе судьи сосредоточивается на составленіи протокола, и поэтому онъ не въ состояніи бываетъ тотчасъ же составить себѣ понятіе о дѣлѣ, а составляетъ его послѣ окончанія допроса, исключительно на основаніи протоколовъ. Протоколъ же, несмотря на весь свой объемъ, часто не даетъ судьѣ яснаго представленія о дѣлѣ. Въ особенности значеніе свидѣтельскихъ показаній низводится вслѣдствіе этого до нуля.

„Чтобы избавиться отъ лишняго писанія, судья опрашиваетъ свидѣтелей по возможности скорѣе и часто ограничивается лишь вопросомъ: „что извѣстно свидѣтелю?" Свидѣтель же выкладываетъ то, что самъ находитъ нужнымъ, и удаляется. При такихъ условіяхъ свидѣтели не высказываютъ многаго изъ того, что могло бы освѣтить дѣло. Вѣдь извѣстно, что люди, вызываемые въ качествѣ свидѣтелей, очень осторожны и скупы на слова. Очень часто свидѣтели передаютъ дѣло или не точно, или и совсѣмъ въ извращенномъ видѣ. Въ такихъ случаяхъ безусловно необходимы устные разспросы, не сопровождающіеся точнымъ внесеніемъ въ протоколъ каждаго слова свидѣтеля. Опытный судья этимъ путемъ могъ бы вывѣдать у свидѣтеля всю суть дѣла"...

Другою причиною медлительности финляндскаго судопроизводства газета „Kansan Lehti“ (1911 г., № 38) считаетъ то обстоятельство, что для рѣшенія разнохарактерныхъ дѣлъ *въ Финляндіи не существуетъ спеціальныхъ судовъ*, а всѣ дѣла, каковы бы они по характеру ни были, предоставлены одному и тому же суду. „Въ одномъ и томъ же судѣ разбираются какъ легкія преступленія, такъ и тяжкія. *Въ руки однихъ и тѣхъ же судей попадаютъ и уголовныя дѣла, и гражданскія.* Въ результатѣ судъ заваливается массою самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, которыя, съ одной стороны, затягиваютъ самое судопроизводство, а съ другой стороны—не даютъ возможности судьѣ спеціализироваться“.

Указывая, что въ „современныхъ культурныхъ странахъ“ мелкія дѣла разбираются у такъ называемаго *мирового судьи*, задачей котораго является главнымъ образомъ примиреніе враждующихъ сторонъ, газета находитъ, что введеніе подобнаго института было бы очень полезно для Финляндіи, гдѣ *„люди очень часто спорятъ совершенно зря, изъ за нѣсколькихъ грошей начинаютъ грандіозные судебные процессы и ежедневно привлекаютъ другъ друга къ судебной отвѣтственности изъ за оскорбленія чести“*.

Дѣйствительно, финскій крестьянинъ очень любитъ судиться. Существуетъ даже особое названіе для людей, имѣющихъ особую опытность въ судебныхъ процессахъ. Они, по словамъ газеты „Россія“ (1910 г., № 1410), носятъ прозвища „тяжебныхъ героевъ“ (Käräjä sankarit), а самые суды въ населеніи называются поэтому „приходскими свадьбами“. Эти тяжебные герои сперва навязываютъ въ долгъ что либо тѣмъ, съ кого по суду считаютъ возможнымъ получить долгъ обратно, а потомъ тянутъ толпу своихъ должниковъ въ судейскую камеру... Затѣмъ они находятъ различныя оскорбленія чести... Кромѣ того, заправскій мужикъ хвастается умѣньемъ надуть другого. Пословица: что бы ни сдѣлалъ, лишь бы умѣть такъ сдѣлать, чтобы власть не имѣла основаній прицѣпиться—ихъ правило“. Такой „тяжебный герой“ въ разговорахъ съ собесѣдниками самъ признается, что преступленіе имъ совершено, но пусть сумѣютъ „доказать его на судѣ“ (См. Пухакка, 32—35).

По сообщенію газеты „Туё“ (1911 г., № 95), „нынѣшнею весною жителей деревни Вяртсиля охватила прямо горячка сутяжничества. Чуть ли не всѣ жители деревни вызываютъ другъ друга въ судъ. Одна крестьянка хвасталась, напр., тѣмъ, что она вызываетъ въ судъ 24 человѣка, изъ коихъ 8 въ качествѣ обвиняемыхъ и 16 въ качествѣ свидѣтелей. Поводы къ сутяжничеству самые ничтожные: ссоры, словесныя оскорбленія и всякіе другіе пустяки“.

Насущною реформою, по мнѣнію „Kansan Lehti“ (см. выше), является также организація *суда присяжныхъ*, „который-де существуетъ *даже въ Россіи*“.

„Изъ другихъ недостатковъ финляндскаго судопроизводства, по словамъ той же газеты, можно указать на то обстоятельство, что *представители какъ обвинительной, такъ и судебной власти очень часто не сами разбираютъ дѣла, а поручаютъ это какому либо только что окончившему юридическій факультетъ „клопу“* *). Послѣдній, уже въ силу своей неопытности, не можетъ правильно рѣшать разные „вопросы жизни и смерти“. По нынѣ дѣйствующимъ постановленіямъ, губернаторъ долженъ слѣдить, чтобы каждый судья самъ исполнялъ свои обязанности, „развѣ только истецъ не пожелаетъ другого“ (судьи). Не извѣстно, дѣйствительно ли „истцы желаютъ другихъ судей“, но во всякомъ случаѣ *въ судахъ чаще засѣдаютъ неопытные практиканты, чѣмъ опытные постоянные владѣльцы судебныхъ должностей*“. Въ качествѣ коррективa дѣятельности подобныхъ неопытныхъ судей „нѣкоторое значеніе (благодаря знанію дѣла) въ уѣздныхъ судахъ могли бы имѣть немдеманы, а въ городскихъ ратманы. Но и этого не наблюдается“. „О знаніяхъ и самостоятельности немдемановъ, по словамъ газеты, не можетъ быть и рѣчи. Большею частью, подобно слѣпому стаду, они на всѣ рѣшенія судьи отвѣчаютъ: „да и аминь“. Подобнымъ же образомъ дѣло обстоитъ и въ большей части маленькихъ городковъ, гдѣ ратманами обычно выбираются коммерсанты (grosshandlare)“.

*) По частному найму. Прим. сост.

Младофинская „Helsingin Sanomat“ также находитъ *), что зло, причиняемое участіемъ молодыхъ „аускультантовъ“ въ качествѣ судей, очень велико, и при томъ оно совершенно не можетъ корректироваться участіемъ немдемановъ. „Можно указать на массу случаевъ, говоритъ газета, когда тяжущіеся должны или страдать отъ рѣшенія неопытнаго юноши, или дѣло должно быть просто отложено до слѣдующей сессіи. Стороны нерѣдко до открытія засѣданія съ понятнымъ любопытствомъ разспрашиваютъ, кто будетъ предсѣдательствовать, молодой судья или старый. Сложилось вообще уже мнѣніе, что рѣшенія незнакомыхъ съ мѣстными обычаями аускультантовъ часто совершенно случайны.

„Вопросъ этотъ становится еще болѣе серьезнымъ, если принять во вниманіе, что́, собственно, представляетъ собою *составъ засѣдателей многихъ уѣздныхъ судовъ*. Вслѣдствіе незначительности окладовъ, болѣе талантливые и опытные члены общины рѣдко идутъ въ засѣдатели, развѣ только по принужденію. Въ большинствѣ, а иногда даже всѣ они въ полномъ составѣ—изъ той категоріи сельчанъ, про которыхъ на общинныхъ выборахъ совершенно правильно говорятъ, что имъ и дома-то дѣлать нечего. Такого рода засѣдатели совершенно въ рукахъ своего судьи. При выясненіи черезъ одного изъ нихъ, служившаго въ этой должности около сорока лѣтъ, бывали ли случаи, когда засѣдатели придерживались иного мнѣнія, чѣмъ судья, спрошенный удостовѣрилъ, что онъ совершенно не можетъ припомнить подобныхъ случаевъ—судья знаетъ законы, ему слѣдуетъ знать, какъ и дѣло рѣшать—такъ, видимо, думалъ старикъ“.

„Происходящая вслѣдствіе такой постановки дѣла ненадежность работы низшихъ инстанцій суда затрудняетъ веденіе дѣлъ и въ высшихъ инстанціяхъ. Чѣмъ болѣе высшіе судьи не увѣрены въ полнотѣ и правильности разбора дѣла въ низшей инстанціи суда, тѣмъ болѣе имъ приходится сосредоточиваться на этомъ дѣлѣ и въ немъ разбираться. Очень часто бываетъ такъ, что дѣло изъ высшей инстанціи суда опять возвращается „для болѣе точнаго разъясненія“ въ низшую“ („Kansan Tahto“, 1911 г., № 38).

Самое *судопроизводство* въ финляндскихъ судахъ, какъ гражданское, такъ и уголовное, весьма далеко отъ совершенства. Оно построено на началѣ *формальной*, предустановленной въ законѣ *оцѣнкѣ доказательствъ*.

Согласно § 29 Главы XVII Отдѣла о судопроизводствѣ Общаго Уложенія, „два свидѣтеля служатъ полнымъ доказательствомъ того, въ чемъ они согласно показываютъ“.

При противорѣчіи свидѣтелей, которое не можетъ быть устранено очною ставкою, суду вмѣняется въ обязанность „дать вѣру той сторонѣ, которая имѣетъ лучшихъ свидѣтелей, представившихъ самые ясные доводы и обстоятельства по дѣлу“ **) (тамъ же § 20).

„Одинъ свидѣтель въ томъ же дѣлѣ имѣетъ силу полудоказательства и тогда тотъ, къ кому искъ предъявленъ, обязанъ *очиститься присягою*. Если онъ не имѣетъ такого добраго имени, чтобы могъ быть допущенъ къ присягѣ, то не можетъ онъ быть осужденъ по тому дѣлу“ (тамъ же § 29)***).

*) См. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 123.

**) Слѣдуетъ еще замѣтить, что лица нехристіанскаго исповѣданія по закону совершенно устраняются отъ свидѣтельства (тамъ же § 7).

***) „Не трудно понять, къ чему на практикѣ можетъ повести такое удивительное правило: всякій мошенникъ и явный преступникъ можетъ уклониться отъ судебной кары, такъ какъ при наличности всего одного свидѣтеля по дѣлу, онъ долженъ быть отпущенъ на свободу съ миромъ, ибо клятвы съ него брать нельзя!“ („Финляндская Газета“, 1912 г., № 94).

Такимъ образомъ, финляндскому судопроизводству извѣстенъ *институтъ очистительной присяги.*

Въ отношеніи гражданскихъ дѣлъ законъ устанавливаетъ то общее положеніе, что присягою можно отвѣчать, но нельзя на ней основывать иска; если, однако, одинъ изъ тяжущихся предложитъ другому подтвердить свое объясненіе присягою, то при этомъ условіи допускается присяга (тамъ же § 34).

Въ уголовныхъ дѣлахъ, кромѣ указаннаго выше случая (одинъ свидѣтель), допускается, по предложенію судьи, принесеніе очистительной присяги, если по дѣлу о преступленіи, за которое не полагается смертная казнь, обвиняемаго будетъ изобличать гласный и правдоподобный слухъ или другія обстоятельства, и не будетъ возможности другимъ способомъ обнаружить истину. Законъ запрещаетъ, однако, такую очистительную присягу, если есть основаніе опасаться лжеприсяги со стороны обвиняемаго (тамъ же §§ 30 и 32).

Приведенныя характерныя особенности финляндскаго судопроизводства достаточно, кажется, доказываютъ, насколько Финляндія отстала въ этомъ отношеніи отъ другихъ культурныхъ странъ.

Слѣдуетъ добавить, что въ *обвиняемомъ уголовный судъ видитъ уже преступника* и, по словамъ старофинской „Uusi Aura" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 118), „всю могучую государственную машину направляетъ на то, чтобы обвинить заподозрѣннаго въ преступленіи, между тѣмъ какъ обвиняемый, часто заключенный подъ стражу и безъ средствъ, рѣдко можетъ принять мѣры къ собранію доказательствъ своей невиновности. Если ему посчастливится найти для себя адвоката-защитника, то общественное мнѣніе у насъ начинаетъ клеймить такого *адвоката „защитникомъ грабителей и воровъ"*, какъ будто для государства не одинаково важно, какъ то, что виновный будетъ наказанъ, такъ и то, что невинный будетъ освобожденъ, и какъ будто бы клевещущіе на адвоката-защитника не знаютъ, что для равенства силъ и въ цѣляхъ предупрежденія судебныхъ ошибокъ, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ, присутствіе адвоката-защитника безусловно необходимо по принципамъ новѣйшаго законодательства, усвоеннымъ уже другими странами".

Крайне *неудовлетворительно*, затѣмъ, ведется *предварительное слѣдствіе.* Въ той же газетѣ („Uusi Aura") по этому поводу читаемъ: „У насъ даже наиболѣе крупныя *дѣла передаются въ судъ почти совершенно неподготовленными*, и суду потомъ приходится тратить время на выясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя лучше всего могли-бы быть установлены на мѣстѣ обвинителемъ".

Благодаря такому положенію предварительнаго слѣдствія, на судѣ обыкновенно открываются совершенно неожиданно новыя обстоятельства, подлежащія разслѣдованію и требующія вызова новыхъ свидѣтелей. Поэтому весьма рѣдко дѣло рѣшается въ одномъ засѣданіи, а обыкновенно безконечно откладывается.

„Часто самъ обвиняемый, говоритъ „Uusi Aura", является лучшимъ источникомъ слѣдственнаго матеріала. Нашъ законъ, видите ли, въ большихъ дѣлахъ дозволяетъ судьѣ оставлять свою безпристрастную роль и принимать роль руководителя инквизиторскихъ пріемовъ, которые направлены на то, чтобы, *во что бы то ни стало, довести обвиняемаго* или до противорѣчій въ своихъ показаніяхъ, или *до сознанія въ преступленіи* (это правило вытекаетъ изъ средневѣковаго взгляда, что довести преступника до сознанія своей вины дѣло богоугодное). И въ то время, какъ за границей судъ, на основаніи заключенія жюри, независимаго и принимающаго во вниманіе всѣ обстоятельства, сравнительно правильно можетъ осудить или оправдать, нашъ судъ, какъ сказано, связанъ ограничительными и опредѣленіями, подвергающими опасности судебную справедливость".

Значеніе присяги и свидѣтельскихъ показаній въ самое недавнее время было очень скомпрометировано въ судебномъ дѣлѣ, возбужденномъ содержательницею кофейни въ г. Выборгѣ Софіею Н. противъ двухъ полицейскихъ констаблей гор. Выборга, Ф. и П., за кражу со взломомъ *).

„Содержательница кофейни заявила, что два выборгскихъ полицейскихъ украли у нея сервизъ; двѣ ея пріятельницы подтвердили обвиненіе, и судъ засадилъ полицейскихъ въ тюрьму. Вся мѣстная печать злорадствовала по этому поводу и всячески глумилась надъ этими полицейскими. Нужно сказать, что эти полицейскіе служили въ выборгской полиціи еще при Н. И. Бобриковѣ, затѣмъ были уволены во время забастовки, а въ нынѣшнемъ (1911) году вновь приняты на службу. Слѣдовательно, это были лица, признающія законность велѣній русской власти и вѣрно ей служившія. Вотъ потому то и была поднята противъ нихъ травля, потому то и хотѣли ихъ выставить людьми безнравственными и преступными".

По открытіи судебнаго разбирательства адвокатъ обвиняемыхъ прочелъ передъ судомъ письменное возраженіе отвѣтчиковъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Какъ извѣстно многимъ горожанамъ, въ г. Выборгѣ уже значительное время производилась обширная тайная продажа спиртныхъ напитковъ. Когда началась открытая борьба противъ виновниковъ этой продажи, было ясно, что въ средѣ ихъ возникло безпокойство. Обвиняемымъ было поручено слѣдить за этими лицами и за ихъ поведеніемъ. Взявшись за дѣло, они получали помощь съ разныхъ сторонъ, и въ короткое время многіе десятки изъ любителей этого промысла были или осуждены, или привлечены къ судебной отвѣтственности. Естественно, что корчемщики не остались равнодушными къ отвѣтчикамъ, мѣшающимъ ихъ дѣятельности, и возбудили противъ нихъ ложное обвиненіе въ кражѣ со взломомъ. Отвѣтчики еще замѣтили, что истица Н., на основаніи ихъ сообщеній, была уже нѣсколько разъ оштрафована за тайное шинкарство всего на сумму въ 430 мар. и что они собирались начать противъ нея еще новое дѣло. Надо признать, что обвиненіе противъ нихъ подготовлено превосходно. Свидѣтельница истицы, служанка Х., была у нихъ также въ подозрѣніи. Другая свидѣльница, прачка М., извѣстна своимъ пьянствомъ. Не лучше и другіе. Одинъ изъ нихъ, содержатель комнатъ для пріѣзжающихъ Е., какъ то весной встрѣтивъ констабля Ф. на улицѣ, сталъ дѣлать ему какіе-то знаки, которыхъ Ф. тогда не понялъ, но теперь уразумѣлъ, что знаки означали наложеніе кандаловъ на руки. Отвѣтчики самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицали свою вину и просили полнаго и точнаго разслѣдованія дѣла, въ то же время оставивъ за собою право требовать отвѣтственности свидѣтелей и доносчицы".

Обвинительница на судѣ пробовала поддерживать обвиненіе, но скоро выяснилось, что у нея никогда не было серебрянаго сервиза, на сундукѣ не найдено никакихъ слѣдовъ взлома. При допросѣ двѣ свидѣтельницы сознались, что истица и нѣкая г-жа П. уговорили ихъ дать ложныя подъ присягой показанія, за что одной было обѣщано 5 марокъ, а другой, семейной, была обѣщана помощь въ нуждѣ.

Между прочимъ, выяснилась некрасивая роль адвоката истицы К., который, какъ оказалось, посовѣтовалъ ей сперва обвинять полицейскихъ въ самоуправствѣ, и только потомъ, когда выяснилась возможность получить болѣе „серіозныя доказательства", возникло обвиненіе въ кражѣ.

Скандальный процессъ закончился тѣмъ, что общественный обвинитель отказался отъ предъявленія обвиненія къ полицейскимъ Ф. и П., но за то предъявилъ такое же по отношенію къ истицѣ Н. за подстрекательство къ ложной присягѣ и *за ложную присягу*, такъ какъ Н. присягнула, что лишилась не существующихъ серебряныхъ вещей, якобы у нея украденныхъ, и даже присягой подтвердила ихъ денежную стоимость. Кромѣ того, общественный обвинитель потребовалъ задержанія истицы. Отвѣтчики Ф. и П. присоединились къ обвинителю, требуя еще отвѣтственности за клевету. Адвокатъ отвѣтчиковъ, аускультантъ гофгерихта Л. П., просилъ о привлеченіи къ отвѣтственности адвоката истицы, вице-герадсгевдинга К. по гл. 38-й, § 2, п. 3 за веденіе завѣдомо неправаго дѣла. Адвокатъ истицы со своей стороны просилъ привлечь адвоката отвѣтчиковъ за ложный доносъ.

„Мѣстная печать была очень сконфужена этой исторіею и особенно удивлена поведеніемъ адвоката—вицегерадсгевдинга К. „К., какъ адвокатъ обвинительницы, долженъ былъ бы замѣтить ненадежность свидѣтельницъ и потому не долженъ бы возбуждать дѣла. Кромѣ того, онъ долженъ былъ бы повнимательнѣе распросить ихъ, какъ было дѣло.. И почему онъ не отказался отъ веденія дѣла даже тогда, когда было уже удостовѣрено, что обвинительница *наняла свидѣтельницъ* принести ложную присягу, когда сами свидѣтельницы признались въ ложности своей присяги? Совершенно непонятно, какъ онъ и послѣ этого могъ утверждать, что полицейскіе совершили кражу, и что дѣло нужно отложить, чтобы онъ могъ подтвердить обвиненіе при помощи новыхъ свидѣтелей!" („Työläis", 1911 г., № 166).

Газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 170) приходитъ къ еще болѣе пе-

*) См. „Финляндскую Газету", 1911 г, № 97.

чальнымъ выводамъ по поводу этого дѣла. „Въ разбираемомъ дѣлѣ выяснилось, что всѣ *свидѣтели со стороны обвиненія были подкуплены*, и само обвиненіе ложное. *И это дѣло не единственное: такіе случаи происходятъ постоянно.* Такъ, въ нѣкоторыхъ таммерфорсскихъ процессахъ выяснилось, что *свидѣтелей можно получать у насъ, сколько потребуется* и той, и другой тяжущейся сторонѣ. Замѣтьте, что у насъ существуетъ даже *нѣкій классъ низшихъ служащихъ, которыхъ можно употреблять въ качествѣ свидѣтелей* въ какихъ угодно случаяхъ. Рѣшенія въ нашихъ судахъ основываются на показаніяхъ свидѣтелей, подкрѣпленныхъ присягою. Если два свидѣтеля показываютъ что-либо подъ присягою, то дѣло неопровержимо: рѣшеніе составляется согласно съ ними; судья лишь подводитъ опредѣленіе закона къ даннымъ случаямъ—и въ этомъ вся его обязанность".

Помянутая газета очень недовольна такими судебными порядками, особенно, когда *теперь въ Финляндіи ложные свидѣтели на каждомъ шагу предлагаютъ свои услуги желающимъ.* „Если ложною присягою можно наживать деньги, то почему же не заниматься этимъ промысломъ? Аферисты вѣдь платятъ большія деньги за ложныя показанія!.."

Старофинскую газету „Aamulehti" (1911 г., № 172) интересовала въ настоящемъ дѣлѣ другая сторона—*необезпеченность личной безопасности*, благодаря проникнутому формализмомъ правовому порядку. „Есть ли какой-либо смыслъ въ томъ, чтобы изъ мести засадить двухъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, исполнившихъ, по ихъ мнѣнію, свой долгъ, въ тюрьму *при помощи подкупленныхъ и запуганныхъ свидѣтелей*, какъ это имѣло мѣсто въ Выборгѣ. Или неужели это свидѣтельствуетъ о хорошемъ порядкѣ, что *цѣлая шайка профессіональныхъ мошенниковъ* занимается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ общаго вѣдома, разными плутовствами и даже грабежомъ и, когда дѣло доходитъ до суда, *отдѣлывается, при помощи подкупленныхъ свидѣтелей, легкими наказаніями или совершенно избѣгаетъ послѣднихъ.* Это происходило и теперь еще происходитъ въ Таммерфорсѣ. Можно возразить, что дѣло каждаго остерегаться мошенниковъ. Но вѣдь мы живемъ не въ утопическомъ вѣкѣ, не знающемъ общественности. Полиція должна изобрѣсти средства для прекращенія подобныхъ безобразій. Трудно предположить, чтобы энергичная дѣятельность и хорошія средства не могли положить конецъ, напримѣръ, таммерфорсской „каморрѣ".

При изложенномъ, проникнутомъ формализмомъ порядкѣ судопроизводства вполнѣ естественны передаваемые газетами случаи допущенія *въ свидѣтели двухлѣтняго ребенка* или *присужденія къ пожизненному тюремному заключенію душевнобольной* женщины.

О первомъ случаѣ разсказываетъ младофинская газета „Karjala" (1910 г., № 211). „Одна женщина возбудила судебное дѣло противъ отца ея ребенка, отказавшагося признать ребенка своимъ, а также не пожелавшаго платить за его прокормленіе. Сипполаскій городской судъ въ Фридрихсгамѣ допустилъ *свидѣтелемъ* этого *двухлѣтняго ребенка*, который и показалъ, что присутствующій мужчина похожъ на его отца. На основаніи одного этого показанія судъ опредѣлилъ, что отвѣтчикъ долженъ ежегодно платить 150 марокъ на прокормленіе ребенка, пока ему не исполнится 15 лѣтъ".

О второмъ случаѣ читаемъ въ соціалистическомъ „Hämeen Woima" (1910 г., № 105): „Улвиласкій городской судъ, 19 августа 1910 г., присудилъ дочь рабочаго А Р. за убійство ребенка, къ пожизненному тюремному заключенію, хотя она *была ненормальна*, что было удостовѣрено больничнымъ докторомъ И В Ельшиномъ, въ Бьернеборгѣ При этомъ нужно замѣтить, что это докторское свидѣтельство было выдано *за три дня до совершенія убійства* ребенка и, слѣдовательно, болѣе чѣмъ ясно, что судъ осудилъ умалишенную больную къ пожизненному тюремному заключенію".

Отрицательныя стороны финляндскаго процесса съ особою рельефностью встаютъ передъ глазами при участіи въ финляндскомъ судебномъ дѣлѣ русскихъ адвокатовъ, невольно вызывая у нихъ сравненіе съ порядками нашихъ судовъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ интересъ *письмо князя М. Н. Волконскаго*, помѣщенное въ „Новомъ Времени" (отъ 7 іюля 1909 г.) подъ

заглавіемъ: „Финляндское правосудіе". Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этого письма.

„На дняхъ предстоитъ чуть ли не юбилейное, двадцать пятое, или, по крайней мѣрѣ, двадцать третье *) засѣданіе финляндскаго суда по *дѣлу объ убійствѣ Герценштейна.* Мнѣ это дѣло знакомо, потому что два года назадъ мнѣ, въ качествѣ защитника, пришлось высвобаживать изъ дебрей финляндскаго правосудія Тополева.

„Въ Финляндіи нѣтъ рѣшительно никакихъ гарантій для защиты отдѣльныхъ лицъ отъ неправильнаго преданія суду. Безъ всякаго слѣдствія и безъ всякаго контроля судья можетъ посадить въ тюрьму и заковать въ цѣпи обывателя, а закованный въ цѣпи и посаженный на скамью подсудимыхъ обыватель перестаетъ быть въ Финляндіи „человѣческимъ существомъ", и съ нимъ начинаютъ обходиться хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь обходятся съ приговореннымъ къ наказанію каторжникомъ.

„На второмъ засѣданіи выяснилась полная невиновность Тополева, и было доказано его alibi, но его снова отправили въ тюрьму и продержали тамъ до третьяго засѣданія. На это третье засѣданіе его, уже въ сущности оправданнаго, повезли изъ Выборга, гдѣ тюрьма, въ Теріоки на судъ не по желѣзной дорогѣ, а по грунтовой, на тряской телѣгѣ. Онъ сидѣлъ на показъ въ арестантскомъ одѣяніи и въ тяжелыхъ (усиленныхъ) кандалахъ. Такъ его везли днемъ черезъ деревни, а на ночь привязывали кандалы къ стѣнѣ такъ, что нельзя было повернуться на бокъ, а можно было лишь лежать на спинѣ".

„Съ какою небрежностью, говорилось далѣе въ этомъ письмѣ, производится дознаніе и слѣдствіе въ Финляндіи, видно изъ того же дѣла объ убійствѣ Герценштейна. Кромѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго протокола судебно-медицинскаго вскрытія трупа въ слѣдственномъ производствѣ по этому дѣлу не имѣется ничего. Нѣтъ даже протокола осмотра мѣстности, гдѣ совершено преступленіе. Въ день убійства опроса свидѣтелямъ сдѣлано не было подъ тѣмъ предлогомъ, что „всѣ были взволнованы". Такъ и записано. Въ дальнѣйшемъ довольствовались только случайными разсказами явившихся по собственной иниціативѣ лицъ, причемъ записано показаніе, никогда на самомъ дѣлѣ не дававшееся. Это выяснилось на судебномъ разбирательствѣ и занесено въ протоколъ.

„Самый процессъ судебнаго разбирательства ведется до наивности примитивно. Свидѣтели недостаточно отдѣлены; ленсманъ, исполняющій обязанности прокурора, преспокойно въ „залѣ" суда подходитъ къ свидѣтелю обвиненія и что-то шепчетъ ему на ухо; представитель вдовы Герценштейна, баронъ Лангеншельдъ, при мнѣ опоздалъ на судъ, и когда пріѣхалъ, пожалъ руку судьѣ, а тотъ тутъ же разсказалъ ему, что было безъ него и на чемъ „остановились"...

„Вотъ какой судъ можетъ заковать каждаго русскаго въ кандалы и вотъ какому суду могутъ быть подсудны русскіе, полагающіе, что ихъ можно судить у нихъ дома только на основаніи уставовъ Александра II", кончаетъ письмо князь М. Н. Волконскій.

Выше было отмѣчено, что обыкновеннымъ порядкомъ финляндскаго судопроизводства является *безконечное откладываніе разсмотрѣнія дѣла* отъ одного засѣданія до другого въ виду обнаруженія какихъ либо новыхъ обстоятельствъ. Любопытны иногда мотивы откладыванія дѣлъ.

Лѣтомъ 1911 г. въ Теріокахъ произошло *убійство юнкера-китайца Дгунъ-Хао.* Къ суду въ качествѣ обвиняемой была привлечена его двоюродная сестра, замужняя китаянка Ванъ-Ю. Предварительное слѣдствіе по дѣлу велось мѣстнымъ ленсманомъ и, конечно, очень небрежно, благодаря чему дѣло, по обыкновенію, стало откладываться. При вторичномъ разбирательствѣ дѣла выступавшій въ процессѣ въ качествѣ гражданскаго истца присяжный повѣренный Карабчевскій предъявилъ суду полученное имъ анонимное письмо: „Могу васъ увѣрить, что Ванъ-Ю невиновна. Поваръ разсказывалъ, что убійцей былъ самъ Чень-Ши-Му, а не его жена"...

И что же? Письма этого оказалось достаточнымъ, чтобы дѣло, по ходатайству Карабчевскаго, было отложено.

Обращая вниманіе на это обстоятельство, газета „Биржевыя Вѣдомости" (1911 г., № 12661) писала: „Съ какихъ поръ, однако, анонимныя письма считаются достойнымъ матеріаломъ для суда, съ какихъ поръ русскіе адвокаты считаютъ умѣстнымъ строить свои ходатайства на этой, болѣе чѣмъ сомнительной, основѣ: Н. Карабчевскій,—одинъ изъ самыхъ видныхъ адвокатовъ нашихъ,—лучше, чѣмъ кто-либо знаетъ, конечно, всю юридическую никчемность и этическую недопустимость анонимныхъ писемъ, лучше, чѣмъ кто-либо знаетъ, какъ мало значенія можно придавать письму, авторъ котораго „шмыгнулъ въ кусты" и скрылъ свое имя!"

Газета, можетъ быть, права, порицая дѣйствія русскаго адвоката, но надо сказать, что вѣдь въ русскомъ судѣ адвокату, вѣроятно, и въ голову не пришло бы предъявлять подобный документъ и только при допотопномъ состояніи финляндскаго процесса онъ могъ на это рѣшиться.

---

*) Послѣ этого было еще 4 или 5 засѣданій, съ перерывомъ каждый разъ на мѣсяцъ.

„Анонимныя письма, въ качествѣ матеріала для суда, отвергнуты, къ счастью, во всѣхъ культурныхъ странахъ", говорятъ по этому поводу „Биржевыя Вѣдомости". А финляндскій судъ, добавимъ мы, продолжаетъ считаться съ ними, какъ съ доказательствомъ, ни мало не заботясь, что онъ этимъ такъ портитъ славу о культурности финляндской націи.

При арестованіи обычно въ Финляндіи *примѣненіе цѣпей*, которыя иногда употребляются даже при приводѣ въ судъ *свидѣтелей* по уголовному дѣлу.

Газета „Työmies" (1910 г., № 279) разсказываетъ, напр., такой случай: „Одинъ крестьянинъ деревни Вяхянькюре увидѣлъ на дверяхъ своей избы повѣстку съ приглашеніемъ въ судъ для обвиненія нѣкоего М. Ю. въ подлогѣ векселя. Повѣстка была написана на шведскомъ языкѣ, въ виду чего крестьянинъ, послѣ напрасныхъ попытокъ понять ея содержаніе, сорвалъ ее со своей двери и бросилъ. Нѣсколько дней тому назадъ крестьяниномъ была получена вторая подобная повѣстка и сразу же вслѣдъ за нею къ нему пришелъ конвойный сторожъ, *заковалъ его въ цѣпи* и въ такомъ видѣ повезъ на вокзалъ, чтобы доставить въ судъ „отвѣчать за подлогъ векселя", хотя на самомъ то дѣлѣ подлогъ былъ сдѣланъ другимъ. Въ вагонѣ конвойный привязалъ крестьянина тяжелыми цѣпями къ стѣнѣ, самыя цѣпи закрывъ тяжелыми „съ хлѣбъ величиною" замками. Только въ концѣ дороги крестьянина освободили отъ этихъ „звенящихъ украшеній".

Что на дѣлѣ представляютъ изъ себя *финляндскіе кандалы*, видно изъ сравненія ихъ хотя бы съ нашими.

„Въ Имперіи кандалы вѣсятъ отъ 5 до $5^1/_2$ фунтовъ, а связки только отъ 70 до 120 золотниковъ. Устройство тѣхъ и другихъ таково, что не можетъ причинять какихъ-либо мучеій. Напротивъ того, въ Финляндіи употребляются, кромѣ обыкновенныхъ ручныхъ кандаловъ, особые мучительные браслеты, и еще болѣе жестокій винтовой снарядъ для ущемленія кистей рукъ. Ножные финляндскіе кандалы вѣсятъ 20 фунтовъ и не имѣютъ такихъ приспособленій, которыя дѣлаютъ носку русскихъ кандаловъ легкой и удобной. Кромѣ того, при пересылкѣ арестантовъ, въ Финляндіи употребляется слѣдующій приборъ: на шею надѣвается желѣзное кольцо, сдѣланное изъ желѣза той же ширины (4 сантим.) и толщины ($^3/_4$—1 сантим.), что и ножные полупудовые кандалы; отъ кольца по груди идутъ въ средній палецъ толщиною желѣзныя цѣпи и прикрѣпляются къ желѣзному поясу; отъ послѣдняго идутъ короткія цѣпи вверхъ къ наручникамъ, въ свою очередь очень толстымъ; наконецъ, отъ пояса же тянутся внизъ цѣпи къ ножнымъ кандаламъ. Вѣсъ этого прибора немного болѣе одного пуда *)".

Къ числу недостатковъ финляндскихъ судовъ слѣдуетъ причислить *политиканство* и вытекающую отсюда *пристрастность* финляндскихъ судей.

Напримѣръ, въ недавнее время въ Боргоскомъ уѣздномъ судѣ разбиралось дѣло домпробста фонъ-Г., который прижитаго имъ съ замужней женщиной ребенка записалъ на имя мужа **). Судъ оправдалъ отвѣтчика, несмотря на то, что свидѣтельскими показаніями была установлена полная виновность фонъ-Г. Въ то же время вновь назначенный начальникъ таможни фонъ-Кармъ за подобное же преступленіе былъ немедленно арестованъ и экстренно въ три дня собраннымъ судомъ присужденъ къ годичному тюремному заключенію. Объясняется это тѣмъ, что фонъ-Г. одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ финляндскихъ „патріотовъ", а фонъ-Кармъ ранѣе служилъ въ канцеляріи Генералъ-Губернатора и потому чуждъ специфически финляндскаго патріотизма.

Впрочемъ *дѣло фонъ-Карма* настолько ярко освѣщаетъ нравы финляндскаго суда и финляндской общественной жизни, что слѣдуетъ болѣе подробно на немъ остановиться.

Вотъ какъ излагаетъ это дѣло газета „Свѣтъ" (1911 г., № 140). „Въ концѣ 1910 года выяснилась необходимость чистки финляндскаго таможеннаго вѣдомства, которое вожаки тайнаго революціоннаго союза Войма считали своимъ сотрудникомъ по водворенію въ край военнаго оружія и патроновъ, не въ видѣ контрабанды, а почти открыто, черезъ таможни.

„Когда въ августѣ 1910 г. было издано Высочайше утвержденное положеніе Совѣта Министровъ о продленіи съ 1 сентября воспрещенія ввоза въ край оружія и

*) См. „Тюремный Вѣстникъ", 1909 г., № 3, стр. 316 и 317.
**) Подробное изложеніе дѣла приведено выше на стр. 79.

патроновъ, главный директоръ таможеннаго вѣдомства Бойсманъ разослалъ циркуляръ, что „теперь ввозъ оружія и патроновъ снова свободный, ибо новый запретъ „незаконенъ". Бойсмана за такое хулиганское отношеніе къ Высочайшему повелѣнію выставили съ службы безъ прошенія и безъ пенсіи. Новый начальникъ г-нъ Энгельмъ нашелъ нужнымъ поставить во главѣ Гельсингфорской таможни вѣрнаго человѣка. И назначилъ фонъ-Карма, чиновника генералъ-губернаторской канцеляріи, природнаго финляндца, дѣльнаго и честнаго человѣка.

„Въ это же самое время въ таможнѣ ожидались, по слухамъ, крупные транспорты такихъ „товаровъ", которые раньше пропускались для Воймы свободно, а теперь рисковали попасться. И рѣшили воймисты: надо опаснаго человѣка, фонъ Карма, убрать; рѣшили—и сдѣлали. Подали въ судъ жалобу, будто бы, по довѣренности г-жи фонъ-Кармъ. Запаслись подозрительнымъ удостовѣреніемъ викарнаго пастора Стенберга; запаслись требующимся числомъ „достовѣрныхъ лжесвидѣтелей", сочинили обвиненіе, будто бы онъ записалъ въ метрическихъ книгахъ своимъ законнымъ ребенкомъ дитя посторонней женщины.

„Тотчасъ по возбужденіи обвиненія фонъ-Кармъ былъ посаженъ въ тюрьму. Съ небывалой для допотопнаго, черепашьяго финляндскаго суда быстротой—ровно *черезъ 48 часовъ по подачѣ жалобы—уже осужденъ къ „лишенію гражданскаго довѣрія" и заключенію въ каторжной тюрьмѣ*. А главное вмѣстѣ съ подслѣдственнымъ арестомъ фактически *устраненъ отъ должности управляющаго таможней* въ Гельсингфорсѣ. Раньше, чѣмъ успѣлъ полностью вступить въ управленіе!

„Кармъ жаловался. Жена его вступилась за мужа. Тоже жаловалась на возмутительное злоупотребленіе ея именемъ. По вмѣшательству высшихъ властей фонъ-Карма освободили изъ тюрьмы. Дѣло его было переслѣдовано, причемъ выяснилось, что г-жа фонъ-Кармъ *никакой довѣренности и никому не выдавала* на подачу жалобы противъ ея мужа. Вообще съ мужемъ не ссорилась. Ни въ чемъ его не винитъ. Ея именемъ злоупотребили. О „довѣренности" заявили суду *подложно*, мошенически. „Выяснилось, что удостовѣреніе пастора Стенберга тоже мошенническое, и настолько наглядное, что при новомъ разсмотрѣніи дѣла судъ исключилъ его изъ числа доказательствъ. Выяснилось, что въ книгахъ *нѣтъ* такой записи, которая явилась бы преступнымъ подлогомъ въ актахъ состоянія. Вообще что *никакой вины Карма нѣтъ*.

„И судъ оправдалъ фонъ-Карма. Теперь можно. Все, что надо было пропустить черезъ таможню, навѣрно уже пропущено!..

„А комедія—будто обвиненіе возбуждалось серьезно, добросовѣстно—разыграна до конца. Обвинитель, городской фискалъ Седергольмъ, *поддерживалъ обвиненіе*. Послѣ оправдательнаго приговора—„заявилъ неудовольствіе". Знай—молъ нашихъ! Вотъ какъ строго мы, финляндцы, относимся къ дѣлу..

„Но по совѣсти—какъ могъ судъ не знать подкладки дѣла?" спрашиваетъ „Свѣтъ". „Какъ могъ онъ принимать уголовную жалобу, сажать въ тюрьму, присуждать къ каторгѣ, на основаніи голословнаго заявленія какого-то адвоката, будто онъ дѣйствуетъ „по довѣренности г-жи фонъ-Кармъ", когда никакой довѣренности нѣтъ?

„А такъ и могъ,—говоритъ „Свѣтъ",—что *зналъ подкладку*; зналъ обманъ обвиненія, но зналъ и то, для чего воймистамъ надо на время убрать честнаго человѣка изъ Гельсингфорсской таможни!

„Вотъ въ чемъ *громадное значеніе* маленькаго дѣла фонъ-Карма. Оно—*уничтожающій приговоръ надъ финляндскимъ судомъ вообще*. Оно—свидѣтельство, что этотъ финляндскій шемякинъ судъ не просто устарѣлъ, но *пересталъ быть судомъ*! Онъ—не слуга закона и правосудія. Онъ—*жалкое орудіе шведоманскаго кагала*, насквозь проѣденное ядомъ политиканства, послушно выполняющее подлѣйшіе замыслы партійныхъ вожаковъ".

Приводя изложенную статью „Свѣта", газета „Työmies" (1911 г., № 133) замѣчаетъ: „Вотъ какимъ рѣзкимъ образомъ русская газета порицаетъ финляндское правосудіе даже въ скверномъ дѣлѣ. Если бы финляндскій соціалистическій органъ осмѣлился хотя бы приблизительно такъ же рѣзко критиковать мѣстные классовые суды (*для чего было бы болѣе, чѣмъ достаточно поводовъ*), то отвѣтственному редактору пришлось бы сидѣть въ тюрьмѣ всю остальную часть своей жизни".

Дѣйствительно, *критика приговоровъ финляндскихъ судовъ запрещается подъ страхомъ наказанія*. Такъ, за порицаніе приговора суда низшей инстанціи штрафъ установленъ въ размѣрѣ 10 талеровъ, за порицаніе приговора гофгерихта—въ размѣрѣ 100 талеровъ, а за порицаніе Королевскаго, т. е. Сенатскаго приговора штрафъ опредѣленъ въ размѣрѣ 500 талеровъ.

„Такимъ образомъ, пишетъ газета „Kansan Tahto" (1911 г., № 187), суды дѣлаются какъ бы сверхчеловѣческими и непогрѣшимыми учрежденіями, чего, однако, за ними, конечно, нельзя признать".

Въ 1912 году, къ большому удовольствію шведоманскаго кагала, Вы-

боргскимъ и Вазаскимъ Гофгерихтами были вынесены обвинительные приговоры исполнившимъ свой служебный долгъ Выборгскому и Улеаборгскому губернаторамъ за мнимое нарушеніе „финляндской конституціи".

Въ Выборгѣ, 1 сентября 1911 года, у Краснаго колодца долженъ былъ состояться митингъ съ цѣлью протеста противъ присоединенія двухъ приходовъ Выборгской губерніи къ С.-Петербургской Выборгскій губернаторъ, фонъ-Фалеръ, руководствуясь циркуляромъ Императорскаго Финляндскаго Сената отъ 8 сентября (н ст.) 1911 г., не дозволилъ этого собранія, а полиціймейстеръ Пеконенъ привелъ приказаніе губернатора въ исполненіе, разгоняя собравшуюся въ назначенномъ мѣстѣ толпу. Кромѣ того, тѣмъ же губернаторомъ, по требованію коменданта Выборгской крѣпости, основанному на „Положеніи объ управленіи крѣпостями", былъ высланъ изъ гор. Выборга соціалистическій редакторъ Айрола.

По поводу этого, Выборгской соціалъ-демократической общинной организаціей было возбуждено дѣло въ Выборгскомъ Гофгерихтѣ по обвиненію губернатора фонъ-Фалера въ запрещеніи устройства митинга и полиціймейстера Пеконена въ исполненіи незаконнаго распоряженія губернатора. На основаніи сего адвокатъ-фискаломъ Гофгерихта Неовіусомъ былъ составленъ обвинительный актъ, въ которомъ указывалось, что губернаторъ фонъ-Фалеръ и полиціймейстеръ Пеконенъ виновны въ умышленномъ служебномъ проступкѣ. Въ виду сего, общественный обвинитель требовалъ привлеченія ихъ къ отвѣтственности на основаніи п. 2 § 20 главы 40 Уголовнаго Уложенія

Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакторомъ Айрола было довесено Гофгерихту, что Пеконенъ 1 сентября арестовалъ его и содержалъ подъ арестомъ безъ допроса до 4 сентября. При освобожденіи ему было сообщено приказаніе губернатора фонъ-Фалера покинуть въ трехдневный срокъ Выборгскій крѣпостной раіонъ. Поэтому жалобщикъ требовалъ, чтобы Гофгерихтъ обязалъ означенныхъ должностныхъ лицъ, а также ландссекретаря, Вянтти, скрѣпившаго рѣшеніе губернатора, уплатить ему единовременное вознагражденіе въ 2.000 марокъ и, кромѣ того, по 50 марокъ за каждый день вплоть до того времени, когда ему снова будетъ разрѣшено поселиться въ Выборгѣ.

Въ объяснительной запискѣ по этой жалобѣ адвокатъ фискалъ Неовіусъ находилъ, что русское постановленіе о крѣпостяхъ не должно нарушать права, дарованныя жителямъ въ силу основныхъ законовъ и общихъ уложеній Поэтому онъ поддерживалъ обвиненіе редактора Айрола противъ вышеозначенныхъ трехъ чиновниковъ.

„Гофгерихтъ нашелъ, что губернаторъ фонъ-Фалеръ и полиціймейстеръ Пеконенъ завѣдомо противозаконно запретили собраніе, цѣль котораго была позволительна, а что касается сеймоваго депутата Айролы, то полиціймейстеръ Пеконенъ арестовалъ г-на Айрола безъ законнаго на то повода, губернаторъ же фонъ Фалеръ и и. д. ландссекретаря Вянтти оказали служебную помощь при высылкѣ г-на Айролы Кромѣ того, г-мъ Вянтти скрѣплено было вышеупомянутое распоряженіе губернатора о воспрепятствованіи собранію Вслѣдствіе этого Гофгерихтъ приговорилъ губернатора фонъ-Фалера, на основаніи ст. 2-й § 20-го главы 40-й уголовнаго уложенія, къ денежному штрафу въ размѣрѣ 500 мар. и полиціймейстера Пеконена къ денежному штрафу въ размѣрѣ 300 мар.

Далѣе полиціймейстеръ Пеконенъ приговоренъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ 300 мар. за арестованіе Айролы, губернаторъ-же фонъ-Фалеръ приговоренъ, на основаніи § 10-го главы 25-ой уголовнаго уложенія, за высылку г-на Айролы, что слѣдуетъ признать грубой оплошностью въ исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, къ денежному штрафу въ размѣрѣ 700 мар, а и. д. ландссекретаря Вянтти за скрѣпу распоряженія губернатора объ этой высылкѣ—въ размѣрѣ 100 мар.— за *непристойный по отношенію къ адвокатъ-фискалу Неовіусу способъ письменнаго изложенія представленныхъ имъ въ Гофгерихтъ объясненій.* Такимъ образомъ, *губернаторъ фонъ-Фалеръ* приговоренъ въ общей сложности къ денежному штрафу въ размѣрѣ *1.300 м.*, что при несостоятельности соотвѣтствуетъ заключенію въ тюрьму на 90 сутокъ, *полиціймейстеръ Пеконенъ*—въ общей сложности къ денежному штрафу въ размѣрѣ *1000 мар.*, что также соотвѣтствуетъ заключенію въ тюрьму на 90 сутокъ, и и. д. ландссекретаря *Вянтти*— къ денежному штрафу въ размѣрѣ *500 мар.*, что соотвѣтствуетъ заключенію въ тюрьму на 60 сутокъ. Въ требованіи вознагражденія и судебныхъ издержекъ судомъ Айролѣ отказано, за исключеніемъ того, что за каждыя изъ тѣхъ трехъ сутокъ, въ теченіе которыхъ онъ содержался подъ стражей, ему постановлено выдать по 10 мар. въ сутки и вознаградить его 50 мар. за понесенные имъ расходы".

Сообщая изложенный приговоръ со словъ шведоманской „Hufvudstadsbladet", „Финляндская Газета" (1912 г., № 81) писала:

„Не входя въ оцѣнку этого приговора по существу и не касаясь его подробностей, мы не можемъ, однако, не обратить вниманія на *трагическое положеніе представителей администраціи*, находящихся между молотомъ и наковальнею—обязанныхъ осуществлять законъ подъ угрозою судебнаго

преслѣдованія и наказанія за добросовѣстное и правильное его исполненіе. Рѣзкій разладъ между органами одной и той же государственной власти, которые по идеѣ должны направлять свои дѣйствія къ единству, выступаетъ здѣсь во всемъ своемъ безобразіи: требованія правительства отрицаются и уничтожаются судомъ, который или не признаетъ обязательности нѣкоторыхъ дѣйствующихъ законовъ, или толкуетъ ихъ совершенно иначе, чѣмъ правительство. Какъ быть агентамъ власти и обывателямъ, въ особенности же первымъ, ибо они должны повиноваться начальству и подлежатъ, кромѣ судебной, также дисциплинарной отвѣтственности? Такіе приговоры судовъ, съ одной стороны, лишаютъ представителей администраціи столь необходимаго имъ душевнаго равновѣсія и спокойствія, заставляя ихъ переживать незаслуженныя ими непріятности и внося въ ихъ среду тревогу, съ другой—эти приговоры подрываютъ авторитетъ административныхъ властей въ глазахъ населенія и не только затрудняютъ положеніе правительства, но и подрываютъ авторитетъ закона.

„Въ данномъ случаѣ Выборгскій губернаторъ, руководствуясь циркуляромъ Императорскаго Финляндскаго Сената отъ 8 сентября (н. ст.) 1911 года, не дозволялъ собраній, которыя предполагалось устраивать съ цѣлью протеста противъ Высочайшаго повелѣнія о разработкѣ законопроекта относительно присоединенія двухъ приходовъ Выборгской губерніи къ С.-Петербургской. Въ указанномъ циркулярѣ Сенатъ разъяснялъ, что подобныя собранія недопустимы, такъ какъ стоятъ въ противорѣчіи съ положеніями закона 20 февраля 1907 года о публичныхъ собраніяхъ. Едва-ли какое либо правительство дозволило-бы безпрепятственно собирать сходки, имѣющія завѣдомою цѣлью злостную критику его мѣропріятій и возбужденіе населенія къ противодѣйствію Высочайшей волѣ Вѣдь публичныя собранія разрѣшаются для цѣлей законамъ „не противныхъ". Такимъ образомъ, дѣйствія Выборгскаго губернатора и его подчиненныхъ по недопущенію незаконныхъ сборищъ вполнѣ соотвѣтствовали закону 20 февраля 1907 г. и обязанности представителя администраціи въ точности исполнять указанія своего начальства. Точно также распоряженіе того же губернатора о высылкѣ редактора Айрола было сдѣлано въ соотвѣтствіи съ требованіемъ коменданта Выборгской крѣпости, который, на точномъ основаніи „Положенія объ управленіи крѣпостями", имѣетъ право выслать при содѣйствіи гражданскихъ властей изъ крѣпостнаго района всякое лицо, дѣятельность котораго въ предѣлахъ этого района угрожаетъ общественному спокойствію *). Въ обоихъ случаяхъ Выборгскій губернаторъ и его подчиненные обязаны были исполнять законъ, а за точное его исполненіе судъ, который, казалось-бы, долженъ стоять на стражѣ закона, выноситъ обвинительный приговоръ и подвергаетъ ихъ наказаніямъ.

„Къ сожалѣнію, говоритъ „Финляндская Газета", это далеко не единичный случай коренного разлада между правительствомъ и судомъ въ Финляндіи. *Мѣстный судъ—это цитадель сепаратизма и сопротивленія русской государственной власти.* Не трудно замѣтить, что такой разладъ, граничащій съ анархіей, является совершенно нетерпимымъ и долженъ быть въ скорѣйшемъ времени рѣшительно устраненъ. Онъ ясно указываетъ на необходимость принятія дѣйствительныхъ и энергичныхъ мѣръ къ тому, чтобы возсоздать согласованность дѣйствій властей судебной и администра-

*) Ст. 7 Приложенія къ ст. 22 Общаго Учрежденія Губернскаго (Св. Зак. т. II): „Коменданту предоставляется право воспрещать пребываніе въ предѣлахъ крѣпостного района лицамъ, присутствіе коихъ будетъ признано вреднымъ для общественнаго спокойствія и безопасности крѣпости Въ случаѣ неисполненія означенными лицами требованія Коменданта о выѣздѣ въ назначенный срокъ за предѣлы крѣпостного района, они удаляются изъ онаго гражданскимъ начальствомъ по требованію Коменданта" Ср. „Положеніе объ управленіи крѣпостями", Выс. пост о распростр Положенія объ управленіи крѣпостями на Финляндію (Сб. Пост. 1904 г. № 35); опред. Имп. Финл. Сената отъ 13 ноября 1909 г (Сб. Пост. 1909 г. № 73).

тивной и предоставить послѣдней возможность спокойнаго исполненія своего долга".

Вслѣдъ за Выборгскимъ Гофгерихтомъ и Вазаскій Императорскій Гофгерихтъ вынесъ приговоръ, осуждающій власти, исполняющія непріятные финляндцамъ законы. Улеаборгскій губернаторъ Лангинкоски приговоренъ къ денежному штрафу, съ замѣной тюремнымъ заключеніемъ, за то, что на точномъ основаніи закона оштрафовалъ типографію за непредставленіе требуемыхъ закономъ экземпляровъ вновь выходящихъ произведеній печати *).

Возмутительнымъ представляется отношеніе финляндскаго суда къ дѣлу объ *убійствѣ* финляндскими красно-гвардейцами, въ революціонные дни 1905 года, *русскаго жандарма К. Сарда.*

Подробное описаніе обстоятельствъ этого дѣла было сдѣлано, по словамъ „Русскаго Инвалида" (1911 г., №№ 59 и 97), въ книгѣ Сигурда Рооса „Время лихолѣтія и большая забастовка 1905 года въ Улеаборгѣ и Улеаборгской губерніи".

Въ Торнео мѣстные жандармы были изгнаны изъ города и въ количествѣ 11 человѣкъ двинулись на югъ съ цѣлью пробраться въ Улеаборгскія казармы. Когда объ этомъ узнали въ Улеаборгѣ, то рѣшено было ихъ захватить, для чего „снарядили экспедицію, во главѣ которой сталъ инженеръ Линдквистъ. Въ ней приняли участіе 36 человѣкъ, вооруженныхъ револьверами и частью полицейскими шашками". Безоружные 11 жандармовъ безъ сопротивленія были арестованы, и на дрезинѣ ихъ повезли на югъ. На пути остановились ночевать на постояломъ дворѣ въ Сіиполо, гдѣ жандармы, объятые страхомъ объ ожидающей ихъ участи **), сдѣлали попытку къ бѣгству. Финляндскіе „гвардейцы" стали безпорядочно стрѣлять изъ револьверовъ, при чемъ былъ раненъ жандармъ Карлъ Сардъ. „На правомъ бедрѣ его нашли рану, признанную сначала не опасной. Сардъ просилъ перевести его въ Улеаборгскія казармы, если рана опасная. Однако, прежде чѣмъ успѣли предпринять что либо, *онъ въ 5 часовъ утра скончался*". По окончаніи забастовки по поводу этого случая было возбуждено судебное дѣло. „*Уѣздный судъ разсматривалъ это дѣло трижды и присудилъ часовыхъ (?) каждаго къ 100 маркамъ штрафа за стрѣльбу въ комнатѣ.* Вазаскій Гофгерихтъ утвердилъ приговоръ въ 1908 году".

Только въ 1911 г., когда вновь назначенный прокуроръ Финляндскаго Сената Хозяиновъ обратилъ вниманіе на безотвѣтственность участниковъ въ этомъ возмутительномъ преступленіи, состоялся новый пересмотръ этого дѣла.

Однако „Русскій Инвалидъ" съ самаго начала сомнѣвался, „чтобы простая справедливость, не говоря уже о достоинствѣ русской государственной власти, нашла себѣ поддержку въ обстановкѣ туземнаго, явно пристрастнаго суда".

Первое по возобновленіи разбирательство дѣла происходило въ февралѣ 1911 года въ Хаукипудасскомъ уѣздномъ судѣ.

По словамъ газеты „Uusi Suometar" (1911 г., № 45), прокуроръ сената, Хозяиновъ, требуя привлеченія подсудимыхъ къ отвѣтственности по обвиненію въ нападеніи съ убійствомъ и арестѣ жандармовъ, „предложилъ суду обратить вниманіе на § 9 гл. 21 Уголовнаго уложенія, гдѣ говорится, что если въ случаѣ нападенія, или столкновенія, въ которомъ принимали участіе многіе, кто либо убитъ и если нельзя установить, кто является виновникомъ убійства, то слѣдуетъ наказать каждаго, принявшаго участіе въ нападеніи на пострадавшаго, а также другихъ участниковъ столкновенія, какъ указано въ послѣднемъ пунктѣ § 8 той же главы".

„Ясно, говоритъ „Русскій Инвалидъ", что даже если бы не оказалось возможнымъ установить, кѣмъ именно изъ отвѣтчиковъ былъ убитъ Сардъ, отвѣтчики не могутъ быть освобождены отъ отвѣтственности и, на основаніи указанныхъ параграфовъ финляндскаго же уложенія, даже тѣ изъ нихъ, которые сумѣютъ доказать, что не они убили Сарда, за то, что принимали участіе въ нападеніи на него, должны понести тяжелое наказаніе. Вопросъ о томъ, насколько возможно установить убійцъ Сарда не представляется, однако, такимъ уже безнадежнымъ, несмотря на всю тяжелую обстановку суда, туземный языкъ, пристрастіе судей и защиту русскихъ государственныхъ интересовъ черезъ мѣстнаго же, вѣроятно, переводчика".

Сдѣлать это, по словамъ газеты, тѣмъ болѣе легко, что существуетъ указанное выше разоблаченіе этого дѣла въ книгѣ Сигурда Рооса.

Какъ всегда, дальнѣйшее разбирательство дѣла было отложено и состоялось 3 мая 1911 г.

„Подробности о новомъ, по счету четвертомъ, разборѣ этого дѣла, пишетъ „Русскій Инвалидъ", даютъ „Nya Pressen", въ № 102, и „Työmies", въ № 102. Краска

*) „Новое Время", 1912 г., № 13026

**) Одинъ изъ гвардейцевъ сказалъ, что ихъ повезутъ въ Россію и выразительнымъ жестомъ показалъ на шею.

стыда за нашу снисходительность бросается въ лицо при чтеніи о новомъ издѣвательствѣ надъ достоинствомъ русской власти!"

„Между прочимъ, объявленное суду требованіе прокурора Финляндскаго Сената г. Хозяинова о немедленномъ арестѣ всѣхъ обвиняемыхъ по этому дѣлу, такъ какъ, въ виду тяжелыхъ обвиненій противъ нихъ, они могутъ бѣжать,—осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ".

Въ результатѣ дѣло было опять отложено, и лишь въ новомъ (пятомъ) засѣданіи Хаукипудасскаго уѣзднаго суда, 29 мая 1911 г., какъ сообщала газета „Kaiku" (1911 г., № 62), было вынесено рѣшеніе. Судъ призналъ, что отвѣтчики: Пасаненъ, Паавола, Сальмиса, Сойни, Линдквистъ и Андерсенъ содѣйствовали убійству жандарма Сарда, въ виду чего они были *присуждены къ штрафу въ размѣрѣ 150 марокъ (!!) каждый.* Что касается отвѣтчика Сальмела, то его виновность удовлетворительно не доказана. Поэтому онъ освобожденъ отъ всякой отвѣтственности. Требованіе обвинителя объ арестѣ отвѣтчиковъ опять было отклонено."

Итакъ, за убійство представителя русской власти виновные были присуждены всего къ небольшому штрафу (около 56 руб.)! Дѣло было перенесено въ высшую инстанцію сперва въ Вазаскій Гофгерихтъ, а затѣмъ въ Сенатъ, приговоромъ котораго *7 ноября 1912 г.* подсудимые были приговорены къ тюремному заключенію, двое (Андерсонъ и Линдквистъ) на шесть мѣсяцевъ каждый, а остальные четверо на годъ и девять мѣсяцевъ. Ходатайство о помилованіи Сенатомъ было отклонено („Nya Pressen", 1913 г., № 28).

Имѣются и другіе примѣры пристрастнаго отношенія къ русскимъ людямъ политиканствующаго финляндскаго суда.

„Въ концѣ 1900 года жандармскій унтеръ-офицеръ Новиковъ подвергся оскорбленію дѣйствіемъ со стороны финляндца, питавшаго къ нему злобу и извѣстнаго полиціи за безпокойнаго человѣка. Судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ, а запрошенный по сему дѣлу тогдашній Прокуроръ Сената высказалъ слѣдующее характерное для порядка финляндскаго судопроизводства заключеніе: „По дѣйствующему порядку финляндскаго судопроизводства, судъ не можетъ присудить къ наказанію за преступленіе, если не будетъ вполнѣ выяснено, что обвиняемымъ дѣйствительно совершенно возводимое на него преступленіе. *Два свидѣтеля служатъ полнымъ доказательствомъ* того, въ чемъ они согласно показываютъ. *Одинъ свидѣтель имѣетъ силу только полудоказательства.* Улики могутъ служить полудоказательствомъ, а улики, вмѣстѣ съ однимъ свидѣтелемъ, болѣе чѣмъ полудоказательствомъ. При наличности полудоказательства обвиняемому можетъ быть предложено *очистить себя присягою.* Въ разсматриваемомъ случаѣ имѣется одинъ свидѣтель, который отчасти видѣлъ, что происходило между Новиковымъ и отвѣтчикомъ Э., но такъ какъ свидѣтель этотъ не можетъ показать ничего по тому вопросу, который въ настоящемъ дѣлѣ является главнымъ, а, именно, не знаетъ, было ли Э. совершено нападеніе на Новикова, то свидѣтельству его не можетъ быть придано почти никакого значенія" *).

Младофинская газета „Suomalainen Kansa" помѣстила въ № 241 за 1908 годъ статью, озаглавленную „Кротовая работа", авторомъ которой, на ряду съ ложными инсинуаціями по поводу служебной дѣятельности тогдашняго Помощника Финляндскаго Генералъ-Губернатора, помѣщенъ былъ рядъ непристойныхъ и дерзкихъ выраженій, явно оскорбительныхъ для личности генерала Зейна и совершенно недопустимыхъ по отношенію къ занимаемой имъ должности. Между тѣмъ обвиненіе, предъявленное на судѣ, было сначала квалифицировано, какъ клевета, что дало поводъ къ новой дерзкой выходкѣ обвиняемыхъ, воспользовавшихся своимъ выступленіемъ въ процессѣ для произнесенія по отношенію къ генералу Зейна новыхъ оскорбительныхъ заявленій. Гельсингфорсскій ратгаузскій судъ „призналъ выясненнымъ", что статья содержитъ оскорбительныя для генерала Зейна выраженія, отъ которыхъ отвѣтчики въ теченіе всего производства дѣла въ судѣ и не отказывались. Вслѣдствіе сего ратгаузскій судъ приговорилъ отвѣтчиковъ *за оскорбленіе къ денежному взысканію въ размѣрѣ 150 марокъ* съ каждаго, каковое наказаніе для людей обезпеченныхъ является лишь номинальнымъ" **).

Подобное отношеніе финляндскихъ судовъ къ защитѣ интересовъ представителей русской государственной власти выдвинуло даже вопросъ объ изъятіи подобныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія мѣстныхъ судовъ.

Такъ, въ 1905 году рабочій Рейникка, покушавшійся на убійство Выборгскаго Губернатора Мясоѣдова, былъ приговоренъ Выборгскимъ ратгаузскимъ судомъ къ смирительному дому всего лишь на 2 года и 3 мѣсяца, причемъ судъ мотивировалъ свой снисходительный приговоръ *общеизвѣстностью незаконной дѣятельности губернатора Мясоѣдова.* Въ то же время, при разбирательства дѣла Гогенталя, обвинявшагося въ убійствѣ прокурора Сената Сойсалонъ-Сойнинена (Іонсона), защитникъ убійцы

*) „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи", СПБ., 1911 г., стр. 62.

**) Тамъ же, стр. 73.

Свинхувудъ произнесъ полную инсинуацій по адресу русскаго правительства агитационную рѣчь, въ которой въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалась политика правительства, причемъ убитый прокуроръ выставлялся, какъ измѣнникъ отечеству, убійца же, наравнѣ съ убійцею „тирана" Бобрикова, Шауманомъ, прославлялся какъ герой

„Оба приведенные случая заставили предполагать одно изъ двухъ: или мѣстное законодательство не заключаетъ въ себѣ надлежащихъ гарантій для защиты правительства и причастныхъ къ дѣлу лицъ отъ инсинуацій и политическихъ нападокъ со стороны какъ персонала суда, такъ и защиты, или же руководящія преніями на судѣ и наблюдающія за правильностью веденія процесса лица судебнаго вѣдомства намѣренно и преступно не исполняютъ своихъ служебныхъ обязанностей, и судъ обращается въ арену политической антиправительственной агитаціи".

Обращая на изложенное вниманіе Финляндскаго Сената, Генералъ-Губернаторъ князь Оболенскій, 10/23 іюня 1905 года, считалъ нужнымъ предупредить, что „въ случаѣ безсилія финляндскаго законодательства прекратить столь ненормальное положеніе, онъ, Генералъ-Губернаторъ, будетъ постановленъ въ необходимость испросить Высочайшее соизволеніе на изъятіе дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ изъ вѣдѣнія мѣстныхъ судовъ" *).

Тѣ же соображенія заставили включить въ законъ 20 января 1912 г. „объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ" постановленіе объ изъятіи изъ компетенціи мѣстныхъ судовъ уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ сопротивляющихся осуществленію на практикѣ означеннаго закона **).

Но пристрастность финляндскаго суда проявляется не только въ политическомъ отношеніи. Какъ видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, суды отличаются *партійностью* и *служатъ классовымъ интересамъ*.

По сообщенію старофинской газеты „Aamulehti" (1911 г., № 155), 15 іюня 1911 г., Выборгскимъ полиціймейстеромъ было отправлено въ Выборгскій ратгаузскій судъ отношеніе, касающееся привлеченія къ отвѣтственности домовладѣльца Тита П и его жены, по обвиненію въ сводничествѣ. Въ своемъ отношеніи полиціймейстеръ указывалъ, что рапорты полицейскихъ властей относительно вышеозначенныхъ лицъ былъ отправленъ общественному обвинителю въ установленномъ порядкѣ уже 30 августа 1910 года. „Супруги П обвиняются въ сводничествѣ, которое уже стало общеизвѣстнымъ во всемъ городѣ. Между тѣмъ до сихъ поръ не послѣдовало никакихъ мѣропріятій ни со стороны общественнаго обвинителя, ни со стороны ратгаузскаго суда. Многіе выборгскіе жители, а также чины полиціи, обращались къ полиціймейстеру съ запросомъ о томъ, почему супруги П не привлекаются къ законной отвѣтственности и не находятся ли они въ какомъ либо особомъ положеніи внѣ законовъ, пользуясь какими то особыми правами на производство сводничества.

„Поэтому полиціймейстеръ почтительнѣйше проситъ быть поставленнымъ въ извѣстность о томъ, къ какимъ мѣрамъ судебными властями приступлено по этому дѣлу, и не являются ли мѣры судебныхъ властей таковыми, что жители имѣютъ поводъ предлагать указанные въ отношеніи вопросы

„Выборгскій ратгаузскій судъ на это отвѣтилъ кратко и рѣзко, предлагая полиціймейстеру пользоваться болѣе „приличнымъ и болѣе достойнымъ должностного лица тономъ" и указывая, что судъ не обязанъ полиціймейстеру давать отчета о своихъ мѣропріятіяхъ"

Можетъ быть, полиціймейстеру въ приведенномъ случаѣ, дѣйствительно слѣдовало обратиться въ судъ въ болѣе почтительномъ тонѣ, можетъ быть, судъ и въ самомъ дѣлѣ не обязанъ давать отчета о своихъ дѣйствіяхъ полиціймейстеру, но фактъ остается фактомъ: уголовное дѣло, имѣющее общественное значеніе, по неизвѣстнымъ причинамъ, почти годъ остается безъ движенія на соблазнъ мѣстныхъ жителей, имѣющихъ полный просторъ дѣлать разныя предположенія о роли въ этомъ дѣлѣ мѣстнаго суда.

Пристрастность финляндскихъ судей, а также несовершенство финляндскаго судопроизводства дѣлаютъ *весьма затруднительнымъ веденіе процессовъ бѣдными людьми*.

*) „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи", стр. 62.

**) Подробности объ этомъ законѣ см. выше на стр. 124 и слѣд., гдѣ, между прочимъ, указано, какъ былъ встрѣченъ этотъ законъ финляндскими судами. Прим. сост.

Соціалистическая газета „Туö" (1911 г., № 71) передаетъ, что однажды въ Коликкойнмяки какой то зажиточный финнъ переѣхалъ черезъ дочь одного рабочаго. Родители пострадавшей предложили виновному покрыть расходы по лѣченію ихъ дочери. Тотъ отказался. Тогда родители обратились за помощью къ ленсману. Послѣдній сперва обѣщалъ начать по этому поводу дѣло, но когда родители черезъ нѣсколько дней пришли снова, то ленсманъ заявилъ, что виновнаго привлечь къ судебной отвѣтственности нельзя, потому де „что какого либо преступленія не произошло, а произошелъ только несчастный случай". Услышавъ это, родители хотѣли повести дѣло помимо общественнаго обвинителя и ленсмана, но потомъ передумали, такъ какъ „обвиняемый благодаря своей зажиточности начнетъ затягивать дѣло и этимъ путемъ достигнетъ полнаго обѣдненія обвинителей".

Объ отношеніи финляндскихъ судей къ представителямъ бѣдныхъ классовъ находимъ интересное сообщеніе въ газетѣ „Sosialisti" (1911 г., № 276) въ статьѣ „Лѣность нашихъ судебныхъ учрежденій".

„Наши чиновники, читаемъ въ этой статьѣ, попавъ на казенные хлѣба, весьма неохотно исполняютъ свои служебныя обязанности. Если въ судѣ разсматривается дѣло бѣдняка, то должностныя лица какъ бы по заказу лѣнивы. Коронный ленсманъ или фискалъ укажутъ лишь параграфъ и главу Уголовнаго Уложенія, и дѣло почти уже рѣшено. Допросъ въ судѣ бываетъ только для виду. Судьи размышляютъ такъ: „если человѣкъ привлекается къ отвѣтственности и обвиняется, то, значитъ, онъ виноватъ" и не желая себя утруждать,—стараются, какъ можно скорѣе, рѣшить дѣло. Бѣднякъ не въ состояніи обжаловать приговоръ, сколько бы несправедливъ ни былъ этотъ приговоръ. Это прекрасно сознаетъ судья, вынося бѣдняку приговоръ, въ виду чего онъ не опасается отвѣтственности за служебную ошибку. Такъ, напр., въ Лавіаскомъ судѣ, нынѣшнею осенью дѣло дошло до того, что судья по невнимательности и небрежности *вынесъ приговоръ лицамъ, кои даже и вызова въ судъ не получили*. Судьи высшихъ инстанцій также неохотно разсматриваютъ дѣла бѣдняковъ. Чаще всего они утверждаютъ приговоръ суда низшей инстанціи, даже не разсматривая дѣла... Лицъ, подающихъ жалобы, въ судахъ высшихъ инстанцій принимаютъ весьма нелюбезно и сердито. Первый—кого жалобщикъ тамъ встрѣчаетъ—это надменный увалень вахмистръ, одинъ видъ коего на жалобщика наводитъ такое впечатлѣніе, что какъ будто онъ попалъ въ карательную тюрьму. Затѣмъ жалобщикъ долженъ идти къ высшимъ и болѣе ученымъ вахмистрамъ, коихъ величаютъ „герадсгевдингами". Съ весьма усталымъ видомъ эти лица торчатъ на своихъ креслахъ. Выраженіе гнѣва появляется на ихъ лицахъ, если бѣднякъ рѣшается потревожить ихъ сладкій покой. Надменнымъ тономъ они задаютъ бѣдняку нѣсколько грубыхъ вопросовъ передъ тѣмъ, какъ принять отъ него жалобу. Очень часто при самомъ принятіи жалобы, опредѣливъ лишь профессію жалобщика, эти „герадсгевдинги" уже знаютъ, какое будетъ по дѣлу рѣшеніе. Чрезмѣрная лѣность этихъ господъ особенно выказывается тогда, когда къ нимъ приходятъ за свидѣтельствами о подачѣ жалобы или за копіей протокола и т. п. Въ такихъ случаяхъ ихъ обычные отвѣты—„это еще успѣется", „я не имѣю времени", „и безъ васъ много дѣла" и т. д. Эти герадсгевдинги знаютъ, что въ концѣ концовъ они все же получатъ тѣ двѣ-три марки, кои полагается заплатить за свидѣтельство, ибо только отъ нихъ бѣднякъ можетъ получить нужный ему документъ. Очень часто бѣднякъ недѣлями ходитъ за свидѣтельствомъ, несмотря на то, что свидѣтельство это состоитъ всего лишь изъ двухъ-трехъ строкъ. Если подобныя вещи совершаются въ пріемной суда, то можно себѣ представить, что дѣлается въ его внутреннихъ покояхъ, куда входъ простымъ смертнымъ совершенно недоступенъ. Однако случается, что эта стихійная лѣность уступаетъ мѣсто активной дѣятельности. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ судебное учрежденіе являются прилично одѣтые господа. Тогда герадсгевдинги оживаютъ, дѣлаются энергичными и даже веселыми".

„Много мытарствъ и препятствій приходится въ Финляндіи пройти

бѣдному человѣку, пока онъ доберется до справедливости", писала другая соціалистическая газета „Työ" (1911 г., № 71).

Недоступность правосудія для бѣднаго человѣка въ Финляндіи отмѣчалась не только соціалистическою печатью. То же самое подтверждала *младофинская* „Helsingin Sanomat" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 123):

„Судопроизводство наше, повидимому, сверхъ ожиданія, имѣетъ тенденцію превращаться въ какую-то *систему обиранія народа*. Нынѣ даже окончившій курсъ народнаго училища,—человѣкъ, слѣдовательно, вовсе не темный,—рѣдко осмѣливается вступать въ судебную тяжбу, даже по самому несложному дѣлу, безъ помощи адвоката. Мы знаемъ, что есть адвокаты, которые внушаютъ и разъясняютъ своимъ кліентамъ безполезность возбужденія пустяшныхъ дѣлъ, сохраняя тѣмъ самымъ для нихъ и время и напрасныя значительныя издержки. Таковые, однако, встрѣчаются рѣдко; чаще же адвокаты стараются находить новыя дѣла, увеличивая тѣмъ самымъ доходность своего занятія, и принуждая, посему, противную сторону въ свою очередь обращаться къ знающему всякія законныя увертки юристу. Такимъ путемъ дѣла переходятъ изъ одной инстанціи въ другую, напутствуемыя большими надеждами обѣихъ тяжущихся сторонъ".

Слѣдуетъ отмѣтить, что и *личный составъ финляндскихъ судовъ не стоитъ на особенной высотѣ*.

Въ 1889 г. „Московскія Вѣдомости" (№ 4), между прочимъ, указывали на *недостаточную образованность* финляндскихъ судей: „Изъ 60 герадскихъ судей, исполняющихъ, какъ извѣстно, весьма важныя обязанности нашихъ окружныхъ судовъ, университетскую школу прошли *только трое*. Одинъ изъ нихъ -73 лѣтній старецъ, слѣдовательно, внѣ кадровъ; остается 2 научно-образованныхъ судьи на 60. Во второй инстанціи, въ гофгерихтахъ: въ Выборгскомъ, на 47 чиновъ университетскихъ только 6; въ Абоскомъ на 43—два, въ Вазаскомъ на 28—ни одного Всѣ прочіе—дѣльцы практики, попросту крючкотворы. Предсѣдатели и вице-предсѣдатели — всѣ изъ этой среды, университетскихъ нѣтъ Изъ 18 членовъ 17 тоже не университетскіе. Такія цифры кажутся сомнительными, но онѣ въ точности основаны на офиціальномъ изданіи Гельсингфорсскаго университета".

„Даже въ Сенатѣ на 29 секретарей 20, т. е. болѣе двухъ третей, высшаго образованія не получили Только между сенаторами лица съ высшимъ образованіемъ оказываются въ болѣе приличной пропорціи: изъ 22—10 носятъ разныя, преимущественно высшія университетскія степени".

Конечно, эти данныя относятся къ прошедшему времени, и теперь процентъ судей безъ высшаго образованія (стариковъ) уменьшился, но слѣдуетъ указать, что уже въ то время (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) въ „варварской" Россіи высшее образованіе было обязательно не только для старшихъ, но и для второстепенныхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, а лица безъ такого образованія были исключеніемъ.

Хотя въ настоящее время высшее юридическое образованіе обязательно для занятія должности судьи, но нравы финляндскихъ судей сохранили много чертъ добраго стараго времени.

Прежде всего, по удостовѣренію финской газеты „Kansan Lehti" (1911 г., № 32), часто за судейскимъ столомъ въ Финляндіи сидятъ люди, *не знающіе финскаго языка*. „Вѣдь у насъ во многихъ мѣстностяхъ, пишетъ названная газета, судьями состоятъ господа, которые не знаютъ въ надлежащей степени языка населенія, не понимаютъ показаній свидѣтелей, а свидѣтели не могутъ понять того, что бормочетъ судья. И въ протоколъ поэтому вносится то, что придетъ въ голову, и на основаніи такого-то протокола и рѣшается участь людей.

„Много веселыхъ случаевъ разсказываютъ у насъ о составленіи подобныхъ, воистину замѣчательныхъ протоколовъ. Въ гор. Або живетъ, напримѣръ, вицегевдингъ, который, сидя однажды, за судейскимъ столомъ, спрашивалъ у дѣвушки, обвиняемой въ дѣтоубійствѣ, кто склонилъ ее къ преступленію. Та отвѣчала: „пахолайненъ (лукавый) попуталъ!" Судья внесъ въ протоколъ: дѣвушка совершила преступленіе при участіи нѣкоего мужчины „Пахолайнена". Послѣ этого усердно розыскивали этого „Пахолайнена", пока, наконецъ, не выяснилось дѣло

„Авторъ этихъ строкъ, читаемъ далѣе въ той же газетѣ, хорошо помнитъ другой подобный случай въ ратгаузскомъ судѣ одного изъ прибрежныхъ финляндскихъ го-

родовъ. Судья, не знавшій финскаго языка, хочетъ спросить обвиняемаго, что онъ можетъ возразить на показанія свидѣтеля. Вопросъ онъ выразилъ въ такой формѣ: „Что вы тогда сказали?" Обвиняемый естественно думалъ, что судья спрашиваетъ его о томъ, что онъ сказалъ въ разбираемомъ случаѣ, и отвѣтилъ: „Я ничего не сказалъ!" Судья послѣ этого отвѣта вноситъ въ протоколъ, что обвиняемый ничего не могъ возразить на показаніе свидѣтеля. А между тѣмъ обвиняемый именно и хотѣлъ и могъ опровергнуть показаніе свидѣтеля!"

Весьма не лестную для характеристики членовъ герадскаго суда замѣтку *о спящихъ судьяхъ* читаемъ въ старофинской газетѣ „Wiipuri" (1909 г., № 252).

Газета говоритъ, что по старинному обычаю страны, почти узаконенному, *члены герадскаго суда почти всегда спятъ*. Но едва-ли случалось, чтобы кто-либо изъ этихъ „Богомъ спасаемыхъ судей" засыпалъ такъ крѣпко, чтобы не проснуться даже тогда, когда дневной трудъ былъ оконченъ и представлялась возможность отправиться домой спать безмятежнымъ сномъ. Однажды это случилось въ Сальмисскомъ герадскомъ судѣ. Когда высокій судъ вечеромъ окончилъ свое засѣданіе, то одинъ изъ членовъ суда *остался спать на своемъ мѣстѣ непробуднымъ сномъ*, явившимся послѣдствіемъ пьянства. Присутствующая въ судѣ публика насмѣхалась надъ подобнымъ зрѣлищемъ, но членъ суда продолжалъ спокойно спать, пока одинъ изъ товарищей его не разбудилъ".

Другой характерный разсказъ передаетъ шведоманская газета „Wiborgs Nyheter" (1910 г., № 148), объ одномъ предсѣдателѣ Гофгерихта, друзья котораго считали его весьма способнымъ юристомъ и который поэтому былъ назначенъ на должность высшаго начальника судебнаго мѣста.

„Въ томъ судѣ, гдѣ былъ президентомъ этотъ свѣдущій человѣкъ, должно было быть разсмотрѣннымъ, подъ его предсѣдательствомъ, дѣло, касающееся побоевъ съ смертельнымъ исходомъ.

„По общему правилу въ Гофгерихтѣ для рѣшенія дѣла требуется участіе 5 членовъ. Но по дѣламъ, не имѣющимъ своимъ предметомъ преступнаго дѣянія, за которое обвиняемый можетъ быть приговоренъ къ смертной казни, допускается присутствіе лишь 4 членовъ. За побои со смертельнымъ исходомъ, по финляндскимъ законамъ, не могла угрожать смертная казнь и, такъ какъ въ судѣ оказалось четыре члена, то судъ хотѣлъ заняться дѣломъ. Но предсѣдатель былъ другого мнѣнія.

„Дѣло идетъ о жизни", сказалъ онъ. „Насъ поэтому должно быть пятеро". Возраженіе предсѣдателя вызвало большое удивленіе у троихъ остальныхъ членовъ. „Но, господинъ президентъ", рѣшился сказать одинъ изъ членовъ, „это дѣло не касается жизни". „Конечно", возразилъ предсѣдатель, „дѣло идетъ о жизни, такъ какъ наносившій побои умеръ"

„Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ могли убѣдить предсѣдателя, но въ концѣ концовъ, это удалось.

„Эта исторійка не то изъ Китая, не то изъ юмористическаго журнала „Стриксъ", замѣчаетъ въ заключеніе газета.

Для характеристики *знанія судьями дѣла* можетъ служить слѣдующее сообщеніе старофинской газеты „Aamulehti" (1911 г., № 272).

Абоскій Гофгерихтъ *присудилъ судью* Ямоской юрисдикціи А. Г., на основаніи § 21 главы 40 Уголовнаго Уложенія, *за неумѣлое исполненіе служебныхъ обязанностей* къ штрафу въ 50 марокъ, *за небрежность въ судопроизводствѣ*—къ штрафу въ 100 марокъ, а также къ возмѣщенію 15 марокъ расходовъ и 175 марокъ убытковъ, причиненныхъ его неправильными дѣйствіями торпарю Корпилахтискаго прихода Аиттила, и къ уплатѣ судебныхъ по дѣлу издержекъ въ количествѣ 18 марокъ 80 пенни".

Обычное явленіе изъ нравовъ финляндскихъ судей представляетъ *запаздываніе къ засѣданіямъ*.

„Въ городѣ С. Михелѣ, 25 января 1911 г., долженъ былъ состояться уѣздный судъ. Всѣ собрались и стали ждать судьи. Послѣ долгаго ожиданія прибылъ, наконецъ, вѣстникъ съ сообщеніемъ, что судья будетъ *только черезъ два дня*, т. е. 27 января. Присутствовавшіе не совсѣмъ то довольные разошлись" („Karjala", 1911 г., № 24).

Такъ какъ уѣздный (герадскій) судъ собирается для разбора дѣлъ, возникшихъ въ уѣздѣ,—ожидавшими суда по большей части были сельскіе жители, пріѣхавшіе въ городъ, такъ что имъ пришлось либо ѣхать домой, либо сидѣть въ городѣ 2 дня въ ожиданіи судьи. Понятно неудовольствіе ожидавшихъ.

Подобные случаи запаздыванія судей бываютъ довольно часто. Поэтому финляндская публика усвоила себѣ привычку также собираться къ мѣсту

суда позже назначеннаго времени, увѣренная, что и въ такомъ случаѣ ей придется долго ожидать начала суда.

Этимъ воспользовался однажды одинъ судья гор. С. Михеля, чтобы отдѣлаться разомъ отъ всѣхъ затянувшихся процессовъ. Онъ явился въ помѣщеніе суда къ 9 час. утра и началъ разборъ дѣлъ. „Слѣдствіемъ было то, что тяжбы, предполагавшіяся къ разбору въ теченіе цѣлаго дня, были объявлены прекращенными производствомъ, потому что тяжущіяся стороны не явились въ судъ. Въ полчаса всѣ судившіеся были выкликнуты, и тяжбы ихъ прекращены. Этотъ капризъ судьи причинилъ больше убытки истцамъ, которые по важнымъ для нихъ дѣламъ потеряли, такимъ образомъ, право на продолженіе своихъ исковъ" („Työmies", 1911 г., № 80)

Не стоитъ также на надлежащей высотѣ въ Финляндіи *прокурорская власть*, которая, конечно, имѣетъ большое значеніе въ судопроизводствѣ. Вѣдь на обязанности ея лежитъ производство предварительнаго слѣдствія (въ Финляндіи судебныхъ слѣдователей нѣтъ), а ясно, что если послѣднее произведено хорошо, то самый разборъ дѣла облегчается уже на половину.

„Въ Финляндіи, какъ утверждаетъ газета „Kansan Tahto" (1911 г., № 38), прокурорская власть большею частью не способна исполнять своихъ обязанностей".

Дѣйствительно, гдѣ кромѣ финляндскаго суда можетъ состоять на службѣ, и притомъ въ Гофгерихтѣ, *глухой прокуроръ*?

Однажды прокуроръ Сената обратился въ Абоскій Гофгерихтъ съ запросомъ, почему Гофгерихтъ при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ, гдѣ стороны допрашиваются устно, *всегда назначаетъ къ исправленію обязанностей, вмѣсто адвокатъ-фискала Шюбергсона, другое лицо*. На это, по словамъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 142), Гофгерихтъ рѣшилъ отвѣтить, что *г. Шюбергсонъ плохо слышитъ*, въ виду чего на допросы назначается другое лицо. Впрочемъ, г. Шюбергсонъ исполняетъ всѣ остальныя обязанности адвокатъ-фискала

Такое снисходительное отношеніе Гофгерихта къ исполненію обязанностей г. Шюбергсономъ объясняется тѣмъ, что послѣдній является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ шведоманской партіи и даже такъ называемаго „кагала".

„Въ Таммерфорсѣ, по словамъ „Kansan Tahto" (1911 г., № 38), обвинителемъ служитъ всѣмъ извѣстный своею неспособностью человѣкъ, для котораго обязанности обвинителя являются только какимъ то побочнымъ занятіемъ".

Въ уѣздахъ представителями прокурорской власти являются ленсманы (соотвѣтствуютъ нашимъ становымъ приставамъ), которые при всемъ желаніи не имѣютъ достаточнаго количества времени, чтобы добросовѣстно исполнять свои прокурорскія обязанности.

Насколько ленсманы-прокуроры подготовлены къ исполненію своихъ обязанностей доказываетъ слѣдующій фактъ, приводимый газетою „Työ" (1911 г., № 71).

Одинъ Коликкойнмякскій домовладѣлецъ пришелъ къ ленсману за совѣтомъ, какъ очистить одну изъ квартиръ отъ неплатившихъ за нее деньги жильцовъ. Ленсманъ посовѣтовалъ *выставить въ квартирѣ двери и окна*, что домовладѣлецъ и сдѣлалъ. Послѣ этого жильцы должны были выѣхать. Газета возмущается этимъ фактомъ несогласнаго съ финляндскими законами способа выселенія, произведеннаго по совѣту ленсмана—стража законовъ.

Характерны также уже приведенные выше (стр. 50) случаи чрезвычайно энергичныхъ, но врядъ ли законныхъ дѣйствій такого-же представителя власти: Желая взыскать съ одной крестьянки деньги, причитавшіяся съ ея эмигрировавшаго за границу *мужа*, ленсманъ сталъ ее обыскивать и, въ присутствіи нѣсколькихъ мужчинъ, раздѣлъ до рубашки. Другой ленсманъ избилъ палкою пришедшаго къ нему за служебной справкой извозчика

Не безупреченъ, повидимому, составъ прокуратуры и въ *нравственномъ отношеніи*. Нерѣдко приходится встрѣчать въ финляндскихъ газетахъ имена фискаловъ при описаніи буйствъ въ пьяномъ видѣ (см. выше стр. 14), причемъ случается, что фискалы выступаютъ въ нетрезвомъ состояніи даже на судѣ. Далѣе отмѣчаются нарушенія фискалами постановленій объ охотѣ (см. стр. 54), случаи самоуправства (стр. 48), растраты ввѣряемыхъ имъ по должности суммъ (стр. 68) и т. п.

Надо думать, что все это не можетъ служить къ усиленію уваженія къ прокуратурѣ и вообще къ представителямъ власти.

---

7. Тюрьмы.

Въ началѣ нашего обзора (глава первая) было отмѣчено увеличеніе числа преступленій въ Финляндіи. Конечно, возрастаніе преступности влечетъ за собою *переполненіе тюремъ*.

По отзыву старофинской „Uusi Suometar" (1911 г., № 52), въ финляндскихъ тюрьмахъ „ощущается *сильная тѣснота*: въ среднемъ въ нихъ находится *600 человѣкъ свыше того комплекта*, на который выстроены тюремныя зданія. Само собою понятно, говоритъ газета, что цѣль наказанія — нравственное исправленіе преступника — при такомъ положеніи вещей совершенно неосуществима".

„Даже внѣ круговъ спеціалистовъ сдѣлалось общеизвѣстнымъ, что финляндскія тюрьмы давно уже страдаютъ отъ недостатка помѣщенія", писала издающаяся въ Финляндіи шведская газета „Dagens Tidning" *). Газета приводила цифровыя данныя за 20 лѣтъ (1889—1909 гг.), показывающія, что, начиная съ 1895 года, ежегодно (за исключеніемъ 1905 года) среднее суточное количество арестантовъ, фактически помѣщавшихся въ тюрьмахъ, превышало число штатныхъ мѣстъ. Такъ, въ 1895 и 1896 гг. число штатныхъ мѣстъ было 1108, а среднее суточное число арестантовъ равнялось въ 1895 г.—1137, а въ 1896 г.—1198; въ 1897—1908 гг. число мѣстъ равнялось 1099, а число арестантовъ было: въ 1897 г.—1183, 1898 г.—1.246, 1899 г.—1.249, 1900 г.—1.255, 1901 г.—1.275, 1902 г.—1285, 1903 г.—1.284, 1904 г.—1.149, 1905 г.—1.070 (уменьшеніе произошло благодаря амнистіи), 1906 г.—1.145, 1907 г.—1.256 и 1908 г.—1.506. Такимъ образомъ, въ 1908 году среднее число арестантовъ превышало число мѣстъ на 407 человѣкъ или 37%. Съ 1909 года увеличилось на 350 число мѣстъ въ тюрьмахъ гор. Гельсингфорса и Або, такъ что общее число мѣстъ дошло до 1.450, но и ихъ оказалось недостаточно, такъ какъ въ 1909 году тюремныхъ сидѣльцевъ насчитывалось 1.567, а въ слѣдующіе годы число это еще увеличилось.

Вышеупомянутая „Dagens Tidning" указывала, что, благодаря отсутствію мѣстъ въ тюрьмахъ той или другой категоріи, нерѣдко въ тюрьмы съ болѣе легкимъ режимомъ сажаютъ арестантовъ болѣе тяжелой категоріи и наоборотъ, а такимъ образомъ „изъ сознанія общества сглаживается разница между различными видами лишенія свободы".

Касаясь послѣдствій переполненія тюремъ, названная газета писала: „Присмотръ за арестантами оставляетъ желать лучшаго. *Гигіеническія условія никуда не годятся*. Арестантамъ приходится дышать испорченнымъ воздухомъ и на ряду съ такими условіями жизни идетъ нравственная порча. Организація работъ страдаетъ, и все это вмѣстѣ взятое представляетъ собой *каррикатуру того, что предусмотрѣно современнымъ тюремнымъ дѣломъ*. Эти переполненныя арестантами тюрьмы представляютъ собой положительно *склады товаровъ*".

Газета, въ качествѣ выхода изъ создавшагося положенія, рекомендовала развитіе внѣтюремныхъ *работъ арестантовъ на открытомъ воздухѣ*, отдавая особенное предпочтеніе земледѣльческимъ работамъ. Съ одной стороны, благодаря этому арестанты не задыхались бы въ душной атмосферѣ тюремныхъ помѣщеній, а съ другой—благодаря здоровой работѣ дѣйствительно осуществлялась бы исправительная цѣль тюрьмы.

При настоящихъ же условіяхъ, тюрьма не только не служитъ цѣлямъ исправленія, но прямо является школою преступности. Какъ пишетъ та же „Dagens Tidning", „растетъ не только число преступниковъ (въ чемъ тюремное вѣдомство, конечно, не виновато), но и *число отбывавшихъ уже ранѣе наказанія* показываетъ тенденцію къ увеличенію. Число *рецидиви-*

*) См. „Финляндскую Газету" 1912 г., № 110.

стовъ среди заключенныхъ достигаетъ теперь приблизительно 50 процентовъ! Это ясно показываетъ, говоритъ газета, что наше тюремное вѣдомство въ отношеніи примѣненія предусмотрѣннаго закономъ принципа *исправленія* не въ состояніи справляться съ довѣреннымъ ему человѣческимъ матеріаломъ".

Послѣ такихъ отзывовъ о своихъ тюрьмахъ финляндскихъ газетъ тѣмъ страннѣе читать восторженные отзывы о финляндскихъ тюрьмахъ профессора С.-Петербургскаго университета М. Исаева, помѣстившаго въ журналѣ „Право" статью о Гельсингфорсской смирительной тюрьмѣ *). Въ ней онъ съ чрезвычайной похвалой отзывался о царящихъ въ этой тюрьмѣ порядкахъ и находилъ лишь желательнымъ отмѣну *тѣлесныхъ наказаній*, примѣняемыхъ въ финляндскихъ тюрьмахъ за дисциплинарные проступки. Равнымъ образомъ онъ высказывался о желательности распространенія *условнаго освобожденія* на лицъ, осужденныхъ на менѣе продолжительный срокъ, чѣмъ три года, а также о повышеніи платы за работы арестантовъ и объ употребленіи ихъ въ большей мѣрѣ для полевыхъ работъ. Однако, всѣ эти недостатки не омрачаютъ симпатичнаго впечатлѣнія, которое произвела на автора смирительная тюрьма. Между прочимъ, профессоръ М. Исаевъ, въ противоположность высказанному газетою „Dagens Tidning" мнѣнію, находилъ, что примѣняемая въ Финляндіи система наказанія дѣйствительно направлена для исправленія преступника и съ особымъ удовольствіемъ констатировалъ, что теперь, въ моментъ обостренія финляндскаго вопроса, русскіе, отбывающіе наказаніе въ финляндской тюрьмѣ, подвергаются человѣческому обращенію. „Наше тюремное управленіе, говорилъ въ заключеніе авторъ, могло бы многому научиться отъ финляндской системы наказанія. Не надо ѣздить ни въ Америку, ни даже въ Западную Европу".

Съ отзывомъ профессора не согласны, однако, лица, испытавшія на себѣ режимъ русской и финляндской тюрьмы.

Въ газетѣ „Hämeen Woima" (1909 г., № 15) приведены отзывы о финляндскихъ тюрьмахъ только что, въ то время, отсидѣвшей опредѣленное время въ Тавастгусской тюрьмѣ за оскорбленіе Величества Вѣры Остроумовой. Сравнивая ихъ съ русскими тюрьмами, съ которыми, какъ революціонеркѣ, ей также пришлось познакомиться, Остроумова находитъ, „что въ общемъ *быть политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ лучше, чѣмъ въ Финляндіи*". Главное преимущество русскихъ тюремъ заключается, по мнѣнію Остроумовой, въ томъ, что тамъ не стараются воспитывать и обращать на другой путь государственныхъ преступниковъ. „Ихъ знаютъ настолько хорошо, что смотрятъ на нихъ какъ на военно-плѣнныхъ, которыхъ держатъ въ заперти лишь въ извѣстныхъ цѣляхъ, но не въ цѣляхъ воспитательныхъ.

„Въ Финляндіи дѣло обстоитъ иначе Въ тюрьмахъ тамъ царствуетъ *тяжелое узкое ханжество*. Все устроено такъ, чтобы заключенный постоянно *чувствовалъ, что онъ негодное, погибшее существо, находящееся подъ властью другихъ*. Служащіе въ нихъ преисполнены сознаніемъ громаднаго общественнаго значенія возложеннаго на нихъ дѣла и своего нравственнаго превосходства въ сравненіи съ заключенными. Ничего подобнаго, по словамъ Остроумовой, не замѣчается въ русскихъ чиновникахъ Поэтому заключенный въ русской тюрьмѣ арестантъ чувствуетъ себя лишеннымъ свободы, но не человѣческаго достоинства.

„Въ финляндскихъ тюрьмахъ заботятся о низменныхъ нуждахъ арестанта. Ему даютъ чистое платье и положенное количество пищи. Режимъ можетъ быть ослабленъ, но при условіи, что „поведеніе" похвально, а для этого необходимы: покорность, сознаніе своей вины, явное раскаяніе, но прежде всего нужно снискать благоволеніе начальника тюрьмы. Въ губернскихъ тюрьмахъ арестанты раздѣляются на 2 категоріи, а въ смирительныхъ домахъ на 4. Всякій вновь поступающій причисляется къ 1-ой категоріи и лишь по полученіи хорошей аттестаціи перечисляется въ слѣдующую, послѣ чего ему разрѣшаютъ улучшать, за собственный счетъ, пищу, чаще писать письма къ роднымъ и т. п. Аттестацію о поведеніи даетъ надсмотрщикъ, надзиратель за работами—о работахъ и учитель—о школьныхъ занятіяхъ. Въ школѣ проходятъ курсъ народной школы. Работа принудительная, и при распредѣленіи ея обращаютъ вниманіе, чѣмъ арестантъ занимался ранѣе или предполагаетъ заняться въ будущемъ.

„О прочихъ „удобствахъ" Остроумова разсказываетъ слѣдующее: утромъ намъ давали хлѣбъ и селедку или салаку и квасъ кислый, какъ уксусъ, почему многіе не могли его пить, предпочитая воду. Кромѣ того, 2 раза въ недѣлю намъ полагалось

*) См. „Nya Pressen", 1911 г., № 81.

по куску жира, сырого и притомъ слегка просоленнаго. „Я, разумѣется, не могла его ѣсть", говоритъ Остроумова.

„Въ обѣдъ давали горохъ, картофельный супъ или кашу со снятымъ молокомъ. Вечеромъ опять хлѣбъ, селедку и снятое молоко или квасъ съ патокой. Послѣдній былъ весьма невкусенъ и нѣсколько ложекъ его вызывали рвоту, почему я и избѣгала его". Осенью и молоко испортилось.

„Хлѣба давали довольно, такъ что, по словамъ Остроумовой, не возможно было съѣсть всю порцію, но вообще пища была такова, что нужно было имѣть здоровый желудокъ, чтобы переварить ее. Къ тому же она *не всегда была свѣжа*, и приходилось иногда отказываться отъ нея".

„Никакого пальто не полагалось: арестанты и зимой должны выходить на дворъ въ одномъ платьѣ. Однажды я продрогла до такой степени, что въ теченіе 2 часовъ не могла работать, пока, наконецъ, не отогрѣлась горячею пищею".

„*Въ камерѣ было очень свѣжо*. Изъ оконъ несло такъ, что распущенные волосы развѣвались. Отопленіе паровое, но тепло держалось не долго. Одѣяломъ служилъ кусокъ матеріи въ родѣ платка, ничего общаго съ одѣяломъ не имѣющій. И несмотря на то, что я спала не раздѣваясь, осенью всетаки не могла спать отъ холода. Однако меня увѣряли, что моя келья еще одна изъ самыхъ теплыхъ".

Таковъ отзывъ о финляндскихъ тюрьмахъ русской революціонерки.

Согласнымъ съ нимъ является сообщеніе, сдѣланное по тому же вопросу въ общемъ собраніи Финляндскаго Сейма, 28 февраля (12 марта) 1912 г., соціалъ-демократическимъ депутатомъ Маннеромъ.

Депутатъ находилъ, что тюремный режимъ обходится очень дорого странѣ: въ 1910 г. онъ стоилъ странѣ почти три съ половиною милліона марокъ, что составляетъ 2,40/0 всѣхъ ординарныхъ расходовъ Финляндіи. Далѣе, ссылаясь на статью одного священника въ „Uusi Suometar", онъ называлъ тюрьмы—университетами преступности и указывалъ на другія послѣдствія тюремнаго режима. Такъ, по мнѣнію Маннера, онѣ довольно значительно увеличиваютъ заболѣванія. „Мнѣ помнится, говорилъ этотъ депутатъ,—что въ прошломъ (1911) году *изъ одного только Гельсингфорсскаго исправительнаго заведенія было переведено 18 человѣкъ душевнобольныхъ* въ отдѣленіе для слабоумныхъ при Абоскомъ исправительномъ заведеніи. Такіе, кажущіеся сами по себѣ незначительными, случаи говорятъ всетаки довольно ужаснымъ языкомъ о тюремныхъ порядкахъ въ Финляндіи".

Переходя къ тюремному быту г. Маннеръ говорилъ:

„Посмотримъ, напримѣръ, на содержаніе стола заключенныхъ. Изъ всѣхъ расходовъ нашихъ тюремъ содержаніе стола поглотило пятую часть. Уставы тюремъ опредѣляютъ, чтобы пища въ тюрьмахъ была питательной, здоровой и чистой. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Я здѣсь совершенно не хочу касаться того обстоятельства, необходимо-ли исправить пищевой порядокъ, опредѣленный современными уставами и властями, я хочу лишь спросить, исполняютъ ли тѣ ничтожныя требованія, тѣ маленькія требованія, которыя въ этомъ отношеніи установили для себя власть имущіе?" Далѣе депутатъ, ссылаясь на личный опытъ значительнаго числа депутатовъ-соціалистовъ, утверждалъ, что салака и хлѣбъ являются главнымъ питаніемъ заключенныхъ. „Не могу сказать, чтобы и съ ихъ помощью нельзя было бы просуществовать. Безусловно обходятся и одной *салакой* и даже выходятъ изъ тюремъ при такомъ питаніи. Но эта салака и хлѣбъ тамъ частенько бываютъ такими, что они не заслуживаютъ названія здоровой, питательной и чистой пищи. Свѣжая, хорошая салака безусловно хороша тогда, когда человѣкъ голоденъ, но салака, которая желтоволотистаго цвѣта, прогорклая, мясо съ которой сходитъ, какъ только ее тронешь за хвостъ, такая салака, дорогіе господа, едва-ли будетъ здоровой, а также, по моему, питательной,—не отвѣчаетъ она и требованіямъ гигіены, если ее поднести къ носу. Такую салаку довольно часто преподносятъ въ финляндскихъ тюрьмахъ. Если сдѣлать объ этомъ напоминаніе тюремному начальству, то, въ большинствѣ случаевъ, *если заключенный отбываетъ наказаніе не за оскорбленіе Величества*, *) получается въ отвѣтъ пожатіе плечъ и замѣчаніе: держи пасть закрытой".

„Ну, а затѣмъ *хлѣбъ*? По крайней мѣрѣ, въ губернскихъ тюрьмахъ хлѣбъ оказывался въ большинствѣ случаевъ плохо приготовленнымъ". Г. Маннеръ объясняетъ это тѣмъ, что печеніе хлѣба въ этихъ тюрьмахъ поручается арестантамъ, никогда не пекшимъ хлѣбы, а потому не имѣющимъ опыта.

„Къ этой „здоровой, питательной и чистой пищѣ" тюремъ относятся также и нѣсколько граммовъ *мяса* въ день. Уставы и столовый рецептъ тюремъ опредѣляютъ,

*) Намекъ на революціонное настроеніе тюремной администраціи, принадлежащей въ большинствѣ случаевъ къ шведоманскому кагалу. Прим. сост.

что каждый заключенный долженъ получать въ день опредѣленную порцію мясной пищи, но часто случается, что въ чашкѣ между картофелемъ и крупой не видно бываетъ мяса даже съ ноготокъ.

„Такіе непорядки проистекаютъ изъ того, что тюремное начальство не въ достаточной степени блюдетъ за дѣломъ; не исполняетъ своихъ обязанностей, которыя на немъ лежатъ по уставу и по долгу службы

Далѣе депутатъ Маннеръ говорилъ о царствующей въ тюрьмахъ *чистотѣ*.

„Многіе люди, вѣроятно, сами по себѣ любятъ чистоту, поскольку это возможно. Но въ тюрьмахъ опредѣленіе устава, касающееся чистоты и составленное спеціально для руководства заключенныхъ, очень часто нарушается, когда вопросъ относится къ служащимъ. Очень нерѣдко, а въ губернскихъ тюрьмахъ Финляндіи обыкновенно, обѣденныя чашки безъ крышекъ приносятся за часъ или три четверти часа до начала обѣда и ставятся передъ каждой камерой на полъ, гдѣ онѣ и оставляются до наступленія обѣденнаго времени. По корридорамъ взадъ и впередъ ходятъ находящіеся на работахъ заключенные. Проходятъ тамъ и надзиратели. Каждый пойметъ, какъ измѣнится внутренность чашки послѣ того, какъ передъ ними толкались люди, напр., надзиратели, которые въ тѣхъ же грязныхъ сапогахъ лазаютъ по разнымъ мѣстамъ Во время обѣда изъ за цвѣта пищи не легко бываетъ замѣтить, что тамъ плаваетъ пыль и мусоръ, но тотъ счастливецъ, которому удалось съ помощью врача получить молоко, имѣетъ возможность замѣтить, когда это молоко простояло 45 минутъ за дверью камеры, что поверхность его покрыта слоемъ пыли и грязи Такое кушанье затѣмъ заключенный долженъ глотать, не считаясь съ тѣмъ, есть ли въ блюдѣ туберкулезныя бациллы или что нибудь другое одинаково не полезное.

„Къ чистотѣ въ тюрьмахъ слѣдуетъ отнести также и *банный порядокъ*. Культурные люди, привыкшіе разъ въ недѣлю мыться въ банѣ, а послѣ мытья обсушивать тѣло, могутъ требовать также и въ тюрьмахъ послученія хотя бы маленькой тряпки, которой можно было бы обтереть кожу, послѣ того, какъ побывали подъ дождемъ или въ ваннѣ Но въ тюрьмахъ такой роскоши не предлагаютъ. У меня товарищемъ по камерѣ былъ нѣкій младофинскій господинъ, который разсказывалъ, что, когда онъ въ первый разъ пошелъ въ баню и, вымывшись, спросилъ полотенце, то надзиратель довольно лаконически отвѣтилъ ему: „у насъ нѣтъ обыкновенія давать полотенца, у насъ принято вытирать тѣло грязнымъ бѣльемъ“. Господинъ этотъ былъ страшно недоволенъ; да я понимаю, что была и причина недовольства. Былъ недоволенъ и я. Этотъ примѣръ не такъ уже значителенъ, но и онъ доказываетъ, какъ въ тюрьмахъ понимается чистота и опрятность

„Какъ второй примѣръ тюремной чистоты могу указать, что арестантъ, который попалъ въ особую камеру, лишается правъ, пока сидитъ въ этой камерѣ, мыться и мести полъ, и долженъ оставаться въ грязи и нечистотахъ, какъ свинья въ хлѣву. А на стѣнахъ каждой тюремной камеры красуются правила, согласно которымъ заключеннымъ вмѣняется въ обязанность соблюдать чистоту и опрятность, даже настолько, что, если замѣтятъ блоху или клопа въ кровати, должны заявить объ этомъ надзирателю.

„Попутно слѣдуетъ упомянуть и то, что *одѣяла*, которыя даются заключеннымъ, довольно рѣдко стираются. Одѣяла переходятъ отъ одного заключеннаго къ слѣдующему. Какъ мнѣ извѣстно, едва-ли одѣяла моются хоть разъ въ годъ. Каждый человѣкъ понимаетъ, что употребленіе того же самаго одѣяла нѣсколькими людьми можетъ принести съ собой серьезныя опасности для здоровья.

„*Мытье посуды* производится также весьма неудовлетворительно. Совсѣмъ не рѣдкость, что въ обѣденной чашкѣ или чашкѣ для молока остаются слѣды прежняго употребленія, подсохшія крупинки каши или размазни. Однажды мнѣ принесли ложку, ручка которой сплошь была покрыта подсохшимъ мыломъ.

„Этихъ немногихъ примѣровъ, по мнѣнію г. Маннера, достаточно, чтобы указать, что тюремный порядокъ въ Финляндіи, который обходится почти въ $3^1/_2$ милл. марокъ, не настолько хорошъ, какъ объ этомъ говорятъ, и что онъ даже не таковъ, какъ долженъ быть, согласно современнымъ уставамъ и находящимся въ силѣ опредѣленіямъ. Все это, главнымъ образомъ, вытекаетъ и зависитъ отъ царящаго въ тюрьмахъ произвола“...

„Общеизвѣстный фактъ, писала газета „Työmies“ (1911 г., № 48), *что заключенному въ финляндскую тюрьму лицу постоянно грозитъ опасность подвергаться оскорбленіямъ словами и дѣйствіями со стороны тюремныхъ властей*“.

Такимъ образомъ, въ финляндскихъ тюрьмахъ далеко не все благополучно: пища нерѣдко недоброкачественна, чистота весьма сомнительная, помѣщенія холодныя, режимъ суровъ и оскорбителенъ для арестантовъ, результатомъ чего являются нерѣдкіе случаи сумасшествія среди заключенныхъ.

Глава пятая.—Общественная жизнь.

1. Печать.

Общественная жизнь въ Финляндіи характеризуется сильнымъ развитіемъ партійности *); а слѣдствіемъ этого является чрезвычайно *большое количество* издаваемыхъ *газетъ и журналовъ*. Согласно приведеннымъ въ „Статистическомъ Ежегодникѣ Финляндіи“ за 1911 годъ (стр. 548) даннымъ, въ 1910 г. въ Финляндіи, по пространству и населенію соотвѣтствующей одной русской губерніи, издавалось 380 періодическихъ печатныхъ произведеній, изъ нихъ 106 на шведскомъ языкѣ, 262 на финскомъ, 6 на финскомъ и шведскомъ, 2 на русскомъ, 3 на нѣмецкомъ и 1 на англійскомъ языкѣ.

Столь большое число періодическихъ изданій на первый взглядъ поразительно.

„Русскій, пріѣхавшій въ Финляндію и немного осмотрѣвшійся въ окружающей обстановкѣ, читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1911 г., № 101), будетъ нѣсколько удивленъ множеству газетъ, издающихся въ краѣ. Въ Гельсингфорсѣ, напр., каждая политическая партія издаетъ свою ежедневную газету, а нѣкоторыя партіи даже по двѣ: и утреннюю, и вечернюю. Если къ этимъ газетамъ прибавить еще юмористическіе листки, то вы увидите, что четыре партіи, шведская, старофинская, младофинская и соціалистическая, издаютъ въ Гельсингфорсѣ 9 газетъ. И по другимъ городамъ Финляндіи каждая политическая партія старается издавать свою газету; какъ бы малъ городъ ни былъ, а въ немъ непремѣнно издается двѣ буржуазныхъ газеты и одна соціалистическая.

„Мало знакомый съ условіями мѣстной жизни пріѣзжій легко можетъ сдѣлать тотъ выводъ, что обиліе газетъ въ Финляндіи есть слѣдствіе потребности въ нихъ населенія, что, въ свою очередь, можетъ говорить лишь о культурности финляндцевъ. Однако, съ такими выводами не нужно спѣшить; особенно скороспѣлымъ будетъ выводъ, будто обиліе газетъ въ Финляндіи есть слѣдствіе потребности въ нихъ населенія. Прежде чѣмъ утверждать это, необходимо внимательно присмотрѣться къ тѣмъ явленіямъ, которыя порождаютъ обиліе газетъ въ краѣ и которыя коренятся не въ потребностяхъ населенія въ газетѣ. Присматриваясь къ этимъ явленіямъ, вы увидите, что въ газетахъ нуждается не населеніе, *а руководители партій*; не населеніе просятъ себѣ газетъ, а руководители партій навязываютъ населенію каждый свою газету, чтобы этимъ путемъ, съ одной

*) Вотъ, что, по поводу убійства президента Абоскаго Гофгерихта Хирвиканта, писала о развитіи партійности въ Финляндіи старофинская „Uusi Suometar“ (см. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 139): „Даже коровы шведскихъ и финскихъ мѣстностей, мало того, даже сами салаки Финскаго залива и тѣ распредѣлены шведами по особымъ партіямъ. Стоитъ спросить любого ученика перваго класса народной школы, принадлежитъ ли онъ къ какой-нибудь партіи, и можно быть увѣреннымъ, что получишь сознательный утвердительный отвѣтъ“.

стороны, пріобрѣсти, если можно, лишняго сторонника для своей партіи, съ другой — имѣть возможность хвастнуть, что ихъ газета самая распространенная въ краѣ.

„При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что большая часть газетъ въ Финляндіи существуетъ не за счетъ подписчиковъ и газетныхъ объявленій, а исключительно на средства руководителей партій, даромъ разсылающихъ свои газеты городскихъ и сельскимъ обывателямъ. Въ самой мѣстной печати вы нерѣдко можете натолкнуться на замѣтки въ родѣ слѣдующей: „Наши младофинны очень падки до обвиненій старофинновъ въ даровой разсылкѣ газетъ! Ну, а что они скажутъ, если сами разсылаютъ свои газеты, не требуя даже спасиба за нихъ?" („Raja-Karjala", 1911 г., № 43). Разсылая газеты даромъ, издатели часто по ошибкѣ адресуютъ свои газеты и лицамъ, близко стоящимъ къ редакціи газеты другого лагеря, и отсюда нерѣдки и такія сообщенія: „Я, нижеподписавшійся, — одинъ изъ тѣхъ многихъ лицъ въ Гельсингфорсѣ, а возможно что и въ другихъ мѣстахъ, которыя безъ подписки и причитающейся по ней платы осчастливлены ежедневнымъ полученіемъ на домъ газеты „Suomalainen Kansa", читаемъ въ младофинской „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 24). А газета „Työmies" спѣшитъ добавить къ этому сообщенію, что помянутая старофинская газета „даромъ высылается изъ Гельсингфорса во многіе приходы средней Финляндіи".

„Руководители партій, не жалѣя денегъ на расходы по изданію своихъ газетъ, не скупятся въ то же время и на преміи своимъ агентамъ, чтобы поощрить ихъ въ дѣлѣ распространенія газетъ (см. „Helsingin Sanomat", 1910 г., № 290). Соціалистическая газетка „Savon Työmies" (1911г., № 4) такъ посмѣивалась надъ стремленіемъ буржуазныхъ издателей распространять свои газеты: „Повидимому, *у насъ скоро газеты будутъ платить деньги своимъ подписчикамъ*. Тѣ условія, на которыхъ годами уже разсылаются здѣсь газеты, очень выгодны для подписчиковъ. Напр., въ Туснiамскій приходъ газеты высылаются за подписную плату въ *10 пенни* (*т. е. 4 копѣйки*) *за годъ*. Это одно уже—выгодное дѣло: за годъ одной газетной бумаги наберется до 5 килограммовъ, которую сельскіе торговцы покупаютъ на обертку по 20 пенни за килограммъ".

„Случается, конечно, у финляндскихъ издателей иногда и крахъ, и тогда приходится обратиться къ подписчику со слезнымъ воззваніемъ о помощи. „У насъ было принято разсылать болѣе виднымъ лицамъ, дѣятелямъ, учрежденіямъ, конторамъ и т. д. даромъ по экземпляру нашей газеты. Такъ какъ почтовые расходы, содержаніе типографіи потребовали отъ насъ большихъ денегъ, то мы рѣшили почтительнѣйше просить всѣхъ, кто будетъ въ состояніи, заплатить за этотъ годъ по двѣ марки, которыя благоволите почтовымъ переводомъ выслать намъ въ текущемъ мѣсяцѣ. Контора газеты „Parikkalan Sanomat".

„Соціалистическія газеты въ Финляндіи издаются на средства рабочихъ обществъ. Послѣднія не всегда, однако, соглашаются жертвовать деньги на газеты Такъ, недавно, одно изъ рабочихъ обществъ предъявило искъ къ газетѣ „Sorretun Voima", требуя отъ нея уплаты выданныхъ ей 500 марокъ. А такъ какъ газета не могла ихъ уплатить, то рабочее общество постановило объявить ее несостоятельнымъ должникомъ и пустить имущество ея въ продажу съ молотка („Kansan Tahto", 1911 г., № 70). Не имѣя средствъ на преміи своимъ агентамъ, соціалистическія газеты предлагаютъ имъ удерживать себѣ за трудъ по распространенію газеты пятую часть изъ собранныхъ агентомъ подписныхъ денегъ. Въ концѣ года, обыкновенно, газеты настойчиво требуютъ отъ своихъ агентовъ высылки имъ подписныхъ денегъ, но агенты бываютъ не очень-то аккуратны въ исполненіи такихъ требованій, какъ на то жалуются сами же газеты. И, тѣмъ не менѣе, строгихъ мѣръ противъ агентовъ, не доставляющихъ подписныхъ денегъ, предпринимать не будешь: никто не будетъ тогда распространять газетъ среди населенія данной мѣстностей, и газета останется безъ подписчиковъ".

При такихъ обстоятельствахъ понятна *погоня* финляндскихъ газетъ *за подписчиками*. Передъ подписными сроками въ нихъ появляются самыя беззастѣнчивыя рекламы и воззванія, уподобляющія редакціи газетъ рыночнымъ торговцамъ, зазывающимъ покупателей. Не удерживаются отъ этого и такія серьезныя газеты, какой считаетъ, напримѣръ, себя „Karjala".

Такъ, по поводу окончанія первой четверти года, напечатавъ, въ № отъ 14 (27) марта 1912 г., огромными буквами, что она достигла тиража въ 10.000 экз., газета эта крупнымъ шрифтомъ помѣщала статью въ цѣлый столбецъ, въ которой обращалась къ своимъ агентамъ, а также и къ читателямъ съ воззваніемъ

„Первая четверть года приходитъ къ концу, писала она, между прочимъ. Теперь должны выписать „Karjala" и тѣ, кто до сихъ поръ пренебрегалъ этимъ. Кромѣ всего, и Сеймъ теперь въ сборѣ, и это одно должно принудить каждаго гражданина болѣе внимательно слѣдить за событіями. Ударимъ, стало-быть, по рукамъ, сотнями насчитывающіеся агенты „Karjala", и пронесемся нѣсколько верстъ съ одного мѣста на другое. Двѣ-три подписки на человѣка и довольно."

Въ такомъ же родѣ находимъ воззваніе въ соціалистическомъ „Sosialisti" (отъ того же числа):

„Черезъ нѣсколько дней оканчивается первая четверть во многихъ отношеніяхъ богатаго событіями, борьбой, ежедневными угрозами и безпорядками года.

„Каждый, конечно, привыкъ къ своей газетѣ и ни за что отъ нея не откажется. Если подписался только на четверть года, то, безъ сомнѣнія, возобновитъ подписку. Но этого еще мало. Необходимо при перемѣнѣ четверти года заставить получать газету и тѣхъ товарищей-рабочихъ, которые безъ газеты бредутъ во тьмѣ неосвѣдомленности или читаютъ господскія газеты и наполняютъ себя невѣрными, вредными для нихъ свѣдѣніями.

„Читатели „Sosialisti"! Въ то время, когда вы теперь при перемѣнѣ четверти года возобновите подписку, подыщите также и новыхъ подписчиковъ и постарайтесь отвлечь рабочихъ отъ опасныхъ, вредныхъ господскихъ газетъ"

Такой некрасивый способъ саморекламированія достаточно доказываетъ, что мѣстныя газеты сильно страдаютъ отъ недостатка читателей.

Небезынтересно также, что многія газеты въ Финляндіи представляютъ изъ себя *органы отдѣльныхъ лицъ*, которыя и проводятъ въ нихъ свою личную политику. На это отрицательное явленіе финляндской общественной жизни обращала вниманіе шведоманская „Tammerfors Nyheter" (1911 г., № 112) въ статьѣ „Одно пожеланіе касательно нашей газетной прессы". Газета указывала на огромное въ современной жизни значеніе ежедневной политической газеты, которая создаетъ общественное мнѣніе и тѣмъ принимаетъ на себя отвѣтственность передъ страной.

Газета находила совершенно *невыносимыми условія, въ которыя часто поставлена въ этомъ отношеніи газетная пресса въ финляндскихъ небольшихъ городахъ*. „Есть, по словамъ газеты, города, гдѣ единственная мѣстная газета *проводитъ буквально семейную политику*. Редакторъ, который, напримѣръ, осмѣлился бы, въ вопросѣ о выборахъ какого нибудь общиннаго должностнаго лица, выступить противъ личнаго желанія владѣльца газеты, не усидѣлъ бы долго на своемъ посту. Имѣются города, гдѣ *одно лицо съ помощью единственной газеты вполнѣ повелѣваетъ ходомъ общинной жизни*. Очевидно, къ какимъ невыносимымъ послѣдствіямъ можетъ привести подобный порядокъ вещей".

Поэтому шведоманская газета высказывала пожеланіе, чтобы владѣльцы и редакторы газетъ обращали вниманіе на тѣ высокія обязанности и отвѣтственность, которыя они несутъ въ качествѣ работниковъ печатнаго слова.

Подобныя пожеланія, высказанныя въ *шведоманскомъ* органѣ очень знаменательны. Очевидно, служеніе финляндской печати личнымъ интересамъ получило сильное развитіе, если „Tammerfors Nyheter" выступилъ съ подобными обвиненіями. Какую же тогда цѣну имѣютъ выступленія

финляндскихъ газетъ отъ имени страны, если эти газеты, въ большинствѣ случаевъ, служатъ интересамъ одного лица, которое за недостаткомъ подписчиковъ, даетъ средства на изданія газеты, но за то, конечно, и требуетъ соблюденія собственныхъ выгодъ?

---

2. Общественное самоуправленіе и городское благоустройство.

Городское и сельское общинное самоуправленіе въ Финляндіи было организовано въ царствованіе императора Александра II первое закономъ 8 декабря 1873 г., а второе—6 февраля 1865 г. Впослѣдствіи сельское общинное управленіе было преобразовано закономъ 15 іюня 1898 г., замѣнившимъ законъ 1865 г.

Организація какъ городского, такъ и сельскаго общиннаго управленія построена на одинаковыхъ основаніяхъ, а именно на имущественномъ цензѣ. Правомъ голоса на общинныхъ собраніяхъ пользуются всѣ финляндскіе граждане безъ различія пола, причемъ въ сельскихъ общинахъ каждая единица оброка считается соотвѣтствующею одному голосу, такъ что одно лицо можетъ имѣть по нѣскольку голосовъ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что „никому не дозволяется ни отъ себя, ни за другихъ подавать голоса въ количествѣ болѣе $^1/_{15}$ всего числа голосовъ, участвующихъ въ голосованіи". Въ городахъ—двѣ оброчныя единицы (отъ 200 до 400 марокъ каждая, въ зависимости отъ городовъ) даютъ одинъ голосъ, три—два голоса, затѣмъ каждая, сверхъ трехъ, единица даетъ по одному голосу, до 25. „Никому, однако, не дозволяется подавать въ общемъ ратушномъ собраніи голоса въ количествѣ болѣе $^1/_{50}$ всего числа голосовъ общины по голосовому списку".

При такомъ порядкѣ могутъ быть, и на практикѣ часто бываютъ, случаи, когда рѣшенія постановляются согласно желанію меньшинства членовъ, которые въ то же время имѣютъ высшій имущественный цензъ.

Газета „Россія" (1909 г., № 1037), для характеристики порядковъ финляндскихъ городскихъ выборовъ приводила слѣдующіе примѣры: „Wiborgs Nyheter", отъ 15 апрѣля и ст., сообщаетъ, что для избранія городскихъ гласныхъ усиленнаго состава въ Выборгѣ (для разрѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ—о займахъ, объ отчужденіи городской недвижимости и пр.) явился только *одинъ избиратель*. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Гельсингфорсѣ 24 гласныхъ усиленнаго состава были избраны всего *двумя десятками избирателей*, имѣвшихъ немного болѣе 400 голосовъ. Прошелъ полностью списокъ кандидатовъ шведской партіи. Въ этомъ въ сущности и разгадка. Избиратели прочихъ партій находили излишнимъ трудиться итти на выборы, зная, что непремѣнно останутся въ меньшинствѣ; избиратели господствующей въ городѣ партіи тоже не желали усердствовать, зная, что конкуренціи все равно не будетъ. Вотъ, если бы противники явились, телефонъ и другіе способы призыва собрали бы своевременно необходимое для побѣды число шведскихъ голосовъ. И въ результатѣ Гельсингфорсъ, городъ съ 130.000 жителей, получаетъ гласныхъ для рѣшенія важнѣйшихъ своихъ дѣлъ изъ рукъ двухъ десятковъ случайныхъ избирателей. Въ Выборгѣ, очевидно, всѣ, кромѣ одного, понадѣялись на другихъ, и выборы не состоялись; но если бы явились еще два-три человѣчка, выборы были бы признаны состоявшимися, ибо *финляндскій законъ не знаетъ никакого минимума явившихся избирателей*, обычай же не находитъ нужнымъ идти дальше закона".

Благодаря несовершеннымъ законамъ о выборахъ, бразды городского управленія въ Гельсингфорсѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, находятся всецѣло въ рукахъ шведовъ, несмотря на то, что большая часть жителей города—финны.

Отмѣчая это обстоятельство, „Uusi Suometar" (1911 г., № 138) писала: „Намъ, финнамъ, остается только смотрѣть на это управленіе, платить за него дважды въ годъ деньги и... читать въ газетахъ о *результатахъ этого шведскаго хозяйничанья*".

Далѣе газета описывала скандалъ, происшедшій при постройкѣ новой городской богадѣльни.

Бетонныя работы по устройству половъ и потолковъ въ этомъ зданіи были сданы товариществу „Бетонъ", причемъ велись такъ небрежно, что, когда постройка была закончена, всѣ исполненныя названнымъ товариществомъ работы оказались никуда негодными, такъ какъ сдѣланы были изъ недоброкачественнаго цемента.

„Во всѣхъ бетонныхъ постройкахъ появились угрожающія обваломъ трещины. Обнаружено и много другихъ дефектовъ" („Uusi Suometar" 1911 г., № 257).

„Обстоятельствомъ, повліявшимъ на это прискорбное бетонное дѣло, по словамъ другой газеты, „Helsingin Sanomat" *), надо признать то, что чертежи зданія богадѣльни были исполнены частнымъ архитекторомъ, а выполненіе работъ, надзоръ за ними и руководство поручены городскому архитектору и его помощнику, которые именно тогда завалены были работою.

„Городскія власти отдали желѣзо-бетонныя работы товариществу „Бетонъ" съ удивительнымъ, прямо непонятнымъ довѣріемъ къ профессіональному искусству и благонадежности товарищества, поставленнаго внѣ конкурренціи. Не было заключено никакого договора, никакой программы и постановленій для выполненія работъ. Въ теченіе работъ первоначальная строительная программа расширилась. Новыя потребовавшіяся бетонныя работы безъ всякаго конкурса были поручены *по словесному договору* тому же товариществу.

„Надъ работами товарищества не было надзора,—строительный инспекторъ считалъ, что надзоръ принадлежитъ городскому архитектору, а этотъ довѣрялъ подрядчику товарищества—результатъ извѣстенъ. Еще во время производства работъ замѣчались недочеты, какъ по выполненію работъ, такъ и по матеріалу. Но только послѣ того, какъ *крыша начала проваливаться*, городское управленіе энергично вмѣшалось. Бетонныя работы, *стоившія 150.000 марокъ*, должны производиться сызнова, но кромѣ того выштукатуренныя стѣны, потолки, полы, проведенныя трубы для отопленія и водопровода, оконныя и дверныя рамы—все повреждено". „Helsingin Sanomat" говоритъ, что не знаетъ экономическаго положенія товарищества „Бетонъ", но возможно, что оно не выдержитъ потерь. „*Городу тогда придется за свой счетъ передѣлывать работы*, за которыя товариществу уже получило большую часть уговоренной платы. Слѣдуетъ отмѣтить, что *уплата произведена до признанія работы выполненною хорошо*".

Хорошимъ объясненіемъ этой своего рода „панамы" являются разоблаченія, сдѣланныя въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 262), относительно архитектора М. Г., занимавшаго должность инспектора городскихъ построекъ.

„Оказывается, что 11 октября 1909 года между акціонернымъ обществомъ „Бетонъ" и архитекторомъ Г. заключено письменное соглашеніе, съ силу котораго г. Г., уже въ то время состоявшій инспекторомъ городскихъ построекъ, принялъ на себя обязательство, *въ качествѣ представителя названнаго общества*, подыскивать ему работы подъ условіемъ, что акціонерное общество „Бетонъ" за всѣ работы, полученныя при посредничествѣ г. Г., будетъ платить послѣднему коммисіонныхъ *2 процента съ общей суммы подряда*. Договоръ подписанъ обѣими сторонами и надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованъ. Архитекторъ Г. дѣйствовалъ, конечно, согласно договора, иначе онъ не получалъ бы отъ общества „Бетонъ" вознагражденія. Какъ усматривается изъ расписки, выданной г. Г. означенному обществу, въ августѣ текущаго года онъ получилъ отъ общества 800 мар. коммисіонныхъ.

„При такомъ положеніи вещей, говоритъ „Työmies", не трудно сообразить, интересы ли города или акціонернаго общества „Бетонъ" являлись для г. Г. опредѣляющими. Между тѣмъ, работы названнаго общества, къ услугамъ коего городъ, надо полагать, прибѣгалъ именно благодаря посредничеству г. Г., оказываются никуда негодными. „А весьма важная должность инспектора городскихъ построекъ, конечно, попрежнему сохраняется за г. Г."

По словамъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 138), возмущавшейся отсутствіемъ надзора за производствомъ постройки, шведоманская печать, въ лицѣ „Nya Pressen", находила это вполнѣ естественнымъ. Именно, эта послѣдняя газета заявляла, что устройство этихъ половъ и потолковъ было сдано городомъ обществу „Бетонъ" въ полной увѣренности въ добросовѣстномъ ихъ исполненіи. Надзирателю за работами, по словамъ той же газеты, не было никакой возможности изслѣдовать доброкачественность цемента, потому-де, что для выраженія сомнѣнія въ этой недоброкачественности необходимы были какія-либо данныя. „Отлично сказано, говоритъ „Uusi Suometar". Надзиратель за работами вдругъ не имѣетъ права сомнѣваться въ доброкачественности употребляемаго для работъ матеріала. Вѣдь онъ для того и приставленъ къ работамъ, чтобы, оставляя въ сторонѣ всякія „надежды", фактически убѣждаться въ доброкачественности матеріала".

Вообще, повидимому, гельсингфорсскіе отцы города довольно халатно относятся къ своимъ обязанностямъ.

Соціалистическая газета „Työmies" (1911 г., № 174) со свойственною

---

*) Цитируемъ по „Abo Underrättelser" 1911 г., № 315.

этимъ газетамъ рѣзкостью, слѣдующимъ образомъ описываетъ несостоявшееся собраніе гельсингфорсскихъ гласныхъ.

„Собралось нѣсколько „толстопузыхъ". Сперва полчаса позѣвали. Затѣмъ сосчитали свое стадо и нашли его очень малочисленнымъ. Большая часть отцовъ осталась на своихъ прекрасныхъ дачахъ наслаждаться красотами лѣтней природы. „Собраніе не можетъ состояться", заявилъ предсѣдатель. Отцы, услышавъ эту радостную вѣсть, довольные покинули собраніе. Пусть дѣла рѣшаются сами собою, очевидно, думаютъ гласные. Тѣмъ болѣе такія ничтожныя дѣла, какъ тѣ, которыя должны были обсуждаться на послѣднемъ собраніи. Среди всѣхъ этихъ дѣлъ, видите ли, не было ни одного дѣла о милліонномъ пожертвованіи Синебрюхову*), или какому либо другому капиталисту. Конечно, если бы на очереди стояло такое дѣло, то отцы, безъ всякаго сомнѣнія, оставили бы свое лѣтнее наслажденіе и въ полномъ составѣ явились бы засвидѣтельствовать свою щедрость".

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что и соціалисты **), завоевавшіе мѣста въ нѣкоторыхъ общинныхъ управленіяхъ, оказываются далеко не на высотѣ призванія

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія исторія управленія дѣлами гор. Котки, когда этотъ городъ оказался въ рукахъ соціалистическаго большинства. Она была подробно описана въ нѣсколькихъ нумерахъ газеты „Hufvudstadsbladet" (1908 г., №№ 151, 153 и 168), которая командировала въ Котку спеціальнаго сотрудника для ознакомленія съ дѣломъ.

Слѣдуетъ сказать, что гор. Котка, основанный всего лѣтъ 30 назадъ, представляетъ изъ себя быстро ростущій торговый портъ, производящій значительный отпускъ лѣса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ городѣ развивается лѣсопильное и целлулозное производство. Все это вызываетъ необходимость въ разнаго рода городскихъ сооруженіяхъ для портовыхъ надобностей и городского благоустройства, что, конечно, значительно осложняетъ городское хозяйство небольшого, сравнительно, города (около 10.000 жителей). Между тѣмъ, съ 1907 года управленіе городскими дѣлами перешло въ руки соціалистовъ, такъ какъ изъ числа 21 гласнаго большинство (14) были соціалисты (6 младофинновъ и 1 шведоманъ).

„Hufvudstadsbladet", описывая городское общинное управленіе города Котки, имѣла въ виду „дать отвѣтъ на вопросъ, какъ дѣйствуетъ соціалистическое общинное управленіе на практикѣ вообще". Признавая, что время для наблюденія было сравнительно короткое и что въ распоряженіи соціалистовъ города Котка не было надлежащаго капитала для проведенія соціальныхъ реформъ, газета полагала, что описаніе дѣйствія соціалистовъ въ Коткѣ „должно дать нѣкоторое представленіе о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ передача общиннаго хозяйства въ руки ткачей, токарей и каменьщиковъ. Эти, и еще нѣкоторыя ремесла, представлены городскими гласными Котки, предсѣдателемъ которыхъ состоитъ учитель народной школы, а вице-предсѣдателемъ факторъ типографіи".

Прежде всего неудачнымъ оказалось выступленіе соціалистическаго общиннаго управленія въ вопросѣ о займѣ Несмотря на благопріятное, въ сущности, финансовое положеніе городского хозяйства Котки (цѣнность городскаго имущества, по оффиціальной статистикѣ 1905 года, опредѣлялась въ 1.952.013 мар., при суммѣ долговъ 747.502 мар.), *городскому управленію не удалось устроить заемъ въ 1.000.000 мар. на портовыя работы* ***), постройку новаго дома для народныхъ школъ, новыя жилища для рабочихъ, дѣтскій пріютъ и т. д.

Далѣе, гласные рѣшились „соблюдать величайшую осторожность при составленіи бюджета". Но, при этомъ, одни расходы опредѣляли крайне щедро, воздвигая, напримѣръ, „дворецъ для народныхъ школъ", другія же самыя необходимыя статьи вычеркивали или до крайности сокращали. Въ «Hufvudstadsbladet» приводились такіе примѣры.

Благоустройство улицъ въ новыхъ частяхъ быстро растущаго города до крайности необходимо. Въ новой части города, Ховинсари, выросшей въ послѣдніе два-три года, и насчитывающей до двухъ тысячъ жителей, „настроены изящные деревянные дома, но нѣтъ ни одной улицы, по которой возможно было бы какое нибудь движеніе Грунтовая дорога хуже, чѣмъ въ любой самой маленькой деревушкѣ: по ней

*) Несмотря на русскую фамилію—ярый шведоманъ. Прим. сост.

**) По сообщенію газеты „Työmies" (1910 г., № 163), Финляндія *по развитію соціализма занимаетъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ странъ* Финляндія въ 1910 году дала соціалистовъ-депутатовъ 43% всего состава Сейма, Швеція и Данія выслали ихъ въ количествѣ 21% всего состава своихъ депутатовъ. Бельгія—20%, Австрія—17%, Франція и Германія—по 12%, Норвегія—9%, Италія и Голландія по—8%, Англія—6%, Швейцарія—4% и Испанія 1/4%

***) Въ 1913 г. вопросъ о казенной субсидіи гор. Коткѣ на портовыя работы разсматривался въ Совѣтѣ Министровъ, который дальнѣйшее расширеніе порта призналъ, по стратегическимъ соображеніямъ, нежелательнымъ (см. „Новое Время" 1913 г., № 13.300

съ трудомъ можно проѣхать на телѣгѣ, да и то въ благопріятное время года". Новыя улицы „покамѣсть представляются въ видѣ грядъ камней, по которымъ можно лишь съ трудомъ пробираться пѣшкомъ. Чтобы кое-какъ привести эти улицы въ порядокъ, а также для содержанія новыхъ, намѣченныхъ въ городѣ, улицъ городской инженеръ опредѣлилъ ничтожную сумму въ 153.530 мар. Городскіе гласные утвердили только 28.630 мар.".

На устройство самыхъ необходимыхъ стоковъ городской инженеръ предложилъ ассигновать 50.835 мар.; гласные утвердили только 9.890 мар.

Сумму, ассигнованную на ремонтъ полицейской камеры, гласные понизили съ 2.880 м. до 500 м. Между тѣмъ непріятность, грозящая полицейской камерѣ, заключается только въ томъ, что цѣлый потолокъ собирается рухнуть.

„Гораздо менѣе юмористична", по словамъ „Hufvudstadsbladet", слѣдующая бюджетная исторія: „Умалишенныхъ, находящихся въ городскомъ пріютѣ для душевнобольныхъ. приходится держать на запорѣ, такъ какъ пріютъ не имѣетъ огороженнаго мѣста для прогулокъ больныхъ. Для устраненія этого недостатка въ смѣтѣ строительной конторы испрашивалось ежегодное ассигнованіе въ размѣрѣ 2000 мар Предложеніе было вычеркнуто...

„Казначейская камера предложила пріобрѣсти для надобностей городской бойни электрическій насосъ въ 700 мар. Гласные завели переписку съ камерой, требуя дать сравнительную смѣту съ указаніемъ цѣнъ различныхъ насосовъ. Благодаря неважному секретарю изъ соціалистовъ дѣло тянулось болѣе полугода. За это время городъ переплатилъ за доставку воды на бойню ручнымъ способомъ сумму, много превышавшую стоимость насоса. Въ концѣ концовъ, гласные нашли, что первое предложеніе казначейской камеры самое выгодное и утвердили эту сумму".

Отмѣтивъ еще, что, благодаря своеобразной бережливости, городская больница въ Коткѣ осталась безъ ночной сидѣлки и что „подобныхъ мелочей, доказывающихъ недостатокъ опыта, можно было бы привести массу", газета приводила еще нѣсколько вопросовъ объ ассигновкахъ общественнаго значенія для характеристики легкомысленнаго отношенія соціалистическаго большинства къ городскимъ дѣламъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гор. Котка пользовался казенной землечерпательной машиной для углубленія гавани. И на 1907 годъ гласные получили разрѣшеніе воспользоваться машиной для углубленія фарватера, но ничего не ассигновали на работы, несмотря на неоднократныя напоминанія казначейской камеры. Когда машину привели, гласные рѣшили ассигновать 25.000 мар. изъ особыхъ городскихъ средствъ—доли города въ доходахъ отъ распивочной продажи водки. Сумму предполагалось взять заимообразно, съ обязательствомъ возможно быстрой уплаты. На тѣ же средства было отнесена выдача 3000 мар. на содержаніе городского оркестра. Гласные, однако, не подумали, что значительная часть особыхъ средствъ уже израсходована на другія надобности. И вотъ пришлось рѣшать, но, конечно, не разрѣшить, трудную задачу: взять 28.000 м. изъ 21 000 м. Въ томъ же духѣ было другое рѣшеніе—отпустить изъ 6.000 м., которыя городъ, можетъ быть, со временемъ когда-нибудь получитъ изъ казны, 7.000 м. на неотложныя нужды портоваго движенія"...

„Несмотря на стѣсненное финансовое положеніе города, которое, конечно, не улучшается отъ подобнаго хозяйства, городскіе гласные прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы сдержать данное своимъ избирателямъ соціалистамъ обѣщаніе хранить идеалы партіи." Они, по словамъ „Hufvudstadsbladet", *не жалѣли денегъ на содержаніе разныхъ учрежденій, въ которыя имъ удалось посадить членовъ своей партіи.* Они затратили до 20.000 мар. на добавочные расходы по постройкѣ новаго зданія рабочаго союза,—„красивый домъ, на который пріятно посмотрѣть". Они собирались и въ 1908 году „удержать нѣкоторую сумму для дома рабочихъ подъ предлогомъ общественнаго благосостоянія". Для строительныхъ работъ была выписана партія рѣшетинъ, для оплаты которой была отложена сумма въ 11 000 мар. Но когда товаръ пришелъ, и надо было оплатить его, оказалось, что отложенныя деньги „ушли на работы для безработныхъ, которымъ придавался, конечно, иной видъ" За то, когда въ декабрѣ 1907 года попечительный совѣтъ торговой школы, устроенной по частной иниціативѣ старофиннами, переполненной учащимися и работающей превосходно, просилъ о городской субсидіи въ прежнемъ размѣрѣ 5.200 мар. и о пособіи на устройство дополнительныхъ классовъ,—гласные „нашли, безъ всякаго, однако, къ тому основанія, будто школа преслѣдуетъ партійныя цѣли, и отказали въ пособіяхъ. Но если попечительный совѣтъ передастъ школу въ вѣдѣніе города, послѣдній о ней позаботится",—хотя „у города нѣтъ денегъ". Въ 1908 году ходатайство о пособіи было возобновлено, но гласные отказали и остались при своемъ требованіи о передачѣ школы въ вѣдѣніе города.

Въ итогѣ хозяйства соціалистическаго большинства гласныхъ городъ Котка остался безъ средствъ и безъ кредита. Предсѣдатель и члены казначейства камеры, убѣдившись въ невозможности вести дѣло съ такими хозяевами, подали въ отставку. Но, къ счастью, городъ въ рукахъ соціалистовъ оставался недолго. На первыхъ же выборахъ очередной трети городскихъ гласныхъ (въ финляндскихъ городахъ ежегодно обновляется

треть состава) всѣ буржуазныя партіи, забывъ свои раздоры, заключили союзъ и не пропустили въ гласные ни одного соціалиста. Городское хозяйство Котки снова перешло въ руки буржуазнаго большинства.

Подобнымъ же образомъ соціалисты хозяйничали въ Иломантской общинѣ Куопіоской губерніи.

Какъ сообщала газета „Wiborgs Nyheter" *), часть жителей названной общины обратилась къ Куопіоскому губернатору съ жалобой, что общинное собраніе снова переизбрало въ предсѣдатели общиннаго управленія соціалистовъ — булочника X. и учителя Л. Въ прошеніи жители общины жаловались на то, что во время „владычества соціалистовъ" всѣ дѣла общины пришли въ совершенный упадокъ и что по кассовымъ книгамъ общины числится въ настоящее время 40.000 марокъ дефицита. Жалобщики говорили, что если названнымъ лицамъ предоставлено будетъ далѣе вести дѣла общины, то отъ этого община будетъ имѣть громадный убытокъ, тѣмъ болѣе, что лица эти выбраны на неограниченное время. Жалобщики утверждали также, что выборы были произведены въ общемъ незаконнымъ образомъ, почему ходатайствовали о признаніи ихъ недѣйствительными.

Что касается *внѣшняго благоустройства* финляндскихъ городовъ, то по большей части оно весьма удовлетворительно. Финляндцы, какъ извѣстно, болѣе всего заботятся о томъ, чтобы внѣшней чистотой и красотой своихъ городскихъ построекъ произвести благопріятное впечатлѣніе на иностранца. Поэтому въ послѣдніе годы замѣчается усиленное возрастаніе расходовъ всѣхъ финляндскихъ городовъ на городское благоустройство **).

Главнымъ доходомъ городовъ служитъ *подоходный налогъ*, которому въ опредѣляемомъ городскимъ общественнымъ управленіемъ размѣрѣ подлежатъ всѣ городскіе жители, не исключая не состоящихъ въ финляндскомъ гражданствѣ. Обложеніе производится по оброчнымъ единицамъ (шкатерамъ), размѣръ которыхъ опредѣляется городскимъ собраніемъ на срокъ отъ трехъ до пяти лѣтъ, не ниже 200 и не свыше 400 марокъ. Первая оброчная единица освобождается отъ обложенія, такъ что лицо владѣющее одной оброчной единицей не платитъ ничего, владѣющее двумя—платитъ съ одной и т. д. Оброчныя единицы налагаются съ доходовъ съ недвижимаго имущества, съ промышленныхъ и съ личныхъ—содержанія, пенсіи, а также со всякаго приращенія имущества и съ заработка.

Несмотря на значительное увеличеніе размѣровъ какъ главнаго—подоходнаго, такъ и другихъ—болѣе мелкихъ налоговъ, обыкновенныхъ городскихъ доходовъ оказывается недостаточно для удовлетворенія быстро растущихъ потребностей городского благоустройства, и финляндскіе города наперерывъ стараются заключать *заграничные займы*.

Такъ, гор. Гельсингфорсъ, долгъ котораго, по словамъ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 33), къ началу 1911 года составлялъ 38.338.722 марки, въ 1911 г. заключилъ въ Лондонѣ новый заемъ въ 25 милліоновъ марокъ (1 мил. фунт. стерлинговъ, см. ту же газету, 1911 г., № 144). Городъ Николайштадтъ заключилъ въ 1911 г. заемъ въ 4 милліона марокъ („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 127). Городъ Або заключилъ заграничный заемъ въ 17 милліоновъ марокъ („Hufvudstadsbladet", 1911 г., № 143), гор. Котка—въ 2½ милліона марокъ („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 233) и т. д.

Подобное стремленіе финляндскихъ городовъ къ заключенію заграничныхъ займовъ естественно вызываетъ вопросъ, не велика ли задолженность городовъ. Самъ шведоманскій органъ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 126), находившій ранѣе въ статьѣ о финансовомъ положеніи гор. Гельсингфорса (1911 г., № 33), что задолженность этого города, въ виду обращенія занятыхъ капиталовъ на производительныя затраты, не внушаетъ какихъ либо опасеній, вынужденъ былъ, по поводу послѣдняго гельсингфорскаго займа, признать всю опасность постоянныхъ заграничныхъ займовъ, „пока край ежегодно платитъ иностраннымъ государствамъ на сотни милліоновъ болѣе, чѣмъ за ввозимые продукты". При этомъ газета

*) См. газету „Россія", 1910 г., № 1514.

**) См. напр. «Финляндскую Газету», 1911 г., №№ 170 и 175, гдѣ были приведены бюджеты финляндскихъ городовъ на 1912 г. въ сравненіи съ бюджетами 1911 г.

выражала сожалѣніе, что въ Финляндію ввозится много такихъ товаровъ, которые съ успѣхомъ могли бы производиться въ странѣ. Напр., газета упоминала о ввозѣ изъ Германіи такихъ предметовъ, какъ палки для цвѣтовъ, сушеная черника, разные мелкіе предметы, покупаемые туристами въ качествѣ „памяти изъ Финляндіи". „Продолжаютъ заключать заграничные займы, писала газета, хотя большая часть получаемыхъ денегъ черезъ нѣкоторое время возвращается въ видѣ платы за съѣстные припасы, табакъ, кофе, спиртные напитки, обувь, одежду, галантерейные предметы, которые частью не могутъ быть изготовлены дома, частью почему то не изготовляются. Частное лицо, сколь бы богато оно ни было, нашло бы скоро необходимымъ реорганизовать свою экономію, ибо въ противномъ случаѣ ему угрожало бы банкротство".

Эти соображенія шведоманскаго органа вполнѣ подтверждаютъ мысль о томъ, не является ли стремленіе къ благоустройству и украшенію финляндскихъ городовъ жизнью не по средствамъ?

Впрочемъ и самое благоустройство городовъ Финляндіи, подъ благопріятною внѣшностью скрываетъ много недостатковъ.

Любопытно, напримѣръ, какъ на страницахъ того же „Hufvudstadsbladet" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 132), нѣкто Вальфридъ Васеніусъ предлагалъ ознаменовать юбилей города Гельсингфорса. Вообще онъ находилъ, что изъ за юбилея слѣдовало бы поднимать какъ можно меньше шума, но если уже предполагается его праздновать, то, по мнѣнію Васеніуса, самое лучшее ознаменовать его путемъ неприкрашеннаго разсказа о томъ, какъ Гельсингфорсъ за этотъ вѣкъ, особенно же за послѣднюю его часть, оправдывалъ „свой рангъ столицы". Такимъ образомъ, слѣдуетъ разсказать: 1) какъ споспѣшествовали съ одной стороны—дракамъ, побоищамъ и другимъ злодѣяніямъ, а съ другой — безумію, туберкулезу и т. п. болѣзнямъ тою политикою въ отношеніи хмѣльныхъ напитковъ, которой придерживались; 2) какъ стала дорогою для бѣдняковъ вода, и какъ, посему, пришлось строить большія больницы для заразныхъ; 3) какъ увеличивали классовую ненависть бѣдноты къ „дьяволовымъ господамъ" („perkeleen herrat") безсовѣстные мотористы, коимъ было предоставлено безпрепятственно даже и воздухъ портить, особенно въ городскихъ паркахъ; 4) „какъ изгадили" проходы въ этихъ паркахъ, напр.—на Обсерваторной горѣ и др.; 5) сколь у многихъ, живо интересовавшихся преуспѣяніемъ города, убили этотъ интересъ пренебреженіемъ къ ихъ познаніямъ спеціалистовъ въ вопросахъ, порученныхъ имъ общиною; 6) какъ и тѣ, кто трудятся на почвѣ благотворенія, все болѣе и болѣе охватываются отчаяніемъ отъ безнадежности ихъ борьбы съ нищетою и 7) какъ отъ всего этого и многаго другого въ томъ же родѣ здѣшніе жители должны чувствовать отвращеніе къ жизни, которое гонитъ отсюда всякаго, кто только можетъ уѣхать прочь".

Таковы саркастическія замѣчанія относительно городского благоустройства, особенно цѣнныя потому, что они помѣщены въ органѣ партіи, стоящей у кормила городского общественнаго управленія.

На какой высотѣ стоитъ уличное благоустройство въ небольшихъ финляндскихъ городахъ, можно судить по замѣткѣ газеты „Syd-Österbottningen", приводимой въ газетѣ „Россія" (1909 г., № 1127). Газета пишетъ, что городъ Кристинестадъ посѣтилъ Генералъ Губернаторъ. Такъ какъ объ этомъ было заранѣе извѣщено, то городскія улицы подверглись генеральной чисткѣ. Немудрено, говоритъ газета, что онъ произвелъ на превосходительнаго гостя хорошее впечатлѣніе.

Прошло три недѣли. „Какъ же дѣло обстоитъ теперь?" спрашиваетъ газета. „А такъ, что все давно вернулось къ старому порядку. Городъ сбросилъ свою праздничную одежду и облекся въ будничный халатъ. Подметаніе улицъ и площадей производится лишь два раза въ недѣлю, а на такую роскошь, какъ поливаніе улицъ и тротуаровъ, денегъ совсѣмъ не бросаютъ. Всякая грязь и нечистоты, какія накопятся

на улицахъ за три дня, обязательно должны ждать четвертаго дня для чистки". „При такихъ обстоятельствахъ прогулка по улицамъ особаго удовольствія доставлять не можетъ", заключаетъ газета.

Въ частности, относительно Гельсингфорса, слѣдуетъ отмѣтить неудовлетворительную постановку *трамвайнаго дѣла*, благодаря чему на линіи трамвая случаются частыя несчастья. Кромѣ того и самый путь содержится весьма неисправно.

Въ газетѣ „Työmies" (1911 г., № 139) читаемъ: „Много было и писано, и говорено по поводу отрицательныхъ сторонъ организаціи трамвайнаго движенія въ Гельсингфорсѣ, но все это ни къ чему не привело; доходы съ трамваевъ все увеличиваются, и организація движенія все болѣе и болѣе ухудшается. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ число происшедшихъ изъ-за трамваевъ несчастій. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году изъ-за трамваевъ произошло 17 несчастныхъ случаевъ съ человѣческими жертвами и 16 безъ нихъ. За настоящіе полгода произошло уже 12 несчастныхъ случаевъ съ человѣческими жертвами и 15 безъ нихъ. Думается, что трамвайному обществу слѣдовало бы выработать какія либо мѣры для уменьшенія этихъ несчастій. Особенно возмутительно то, что хотя въ трамваяхъ есть электрическіе тормоза, но общество позволяетъ вагоновожатымъ пользоваться ими только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, ибо пользованіе ручными тормозами обходится немного дешевле; для нихъ не надо электрической энергіи".

Въ старофинской газетѣ „Uusi Suometar" (1911 г., № 139) также отмѣчались „варварства на трамвайной линіи". Газета возмущалась тѣмъ, что вагоновожатые не находятъ нужнымъ останавливать и даже замедлять вагонъ для предупрежденія несчастья и оправдываются тѣмъ, что „я же звонилъ". Подобное отношеніе трамвайныхъ служащихъ, которые считаютъ себя въ правѣ давить людей, если они не слышатъ звонка, газета считаетъ варварствомъ.

Только „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 165) старалась оправдать вагоновожатыхъ, говоря, что „нельзя останавливать трамвай изъ-за каждаго зазѣвавшагося человѣка. Отъ этого, молъ, будетъ страдать движеніе, интересы котораго, очевидно, по мнѣнію автора статьи, не могутъ быть поставлены на одну доску съ человѣческою жизнью".

Сочувственное отношеніе шведоманскаго органа къ трамвайнымъ порядкамъ объясняется, по мнѣнію „Финляндской Газеты", тѣмъ, что трамвайное общество находится въ рукахъ шведомановъ.

Поднятый печатью шумъ изъ-за трамвайныхъ порядковъ обратилъ вниманіе городского общественнаго управленія, по распоряженію котораго былъ произведенъ осмотръ трамвайной сѣти.

Въ результатѣ магистратъ обязалъ мѣстное трамвайное общество, подъ угрозой штрафа въ 20 мар. (?!), до сентября устранить тѣ недостатки трамвайной сѣти, которые замѣчены во время осмотра. Недостатки эти заключаются въ ямахъ, образовавшихся на путяхъ, и въ томъ, что рельсы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступаютъ надъ уровнемъ мостовой („Финляндская Газета", 1911 г., № 103).

Одной изъ отрицательныхъ сторонъ жизни въ городѣ Гельсингфорсѣ является еще отсутствіе благопріятныхъ *жилищныхъ условій*, на что, по словамъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 98), городскимъ общественнымъ управленіемъ обращено вниманіе лишь въ послѣднее время.

„Не можетъ быть двухъ взглядовъ, говоритъ газета, на то, что это начинаніе затрагиваетъ самую существенную сторону жизненныхъ условій городскихъ обитателей. Всѣмъ извѣстно, насколько жилищныя условія здѣсь у насъ неблагопріятны.

„Есть квартиры, какъ большія, такъ и маленькія, къ тому же очень дорогія, дороже, чѣмъ въ такихъ же по размѣру городахъ въ другихъ странахъ. Повышеніе цѣнъ въ прошлые года значительно подняло квартирную плату и въ Гельсингфорсѣ. Для тѣхъ, кто имѣетъ средній достатокъ, дорогая квартирная плата очень обременительна. Еще болѣе обременительной и тяжелой является она для рабочаго люда. Статистическихъ свѣдѣній о гельсингфорсскихъ жилищныхъ условіяхъ за послѣднее время нѣтъ. Въ 1900 же году проф. Суксдорфъ занялся описаніемъ маленькихъ квартиръ, и тѣ свѣдѣнія, которыя дало это изслѣдованіе, были въ высшей степени печальными. Мы укажемъ здѣсь только на то, что большая часть осмотрѣнныхъ имъ квартиръ (свыше 74%) состояли изъ

одной комнаты (изъ всѣхъ гельсингфорсскихъ квартиръ въ 1900 г. 47,7%, т. е. почти половина, состояли изъ одной комнаты). Свыше 65% людей, обитавшихъ въ осмотрѣнныхъ имъ мелкихъ квартирахъ, жили въ квартирахъ въ одну комнату. Въ комнатѣ, къ тому же, помѣщалось такъ много людей, что на каждаго приходилось воздуха значительно *меньше, чѣмъ этого требуетъ правило гигіены*".

Газета „Työmies" *) отмѣчала беззащитное положеніе въ Гельсингфорсѣ квартиронанимателей, которыхъ домовладѣлецъ, въ случаѣ малѣйшаго замедленія во взносѣ квартирной платы, имѣетъ право моментально „вышвырнуть на улицу". Газета рекомендовала опубликовывать фамиліи такихъ домовладѣльцевъ.

Насколько хорошо производятся постройки жилыхъ домовъ, видно изъ газетныхъ сообщеній о случаяхъ вмѣшательства магистрата.

Такъ, по сообщенію „Työmies" (1911 г., № 143), Гельсингфорсскій магистратъ запретилъ акціонерному обществу „Термо" продолжать сооруженіе уже строившагося на улицѣ Фридриха пятиэтажнаго дома. Это запрещеніе вызвано тѣмъ, что фундаментъ въ означенной постройкѣ устроенъ настолько скверно, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдержать тѣхъ 5 этажей, которые на немъ предполагалось построить.

Та же газета (1911 г., № 181) сообщала, что „жилищное акціонерное общество", строя на Ратманской улицѣ домъ, *совершенно игнорируетъ всѣ обезпечивающія безопасность квартирантовъ правила техники*. Магистратъ постановилъ оштрафовать означенное общество на 100 марокъ и обязать его исправить всѣ тѣ дефекты, которые найдены въ указанномъ строющемся домѣ".

Не вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, по словамъ газеты „Työmies", также столь важныя въ гигіеническомъ отношеніи учрежденія, какъ *бани*. Описывая гельсингфорсскія рабочія бани, газета говоритъ:

„Каждый рабочій ходитъ въ баню для того, чтобы освѣжиться и вымыться. Но цѣли эти въ гельсингфорсскихъ рабочихъ баняхъ не достигаются. *Поразительная грязнота и гряль*—вотъ то, что видитъ рабочій, входя въ комнату, гдѣ раздѣваются. На лавкахъ грязное бѣлье перемѣшано съ чистымъ, въ комнатѣ испареніе и *непріятный „національный" запахъ русскихъ солдатъ* **). Пришедшій, выбирая себѣ мѣсто для раздѣванія, все время долженъ опасаться того, чтобы не заразиться отъ сосѣда какою либо накожною болѣзнью. Еще хуже обстоитъ дѣло въ самой банѣ. Въ лучшемъ случаѣ рабочій уходитъ оттуда съ „непріятными квартирантами" (вшами). *Санитарная комиссія въ эти бани заглядываетъ рѣдко*, а если и заглянетъ, то не въ то время, когда бани открыты для публики. Но особенно скверно положеніе служащихъ въ банѣ женщинъ ***). Ихъ рабочій день продолжается 14 часовъ и за эту напряженную работу, среди сырости и грязи, они получаютъ всего только 70 пенни (26 коп.)"

---

3. Общественное призрѣніе.

Финляндцы очень любятъ хвастаться, что у нихъ на улицѣ нельзя встрѣтить ни одного нищаго, такъ какъ всѣ они или помѣщены въ богадѣльни, или содержатся на счетъ общины у частныхъ лицъ. На самомъ дѣлѣ эти увѣренія мало основательны.

Младофинская газета „Karjala" (1911 г., № 36) пишетъ:

„Нынѣ дѣйствующими въ Финляндіи постановленіями нищенство запрещено. Всякій нуждающійся имѣетъ право требовать себѣ пособія, но ни въ коемъ случаѣ не нищенствовать. Послѣднее въ томъ случаѣ, если

*) См. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 169.

**) Газета не можетъ опустить случая, чтобы не сдѣлать выпада по адресу русскихъ войскъ! Прим. сост.

***) Какъ извѣстно, въ Финляндіи не только въ женскихъ, но и въ мужскихъ баняхъ роль банщиковъ исполняютъ женщины. Этотъ пережитокъ старины, служащій въ наше время нерѣдко цѣлямъ разврата, также не доказываетъ развитія финляндской культуры. Прим. сост.

происходитъ безъ достаточныхъ основаній, даже наказывается. Такъ, всякій малолѣтній до пятнадцатилѣтняго возраста, замѣченный въ нищенствѣ, подвергается выговору со стороны управленія по призрѣнію бѣдныхъ. Если же малолѣтній будетъ и далѣе продолжать свою профессію, то полиція обязана заставить родителей его наказать. Но случается, что малолѣтній собираетъ милостыню съ согласія, а иногда и съ одобренія родителей. Въ такомъ случаѣ наказываются уже послѣдніе. Подобные же законы существуютъ и относительно нищенства въ зрѣломъ возрастѣ".

Казалось бы, что при такихъ законахъ нищенство въ Финляндіи совершенно не должно имѣть мѣста. Оказывается, что законы-то хороши, но плохо исполняются на практикѣ.

„*Когда идешь по улицѣ*, читаемъ далѣе въ той же газетѣ, *тебя преслѣдуетъ и окружаетъ цѣлая масса подростковъ-нищихъ*, которые визгливымъ, надоѣдливымъ голосомъ просятъ „о помощи бѣдному". Нерѣдко встрѣчается и *взрослый нищій*, навязчиво просящій о милостынѣ. Не ограничиваясь помощью, получаемою на улицѣ, *нищіе ходятъ еще по квартирамъ, звонятъ въ парадныя двери* (часто въ одну и ту же по нѣскольку разъ въ день) и снова начинаютъ просить о помощи. И куда же эта помощь дѣвается? Одни изъ нищихъ на собранныя деньги покупаютъ билеты въ кинематографъ, другіе приносятъ собранную милостыню изнѣжившимся родителямъ, которые не хотятъ зарабатывать деньги трудомъ, а питаются на „заработокъ" дѣтей. Очень часто родители-рабочіе отправляютъ своихъ дѣтей нищенствовать, чтобы собранной милостыней увеличить доходы семьи. Кажется, что профессія нищаго не представляетъ собою ничего привлекательнаго. Но многіе считаютъ ее болѣе легкою, чѣмъ какой-либо постоянный трудъ".

Такова картина нищенства въ Финляндіи по отзыву младофинской газеты. И это не есть единичное мнѣніе.

Шведоманская „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 98) сообщала, что 10-го апрѣля (н. с.) 1911 года въ актовомъ залѣ университета состоялась лекція Б. Х. Пяйвяйнсало по вопросу о мѣрахъ къ уничтоженію нищенства. Сообщивъ о борьбѣ съ нищенствомъ въ Германіи и Даніи при помощи рабочихъ колоній, „лекторъ поднялъ вопросъ о томъ, не представляется ли возможнымъ учредить подобныя же колоніи въ Финляндіи, гдѣ такъ много невоздѣланной земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *такое большое количество бродягъ, нищихъ, освобожденныхъ арестантовъ, способствующихъ развитію нищенства въ краѣ*. О послѣднемъ, по словамъ лектора, лучше всего говорятъ цифры, относящіяся къ гор. Гельсингфорсу. Въ 1900 году въ ночлежномъ домѣ на Боцманской улицѣ перебывало 31.163 человѣка, въ 1902 году—40.349, въ 1907 году—50.896, въ 1909 году—49.480. Треть этихъ бездомныхъ состоитъ изъ лицъ ниже 20-лѣтняго возраста. Есть много молодыхъ людей, которые положительно выросли въ атмосферѣ ночлежнаго дома и тюрьмы. Одинъ изъ нихъ спрашивалъ при наступленіи зимы, какое нужно совершить преступленіе, чтобы попасть на зиму въ тюрьму. Раздача билетовъ для доступа въ ночлежный домъ въ значительной степени *способствуетъ развитію нищенства и бродяжничества*".

Кромѣ того, значительное распространеніе нищенства въ Финляндіи объясняется, конечно отчасти, дурною *постановкою дѣла призрѣнія бѣдныхъ*.

По словамъ газеты „Työmies" (1910 г., № 297), инспекторъ призрѣнія бѣдныхъ Хельсингіусъ отправилъ Нюландскому губернатору слѣдущее письмо, характеризующее постановку дѣла призрѣнія бѣдныхъ въ Гельсингфорсѣ:

„Какъ личное посѣщеніе квартиръ нѣкоторыхъ изъ призрѣваемыхъ городомъ бѣдняковъ, такъ и разсказы очевидцевъ, убѣдили меня въ томъ, что дѣло призрѣнія бѣдныхъ въ Гельсингфорсѣ поставлено очень неважно. Для

выясненія и поправленія этого дѣла я предложилъ всѣмъ членамъ управленія призрѣнія бѣдныхъ притти въ назначенный мною день на собраніе. Ранѣе я слышалъ, что члены упомянутаго управленія или совсѣмъ не ходятъ на квартиры призрѣваемыхъ ими бѣдняковъ, или ходятъ только очень рѣдко. Поэтому, на собраніи прежде всего я задалъ вопросъ, на какомъ основаніи члены управленія, въ разрѣзъ съ уставомъ послѣдняго, не ходятъ къ бѣднякамъ на квартиры, не провѣряютъ степени бѣдности обращающихся въ управленіе съ просьбою о помощи лицъ, наконецъ, почему не наводятъ справокъ о лицахъ, которыя дѣйствительно нуждаются въ помощи.

„На это предсѣдатель управленія отвѣтилъ, что *подобнаго рода дѣятельность по уставу управленія дѣйствительно возложена на членовъ послѣдняго, но фактически («а не на бумагѣ») все это дѣлается нанятыми спеціально людьми*.

„*Вотъ это то прямое нарушеніе членами управленія лежащихъ на нихъ по уставу обязанностей* и является причиною того, что дѣло призрѣнія бѣдныхъ въ Гельсингфорсѣ поставлено хуже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ городахъ Финляндіи. Если бы члены управленія хоть изрѣдка сами заглядывали въ жилища гельсингфорсскихъ бѣдняковъ, тогда были бы немыслимы тѣ *чудовищные упущенія и недостатки*, которые сейчасъ наблюдаются въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ. Члены управленія, вмѣсто личнаго знакомства съ бытомъ бѣдняковъ въ Гельсингфорсѣ, сводятъ всю свою дѣятельность только къ присутствію въ засѣданіяхъ управленіи и *за это свое бездѣйствіе еще рѣшаются просить о вознагражденіи ихъ за каждое засѣданіе въ размѣрѣ 20 марокъ*".

Въ заключеніе своего письма г. Хельсингіусъ высказывался противъ удовлетворенія ходатайства членовъ о вознагражденіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ, что въ настоящее время особой комиссіей разрабатывается новый уставъ управленія призрѣнія бѣдныхъ, въ которомъ „лѣнивые господа" навѣрно забудутъ затронуть вопросъ о посѣщеніи членами управленія квартиръ призрѣваемыхъ управленіемъ бѣдныхъ.

Между прочимъ, по словамъ старофинской „Uusi Suometar" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 151), инспекторъ предлагалъ внести въ измѣняемый уставъ правило, *чтобы несовершеннолѣтніе не отдавались на попеченіе частнымъ лицамъ*, всѣ же остальные призрѣваемые помѣщались въ рабочіе дома и богадѣльни. „Такимъ образомъ писала названная газета, можно питать надежду, что хоть въ главномъ городѣ Финляндіи будетъ имѣть мѣсто болѣе культурный способъ призрѣнія бѣдныхъ. Остается пожелать, чтобы и вся Финляндія, какъ можно скорѣе послѣдовала примѣру своей столицы и, подумавъ о тяжелой участи несчастныхъ бѣдняковъ, человѣческое достоинство которыхъ оскорбляется *публичными аукціонами* *), постаралась упорядочить повсемѣстно дѣло общественнаго призрѣнія".

Неудовлетворительную постановку призрѣнія бѣдныхъ удостовѣряетъ и начальникъ Гельсингфорскаго учрежденія по призрѣнію безработнаго и бѣднаго населенія, полковникъ Меларгъ, который, вернувшись изъ заграничной поѣздки, заявилъ сотруднику „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 308), что „*Финляндія въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ отстала отъ Швеціи и Даніи, по крайней мѣрѣ, на 100 лѣтъ*".

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ финляндскомъ обществѣ не замѣчается надлежащаго интереса къ вопросу о призрѣніи бѣдныхъ.

Въ декабрѣ 1910 г. въ Таммерфорсѣ открылся *съѣздъ дѣятелей въ области призрѣнія бѣдныхъ*. Несмотря на большое количество приглашеній, изъ которыхъ на одинъ Гельсингфорсъ пришлось около 100, на съѣздъ собралось *всего около 50 человѣкъ*. Передъ началомъ работъ была исполнена незабѣвная „Пѣснь Финляндіи" Послѣ этого начальникъ управленія по призрѣнію бѣдныхъ сдѣлалъ докладъ, въ которомъ обрисовалъ *неудовлетворительное положеніе призрѣнія бѣдныхъ* въ краѣ и указалъ на необходимость образованія общаго союза, которымъ всѣ лица и учрежденія, дѣйствующія на этомъ поприщѣ, были бы сплочены въ одно солидарное цѣлое. Въ ко

*) Объ „аукціонахъ" см. ниже, стр. 182.

миссіи, избранной для разсмотрѣнія вопроса объ основаніи такого союза, мнѣнія раздѣлились. Начались обычныя въ Финляндіи партійныя несогласія. Одни требовали образованія единаго союза, который охватилъ бы какъ шведское, такъ и финское населеніе, другіе предлагали учредить два союза, одинъ для шведскаго, другой для финскаго населенія. Большинствомъ голосовъ было, однако, принято первое предложеніе. Особая комиссія изъ четырехъ человѣкъ выработала уставъ, который и былъ одобренъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Послѣ этого были выбраны члены правленія союза. Съѣздъ по „призрѣнію бѣдныхъ" *закончился богатымъ ужиномъ* („Kansan Lehti" 1910 г., № 281 и „Uusi Aura" 1910 г., № 282).

Приведемъ нѣсколько сообщеній финляндскихъ газетъ изъ которыхъ видно, *насколько хорошо финляндцы заботятся о своихъ бѣдныхъ.*

„Въ Рауталампиской общинѣ живутъ семидесятилѣтній рабочій Юнккиненъ и разбитая параличемъ его жена Марія. Живутъ они въ страшной бѣдности, такъ какъ ни лѣта, ни уходъ за больной не позволяютъ Юнккинену уходить на работу. До этого года маленькимъ подспорьемъ для стариковъ было пособіе, выдававшееся имъ изъ управленія по призрѣнію бѣдныхъ. Въ этомъ году, несмотря на усиленныя просьбы родственниковъ Юнккинена, пособіе выдавать перестали" („Työmies" 1911 г., № 29).

„Въ Мюллюмяки проживаетъ жена сапожника, который давно не имѣетъ работы и все время находится въ поискахъ таковой. Семья находилась въ ужасно бѣдственномъ положеніи, которое усугублялось еще тѣмъ, что жена сапожника была въ послѣднемъ періодѣ беременности. Около недѣли женщина была совершенно безъ пищи и больная отъ голода лежала въ кровати. *За неплатежъ за квартиру домохозяйка въ одно прекрасное утро выселила беременную женщину съ ея 3-лѣтней дѣвочкой и велѣла вынести ихъ съ вещами на дворъ, гдѣ онѣ и оставались на трескучемъ морозѣ.* Благодаря вмѣшательству постороннихъ лицъ, полиція распорядилась водворить выселенныхъ обратно въ квартиру. Теперь же полиція ежедневно приходитъ и требуетъ, чтобы онѣ выѣхали" („Hämeen Woima", 1911 г., № 12).

Рабочій Нейкки Аалто серьезно повредилъ себѣ молотилкой ногу. Его взяли въ больницу, а большая семья осталась на произволъ судьбы. Постепенно усиливавшаяся нужда заставила жену рабочаго обратиться къ представителямъ общиннаго управленія по призрѣнію бѣдныхъ за помощью. Маленькое пособіе ей, дѣйствительно, было дано, но дано съ такими ругательствами и безстыдными словами, что жена рабочаго обратиться туда за вторичнымъ пособіемъ уже не рѣшилась. Между тѣмъ нужда усиливалась. Одинъ изъ родственниковъ бѣдствовавшей семьи „рѣшился испробовать послѣднее средство—сходить за совѣтомъ къ пастору". Но *пасторъ*, вмѣсто совѣта, *сталъ его спрашивать, къ какой партіи принадлежитъ отецъ голодающей семьи*, и когда пришедшій отвѣтилъ, что не знаетъ, то пасторъ произнесъ: „если онъ соціалъ-демократъ, то пусть къ соціалъ-демократамъ и обращается за помощью" („Kansan Lehti", 1911 г., № 79).

По словамъ „Hufvudstadsdladet" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 160), инспекторъ по призрѣнію бѣдныхъ, въ поданной Нюландскому губернатору жалобѣ на управленіе по призрѣнію бѣдныхъ, указывалъ на дурное обращеніе служащаго въ канцеляріи управленія съ больною женщиною, матерью 5-ти дѣтей; затѣмъ инспекторъ указывалъ, что та помощь, которую она получила—въ размѣрѣ 18 мар. въ мѣсяцъ, является недостаточной.

„Työmies" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 155) рисуетъ возмутительный фактъ отношенія общины къ своимъ бѣднымъ. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ одномъ бѣдномъ семействѣ. „Мужъ болѣлъ все лѣто, осенью заболѣла жена. Сынъ—идіотъ. Не нашлось никого, кто бы позаботился о семействѣ. Оно было предоставлено само себѣ. Пищи не было совершенно; дровъ тоже самое. Женщина умерла недѣлю тому назадъ. Община пожертвовала гробъ; этимъ вся ея забота и ограничилась. Трупъ остается въ домѣ уже цѣлую недѣлю; некому его убрать. Въ той же самой комнатѣ помѣщаются больной старикъ и сынъ-идіотъ".

Газета отъ себя добавляетъ: „Хочется спросить, на чьей обязанности въ такихъ случаяхъ лежитъ забота? На это можетъ быть одинъ только отвѣтъ—на общинѣ. Общины, требующія отъ жителей взноса налоговъ на призрѣніе бѣдныхъ, должны и заботиться о своихъ собратьяхъ, а не предоставлять ихъ на волю Божью".

Но самымъ вопіющимъ явленіемъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ въ Финляндіи представляются такъ называемые *„аукціоны бѣдныхъ"*—обычай, заключающійся въ томъ, что призрѣваемые общиной нищіе содержатся не въ богадѣльняхъ, а съ аукціона отдаются лицамъ, которыя за ихъ содержаніе берутъ съ общины наименьшую въ сравненіи съ другими сумму.

Въ послѣднее время этотъ характерный способъ призрѣнія бѣдныхъ, ъкнемалому конфузу финляндцевъ, привлекъ вниманіе не только русской, они заграничной печати.

Такъ, издающаяся въ Римѣ газета „L'Italie" (1911 г., № 33), подчеркивая отрицательныя стороны финляндской культуры, сообщала, что въ финляндскихъ газетахъ упоминается *о продажѣ съ аукціона 24.070 бѣдныхъ.* Называя подобные обычаи стыдомъ для Финляндіи, газета описывала ужасное положеніе проданныхъ бѣдняковъ: „Ихъ плохо кормятъ и одѣваютъ и сверхъ того они еще должны работать. Положеніе этихъ бѣдняковъ ничуть не лучше положенія рабовъ. Обходятся съ ними жестоко".

Подобныя же сообщенія объ аукціонахъ бѣдныхъ появились и въ другихъ заграничныхъ газетахъ, напр. въ „Wiesbadener Tageblatt" (см. „Nya Pressen", 1912 г., № 78).

Благодаря, можетъ быть, шуму, поднятому въ русскихъ и заграничныхъ газетахъ, возмущеніе означенными аукціонами охватило и финляндскую печать.

Описывая безпорядки, господствующіе во многихъ общинахъ Финляндіи въ области призрѣнія бѣдныхъ, старофинская газета „Wiipuri" (1911 г., № 258) признавала, что болѣе всего въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе „аукціоны призрѣваемыхъ". „Общины, кои не имѣютъ богадѣленъ, въ цѣляхъ устройства призрѣваемыхъ должны прибѣгать къ торгамъ. Если вообще нельзя избѣжать этихъ „торговъ", то по крайней мѣрѣ необходимо организовать дѣло такъ, чтобы эти „торги" были гуманны и не оскорбляли человѣческаго достоинства призрѣваемыхъ. Особенно неудовлетворительно въ этомъ смыслѣ призрѣніе бѣдныхъ организовано въ общинахъ Кареліи. Призрѣваемые продаются здѣсь съ аукціона; въ качествѣ продавца выступаетъ управленіе по призрѣнію бѣдныхъ, которое въ исходѣ каждаго года созываетъ членовъ общины на собраніе въ приходскій домъ, гдѣ всѣ призрѣваемые и „продаются" по очереди. Между покупателями, конечно, происходитъ соревнованіе; кто предложитъ болѣе низкую цѣну, тотъ и получаетъ призрѣваемаго. Печальнѣе всего то обстоятельство, что очень часто *сами призрѣваемые принуждены бываютъ присутствовать на этихъ торгахъ.* Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ общинахъ существуетъ обычай привозить призрѣваемыхъ на аукціонъ для показа и, если аукціонъ происходитъ въ концѣ года, то покупатель въ приходскомъ же домѣ получаетъ купленный имъ товаръ и везетъ его къ себѣ домой. Можно себѣ представить положеніе призрѣваемыхъ, въ зимніе морозы перевозимыхъ съ мѣста стараго призрѣнія на „ярмарку" и оттуда къ своему новому благодѣтелю *).

„Вслѣдствіе того, что призрѣваемые отдаются лицу, предложившему болѣе низкую цѣну, причемъ объ этомъ лицѣ предварительно *не наводится никакихъ справокъ* (напримѣръ о его матеріальномъ положеніи, жилищѣ, личныхъ качествахъ), то само собою понятно, что призрѣваемые рискуетъ попасть въ самыя скверныя условія. *О человѣческомъ обращеніи съ ними, конечно, не можетъ быть и рѣчи.* Если же призрѣваемые жалуются на плохое съ ними обращеніе, то эти жалобы остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а положеніе ихъ становится еще болѣе несноснымъ".

При этомъ „Wiipuri" отмѣчала, что *аукціоны бѣдныхъ до сихъ поръ происходятъ почти во всѣхъ общинахъ* (обыкновенно въ концѣ года).

Интересно, что несмотря на многіе факты, приведенные въ газетахъ, правительственный инспекторъ призрѣнія бѣдныхъ (г. Хельсингіусъ) нашелъ возможнымъ *опровергать существованіе описаннаго способа призрѣнія.*

„Еще прошлою осенью, писала „Wiipuri" (см. „Финляндскую Газету",

*) Любопытно, что существуютъ въ Финляндіи писатели, которые, повидимому, подобные аукціоны находятъ въ порядкѣ вещей и говорятъ лишь о переносѣ ихъ на лѣтнее время. Подобную мѣру, по словамъ „Финляндской Газеты" (1912 г., № 2), рекомендуетъ въ газетѣ „Savo" писатель Kauppis Heikki, причемъ авторъ руководствуется тѣмъ, что призрѣваемыя дѣти въ настоящее время принуждены бываютъ мѣнять школы въ серединѣ учебнаго года, а это де вредно отражается на успѣшности ихъ занятій

1912 г., № 9), правительственный инспекторъ призрѣнія обратилъ вниманіе на статьи нашей газеты и обѣщалъ употребить всѣ возможныя средства для уничтоженія подобнаго недостатка; но еще въ концѣ прошлаго года и въ началѣ этого аукціоны бѣдныхъ имѣли мѣсто. Среди новостей нашей газеты о нихъ довольно часто сообщалось".

„Wiipuri" не обвиняла инспектора въ бездѣятельности, но удивлялась тому, что почтенный инспекторъ, разбирая въ газетѣ „Hufvudstadsbladet" сообщеніе одной изъ соціалистическихъ газетъ относительно новаго случая аукціона бѣдныхъ, заявлялъ, что подобныя сообщенія невѣрны, такъ какъ-де „прежніе аукціоны бѣдныхъ *не законны*".

Въ своемъ заявленіи инспекторъ сообщалъ (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 16), что онъ (г. Хельсингіусъ) обратилъ серьезное вниманіе на эти сообщенія объ аукціонахъ, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ изъ финскихъ газетъ. Имъ затребованы объясненія (въ видѣ выписи изъ протокола) отъ всѣхъ тѣхъ общинъ, въ коихъ, якобы, имѣли мѣсто вышеозначенные аукціоны. Отъ многихъ общинъ отвѣты уже получены. Однако, изъ отвѣтныхъ по запросу г. Хельсингіуса отзывовъ не усматривается, чтобы случаи продажи бѣдняковъ съ торговъ дѣйствительно имѣли мѣсто. Торги въ томъ видѣ, какъ они происходили въ доброе старое время—уже давно запрещены. Слухи о подобныхъ торгахъ, вѣроятно, появились вслѣдствіе того, что во многихъ сельскихъ общинахъ бѣдняки, на вполнѣ законномъ основаніи, отдаются на содержаніе частнымъ лицамъ за счетъ общины".

Говоря объ этомъ заявленіи, соціалистическая „Kansan Lehti" (1912 г., № 20) писала: „Очевидно, что г. Хельсингіусъ желаетъ опровергнуть дѣйствительность тѣхъ сообщеній о торгахъ живыми людьми, кои въ послѣднее время, между прочимъ, появились и въ газетѣ „Kansan Lehti". Вѣдь всякому извѣстно, что между торгами живыми людьми, имѣвшими мѣсто въ доброе старое время, и нынѣшней „вполнѣ законной отдачей бѣдняковъ на содержаніе" нѣтъ существенной разницы. Всякій—хотя бы не долго поживший въ деревнѣ прекрасно знаетъ, что положеніе и стараго и малаго, изъ находящихся на содержаніи, не отличается отъ положенія подневольнаго. Въ общинахъ, въ коихъ имѣетъ мѣсто „отдача бѣдняковъ на содержаніе", вѣрнѣе—торги призрѣваемыми, принимающія на содержаніе лица прежде всего смотрятъ на то, пригоденъ ли призрѣваемый для работы, т. е. можетъ ли онъ хотя бы чѣмъ нибудь быть полезенъ. Производящій торгъ старается возможно меньше заплатить за содержаніе призрѣваемаго, принимающій же послѣдняго къ себѣ на содержаніе въ свою очередь стремится къ тому, чтобы возможно больше его эксплоатировать. Развѣ это не торги. Въ объясненіи г. инспектора непонятно, что именно онъ подразумѣваетъ подъ торгами живыми людьми въ доброе старое время, каковые торги нынѣ, якобы, запрещены. Что же касается торговъ призрѣваемыми, кои у насъ нынѣ происходятъ, то они даже и закономъ не запрещены, что совсѣмъ печально. Законъ о призрѣніи бѣдныхъ говоритъ, что общество по призрѣнію имѣетъ право *организовать это дѣло* (т. е. призрѣніе) *по своему усмотрѣнію въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями и обычаями*. Такимъ образомъ, самъ законъ предлагаетъ придерживаться „мѣстныхъ обычаевъ". Какъ же при такомъ положеніи вещей можно говорить о томъ, что призрѣваемые съ торговъ у насъ не продаются. Наоборотъ, *они продаются у насъ ежегодно*, и это всѣ прекрасно знаютъ.

„Очевидно, что своимъ опроверженіемъ г. Хельсингіусъ хочетъ сказать „Kansan Lehti" и другимъ „менѣе компетентнымъ" газетамъ, что *онъ слишкомъ неосторожно и открыто говоритъ объ отрицательныхъ сторонахъ общественной жизни Финляндіи*. Съ точки зрѣнія нашихъ конституціонныхъ рыцарей организованные ими торги призрѣваемыми—явленіе, о которомъ могутъ знать только „мирные обыватели"; отъ нихъ этихъ торговъ не скроешь. Между тѣмъ соціалъ-демократическія газеты предали гласности систему призрѣнія въ Финляндіи бѣдныхъ, и означенные рыцари, конечно, *боятся того, что „Новое Время" теперь разгласитъ всему міру о томъ, что у насъ продаютъ людей*. Во избѣжаніе подобнаго скандала и появилось вышеозначенное опроверженіе. Однако, намъ нѣтъ смысла скрывать даже отъ русскихъ господствующіе у насъ *средневѣковые порядки и учрежденія*".

Та же газета (1912 г., № 18) сообщала, со словъ „Turun Sanomat": „Запросъ общинамъ о торгахъ призрѣваемыми сдѣланъ инспекторомъ Хельсингіусомъ вслѣдствіе появившихся въ газетахъ сообщеній объ отдѣльныхъ случаяхъ такихъ торговъ и, главнымъ образомъ, по поводу сообщенія газеты „Savon Työmies" о торгахъ въ общинѣ Ніурувеси. Отъ нѣкоторыхъ общинъ отвѣты уже получены, всѣ онѣ отрицаютъ справедливость газетныхъ сообщеній о торгахъ. Отъ общины Ніурувеси отвѣтъ пока еще не полученъ.

„Что бы общины и ихъ представители ни отвѣтили г. Хельсингіусу, мы все-таки утверждаемъ, что въ нѣкоторыхъ общинахъ еще въ нынѣшнемъ году призрѣваемые продавались съ торговъ. Г-нъ инспекторъ ошибается, если думаетъ, что на его запросъ (по телефону или письменный) общины скажутъ ему правду. Долженъ

же онъ понять, что о своихъ дурныхъ поступкахъ охотно никто не будетъ говорить и особенно въ томъ случаѣ, когда эти поступки совершены въ отношеніи беззащитныхъ убогихъ, которые не могутъ, не умѣютъ и не смѣютъ жаловаться на своихъ благодѣтелей".

Если газеты соціалистической и старофинской партій констатировали фактъ существованія въ Финляндіи такого вопіющаго обычая, какъ аукціоны бѣдныхъ, то младофинны, наравнѣ со шведоманами, всячески старались затушевать значеніе этихъ аукціоновъ, справедливо опасаясь, что это можетъ повредить представленію о культурности финляндской націи.

„Въ заграничной печати, писала младофинская „Helsingin Sanomat" (1912 г., № 120), иногда появлялись сообщенія о производимыхъ въ Финляндіи аукціонахъ бѣдныхъ. Эти замѣтки заимствовались обыкновенно изъ мелкихъ финляндскихъ соціалистическихъ газетъ, которыя охотно придаютъ фактамъ *слишкомъ яркую окраску*".

„По поводу этихъ замѣтокъ, а также появлявшихся въ русской печати сообщеній Генералъ-Губернаторъ обратился въ Сенатъ съ запросомъ. Сенатъ въ свою очередь предложилъ инспектору призрѣнія бѣдныхъ представить заключеніе. Послѣдній обратился къ подлежащимъ властямъ въ Гельсингфорсѣ, ибо въ отношеніи Генералъ-Губернатора говорится также о произведенномъ, будто бы, въ Гельсингфорсѣ аукціонѣ. Упомянутыя газетныя сообщенія были лишены основанія. То, что происходило, *должно называться не аукціонами, а передачею бѣдныхъ на полное призрѣніе*".

Безспорно существованіе аукціоновъ людей должно шокировать „культурныхъ" финляндцевъ, но какимъ-же инымъ именемъ можно назвать эту „передачу бѣдныхъ на полное призрѣніе", случаи которой картинно описаны ниже. Главное же, что это не что нибудь, отошедшее въ область преданій, а практика современной жизни.

Въ подтвержденіе того, что аукціоны бѣдныхъ практикуются и донынѣ можно привести замѣтку газеты „Sosialidemokraatti" (отъ 26 декабря 1911 г.—8 янв. 1912) *о случаяхъ аукціоновъ, имѣвшихъ мѣсто въ декабрѣ 1911 года*.

„Аукціонъ людей происходилъ по обыкновенію и въ Суоденніеми, писала названная газета. Многіе могутъ подумать: хорошо, что нуждающіеся люди будутъ сыты и получатъ кровъ, и не придется имъ умирать съ голода. Но въ дѣлѣ этомъ существуетъ и другая сторона, на которую не мѣшаетъ обратить вниманіе. Такая торговля людьми *унижаетъ человѣческое достоинство*; затѣмъ на такихъ аукціонахъ человѣкъ-товаръ подвергается *всевозможнымъ издѣвательствамъ и насмѣшкамъ*. Дѣти 9—10 лѣтъ—самый ходкій „товаръ" на этихъ аукціонахъ. За нихъ общинѣ не приходится платить почти ничего, но зато „призрѣватели" работой выжмутъ себѣ изъ нихъ наивозможную прибыль.

„Такъ, напримѣръ, одного такого мальчика, воспитывавшагося у бабушки, отняли отъ нея и продали „съ молотка", такъ какъ общинные отцы предполагали, что-де у бабушки онъ ничего не научится дѣлать. Мальчикъ достался одному торпарю. Уходъ за нимъ заключался въ томъ, что мальчика съ утра до поздняго вечера заставляли исполнять самую тяжелую работу. Однажды во время работы въ лѣсу, мальчикъ ударилъ себя топоромъ по колѣну, и вотъ на способъ призрѣнія его указываетъ тотъ фактъ, что мальчикъ два мѣсяца былъ предоставленъ самому себѣ и терпѣлъ невыразимыя мученія. Повидимому, ему придется лишиться ноги, такъ какъ въ пораненномъ мѣстѣ началось нагноеніе".

„Суоденніеми не единственная община—говоритъ въ заключеніе „Sosialidemokraatti",—гдѣ практикуется грубая торговля „живымъ мясомъ". Въ настоящее время *такіе аукціоны людей совершаются во многихъ общинахъ* Финляндіи. Примѣровъ подобной участи бѣдняковъ можно привести сколько угодно; вѣдь у насъ борются съ истязаніемъ животныхъ, но не людей".

Такъ, въ концѣ 1911 года, аукціонъ бѣдныхъ, по сообщенію той же газеты, происходилъ и въ м. Кіукайненъ. Другая соціалистическая газета „Sosialisti" (отъ того же числа) передавала объ аукціонѣ людей въ селѣ Ліедо.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ подобныхъ аукціоновъ газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 3): „Въ Луопіойненъ недавно (въ концѣ 1910 г.) состоялся *аукціонъ призрѣваемыхъ общинами бѣдныхъ*. Цѣны за содержаніе послѣднихъ на этомъ аукціонѣ были сравнительно высокія. Лица, пришедшія на аукціонъ для пріобрѣтенія этого живого товара, все свое вниманіе обращали на степень его работоспособности и силы. При оцѣнкѣ достоинствъ товара покупатели совершенно не стѣснялись въ выраженіяхъ, въ силу чего несчастнымъ бѣднякамъ приходилось слышать относительно себя самую нелестную критику".

Болѣе сильное впечатлѣніе производитъ описаніе подобнаго же аукціона, сдѣланное финскимъ писателемъ Юхани Ахо въ очеркѣ подъ названіемъ „Невольничій рынокъ". Приводимъ это описаніе въ переводѣ, напечатанномъ въ „Финляндской Газетѣ" (1911 г., № 67).

„Это опять здѣсь происходило на Рождествѣ и продолжалось съ утра до вечера. Больные и бѣдные со всей общины предлагались съ публичнаго торга тѣмъ, которые дешевле возьмутъ за ихъ содержаніе и попеченіе. Вся община была въ качествѣ продавца, а члены общины покупателями.

„Я,—авторъ этого очерка,—отправился на мѣсто аукціона полюбопытствовать, что тамъ происходитъ. Мнѣ навстрѣчу шла, кривляясь, помѣшанная женщина, въ разорванной одеждѣ. Впереди ея шагалъ крестьянинъ, только что сдѣлавшійся хозяиномъ помѣшанной. — Выиграла на торгахъ хозяина! — крикнула сумасшедшая, проходя мимо меня. — „Еще неизвѣстно выиграла или проиграла, ну, шагай сзади!" — отвѣтилъ на это хозяинъ. И они торопливо прошли сквозь толпу смѣявшихся людей „Что за шумъ здѣсь? — спросилъ я (совершенно напрасно) у нѣсколькихъ человѣкъ, входя въ переднюю аукціоннаго помѣщенія.—Да здѣсь же „рынокъ невольниковъ",—получилъ я въ отвѣтъ.—„А еще долго будетъ продолжаться?"—Сумасшедшихъ уже продали, а теперь какъ разъ продаются эпилептики, — отвѣтили мнѣ.

„Я открылъ дверь и вошелъ въ „кирку", но она мало была похожа на настоящую кирку. Отъ самаго входа и до клироса она была набита народомъ. Кто сидѣлъ на скамьяхъ, кто стоялъ въ проходахъ, и всѣ вплотную другъ къ другу. Я протискался, насколько могъ, дальше и началъ разсматривать окружающихъ.

„Сразу же я отличилъ предназначенныхъ къ продажѣ отъ другихъ. Слѣпые, кривые, старые, среднихъ лѣтъ и дѣти сидѣли и стояли то тамъ, то здѣсь въ толпѣ. Всѣ они должны были явиться сюда, чтобы можно было видѣть, каковы они и сколько за нихъ слѣдуетъ дать, дабы не остаться въ убыткѣ Какая-то старая женщина не могла стоять на ногахъ и лежала, растянувшись на скамьѣ. Часть „невольниковъ", казалось, совершенно безразлично относилась ко всему, что дѣлалось кругомъ, она стояла, тупо уставившись въ одну точку. Другіе стояли съ возбужденными лицами, щеки ихъ были блѣдны, и глаза горѣли, слѣдя за происходящимъ торгомъ.

„Все происходило такъ же, какъ и при обыкновенныхъ аукціонахъ. Это производило такое впечатлѣніе, точно человѣчество сдѣлалось несостоятельнымъ, и теперь изъ общей конкурсной массы распродается все движимое имущество.

„Предсѣдатель уѣзднаго суда стоялъ на возвышеніи сзади стола, а около него сидѣли двое писцовъ. Звучнымъ голосомъ объявляетъ онъ нѣсколько именъ несчастныхъ —„Много-ли просятъ?"—Сто марокъ!—„Сбавьте, сбавьте! Нѣтъ возможности платить такъ дорого!"—Девяносто пять... Марка долой!—„Девяносто четыре"...—Девяносто!.. „Девяносто . первый"... —Восемьдесять! —„Восемьдесять. первый"... —Марка долой.—„Семьдесять девять... первый... второй... семьдесять девять... нѣтъ ли желающаго взять подешевле? семьдесять... де... вять... третій .. Чье предложеніе"?—Такого-то „Можетъ-ли такой-то содержать купленнаго?"—спрашиваетъ предсѣдатель. — Можетъ, можетъ содержать! — отвѣчаютъ изъ толпы. И этимъ, такимъ образомъ, подтверждается, что онъ, дѣйствительно, въ состояніи содержать.

„Снова предсѣдатель объявляетъ новое имя. „Это тотъ эпилептикъ"?—спрашиваютъ другъ у друга въ толпѣ.—Да, и къ тому же скверный! — отвѣчаютъ другіе. —„Онъ былъ прежде въ Р—скомъ селѣ, въ домѣ К—на, будутъ ли его продолжать содержать въ томъ же домѣ?"—Только не за прежнюю цѣну!—„Я думаю, что сто двадцать пять марокъ будетъ достаточно за него!"—Да я и за двѣсти марокъ не хочу... дѣти до смерти пугаются его ..—„Сколько предлагаютъ"?—Сто пятьдесятъ!—Такъ начинается состязаніе и марокъ за сто несчастный, нуждающійся въ уходѣ, попадаетъ съ прежняго своего жилья въ совершенно противоположную сторону губерніи.

„Затѣмъ наступаетъ очередь слѣдующаго по списку и предсѣдатель спрашиваетъ, живъ ли онъ еще.—Живъ еще! —„Здѣсь-ли онъ?"—Тамъ, у дверей!—„Много-ли просятъ?"—Онъ еще хорошій работникъ... въ зимнее время рубить сучья...—„Да и припадки съ нимъ случаются не чаще двухъ-трехъ разъ въ мѣсяцъ" — Много-ли просятъ?—„Восемьдесятъ!"—кричитъ кто-то.—Марка долой!—„Семьдесятъ девять".—Марка долой!—„Семьдесятъ восемь!.." —Марка долой!—И, такимъ образомъ, скидывается съ пропитанія человѣка „марка долой", до тѣхъ поръ, пока торги не остановятся на „шестидесяти".

„Товаръ" карабкается на скамью и стоитъ, интересуясь, сколько за него пред-

ложили. „Сбавляютъ, сбавляютъ", ворчитъ онъ, прислушиваясь къ торгамъ. Когда же они оканчиваются, онъ опускается, снова садится и вздыхаетъ: „Однако, дешево... дешево... всего только за шестьдесятъ марокъ".

„Предсѣдатель ставитъ значекъ противъ его имени и объявляетъ новое. —„Много-ли марокъ?"—Сто марокъ?—Марка долой!—„Девяносто девять"—Марка долой! —„Девяносто восемь... первый"—Девяносто пять!—„Девяносто пять... первый... второй... сбавляйте по пяти марокъ"...—Восемьдесятъ!

„Въ то же время на скамью вскакиваетъ какая-то старушка и пронзительнымъ голосомъ кричитъ:—Нельзя покупать за цѣну животнаго!—„Да еще не дошло и до цѣны коровы" Кто такая эта баба?—„Я причастная къ этому!".

„Несмотря на это, цѣна марка за маркой понижалась.—„Шестьдесятъ пять.. первый... второй и... третій."—Однако, не высокая цѣна.—„Да и не слѣдовало дороже... одна рука разбита параличемъ"...

„Тише вы тамъ!—кричитъ предсѣдатель. Здѣсь не слышно другихъ, когда вы такъ шумите"

— „Кого то теперь предложатъ?" — спрашиваетъ кто-то по сосѣдству со мной. —Да какъ-будто Кайзу изъ нашей деревни...—„Ты развѣ не будешь торговаться?"—Слѣдуетъ поторговаться и купить... иначе въ это время такъ и не увидишь денегъ. —„Дай я поторгуюсь: она хорошо вяжетъ чулки".—Торгуйся, если хочешь, а я пойду: у меня и такъ уже трое нахлѣбниковъ!

„Онъ сталъ протискиваться къ дверямъ, и я воспользовался этимъ случаемъ выйти съ нимъ одновременно. На задней скамьѣ сидѣла старая женщина и двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Мужчина повелъ женщину въ сѣни, а оттуда на улицу. Здѣсь ее устроили, такъ какъ она не могла держаться на ногахъ, на маленькихъ санкахъ, которыя мужчина и потащилъ за собой.

„Народъ, стоявшій какъ въ сѣняхъ, такъ и на улицѣ, слѣдилъ за этимъ отправленіемъ.—„На много ли ты отъ этихъ питомцевъ разбогатѣлъ?"—крикнулъ кто-то мужчинѣ вслѣдъ.—Немного больше сотни получилъ.—„Неужели онъ на эти деньги думаетъ ихъ и поить, и кормить, и одѣвать?"

„У меня не было опыта въ томъ, достаточно ли будетъ этой суммы, но я былъ согласенъ съ тѣмъ, который, очевидно по собственному опыту, высказалъ это сомнѣніе.

„Я видѣлъ и слышалъ достаточно и поэтому повернулъ къ дому. Когда я проходилъ снова мимо помѣщенія общиннаго собранія, то на улицѣ еще долго слышны были раздававшіеся изъ раскрытыхъ оконъ выкрики: „Марка долой!—Марка долой!"

Чѣмъ то средневѣковымъ вѣетъ отъ этой картины, весьма характерной для нравовъ страны!

Легко себѣ представить, каково живется призрѣваемымъ, пріобрѣтеннымъ съ аукціона. Занимаются этимъ промысломъ, конечно, съ цѣлью извлечь изъ платы, получаемой за призрѣваемаго, доходы, а можно ли, получая 100—200 марокъ въ годъ за содержаніе какого либо старика или неспособнаго къ труду больного, сносно содержать его, да еще имѣть прибыль? Ясно, что содержаніе будетъ самое плохое.

Говоря о злоупотребленіяхъ по содержанію аукціонныхъ бѣдныхъ Піелисьярвискаго прихода, газета „Rajavahti" (1912 г., № 21) писала: „Аукціоны нищихъ для многихъ жителей превратились въ какой то *безнравственный промыселъ*. Пріобрѣтаются нищіе обычно хозяевами большихъ зажиточныхъ домовъ. Живутъ бѣдняки у ихъ хозяевъ въ баняхъ и сараяхъ. Кормятъ ихъ лишь настолько, чтобы они не умерли съ голоду. Что же касается одежды призрѣваемыхъ нищихъ, то ее можно назвать чѣмъ угодно, но только не одеждою". „Послѣ подобныхъ условій жизни, по мнѣнію газеты, неудивительно, что *преступность развивается въ Финляндіи все больше и больше*. Дѣйствительно, можно ли ожидать чего либо хорошаго отъ человѣка, который въ молодости не видѣлъ ничего кромѣ палки, холода и голода. Если бы жизнь всѣхъ „аукціонныхъ нищихъ" записывалась на бумагу, то поистинѣ грустная повѣсть получилась бы изъ совокупности всѣхъ этихъ записей".

Что дѣйствительно житье этихъ несчастныхъ крайне незавидное, подтверждается многими примѣрами.

Такъ, въ Віеренмяки одинъ слѣпой старикъ съ аукціона былъ проданъ на содержаніе, и, по словамъ газеты „Työmies" (1909 г., № 219), уходъ за нимъ былъ настолько плохъ, что онъ забрелъ въ лѣсъ и тамъ, скитаясь нѣсколько дней, умеръ съ голоду. Другая газета „Kansan Tahto" (1910 г., № 56) сообщаетъ, что въ Кони-

сканка у крестьянина Р. сгорѣло дворовое строеніе, въ которомъ содержался взятый съ аукціона *слабоумный*. Послѣдній былъ *въ цѣпяхъ* и, понятно, погибъ въ огнѣ. Впрочемъ, сплошь да рядомъ, эти несчастные кончаютъ свою чисто рабскую жизнь самоубійствомъ, о чемъ въ газетахъ встрѣчаются лишь коротенькія замѣтки въ родѣ такой: „старикъ, жившій на содержаніи въ Лацкао, перерѣзалъ себѣ горло" („Työmies", 1909 г., № 252).

Газета „Rajavahti" (1911 г., № 133) пишетъ, что въ Піелисъярвискомъ уѣздномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію мѣстнаго управленія по призрѣнію бѣдныхъ въ жестокомъ обращеніи съ общинными нищими. Виновнымъ судъ призналъ все же одного только сапожника С., которымъ, какъ при разборѣ дѣла выяснилось, производилось *систематическое истязаніе* бѣдныхъ дѣтей. Судъ оштрафовалъ С. на 10 марокъ (!).

Газета „Sosialisti" (1911 г., № 264) пишетъ, что въ деревнѣ Паюскюля, Піелавесискаго прихода, хозяйка какого то Тінхоласкаго дома настолько сильно избила рукояткою лопаты пріобрѣтеннаго ею съ аукціона общинныхъ нищихъ 10-лѣтняго мальчика, что спустя еще 5 дней послѣ истязанія, когда малютку подвергли медицинскому осмотру, все тѣло его было испещрено громадныхъ размѣровъ рубцами и синяками. Означенная хозяйка, „по убѣжденіямъ младофинка", уже ранѣе нѣсколько разъ привлекалась къ суду за *жестокое обращеніе* съ пріобрѣтенными ею на общинныхъ аукціонахъ бѣдняками.

По словамъ газеты „Kansan Lehti" (1912 г., № 50), въ Нильсіяскомъ уѣздномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію нѣкоей Маріи Х. въ жестокомъ обращеніи съ призрѣваемою ею 72-лѣтней нищей старухой Анной В. Допросъ свидѣтелей вполнѣ подтвердилъ справедливость предъявленныхъ отвѣтчицѣ обвиненій. Такъ, одна свидѣтельница сообщила, что когда она въ прошлую осень жала у отвѣтчицы рожь, та видѣла, что хозяйка, однажды, совершенно безпричинно два раза ударила призрѣваемую палкою. Послѣ второго удара несчастная старуха свалилась на колѣни и зарыдала. У видя слезы призрѣваемой, хозяйка ей замѣтила: „вотъ какъ я засуну тебѣ въ глотку камень, такъ не будешь плакать". Свидѣтельница Мина Т. показала, что отвѣтчица очень часто толкала свою призрѣваемую и неоднократно запрещала окружающимъ давать ей ѣсть, на томъ основаніи, что „она сама-де дастъ, если дастъ". Спала призрѣваемая, по словамъ свидѣтельницы, на грязной постели, покрываясь своимъ суконнымъ лифомъ, а зимою, въ добавокъ къ нему, ватнымъ пальто. Свидѣтель Калле В. показалъ, что отвѣтчица однажды *настолько сильно избила призрѣваемую, что изъ рукъ послѣдней потекла кровь*. Кромѣ хозяйки, по словамъ свидѣтеля, призрѣваемую *били и хозяйскія дѣти*. Вся одежда несчастной старухи *кишѣла насѣкомыми*. Послѣднихъ было такъ много, что, напримѣръ, висѣвшая на стѣнѣ юбка призрѣваемой отъ изобилія вшей шевелилась. По словамъ свидѣтельницы Иды К., постельное бѣлье призрѣваемой старухи никогда не смѣнялось".

Та же газета (1912 г., № 236) сообщала, что „4 октября 1912 г. на дорогѣ между деревнями Ламу и Пиппала была найдена замерзшая находившаяся въ безсознательномъ состояніи молодая женщина. Крестьяне, нашедшіе несчастную, свезли ее къ себѣ домой и вызвали къ ней фельдшерицу. Послѣдняя, осмотрѣвъ больную, заявила, что ея руки и ноги замерзли настолько сильно, что на излѣченіе нѣтъ рѣшительно никакой надежды. И не удивительно: на тѣлѣ несчастной женщины была, не одежда, а какія то лохмотья, притомъ настолько рваныя и истасканныя, что при всемъ желаніи нельзя было опредѣлить, какой видъ одежды они прежде изъ себя представляли. Черезъ нѣкоторое время удалось установить и личность больной. Это была *„аукціонная нищая"*, сумасшедшая Комулайненъ, изъ деревни Сависелькя, Кярсямякискаго прихода. По причинѣ *звѣрскаго обращенія* съ нею ея хозяевъ, она убѣжала отъ послѣднихъ и, пробродивъ по снѣгу *два дня*, свалилась, наконецъ, въ безсознательномъ состояніи, на дорогу, съ которой и была затѣмъ подобрана крестьянами".

Въ Сомероскомъ уѣздномъ судѣ, разбиралось дѣло по обвиненію арендатора Пусулаской бостели Эрика С., его жены Авроры С. и ихъ дѣтей въ истязаніи взятаго ими на содержаніе страдающаго падучею болѣзнью нищаго „Михаила". Въ 1907 году означенныя лица, связавъ призрѣваемаго по рукамъ и ногамъ ремнями, снесли его въ хлѣвъ и тамъ въ теченіе сутокъ морили голодомъ. Въ 1908 году „благодѣтели" посадили однажды свою жертву въ чуланъ и тамъ принялись *бить толстою резиновою плетью*. Особенно возмутительно обращалась съ нищимъ Аврора С. Такъ, напримѣръ, она часто била его подѣньями и желѣзными ведрами.

„Абоскій гофгерихтъ, куда дѣло было перенесено, признавъ Эрика С и его жену виновными, присудилъ перваго къ 9 мѣсячному тюремному заключенію и къ уплатѣ 150 марокъ штрафа" („Turun Sanomat", 1912 г, № 78).

Даже *шведоманская* „Hufvudstadsbladet" отмѣтила на своихъ столбцахъ судебное дѣло, которое можетъ служить хорошимъ примѣромъ обращенія съ призрѣваемыми (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 149).

„Характерное дѣло возбуждено въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ бобылемъ Микелемъ А. изъ селенія Такласкъ противъ односельчанина Іогана В., котораго онъ обвиняетъ

въ истязаніи своего душевнобольного брата, взятаго имъ съ *„аукціона бѣдняковъ"* себѣ на содержаніе за плату 365 мар въ годъ. По словамъ повѣреннаго жалобщика, обвиняемый помѣстилъ жертву своей жестокости въ комнатѣ, давно уже совершенно не отапливавшейся или отапливавшейся крайне недостаточно. Пострадавшій былъ одѣтъ въ брюки, покрывающіе ноги только до колѣнъ. Нижнія части ногъ оставались неприкрытыми и отъ холода распухли и покраснѣли. Въ теченіе зимы печная труба въ комнатѣ рухнула, и при попыткахъ зажечь печку комнату наполнялъ дымъ; починка трубы исполнена была лишь къ серединѣ лѣта. По крайней мѣрѣ, временами больной бывалъ совершенно *осыпанъ насѣкомыми*, что же касается пищи, то обвиняемый разъ высказалъ, что хлѣбъ, который не желаютъ ѣсть его лошади, онъ даетъ этому больному, которому и того довольно. Затѣмъ, по словамъ жалобщика, обвиняемый дозволялъ безобразничавшимъ мальчишкамъ и дѣтямъ изводить и насмѣхаться надъ больнымъ, вкладывать вмѣсто табаку порохъ въ его трубку, опаливать его бороду и т. п. Кромѣ того, обвиняемый пытался *жечь пальцы и ногти своей жертвы каленымъ желѣзомъ*, останавливаемый лишь громкими криками несчастнаго о помощи. Изъ десяти данныхъ по дѣлу свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что комната, въ которой содержался больной, временами оставалась нетопленною, что ноги его покраснѣли и опухли отъ холода, что желавшій его навѣстить членъ общиннаго управленія не могъ попасть къ нему въ комнату, такъ какъ дверь была заперта, а ключъ изъ замка вынутъ, что труба у печи дѣйствительно рухнула въ февралѣ. Подтвердилось также, что отвѣтчикъ говорилъ о хлѣбѣ, негодномъ для его лошадей, „но достаточномъ для того, кто въ комнатѣ"; пытался выжигать ногти больного, а когда тотъ не соглашался подвергнуться подобной операціи и просилъ ногти обрѣзать, то ему ихъ спиливали небольшой пилой и т. п.".

Въ описанныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не только съ часто встрѣчающейся экономіей по содержанію аукціонныхъ призрѣваемыхъ, но съ типичной финляндской жестокостью, которая характеризуется ножевщиной, драками, истязаніями дѣтей въ школахъ и т. п.

Подобное тяжелое положеніе призрѣваемыхъ объясняется, кромѣ всего прочаго, еще *отсутствіемъ надлежащаго надзора* за ними.

Старофинская газета „Wiipuri" (отъ 29 ноября 1911 г.) писала: *„Наблюденіе* за тѣми призрѣваемыми, которые отдаются въ частныя руки, поставлено въ общинахъ Кареліи *въ высшей степени плохо*".

„Надзиратели, тамъ, гдѣ они существуютъ, очень рѣдко посѣщаютъ бѣдняковъ. Поэтому слѣдовало бы ихъ принудить болѣе внимательно относиться къ своимъ обязанностямъ. Слѣдуетъ установить, чтобы при каждомъ посѣщеніи составлялся протоколъ, изъ котораго было бы видно о способахъ ухода за призрѣваемыми. Надзирателей должно быть столько, чтобы на каждаго изъ нихъ пришлось бы лишь нѣсколько призрѣваемыхъ, которые имъ, благодаря этому, были бы хорошо извѣстны".

Недостатки дѣла призрѣнія бѣдныхъ въ Кареліи, по словамъ газеты, обратили на себя вниманіе губернскаго инспектора.

„Въ виду жалобъ на то, что отдача бѣдныхъ въ частныя руки въ большинствѣ общинъ Кареліи производится неподходящимъ образомъ, о чемъ во многихъ газетахъ нѣсколько разъ писалось, инспекторъ призрѣнія разослалъ нѣсколькимъ правленіямъ призрѣнія Выборгской губерніи предписанія, въ которыхъ онъ указывалъ на обязанности надзирателей и рекомендовалъ при отдачѣ призрѣваемаго въ частныя руки составлять обязательно особое письменное условіе".

Передавая о судебномъ разбирательствѣ одного случая истязанія „аукціоннаго" ребенка въ Піелисъярвискомъ приходѣ и говоря, что при разбирательствѣ дѣла обнаружилась весьма печальная обстановка призрѣнія бѣдныхъ въ приходѣ, газета „Sosialisti" (1911 г., № 282) писала: *„Никакихъ спеціальныхъ наблюдателей* за условіями жизни пріобрѣтаемыхъ аукціонныхъ путемъ нищихъ въ общинѣ *не существуетъ*—всѣ наблюдательскія обязанности возложены на членовъ общинной управы. Мизерность получаемаго послѣдними за исполненіе наблюдательскихъ обязанностей жалованья (15 марокъ въ годъ), весьма естестественно, побуждаетъ ихъ относиться къ этимъ обязанностямъ въ высшей степени индефферентно. Жизнь пріобрѣтаемыхъ съ аукціона нищихъ еще болѣе ухудшается въ силу того, что всѣ члены управы (что то же—наблюдатели) находятся въ денежной зависимости отъ тѣхъ тузовъ, къ которымъ нищіе обычно съ аукціоновъ попадаютъ".

Таковы отзывы газетъ о состояніи надзора за „аукціонными" бѣдными. Если еще принять во вниманіе, что громадную роль въ наблюденіяхъ за условіями жизни аукціонныхъ нищихъ играютъ знакомство, сосѣдство и родство наблюдателей съ хозяевами пріобрѣтаемыхъ аукціоннымъ путемъ бѣдняковъ, то можно понять, какое въ дѣйствительности существуетъ наблюденіе за содержаніемъ „аукціонныхъ" призрѣваемыхъ.

Если плохо положеніе бѣдныхъ, отдаваемыхъ съ аукціона въ частныя руки, то не многимъ лучше оно и *въ домахъ призрѣнія*.

Такъ же, какъ и въ школахъ, въ домахъ для призрѣнія бѣдныхъ въ обычаѣ суровыя наказанія и даже *истязанія призрѣваемыхъ*.

Газета „Россія" (1910 г., № 1274) со словъ соціалистическаго „Savon Työmies" (1910 г., № 1) сообщаетъ, что ленсманъ Рауталампискаго округа привлекъ къ суду смотрителя дома призрѣнія немощныхъ въ Рауталампи Авеля Л. за истязаніе призрѣваемаго.

Объ ужасныхъ порядкахъ въ *домѣ по призрѣнію бѣдныхъ прихода Ювяскюля* читаемъ въ газетѣ „Kansan Lehti" (1911 г., № 58), которая передаетъ о нихъ со словъ „Sorretun Woima": „Въ богадѣльнѣ господствуетъ самая отвратительная грязь, хотя на очистку общиною отпускаются деньги. Завѣдывающіе, надзиратели и другія состоящія при богадѣльнѣ лица, насколько можно судить, не обращаютъ вниманія на призрѣваемыхъ, которые весьма страдаютъ *отъ обилія насѣкомыхъ паразитовъ*. Головы, одежда и постели призрѣваемыхъ переполнены клопами и вшами. Надзиратели только пожимаютъ плечами, говоря, что *паразиты—частныя домашнія животныя призрѣваемыхъ*. Пусть-де они сами ходятъ за ними. Тѣла призрѣваемыхъ покрыты струпами (ruven peitossa); прямо противно на нихъ смотрѣть. Койки грязныя и ужаснаго вида, бѣлье грязное, изъ мѣшковъ сшитое, вмѣсто одѣялъ совершенно изношенные пиджаки и т. п. Каждый шовъ полонъ разжирѣвшихъ вшей и другихъ насѣкомыхъ (jüonoselkä). Вши достигаютъ длины ½ сантиметра. Многіе изъ призрѣваемыхъ не могутъ сами двигаться. Имъ приходится неподвижно лежать среди этой грязи и насѣкомыхъ. Когда же ожидаютъ посѣщенія какого нибудь лица господскаго класса, какъ, напримѣръ, пастора, тогда начинаютъ копошиться и производить фиктивную уборку. Прикрываютъ просто всю эту грязь чистыми простынями. Но попробуйте приподнять немного простыню и вы отшатнетесь. Пасторъ недавно подарилъ въ богадѣльню гармонію. Но онъ поступилъ бы лучше, если бы на пожертвованныя деньги накормилъ призрѣваемыхъ, дабы они не голодали. Лапшою и кашею на водѣ не особенно наѣшься. Многіе прихожане, при видѣ всѣхъ этихъ вопіющихъ безпорядковъ, угрожаютъ подать жалобу въ управленіе по призрѣнію бѣдныхъ. Получающія изъ общинныхъ суммъ жалованіе должностныя лица обязаны исполнять свои служебныя обязанности исправно. Въ случаѣ же переутомленія община обязана увеличить составъ служащихъ. Нынѣшнему же истязанію призрѣваемыхъ необходимо положить конецъ".

Та же газета (1911 г., № 255) описываетъ печальные порядки, господствующіе въ *богадѣльнѣ въ городѣ С.-Михелѣ*. Жалобы на эти порядки ни къ чему не приводятъ.

„При прежней завѣдывающей богадѣльнею призрѣваемые пользовались нѣкоторыми льготами; такъ напримѣръ, имъ разрѣшалось ходить въ городъ, они могли варить себѣ кофе въ кухнѣ богадѣльни и т. п. Нынѣшняя завѣдывающая у всѣхъ призрѣваемыхъ отобрала кофейники. Одинъ призрѣваемый старикъ, не взирая на запрещеніе завѣдывающей, варилъ себѣ кофе; заставъ его на мѣстѣ преступленія, завѣдывающая отняла у старца кофейникъ и всю горячую воду изъ этого кофейника въ четыре отдѣльныхъ пріема вылила на старца. Нѣкоторымъ изъ призрѣваемыхъ кофейники теперь возвращены и разрѣшено варить себѣ кофе въ опредѣленные часы. Одинъ изъ призрѣваемыхъ, желая нѣсколько разнообразить свое меню, купилъ на рынкѣ ряпушки, но завѣдывающая, видя въ этомъ излишнюю гастрономію, выбросила ряпушку въ помойное ведро. Найдя у одного изъ призрѣваемыхъ небольшой кусокъ мяса, завѣдывающая сочла нужнымъ взять этотъ кусокъ себѣ „на сохраненіе". Одинъ изъ призрѣваемыхъ нѣсколько разъ просилъ о разрѣшеніи ему сходить въ церковь, но завѣдывающая все не отпускала его; тогда призрѣваемый въ одно изъ воскресеній пошелъ въ церковь безъ разрѣшенія. Въ результатѣ богомоленъ, по возвращеніи изъ церкви, былъ посаженъ въ карцеръ въ наказаніе за совершенное имъ „преступленіе". Обращеніе завѣдывающей съ призрѣваемыми далеко не гуманное, не говоря уже о томъ, что она постоянно показываетъ кулаки, топаетъ ногами, кричитъ и т. п. Въ городъ она не отпускаетъ призрѣваемыхъ въ виду того, что они, якобы, тамъ попрошайничаютъ. Когда одинъ изъ призрѣваемыхъ рѣшился сходить въ городъ купить себѣ хлѣба, то былъ „присужденъ" за это къ 9 днямъ карцера. Благодаря всему этому, С.-Михельская богадѣльня—убѣжище для старыхъ и убогихъ—превратилась въ несносную тюрьму для послѣднихъ".

Вотъ еще примѣръ обращенія съ призрѣваемыми. „Työmies" (отъ 21 января—3 февраля 1912 г.) сообщаетъ:

„Прошлой осенью 76-лѣтній старецъ П. пожертвовалъ Липерискому обществу призрѣнія бѣдныхъ все свое имущество, стоимостью около 2 000 марокъ, съ условіемъ, чтобы ему представлено было право дожить свои послѣдніе дни въ тишинѣ и спокойствіи въ мѣстной богадѣльнѣ. 22 января н. ст. П., имѣя намѣреніе посѣтить предсѣдателя общинной управы, пошелъ въ конюшню богадѣльни и сталъ запрягать лошадь, которая еще недавно принадлежала ему; вдругъ на него набросился завѣдывающій богадѣльней Л., *схвативъ его за горло* и такъ сжалъ, что старикъ безъ чувствъ повалился на землю. Затѣмъ его снесли въ карцеръ, гдѣ повалили и стали снимать съ него висѣвшій на ремнѣ финскій ножъ. И такъ „нѣжно" съ нимъ тамъ обращались,

что старца стало рвать. При этомъ завѣдывающій приговаривалъ: „мы тебя тутъ откармливать не будемъ". Послѣ „пытокъ" старца продержали четыре дня въ карцерѣ".

Въ той же богадѣльнѣ, по сообщенію названной газеты (1912 г. № 66), „два содержащихся страдающихъ ревматизмомъ старика сходили однажды въ баню, не спросивъ предварительно на то разрѣшенія у завѣдывающей. Послѣдняя, узнавъ о „проступкѣ" стариковъ, приказала имъ итти въ карцеръ. Старики не пошли. Это такъ разсердило завѣдывающую, что она одному старику *изрѣзала ножемъ руки*, а другого свалила съ помощью сидѣлки на землю и, *поставивъ ему затѣмъ поперекъ спины доску, встала на послѣднюю ногами*, приказавъ то же сдѣлать и сидѣлкѣ. Послѣ „наказанія" оба старика были посажены въ карцеръ насильно".

Газета „Kansan Tahto" (1912 г., № 21) пишетъ, что „*богадѣльня Пааволаскаго прихода* изобилуетъ разнаго рода насѣкомыми. Послѣднихъ развилось въ богадѣльнѣ настолько много, что для уничтоженія ихъ губернаторъ принужденъ былъ назначить особыхъ людей. Кромѣ изобилованія насѣкомыми означенная богадѣльня прославилась еще тѣмъ, что въ ней очень *жестоко обращаются* съ призрѣваемыми дѣтьми".

Такими культурными способами призрѣваютъ въ Финляндіи нищихъ и стариковъ.

Столь же неудовлетворительно поставлено *призрѣніе внѣбрачныхъ и неимущихъ дѣтей*. Говоря объ этомъ, газета „Työ" (1911 г., № 31) описывала тяжелое положеніе такихъ дѣтей:

„Въ 1904 году внѣбрачныхъ дѣтей родилось 5.825 человѣкъ, а въ 1905 году—5.963 человѣка. Удѣломъ всѣхъ ихъ, кромѣ всеобщаго нравственнаго презрѣнія, будетъ тяжелое матеріальное положеніе. Когда мать не въ состояніи содержать своего ребенка, его содержитъ община. Всѣхъ дѣтей, содержавшихся на счетъ общинъ, въ 1906 году было 21.900 человѣкъ. Изъ нихъ 1.660 человѣкъ содержались въ богадѣльняхъ; къ частнымъ лицамъ было помѣщено 11.434 человѣка; въ общинахъ содержалось 111 человѣкъ; родственникамъ отдано 4.033 человѣка и, наконецъ, случайныхъ пособій было выдано 4.662 человѣкамъ. Такимъ образомъ, большая часть дѣтей (11.434 человѣка) была помѣщена за извѣстное вознагражденіе *къ частнымъ лицамъ*".

Подобно прочимъ призрѣваемымъ и безпріютнымъ, дѣти во многихъ общинахъ Финляндіи сдаются на содержаніе „съ аукціона". Такимъ именно способомъ и помѣщены были 11.434 ребенка „къ частнымъ лицамъ".

„Положеніе этихъ дѣтей, продолжаетъ газета, особенно печально. Очень часто имъ приходится поселяться въ семьѣ, которая и сама голодаетъ. О воспитаніи ребенка здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Существуетъ даже всеобщее убѣжденіе, что *воспитаніе для „аукціонныхъ" дѣтей является излишнимъ*".

Кромѣ того, надо помнить, что воспитателями являются финны, отличительною чертою характера которыхъ является жестокость.

По словамъ газеты „Työmies" (1911 г., № 136), „въ 1911 году въ Ліексаскомъ чрезвычайномъ судѣ разбиралось дѣло о поразительномъ по своей жестокости обращеніи супруговъ М. съ пріобрѣтенной ими на аукціонѣ 9-лѣтней внѣбрачной дѣвочкой. Изъ допроса свидѣтелей выяснилось, что жена М., Каролина, нѣсколько разъ въ день *таскала дѣвочку за волосы* и *била ее собачей плетью*. Даже ночью малютку не оставляли въ покоѣ. Къ устроенной въ углу кухни собачьей конурѣ, гдѣ вмѣстѣ съ собаками обычно спала и дѣвочка, подходила хозяйка и вновь била уже избитую за день питомицу. Хозяйка даже предпочитала бить дѣвочку ночью, потому что послѣдняя въ это время была раздѣта, и, слѣдовательно, удары были много чувствительнѣе. О силѣ ударовъ можно судить по тому, что изъ тѣхъ мѣстъ, куда удары были нанесены, у дѣвочки *сочилась кровь*. Вдобавокъ къ этому малютку *морили голодомъ*. Однажды кто-то бросилъ находившейся въ кухнѣ собакѣ сухую корку. Дѣвочка, замѣтивъ это, подбѣжала къ собакѣ, вырвала у нея изо рта корку и тотчасъ же ее съѣла. Присутствовавшая при этой сценѣ хозяйка очень разсердилась на дѣвочку и приказала принести *ножъ, чтобы* можно было бы *отрѣзать дѣвочкѣ руки*. Забитая малютка повѣрила и принесла хозяйкѣ полѣно куда можно было бы положить руки и топоръ, которымъ можно было бы ихъ отрубить. Спала дѣвочка обычно съ собаками, но и это было для нея роскошью, которую ей не всегда разрѣшали: иногда полунагую, съ завязанными назадъ руками дѣвочку уводили въ холодный сарай. Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ дѣвочка жила въ теченіе 2 лѣтъ. Пожаловаться кому-либо она не смѣла, потому что ей пригрозили: „Если ты пожалуешься, то тебя будутъ бить еще больше".

Та же газета „Työmies“ (1911 г., № 193) передаетъ другой подобный случай. „На устроенномъ въ 1909 году въ деревнѣ Луодо аукціонѣ бѣдныхъ, крестьянинъ К. пріобрѣлъ себѣ 15-лѣтнюю дѣвочку. Трудно себѣ представить ту жизнь, которая началась для нея съ момента поступленія въ семью означеннаго К. Надъ дѣвочкой каждый день смѣялись, били ее палкой, оставляли голодной. Нѣсколько дней тому назадъ дѣвочку избили настолько сильно, что она, не находя возможнымъ долѣе жить при такихъ условіяхъ, въ одной рубашкѣ убѣжала въ лѣсъ. Черезъ сутки бѣглянка была найдена однимъ проходившимъ по лѣсу крестьяниномъ, который и сообщилъ о своей находкѣ общиннымъ властямъ“.

По сообщенію газеты „Kansan Lehti“, какой то руовесискій крестьянинъ настолько сильно, безпричинно, избилъ пріобрѣтеннаго имъ съ аукціона 10-лѣтняго мальчика, что тотъ на слѣдующій день не былъ въ состояніи подняться съ постели („Финляндская Газета“, 1911 г., № 111)

Какъ сообщала газета „Rajavahti“ (1911 г., № 137), „въ Париккала, *изъ-за тяжелыхъ условій жизни*, бросился въ прорубь и утонулъ одинъ пріобрѣтенный съ аукціона нѣкіимъ А. нищій мальчикъ. Другого „аукціоннаго“ ребенка его хозяева *истязали настолько сильно*, что малютка, во избѣжаніе побоевъ, принужденъ былъ уходить ночевать на сѣновалъ

По словамъ той же газеты (1912 г., № 21), „въ деревнѣ Мурторанта хозяева нѣкоего Хейнявоораскаго дома, пріобрѣли на Піелисъярвиской ярмаркѣ какого-то нищаго ребенка. Они настолько жестоко стали съ нимъ обращаться, что совершенно посторонніе люди подали на нихъ жалобу члену мѣстнаго управленія по призрѣнію бѣдныхъ. Въ этой жалобѣ указывалось, что хозяева заставляютъ полунагого ребенка исполнять непосильныя для него работы, морятъ его голодомъ, бьютъ и т. д.

Аукціонная продажа дѣтей происходитъ иногда *даже противъ желанія родителей*. Образчикомъ разыгрывающихся при этомъ дикихъ сценъ можетъ служить слѣдующая замѣтка въ газетѣ „Työmies“ (1910 г., № 8).

„Одна мать въ Лапписскомъ приходѣ просила вспомоществованія для своихъ трехъ дѣтей. Ей отвѣтили, что дѣтей продадутъ съ публичнаго торга, а мать отдадутъ въ домъ призрѣнія бѣдныхъ. Испуганная мать стала говорить, что она не позволитъ продать своихъ дѣтей и въ такомъ случаѣ обѣщаетъ сама прокормить ихъ и даже отказывается отъ вспомоществованія. Но все было напрасно Дѣтей рѣшили продать. Мать въ отчаяніи схватила дѣтей и въ страхѣ убѣжала. Тогда лица, производившія аукціонъ, крикнули присутствовавшему полицейскому: „тройку сюда, дѣтей отдать, а мать въ домъ призрѣнія“

„Приказаніе было исполнено полицейскимъ, дѣти были отобраны отъ матери и отданы купившему ихъ, а мать отправлена въ домъ призрѣнія“ *).

Въ другомъ случаѣ, о которомъ передаетъ газета „Sosialidemokratti“ (отъ 24 декабря 1911 г.—6 января 1912 г.), мать не разлучили съ ребенкомъ лишь послѣ большихъ споровъ.

Это было на „аукціонѣ людей“ 30 декабря (н. ст.) 1911 г. въ Кіукойненъ. „Тяжело было смотрѣть, говоритъ газета, какъ хотѣли мать разлучить съ ребенкомъ. Среди „покупателей“ было много такихъ, которые смѣялись надъ слезами матери и надъ, тѣмъ, что она грозила лишить себя жизни, если ребенокъ будетъ у нея отнятъ. Мать больная, ребенку 8½ лѣтъ. Въ концѣ концовъ, послѣ горячихъ споровъ, мать и ребенокъ достались одному и тому же лицу“.

Если дурно положеніе дѣтей, отдаваемыхъ съ аукціоннаго торга въ частныя руки, то не лучше положеніе тѣхъ дѣтей, которыя отдаются въ богадѣльни. „Воспитаніе ихъ тамъ поручается, по словамъ газеты „Työ“ (1911 г., № 31), такимъ лицамъ, которыя сами нуждаются въ присмотрѣ. Отъ дурной пищи дѣти дѣлаются изнуренными, слабыми физически. Отъ дурного обращенія и бранныхъ словъ озлобляется дѣтская душа. *Въ результатѣ получается сильное развитіе дѣтской преступности* **)“.

*) Кромѣ аукціонной продажи, въ Финляндіи практикуются и частныя сдѣлки по продажѣ дѣтей родителями. Еще сеймовая депутатка г-жа Силлампя по этому поводу говорила, что старшіе имѣютъ право продавать своихъ дѣтей въ услуженіе, противъ чего дѣти не имѣютъ права возражать до достиженія ими зрѣлаго возраста („Työmies“, 1910 г., № 85). Каково обращеніе съ ними, можно видѣть изъ того, что, напримѣръ, въ селеніи Куру хозяинъ заставляетъ работать мальчика съ ранняго утра до поздняго вечера, причемъ на ночь отправляетъ его спать въ клѣтушку при хлѣвѣ, гдѣ полъ во льду, и тутъ-то несчастный мальчуганъ спитъ всю зиму („Земщина“, 1911 г., № 521).

**) Въ подтвержденіе мысли о развитіи дѣтской преступности газета приводила слѣдующія статистическія данныя о дѣтской преступности (въ процентахъ): съ 1891 года по 1893 годъ—15,2%; съ 1894 по 1896—15,9%; съ 1897 по 1899—19,3%; съ 1900 по 1902—17,2%; съ 1903 по 1905—19,7%.

Насколько дурно содержаніе дѣтей въ подобныхъ пріютахъ, можно судить по слѣдующему сообщенію, обошедшему лѣтомъ 1911 г. финляндскія газеты („Aamulehti“, 1911 г., № 160, и друг.).

„Пять учениковъ находящагося въ Койвисто С.-Михельскаго общиннаго пріюта для малолѣтнихъ, придя въ губернскую канцелярію, заявили, что въ пріютѣ ихъ *кормятъ гнилымъ мясомъ*. Тотчасъ же для разслѣдованія дѣла въ пріютъ былъ отправленъ и д. губернскаго секретаря Хагманъ“.

„При ревизіи пріюта оказалось, что пища питомцамъ пріюта приготовлялась изъ испорченнаго мяса. При осмотрѣ свареныхъ мясныхъ порцій въ нихъ найдены были черви (!). При осмотрѣ чана, гдѣ хранилось сырое мясо, тамъ *найдены были двѣ дохлыя крысы въ состояніи сильнаго разложенія*, а находившееся въ чанѣ мясо издавало до того сильное зловоніе, что инспектировавшимъ пріютъ пришлось зажать носы. Отдано было приказаніе немедленно выбросить все это мясо въ помойную яму. Кромѣ того, при ревизіи найдено было еще много другихъ крупныхъ злоупотребленій. По словамъ газеты „Vapaus“, губернаторъ рѣшилъ уволить со службы завѣдывающаго пріютомъ“.

Существуютъ особыя исправительныя заведенія для порочныхъ дѣтей, порядки въ которыхъ также заставляютъ желать много лучшаго.

Младофинскій „Helsingin Sanomat“ (1910 г., № 210) сообщаетъ, напримѣръ, что „однажды въ воскресенье вечеромъ взбунтовались воспитанники исправительнаго учебнаго заведенія для порочныхъ дѣтей въ Коуволѣ. Они ходили толпами и вели себя крайне своевольно. На другой день мальчики не приступали къ работамъ и продолжали безчинства; избили директора и учителей заведенія, били окна и проч Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней въ 2 часа до 40 учениковъ убѣжали изъ заведенія и къ вечеру изъ нихъ возвратилось всего 5 человѣкъ. Изъ Гельсингфорса на мѣсто отправлено 4 полицейскихъ констабля и 2 полицейскихъ собаки“.

Изъ приведенныхъ нами газетныхъ сообщеній въ достаточной степени выясняется картина общественнаго призрѣнія въ Финляндіи. Правда, законъ тамъ запрещаетъ нищенство, и нищихъ попадается не такъ много, какъ, можетъ быть, у насъ, но въ Финляндіи до сего времени существуетъ позорный и очень характерный для нравовъ страны обычай отдавать безпріютныхъ бѣдныхъ, больныхъ, старыхъ и малолѣтнихъ на содержаніе частнымъ лицомъ *съ аукціоннаго торга*, причемъ содержатся эти бѣдняки въ ужасныхъ условіяхъ, почти безъ всякаго общественнаго надзора, доставляя лишь выгоды своимъ содержателямъ. Существующія въ очень недостаточномъ количествѣ богадѣльни и пріюты для малолѣтнихъ не рѣдко даютъ поводъ сомнѣваться въ сколько нибудь правильной постановкѣ въ нихъ дѣла, причемъ особое опасеніе возбуждаетъ молодое поколѣніе, съ каждымъ годомъ дающее большій процентъ преступности.

4. Больницы и врачи.

Говоря о постановкѣ врачебной части въ Финляндіи, изданная въ 1898 г., подъ редакціей Д. Протопопова, книга „Финляндія“, имѣющая цѣлью оттѣнить высоту финляндской культуры, вынуждена была констатировать отсталость страны въ этомъ отношеніи. Въ этой книгѣ мы находимъ слѣдующія строки (стр. 21):

„*Медицинская помощь* въ сельскихъ мѣстностяхъ поставлена въ общемъ *неудовлетворительно*; общинные врачи существуютъ далеко не во всѣхъ общинахъ, а „провинціальные“ врачи имѣютъ на своемъ попеченіи участки слишкомъ обширные. *Дѣтская смертность велика*. Эпидеміи не имѣютъ особаго распространенія въ странѣ; зато *слѣпота*, особенно въ Саволаксѣ и Кареліи, является тяжкимъ бичемъ; причиной слѣпоты являются курныя избы,—быстро, впрочемъ, исчезающія,—главнымъ же образомъ бани, топящіяся по черному“.

Въ такомъ положеніи медицина и народное здравіе были въ послѣдніе годы минувшаго вѣка. Немногое, повидимому, измѣнилось въ этомъ отношеніи за 10—12 лѣтъ, если судить по отзывамъ современной финляндской печати.

Такъ, напримѣръ, въ Финляндіи довольно распространенъ *туберкулезъ*.

„Tammerfors Nyheter" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 107) приводитъ изъ статистики доктора Дрейера цифры, показывающія развитіе туберкулеза въ Вирдойсѣ. „Изслѣдованія начались въ іюнѣ 1910 г. и закончились 31-го декабря того же года. Число умершихъ въ данной мѣстности въ теченіе 1900—1909 года равнялось 1.359, изъ которыхъ 183 или 13,5% умерли отъ туберкулеза. Число жилыхъ домовъ въ Вирдойсѣ въ отчетный періодъ равнялось 1.316, а число проживающихъ тамъ семей—1.466. Случаи туберкулеза наблюдались въ 305 домахъ, въ 314 семьяхъ, причемъ легочный туберкулезъ въ 57 семьяхъ, а гнойный туберкулезъ въ 228. Въ 29 семьяхъ былъ обнаруженъ какъ легочный, такъ и гнойный туберкулезъ. Болѣе всего туберкулезъ свирѣпствовалъ въ селеніяхъ Васкивеси и Тойсвеси. Причину этого докторъ Дрейеръ видитъ въ огромномъ потребленіи *алкоголя*, особенно въ селеніи Васкивеси. Причина же развитія туберкулеза въ Тойсвеси — нездоровыя жилищныя условія.

По сообщенію газеты „Helsingin Sanomat" (см. „Финляндскую Газету" 1911 г., № 156), первый гельсингфорсскій городской врачъ, проф. В. Суксдорфъ, представилъ Врачебному Комитету обширный, снабженный многими статистическими данными, докладъ, касающійся туберкулеза *въ Гельсингфорсѣ* и мѣръ борьбы съ нимъ. „Начиная съ 1901 г. и по 1909 г. въ городѣ ежегодно умирало отъ чахотки въ среднемъ 353 человѣка, что составляетъ 21,4% всей годовой смертности; кромѣ того, умерло отъ скоротечной чахотки 214 человѣкъ, или 13% всего числа умершихъ. Если сопоставить число смертныхъ случаевъ отъ туберкулеза съ численностью населенія Гельсингфорса, то на каждые 10 000 человѣкъ приходится ежегодно умершихъ отъ туберкулеза 31,8 и отъ скоротечной чахотки 21,3. Такимъ образомъ, отъ туберкулеза умираетъ 1/30 часть. Что касается возраста умершихъ, то, какъ видно изъ приложенной къ докладу таблицы, больше всего умираютъ отъ туберкулеза молодые люди въ возрастѣ 10—20 лѣтъ".

Въ Вазаской губерніи въ приходѣ Теуво, напр., по сообщенію „Uusi Suometar" (1910 г., № 162), ежегодно умираетъ отъ чахотки по 200 человѣкъ. Въ той же губерніи, въ приходѣ Вирта чахотка уноситъ около 14% всего числа умершихъ; изъ 1.455 семействъ прихода 314 заражены ею („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 179).

Изъ приблизительнаго подсчета числа чахоточныхъ въ Финляндіи, сдѣланнаго мѣстными врачами, на основаніи донесеній общинныхъ врачей, видно, что въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ по малой заболѣваемости чахоткою находятся Выборгская и С.-Михельская губерніи, въ которыхъ смертность отъ этой болѣзни не превышаетъ 15%. Зато по другимъ губерніямъ Финляндіи смертность отъ чахотки мѣстами доходитъ до 28%, имѣя притомъ наклонность все къ большему распространенію, а не сокращенію *).

„Врачи заявляютъ, что главнѣйшими причинами распространенія этой болѣзни по странѣ являются *недостатокъ чистоплотности, невѣжество населенія и безпечность его*. Мѣстами почва для болѣзни подготовляется *необычайнымъ потребленіемъ въ краѣ кофе и табаку*" („Uusi Suometar", 1911 г., № 194).

Указанная выше нечистоплотность, влекущая за собою увеличеніе заболѣваній чахоткою, особенно вредной оказывается въ мѣстахъ общественныхъ собраній: киркахъ, школахъ и пр.

„На церковномъ собраніи въ Мерикарвіо недавно обсуждался, между прочимъ, вопросъ о пріобрѣтеніи плевательницъ для кирки. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, *посѣтители кирки* такъ мало обращаютъ вниманія на опрятность и чистоту, что *плюютъ прямо на полъ*. Въ виду того, что отъ этого бываютъ дурныя послѣдствія, а чахотка и здѣсь производитъ уже опустошенія въ значительной степени, на собраніи по иниціативѣ церковнаго совѣта и былъ поднятъ вопросъ о необходимости соблюдать опрятность. Для этого рѣшено было пріобрѣсти 12 плевательницъ, которыя разставятъ для посѣтителей по разнымъ мѣстамъ въ киркѣ. А если бы церковное собраніе постановило еще для предохраненія отъ чахотки выписать стаканчики для каждаго посѣтителя *на тѣ случаи, когда даютъ въ киркѣ вино*, то тогда бы распространеніе болѣзней черезъ посредство кирки было бы вполнѣ предотвращено", кощунственно прибавляетъ „Työmies" (1910 г., № 247).

*) См. „Финляндскую Газету", 1912 г. № 37.

Младофинская газета „Karjala" (1910 г., № 92) обращала вниманіе и на иныя мѣста общественныхъ собраній, которыя также являются источниками зараженія чахоткой. „Мѣста общественныхъ собраній, какъ-то помѣщенія обществъ молодежи, общинныя избы и т. п., собираютъ народъ съ окрестныхъ мѣстъ, который тамъ проводитъ ночь, причемъ различные бродячіе подмастерья и имъ подобные люди *плюются*, куда только придется". Даже *школы* въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствуютъ распространенію чахотки, если учитель не особенно придерживается опрятности въ школьномъ помѣщеніи. Газета „Rajavahti" (1911 г., № 79) жаловалась, напр., на одну изъ школъ Ряккульскаго прихода, многіе изъ учениковъ которой заболѣли этою болѣзнью. „Школьный учитель—человѣкъ чахоточный, и есть основаніе предполагать, что дѣти отъ него-то и заражаются болѣзнью".

Туберкулезъ имѣетъ распространеніе въ Финляндіи не только у людей, но и *среди домашняго скота*.

Кристинестадтскій ветеринарный врачъ, освидѣтельствовавъ, напр., скотъ во дворѣ землевладѣльца Трюгга въ селеніи Юрва, предписалъ перебить 6 коровъ, быка и 2 телятъ, какъ зараженныхъ туберкулезомъ („Työmies", 1911 г., № 167).

Должно быть, отсутствіе опрятности въ хозяйствѣ и здѣсь дало себя знать. Опрятность, — одинъ изъ признаковъ культуры,—судя по тому, что сообщается мѣстною печатью о причинахъ распространенія въ краѣ чахотки, проникла, очевидно, далеко еще не во всѣ слои населенія Финляндіи.

Что касается *дѣтской смертности*, то въ 1907 г. она составляла, для всего края, 12% для дѣтей до 1 года, значительно увеличиваясь, когда приходится говорить о низшихъ классахъ.

На одной публичной лекціи, прочитанной, по словамъ газеты „Työ" (1911 г., № 42), въ началѣ 1911 года въ Выборгѣ по вопросу объ уходѣ за малолѣтними дѣтьми, докладчикъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе *на поразительное развитіе среди дѣтей смертности*. Онъ говорилъ: „если бы въ такомъ же количествѣ умирали свиньи, то финляндцы, для обсужденія этого вопроса, тотчасъ же стали бы устраивать собранія и даже собрали бы Сеймъ. Но когда вопросъ идетъ о смерти людей, то ведутъ себя такъ, какъ будто это дѣло ихъ и не касается". Причиною роста смертности, по мнѣнію докладчика, является тотъ *скверный уходъ за дѣтьми, который наблюдается въ Финляндіи*.

Въ „Финляндской Газетѣ" (1911 г., № 155) было помѣщено слѣдующее письмо неизвѣстной „Матери" о дѣтскихъ эпидеміяхъ въ Гельсингфорсѣ.

„Второй годъ въ Гельсингфорсѣ свирѣпствуютъ дѣтскія эпидеміи: корь, скарлатина, дифтеритъ. На корь финляндскіе врачи мало обращаютъ вниманія: ею неизбѣжно долженъ переболѣть каждый ребенокъ въ раннемъ или позднемъ возрастѣ; поэтому нѣтъ необходимости отдѣлять больного отъ здоровыхъ. Скарлатинныхъ же и дифтеритныхъ больныхъ немедленно отправляютъ въ больницы, въ квартирахъ производится полная дезинфекція; на всѣхъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ заболѣвшимъ, накладывается карантинъ. Въ частности, дѣтямъ-школьникамъ воспрещается посѣщеніе учебнаго заведенія.

„Но, къ сожалѣнію, врачи, давая такія директивы родителямъ, не заботятся уже больше о томъ, чтобы онѣ фактически выполнялись. Въ интеллигентныхъ семьяхъ, гдѣ родители понимаютъ сущность инфекціонныхъ болѣзней и способъ передачи ихъ отъ одного индивида къ другому, учащіяся дѣти, дѣйствительно, изолируются и отъ знакомыхъ и отъ своихъ сотоварищей—школьниковъ. Но можно ли этого ожидать отъ людей простыхъ? Ребенокъ здоровъ, больной братишка отвезенъ въ больницу, дома почистили, приходилъ какой-то человѣкъ и дѣлалъ что-то чрезвычайное. Отчего же здоровому дитяти не пойти въ школу, зачѣмъ онъ будетъ мѣшать домашней работѣ. Гораздо спокойнѣе, когда онъ на нѣсколько часовъ уйдетъ въ школу. Да и третій ребенокъ что-то прихворнулъ, надо съ нимъ поняньчиться.

„Не говори въ школѣ, что твоего братишку вчера отправили въ больницу", учитъ мать своего малыша, со спокойной совѣстью отправляя его въ училище.

„Такъ и создаются очаги заразы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.

„Не сладко приходится и дѣтишкамъ, отправленнымъ въ больницы. Все переполнено, многіе частные дома превращены во временныя дѣтскія заразныя лѣчеб-

ницы, холерные бараки заняты дѣтьми, болѣющими заразъ двумя или тремя болѣзнями.

„Входъ въ больницу постороннимъ лицамъ, понятно, воспрещается. Близкимъ, посѣщающимъ дѣтей, представляется право посмотрѣть на нихъ черезъ окно. Для этого существуютъ у каждаго окошка лѣсенки, но такого легкаго свойства, что не всякій рѣшается упражняться на нихъ въ акробатическихъ пріемахъ; поэтому приходится или совсѣмъ отказываться отъ посѣщенія милыхъ сердцу дѣтокъ, или же уплачивать сторожу за постановку болѣе крѣпкой и удобной лѣстницы.

„Но насколько сестры милосердія и няни-сидѣлки заботятся о ввѣренныхъ ихъ попеченію больныхъ? Скучно сидѣть цѣлый день съ дѣтьми, надо съ кѣмъ-нибудь и побесѣдовать. Вотъ и собираются сидѣлки и сестры различныхъ заразныхъ отдѣленій и, наговорившись въ волю, въ тѣхъ же платьяхъ расходятся по своимъ палатамъ".

„Не мудрено послѣ этого, что *громадный процентъ дѣтей, заболѣвающихъ уже въ больницѣ второю, а то и третьею инфекціонною болѣзнью.* Такихъ больныхъ переправляютъ въ холерные бараки. Нельзя похвалить порядки и здѣсь: не рѣдкость, что *выздоровѣвшіе приходятъ домой съ насѣкомыми въ головѣ.*

„Не вслѣдствіе ли этихъ порядковъ (или вѣрнѣе непорядковъ) въ больницы теперь принимаются лишь дѣти безъ взрослыхъ, желающихъ за ними присмотрѣть. Раньше же съ дѣтьми могли отправляться въ заразныя палаты матери или няни, подвергаясь на все время пребыванія тамъ строжайшему карантину".

Если раздаются голоса, осуждающіе уходъ за больными дѣтьми въ Финляндіи (о порядкахъ въ дѣтскихъ больницахъ см. ниже, стр. 201), то съ еще большимъ правомъ можно говорить о неудовлетворительной постановкѣ въ краѣ дѣла *призрѣнія душевно-больныхъ.*

Прежде всего надо сказать, что, по удостовѣренію Д. С. Тризны („Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи", стр. 31), *въ краѣ душевно-больныхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ.* „Въ 1885 году въ составѣ населенія Финляндіи въ 2.208.000 человѣкъ считалось 618 душевно-больныхъ и 2.495 идіотовъ (Сборн. Пост. В. Кн. Ф. 1885 г., № 30, п. 67), а всего 3.113 человѣкъ, т. е. *одинъ безумный приходился на 709 человѣкъ населенія.* Это болѣе, чѣмъ въ то время было въ Португаліи (1 на 724 чел.), которая въ этомъ отношеніи признавалась исключительной. Больницъ для душевно-больныхъ въ 1885 г. было только 8 и потому изъ 3.113 больныхъ развѣ $^1/_4$ часть помѣщалась въ больницахъ".

„Въ 1905 г. больницъ для душевно-больныхъ, по словамъ Д. С. Тризны, было 25 и въ нихъ больныхъ 2.600, что, конечно, не исчерпываетъ числа всѣхъ такихъ больныхъ въ краѣ".

По словамъ газеты „Россія" (1909 г., № 1176), въ финляндскихъ газетахъ были опубликованы свѣдѣнія о результатахъ трудовъ особаго комитета по изслѣдованію положенія душевно больныхъ, назначеннаго Сенатомъ въ 1905 году. По свѣдѣніямъ комитета, къ концу 1906 г. въ краѣ насчитывалось 11.710 душевно-больныхъ, требующихъ призрѣнія, въ томъ числѣ 1.886 въ городахъ и 9.824 въ селеніяхъ. Въ наличныхъ психіатрическихъ больницахъ и пріютахъ есть только 1.096 мѣстъ; остальные больные, девять десятыхъ всего числа, помѣщаются въ общинныхъ богадѣльняхъ или дома. Уходъ за опасными часто ограничивается *заковываньемъ ихъ въ цѣпи.*

Въ газетѣ „Kansan Lehti" (1911 г., № 95) находимъ, напр., разсказъ объ одномъ сумасшедшемъ, прикованномъ къ стѣнѣ, несомнѣнно, съ вѣдома управленія призрѣнія бѣдныхъ. „Въ печальномъ положеніи, пишетъ газета, уже съ прошлой осени находится одинъ бѣдный молодой торпарь изъ деревни Ярвиюоли, Сіевискаго прихода. Этотъ молодой человѣкъ въ прошлое лѣто сдѣлался психически больнымъ. Къ осени помѣшательство перешло въ бѣшенство: онъ пытался скрываться въ лѣсу и однажды прожилъ тамъ цѣлую недѣлю безъ пищи и питья. Въ такомъ положеніи больной сперва былъ помѣщенъ въ одинъ крестьянскій домъ, гдѣ, однако, онъ не принималъ пищи, вслѣдствіе чего сталъ чахнуть. Затѣмъ онъ былъ отданъ на поруки женѣ, причемъ на содержаніе его съ семействомъ *управленіе призрѣнія бѣдныхъ* выдавало по одной маркѣ въ сутки. Съ этого времени бѣдняга сидитъ въ маленькой избушкѣ *прикованный къ стѣнѣ.* За все время болѣзни его одинъ только разъ показывали доктору, и то въ самомъ началѣ болѣзни. Въ такомъ печальномъ положеніи этотъ больной будетъ, вѣроятно, до самой смерти. Болѣзнь его, быть можетъ, можно бы еще и излѣчить, если бы за нимъ былъ другой уходъ".

Недостатокъ больницъ для душевно-больныхъ замѣчается не только въ деревняхъ, но даже въ главномъ городѣ края.

По словамъ „Hufvudstadsbladet" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 37), „Правленіе призрѣнія бѣдныхъ неоднократно указывало городскимъ уполномоченнымъ (г. Гельсингфорса) на недостатокъ мѣстъ какъ въ больницѣ для душевно-больныхъ при городскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ, такъ и въ прочихъ больничныхъ отдѣленіяхъ, отмѣчая, что принятыя уполномоченными мѣры являются недостаточными. Въ настоящее время въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ имѣются туберкулезные больные, принужденные, вслѣдствіе недостатка мѣстъ въ больницѣ, жить вмѣстѣ съ другими призрѣваемыми, что представляетъ опасность для здоровыхъ призрѣваемыхъ. Въ виду этого управленіе просило уполномоченныхъ объ ускореніи работъ по постройкѣ общинной больницы для душевно-больныхъ въ Сиббо".

Хорошее описаніе положенія въ странѣ призрѣнія душевно больныхъ даетъ старофинская „Aamulehti" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 30).

„Постановка дѣла ухода за слабоумными въ нашей странѣ, пишетъ она,—конечно, далеко не заслуживаетъ похвалъ,—это фактъ всѣмъ извѣстный и всѣми признанный. Со стороны правительства и общинъ слишкомъ мало сдѣлано на пользу этихъ несчастныхъ.

„Было бы цѣлесообразно, чтобы заботу о всѣхъ слабоумныхъ приняло на себя правительство. Но въ настоящее время объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Въ нашей странѣ *всего лишь два болѣе или менѣе значительныхъ учрежденія* для ухода за такими больными, такъ что помощь, доставляемая ими, почти и не замѣтна.

„Большая часть этихъ несчастныхъ людей или находится на попеченіи родственниковъ, или же виситъ на шеѣ обществъ призрѣнія бѣдныхъ. Въ общинахъ, гдѣ нѣтъ домовъ призрѣнія и больницъ для слабоумныхъ, а такихъ общинъ множество, несчастные больные составляютъ *аукціонный товаръ* *) и подвергаются такому обращенію, что глаза каждаго наблюдавшаго это невольно наполняются слезами.

„Самые кроткіе и робкіе изъ нихъ нерѣдко видятъ лишь *жестокое и грубое обращеніе,* отчего ихъ слабый умъ еще болѣе тупѣетъ. Бываетъ, что такой душевно-больной, въ обыкновенное время очень спокойный, послѣ того, какъ люди всячески поиздѣваются надъ нимъ и помучаютъ его, начинаетъ волноваться и буйствовать; тогда такого несчастнаго *связываютъ веревками или же бьютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не успокоится.* Подобное обращеніе—варварство. Не принято у насъ также заботиться и о чистотѣ содержанія слабоумныхъ; всякія насѣкомыя могутъ въ свое удовольствіе ползать по несчастному и причинять тому невѣроятныя мученія.

„Мы знаемъ, что многіе представители общиннаго призрѣнія бѣдныхъ слышали не одинъ печальный разсказъ объ обращеніи съ этими несчастными, но они безсильны помочь, такъ какъ въ ихъ общинѣ *нѣтъ такого учрежденія, куда этихъ несчастныхъ можно было бы помѣстить.* Порядочные и человѣколюбивые люди не особенно охотно берутъ слабоумныхъ къ себѣ для ухода, или же требуютъ болѣе повышеннаго вознагражденія, чѣмъ тѣ, которые желаютъ за счетъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе слабоумныхъ, составить для себя доходную статью.

„Въ большинствѣ случаевъ *надзоръ за призрѣніемъ слабоумныхъ и душевно больныхъ,* какъ и за призрѣніемъ бѣдныхъ, въ высшей степени у насъ *безпорядоченъ.* Въ каждой общинѣ выбираются два лица для наблюденія за содержаніемъ призрѣваемыхъ, которыя затѣмъ разъ въ годъ для виду посѣщаютъ тѣ мѣста, гдѣ размѣщены призрѣваемые, причемъ совершенно не обращаютъ вниманія на условія жизни больного. Въ случаѣ,

*) Объ аукціонахъ призрѣваемыхъ см. выше, стр. 182 и слѣд.

если условія, при которыхъ живетъ несчастный, слишкомъ ужъ возмутительны, или если какимъ-либо способомъ до ушей подлежащихъ лицъ дойдутъ жалобы призрѣваемаго, то самое большее, что изъ этого выйдетъ—это—выговоръ лицу призрѣвающему...

„Едва ли до тѣхъ поръ, пока призрѣваемыхъ приходится отдавать для содержанія въ частныя руки при помощи аукціоновъ, можно ожидать улучшенія положенія какъ душевно-больныхъ, такъ и бѣдныхъ.

„Отъ аукціонной системы давно пора отказаться, въ особенности въ виду душевнобольныхъ, которые при этой системѣ несомнѣнно страдаютъ болѣе всѣхъ".

Въ заключеніе газета рекомендовала общинамъ соединяться и основывать спеціальныя больницы для душевно-больныхъ, но при этомъ напоминала, что „служащіе въ подобныхъ больницахъ должны быть людьми опытными въ дѣлѣ ухода за такими больными и человѣколюбивыми".

Послѣднее замѣчаніе газеты объясняется тѣми *безпорядками*, которые въ послѣднее время были обнаружены *въ финляндскихъ больницахъ*.

Въ особенности въ этомъ отношеніи характерно дѣло Питкяніемиской больницы, въ которой въ 1910 году за короткое время было констатировано нѣсколько случаевъ *сваренія больныхъ въ кипяткѣ*, въ то время какъ они брали ванну.

Два такихъ случая сдѣлались въ недавнее время предметомъ судебнаго разбирательства.

Вотъ что мы читаемъ въ финляндскихъ газетахъ („Hufvudstadsbladet", 1911 г., № 34 и друг.) о разбирательствѣ этихъ дѣлъ, 2 февраля 1911 г., въ засѣданіи уѣзднаго суда въ Бирккала.

„Сначала было принято къ разсмотрѣнію первое дѣло—о смерти Иды Гуннарсъ. Въ качествѣ отвѣтчиковъ были приваны: старшій врачъ Альбертъ Б., старшая сестра милосердія П. и сестры милосердія Сигне и Вихи Х.". Изъ показаній свидѣтелей выяснялась слѣдующая чрезвычайно пикантная картина происшествія.

Сестра милосердія Сигне Х., въ день несчастья дежурившая въ ванной, приготовивъ ванну для Иды Гуннарсъ, удалилась *) въ смежныя комнаты для производства уборки, что по словамъ Сигне *не запрещалось*. По возвращеніи *черезъ часъ* въ ванну она замѣтила, что больная лежала съ головой подъ водой, а изъ крана текла горячая (46° Ц) вода, такъ какъ кранъ былъ въ неисправности На послѣднее обстоятельство, однако, не обращалось вниманія, ибо кранъ былъ въ неисправности уже давно и къ этому привыкли (!). При этомъ было извѣстно, что „больная *любила класть голову подъ кранъ*" (!). Сѣтка же на ваннѣ, которою накрывали больныхъ, чтобы они не могли встать, была довольно слаба и позволяла больнымъ дотрогиваться до крановъ

Вообще за больными принимавшими ванну былъ весьма слабый надзоръ, причемъ нерѣдко случалось, что они цѣлый часъ оставались въ ваннѣ совершенно одни

Далѣе выяснилось, что у сестеръ больницы было слишкомъ много работы, такъ какъ больница не имѣла особыхъ уборщицъ, кромѣ того сестрамъ приходилось чинить платье больныхъ. Затѣмъ оказалось, что паціентовъ сажали въ ванну во время перемѣны воды, когда текла горячая вода, и что погибшую больную посадили въ ванну послѣ обѣда. По мнѣнію-де старшаго врача Б., „согласно его собственному опыту" *ванна послѣ обѣда не вредна для организма* (?).

Протоколомъ полицейскаго дознанія и вскрытія трупа удостовѣряется, что смерть была причинена, главнымъ образомъ, высокою температурою воды. Однако, старшій врачъ Б съ этимъ заключеніемъ не былъ согласенъ. Онъ указалъ, что, когда онъ вошелъ въ ванную, трупъ оказался уже окоченѣвшимъ. Изъ этого докторъ Б. пришелъ къ заключенію, что больная скончалась въ ваннѣ раньше, чѣмъ температура воды достигла 46 градусовъ. По мнѣнію врача, больная скончалась не отъ горячей ванны, а отъ слишкомъ обильной ѣды.

Судъ не призналъ возможнымъ опредѣлить точно причины смерти Иды Гуннарсъ и постановилъ запросить заключеніе Медицинскаго Управленія, дальнѣйшее же разсмотрѣніе дѣла отложилъ.

Въ томъ же засѣданіи суда было разсмотрѣно другое дѣло о смерти

*) Это отъ сумасшедшей то!

въ той же больницѣ при аналогичныхъ обстоятельствахъ б. учителя народной школы Оскара Рюдмана.

„Какъ видно изъ полицейскаго протокола, несчастный случай произошелъ въ ваннѣ 11 января 1911 года около 2 ч. дня. Санитаръ А. П. перемѣнялъ воду въ ваннѣ, гдѣ находился О. Рюдманъ. Открывъ одновременно краны для холодной и горячей воды, онъ сначала убѣдился въ томъ, что вода смѣшивалась въ достаточномъ количествѣ, а затѣмъ сталъ приготовлять другую ванну. Пробывъ у другой ванны минуты двѣ, санитаръ услышалъ какъ Рюдманъ въ своей ваннѣ закряхтѣлъ. Повернувшись въ ту сторону, онъ увидѣлъ, какъ изъ ванны Рюдмана поднимался сильный паръ Онъ поспѣшилъ къ ваннѣ и увидѣлъ Рюдмана, лежащаго на спинѣ въ горячей водѣ, причемъ изъ крана сильною струею продолжала течь испускавшая сильный паръ вода. *Струя была настолько сильна, что обнажала дно ванны подъ краномъ*. Въ ваннѣ же глубина воды достигала двухъ дюймовъ. Санитаръ быстро закрылъ кранъ и сталъ помогать Рюдману выйти изъ ванны. Больной былъ доставленъ на свою койку. Были приглашены старшій санитаръ, старшій и младшій врачи, которые установили *наличность сильныхъ ожоговъ* на нижнихъ конечностяхъ, спинѣ и рукахъ Рюдмана. Пострадавшему была оказана медицинская помощь, а затѣмъ его снова посадили въ ванну. Рюдманъ еще въ тотъ же вечеръ съѣлъ основательную порцію на ужинъ, но въ 8 ч. 50 м. онъ скончался. Изъ протокола, составленнаго врачемъ Л. при вскрытіи трупа, усматривается, что Рюдманъ скончался отъ сильныхъ ожоговъ и что смерть была ускорена задушившею его рвотою.

„Инженеръ Ч. указалъ, что машины по согрѣванію воды снабжены манометромъ показывающимъ до 100°. Манометръ былъ случайно старшимъ машинистомъ удаленъ въ виду чего не представлялось возможности опредѣлить температуру и силу давленія воды въ трубахъ. Поэтому температура воды могла достигать 115 градусовъ. Такъ какъ вода проходитъ около 20 метровъ сквозь трубы, то она въ нихъ немного остываетъ, чѣмъ и объясняется то, что при открытіи крана сперва шла умѣренно горячая вода, въ которую и посадили больного".

Такимъ образомъ при дознаніи ясно установлена наличность неосторожности и небрежности при исправленіи служебныхъ обязанностей больничнымъ персоналомъ. Судъ, однако, не вынесъ приговора, а отложилъ разбирательство дѣла до 4 марта, затѣмъ на 22 апрѣля.

Между тѣмъ, „Tampereen Sanomat" сообщила *о третьемъ несчастномъ случаѣ въ той же Питкяніемиской больницѣ для душевнобольныхъ*: „*Въ ваннѣ снова скончался одинъ больной*, крестьянинъ мѣстности Алахармя по имени Пелькканенъ. По словамъ „Nya Pressen", главный врачъ больницы сообщилъ, однако, что будто бы смерть послѣдовала отъ разрыва сердца".

Старофинскій органъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 24), касаясь этихъ вопіющихъ случаевъ, говоритъ, что „нельзя себѣ представить, чтобы подобные случаи были возможны при хорошей постановкѣ ухода и управленія. Шведоманская газета „Hufvudstadsbladet" старалась увѣрить читателей, что за несчастные случаи нельзя винить ни санитаровъ, ни дирекцію. Единственная причина заключалась-де „въ неисправности водопроводныхъ трубъ". „Uusi Suometar" справедливо недоумѣваетъ, „какимъ образомъ возможны были повторенія такихъ ужасныхъ случаевъ. Если водопроводныя трубы были въ неисправности, то почему не постарались ихъ исправить, во избѣжаніе повторенія несчастныхъ случаевъ. Директоръ Медицинскаго Управленія *) лично производилъ слѣдствіе по поводу третьяго несчастнаго случая. Между тѣмъ, насколько можно усмотрѣть изъ того, что предано гласности, результаты разслѣдованія весьма неудовлетворительны. Неизвѣстно, привело-ли полицейское дознаніе къ болѣе яснымъ результатамъ".

Газета не надѣялась, чтобы *и при судебномъ разбирательствѣ дѣла* эти, такъ называемые, несчастные случаи и ихъ причины *были вполнѣ освѣщены*. „Безъ подобнаго освѣщенія нельзя предавать дѣло оффиціальному забвенію. Независимо отъ судебнаго слѣдствія, Медицинское Управленіе должно бы, казалось, отнестись къ изложеннымъ случаямъ строже, нежели до сихъ поръ. Необходимо было бы точно выяснить, господствуетъ-ли въ дирекціи и въ уходѣ за больными въ Питкяніемиской большой больницѣ полный

*) Вскорѣ уволенный докторъ Сиверсъ. За него горой встало все шведоманство. См. ниже стр. 204

порядокъ, въ чемъ есть основаніе сомнѣваться въ виду повторяющихся несчастныхъ случаевъ".

Между прочимъ, по словамъ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 44), въ дѣло о безпорядкахъ въ Питкяніемиской больницѣ для душевнобольныхъ вмѣшался Сенатъ, предложившій Медицинскому Управленію и Главному Управленію общественныхъ зданій, во избѣжаніе повторенія несчастныхъ случаевъ, выработать инструкцію для машинистовъ и кочегаровъ больницы. Кромѣ того, Медицинскому Управленію предложено вмѣнить старшему врачу и эконому больницы въ обязанность строго наблюдать за порядками въ больницѣ и принять всевозможныя мѣры противъ повторенія ужасныхъ случаевъ

Между тѣмъ, нѣсколько разъ откладывавшееся дѣло о несчастныхъ случаяхъ въ Питкяніемиской больницы для душевнобольныхъ въ іюлѣ 1911 года было окончательно разсмотрѣно въ Биркаласкомъ уѣздномъ судѣ. Какъ сообщаетъ „Uusi Suometar" (1911 г., № 138), „отвѣтчица по дѣлу Иды Гуннарсъ, сестра Сигне Х. освобождена отъ отвѣтственности. Хотя въ ея службѣ и установлены упущенія, но судъ нашелъ не доказаннымъ, чтобы они являлись причиною смерти больной. Въ дѣлѣ о смерти учителя Рюдмана судъ нашелъ выясненнымъ, что старшій машинистъ Б. слишкомъ рѣдко осматривалъ водопроводы. Въ виду сего онъ присужденъ къ штрафу въ размѣрѣ 200 марокъ за упущеніе по службѣ и къ уплатѣ расходовъ по вскрытію трупа. Остальные судебные расходы были возложены на тяжущихся. Всѣ другіе замѣшанные въ дѣлѣ *освобождены отъ отвѣтственности*".

Подобное рѣшеніе не вызвало удовлетворенія въ финляндской печати.

„При передачѣ дѣла на разсмотрѣніе суда, писала „Kansan Lehti" (1911 г., № 138), была надежда на то, что случаи эти будутъ надлежащимъ образомъ освѣщены и если будетъ установлена виновность администраціи или служебнаго персонала заведенія—послѣдніе понесутъ должное наказаніе.

„Однако, приговоръ суда все же заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что дѣло всесторонне освѣщено. Наиболѣе всего странно то обстоятельство, что виновнымъ судъ призналъ машиниста, т. е. человѣка, который, казалось бы, въ средѣ администраціи и служебнаго персонала заведенія, занимаетъ послѣднее мѣсто. Это наводитъ на мысль, что судъ воспользовался первымъ на глаза попавшимся ему выходомъ. Рѣшеніе суда можно объяснить лишь запутанностью дѣла, невозможностью всесторонняго его разсмотрѣнія, или же, въ противномъ случаѣ, надо признать, что судъ недостаточно основательно разсмотрѣлъ это дѣло.

„На основаніи двухъ свидѣтельскихъ показаній суду удалось установить, что царившіе въ заведеніи порядки были не вполнѣ удовлетворительны. Такъ, напр., выражалось недовольство по поводу введенной нынѣшнимъ главнымъ врачемъ *излишней централизаціи въ управленіи заведеніемъ*.

„Этою неудовлетворительностью порядковъ объясняютъ также и то обстоятельство, что въ настоящее время не находится соискателей, желающихъ поступить на должность третьяго младшаго врача въ заведеніи. Все это слѣдовало бы разслѣдовать, ибо невозможно допустить, чтобы въ такомъ важномъ учрежденіи имѣли мѣсто ненормальности, кои могутъ лишь повредить доброй славѣ этого заведенія".

Говоря о случаяхъ въ Питкяніемиской больницѣ, газета „Työmies" (1911 г., № 12) кстати указывала, что въ Фагернесской больницѣ для умалишенныхъ нѣсколько больныхъ, будучи безъ надзора, *подвергли себя сожженію*. Газета находила, что „печать удѣляетъ слишкомъ мало вниманія порядкамъ въ мѣстныхъ домахъ для умалишенныхъ".

Между прочимъ, описаніе *лучшаго* изъ домовъ умалишенныхъ—Маріинскаго, было дано въ 1910 г. сотрудникомъ *старофинской* „Uusi Aura" *).

„Навѣстивъ одного знакомаго душевнобольного, находящагося въ этомъ домѣ, я былъ пораженъ той *ужасной обстановкой*, въ которой нашелъ его. Далеко не буйный, онъ (ребенокъ) помѣщенъ въ ужасную каморку, отнюдь не могущую служить помѣщеніемъ для человѣческаго существа. Стѣны покрыты толстымъ слоемъ плѣсени и паутины, а цементный полъ толстымъ слоемъ жидкой грязи, распространяющей зловоніе, образовавшееся, очевидно, отъ испражненій больного. Самъ больной, весь посинѣвшій и дрожащій отъ холода, полунагой, въ мокрыхъ кальсонахъ, стоялъ босой на цементномъ полу. По царствовавшему въ каморкѣ холоду было ясно, что она давно не отапливалась. Больной же былъ настолько грязенъ, что приходится заключить, что его *по мѣсяцамъ не мыли*".

Характерный примѣръ надзора за душевнобольными приводитъ газета „Sosialisti" (1910 г., № 255).

*) См. „Финляндскую Газету", 1910 г., № 145.

„Три года тому назадъ изъ Риткяніемиской больницы была привезена въ Хяменкурскую богадѣльню дочь одного торпаря -Алина Т., страдавшая буйнымъ помѣшательствомъ. Больную помѣстили въ отдѣльную комнату, гдѣ она все время ходила совершенно нагой. Буйство ея достигало такихъ размѣровъ, что даже пищу ей приходилось давать насильно, при помощи двухъ сильныхъ людей. Въ концѣ прошлаго мѣсяца *у этой больной родился ребенокъ*. Кто виной этому, пока не извѣстно". Корреспондентъ соціалъ-демократической газеты пишетъ, что мѣстные жители возмущены этимъ фактомъ. „Больше всѣхъ обвиняютъ начальницу богадѣльни за то, что она совершенно не заботится о ввѣренныхъ ея попеченію больныхъ".

О другомъ такомъ же случаѣ, происшедшемъ въ томъ же Питкяніемискомъ домѣ для умалишенныхъ, въ которомъ варили живыхъ людей,—разсказываетъ „Kansan Tahto" (1912 г., № 94): душевнобольная, Елизавета Н., родила дѣвочку. Кто воспользовался болѣзненнымъ состояніемъ несчастной женщины, по словамъ газеты, не установлено.

Вышеописанные порядки господствуютъ не только въ больницахъ для душевнобольныхъ, но *и въ другихъ больницахъ*.

Напр., газета „Työ" (1911 г., № 73) говоритъ, что уходъ и обращеніе съ больными въ *Выборгской губернской больницѣ* совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя при настоящемъ положеніи медицины къ нимъ можно было бы предъявить. Такъ, напримѣръ, въ 8-мъ отдѣленіи этой больницы находится на излѣченіи одинъ парикмахеръ, къ прочимъ болѣзнямъ котораго недавно присоединилось еще сумасшествіе. Будучи сумасшедшимъ, парикмахеръ безпокоитъ остальныхъ больныхъ. Ночью онъ поднимается со своей кровати, подходитъ къ чьей либо чужой, выгоняетъ лежащаго тамъ больного и затѣмъ самъ занимаетъ его мѣсто. Не находясь въ спеціальномъ, изолированномъ помѣщеніи, сумасшедшій приноситъ вредъ и себѣ. Такъ, однажды онъ ошпарилъ кипяткомъ себѣ голову, въ другой разъ хотѣлъ броситься изъ окна и т. д. Администрація больницы на все это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Когда одинъ больной указалъ администраціи на происходящіе въ больницѣ безпорядки, то ему предложили выписаться, что тотъ и принужденъ былъ сдѣлать. Получая передъ выходомъ изъ больницы одежду, больной замѣтилъ, что вся она перепачкана. Больной сдѣлалъ по этому поводу сидѣлкѣ замѣчаніе, за что подвергся ругани. Газета добавляетъ, что въ больницѣ скверно обращаются не только съ бѣдными больными, но буквально со всѣми".

Изъ той же Выборгской больницы, по словамъ „Työ" (1911 г., № 75), недавно былъ выпущенъ совершенно больной человѣкъ, а газета „Karjala" (1911 г., № 77) сообщаетъ, что въ помойной ямѣ упомянутой больницы найденъ трупъ только что рожденнаго ребенка.

Въ газетѣ „Kansan Lehti" (1911 г., № 101) находимъ статью о „неприличномъ обращеніи съ больными въ *горловой больницѣ въ г. Таммерфорсѣ*.

„Въ редакцію нашей газеты, пишетъ „Kansan Lehti", уже нѣсколько разъ поступали жалобы по поводу плохого обращенія съ больными, особенно изъ рабочаго сословія въ здѣшней горловой больницѣ. Такъ, напр., недавно въ скарлатинное отдѣленіе этой больницы былъ доставленъ больной ребенокъ. Мать этого ребенка жена одного рабочаго, осталась при больномъ. Однажды ночью, ухаживая за ребенкомъ, мать замѣтила, что положеніе его становится опаснымъ. Она обратилась къ сидѣлкѣ съ просьбою о томъ, *чтобы та пригласила доктора, но сидѣлка наотрѣзъ отказалась сдѣлать это, заявивъ*, при этомъ, *что доктора тревожить ночью нельзя*. Въ отчаяніи мать сама бросилась къ телефону съ цѣлью пригласить доктора, но это ея намѣреніе было замѣчено, и ее безцеремонно и грубо оттолкнули отъ телефоннаго аппарата. Но этимъ дѣло не кончилось. Какъ только она обратно вошла въ палату къ ребенку, вслѣдъ за нею явилась главная сидѣлка и въ несдержанныхъ выраженіяхъ стала ругать несчастную женщину. „Экая баба, экая сумасшедшая баба, еще осмѣливается здѣсь говорить по телефону", говорила сидѣлка. При этомъ она такъ кричала, что перепугала своимъ крикомъ всѣхъ больныхъ дѣтей. *Ребенокъ несчастной женщины на слѣдующій же день скончался*.

„Это происшествіе такого характера, что власти безусловно должны обратить на него вниманіе, писала газета, и если фактъ этотъ окажется вполнѣ правдивымъ, необходимо удалить изъ больницы виновныхъ сидѣлокъ. Очевидно, больничный персоналъ думаетъ, что съ бѣднотою можно обращаться, какъ угодно. Если въ этой больницѣ и впредь подобнымъ образомъ будутъ обращаться съ больными, то это поведетъ лишь къ тому, что, по крайней мѣрѣ, рабочій классъ будетъ чуждаться больницы и стараться обходиться безъ нея. Послѣдствіемъ же этого будетъ, конечно, то обстоятельство, что число больныхъ будетъ больше прежняго. Городской врачъ предлагаетъ населенію города съ довѣріемъ обращаться въ больницу, но навряда ли эта больница будетъ пользоваться довѣріемъ, если только въ ней не будутъ болѣе человѣчно обращаться съ больными. Вышеописанный случай не свидѣтель-

ствуетъ даже о томъ, что больные въ этой больницѣ пользуются должнымъ уходомъ. Если даже въ болѣе опасныхъ случаяхъ ночью нельзя тревожить врача, то послѣ этого что же это за больница".

Не можетъ также похвалиться хорошими порядками *Абоская городская больница*, какъ то удовлетворяетъ *шведоманская* „Abo Underrättelser" (отъ 28 марта—10 апрѣля 1912 г.).

„Въ минувшій четвергъ, скончался въ здѣшней общинной больницѣ отъ крупа сынъ портного Исаакъ Г. отъ роду 1 года 8 мѣсяцевъ. Объ относящихся къ этому дѣлу обстоятельствахъ родители ребенка разсказываютъ слѣдующее:

„Около пяти недѣль тому назадъ мальчикъ заболѣлъ легкой формой скарлатины и отправленъ въ больницу для полученія тамъ надлежащаго ухода. Тамъ кроватка его помѣщена была противъ входной двери больничнаго покоя, вслѣдствіе чего онъ сталъ подвергаться сквозняку. Вслѣдствіе этого онъ заболѣлъ крупомъ, такъ что и его изолировали отъ прочихъ больныхъ дѣтей, и ему пришлось лежать въ одиночествѣ, безъ всякаго присмотра Просьба родителей, чтобы одному изъ нихъ разрѣшено было находиться по ночамъ при больномъ ребенкѣ, не была врачемъ уважена. Когда *мальчикъ лежалъ въ одиночествѣ*, произошелъ какъ-то *взрывъ спиртовой лампы* отъ находившагося возлѣ него аппарата, чѣмъ мальчику причинены были настолько *сильные ожоги*, что онъ спустя часа два послѣ этого скончался Такъ разсказываютъ о случившемся родители".

Врачъ дѣтской больницы Х. объяснилъ сотруднику газеты, что означенный ребенокъ дѣйствительно умеръ въ больницѣ, но, якобы, отъ воспаленія легкихъ, а не отъ полученныхъ имъ ожоговъ, хотя лампа дѣйствительно взорвалась, когда состоявшая при ребенкѣ „вполнѣ опытная" старшая сидѣлка больницы вышла отъ ребенка „на минутку".

„По поводу вышеизложеннаго, говоритъ „Abo Underrättelser", можно добавить что по городу давно носятся упорные слухи о томъ, что поступавшіе въ дѣтскую больницу *больные скарлатиной заражались и заболѣвали тамъ*, напр., *дифтеритомъ* *), а также, что уходъ за маленькими паціентами со стороны больничныхъ сидѣлокъ не всегда бывалъ достаточно удовлетворительнымъ, вслѣдствіе, надо полагать, чрезмѣрнаго наплыва паціентовъ".

Объ уходѣ за больными въ *Нумменмякиской больницѣ* для тифозныхъ больныхъ газета „Sosialisti" (отъ 26 января—8 февраля 1912 г.) сообщаетъ слѣдующее:

„Каариначская и Маріаская общины содержатъ въ Нумменмяки общую больницу для тифозныхъ больныхъ. Оттуда можно было слышать то одно, то другое, но на это не обращалось вниманія. Теперь же выяснились такіе ужасные непорядки, что о нихъ нельзя умолчать.

„Больныхъ иногда бывало до 40 человѣкъ, а то и больше Сидѣлокъ двѣ и одна кухарка, которая въ то же время занимается и стиркой бѣлья. Эти три женщины смотрятъ за больными и днемъ и ночью. Въ комнатахъ отвратительный запахъ и т. д. Пища дается безъ всякой системы, всякіе остатки и отбросы идутъ въ дѣло, въ какомъ бы тяжеломъ состояніи больной ни находился. Въ одной и той же водѣ моютъ десятки больныхъ. *Той же водой моется и бѣлье.*

Для стирки бѣлья пользуются и больными, точно также какъ и для катанья и глаженья, причемъ помѣщеніе для этого находится на разстояніи километра отъ больницы. Посѣтители допускаются во всѣ комнаты. Одежда больныхъ не дезенфицируется и возвращается грязной" и т. д.

То же самое относительно этой больницы удостовѣряла газета „Työ" (1912 г., № 38), причемъ добавляла, что „въ баракъ для больныхъ корью каждый день приходятъ разныя уличныя торговки. Приносимый ими съ собой товаръ больные трогаютъ руками, благодаря чему зараза легко переносится изъ барака въ деревни. По выздоровленіи больныхъ, ихъ одежда выдается имъ немытою. Никакого контроля надъ расходованіемъ ассигнованныхъ для содержанія больныхъ суммъ не существуетъ".

Младофинская газета „Karjala" (1910 г., № 252) приводитъ случай, изъ котораго видно, что въ финляндскихъ больницахъ возможны *пьянство и буйство* въ обычномъ финскомъ масштабѣ.

„Однажды вечеромъ больные сифилитическаго отдѣленія въ *Нейшлотской городской больницѣ* какимъ-то образомъ пріобрѣли спиртные напитки и напились допьяна. Въ пьяномъ видѣ они учинили буйство, начавъ бить стекла, столы, стулья и прочіе предметы. Для прекращенія безпорядка пришлось обратиться къ содѣйствію полиціи,

*) См. приведенное выше (стр. 195) письмо „матери", помѣщенное въ „Финляндской Газетѣ" (1911 г. № 155).

которая была вынуждена арестовать двухъ буйствовавшихъ больныхъ, рабочихъ О. Ф. и И. П. До сихъ поръ полиціи не удалось узнать, какимъ образомъ больнымъ удалось достать крѣпкіе напитки; но есть предположеніе, что больные получили ихъ во время происходившаго у вахтера больницы собранія членовъ суометаріанской партіи, въ которомъ приняли участіе служащіе больницы. Во время собранія всѣ двери въ больницѣ были раскрыты, чтобы и больные имѣли возможность слѣдить за происходящимъ на собраніи".

А вотъ приведенный въ „Kansan Tahto" (1910 г., № 282) разсказъ о мытарствахъ одной женщины, которая нуждалась въ услугахъ *родильнаго пріюта*.

„Женщина эта за нѣсколько дней до родовъ пошла въ Соннисаарскій родильный пріютъ на время родовъ просить себѣ въ пріютѣ постель. Здѣсь для полученія разрѣшенія ей приказали сходить къ пріютскому доктору, что она тотчасъ и сдѣлала. Когда настало время родить, женщина, согласно разрѣшенію доктора, явилась въ пріютъ, что было около 12 час. ночи. Но здѣсь категорически отказались ее принять на томъ основаніи, что докторъ не имѣетъ права распредѣлять въ пріютѣ мѣста. Затѣмъ ее стали ругать за то, что она поздно приходитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждали, что ей „въ настоящее время не спѣшно". Около двухъ часовъ женщина сидѣла въ пріемной пріюта, послѣ чего пошла домой, гдѣ черезъ 3 часа и родила".

Спрашивается, когда же являться въ финляндскій родильный пріютъ, если за 3 часа до родовъ „не спѣшно?".

Порядки въ больницахъ характеризуютъ, конечно, финляндскихъ *врачей*, которые завѣдуютъ этими больницами. Вотъ что, между прочимъ, сообщаютъ газеты про отношеніе этихъ врачей къ бѣдному, рабочему классу.

„Рабочій Микко В. нѣсколько лѣтъ тому назадъ прокололъ себѣ глазъ и, „не желая отличаться отъ другихъ людей", вмѣсто вытекшаго глаза вставилъ себѣ стеклянный. Недавно В. захотѣлось провѣрить, насколько внимательны врачи къ рабочимъ. Съ этой цѣлью онъ пришелъ къ мѣстному доктору и, *указывая на стеклянный глазъ*, заявилъ, что онъ болитъ. Докторъ, не осмотрѣвъ глаза, написалъ рецептъ и далъ его рабочему" („Rajavahti", 1911 г., № 35).

„У одного Выборгскаго наборщика заболѣла дочь. Родители свели ее къ доктору, но тотъ, отказавшись ее осмотрѣть, приказалъ родителямъ привести ее черезъ двѣ недѣли снова. Между тѣмъ ребенку становилось все хуже и хуже, такъ что родители принуждены были пригласить доктора уже на квартиру. Тотъ явился, но *осматривать ребенка снова отказался*, а безъ осмотра заявилъ, что у него корь и поэтому де въ квартирѣ нужно устроить дезинфекцію. Родители отвѣтили, что у нихъ на это не хватитъ средствъ. Тогда докторъ спросилъ у наборщика о его профессіи. Наборщикъ отвѣтилъ, что онъ работаетъ въ типографіи соціалистическаго „Työ". Докторъ, узнавъ объ этомъ, возмутился и началъ показывать руками, какъ онъ всѣхъ соціалистовъ стеръ бы въ порошокъ" („Työ", 1911 г., № 35).

„Въ мѣстности Метсямаа одинъ работникъ копалъ яму. Во время этой работы на землекопа упалъ булыжникъ и расшибъ ему всю нижнюю часть тѣла. Приглашенный докторъ К. не пожелалъ пріѣхать на мѣсто, гдѣ былъ пострадавшій; даже въ больницѣ ему не было оказано никакой медицинской помощи. На утро несчастный скончался" („Työ", 1911 г., № 46).

„Однажды въ с. Каллio довольно серьезно заболѣла одна женщина-работница. Послали за врачемъ. Выслушавъ больную, врачъ прописалъ лѣкарство. До сихъ поръ все было какъ слѣдуетъ. Но вотъ зашелъ вопросъ о платѣ за совѣтъ. Врачъ спросилъ 7 марокъ, но у женщины не нашлось такой суммы, и она обѣщала заплатить врачу черезъ два дня, когда получитъ жалованье. Врачъ не согласился ждать и, вырвавъ у нея изъ рукъ рецептъ и положивъ его себѣ въ карманъ, сказалъ, что не имѣетъ желанія ждать вознагражденія за труды два дня, и ушелъ" („Työmies", отъ 11 (24) февраля 1912 г.).

Въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „Еще одинъ человѣколюбивый врачъ" газета „Savon Lehti" (см. „Финляндскую Газету", 1912 г., № 114) сообщала, что и. д. Куопіоскаго *городского врача* Х. С. подалъ жалобу въ Куопіоскій ратгаузскій судъ на двухъ своихъ паціентовъ, съ цѣлью взыскать съ нихъ плату за лѣченіе.

„Обстоятельства дѣлъ этихъ, по словамъ газеты, заключались въ слѣдующемъ: За сдѣланную недавно одному рабочему перевязку врачъ С. потребовалъ съ него 5 марокъ. Паціентъ нашелъ, однако, что это слишкомъ дорого и вторично явился къ врачу, запасшись свидѣтельствомъ отъ попечительства о бѣдныхъ о своей несостоятельности. Тогда врачъ С. отказался подавать этому паціенту дальнѣйшую помощь и возбудилъ противъ него въ ратгаузскомъ судѣ дѣло о взысканіи съ него въ свою пользу *5 марокъ*. Основываясь, однако, на §§ 1-мъ и 3-мъ положенія о городскихъ врачахъ, судъ оставилъ искъ этотъ безъ послѣдствій.

Въ другомъ случаѣ за оказанную медицинскую помощь одной родильницѣ врачъ С. потребовалъ 40 марокъ. Женщина уплатила ему 20 марокъ и обѣщалась уплатить ему остальныя деньги послѣ. Врачъ С. взыскалъ съ нея по суду эти остальныя *20 марокъ*".

Со словъ газеты „Туё", „Московскія Вѣдомости" (1911 г., № 32) разсказываютъ, какъ „жена одного рабочаго, страдавшая зубною болью, пришла къ дантисту въ Выборгѣ съ просьбою умертвить ей нервъ. Тотъ отказался удовлетворить просьбу и предложилъ паціенткѣ вырвать больной зубъ. Когда же она стала протестовать, то дантистъ, не долго думая, *сильно избивъ ее, выгналъ вонъ*. Возмущенная такимъ поступкомъ дантиста, женщина обратилась къ другому доктору, чтобы тотъ ее осмотрѣлъ и далъ свидѣтельство о нанесенныхъ побояхъ. Послѣдній отказался, но затѣмъ приступилъ къ освидѣтельствованію пришедшей, причемъ выяснилось, что нижняя губа у нея вся расшиблена, а изо рта въ продолженіе двухъ часовъ шла кровь, на рукѣ же была темно-красная опухоль отъ побоевъ тяжелымъ орудіемъ".

Чрезвычайно характернымъ является случай, происшедшій въ 1910 г. въ С.-Петербургѣ съ финляндскимъ врачемъ Виллебрандомъ, который, проѣзжая по улицамъ Петербурга съ ящикомъ, заключавшимъ *чумные препараты*, потерялъ этотъ ящикъ и нисколько не заботился предотвратить несчастье, которое легко могло произойти, если принять во вниманіе, что ящикъ попалъ въ руки людей, незнакомыхъ съ его страшнымъ содержаніемъ.

„Отказываемся подобрать имя всему этому поведенію, говоритъ газета „Россія" (1910 г., № 1508). Мы увѣрены, что ни одинъ русскій врачъ не позволилъ бы себѣ такъ поступить, какъ увѣрены и въ томъ, что вообще ни одинъ мало-мальски культурный человѣкъ не способенъ оправдать этотъ поступокъ".

Описанные выше безпорядки въ больничномъ дѣлѣ обратили вниманіе верховной власти на дѣятельность медицинскаго вѣдомства въ Финляндіи, во главѣ котораго стоялъ докторъ Сиверсъ—видный представитель шведоманскаго кагала. Произведеннымъ слѣдствіемъ выяснился цѣлый рядъ допущенныхъ г. Сиверсомъ упущеній. Между прочимъ, „въ цѣляхъ дискредитировать политику неугоднаго шведоманамъ Сената, г. Сиверсъ, безъ разрѣшенія Сената, самовольно закрылъ старую больницу въ Таммерфорсѣ, гдѣ содержалось до 75 больныхъ. Не дождавшись ассигнованія средствъ (144.000 марокъ) на оборудованіе милліоннаго зданія новой больницы, г. Сиверсъ нашелъ возможнымъ на отпускаемыя средства перевести въ новую больницу всего 28 больныхъ, оставивъ остальныхъ безъ помощи. Далѣе, вмѣсто того, чтобы донести о своихъ дѣйствіяхъ Сенату и просить у него дополнительныхъ суммъ, г. Сиверсъ оповѣстилъ кагальную печать о творимыхъ, будто бы, Генералъ-Губернаторомъ и Сенатомъ беззаконіяхъ, въ силу коихъ больные чуть не выбрасываются на улицу". По выясненіи дѣла, „для призрѣнія больныхъ въ прежнемъ комплектѣ оказалось достаточно 10.000 марокъ, отпущенныхъ Сенатомъ въ силу предоставленныхъ ему полномочій" [1]).

Въ то же время, какъ сообщала „Nya Pressen" (1911 г., № 21), изъ сенатскаго разслѣдованія выяснилось, что вовсе не было надобности очищать прежнее помѣщеніе и переводить больницу въ новое необорудованное зданіе, такъ какъ владѣлецъ прежняго помѣщенія, несмотря на окончаніе контракта, соглашался на дальнѣйшее оставленіе больницы въ томъ же помѣщеніи на прежнихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, Медицинское Управленіе вполнѣ произвольно закрыло сифилитическое отдѣленіе больницы и уменьшило число кроватей въ лазаретномъ отдѣленіи до 28.

Результатомъ разслѣдованія было увольненіе въ январѣ 1911 г. отъ должности, безъ прошенія, Директора Медицинскаго Управленія доктора Сиверса.

Разумѣется, шведоманская печать стала поносить Сенатъ за произведенный „скандалъ", всячески стараясь обѣлить г. Сиверса („Nya Pressen", 1911 г., № 22), и даже старофинская „Uusi Suometar" (1911 г., № 25), ра-

[1]) „Новое Время" отъ 16 января 1911 г.

нѣе, напр., по поводу возмутительныхъ порядковъ въ Питкяніемиской больницѣ, съ осужденіемъ отзывавшаяся о дѣятельности медицинскаго вѣдомства, увлеченная „кагальною" печатью, стала возмущаться мнимою несправедливостью увольненія доктора Сиверса, доказывая этимъ, что въ Финляндіи *попеченіе объ интересахъ больныхъ* и вообще населенія *отходятъ* на второй планъ *во имя узкопартійнаго политиканства и личныхъ интересовъ*. Этимъ только и объясняется, что уволенному доктору Сиверсу, зарекомендовавшему себя завѣдомо неспособнымъ администраторомъ, было устроено демонстративное чествованіе.

5. Сельское землевладѣніе.

Однимъ изъ характерныхъ отрицательныхъ явленій финляндской общественно-экономической жизни слѣдуетъ признать многочисленность сельскаго пролетаріата и ненормальность земельныхъ отношеній.

Въ то время какъ въ Россіи большинствомъ сельскаго населенія являются крестьяне, живущіе трудами рукъ своихъ и занятые, по большей части, обработкою собственной земли, хотя это не исключаетъ занятія и другими промыслами, въ Финляндіи крестьяне-землевладѣльцы составляютъ очень небольшую часть сельскаго населенія, прочая же часть сельскихъ жителей представляетъ изъ себя бѣдняковъ, влачащихъ, большею частью, весьма незавидное существованіе.

Въ „Россіи" (1909 г., № 1238) приводились слѣдующія данныя, о распредѣленіи сельскаго населенія Финляндіи, заимствованныя изъ статьи Гебгарда („Oma maa", в. 39) „Экономическія условія сельской Финляндіи".

„Изъ 2.170.000 человѣкъ, жившихъ въ 1901 году внѣ городовъ Финляндіи, крестьянъ-землевладѣльцевъ было, приблизительно, 400 000 человѣкъ. 350.000 человѣкъ было торпарей, т. е. арендаторовъ чужой земли, и 504.000 бобылей, живущихъ батрачествомъ у землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ, у этихъ „крестьянъ"; 225.000—не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, около 300.000—живущихъ службою (казенною), промыслами и торговлею, около 150.000 прислуги, питавшейся съ общаго съ хозяевами стола".

Процентное взаимоотношеніе между „крестьянами", торпарями и бобылями нѣсколько даже измѣнится въ пользу увеличенія торпарей и бобылей, если мы откинемъ отсюда финляндскую Карелію, гдѣ условія жизни болѣе близки къ русскимъ. Такъ, по словамъ газеты „Työmies" (1909 г., № 230), въ приходѣ Хейнявеси, С.-Михельской губерніи, земля принадлежитъ всего 220 семьямъ, у которыхъ 608 семей арендуютъ землю и 1041 семья живетъ безъ земли.

Для того, чтобы хорошенько уяснить отношенія вышеупомянутыхъ группъ сельскаго населенія, необходимо знать, что представляютъ изъ себя *финляндскіе крестьяне* (ландбауеры, talon-poikat).

Въ Финляндіи крестьяне, какъ сословіе, имѣвшее право представительства въ дореформенномъ финляндскомъ Сеймѣ, суть собственники-землевладѣльцы, обрабатывающіе землю, по большей части, не собственными руками (въ противоположность нашимъ), а руками батраковъ и торпарей. Газета „Россія" (1910 г., № 1410), въ статьѣ „Финскій крестьянинъ по произведеніямъ финскихъ писателей", говоритъ: „Какъ собственники, они, по своимъ стремленіямъ, ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ собственниковъ въ мірѣ. Они стремятся пріумножать свое благосостояніе, щегольнуть упряжью и жеребцомъ при выѣздахъ, похвастать своимъ быкомъ и коро-

вами и т. д. (см. разсказъ Коупписъ-Хейкки „Vija“). Въ будни поэтому крестьянинъ погруженъ въ заботы по хозяйству, занятъ распредѣленіемъ работъ и наблюденіемъ за исполненіемъ ихъ батраками и торпарями“.

„Въ воскресенье мы можемъ уже видѣть кое-какія бытовыя особенности жизни финскаго крестьянина. Если онъ не ѣдетъ въ кирку, то мужчины спятъ до тѣхъ поръ, пока женщины, приготовивъ завтракъ, „не разбудятъ мужчинъ, которые съ заспанными глазами и всклокоченными волосами вваливаются въ избу“ и принимаются за ѣду. „Хозяинъ прямо изъ миски пьетъ съ громкимъ бульканьемъ уху, ибо ложки, по увѣренію стариковъ, отнимаютъ счастье при ловлѣ рыбы“. Послѣ завтрака всѣ снова спятъ до полудня и поднимаются на обѣдъ. Обѣдъ окончательно „разгоняетъ сонливость“ и т. д. („Tarinoita“, стр. 28, 29).

Изъ этого видно, что финскіе „крестьяне“ представляютъ изъ себя деревенскую буржуазію. „Они воспитываютъ своихъ дѣтей въ университетѣ, имѣютъ порядочную обстановку въ своихъ домахъ, въ политическихъ своихъ стремленіяхъ стоятъ за „самостоятельность“ Финляндіи“ („Россія“, 1909 г., № 1238).

Другимъ классомъ сельскаго населенія, осѣдло сидящимъ на землѣ, уже не на собственной, а арендуемой являются *торпари*.

Финляндскій экономистъ Гебгардъ („Oma maa“, 1911 г., вып. 56), указывая на большое количество арендуемой земли въ Финляндіи, находитъ, что *земельныя отношенія* этой страны слѣдуетъ признать *весьма неблагопріятными*.

„Произведеннымъ обслѣдованіемъ, по его словамъ, выяснено, что количество арендованныхъ участковъ распредѣлено по всей странѣ чрезвычайно неравномѣрно. Особенно распространена аренда въ Нюландѣ, Юго-Западной Финляндіи, въ Сатакунтѣ и Тавастландіи, гдѣ преобладаютъ крупныя землевладѣнія; наоборотъ, форма аренды менѣе распространена въ Выборгской губерніи.

Арендованныхъ участковъ было, изъ числа всѣхъ участковъ, въ:

Нюландской губерніи	79%	С.-Михельской губерніи	61%
Або-Бьерненборгской „	79%	Куопіоской „	59%
Тавастгусской „	78%	Вазаской „	56%
Выборгской „	21%	Улеаборгской „	46%

При сравненіи Финляндіи съ заграничными странами будемъ имѣть слѣдующія цифры: въ Финляндіи 59,2%, въ Даніи 15,2%, въ Германіи 24,5%, въ Франціи 29,3%, въ Англіи 91,9%.

„Изъ этого, по словамъ Гебгарда, видно, что въ южной и западной Финляндіи арендованныхъ участковъ почти столько же, сколько въ Англіи, земельныя отношенія которой принято считать исключительно неблагопріятными“.

Болѣе $1/2$ милліона сельскаго населенія Финляндіи сидитъ на арендованной землѣ, причемъ *торпарями* называются арендаторы мелкихъ земельныхъ участковъ, которыми они пользуются по договору на извѣстный срокъ и плата за которые до послѣдняго времени производилась чаще всего не деньгами, а работой или продуктами.

„Торпарскій договоръ, съ которымъ Финляндія знакома давно, вызывается стремленіемъ землевладѣльцевъ расширить площадь своихъ полевыхъ угодій при помощи дарового труда торпарей, которымъ собственникъ отводилъ обыкновенно нетронутые земельные участки. Пуская на свою землю торпаря, землевладѣлецъ получаетъ двойную выгоду: во-первыхъ, площадь обработанной земли въ его владѣніяхъ увеличивается, во-вторыхъ— онъ обезпечиваетъ себѣ дарового работника, въ особенности, если плата за землю производится торпаремъ работою“.

Благодаря тяжелымъ условіямъ работы, положеніе торпарей весьма неблагопріятно: только 7% торпарей можетъ прожить безъ всякаго подсобнаго заработка, большинство же принуждено, чтобы сводить концы съ концами, искать работы на сторонѣ, нанимаясь на земледѣльческія и другія поденныя работы.

„Хозяйство свое торпарь ведетъ несравненно менѣе интенсивно, чѣмъ крестьянинъ-собственникъ: во-первыхъ—потому, что обработываемый имъ участокъ земли находится у него лишь во временномъ пользованіи; во-вторыхъ—обязательный трудъ на хозяина-собственника является по-существу своего рода *барщиной*, отвлекаетъ рабочія руки торпаря и его семьи отъ собственнаго участка и такимъ образомъ наноситъ сильный ущербъ торпарскому хозяйству“.

„Длина рабочаго дня торпаря весьма продолжительна: *крестьянскій торпарь находится въ среднемъ на работѣ 15 час. въ сутки* лѣтомъ и до 8 час. зимой; рабочій день *помѣщичьяго* торпаря *еще длиннѣе*—зимой отъ 10 до 12 час. въ сутки, лѣтомъ работа начинается съ 4 ч. утра и кончается съ заходомъ солнца, т. е въ $8^1/_2$ или даже 9 час., такъ что лѣтній рабочій день помѣщичьяго торпаря *доходитъ до 17—17$^1/_2$ час.* съ двумя перерывами—для завтрака $^1/_2$ час. и обѣда 1—1$^1/_2$ часа“.

Всѣ эти свѣдѣнія находимъ въ книгѣ соціалъ-демократки А. Колонтай („Жизнь финляндскихъ рабочихъ“, СПБ., 1903 г., стр. 33 и слѣд.). Если же внять иногда раздающимся голосамъ самихъ торпарей, то можемъ услышать и еще болѣе ужасныя вещи о размѣрахъ ихъ рабочаго дня.

Такъ, въ 1891 году, въ № 52 газеты „Московскія Вѣдомости“ *), былъ помѣщенъ переводъ написаннаго на тавастландскомъ (западно-финскомъ) нарѣчіи письма одного торпаря, въ которомъ о работѣ торпаря, между прочимъ, говорилось, слѣдующее: „Торпари исполняютъ всѣ работы въ хозяйскомъ домѣ во время такъ называемыхъ поденщинъ (päivätöillä) на своихъ хлѣбахъ, но это не поденная работа, а суточная, потому что во многихъ мѣстахъ она начинается въ 2 часа утра и кончается въ 11 часовъ вечера. Въ недѣлѣ шесть рабочихъ дней, и если торпарю еще нужно съ милю пройти до дому, то сколько же времени останется на отдыхъ и какъ долго человѣкъ можетъ выносить такую жизнь“.

„За границей хлопочутъ о нормальномъ рабочемъ днѣ въ 8—10 часовъ“... „Для насъ же, финновъ, чудесно было бы, если бы нормальный рабочій день установили хотя въ 12 часовъ“.

Изъ этого видно, какой каторжный трудъ лежалъ на плечахъ торпарей,—этихъ бѣлыхъ рабовъ Финляндіи,—въ самое недавнее время.

Отношенія между землевладѣльцемъ и торпаремъ-арендаторомъ регулируются письменными или устными договорами, причемъ, по удостовѣренію А. Колонтай (тамъ же, стр. 34), въ господскихъ (помѣщичьихъ) усадьбахъ преобладаютъ устные договоры.

О подобныхъ устныхъ договорахъ нечего и говорить, чтобы они сколько-нибудь обезпечивали торпарей, такъ какъ они во всякое время могли нарушаться собственниками безъ всякой съ ихъ стороны отвѣтственности. Немногимъ болѣе выгодными были для торпарей и письменные договоры, въ которыхъ ясно сказывалась тяжелая экономическая зависимость ихъ отъ хозяина-собственника. Договоры эти могутъ служить иллюстраціей беззастѣнчивой эксплоатаціи торпаря; въ нихъ обезпечивались всѣ права землевладѣльцевъ, и ничего не говорилось о правахъ торпаря. Согласно этимъ договорамъ, „торпарь обязанъ являться на работу въ опредѣленные дни; онъ долженъ отправлять на хозяина личную службу, какъ то: колоть дрова, таскать воду, чинить хозяйственныя орудія и т. п., не имѣетъ права безъ разрѣшенія хозяина наниматься на работу къ другому лицу, не смѣетъ пускать въ свой домъ жильцовъ безъ особаго со стороны собственника позволенія; число скота, допускаемаго въ торпарскомъ хозяйствѣ, строго опредѣлено, пользованіе пастбищами ограничено; при заключеніи контракта торпарь вноситъ задатокъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 1.000 марокъ; право передачи торпа другому лицу стѣснено; при перенесеніи контракта

*) См. сборникъ „Финляндская окраина Россіи“, вып. II, стр. 59—63.

выговорено собственнику особое вознагражденіе и т. д. и т. д. Единственно, что допускается въ пользу торпаря, это годичная отсрочка договора, когда желаніе его нарушить исходитъ отъ собственника" *).

Въ газетѣ „Kansan Lehti" (1909 г., № 233) приводится такой образчикъ контракта, заключеннаго между крестьяниномъ и торпаремъ.

„Я, нижеподписавшійся, даю торпарю Вигрену торпу Раялу на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Онъ долженъ платить и выполнять ежегодно въ пользу хозяина: два дня въ недѣлю работы съ лошадью на своемъ содержаніи, двадцать пять дней работы на хозяйскомъ содержаніи, два выѣзда на полевыя работы хозяина, два дня на возку песку, столько же на почтовую гоньбу, одну овцу оброка, одну бочку ржи, пять фунтовъ пряжи, двѣ кадки масла, 20 литровъ брусники, 4 литра земляники и столько же малины. 2) Землю онъ долженъ хорошенько проканавить, обрабатывать и удобрять; отвѣчать за строенія, торпа должна быть въ порядкѣ; сосѣднее съ торпою болото должно быть высушено и приведено въ порядокъ въ теченіе пяти лѣтъ. Бревенъ торпарь не долженъ брать безъ письменнаго моего на то разрѣшенія; изъ указанныхъ мною мѣстъ онъ можетъ рубить для хлѣва хвою изъ можжевельниковыхъ кустовъ и елей, не вредя, однако, деревьямъ; на дрова онъ можетъ брать лишь валежникъ, исключая строевыхъ деревьевъ; охота запрещается; лѣсные продукты, какъ-то: бревна, мохъ, камень, траву, нельзя вывозить на продажу подъ угрозою уплаты мнѣ за нихъ тройной цѣны; сплавъ запрещается; рыболовство разрѣшается, но не неводомъ. Вигренъ обязанъ также смотрѣть за возможными проступками другихъ торпарей и доносить мнѣ, въ особенности, что касается лѣса. 3) Отказъ долженъ быть имъ сдѣланъ до Ѳомина дня и уходъ изъ торпы на другой день послѣ Марьина дня. К. К.".—„Я согласенъ на предыдущія условія и берусь ихъ искренно выполнять. Вигренъ".

Какъ видно, въ этомъ договорѣ обусловлено полное обезпеченіе интересовъ хозяина, и ни слова не говорится о какихъ либо правахъ торпаря

Дѣйствительно, до изданія въ 1909 году закона о наймѣ земли хозяинъ, большею частью, могъ въ какое угодно время согнать съ земли торпаря.

Такъ, „Kansan Lehti" (1909 г., № 180) приводила примѣръ сгона торпаря за то, что послѣдній послалъ своихъ дѣтей въ хозяйскій лѣсъ собирать ягоды безъ разрѣшенія на то хозяина

„Финское торпарское населеніе больше всего подвержено угнетенію и рабству, писалъ торпарь въ вышеупомянутомъ письмѣ, помѣщенномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", ...„у него совсѣмъ нѣтъ защиты и поддержки въ нынѣшнемъ финляндскомъ законѣ, а одинъ только произволъ хозяевъ. Прежде и у насъ была защита въ шведскихъ законахъ, но Финляндскіе Сеймы отмѣнили эти хорошіе шведскіе законы и, вмѣсто нихъ, установили свои произвольные законы".

„Въ числѣ виновниковъ положенія дѣлъ въ Финляндіи, по словамъ автора упомянутаго письма, *впереди всѣхъ стоитъ финляндское духовенство*, такъ какъ у пасторовъ находятся во владѣніи большія пасторскія усадьбы и много торпарей, которыхъ они совсѣмъ обдираютъ, а съ пасторовъ берутъ примѣръ всѣ другіе и поступаютъ такимъ же образомъ".

„Затѣмъ на Сеймѣ **) пасторы составляютъ цѣлую четверть, а вмѣстѣ съ крестьянскимъ сословіемъ цѣлую половину законодателей, которые живутъ и услаждаются на счетъ бѣдныхъ торпарей. Въ дворянскомъ и бюргерскомъ сословіяхъ тоже много такихъ членовъ, у которыхъ есть большія помѣстья и много торпарей во владѣніи; потому всѣ законы и постановленія составляются такъ, что бѣднымъ торпарямъ нѣтъ ни малѣйшей защиты и опоры въ законѣ.

„Финляндскіе законы таковы, что когда торпарь упорнымъ трудомъ добивается того, что находящійся въ его владѣніи плохой земельный участокъ дѣлается плодороднымъ, то хозяинъ, замѣтивъ это, посылаетъ прошеніе губернатору и оттуда скоро приходитъ резолюція объ изгнаніи торпаря, тотчасъ приводимая въ исполненіе ленсманомъ; и такъ то исчезаетъ надежда бѣднаго торпаря, какъ зола по вѣтру; а что найдется у него движимаго имущества, то уйдетъ на издержки по выселенію, и торпарь—бѣднякъ остается, какъ птица подъ открытымъ небомъ, безъ пищи и безъ крова и долженъ итти по міру".

И въ судѣ торпарь не обезпеченъ торжествомъ правды.

„Одинъ хозяинъ, разсказываетъ Kansan Tahto" (1911 г., № 181), далъ землю и торпу одной рабочей семьѣ, подъ условіемъ уплаты 800 марокъ и небольшой ежегодной платы. Торпарь долженъ былъ уплатить своей работою и эти 800 марокъ, и хозяинъ обѣщалъ ему работы по горло. Условились и относительно платы за работу. Торпарь проработалъ лѣто, но хозяинъ, при разсчетѣ, уменьшилъ обусловленную ранѣе плату. Работа, однако, продолжалась (хозяинъ удержалъ часть обѣщанной платы. Тогда торпарь пересталъ работать, а хозяинъ продалъ имущество торпаря, такъ что послѣдній ушелъ отъ него съ пустыми руками. Торпарь обратился въ судъ и объяснилъ тамъ свое дѣло. Судья спросилъ хозяина кое о чемъ посторонемъ, спросилъ въ такомъ же духѣ свидѣтелей и потребовалъ отъ торпаря „понятнаго объясненія" дѣла. Торпарь вытаращилъ глаза. Судья рѣшилъ, торпарь долженъ уплатить судебныя издержки хозяину и вознагражденіе свидѣтелямъ Торпарь вторично подаетъ въ судъ жалобу на хозяина и изъ кожи лѣзетъ въ объясненіяхъ. Но судья снова требуетъ болѣе понятнаго объясненія, и торпарь снова стоитъ, словно знакъ вопроса. Дѣло было въ судѣ еще разъ и еще разъ имѣло тотъ же результатъ". Торпарь допустилъ, видите ли, формальную ошибку: не формулировалъ точно своего требованія къ обвиняемому, ограничиваясь лишь жалобою на удержаніе части платы. Судья этимъ-то и воспользовался и рѣшилъ дѣло въ пользу своего пріятеля „крестьянина"

Весьма неудовлетворительны условія существованія безземельнаго населенія Финляндіи и *въ культурномъ отношеніи.*

„Строители торповъ, писала „Kansan Lehti" въ 1909 году (№ 233), народъ бѣдный, не имѣющій возможности строить себѣ многихъ комнатъ для жилья, которое обычно состоитъ изъ одной комнаты, служащей одновременно и жильемъ, и банею, и гумномъ".

„Жилища бобылей и торпарей, говоритъ А. Колонтай (см. выше), съ крошечными окошками, низкія, закоптѣлыя, вросшія въ землю, всегда можно отличить по виду отъ значительно болѣе благоустроенныхъ крестьянскихъ усадебъ".

„Опрятные домики крестьянъ-собственниковъ со свѣтлыми окнами, выбѣленными рамами, съ хозяйственными постройками вокругъ, каменнымъ скотнымъ дворомъ, съ сѣноваломъ, ригой, баней и сараемъ, съ опрятнымъ убранствомъ комнатъ, библіей, а нерѣдко и газетой на столѣ представляютъ *рѣзкій контрастъ* съ избами не только бобылей, но даже торпарей".

Тяжелое положеніе торпарей объясняется тѣмъ, что до 1909 года въ Финляндіи господствовали почти *средневѣковые законы объ арендованіи земли.*

Вотъ, что по этому поводу читаемъ въ статьѣ Ганнеса Гебгарда („Oma maa", вып. 56) подъ заглавіемъ „Финляндскіе торпари".

„До настоящаго времени у насъ имѣли дѣйствующую силу, главнымъ образомъ, тѣ постановленія объ арендѣ земли, которыя содержатся въ отдѣлѣ о недвижимостяхъ и частью въ отдѣлѣ о строеніяхъ шведскаго Уложенія 1734 года. Такъ какъ это Уложеніе 1734 года представляло собою преимущественно компиляцію, составленную изъ старѣйшихъ законовъ Швеціи, и особенно изъ Земскаго Уложенія (1442 г.) короля Христофора, то поэтому въ наше арендное законодательство входили вплоть до послѣдняго времени нѣкоторыя чисто средневѣковыя правовыя понятія. Къ тому же названное законодательство предусматривало сначала лишь аренду цѣлыхъ имѣній, а не частей таковыхъ (торповъ и бобыльскихъ избъ), въ виду чего примѣненіе его къ этимъ послѣднимъ встрѣчало во многихъ отношеніяхъ чрезвычайныя трудности, а потому правовое положеніе торпарей и бобылей было совершенно необезпечено.

„Согласно постановленіямъ упомянутаго Уложенія 1734 г. относительно аренды земли, форма арендного соглашенія была совершенно произвольна; такое соглашеніе можно было заключать устно и притомъ хотя бы на самое короткое время. Арендаторъ былъ подъ страхомъ штрафа обязанъ „воздѣлывать и хорошенько удобрять свои поля", „ухаживать за лугами и расчищать ихъ" и „понемногу расчищать подъ пашню или лугъ такое количество земли, которое можетъ быть хорошо воздѣлано и содержано". Не исполненіе этихъ обязанностей могло повлечь за собою лишеніе аренда-

*) А. Колонтай, тамъ же, стр. 34, 35.

**) Авторъ говоритъ о дореформенномъ четырехсословномъ Сеймѣ. Прим. сост.

тора его арендного права. Въ силу одного параграфа „благородный“ имѣлъ право произвести, когда ему заблагоразсудится, „съ помощью двухъ незаинтересованныхъ засѣдателей герадскаго суда осмотръ участка“ и взыскать то, чего недоставало“.

Особенно близкими къ средневѣковью были слѣдующія постановленія.

„Если арендаторъ сбѣжитъ до истеченія срока аренды, и если собственникъ земли встрѣтить его на пути, то да будетъ собственнику позволено привести его обратно и все, что имъ захвачено съ собой...“ „Если арендаторъ окажетъ сопротивленіе (во время принужденіи его къ возвращенію на арендованное мѣсто) и если онъ или кто либо изъ его защитниковъ (отъ насилія) получитъ пораненія, то пусть дѣло такъ и останется (т. е. ни собственникъ земли, ни тотъ, кто держалъ его сторону, не подвергались за это никакому наказанію). Если же онъ (арендаторъ) или кто-либо изъ защитниковъ будетъ убитъ, то да будетъ примѣнено наказаніе, установленное въ отдѣлѣ о преступленіяхъ (денежный штрафъ). „Если, наоборотъ, собственникъ земли или его сотоварищи потерпятъ какой-нибудь ущербъ, получатъ рану и т. п., то штрафъ за это да будетъ двойной“. „Если произойдетъ убійство, то да будетъ примѣнено наказаніе, установленное за нарушеніе общественной безопасности (отсѣченіе правой руки и лишеніе жизни“ *).

„Въ виду существованія подобныхъ постановленій, сельскій арендаторъ находился, по финляндскимъ законамъ, *въ состояніи* почти *крѣпостной зависимости*, которая въ прочихъ европейскихъ странахъ была отмѣнена въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ или въ началѣ XVIII столѣтія, а въ послѣднихъ ея проявленіяхъ—въ 1848, 1850 и 1861 г.г., въ Россіи же окончательно въ 1883 г. **).

„Можно думать, писалъ Ганнесъ Гебгардъ, что отмѣна въ Россіи въ 1883 г. послѣднихъ слѣдовъ крѣпостной зависимости повліяла и на положеніе торпарей въ Финляндіи. Дѣло въ томъ, что въ то время такъ называемые „коробейники“ усердно распространяли среди нашихъ торпарей свѣдѣнія объ отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи и увѣряли ихъ, что Государь намѣренъ даровать финляндскимъ торпарямъ ихъ торпы въ собственность. Не видя немедленнаго же осуществленія этого обѣщанія, торпари стали кое-гдѣ собираться на сходки и снаряжать депутаціи въ Гельсингфорсъ“.

Торпарь въ письмѣ, напечатанномъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (см. выше), писалъ: „Великодушный государь русскій Александръ II освободилъ русскихъ крѣпостныхъ. Мы, финляндскіе рабы, молимся, чтобы очередь освобожденія дошла и до финляндскихъ рабовъ, которые состоятъ въ рабствѣ еще болѣе тяжеломъ, чѣмъ прежніе русскіе рабы“.

Далѣе въ томъ же письмѣ выражалось сердечное пожеланіе финскаго простого народа, „чтобы Финляндскіе Сеймы на вѣки были прекращены, и русскіе законы и права вошли бы у насъ въ силу“.

Безправное положеніе торпарей нѣсколько разъ привлекало вниманіе Сейма, но подъ вліяніемъ землевладѣльческаго элемента дѣло долго не получало надлежащаго разрѣшенія. Наконецъ, 27 февраля (12 марта) 1909 г. послѣдовало „Высочайшее постановленіе объ арендѣ торповъ, ландбауерскихъ усадьбъ и бобыльскихъ участковъ“, опредѣлившее юридическое положеніе безземельныхъ въ Финляндіи и значительно его облегчившее. Прежде всего постановленіе это опредѣлило нормальный срокъ арендныхъ договоровъ отъ 50 до 100 лѣтъ и, во всякомъ случаѣ, не менѣе, какъ на 25 лѣтъ; далѣе установило опредѣленіе годовой арендной платы въ деньгахъ, причемъ она не можетъ увеличиваться въ теченіе арендного срока. Хотя и разрѣшается уплачивать аренду продуктами и работой, но они должны расцѣниваться на деньги, по мѣстнымъ цѣнамъ.

Чрезвычайно важнымъ представляется вопросъ о вознагражденіи за улучшенія, сдѣланныя арендаторомъ. По закону 1902 года арендаторъ могъ получить установленное по оцѣнкѣ вознагражденіе, за вычетомъ уже

*) Подобное наказаніе предусматривалось до 1889 года. Прим. сост.

**) Съ 1 января 1883 г. переходъ крестьянъ на выкупъ, прежде зависѣвшій отъ произвола помѣщика, сдѣлался обязательнымъ (законъ 28 декабря 1881 г.). Прим. сост.

извлеченной имъ изъ арендованнаго объекта выгоды; новый законъ призналъ за арендаторомъ право на полученіе полнаго вознагражденія за произведенныя имъ улучшенія, каковое вознагражденіе опредѣляется въ зависимости отъ затратъ, которыя пришлось бы сдѣлать самому собственнику земли, если бы онъ задумалъ провести эти улучшенія.

Для завѣдыванія дѣлами по арендѣ земли и разрѣшенія разныхъ спорныхъ вопросовъ, возникающихъ между арендаторами и землевладѣльцами, учреждены въ каждой общинѣ Арендныя Управы, члены которыхъ выбираются общинами. Но особо важное значеніе имѣетъ постановленіе о порядкѣ примѣненія изложеннаго закона, допустившее обратное его дѣйствіе. Благодаря этому постановленію, арендные договоры, дѣйствовавшіе ко дню вступленія закона въ силу, считаются продленными на указанные въ постановленіи сроки въ зависимости отъ того, когда истекаетъ срокъ ихъ дѣйствія.

Несмотря на благую цѣль закона, изданнаго въ заботахъ „объ обезпеченіи участи бѣднѣйшихъ классовъ“, и на указаніе въ § 81 закона о томъ, что законъ вступаетъ въ силу „*немедленно*“, съ опубликованіемъ этого закона, произошла задержка, въ интересахъ землевладѣльцевъ, повлекшая чрезвычайно невыгодныя послѣдствія для безземельныхъ.

Дѣло въ томъ, что, по существующей во многихъ европейскихъ государствахъ практикѣ, законы, разсмотрѣнные парламентами, но еще не утвержденные, считаются, въ случаѣ роспуска парламента, ничтожными и на утвержденіе Верховной Власти не представляются. Законопроектъ объ арендѣ торповъ былъ представленъ на Высочайшее благовоззрѣніе уже послѣ роспуска Сейма и, въ силу сказаннаго, могъ бы быть оставленъ безъ утвержденія. Однако, Государь Императоръ, „побуждаемый заботами объ обезпеченіи участи бѣднѣйшихъ классовъ населеніи Финляндіи“, „въ видѣ исключенія“, 27 февраля (12 марта) 1909 г., Высочайше соизволилъ утвердить этотъ законъ, который въ цѣляхъ скорѣйшаго его опубликованія, и былъ доставленъ въ Гельсингфорсъ съ экстреннымъ поѣздомъ. Но въ засѣданіи Сената 28 февраля (13 марта), благодаря тому, что, вопреки законамъ, было допущено (при Генералъ-Губернаторѣ Бекманѣ) слушаніе вопроса въ Общемъ Собраніи Хозяйственнаго и Судебнаго Департаментовъ *), преобладающее большинство оказалось противъ немедленнаго опубликованія.

Причиною была выставлена мнимая неконституціонность изданнаго закона, выражавшаяся въ сдѣланной при утвержденіи его оговоркѣ о томъ, что онъ утверждается въ видѣ исключенія. Но, несомнѣнно, отсрочить опубликованіе закона, хотя на одинъ день, было въ интересахъ землевладѣльческаго класса, представители котораго въ большинствѣ засѣдали въ Сенатѣ.

Позже, по особому Высочайшему повелѣнію, законъ былъ опубликованъ, по постановленію одного Хозяйственнаго Департамента, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора. Но тѣмъ временемъ давно уже миновалъ роковой для торпарей срокъ, 14 марта н. ст.,—fardag, день обязательнаго выхода или выселенія изъ торпъ всѣхъ торпарей, которымъ къ 15 декабря было объявлено землевладѣльцами о прекращеніи контрактовъ и выселеніи. А такъ какъ въ ожиданіи торпарскаго закона, непріятнаго землевладѣльцамъ особенно въ виду статей объ обратномъ дѣйствіи на контракты, заключенные раньше изданія, помѣщики отказали почти

*) Должно замѣтить, что въ силу постановленія 1902 года (№ 24), обнародованіе законовъ производится распоряженіемъ Генералъ-Губернатора и совершается чрезъ заслушаніе въ Общемъ Собраніи Хозяйственнаго Департамента Сената. Судебный Департаментъ не имѣлъ права участвовать въ дѣлѣ распубликованія торпарскаго закона, но былъ привлекаемъ съ 1905 г. къ дѣлу распубликованія, чтобы создавать въ нужныхъ случаяхъ желательное большинство. Прим. сост.

всѣмъ торпарямъ, то послѣ 14 марта всѣ такіе безземельцы лишились охраны новаго закона. Для него они уже перестали быть торпарями. Пока впереди были сеймовые выборы, помѣщики не спѣшили осуществлять свое право выселенія, но затѣмъ принялись за дѣло энергичнѣе, такъ что вопросъ о выселяемыхъ торпаряхъ обратилъ на себя вниманіе Сейма.

По сообщенію „Hufvudstadsbladet" (1909 г., № 225), сеймовая комиссія основныхъ законовъ, разсмотрѣвъ петицію депутатовъ Хокканена и Хюллинга „о пособіяхъ торпарямъ, выселеннымъ вслѣдствіе слишкомъ поздняго опубликованія торпарскаго закона", выразила свое мнѣніе, что „землевладѣльцы не обязаны платить такимъ торпарямъ никакого вознагражденія за ущербъ, ибо это было бы противно основнымъ законамъ, которые тогда, пришлось бы измѣнить". О какихъ основныхъ законахъ здѣсь идетъ рѣчь, не сказано.

Несмотря, однако, на то, что съ изданіемъ закона 1909 г. de jure положеніе торпарей значительно улучшилось, фактически зависимость ихъ отъ арендодателей продолжалась, а нерѣдкіе случаи выселенія съ занимаемыхъ участковъ заставляли ихъ искать защиты у Генералъ-Губернатора.

Такъ, газета „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 302) писала, что „нѣкоторыми торпарями села Рянсянкюля вблизи Котки были поданы Генералъ-Губернатору жалобы по поводу постановленія властей города Котки о нарушеніи контрактовъ, заключенныхъ съ торпарями. Торпари должны были оставить городскіе торпы къ 1 сентября 1910 года. Генералъ-Губернаторъ обѣщалъ заступиться за торпарей, но о какихъ-либо мѣропріятіяхъ до сихъ поръ не было извѣстій. Между тѣмъ городскія власти намѣрены возбудить дѣло противъ торпарей по поводу того, что они не оставили свои торпы въ срокъ".

Въ то же время въ другихъ газетахъ и въ позднѣйшее время можно читать о постоянныхъ выселеніяхъ торпарей.

Газета „Rajavahti" (1911 г., № 1) пишетъ, что предъ самыми святками нѣкоторыми крупными землевладѣльцами произведены слѣдующія выселенія жившихъ на ихъ земляхъ торпарей: „Якко Х. изъ деревни Міето выселилъ на большую дорогу трехъ торпарей. Въ деревнѣ Юльтякюля выселены пять торпарей, которые жили у хозяина уже сорокъ съ лишнимъ лѣтъ. Въ деревнѣ Таселіа общество „Temola" въ качествѣ рождественскаго подарка приказало всѣмъ своимъ торпарямъ немедленно же очистить занимаемыя ими избы. Въ Алаханкаіоки разорена семья торпаря Л. Въ деревнѣ Суормарку старофиннами выселено 15 торпарей. Въ деревнѣ Харола выселено 4 торпаря. Въ Туусула выселено три торпаря, изъ которыхъ одному уже 80 лѣтъ. Въ Тайваккa домовладѣлецъ выселилъ одну вдову. Въ Вихтиляярви помѣщикомъ Я. выселено восемь торпарей. Въ Ристи двумя хозяевами выселено 11 торпарей. Въ Каренкюля выселенъ одинъ торпарь. Въ Карку выселено два торпаря".

Соціалистическая газета „Hämeen Woima" (1911 г., № 12) указываетъ, что извѣстный своею „конституціонностью" бывшій Тавастгусскій губернаторъ Иваръ Горди 31 декабря 1909 года постановилъ, что торпарь Іосифъ Л., прихода Урьяла, въ дер Сальми, долженъ немедленно оставить занимаемую имъ торпу, хотя она на основаніи контракта, заключеннаго въ 1909 г., была арендована на 15 лѣтъ. Постановленіе губернатора утверждено Гофгерихтомъ.

Чѣмъ же объясняются столь частыя изгнанія торпарей, несмотря на существованіе изложеннаго выше закона? Объясненіемъ этого могутъ, отчасти, служить слѣдующія замѣтки.

Газета „Kansan Lehti" (1911 г., № 282) писала, что „нѣсколько времени тому назадъ выселены изъ своихъ избушекъ прожившіе въ деревнѣ Лампаанъярви на землѣ нѣкоего Августа К. торпари М-ненъ, К-ненъ, Т-ненъ и вдова М-ненъ. Постановленіе о выселеніи было мотивировано тѣмъ, что *владѣлецъ земли* 3 недѣли тому назадъ *продалъ*-де послѣднюю *своему сыну* (!)". Та же газета (1911 г., № 100), въ статьѣ подъ заглавіемъ „Торпарь, осмѣлившійся требовать исполненія закона о поземельной арендѣ, изгнанъ изъ торпы", сообщала: „Рабочій Альбертъ В арендовалъ у крестьянина Матти Х., а въ деревнѣ Іокслаксъ, Ямсяскаго прихода, небольшой участокъ подъ торпу. На этомъ участкѣ онъ построилъ избушку, въ которой и поселился съ женою и четырьмя дѣтьми. Въ прошлую осень онъ пригласилъ Арендную Управу для освидѣтельствованія своего участка. Это *не понравилось* крестьянину-собственнику этого участка. Пользуясь тѣмъ, что торпарь ему задолжалъ, онъ добился принудительной продажи избушки. Избушку купилъ нѣкто К. — житель деревни Корписелькя. Онъ явился за своей покупкой: разобралъ эту избушку и увезъ

ее, оставивъ обитателей ея подъ открытымъ небомъ. Однако, милосердные сосѣди все же подобрали бѣдную семью".

Слѣдовательно, причиною можетъ быть просто капризъ арендодателя („не понравилось", что торпарь осмѣлился требовать исполненія закона), а поводъ всегда найдется при малой экономической обезпеченности торпаря: просрочилъ онъ взносомъ арендной платы, не исполнилъ при этомъ извѣстныхъ формальностей, и вліятельному землевладѣльцу ничего не стоитъ оставить бѣдняка подъ открытымъ небомъ.

Еще хуже, по сравненію съ торпарями, положеніе такъ называемыхъ *бобылей* (mäkitupalainen). Большая часть ихъ не имѣетъ своихъ жилищъ и ютится въ наемныхъ помѣщеніяхъ: изъ 479 тысячъ семей сельскаго населенія Финляндіи 234 тысячи семей не имѣли своихъ жилищъ въ 1901 г. (См. вышеупомянутую статью Гебгарда „Экономическія условія сельской Финляндіи", „Oma maa" в. 39). Крестьянамъ финскимъ выгодно имѣть около себя такихъ бобылей; поэтому, „вблизи (крестьянскаго) двора хозяиномъ строится хатка возлѣ хатки, въ которыхъ и помѣщаются эти бобыли" („Kansan Lehti", 1909 г., № 236). Каждою осенью эти бобыли обыкновенно мѣняютъ свои квартиры. „Плату съ бобылей берутъ хозяева столь же дорогую, какъ и съ торпарей, и даже большую. Въ это лѣто одинъ крестьянинъ требовалъ съ живущаго у него бобыля одинъ день въ недѣлю работы съ лошадью. Сверхъ такой платы, требуютъ отъ бобыля то одной, то другой работы за кухарку или за батрака; не сдѣлаешь этого, уходи вонъ изъ избушки" („Kansan Lehti" 1909 г., № 233).

При такихъ условіяхъ жизни торпари и бобыли, несмотря на всѣ старанія руководящихъ круговъ возстановить ихъ противъ Россіи, все же смотрятъ на Россію, какъ на страну, гдѣ легче живется и вольнѣе дышится. „Въ Финляндіи, и особенно въ Кареліи, распространено среди части населенія представленіе о томъ, будто въ Россіи условія жизни лучше, чѣмъ въ Финляндіи, что пріобрѣтеніе земли въ Россіи очень легко", пишетъ финская газета „Rajavahti" (1909 г., № 113).

Этими же тяжелыми условіями жизни безземельнаго населенія въ Финляндіи объясняется чрезвычайное *распространеніе тамъ соціализма*. „Отъ соціалистовъ, читаемъ въ „Финляндской Газетѣ" (1911 г., № 69), которые не скупятся на обѣщанія и на каждомъ шагу обманываютъ своихъ почитателей, безземельные ждутъ счастья: „Земли снова передѣлять! Подати съ бѣдныхъ отмѣнять! Старымъ будутъ пенсіи! Дѣтей будутъ одѣвать и учить! Каждый бѣднякъ будетъ жить трудами рукъ своихъ въ своемъ собственномъ домѣ! Вся жизнь перемѣнится!.."—вотъ мечты о будущемъ счастьѣ, котораго бѣдняки ждутъ въ Финляндіи отъ соціализма! (См. повѣсть Й. Кіанто „Красная черта", стр. 174)".

Въ виду этого, желая, хотя на словахъ, выполнить часть своей программы, соціалисты въ 1911 году выступили на Сеймѣ въ защиту интересовъ безземельныхъ. Они настаивали, чтобы принятъ былъ законъ о принудительномъ отчужденіи въ пользу безземельныхъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя, будучи пригодными къ обработкѣ, не разрабатываются нынѣшними владѣльцами; буржуазія соединенными силами боролась съ такимъ предложеніемъ соціалистовъ и взамѣнъ его предложила отпустить изъ казенныхъ средствъ 25 милліоновъ марокъ на основаніе фонда для безземельныхъ, которые при помощи займовъ изъ этого фонда и могли бы пріобрѣтать себѣ землю.

Соціалисты, не будучи въ состояніи провести свой законъ о торпаряхъ и не желая въ то же время содѣйствовать успѣху предложенія буржуазныхъ партій, устроили такъ, что обсужденіе вопроса снято съ очереди, „и все дѣло помощи безземельнымъ отложено опять года на три" („Россія" 1911 г., № 1680).

Глава шестая.—Отношеніе къ русскимъ.

1. Общія замѣчанія.

Къ числу доказательствъ своей культурности финляндцы, между прочимъ, причисляютъ свою неизмѣнную лойяльность по отношенію къ Монарху и къ Россіи *).

Конечно, подобное качество дѣлало бы большую честь финляндцамъ, если бы существованіе его можно было доказать, но бѣда въ томъ, что на протяженіи всѣхъ ста лѣтъ общей исторической жизни съ Имперіей Финляндія не только не обнаружила тяготѣнія къ своему новому отечеству, но постоянно и недвусмысленно выказывала стремленіе къ возможно полной независимости отъ Имперіи, желая пользоваться выгодами въ качествѣ составной части великой державы и въ то же время не желая нести соотвѣтствующихъ обязанностей.

Существованіе подобныхъ настроеній въ Финляндіи, какъ вещь не новая, въ недавнее время отмѣчалось даже шведскими публицистами. Такъ, въ 1912 году шведская газета „Skånska Aftonbladet" (см. „Новое Время", 1912 г., № 13119) заявляла, что „если бы Швеція сохранила Финляндію, то ей пришлось бы имѣть дѣло съ мятежнымъ народомъ; финляндскій сепаратизмъ начался ранѣе присоединенія Финляндіи къ Россіи, *и измѣна не новое для исторіи Финляндіи слово*".

Въ 1911 году въ Стокгольмѣ вышла чрезвычайно интересная брошюра шведской писательницы Цециліи Боотъ-Хольмбергъ подъ заглавіемъ „Роль предательства въ борьбѣ за Финляндію" (Cecilia Bååth-Holmberg, „Förräderiets spel i kampen om Finland"), изъ которой можно почерпнуть весьма поучительныя свѣдѣнія.

Оказывается, что еще во время шведскаго владычества финляндцы мечтали *о созданіи особаго „финляндскаго государства"*. Между прочимъ, надежды на самостоятельность поддерживали императрицы Елизавета Петровна своимъ манифестомъ 1742 года и отчасти Екатерина II своими переговорами съ съ аньяльцами, желавшими создать изъ Финляндіи автономную единицу.

Послѣ того какъ Швеція объявила войну Россіи, императрица Елизавета Петровна, 18 марта 1742 года, издала манифестъ или грамоту къ жителямъ Финляндіи, въ которой обѣщала оказать финляндцамъ содѣйствіе, если бы они захотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и образовать свободное и самостоятельное государство, которое послужило бы „границею и преградою между русскими и шведскими владѣніями". Въ то же время грамота угрожала „разорить страну огнемъ и мечемъ", если, вопреки призыву, жители будутъ помогать шведской арміи.

По удостовѣренію названной шведской писательницы, „хотя страна и не поднялась, какъ одинъ человѣкъ, противъ Швеціи, но *не мало финлянд-*

*) Подобная мысль высказывалась, напримѣръ, въ „Abo Underrättelser" (1911 г., № 100); см. также „Kansan Lehti" (1909 г., № 284), цитир. въ Предисловіи, стр. XXII

цевъ, по большей части изъ образованныхъ классовъ, въ особенности офицеровъ и чиновниковъ, заявилось въ русскую главную квартиру, чтобы отдаться подъ русскую защиту". И они получили эту защиту... но „подъ условіемъ принесенія присяги на вѣрность императрицѣ, въ качествѣ русскихъ подданныхъ!"

Конечно, благодаря этому, завоеваніе восточной части Финляндіи русскими обратилось въ побѣдоносное шествіе. „Финляндцы скоро освоились съ новымъ положеніемъ"; русскій главнокомандующій получилъ даже прозвище „Богъ Эстерботнійцевъ", а русское управленіе пріобрѣло многихъ приверженцевъ *).

Характерна также та безпримѣрная измѣна, которая выразилась въ переговорахъ главы аньяльскаго союза Спренгтпортена съ правительствомъ Екатерины II. Ласково принимаемый шведскимъ королемъ Густавомъ III, какъ человѣкъ блестящаго таланта, которому Густавъ III предполагалъ ввѣрить главное управленіе Финляндіею, Спренгтпортенъ въ то же время подготовлялъ возстаніе Финляндіи противъ Швеціи и велъ переговоры съ Екатериной II, которая должна была гарантировать конституцію, „дарованную финляндцами самимъ себѣ, какъ республикѣ объединенныхъ провинцій Финляндіи". По удостовѣренію г-жи Боотъ-Хольмбергъ, этотъ выдающійся по своимъ способностямъ интриганъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, въ своекорыстныхъ цѣляхъ; когда по порученію шведскаго короля въ 1786 году онъ прибылъ въ Петербургъ, то былъ осыпанъ исключительными знаками вниманія и отличія.

Возвратившись въ Финляндію, Спренгтпортенъ съ особою энергіей сталъ сѣять смуту среди мѣстныхъ офицеровъ-помѣщиковъ. Заговорщики собирались обыкновенно въ усадьбѣ одного изъ нихъ, называвшейся Аньяла, отъ имени которой получилъ названіе и самый заговоръ.

Случилось такъ, что въ 1788 году Густавъ III внезапно объявилъ Россіи войну, думая воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ для него положеніемъ, въ которомъ оказался Петербургъ въ виду почти полнаго отсутствія войскъ, занятыхъ турецкою войною. И вотъ, по словамъ финляндскаго историка **), „міру пришлось стать свидѣтелемъ зрѣлища, никогда ранѣе не виданнаго въ исторіи какого либо народа. Воспользовавшись тѣмъ, что король, вопреки шведской конституціи, началъ наступательную войну безъ согласія риксдага ***), шведскіе офицеры,—въ особенности финляндцы, желая лучше наслаждаться утѣхами мирной жизни въ своихъ помѣстьяхъ, чѣмъ подвергаться опасностямъ войны,—во время похода стали массами подавать въ отставку. Такъ, въ Далекарлійскомъ и Зюдерманландскомъ полкахъ болѣе 50 офицеровъ такимъ образомъ измѣнили своему долгу во имя мнимаго патріотизма. Конечно, при такихъ условіяхъ войну было вести невозможно, и король Густавъ III потерпѣлъ неудачу.

Наконецъ, что такое, какъ не самое измѣнническое дѣйствіе представляетъ изъ себя знаменитый Боргоскій Сеймъ 1809 года, на которомъ финляндцы—подданные воюющей державы, Швеціи, принесли присягу непріятельскому монарху, въ то время, когда миръ еще не былъ заключенъ и положеніе Финляндіи не было еще опредѣлено. Печальнымъ укоромъ звучатъ слова, которыя въ моментъ Боргоскаго Сейма сказалъ профессоръ Абоскаго университета Калоніусъ: „Пусть военное счастье тѣлесно отдало насъ силѣ врага .. но души наши будутъ съ неослабною вѣрностью... принадлежать нашему прирожденному королю. Поэтому, пока исходъ войны еще не извѣстенъ и пока не заключенъ такой мирный договоръ, въ кото-

Iryö Koskinen, Finlands historia, s. 419.

**) Tigerstedt, Finsk Tidskrift, 1879, s. 93.

***) На самомъ дѣлѣ король объявилъ войну якобы оборонительную, воспользовавшись происшедшею на границѣ стычкою нѣсколькихъ шведскихъ солдатъ съ русскими егерями, которые, будто бы, первые безъ причины открыли огонь. Полагаютъ, что это была провокація (см. Боотъ-Хольмбергъ, тамъ же)

ромъ повелитель нашъ самъ откажется отъ своего права, *отъ воли подданнаго не зависитъ отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны*".

А измѣна совершилась. И на этой измѣнѣ финляндцы до сихъ поръ строятъ свое политическое положеніе. Шведскій профессоръ Гаральдъ Іерне (Hjärne) въ 1902 году писалъ: „Пора намъ, шведамъ, заявить, что въ Финляндіи нашлись люди, которые полагали возможнымъ основать свой правомѣрный политическій порядокъ на явной измѣнѣ (trohetsbrott), совершенной (въ 1809 г.) съ полнымъ презрѣніемъ требованій международнаго права". Въ свою очередь, финляндецъ (старофиннъ), историкъ Ирье-Коскиненъ, высказалъ слѣдующее мнѣніе о Сеймѣ въ Борго: „Съ шведской точки зрѣнія эти событія были не чѣмъ инымъ, какъ явнымъ возстаніемъ".

Если финляндцы подобнымъ образомъ доказывали существованіе „лойяльныхъ" чувствъ по отношеніи къ Швеціи, съ которой Финляндію связывала общность культуры, религіи и, отчасти, языка, то логично ли будетъ предположеніе о томъ, что этотъ народъ сталъ болѣе лойяльнымъ по отношенію къ своей покорительницѣ—Россіи?

Дѣйствительно, за время пребыванія Финляндіи подъ властью Россійской Имперіи мы можемъ найти такъ много примѣровъ какъ разъ противоположнаго отношенія ко всему, носящему русское имя, что повѣрить въ существованіе лойяльныхъ чувствъ финляндцевъ къ Россіи весьма трудно. Не даромъ одинъ изъ корреспондентовъ младофинской газеты „Helsingin Sanomat" (1910 г., № 239) весьма откровенно писалъ: „Мнѣ, какъ западноевропейцу, русскій народъ не казался привлекательнымъ, да и *трудно намъ когда нибудь освободиться отъ извѣстнаго отвращенія къ русскимъ!*". А газета „Työmies" (1909 г., № 250) удостовѣряла, что „*финляндскій патріотизмъ училъ всѣмъ сердцемъ презирать русскаго мужика*, къ нему внушали національную ненависть,... кровь его считалась по сравненію съ кровью финна равною грязи".

Самовлюбленные финляндцы при удобномъ случаѣ третируютъ Россію, какъ восточное малокультурное государство, самое существованіе котораго якобы зависитъ отъ высококультурной Финляндіи.

„Московскія Вѣдомости" (1911 г., № 62) приводятъ, напр., такую курьезную цитату изъ финской газеты „Kansan Lehti" (1911 г., № 39).

„Велика Россія, однако, ея мѣсто на картѣ напоминаетъ заднія мѣста въ театрѣ. Финляндцы сидятъ ближе къ сценѣ, а Россія только опирается на спинку ихъ стульевъ (!). Худо тебѣ, Россія, надо сказать. Но ты должна помнить, что мы пріобрѣли билеты на свои мѣста. Худо тебѣ: тебѣ хочется подышать морскимъ воздухомъ. Да! Пожалуй, мы позволимъ тебѣ, если только будешь скромно дышать и оставишь насъ въ покоѣ. Но если попытаешься примѣнить насиліе, то мы сдѣлаемъ всѣ твои замыслы тщетными. Ты должна разсыпаться и преобразоваться"...

Читая подобныя цитаты, трудно понять, о какой же лойяльности къ русскимъ могутъ говорить финляндцы!

На самомъ дѣлѣ, финляндская жизнь можетъ дать богатый матеріалъ, но только не для заключенія о лойяльности финляндцевъ, а какъ разъ наоборотъ—о совершенномъ отсутствіи этого качества у финляндцевъ.

Въ недавнее время подобное враждебное настроеніе финляндцевъ по отношенію къ Россіи было отмѣчено въ брошюрѣ („Положеніе Финляндіи") изданной въ октябрѣ 1910 года въ Стокгольмѣ на шведскомъ языкѣ нѣкіимъ „старофинномъ".

Финляндская печать поспѣшила заявить, что брошюра эта написана не старофинномъ, а лицомъ русскаго происхожденія („Hufvudstadsbladet", 1910 г., № 285), но вскорѣ выяснилось („Nya Pressen", 1910 г., № 244), что авторъ брошюры—магистръ философіи Императорскаго Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ Вальдемаръ Курбергъ.

Разбирая переходъ отъ шведскаго къ русскому владычеству, В. Курбергъ говоритъ:

„Признавъ русское завоеваніе, финны лойяльно приняли участіе и въ Польской, и въ Крымской, и въ Русско-Турецкой кампаніяхъ. Они открыто заявили, что *время русскаго владычества было лучшимъ изъ пережитыхъ ими временъ* и по собственной иниціативѣ воздвигли памятникъ Александру II. Русскіе Государи и великодушный русскій народъ исключительно хорошо обращались съ Финляндіей. Могли ли бы, напримѣръ, ирландцы дать подобный отзывъ объ англійскомъ владычествѣ"?

Дикія мечты о международномъ вмѣшательствѣ В. Курбергъ разбиваетъ словами: „Европа только разъ вмѣшалась въ судьбу одного государства, именно Греціи... Но греки помнили болѣе счастливыя времена, чѣмъ переживаемыя ими подъ скипетромъ турецкаго султана. *Финны же отъ плохого перешли на лучшее*"... Вообще авторъ считаетъ, что, „откровенно говоря, Финляндія сильно нуждается въ защитѣ Россіи и ея дружескомъ попеченіи", ибо... „на собственныхъ ногахъ Финляндія стоять не въ состояніи", а въ случаѣ борьбы „второй Оровайсъ *) можетъ оказаться для Финляндіи болѣе роковымъ, чѣмъ первый".

Интересны объясненія, которыя дѣлаетъ В. Курбергъ въ означенной брошюрѣ случаямъ вызывающаго и дерзкаго обращенія финляндцевъ съ русскими.

„Причиною тому—слишкомъ рѣзкій переходъ, испытанный Финляндіей, отъ забитости, униженія и истощенія—къ полному благополучію. Родилось извѣстное самообольщеніе. Хорошія качества свои финляндцы стали идеализировать, дурныя замалчивать". „*Получилась слишкомъ высокая оцѣнка*", и это прежде всего почувствовали русскіе. Рядомъ съ этимъ проповѣдывалось возможно большее отчужденіе отъ русскихъ, чтобы затруднить имъ обрусеніе Финляндіи, если бы они вздумали имъ заняться. Подобное отчужденіе отъ русскихъ, по мнѣнію автора, является причиною многихъ ошибокъ со стороны Финляндіи. „Отъ болѣе близкаго знакомства съ русскими мы можемъ только выиграть, ибо они имѣютъ прекрасныя качества, недостающія намъ, да и у насъ нашли бы кое-что достойное подражанія".

Къ сожалѣнію, подобные здравомыслящіе голоса весьма рѣдко раздаются среди финляндскихъ публицистовъ, проникнутыхъ, большею частью, какъ и руководящіе круги финляндскаго общества, какою то особенною ненавистью къ русскимъ.

Особенно ярко враждебныя чувства финляндцевъ проявляются въ отношеніи къ православной церкви и ея представителямъ, въ отношеніяхъ къ русскимъ торговцамъ, въ отношеніяхъ къ военнымъ и представителямъ русской власти въ краѣ и даже въ отношеніи къ Монарху.

---

2. Отношенія къ православной церкви.

По Имперскому общегосударственому закону православное вѣроисповѣданіе является господствующимъ не только въ Имперіи, но и въ Финляндіи.

Статья первая Устава Иностранныхъ Исповѣданій изданія 1857 года, гласила: „Первенствующая и господствующая вѣра въ Россійскомъ государствѣ есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія. Но и всѣ не принадлежащіе къ сей церкви, подданные государства и иностранцы, *какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ*, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія".

*) Въ битвѣ при Оровайсѣ финны, храбро сражавшіеся въ составѣ шведскихъ войскъ, были на голову разбиты русскими войсками. Прим. сост.

Въ изданіи 1896 года, редакція этой статьи была измѣнена, въ виду неудобства противоположенія Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, примѣнительно къ статьѣ 44 Законовъ Основныхъ (изд. 1892 г.), причемъ упоминаніе въ ней особо о Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ было выпущено, какъ излишнее *). Такимъ образомъ хотя нынѣ въ означенной статьѣ содержится лишь упоминаніе о Россійскомъ государствѣ, и особаго указанія на господствующее положеніе православія въ Финляндіи не имѣется, но, въ виду изложеннаго, не остается никакого сомнѣнія, что подъ выраженіемъ „Россійское государство" должно понимать всю Россійскую Имперію, со включеніемъ Финляндіи.

Таково указаніе закона. На дѣлѣ, однако, православіе въ Финляндіи занимаетъ второстепенное мѣсто и подвергается разнымъ притѣсненіямъ, господствующею же или, по выраженію финляндцевъ, „государственною" церковью въ Финляндіи признается лютеранская.

Вотъ, что пишетъ, напр., шведоманская „Abo Underrättelser" (1911 г., № 72):

„Православное вѣроисповѣданіе занимаетъ въ Финляндіи привилегированное положеніе. Оно пользуется покровительствомъ при преподаваніи въ школахъ, православные священники обладаютъ одинаковыми *правами* съ лютеранскими пасторами въ вопросахъ... *призрѣнія бѣдныхъ*. Православные русскіе, предпочтительно передъ прочими вѣроисповѣданіями, освобождены отъ взносовъ въ пользу *государственной* (?!) лютеранской церкви страны"...

„Только очень разсѣянные люди, справедливо возражаетъ на это „Русскій Инвалидъ" (1911 г., № 71), могутъ принять подобное перечисленіе правъ (на призрѣніе нищихъ и пр.?) за привилегіи. Очевидно, что православные русскіе относительно „взносовъ въ пользу государственной церкви" пользуются въ Финляндіи не большими правами, чѣмъ пользовались бы на Гонолулу, или пользуются въ Японіи, Персіи и Китаѣ, гдѣ тоже, вѣроятно, не оплачиваютъ нужды чуждыхъ имъ религіозныхъ культовъ **). Впрочемъ, сравнительно съ 1622 годомъ, когда „православнымъ кареламъ вмѣнялось въ обязанность посѣщать лютеранскія церкви черезъ воскресенье или строить лютеранскія церкви и уплачивать десятину лютеранскому духовенству", конечно, и это—право. Однако, чтобы быть ближе къ истинѣ, слѣдуетъ сдѣланное выше газетой перечисленіе правъ дополнить указаніями: что исполненіе требъ православными священниками приравнивается къ занятію промысломъ ***); что правила о соблюденіи православныхъ праздниковъ постоянно нарушаются, тогда какъ еще недавно штрафовали за несоблюденіе православными же лютеранскихъ праздниковъ".

О томъ, какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники, находимъ упоминаніе въ отношеніи Финляндскаго Генералъ-Губернатора Закревскаго къ Статсъ-Секретарю Великаго Княжества Финляндскаго отъ 7 іюля 1826 г. Въ этомъ отношеніи Финляндскій Генералъ-Губернаторъ просилъ Статсъ-Секретаря доложить Государю Императору, что *Финляндскій Сенатъ затрудняется освободить „Финляндскихъ греко-россійскихъ исповѣдниковъ отъ празднованія дней евангелическо-лютеранской вѣры"*. Генералъ-Губернаторъ напоминалъ, что еще почившій Императоръ Александръ Павловичъ 22 марта 1810 г. „повелѣть соизволилъ по состоянію нынѣ Финляндіи подъ всероссійскою державою праздники въ церквахъ греко-россійскаго исповѣданія отправлять по уставу онаго и за неотправленіе ихъ въ одно время съ лютеранами не взыскивать опредѣленнаго прежнимъ правительствомъ штрафа". Объ этомъ своевременно было сообщено Финляндскому Сенату, который, сообщивъ мѣстнымъ властямъ о разрѣшеніи православнымъ праздновать праздники по уставу греко-россійской церкви, т. е. по старому лѣтосчисленію, *„объ увольненіи ихъ отъ празднованія дней по лютеранскому календарю умолчалъ, не взирая на то, что въ семъ одномъ заключался всеподданнѣйшій докладъ, и что на сіе одно Высочайшее повелѣніе обращалось"*. Вслѣдствіе такого упущенія Сената произошло то, что не только въ Новой Финляндіи, *но и въ Старой (Выборгской губ)* начали подвергать по судебнымъ приговорамъ штрафамъ православныхъ, находимыхъ за работами въ лютеранскіе праздничные дни. „И сіи то оскорбленія побудили меня, писалъ Генералъ-Губернаторъ, предложить Сенату объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, изданнаго 16 лѣтъ назадъ!" Сенатъ, однако, не призналъ возможнымъ измѣнить свой взглядъ на дѣло, ссылаясь на прежніе шведскіе законы, которые какъ разъ и отмѣнялись приведеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Генералъ-Губернаторъ доказывалъ нелогичность Сенатскихъ распоряженій, въ силу которыхъ жители Финляндіи, не принадлежащіе къ лютеранскому вѣроисповѣданію, должны праздновать не только праздники своего вѣроисповѣданія, но и лютеранскаго и такимъ образомъ, можетъ быть, въ самую рабочую пору терять лишніе рабочіе дни.

Наконецъ, указывая на *притѣсненія, чинимыя православнымъ въ Финляндіи*, Генералъ-Губернаторъ приводилъ слова 6-ой статьи Фридрихсгамскаго трактата отъ 17 сентября 1809 г.: „Императоръ Всероссійскій по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей *свободное отправленіе ихъ вѣры*, права собственности и ихъ преимущества". Генералъ-Губернаторъ находилъ, что, какъ должно быть ясно всякому безпристрастному человѣку, Всероссійскій Монархъ, сохраняя финляндскому народу гражданскіе и политическіе его законы, безъ насилія совѣсти, не имѣлъ намѣренія пожертвовать уваженіемъ и достоинствомъ собственнаго своего вѣроисповѣданія, господствовавшаго въ Его державѣ, для края, пріобрѣтеннаго Его оружіемъ, какъ сіе и обнаруживается изъ приведеннаго выше Высочайшаго повелѣнія объ освобожденіи православныхъ отъ празднованія лютеранскихъ праздниковъ.

Между тѣмъ, поскольку неуважительно относились мѣстныя финляндскія власти къ россійской церкви, видно, напр., изъ того, что 21 мая 1821 г. въ Выборгѣ *противъ православнаго собора во время торжественнаго молебствія былъ наказанъ тѣлесно у позорнаго столба преступникъ*, по распоряженію мѣстной гражданской власти.

Слѣдствіемъ изложеннаго доклада Генералъ-Губернатора были два Высочайшихъ рескрипта (отъ 17 ноября и 1 декабря 1826 г.), изъ коихъ первымъ разрѣшено было православнымъ жителямъ края не праздновать лютеранскихъ праздниковъ, а вторымъ окончательный срокъ подачи жалобъ и просьбъ отодвигался на одинъ день, въ случаѣ если послѣдній день приходился въ одинъ изъ православныхъ праздниковъ *).

Изъ этого видно, что уже во времена, непосредственно слѣдовавшія за присоединеніемъ Финляндіи къ Россійской Имперіи, православное вѣроисповѣданіе, несмотря на заботы правительства, не пользовалось въ Финляндіи уваженіемъ, приличнымъ *господствующей* религіи. Нѣкоторыя же дѣйствія финляндцевъ, какъ напримѣръ оштрафованіе за непразднованіе лютеранскихъ праздниковъ и приведеніе въ исполненіе тѣлеснаго наказанія у православнаго собора во время богослуженія, являлись прямымъ оскорбленіемъ православія.

Подобныхъ примѣровъ неуважительнаго отношенія къ православію можно насчитать очень много на протяженіи столѣтія, что можетъ доказывать несостоятельность мнѣнія, будто бы враждебное отношеніе финляндцевъ ко всему русскому стало проявляться лишь съ наступленіемъ такъ называемаго „лихолѣтья".

Между прочимъ, характерно отношеніе финляндцевъ *къ присягѣ православныхъ*.

Въ 1859 г. священникъ Нейшлотской церкви, Симеонъ Скворцовъ, подалъ рапортъ Генералъ-Губернатору о томъ, что члены магистрата и герадскаго суда „дозволяютъ себѣ *сидѣть во время привода къ присягѣ* православныхъ".

*) Статья 1 Уст. Ин. Исп., изд. 1896 г., читается такъ: „Первенствующая и господствующая вѣра *въ Россійскомъ государствѣ* есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія. Но и всѣ не принадлежащіе къ сей Церкви подданные государства и иностранцы, въ ономъ пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія"

**) Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что еще въ 1909 г., по словамъ „Россіи" (№ 1236), „ссылаясь на требованіе финляндскаго законодательства и практики, согласно которымъ всѣ лица, владѣющія собственностью въ районѣ финск го церковнаго прихода, обязаны платить особые сборы въ пользу мѣстной финской церкви, гг. финляндцы заставляли и русскихъ православныхъ землевладѣльцевъ, дачевладѣльцевъ, торговцевъ и проч. платить этотъ сборъ, не принимая никакихъ возраженій, что, дескать, „я не принадлежу къ вашей церкви и даже нахожу противнымъ моей совѣсти платить сборы на содержаніе инославной церкви".

***) См. Выс. пост. 26 дек. 1902 г. объ освобожденіи членовъ правосл. причтовъ изъ нефинляндцевъ отъ производившагося, вопреки Выс. пост. 15 авг. 1883 г., обложенія городскими сборами.

*) См. изданную особой брошюрою статью „Какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники", СПБ., 1910 г

„Въ Ревелѣ, говорилось въ рапортѣ, мѣстныя власти, тоже лютеранскаго вѣроисповѣданія, всегда добровольно вставали при раскрытіи Св. Евангелія и Св. Креста, въ Финляндіи же русскіе подданные не оказывали уваженія къ православію, ссылаясь на то, что „по смыслу законовъ *во время стоянія не можетъ быть засѣданія*". На этотъ рапортъ Канцелярія Генералъ-Губернатора, директоромъ которой былъ лютеранинъ Моландеръ, по приказанію графа Берга, остзейца, отвѣтила, что въ Финляндіи нѣтъ закона, предписывающаго членамъ присутственныхъ мѣстъ вставать при приводѣ лицъ къ присягѣ" *).

Подобное же отношеніе финляндскихъ судовъ къ православной присягѣ остается и понынѣ **). Финляндцы объясняютъ такое поведеніе своихъ судовъ тѣмъ, что, съ точки зрѣнія ихъ процесса, присяга есть судопроизводственное дѣйствіе, а не религіозный актъ. Кромѣ того, въ представленіи прокурора Сената Седергольма, указывалось, что „вся судебная процедура (и присяга) происходитъ передъ засѣдающимъ судомъ", что якобы „функціи суда, какъ таковаго, почитаются законченными, какъ только предсѣдатель и члены его встали съ своихъ креселъ, и присяга при такихъ обстоятельствахъ, вопреки предписанію, приносилась-бы не передъ судомъ, а передъ группою слушателей" ***), т. е. опять повторялось, что „во время стоянія не можетъ быть засѣданія".

И вся эта софистика пускается въ ходъ лишь для того, чтобы не оказать уваженія къ обряду православной религіи, что, конечно, при нормальныхъ отношеніяхъ могло бы быть сдѣлано изъ простой вѣжливости!

Въ брошюрѣ „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи" мы находимъ описаніе возмутительныхъ издѣвательствъ надъ православіемъ и русскимъ именемъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, слѣдовательно задолго до Н. И. Бобрикова.

„Въ № 233 газеты „Гражданинъ", отъ 23 августа 1889 года, было помѣщено письмо изъ г. Або, авторъ котораго, священникъ Казанскій, сѣтуя на неблагопріятныя для русскихъ условія жизни въ Або, указывалъ между прочимъ, что въ Або, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Финляндіи, русскихъ ненавидятъ, надъ „русской" вѣрой глумятся и даже самое слово „русскій" служитъ ругательствомъ. При этомъ священникъ Казанскій приводилъ цѣлый рядъ случаевъ издѣвательства надъ русскими и православной вѣрой, въ родѣ киданія пивной бутылкой въ гробъ русскаго покойника, пляски съ безобразными завываніями впереди погребальной процессіи, встрѣчи священника словами: „здравствуй русская собака" и т. п

„Вслѣдствіе этого письма, Канцелярія Генералъ-Губернатора обратилась къ священнику Казанскому съ просьбою сообщить ей для принятія надлежащихъ мѣръ, на какихъ именно данныхъ онъ основываетъ свое указаніе на ненависть лютеранъ (финляндцевъ) ко всему русскому, русскимъ и къ православію, причемъ просила его, для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, увѣдомить, когда, гдѣ и кѣмъ были учинены указанныя въ письмѣ безобразія.

„Въ отвѣтъ на это священникъ Казанскій сообщилъ дополнительный рядъ случаевъ, доказывающихъ нетерпимость финляндцевъ ко всему русскому и, въ числѣ ихъ—немало случаевъ нарушенія финнами церковнаго благочинія, вызывавшихъ необходимость обратиться къ губернатору съ просьбой выставлять во время всенощной полицейскій постъ около православной церкви. Такъ, напримѣръ, нѣкій прикащикъ Линдблумъ *заскаживалъ по церкви, во время всенощной, съ бутылкой водки* и оказалъ сильное сопротивленіе, когда сторожъ выводилъ его изъ храма. По требованію прихожанъ безобразникъ былъ преданъ суду, приговорившему его къ 165 маркамъ штрафа. Бываетъ — разсказывалъ далѣе священникъ — что дѣло не ограничивается

*) М. Бородкинъ. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II, стр. 460

**) Напр. въ газетѣ „Uusi Suometar" (1911 г., № 120) находимъ сообщеніе, что въ январѣ 1910 года въ Тавастгусскомъ ратгаузскомъ судѣ разбиралось какое то дѣло, въ числѣ свидѣтелей по которому, между прочимъ, было и два русскихъ офицера. Судья, прежде чѣмъ отбирать отъ нихъ показанія, предложилъ имъ принять установленную присягу. Офицеры на это отвѣтили, что они согласны присягать только въ томъ случаѣ, если во время приведенія къ присягѣ всѣ члены суда будутъ стоять. Судъ отказался исполнить это требованіе. Разбиравшееся же дѣло, за недостаткомъ свидѣтельскихъ показаній, было прекращено. На подобное рѣшеніе суда была подана апелляція въ Абоскій Гофгерихтъ, который оставилъ апелляцію безъ послѣдствій.

***) „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи", СПБ., 1911 г., стр. 70.

одними ругательствами, но случаются и нападенія, изъ которыхъ особенно выдается нападеніе на церковную сторожку. Нападеніе случилось рано утромъ въ воскресный день, когда на улицѣ никого еще не было. Безобразники, въ числѣ двухъ, съ ножами въ рукахъ пытались выломать дверь, но послѣдняя выдержала натискъ, и семья сторожа отдѣлалась однимъ страхомъ. Нападавшіе затѣмъ удалились къ церкви, передъ которой нѣкоторое время продѣлывали *всевозможныя кощунства*; задержать виновныхъ не удалось.

„Засимъ отецъ Казанскій сообщилъ, что слова „здравствуй русская собака" были сказаны ему на пароходной пристани г. Раумо на ломанномъ русскомъ языкѣ какимъ-то *прилично одѣтымъ молодымъ человѣкомъ*, который затѣмъ поспѣшилъ скрыться. Такъ какъ слова эти, прибавляетъ священникъ Казанскій, „были сказаны въ такое время, когда около меня никого не было, то поступокъ этотъ пришлось оставить безнаказаннымъ, какъ и большинство подобныхъ ему, такъ какъ, кстати здѣсь замѣтить, и вообще-то всѣ безобразія стараются учинять безъ свидѣтелей".

„Относительно случая съ *киданіемъ пивной бутылки въ гробъ покойника*, священникъ Казанскій указалъ, что случай этотъ произошелъ на похоронахъ купца Назарова; безобразники были задержаны полицейскимъ, но затѣмъ отпущены, такъ что, за неизвѣстностью ихъ именъ, виновныхъ нельзя было привлечь къ суду. Впослѣдствіи, по жалобѣ священника Казанскаго, Абоскій полиціймейстеръ, баронъ Аминовъ, получилъ отъ губернатора, графа Крейца, предостереженіе „за невнимательность".

Изъ другихъ случаевъ издѣвательства надъ православіемъ отмѣтимъ случай, происшедшій въ 1899 году въ Выборгѣ, когда на маскарадѣ явилось два лица въ костюмахъ монахинь съ крестами на груди, съ книгами, изображавшими Евангеліе, въ рукахъ. Деракіе были привлечены за кощунство, но *по суду оправданы* *).

Въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи письмѣ одного православнаго священника содержится описаніе въ высшей степени характернаго инцидента, происшедшаго во времена Генералъ-Губернатора Графа Гейдена.

Священникъ этотъ со своимъ причтомъ спѣшилъ на квартиру артиллерійскаго офицера для совершенія таинства крещенія надъ слабымъ новорожденнымъ младенцемъ, причемъ на облучкѣ сидѣлъ солдатъ церковникъ съ крестильной чашей въ рукахъ. На пути ихъ обогналъ верхомъ на лошади гвардейскій офицеръ нынѣ упраздненнаго финскаго батальона. Проскакавъ впередъ, офицеръ вдругъ поворотилъ лошадь, подъѣхалъ къ санямъ причта и закричалъ „стой". Возница остановилъ лошадь. Тогда „офицеръ вылилъ ушатъ отборной брани на голову церковника за то, что тотъ, какъ показалось офицеру, пялилъ на него глаза, когда онъ мчался мимо причта". Этимъ дѣло не ограничилось. „Поощряемый хохотомъ публики" офицеръ сопровождалъ причтовый поѣздъ и на людномъ мѣстѣ центральной улицы повторилъ тѣ же ругательства и потребовалъ, наконецъ, чтобы церковникъ немедленно слѣдовалъ за нимъ въ Комендантское Управленіе. Тогда вмѣшался священникъ и сказалъ офицеру: „Вы вотъ второй разъ останавливаете меня въ пути и угощаете площадной бранью, а въ это время, быть можетъ, умираетъ младенецъ, котораго нужно окрестить", и обѣщалъ самъ отвезти церковника въ Комендантское Управленіе. На это офицеръ отвѣтилъ: „А ты кто такой?" и, получивъ отвѣтъ, что, какъ онъ видитъ, священникъ, закричалъ: „А чортъ васъ знаетъ лохматыхъ, мало ли тутъ шляется азіатовъ" Онъ продолжалъ бы еще браниться и потѣшать собравшуюся публику, если бы не появился случайно русскій артиллерійскій офицеръ, увидѣвъ котораго гвардеецъ умчался

Исполнивъ требу, священникъ съ церковникомъ явился къ Коменданту, оказалось, однако, что офицеръ уже былъ у Коменданта и разсказалъ, какъ было дѣло, разумѣется, оправдывая свое поведеніе. Священникъ согласился ограничиться извиненіемъ офицера, который его и принесъ. Но, по жалобѣ одной вліятельной свидѣтельницы происшествія, дѣло дошло до Генералъ-Губернатора графа Гейдена, который потребовалъ представленія рапорта объ этомъ отъ священника. Разслѣдованіе дѣла было поручено начальнику штаба финскихъ войскъ, который всячески старался выгородить офицера, пытался даже подкупить за 100 марокъ кучера-артиллериста. Однако, какъ ни старался генералъ-слѣдователь, дѣло кончилось тѣмъ, что офицеръ понесъ заслуженное наказаніе, несмотря на то, что священникъ, уступая просьбамъ Коменданта, смягчилъ поданный Генералъ-Губернатору рапортъ и выпустилъ изъ него подлинныя выраженія гвардейца.

Таковы примѣры отношенія культурныхъ финляндцевъ къ православной религіи и ея служителямъ въ прежнее время, когда о какихъ либо поводахъ неудовольствія русскими въ краѣ, по словамъ финляндцевъ, не было и рѣчи.

Измѣнилось ли подобное отношеніе къ православію нынѣ съ поднятіемъ культурности въ странѣ и развитіемъ связей съ Имперіей? Повидимому, если и измѣнилось, то отнюдь не въ положительную сторону.

*) „Къ вопр. о полож. русск. въ Финляндіи", стр. 4—8.

Такъ, даже *случаи оштрафованія православныхъ за несоблюденіе лютеранскихъ праздниковъ* бываютъ въ настоящее время.

Какъ сообщала „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 166), „на имя коменданта Выборгской крѣпости поступило прошеніе владѣльца московской хлѣбопекарни въ Выборгѣ, въ каковомъ прошеніи проситель указывалъ, что *магистратъ города оштрафовалъ его на десять марокъ за то, что его хлѣбопекарня работала наканунѣ лютеранскаго праздника Рождества*. Такъ какъ названная пекарня обслуживаетъ также и мѣстныя русскія войска, то ея владѣлецъ просилъ коменданта исходатайствовать ему разрѣшеніе печь хлѣбъ наканунѣ православныхъ праздниковъ независимо отъ того, совпадаютъ ли они съ лютеранскими или не совпадаютъ. Генералъ-Губернаторъ, получивъ это прошеніе отъ Коменданта Выборгской крѣпости, направилъ его въ Сенатъ для разсмотрѣнія, причемъ поддержалъ просьбу владѣльца пекарни слѣдующей справкой: Согласно § 5 постановленія 1827 года, проживающимъ въ краѣ русскимъ подданнымъ православнаго вѣроисповѣданія разрѣшается производить торговлю и заниматься ремесломъ въ дни, на которые приходятся лютеранскіе праздники. Согласно же § 2 закона 1908 года, магистратъ имѣетъ право разрѣшать хлѣбопеченіе въ кануны праздниковъ".

Правда, въ настоящее время не можетъ грозить наказанія за непосѣщеніе православными лютеранскихъ кирокъ. Но это еще не значитъ, что православные не обязаны ихъ посѣщать. Вотъ, что пишетъ по этому поводу газета „Россія" (1909 г., № 1236).

„Оригинальной чертой финляндскихъ нравовъ является обычай, по которому въ мѣстныхъ церквахъ (киркахъ) послѣ богослуженія совершается рядъ судебно-административныхъ дѣйствій, въ родѣ оглашенія публичныхъ торговъ, взысканій, расцѣнки всякаго рода сборовъ, налоговъ и т. п. И горе тому русскому поселенцу въ финляндскихъ мѣстностяхъ, который этого обычая не знаетъ или съ нимъ не считается, не желая посѣщать чужую церковь ради этихъ своеобразныхъ публикацій: иной разъ дорого обойдется ему это равнодушіе къ финской церкви.

„Вотъ, напримѣръ, какая имущественная драма разыгралась недавно въ Теріокахъ на этой почвѣ. Нѣкій русскій подданный и православный пріобрѣлъ здѣсь земельный участокъ и выстроилъ на немъ довольно хорошую дачу, обошедшуюся ему, въ общемъ, тысячи въ четыре. По лѣтамъ въ ней жила семья, зимою дача пустовала и при ней не было даже дворника, а охрана поручалась сосѣднему крестьянину-финну. Какъ у многихъ изъ насъ, грѣшныхъ, и у этого дачевладѣльца были долги. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, ему даютъ знать, что его дача продана за 400 р. Пораженный этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ и совершенно не понимая, какъ это могло случиться, когда ему даже ровно ничего не было извѣстно объ обращеніи взысканія на дачу, онъ пріѣзжаетъ въ Теріоки и, увы, убѣждается, что дачи у него больше нѣтъ. Оказалось, что въ мѣстной финской церкви было сдѣлано кредиторомъ этого горемычнаго дачевладѣльца оглашеніе объ обращеніи взысканія на эту дачу, и, какъ часто бываетъ здѣсь, составилась, вѣроятно, тутъ же въ церкви теплая компанія, явившаяся на мѣсто въ назначенный день, произвела вполнѣ законные по финляндскому закону торги, о которыхъ дачевладѣлецъ, конечно, и не подозрѣвалъ, и покупатель, въ присутствіи ленсмана, спокойно наблюдавшаго эту картину, оставилъ за собою дачу за 400 р.

„Если финляндцы, говоритъ газета, не хотятъ производить изъ курьезной экономіи расходовъ на публикаціи въ газетахъ и прочее, что требуется, напримѣръ, у насъ при продажѣ чужого имѣнія съ публичныхъ торговъ, то было бы цѣлесообразно, по крайней мѣрѣ, вывѣсить два-три писаныхъ объявленія на вокзалѣ, у бюро ленсмана или въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, что, моль, тогда-то и тамъ-то будетъ продаваться такое-то имущество. При такомъ порядкѣ и самъ владѣлецъ, не посѣщающій финской кирки, могъ бы все-таки легче узнать о грозящей ему непріятности и не получать сюрпризовъ, подобныхъ вышеописанному, и, во-вторыхъ, большее число лицъ, вообще, узнавало бы о публичныхъ торгахъ, т. е. была бы достигнута основная цѣль мало-мальски правильно организованныхъ публичныхъ торговъ, и труднѣе было бы на этой почвѣ производить тѣ ловкія махинаціи, которыя теперь, сплошь и рядомъ, случаются въ Финляндіи при, такъ называемой, публичной, а на самомъ дѣлѣ, довольно секретной, продажѣ чужого имущества.

„Но г.г. финляндцы, несмотря на то, что имъ не разъ указывали на вопіющее безобразіе такого архаическаго способа публикацій, очевидно рѣшаютъ: „Для насъ и такъ хорошо, а что русскіе не ходятъ въ нашу кирку и не знаютъ, что тамъ дѣлается, тѣмъ хуже для нихъ". Тѣмъ болѣе, что, именно, русскимъ очень пріятно устроить такую непріятность".

О подобномъ положеніи православнаго населенія въ отношеніи финской

церкви отмѣчалось также на собраніи прихожанъ Теріокской православной церкви въ ноябрѣ 1909 г., причемъ, между прочимъ, указывалось, что финляндскія власти, при взысканіи требуемыхъ сборовъ, не обращаютъ никакого вниманія на русскихъ жителей и свои списки о сборахъ посылаютъ только въ финскую кирку, куда русскіе не ходятъ, а потомъ власти начисляютъ штрафы за несвоевременный взносъ денегъ *).

Съ другой стороны, насколько „привилегированное" положеніе занимаетъ въ Финляндіи православная церковь, видно, между прочимъ, изъ того, что, по словамъ „Колокола" (отъ 28 апрѣля 1911 г.) *вѣнчаніе* въ Финляндіи *по православному* только *обряду при смѣшанныхъ бракахъ считается недѣйствительнымъ* и что финляндскія учрежденія не считаютъ для себя нужнымъ считаться по дѣламъ о смѣшанныхъ бракахъ съ имперскими учрежденіями.

Говоря о предполагаемомъ введеніи въ Финляндіи института „гражданскаго брака" и указывая, что это можетъ породить не мало путаницы въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ живутъ православные и гдѣ естественны смѣшанные браки, газета „Колоколъ", между прочимъ, приводила слѣдующій случай изъ современной практики смѣшанныхъ браковъ.

„Финляндецъ Медеръ, православнаго вѣроисповѣданія, въ 1897 г. женился на шведкѣ Нильсонъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ чета разошлась, и Медеръ получилъ разводъ отъ Св. Синода. Послѣ смуты 1905 года Медеръ перешелъ въ лютеранство, а въ 1906 году женился снова на православной дѣвицѣ Якенъ. Но по финляндскимъ законамъ онъ числился еще въ супружествѣ съ Нильсонъ, которая, въ силу сего, не можетъ выйти замужъ. Въ 1908 г. Медеръ подалъ въ Сенатъ прошеніе о разводѣ съ Нильсонъ, но Сенатъ по сіе время никакого рѣшенія по этому дѣлу не вынесилъ. Такимъ образомъ, Медеръ въ Финляндіи числится женатымъ на Нильсонъ вплоть до рѣшенія дѣла въ Сенатѣ. Въ Россіи же по синодскимъ бумагамъ онъ числится женатымъ на Якенъ. Но такъ какъ съ Якенъ онъ обвѣнчанъ лишь по православному обряду, то Якенъ и не считается замужнею въ Финляндіи. Дѣти Медера и Якенъ не могутъ по финляндскихъ законамъ имѣть какихъ-либо наслѣдственныхъ правъ".

Что касается *отношенія къ православной церкви мѣстнаго населенія*, то, по словамъ брошюры „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи" (стр. 2), благодаря „культурности" населенія въ самое недавнее время представлялось невозможнымъ устройство торжественныхъ крестныхъ ходовъ православныхъ. „Эта же „культурность" отравляетъ существованіе древней обители русской—Валаама и причиняетъ оскорбленія религіозному чувству валаамскихъ иноковъ: нарушать порядки монастыря дерзаютъ даже сосѣдніе жители, видавшіе отъ него столько добра. Въ мѣстной печати нерѣдки и теперь оскорбительныя выходки противъ православія. Памятны каррикатуры на Архіепископа Финляндскаго и на духовныя православныя процессіи; въ этихъ каррикатурахъ владыка изображался шествующимъ съ плевательницей вмѣсто кадила. Памятны статьи, съ возмутительной наглостью высмѣивающія празднованіе православными Св. Пасхи или съ насмѣшкой замѣчавшія, что „и на долю монахини достался поцѣлуй".

Можно отмѣтить примѣры оказанія явнаго неуваженія къ православію даже со стороны пасторовъ.

„6/19 января 1904 года, во время торжества водосвятія, пасторъ М. дерзко противился требованію о снятіи имъ шляпы и за это былъ Консисторіей отстраненъ отъ должности" **)

При подобныхъ отношеніяхъ финляндцевъ къ православнымъ обрядамъ и богослуженію вполнѣ понятна жалоба, принесенная, по словамъ „Nya Pressen" (1910 г., № 178), командиромъ расположенныхъ въ Николайштадтѣ русскихъ войскъ, мѣстному полиціймейстеру. „Въ жалобѣ этой указывается, что масса публики, скопляющейся изъ любопытства во время вечернихъ молитвъ и парадовъ войскъ, мѣшаетъ религіозному настроенію въ виду

*) „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи", стр. 14.
**) Тамъ же, стр. 4.

того, что она не обнажаетъ головы. Одновременно командиръ заявляетъ что онъ впредь слагаетъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія подобнаго отношенія публики".

Но особенно характерно *отношеніе финляндцевъ къ служителямъ православной церкви.*

Читая о тѣхъ способахъ травли русскаго духовенства, къ которымъ нынѣ прибѣгаютъ финляндцы, можно думать, что это происходитъ гдѣ-нибудь „въ дебряхъ Африки", а не въ христіанской европейской странѣ, кичащейся своею культурностью.

Между прочимъ, обычнымъ способомъ выраженія неуваженія къ православному духовенству является *оплеваніе.*

„Православное духовенство оплевывается, правда, по большей части дѣтьми школьнаго возраста, но это указываетъ на то воспитаніе, какое имъ даютъ родители и наставники. Данныя одного изъ офиціальныхъ дознаній установили, что въ одномъ Гельсингфорсѣ изъ 15-ти проживающихъ тамъ православныхъ духовныхъ лицъ—12 подверглось оплеванію. Мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ въ 1909 г. было удостовѣрено, что нѣкоторые члены духовенства епархіи жаловались на невозможность для нихъ появляться среди финской городской толпы въ духовномъ костюмѣ потому, между прочимъ, что *всегда можно встрѣтить со стороны финновъ оскорбленія* не только словами, но и дѣйствіемъ (плевками въ спину и т. п.); будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ г. Выборгѣ) священникъ можетъ появляться на улицѣ не иначе, какъ на извозчикѣ" *).

„Оскорбительное отношеніе къ православному духовенству со стороны мѣстнаго населенія не является особенностью послѣднихъ годовъ. Подобное отношеніе проявлялось и ранѣе, при чемъ виновными въ немъ оказывались *взрослыя интеллигентныя лица.* Данныя дознанія, произведеннаго въ 1909 году, установили, что въ Гельсингфорсѣ *случаи оплеванія весьма часты* и что подобнымъ образомъ *оскорбляли духовенство также женщины.* Однажды въ Гельсингфорсѣ рабочій, шедшій по улицѣ за священникомъ генералъ-губернаторской церкви, схватилъ его за волосы. Въ Выборгѣ другой священникъ, кромѣ иныхъ оскорбленій, имъ перенесенныхъ, былъ схваченъ какимъ то мужчиной за „шиворотъ". Указывался также такой фактъ, когда, въ 1906 году, рабочій въ г. Або бросилъ священнику въ лицо горсть шелухи отъ подсолнуховъ, которые грызъ, и обсыпалъ ему этой шелухой всю бороду" **).

Въ 1907 г. оплеванію подвергся діаконъ Никольскій на главной (Эспланадной) улицѣ въ Гельсингфорсѣ ***) („Россія", 1909 г., № 1210).

Противъ православнаго священника въ городѣ Николайштадтѣ о. П. возникла цѣлая травля, выразившаяся въ самыхъ неприличныхъ и дикихъ поступкахъ.

Произведеннымъ по поводу цѣлаго ряда подобныхъ случаевъ слѣдствіемъ, по словамъ финляндскихъ газетъ („Turun Sanomat", 1910 г., № 224; „Karjala", 1910 г., № 226; „Työmies", 1910 г., № 241), установленъ фактъ неоднократныхъ оскорбленій православныхъ священниковъ со стороны учащейся молодежи: въ священниковъ *плевали, бросали снѣгомъ* и т. п.

Первоначально, повидимому, подобные чрезвычайно странные для

*) „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи", стр. 2.
**) Тамъ же, стр. 4.
***) Вообще плеваніе и харканіе на одежду, а также въ сторону просто ради демонстрація весьма обыкновенный способъ выраженія презрѣнія къ лицамъ, не дѣйствующимъ по вкусу эспланаднаго кагала. Одно лицо, состоявшее переводчикомъ при канцеляріи генералъ-губернатора, пройдя по Эспланадной улицѣ и придя домой, неоднократно замѣчало плевки на своемъ верхнемъ платьѣ. Ассесоръ Гофгерихта Руусувара оказался однажды не только заплеваннымъ толпою изъ лицъ интеллигенціи, но, кромѣ того, забросаннымъ лошадинымъ навозомъ („Россія", 1909 г., № 1210).

культурной страны поступки наблюдались лишь со стороны малолѣтнихъ представителей культурной націи, въ виду чего дѣло не доходило до судебнаго разбирательства.

Но вскорѣ затѣмъ къ малолѣтнимъ присоединились и взрослые.

„Однажды въ воскресенье *трое молодыхъ людей*, проходя мимо священника, демонстративно харкнули, но были тутъ же по требованію священника задержаны. Противъ виновныхъ было возбуждено уголовное дѣло, которое разсматривалось въ Николайстадскомъ ратгаузскомъ судѣ. Судъ нашелъ выясненнымъ, что отвѣтчикъ харкнулъ при встрѣчѣ со священникомъ, но что онъ плюнулъ, лишь пройдя мимо священника и будучи на разстояніи двухъ саженей отъ него. Судъ, однако, не нашелъ доказаннымъ, что отвѣтчикъ поступилъ такъ въ цѣляхъ оскорбленія священника, въ виду чего обвиненіе было оставлено безъ послѣдствій, и расходы возложены поровну на жалобщика и отвѣтчика. Общественный обвинитель выразилъ неудовольствіе рѣшеніемъ *не по службѣ, а лишь отъ имени священника*", пишетъ газета „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 292), желая, вѣроятно, этимъ сказать, что съ точки зрѣнія общественнаго обвинителя харкать въ лицо при встрѣчѣ съ русскимъ священникомъ вовсе не предосудительный поступокъ. Однако, Вазаскій Гофгерихтъ утвердилъ рѣшеніе Николайстадскаго ратгаузскаго суда по этому дѣлу и лишь, во измѣненіе приговора, *присудилъ священника къ уплатѣ не половины, а всѣхъ судебныхъ издержекъ* („Waasa", 1911 г., № 48).

Оскорбленія священника о. П. этимъ не прекратились, напротивъ, они приняли болѣе серьезный характеръ.

Такъ, однажды въ 11 час. вечера въ помѣщеніе, занимаемое о. П., было брошено сквозь окна три большихъ камня. Два окна были разбиты. Четвертый камень попалъ въ окно смежной съ помѣщеніемъ священника квартиры маляра Х. Всѣ камни были брошены почти одновременно; поэтому надо полагать, что было нѣсколько участниковъ („Hufvudstadsbladet", 1910 г., №№ 293 и 299).

Дѣло разсматривалось въ Николайштадскомъ раутгаузскомъ судѣ, причемъ обвиняемый въ изложенномъ преступленіи С. К. былъ присужденъ къ 6-ти мѣсячному тюремному заключенію.

„Такой справедливый приговоръ, не обжалованный даже самимъ виновнымъ, вызвалъ, однако, по удостовѣренію мѣстнаго губернатора, „немалое раздраженіе рабочей партіи", къ составу коей принадлежалъ осужденный. По свѣдѣніямъ же Главнаго Управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи, приговоръ этотъ вызвалъ нареканія на судъ, его постановившій, со стороны не только мѣстной соціалистической, но даже и младофинской печати *).

Во всякомъ случаѣ положеніе православнаго священника въ Николайштадтѣ среди культурныхъ финляндцевъ сдѣлалось таково, что, по сообщенію газеты „Wasabladet" (1910 г., № 136), его сталъ постоянно сопровождать полицейскій констабль, а въ ночное время у его квартиры стояли стражники **).

Въ ноябрѣ 1910 года въ Шуйстамоскомъ приходѣ Выборгской губерніи мѣстному православному священнику о. М. выбили стекла въ залѣ и спальнѣ ***).

Въ началѣ 1911 года возникло дѣло объ оскорбленіи въ г. Сердоболѣ священника С. въ связи съ *глумленіемъ надъ православными иконами.*

Дѣло заключалось въ томъ, что „о. С., предварительно выдачи одному лицу свидѣтельства на переходъ въ лютеранство, увѣщевалъ его обдумать свое рѣшеніе. Настаивая на своемъ, проситель неоднократно являлся къ священнику и одинъ, и съ другими финнами, стучалъ у него кулакомъ по столу. Когда священникъ уговаривалъ его посовѣститься хоть св. иконъ, то спутникъ финна, портной Густавъ А., замѣтилъ: „это не боги, а черти". Священникъ хотѣлъ вывести дерзкаго, но тотъ плюнулъ батюшкѣ въ лицо и обозвалъ свиньею" ***).

За глумленіе надъ православными иконами, связанное съ оскорбленіемъ священника, портной А. былъ привлеченъ священникомъ С. къ суду („Laatokka", 1911 г., № 17).

Интересны высказываемыя по поводу этого дѣла младофинскою газетою „Laatokka" (1911 г., № 32) соображенія, характеризующія взглядъ финляндцевъ на православную церковь и ея обряды.

„Всѣ читающіе газеты знаютъ, писала, между прочимъ, „Laatokka", что *Главное Управленіе по дѣламъ печати почти ежедневно привлекаетъ къ судебной отвѣтственности за самыя разнообразныя „хулы на Бога"*. Но чтобы

*) „Къ вопр. о пол. русскихъ въ Финл.", стр. 5.
**) Въ настоящее время о. П. переведенъ въ другой приходъ.
***) Тамъ же, стр. 2.

кто либо былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за „поруганіе изображеній Бога"—этого, до сихъ поръ, никто еще не слышалъ. Начало подобнымъ судебнымъ дѣламъ, слѣдовательно, положено священникомъ С.".

„Трудно себѣ представить, писала далѣе газета, какъ это можно оскорбить картину, которая есть ничто иное, какъ чистѣйшая матерія. Интересно, какъ священникъ С. будетъ доказывать возможность надруганія надъ безжизненнымъ предметомъ. Впрочемъ, это можно уже предугадывать заранѣе. Онъ просто на просто заявитъ, что такой то надругался надъ иконами и больше ничего".

Соображенія газеты, очевидно, раздѣлилъ и Сердобольскій ратгаузскій судъ, который *освободилъ отвѣтчика отъ всякой отвѣтственности* за поруганіе иконъ и лишь за нанесеніе протоіерею С. личныхъ оскорбленій присудилъ отвѣтчика къ 50 маркамъ штрафа и уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Какъ наглая статья газеты „Laatokka", такъ и приговоръ суда доказываютъ, что финляндцы или не знаютъ, какое значеніе въ православной церкви имѣютъ иконы и другія священныя изображенія, или они сознательно оскорбляютъ эти иконы. Согласно вѣрованіямъ православной церкви (Опредѣленіе 7 Всел. Собора), иконы важны не сами по себѣ, а тѣмъ, что на нихъ изображаются почитаемые церковью святые, и эти иконы возбуждаютъ воспоминаніе о самихъ первообразахъ, а потому онѣ служатъ предметомъ особой любви къ нимъ для вѣрующихъ, которые „получаютъ побужденія воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненія". Слѣдовательно, съ чисто православной точки зрѣнія, на которой стоялъ священникъ С., надруганіе надъ иконами равносильно надруганію надъ изображенными на нихъ святыми, не говоря уже о надруганіи надъ религіозными чувствами православныхъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что финляндская печать не всегда относилась столь снисходительно къ оскорбленію православныхъ святынь.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" за 1890 годъ (№ 298) читаемъ *) слѣдующее сообщеніе финляндской газеты „Ostra Finland" (отъ 23 (11) октября 1890 г.):

„Въ воскресенье, во время вѣнчанія свадьбы въ Выборгскомъ русскомъ каѳедральномъ соборѣ, туда вошелъ одинъ изъ нашихъ городскихъ ремесленниковъ, по занятію своему сапожникъ, и, купивъ церковную свѣчку, зажегъ отъ нея папиросу и, къ общему удивленію, не стѣсняясь продолжалъ курить. Онъ будетъ привлеченъ за это къ законному наказанію, *которое, можно надѣяться, не будетъ для него слишкомъ мягко*".

Слѣдовательно, двадцать лѣтъ назадъ финляндская печать не только не находила страннымъ привлеченіе къ суду за оскорбленіе бездушнаго предмета (храма), но даже выражала негодованіе по поводу подобныхъ поступковъ и надежду на строгое наказаніе. Однако, „Московскія Вѣдомости", передавая объ этомъ, уже въ то время выражали сомнѣніе „въ достодолжномъ воздаяніи безобразнику, зная симпатіи иныхъ финскихъ судей къ подобнымъ дѣяніямъ своихъ согражданъ".

Въ 1910 году произошло оскорбленіе финляндскими таможенными чинами священника, *ѣхавшаго со Св. Дарами.*

„Таможенные чины Оружьярвиской таможенной станціи, Сальмискаго прихода Выборгской губерніи, М. Я. и О. С., встрѣтивъ священника М. и діакона П., ѣхавшихъ со Св. Дарами для напутствія умирающаго, дозволили себѣ оскорбить названныхъ духовныхъ лицъ. Одинъ изъ таможенныхъ чиновъ, неся лыжи на плечѣ, пытался задѣть ими священника по лицу и не успѣлъ въ этомъ только потому, что тотъ уклонился во время въ сторону; на замѣчаніе же діакона, что впредь нужно быть осторожнѣе, послышалась со стороны таможенниковъ брань, а Я., кромѣ того, сталъ грозить кулакомъ. Названные чины таможеннаго вѣдомства, злоупотребляя присвоенными имъ по должности правами, учинили затѣмъ противозаконный и ничѣмъ не вызываемый обыскъ тѣхъ же духовныхъ лицъ, исполняя это въ недопустимо грубой формѣ, съ бранью и не взирая на заявленіе священника, что съ ними имѣются Святые Дары. По сему поводу мѣстною полиціею начато разслѣдованіе; таможеннымъ же начальствомъ Я. удаленъ отъ службы, а С. устраненъ на 3 мѣсяца отъ должности безъ содержанія и съ послѣдующимъ затѣмъ перемѣщеніемъ" **).

*) См. сборникъ „Финляндская Окраина Россіи", вып. I, стр. 532.

**) „Къ вопр. о полож. русск. въ Финляндіи", стр. 5.

Озлобленный, вѣроятно, такимъ исходомъ дѣла, названный Я., по словамъ корреспондента газеты „Колоколъ" (отъ 16 января 1911 г.), въ безсильной злобѣ началъ угрожать, въ присутствіи постороннихъ лицъ, въ совершенно трезвомъ видѣ убійствомъ изъ дальнобойнаго ружья всѣмъ салминскимъ священникамъ и даже самому Финляндскому Генералъ-Губернатору, для чего, будто-бы, намѣревался пріѣхать въ г. Гельсингфорсъ.

„Многіе случаи оскорбленія духовенства, какъ указываетъ духовное начальство, не могутъ быть зарегистрированы, такъ какъ привлекать къ суду оскорбителя не совсѣмъ для священника прилично, а, кромѣ того, такой поступокъ священника можетъ повести только къ еще большему противъ него раздраженію и сдѣлать его положеніе невыносимымъ" *).

Весьма вызывающимъ, какъ было выше указано, является также отношеніе финляндцевъ къ высокочтимой православнымъ населеніемъ *Валаамской обители.*

Корреспондентъ газеты „Россія" (1909 г., № 1153) пишетъ съ острова Валаама, что, *какъ и ранѣе*, отношеніе финновъ къ русской святынѣ носитъ *совершенно непозволительный характеръ.*

„Изъ гор. Сердоболя къ Валаамскому монастырю два раза въ недѣлю ходятъ финляндскіе пароходы, на которыхъ пріѣзжаютъ финляндцы съ цѣлью прогулки по острову".

„Финны группами разгуливаютъ по обители и чувствуютъ себя здѣсь совершенно по-домашнему. Заходятъ въ монастырскую гостиницу, безцеремонно врываются въ занятые номера, разсаживаются по коридорамъ, заглядываютъ въ монастырскую лавочку-кіоскъ, гдѣ покупаютъ освященные образки, крестики и навѣшиваютъ ихъ вмѣстѣ съ брелоками на часовую цѣпочку".

„Съ хохотомъ и насмѣшливыми возгласами они прогуливаются по монастырскому кладбищу. Особое негодованіе и глумленіе финновъ вызываетъ видъ надгробной плиты надъ похороненнымъ здѣсь королемъ шведскимъ Магнусомъ; они съ озлобленіемъ топчутъ ногами и плюютъ на плиту, на которой высѣчена исторія короля Магнуса **).

Подобныя безчинства повторяются каждое лѣто. Монастырскія власти со всею предупредительностью относятся къ финнамъ, радушно ихъ принимаютъ и лишь просятъ, путемъ особыхъ объявленій, написанныхъ на финскомъ языкѣ и вывѣшенныхъ на стѣнахъ монастырскихъ зданій, не нарушать монастырскихъ установленій и сообразоваться съ распорядками жизни въ обители.

Болѣе образованные изъ финновъ, посѣщающихъ монастырь, ведутъ себя прилично и лишь потомъ не могутъ удержаться отъ того, чтобы въ своихъ газетахъ не поглумиться надъ видѣнными въ монастырѣ обрядами православія ***). Финны попроще, начитавшись такихъ глумленій, позволяютъ

*) „Къ вопр. о полож. русскихъ въ Финляндіи", стр. 2.

**) Магнусъ два раза нападалъ со своимъ войскомъ на русскихъ; наконецъ, утомленный боями, онъ далъ слово сложить оружіе и не переплывать Ладожскаго озера съ враждебными намѣреніями; обѣщанія своего онъ не выполнилъ и снова отправился въ походъ противъ русскихъ. Когда онъ плылъ съ войскомъ по Ладожскому озеру, поднялась сильная буря, разбила судно, войско потонуло, и король Магнусъ на бревнѣ былъ прибитъ волною къ берегу Валаамскаго монастыря. Здѣсь онъ перешелъ въ православіе, принялъ иночество и скончался черезъ нѣсколько лѣтъ схимонахомъ

***) Съ обычнымъ глумленіемъ надъ православными обрядами и Валаамскимъ монастыремъ недурно сопоставить восторженное описаніе монастыря въ напечатанныхъ въ „Berliner Tageblatt" „письмахъ туриста изъ Финляндіи", редактора Фрица Энгеля (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 122). Вотъ, между прочимъ, въ какихъ выраженіяхъ описываетъ онъ приближеніе парохода къ монастырю: „Мы скользили по спокойному озеру, и жизнь казалась умолкнувшей. На берегу проявились златыя главы церквей и скоро надъ сосновымъ лѣсомъ обрисовались привѣтливою величественною массою монастырскія строенія. Высокіе куполы лазурны какъ небо святыхъ, цвѣтъ ихъ прославляетъ праведность. Зеленыя крыши, ярко красные фронтоны разнообразятъ сочетаніе красокъ. Оцѣнивающій эти вещи съ художественной точки зрѣнія—улыбнется; примѣняющій къ

себѣ въ монастырѣ и скандалы, къ великой досадѣ и огорченію какъ самихъ монаховъ, такъ и русскихъ и карельскихъ богомольцевъ. И такіе скандалы не будутъ удивительны, если ознакомиться съ тѣмъ, что „культурные“ финны пишутъ въ своей печати о православныхъ обрядахъ, видѣнныхъ ими на Валаамѣ. Вотъ напр., мысли „образованнаго“ финна о перенесеніи св. иконы въ монастырѣ: „Монахи прямо-таки приплясывали, распѣвая гимны. Происходящее вызвало во мнѣ непріятное чувство. Особенно больно стало мнѣ, когда я увидѣлъ учениковъ народныхъ школъ, шедшихъ съ пѣніемъ навстрѣчу религіозному помраченію, дошедшему до послѣдняго предѣла“ („Laatokka“, 1909 г., № 71).

А вотъ какъ другой „просвѣщенный“ финнъ описываетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ посѣщенія монастыря. „Всякій разъ какъ сверкала молнія или раздавался ударъ грома, каждый „православный“ творилъ крестное знаменіе или забѣгалъ въ часовенку склонить до полу свою главу и поцѣловать „святую“ икону. Все это производитъ на свободомыслящаго человѣка очень жалкое впечатлѣніе: слѣпая вѣра является въ этихъ жалкихъ существахъ главною чертою... Смотря на согбенныя спины, которыя склоняются совершенно до полу, на алчущія губы, которыя цѣлуютъ святыя иконы, на пестро одѣтыхъ поповъ, которые кадятъ „святымъ дымомъ“, на юношей, которые безостановочно поютъ какую-нибудь обѣдню, чувствуешь безконечную жалость къ такимъ горемыкамъ, которые внѣшними, средневѣковыми пріемами согрѣваютъ свою замороженную житейскими холодами душу“... („Työmies, 1911 г., № 155) *).

Удивительно ли послѣ этого, что какой-нибудь „культурный“ финнъ изъ народа, начитавшись такихъ статеекъ, выкажетъ въ монастырѣ свое собственное отношеніе къ „средневѣковымъ“ порядкамъ монастыря такъ, что полиція едва бываетъ въ силахъ усмирить его. „Въ воскресенье, 16 іюля 1911 г. (по новому стилю), читаемъ въ финской газетѣ „Raja Karjala“ (1911 г., № 77), пароходъ „Карьяла“ прибылъ ночью на Валаамъ съ финнами изъ Ляскельскаго завода, предпринявшими увеселительную поѣздку въ монастырь. *Пьяные* участники поѣздки съ шумомъ и криками подошли къ монастырской гостиницѣ, и, такъ какъ ихъ въ пьяномъ видѣ не хотѣли впустить, то они *подняли шумъ, силою вломившись въ помѣщеніе* и криками разбудивъ богомольцевъ, почивавшихъ въ своихъ комнатахъ. Нѣкоторые финны вламывались *даже въ комнаты богомольцевъ*. Такъ какъ финны не переставали безобразничать и стали даже *бить монаховъ*, то пришлось обратиться къ помощи полиціи, имѣющейся въ монастырѣ. И только тогда удалось вывести безобразниковъ. Другіе изъ этихъ безобразниковъ ножами вырѣзывали или *просто вырывали цвѣты*, насаженные около монастырской гостиницы“.

Еще болѣе наглое, уже кощунственное дѣйствіе было совершено въ

нимъ мѣрило эстетическое—пожметъ плечами; невѣрующій назоветъ подобную архитектуру велерѣчивой и вызывающей. Но моя душа соединилась съ душою моего русскаго спутника на пароходѣ, вѣроятно, сельскаго торговца, судя по его длинному платью, высокимъ кожанымъ сапогамъ и барашковой шапкѣ. И душа моя бесѣдовала съ нимъ, когда стало передъ нашими глазами это блестящее зданіе, это голубое видѣніе, эта наивная запрестольная картина. Смотри! Вотъ Сіонъ!“.

*) Съ этимъ оскорбительнымъ для православнаго чувства описаніемъ можно сопоставить слѣдующую замѣтку, помѣщенную въ финской газетѣ „Rajavahti“ (1911 г., № 96), гдѣ авторъ издѣвается надъ водосвятіемъ

„Изъ Соанлахти намъ сообщаютъ о слѣдующей смѣшной, хотя и дѣйствительной исторіи. 7-го августа православный соанлахтинскій священникъ, окруженный деревенскими жителями, стоялъ на берегу озера и говорилъ какую-то проповѣдь. Въ рукахъ онъ держалъ зажженную свѣчу и крестъ, который онъ мочилъ въ водѣ озера. Мужики съ женами и дѣтьми набожно и съ непокрытыми головами смотрѣли на его занятіе. По окончаніи дѣйства всѣ съ пѣснями пошли прочь отъ озера, имѣя во главѣ священника и псаломщика. Что это за комедія была, корреспондентъ не знаетъ: должно быть, заговаривали болѣзни и водяного!“

августѣ 1911 года финнами на одномъ изъ островов, принадлежащихъ монастырю, какъ это видно изъ сообщенія „Новаго Времени“ (№№ 12768 и 12771), впослѣдствіи подтвержденнаго офиціальнымъ разслѣдованіемъ.

Дѣло въ томъ, что около Валаамской обители расположены принадлежащія монастырю рыбныя ловли Финляндскіе рыбаки неоднократно нарушали права собственности монастыря и ловили рыбу въ мѣстахъ, для нихъ запрещенныхъ. Валаамская обитель долго терпѣла эти незаконныя дѣянія, и, въ концѣ концовъ, виновныя лица были привлечены къ отвѣтственности; тогда эти рыбаки отомстили Валаамской обители. Въ послѣднихъ числахъ августа была разгромлена часовня на принадлежащемъ монастырю островѣ Сосновцѣ. Всѣ *окна часовни были перебиты*, стѣны часовни, служившія святотатцамъ, очевидно, мишенью, покрыты дробью, вся внутренность часовни разгромлена, всѣ находящіеся въ ней *образа Богоматери, св. Сергія и св. Германа и другихъ изрѣзаны въ куски, на образѣ св. Сергія выколоты глаза, на образѣ св. Германа изрѣзано ножами лицо, а образъ Богоматери весь исцарапанъ и у находящагося у Нея на рукахъ Предвѣчнаго Младенца вырѣзано чрево*. О случившемся от. игуменъ сообщилъ своевременно сердобольскому ленсману, который не замедлилъ увѣдомить, что въ настоящее время святотатцевъ разыскать невозможно.

Финская газета „Raja Karjala“ (1911 г., № 77), приведя вышеизложенное сообщеніе о безчинствахъ финновъ въ монастырѣ въ іюлѣ 1911 года, съ своей стороны добавляла: *„Такіе случаи и прежде бывали*. Неужели, однако, такимъ образомъ съ нашей стороны отплачиваютъ за ласковый пріемъ и радушное гостепріимство, которое выказывается монастырскимъ пріѣзжимъ? Вѣдь тамъ каждаго пріѣзжаго кормятъ даромъ, даютъ пріютъ и вообще любовно принимаютъ! Если же такое безстыдство по отношенію къ монастырю со стороны финновъ будетъ продолжаться, то монастырскія власти будутъ вынуждены прекратить доступъ въ монастырь и благопристойнымъ нашимъ гражданамъ, что лишило бы многихъ изъ насъ случая знакомиться не только съ чуждою для насъ монастырскою жизнью, но и любоваться красивыми видами монастырскаго острова“.

А финны очень любятъ совершать прогулки на Валаамъ.

Въ лѣтнее время сердобольскія газетки пестрятъ объявленіями разныхъ пароходныхъ обществъ, манящихъ мѣстную публику совершать „увеселительныя поѣздки“ („huvimatkat“) на островъ Валаамъ.

„Финляндская Газета“ (1911 г., № 110) справедливо негодовала, что православный монастырь, старинная русская святыня, можетъ являться мѣстомъ увеселительныхъ поѣздокъ, сопровождаемыхъ къ тому же вышеописанными буйствами и кощунственными дѣйствіями.

Подобное положеніе дѣла обратило на себя вниманіе высшаго представителя русской власти въ краѣ. Наглыя выходки „культурныхъ“ финновъ, выражавшіяся въ святотатствѣ и оскорбленіи православныхъ святынь на островѣ Валаамѣ, заставили и бороться съ ними соотвѣтствующимъ образомъ. Именно, по распоряженію Генералъ-Губернатора, Выборгскій губернаторъ 15 января 1912 года издалъ объявленіе, воспрещающее лицамъ лютеранскаго вѣроисповѣданія подъ угрозою штрафа отъ 25—200 марокъ посѣщать Валаамъ, Коневецъ и другіе острова, составляющіе собственность этихъ монастырей, если они предварительно не получили на то разрѣшенія подлежащаго монастырскаго начальства („Hufvudstadsbladet“, 1912 г., № 16).

Вотъ какія мѣры пришлось принять противъ финляндцевъ, забывающихъ всю свою мнимую культурность при посѣщеніи русской обители и ведущихъ себя тамъ не лучше какихъ нибудь дикарей съ острова Новой Гвинеи!

По вопросу о тяжеломъ положеніи православія въ Финляндіи въ газетѣ „Новое Время“ (отъ 11 іюня 1911 г., № 12659) былъ помѣщенъ компетентный *отзывъ архіепископа финляндскаго Сергія*.

По мнѣнію владыки, тяжесть положенія особенно усугубляется тѣмъ, что въ Финляндіи вопросъ вѣроисповѣдный тѣсно связанъ съ національнымъ. „Въ сущности, финны, какъ и всѣ вообще лютеране, довольно равнодушны къ религіи. Но у нихъ „русскій“ и „православный“—синонимы, и потому въ цѣляхъ сепаратистическихъ они ведутъ усиленную борьбу съ православіемъ. Борьба эта организована такъ правильно, планъ ея разработанъ до такихъ мельчайшихъ подробностей, что можно только удивляться энергіи, настойчивости и предусмотрительности ея иниціаторовъ.

„Главнымъ орудіемъ борьбы финны избрали народную школу, и тутъ-то вотъ особенно наглядно проявляются и тщательная обдуманность организаціи и необычайная сплоченность финновъ-сепаратистовъ въ проведеніи своихъ идей

„Въ рукахъ православнаго духовенства оставлены только самыя низшія школы, такъ называемаго передвижнаго типа, которыя не имѣютъ даже постоянныхъ школьныхъ зданій и, переѣзжая изъ деревни въ деревню, не могутъ, разумѣется, оказывать болѣе или менѣе серьезнаго вліянія на воспитаніе дѣтей въ духѣ любви къ Россіи и православной вѣрѣ.

„По закону, если въ училищѣ имѣется хотя одинъ православный ученикъ, тамъ долженъ быть и законоучитель православный, но на практикѣ, отчасти, по тѣмъ же финляндскимъ законамъ, отчасти по крайней разбросанности приходовъ, православные священники фактически устранены отъ законоучительства, и Законъ Божій преподаютъ въ школахъ мѣстные учителя. А каковы эти учителя, можно судить по тому, что большинство изъ нихъ окончило курсъ въ Сердобольской учительской семинаріи, гдѣ подборъ учащихъ таковъ, что впору любой конфессіональной школѣ“. Для примѣра Архіепископъ Сергій ссылался на одного, который состоитъ въ этой семинаріи преподавателемъ *исторіи*, а лѣтомъ во время экскурсій проповѣдуетъ за пасторовъ въ киркахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ концѣ-концовъ изъ этого учебнаго заведенія выходятъ учителя, которые только по метрикамъ числятся православными, а на дѣлѣ вполнѣ лютеране. Насколько будетъ соотвѣтствовать духу православія преподаваніе подобныхъ учителей, судить не трудно.

„Если же и попадаются учителя, честно исполняющіе свои обязанности, то противъ такихъ у финляндцевъ-сепаратистовъ есть другое могущественное оружіе—деньги.

„Финляндскій Сенатъ отпускаетъ довольно значительныя суммы на пособіе учителямъ, которое служитъ крупнымъ подспорьемъ въ ограниченномъ бюджетѣ педагоговъ. Распредѣленіе этихъ пособій лежитъ всецѣло на инспекторахъ народныхъ школъ, которые, какъ показало извѣстное дѣло бывшаго священника А. Садовникова, считаются главнымъ образомъ не съ заслугами учителей въ дѣлѣ народнаго образованія, а съ преданностью ихъ сепаратистическимъ идеямъ и умѣньемъ передавать послѣднія своимъ ученикамъ.

„И вотъ если какой-либо учитель откажется востановлять ввѣренныхъ ему дѣтей противъ Россіи и православія, инспекторы лишаютъ его пособія и, по пословицѣ, начинаютъ бить рублемъ. Многіе, конечно, не выдерживаютъ, подчиняются, а мѣстнымъ политиканамъ только этого и нужно“.

Въ особенности энергично борятся съ православіемъ финляндцы въ Кареліи. Съ присоединеніемъ Кареліи, въ составѣ Выборгской губ., въ 1811 г. къ вновь образованному Великому Княжеству Финляндскому, финляндцы стали употреблять всѣ усилія, чтобы искоренить ненавистный имъ православно-русскій духъ края. И ихъ осторожная, но упорная работа въ этомъ отношеніи уже стала давать плоды. Не далеко, казалось имъ, время, когда Карелія будетъ чисто финскимъ краемъ и забудетъ о своей старинной религіозной и культурной связи съ Россіей *).

Такъ, навѣрное, и было бы, если бы не возникло „Карельское братство“ съ его энергичнымъ руководителемъ архимандритомъ, нынѣ епископомъ, Кипріаномъ, усиліями котораго въ настоящее время много дѣлается для поднятія православія въ Кареліи.

Конечно это не можетъ нравиться финляндцамъ. Разсматривая вполнѣ естественную со стороны русскаго православія самозащиту, какъ стремленіе къ обрусенію Кареліи, они взываютъ къ лучшимъ чувствамъ мѣстнаго населенія, уговаривая не посѣщать русскія школы, призывая къ бойкоту строителей русскихъ школъ и доводя послѣднихъ до разоренія **).

*) См. „Московскія Вѣдомости“ 1890 г., № 205; 1911 г., № 77; „Русскій Инвалидъ“ 1911 г., № 16.

**) См. газеты „Suomalainen Kansa“ 1910 г., № 273, и 1911 г., № 83; „Hufvudstadsbladet“ 1910 г., № 288; „Nya Pressen“ 1910 г., № 244; „Työmies“ 1911 г., № 16; „Helsingin Sanomat“ 1911 г., № 62.

Мало этого, въ русскихъ школахъ совершаются *разгромы*, а въ православныхъ церквахъ *кощунства и святотатства*; бываютъ даже случаи поджоговъ.

Такъ, въ ночь на 22 февраля 1911 года, по словамъ газеты „Työmies“ (1910 г., № 54), произошелъ разгромъ русской школы въ селѣ Хюрсюля, прихода Сальмисъ. „Всѣ окна при этомъ были разбиты, а вещи и обстановка выброшены изъ оконъ на улицу Не оставлено въ помѣщеніи школы ни одного столика или скамейки Всѣ съѣстные припасы учителя выброшены. Пропалъ только одинъ самоваръ, все прочее разбито на куски. О виновникахъ не имѣется никакихъ свѣдѣній“. Подчеркивая пропажу только одного *самовара*, газета, вѣроятно, хочетъ сказать, что разгромъ былъ совершенъ не съ цѣлью грабежа, а съ возвышенною цѣлью противодѣйствовать обрусенію Кареліи.

„Въ ночь на 9 августа 1911 г. неизвѣстные вломились черезъ окно въ часовню карельской деревни Коккари Корниселькскаго прихода и, взявъ оттуда всѣ иконы и стоявшіе передъ ними подсвѣчники со свѣчами, вынесли ихъ на почтовую дорогу, гдѣ развѣсили иконы вдоль по изгороди и разставили передъ ними подсвѣчники Многія изъ иконъ предварительно были переломаны. Денегъ въ часовнѣ воры не нашли. Думаютъ, что воровъ было много“ („Laatokka“, 1911 г., № 88) Мѣстная полиція произвела дознаніе по этому поводу и обвинила въ этомъ кощунствѣ. православныхъ же карелъ! По ея объясненію, это будто бы сдѣлали изъ суевѣрія православныя карелки!! Допустимъ, карелы—суевѣрны, говоритъ „Финляндская Газета“ (1910 г., № 134), но тѣмъ не менѣе они далеки отъ такого глумленія надъ православными святынями и обрядами“.

„Лѣтомъ 1911 г., по сообщенію газеты „Rajavahti“ (см. „Финляндскую Газету“, 1911 г., № 100), произошелъ разгромъ русской Маншилской церкви на границѣ Кареліи, въ Салмискомъ приходѣ Разгромъ былъ обнаруженъ въ пятницу Громила прошелъ въ церковь, очевидно, черезъ окно въ крышѣ, причемъ разбилъ находившуюся у него на дорогѣ стеклянную дверь. На осколкахъ стеколъ остались слѣды крови. Изъ денегъ ему удалось воспользовался 60—70 марками, причемъ монеты по 1 пенни и копѣйки онъ оставилъ. Часть церковной утвари была разбросана по полу. Хранившееся тамъ церковное вино выпито Воръ, по всей вѣроятности, хорошо зналъ порядки, такъ какъ воспользовался временемъ, когда за церковью менѣе всего наблюдаютъ. Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ этой церкви и въ прошлое лѣто“.

А вотъ случаи поджоговъ церквей.

„Въ августѣ 1908 года сгорѣлъ подожженный злоумышленниками, оставшимися необнаруженными, православный храмъ Тіурульскаго прихода. Приходъ этотъ состоитъ изъ крестьянъ и бобылей, матеріально весьма скудно обезпеченныхъ Поэтому, участіе ихъ въ дѣлѣ возсозданія храма могло быть лишь минимальнымъ; многіе изъ нихъ заявляли даже, что они не въ силахъ дать что либо на постройку новаго храма, а если ихъ обложатъ новыми взносами, то они должны будутъ, хотя и противъ своего желанія, перейти въ лютеранство Такое обстоятельство, по удостовѣренію епархіальнаго начальства, несомнѣнно является результатомъ воздѣйствія доселѣ еще не прекратившейся лютеранской пропаганды, которая фактомъ отсутствія православнаго храма пользуется въ цѣляхъ совращенія православныхъ, указывая послѣднимъ на необходимость постройки новаго храма и на сопряженныя съ нею обременительные расходы“. „Въ 1909 году поджогомъ была уничтожена церковь въ селѣ Польвіярви“ *).

Кажется подобные факты не требуютъ комментарій—до того краснорѣчиво они рисуютъ намъ невѣроятно дикіе пріемы борьбы съ православіемъ и русскими просвѣтительными учрежденіями въ исконномъ православномъ краѣ (Кареліи).

---

3. Отношеніе къ русскимъ торговцамъ.

Крайне характернымъ для населенія Финляндіи и, въ особенности ея властей является *отношеніе къ русскимъ торговцамъ-коробейникамъ*, приходящимъ преимущественно изъ примыкающихъ къ Финляндіи имперскихъ губерній и особенно изъ Кемскаго уѣзда Архангельской губ. Въ 1891 году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 121) **) была помѣщена обстоятельная

*) „Къ вопр. о полож. русскихъ въ Финл.“, стр. 11.

**) См. сборникъ „Финляндская Окраина Россіи“, вып. II, стр. 134.

статья, дающая хорошую историческую справку о положеніи русскихъ коробейниковъ въ Финляндіи.

Изъ нея видно, что еще въ XVI столѣтіи русскіе торговцы обычно странствовали въ Финляндіи, снабжая мѣстныхъ жителей разными мелкими предметами домашняго обихода и, въ свою очередь, скупая у нихъ мѣха и т. п. покладистый товаръ. Во времена шведскаго владычества „reppu ryssar" (русскіе съ сумками) подвергались гоненію со стороны правительства, причемъ даже издавались спеціальные законы, запрещавшіе разносную торговлю. Такое отношеніе къ русскимъ коробейникамъ, понятное со стороны шведовъ, бывшихъ въ то время заклятыми врагами Россіи, сохранилось въ Финляндіи послѣ присоединенія ея къ Россіи.

Подъ вліяніемъ распоряженій центральной власти (см., напримѣръ, обнародованныя въ Сб. финл. пост. предписанія Финляндскаго Сената 1829 и 1837 г.г. и циркуляръ Финляндскаго Генералъ-Губернатора 1856 г.) мѣстные ленсманы жестоко расправлялись съ русскими коробейниками. По удостовѣренію финскаго писателя г. Эрваста *), въ половинѣ минувшаго столѣтія русскихъ коробейниковъ („reppu-ryssar") заковывали въ кандалы и выпроваживали изъ Финляндіи.

На основаніи Высочайшаго постановленія 31 марта 1879 г. о промыслахъ, было предоставлено право заниматься разносною торговлею въ Финляндіи исключительно финляндскимъ уроженцамъ, русскіе же уроженцы приравнивались къ иностранцамъ, обязаннымъ, въ силу § 12 указаннаго постановленія, предварительно испросить у мѣстнаго губернатора особое разрѣшеніе на занятіе промыслами.

Послѣ этого узаконенія, уже прямо поставившаго русскихъ разносчиковъ въ неблагопріятное положеніе по отношенію къ финляндцамъ, преслѣдованія русскихъ коробейниковъ усилились.

Въ брошюрѣ „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи" (стр. 28) читаемъ: „Иногда прямо запрещалось давать пріютъ и пищу коробейникамъ **). Въ 1899 году одного изъ коробейниковъ арестовали, надѣли на него кандалы, посадили въ тюрьму и, наконецъ, выслали на родину, якобы какъ безпаспортнаго, хотя паспортъ его былъ прописанъ въ Абоской полиціи.

„Были случаи отобранія у коробейниковъ товара, хотя и пріобрѣтеннаго ими отъ мѣстныхъ купцовъ. Такъ, въ 1899 году у коробейника Медвѣдева ленсманъ отобралъ товаръ, на который тотъ представилъ ему счетъ выборгскихъ купцовъ, и предалъ его суду, требуя экспертизы мѣстныхъ же купцовъ, т. е. его конкурентовъ. По словамъ Медвѣдева, на судѣ онъ просилъ вызова своихъ выборгскихъ поставщиковъ, но послѣдніе вызваны были не на день засѣданія, а на слѣдующій. Медвѣдевъ въ прошеніи своемъ затѣмъ указывалъ, что судья при разборѣ дѣла все время вставлялъ свои замѣчанія о томъ, что нечего ему таскаться по Финляндіи, а на требованіе копіи для обжалованія сначала отвѣтилъ — „тутъ много писать, и ничего изъ этого у тебя не выйдетъ", но потомъ велѣлъ приходить черезъ мѣсяцъ, т. е. когда срокъ обжалованія уже истекъ.

„Высочайшее постановленіе отъ 2 іюля 1900 года предоставило русскимъ крестьянамъ, имѣющимъ установленныя надписи ***) подлежащихъ губернскихъ начальствъ на выданныхъ имъ видахъ на жительство, право

*) Kiertokauppa luvalli seksi-teko (О допущеніи торговли въ разносъ). Гельсингфорсъ, 1891 г.

**) Въ нѣкоторыхъ общинахъ, въ періодъ 1899—1901 гг., на русскихъ торговцевъ учинялось прямое гоненіе; имъ отказывали въ ночлегѣ и пищѣ, устанавливались денежныя преміи за ихъ поимку, причемъ деньги для этой цѣли брались изъ суммъ, предназначенныхъ *для истребленія вредныхъ животныхъ*.

***) Надписи эти сохраняютъ свою силу въ теченіе года, а если паспортъ выданъ наиболѣе долгій срокъ, то въ теченіе такового срока.

наравнѣ съ финляндцами заниматься торговлею въ разносъ, между прочимъ, также предметами туземнаго фабричнаго производства и домашняго рукодѣлія.

„Между тѣмъ, *постановленіе это либо прямо отрицалось подлежащими властями*, либо онѣ обставляли его примѣненіе такими трудностями и придирками, которыя должны были отбить у русскихъ торговцевъ охоту торговать въ Финляндіи. Въ рядѣ мѣстностей существовали постановленія общинъ, утвержденныя губернаторами, въ которыхъ, подъ предлогомъ принятія мѣръ противъ праздношатающихся и бродягъ, въ сущности, опредѣлялись мѣры преслѣдованія коробейниковъ.

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда губернское начальство, на точномъ основаніи закона и безъ неправильныхъ затяжекъ и проволочекъ, удовлетворяло просьбы коробейниковъ о разрѣшеніи торговли, на сцену выступали представители обвинительной власти, привлекая такихъ членовъ администраціи къ суду.

„Примѣромъ можетъ служить дѣло о ландссекретарѣ Улеаборгской губерніи Лильебладѣ, котораго именно за такое пониманіе своего долга и повиновеніе Высочайшей волѣ привлекъ къ суду Вазаскаго Гофгерифта и. д. адвокатъ-фискала фонъ-Троиль. Въ обвинительномъ актѣ отъ 17 августа 1900 года г. фонъ-Троиль вмѣнялъ Лильебладу въ вину признаніе имъ законности за постановленіемъ отъ 2 іюля 1900 года, которое, по мнѣнію Троиля, не можетъ имѣть силы закона въ Финляндіи, какъ измѣняющее въ административномъ порядкѣ § 10 изданнаго съ согласія земскихъ чиновъ закона 1879 года о промыслахъ. Кромѣ того, Лильебладу вмѣнялось въ вину также нетребованіе имъ отъ просителя свидѣтельства о поведеніи, которое долженъ представлять, по силѣ § 12 того же закона, всякій иностранецъ. Гофгерихтъ, съ своей стороны, не принялъ дѣла къ разсмотрѣнію по чисто формальнымъ соображеніямъ, не касаясь нарушеній, „допущенныхъ, быть можетъ", въ данномъ случаѣ обвиняемымъ.

„28 ноября (11 декабря) 1905 года группа русскихъ торговцевъ Або-Бьернеборгской губерніи обратилась къ Генералъ-Губернатору съ заявленіемъ о томъ, что *за послѣднее время ихъ стали усиленно притѣснять мѣстные купцы и торговцы* угрожая отбирать отъ нихъ товаръ, на томъ основаніи, что свидѣтельства, коими они снабжены были отъ губернскаго правленія, послѣ смерти Генералъ-Адъютанта Бобрикова якобы стали недѣйствительными.

„Въ отвѣтъ на запросъ по сему поводу, губернаторъ сообщилъ, что, насколько ему извѣстно, непріязнь, „питаемая нѣкоторою частью населенія къ русскимъ торговцамъ-разносчикамъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти разносчики, кромѣ своей торговли, занимались-де агитаціею въ пользу существовавшаго недавно въ Финляндіи насильственнаго режима. По мѣрѣ наступленія болѣе благопріятныхъ условій въ краѣ, политическая дѣятельность русскихъ разносчиковъ прекратилась, и нерасположеніе къ нимъ со стороны населенія уменьшилось". Далѣе, Або-Бьернеборгскій губернаторъ приводилъ также слѣдующее разсужденіе: „Такъ какъ на основаніи § 10 Высочайшаго постановленія отъ 31 марта 1879 года о промыслахъ,—каковое законоположеніе, установленное при содѣйствіи земскихъ чиновъ, должно признаваться имѣющимъ полную силу до тѣхъ поръ, пока не будетъ отмѣнено законнымъ порядкомъ,—право заниматься разносною торговлею въ Финляндіи предоставляется исключительно уроженцамъ Финляндіи, то легко понять, почему мѣстные купцы и торговцы, платящіе за право торговли значительныя подати въ казну и въ общины, не расположены къ русскимъ торговцамъ-разносчикамъ, занимающимся торговлею безъ соблюденія требуемыхъ закономъ условій и не платящимъ за это ни промысловаго, ни иного налога, и въ то же время отбивающимъ отъ мѣстныхъ торговцевъ законный ихъ промыселъ, за который послѣдніе уплачиваютъ значительныя подати и налоги".

„По этому поводу губернатору было разъяснено, что Высочайшее постановленіе отъ 2 іюля 1900 года должно быть соблюдаемо, и что должностное лицо не имѣетъ права по усмотрѣнію не исполнять дѣйствующихъ законовъ. (Такія же разъясненія Генералъ-Губернатору приходилось давать и по другимъ губерніямъ)

„Въ ноябрѣ 1905 года русскіе торговцы, *отъ лица 800 прочихъ русскихъ торговцевъ въ краѣ*, просили Генералъ-Губернатора оградить ихъ насущные интересы, причемъ указывали, что отъ нихъ и ранѣе „отбирался весь товаръ, паспорта и весь вырученный ими заработокъ", *а съ ними самими распоряжались самосудомъ*, причемъ жалобы ихъ всегда оставлялись безъ всякихъ послѣдствій.

„Въ 1910 году Улеаборгскій Губернаторъ Гадолинъ не запрещалъ, но и не разрѣшалъ коробейникамъ торговать у себя въ губерніи. Разрѣшать онъ не хотѣлъ, ибо онъ *игнорировалъ законъ 2 іюля 1900 года*. Не запрещалъ же, или смотрѣлъ сквозь пальцы на разносную торговлю архангельскихъ карелъ, внушая то же самое и своимъ под-

чиненнымъ, потому, что Сеймъ уже высказался за тотъ, болѣе либеральный, новый законъ о промыслахъ, который долженъ замѣнить законъ 1879 года, а г. Гадолинъ не хотѣлъ во всей строгости примѣнять норму 1879 года, признанную Сеймомъ архаическою" *).

Изъ этого видно, что вопросъ о преслѣдованіи русскихъ коробейниковъ въ Финляндіи до настоящаго времени не потерялъ своей остроты.

Слѣдуетъ сказать, что преслѣдованіямъ въ Финляндіи подвергаются не только коробейники, но и вообще русскіе торговцы, а иногда и ихъ товары.

Между прочимъ, лѣтомъ 1911 г., въ гор. Выборгѣ наблюдалось нѣсколько случаевъ нападеній на русскихъ мороженниковъ: опрокидывались тележки мороженниковъ („Туб", 1911 г., № 153) и даже дѣлались на нихъ нападенія съ ножомъ („Hufvudstadsbladet", 1911 г., № 205). Для того, чтобы погубить промыселъ русскихъ мороженниковъ, финны стали организовывать продажу мороженаго въ Выборгѣ, черезъ дѣвушекъ одѣтыхъ въ національные костюмы И все изъ желанія насолить русскимъ!

Младофинская газета „Karjala" (1910 г., № 155), въ статьѣ подъ заглавіемъ „*Русскія минеральныя воды*", предостерегала отъ употребленія „Кавказскихъ минеральныхъ водъ", такъ какъ онѣ-де „приготовляются изъ невской воды, которая является лучшимъ распространителемъ холеры".

Интересно знать, какую цѣль могла преслѣдовать эта наглая инсинуація, кромѣ бойкота *русскихъ* товаровъ?

Въ Финляндіи много купцовъ чисто русскаго происхожденія, предки которыхъ пришли откуда нибудь изъ Ярославской губ. и понемногу до того офиннились, что позабыли даже русскій языкъ. Они не много отличаются отъ настоящихъ финновъ по своимъ политическимъ взглядамъ и обыкновенно держатъ сторону шведо-финскаго кагала.

Горе тому, кто, сохранивъ свои національныя черты, рискнетъ открыто назвать себя русскимъ человѣкомъ! Исторію одного изъ такихъ купцовъ, а именно выборгскаго купца Шаталова, разсказываетъ въ „Земщинѣ" (1911 г., № 621) „Тѣнь Бобрикова" въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Финляндіи".

„Получивъ отъ своего дѣда и отца очень большое состояніе и очень хорошее, по тому времени, образованіе, прекрасно зная во всѣхъ отношеніяхъ Финляндію, ея языки, и оставаясь, тѣмъ не менѣе, по странной случайности, въ полномъ смыслѣ слова русскимъ человѣкомъ, Шаталовъ съ самаго начала 80-хъ годовъ, когда впервые въ русскомъ обществѣ и правительствѣ проявился трезвый взглядъ на Финляндію, объявилъ себя не только на словахъ, но и на дѣлѣ сторонникомъ этого взгляда. Онъ первый заявилъ, что необходимо вводить въ Финляндіи русскія школы, и первый же внесъ большой денежный вкладъ на созданіе и открытіе Выборгскаго реальнаго училища и Русской народной школы, которыя процвѣтаютъ и до сихъ поръ. Онъ выстроилъ, въ убытокъ себѣ и въ укоръ русскому военному начальству, гостинницу для пріѣзжающихъ русскихъ, и въ особенности офицеровъ, которымъ, въ первые дни пребыванія въ Выборгѣ, буквально негдѣ было преклонить голову, такъ какъ въ финляндскія гостинницы ихъ не пускали, а въ Русскомъ военномъ собраніи не имѣлось номеровъ Его гостинница, гдѣ вся прислуга и даже поваръ были русскіе, черезъ годъ послѣ ея открытія, сдѣлалась настоящимъ русскимъ національнымъ клубомъ. Этого не могли простить ему финляндцы и рѣшили его погубить Напрасно его товарищи, выборгскіе купцы, предупреждали его объ угрожающей ему серьезной опасности, совѣтуя ему не итти противъ финляндскаго теченія, по поговоркѣ: „своя рубашка ближе къ тѣлу". Шаталовъ не обратилъ вниманія на эти совѣты и погибъ въ неравной борьбѣ.

„Уже въ 1884 г. его коммерческія дѣла стали пошатываться. Изъ многочисленныхъ имѣній и лѣсныхъ дачъ прекратились доходы, четыре лѣсныхъ завода и одинъ заводъ водочный, вслѣдствіе доказаннаго поджога, сгорѣли до основанія, страховыя же общества подъ разными предлогами оттягивали уплату страховыхъ премій. Онъ имѣлъ большую колониальную торговлю и отпускалъ въ кредитъ товары мелкимъ торговцамъ въ Восточной Финляндіи, проживающимъ въ деревняхъ и селахъ Имъ было подъ сурдинку посовѣтовано прекратить платежи, обѣщая неофиціально фактическую поддержку, на что тѣ, конечно, согласились. Выборгскіе и гельсингфорскіе

*) Такимъ образомъ, не исполняя по политическимъ соображеніямъ Высочайше утвержденныхъ законовъ, финляндскія власти не стѣсняются принимать къ руководству неутвержденные Высочайшею властью, но принятые лишь Сеймомъ, законопроекты. Прим. сост.

банки закрыли ему кредитъ и отказались учитывать векселя. Такъ какъ все состояніе В. Шаталова было вложено въ коммерческія предпріятія, а недвижимость состояла изъ имѣній и лѣсныхъ дачъ, которыя не всегда возможно было обратить въ деньги, то, не получая ни откуда денегъ по платежамъ и не имѣя свободной наличности, несчастный Шаталовъ оказался затянутымъ въ петлю. Банки протестовали его векселя, былъ объявленъ конкурсъ надъ его дѣлами и имуществомъ, которое пошло за безцѣнокъ съ молотка, и онъ сдѣлался разомъ изъ богача нищимъ.

„Тщетно бросался онъ за помощью къ друзьямъ и родственникамъ, русскимъ купцамъ въ Финляндіи, а также и въ петербургскіе банки Вездѣ получалъ отказъ. Русское купечество въ Финляндіи боялось ему помочь, опасаясь гнѣва финляндцевъ, а россійскіе коммерческіе банки боялись вообще имѣть какія бы то ни было коммерческія сношенія съ Финляндіей, при тогдашнемъ политическомъ настроеніи въ краѣ.

„Бѣдняга не выдержалъ своего разоренія и, не встрѣчая ни въ комъ и нигдѣ даже нравственной поддержки, окончилъ жизнь самоубійствомъ

„Въ шведской газетѣ „Hufvudstadsbladet" была помѣщена статья по поводу смерти В. Шаталова, представляющая изъ себя сплошь одно глумленіе надъ свѣтлой личностью покойнаго; статья заканчивалась дерзкимъ вызовомъ по адресу всѣхъ русскихъ, проживающихъ въ Финляндіи, коимъ рекомендовалось, имѣя передъ собою смерть Шаталова, помнить разъ навсегда, что выступленія русскихъ противъ финляндцевъ будутъ неизмѣнно заканчиваться, для каждаго изъ смѣльчаковъ, такою же катастрофою, какая постигла покойнаго Шаталова".

Въ недавнее время финская газета „Karjala" (1912 г., № 35) призывала объявить бойкотъ Выборгскому купцу Ивану Акимову, участвовавшему въ вѣрноподданнической депутаціи православнаго Карельскаго братства. Указывая адресъ торговли, газета предлагала его покупателямъ „обратить вниманіе" на его поѣздки въ Петербургъ.

4. Отношеніе къ представителямъ русской арміи и власти.

Издавшій въ 1910 году на шведскомъ языкѣ брошюру объ отношеніи финляндцевъ къ русскимъ В. Курбергъ, отмѣчая существующую среди финляндцевъ враждебность къ русскимъ, особенно возмущался отношеніемъ своихъ соотечественниковъ къ русскимъ военнымъ, которыхъ они, вслѣдствіе этого, становятъ въ изолированное положеніе и только возбуждаютъ противъ себя. А между тѣмъ, по словамъ В. Курберга, „*ни въ одной завоеванной странѣ военные не держатъ себя съ такимъ тактомъ и такъ прилично, какъ русскіе офицеры у насъ*".

Дѣйствительно, несмотря на удостовѣряемую названнымъ финляндцемъ корректность русскихъ офицеровъ, на всемъ протяженіи столѣтняго пребыванія Финляндіи въ составѣ Россіи встрѣчается очень много случаевъ вызывающаго, доходящаго иногда до наглости, поведенія мѣстныхъ шведовъ и финновъ по отношенію къ русскимъ военнымъ.

Любопытный случай, доказывающій, что враждебное отношеніе къ русскимъ военнымъ наблюдалось въ Финляндіи еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, описывается въ воспоминаніяхъ русскаго офицера К. К. Жерве („Историческій Вѣстникъ", іюнь 1898 г., стр. 742).

Авторъ получилъ порученіе быть военнымъ депутатомъ по одному уголовному дѣлу объ избіеніи деньщика Пріѣхавъ въ деревню, гдѣ былъ назначенъ судъ и, одѣвшись въ парадную форму, онъ явился къ судьѣ, который въ то время въ большой компаніи обѣдалъ. Жерве зналъ шведскій языкъ, но, не желая ронять достоинства русскаго офицера, обратился къ судьѣ по-русски, объяснивъ, кто онъ, зачѣмъ прибылъ, и просилъ отвести ему квартиру. Судья сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ по-русски и „продолжалъ хлебать супъ, не проронивъ ни слова". Нашелся среди присутствующихъ переводчикъ, черезъ котораго судья, наконецъ, и объявилъ Жерве, что квартиры для него нѣтъ Тогда Жерве, возмущенный невѣжествомъ судьи, объявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ будетъ распоряжаться по своему. Онъ велѣлъ деньщику принести свои вещи, вынулъ пистолеты, положилъ около себя саблю и расположился на стоявшемъ въ комнатѣ диванѣ, приказавъ деньщику принести на обѣдъ, что онъ можетъ достать въ деревнѣ. Затѣмъ офицеръ закурилъ трубку, что, по понятіямъ того времени, было чрезвычайною невѣжливостью по отношенію къ обѣдавшимъ Это произвело впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что офицеръ на замѣчаніе о томъ, что это неприлично и что его просятъ не курить и держать себя

прилично, рѣзко отвѣтилъ, что онъ раньше держалъ себя изысканно вѣжливо, а теперь съ такими людьми, которые позволяютъ себѣ оскорблять русскаго офицера, онъ считаетъ соблюденіе общепринятыхъ правилъ вѣжливости не обязательнымъ. При этомъ онъ пригрозилъ пистолетами. Послѣ этого черезъ 10 минутъ ему доложили, что квартира ему отведена и обѣдъ поданъ.

На другой день состоялся судъ. Прежде всего русскому депутату не оказали должнаго уваженія, не подавъ даже стула, такъ что ему пришлось самому раздобыть его, воспользовавшись временнымъ уходомъ изъ комнаты одного изъ участниковъ суда. Далѣе судъ, предполагая со стороны русскаго делегата незнаніе шведскаго языка, постановилъ явно пристрастный приговоръ, который и поднесъ для подписи Жерве. Тотъ потребовалъ русскій переводъ. Ему въ этомъ отказали, сказавъ, что переводъ пошлется начальству, а отъ него требуется лишь подпись бумаги. Жерве заявилъ, что отъ него не могутъ требовать подписи въ дѣлѣ, которое ему неизвѣстно, и отказался подписать резолюцію. На это ему предложили подать особую записку. „Извольте я напишу, отвѣтилъ Жерве, и прибавлю еще, что недоволенъ рѣшеніемъ суда, такъ какъ въ дѣлѣ главные пункты обвиненія подсудимаго вовсе не упомянуты, и судъ явно пристрастно судилъ о поступкахъ мужика.

„На это спросили меня:

— Какимъ же образомъ вы можете это доказать?

Очень легко: у васъ пропущено, что дѣло было въ воскресенье, во время богослуженія и на большой почтовой дорогѣ.

„Они очень сконфузились, не зная, почему мнѣ могло быть это извѣстно и передали мой отвѣтъ судьѣ. Тотъ сильно встревожился, очень пристально на меня посмотрѣлъ и передалъ, чтобы я объяснилъ ему, на чемъ я основываю свой взглядъ. Тогда я началъ громко читать шведскую бумагу! Надо было видѣть ихъ физіономіи! Я чуть не расхохотался имъ въ лицо, пошли извиненія и „Herr Lieutenant“ и проч. и проч. Мнѣ надоѣло возиться съ ними; они передѣлали указанныя мною мѣста въ бумагѣ и присудили мужика къ штрафу въ 600 руб. Мнѣ выдали 530 руб., приготовили лошадей и безъ прогоновъ довезли до Гельсингфорса“..

Такъ смѣлостью и даже дерзостью русскаго офицера было спасено его положеніе, и въ смѣшномъ положеніи очутились сами финляндцы.

Для характеристики отношеній финляндцевъ къ военнымъ во второй половинѣ XIX вѣка можно привести помѣщенныя въ газетѣ „Земщина“ въ 1911 году (№ 621 и 633) очень интересныя „Воспоминанія о Финляндіи“ одного русскаго офицера („Тѣнь Бобрикова“), относящіяся къ 1884—6 годамъ.

Командированный въ Финляндію съ Кавказа авторъ уже съ Петербургскаго вокзала Финляндской желѣзной дороги началъ, по его словамъ, чувствовать враждебное отношеніе къ себѣ, какъ офицеру. Въ Теріокахъ при таможенномъ осмотрѣ офицера заставили открыть багажный сундукъ и перерыли буквально все, что тамъ было. Это было тѣмъ болѣе демонстративно, что вещей другихъ пассажировъ-шведовъ совсѣмъ не осматривали. На выраженное офицеромъ неудовольствіе финляндскій чиновникъ нахально отвѣтилъ: „Съ русскими офицерами нельзя иначе поступать: это наши враги!“

Такъ какъ до отхода поѣзда оставалось всего 2 минуты, офицеру пришлось оставить мысль проучить нахала. Скомкавъ наскоро вещи и заперевъ сундукъ, офицеръ обратился къ жандарму съ вопросомъ,—часто ли происходятъ такіе случаи?— „Ежедневно, ваше благородіе, чухны страшные нахалы, въ особенности съ офицерами, и на нихъ управы нѣтъ никакой“—отвѣчалъ жандармъ.

Въ 12 часовъ ночи офицеръ прибылъ въ Выборгъ, гдѣ долженъ былъ дожидаться цѣлые сутки поѣзда въ Гельсингфорсъ. „По крайней мѣрѣ, часъ времени, говоритъ офицеръ, употребилъ я на пріисканіе себѣ ночлега, такъ какъ ни въ одну изъ первоклассныхъ гостиницъ, меня, какъ русскаго офицера, не пускали. Въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, „Бельведеръ“, владѣлецъ ея, нѣкто Эренбургъ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ, прямо заявилъ мнѣ, что *по всей Финляндіи установленъ* (неизвѣстно кѣмъ) *не пускать русскихъ офицеровъ ни въ одну изъ финляндскихъ гостиницъ*, и онъ лично, не имѣя ничего противъ русскихъ офицеровъ, тѣмъ не менѣе не рискнетъ меня пустить къ себѣ, такъ какъ завтра же объ этомъ узнаютъ въ городѣ, и его пропечатаютъ во всѣхъ газетахъ, а это ему совсѣмъ не улыбается.—Поѣзжайте въ гостиницу „Европа“, ее содержитъ Шаталовъ, русскій; она, правда, неважная, но переночевать можно, и туда васъ пустятъ“.

Дѣйствительно, только благодаря этому совѣту, офицеру удалось получить ночлегъ въ Выборгѣ.

Далѣе въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ“ содержится описаніе слѣдующаго интереснаго случая. „Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1886 года, часовъ около 12 дня, шелъ по сѣверной эспланадѣ города Гельсингфорса молодой офицеръ Свеаборгской крѣпостной артиллеріи поручикъ N.

„День былъ солнечный и на эспланадѣ гуляло много народу. Не доходя Михайловской улицы, молодой офицеръ повстрѣчался съ четырьмя студентами-финляндцами въ ихъ характерныхъ шапочкахъ. Увидѣвъ офицера, студенты взялись за руки и, образовавъ цѣпь, продолжали идти ему навстрѣчу. Поровнявшись съ ними и видя, что ему приходится дать студентамъ дорогу, офицеръ почти сошелъ съ тротуара на улицу, съ явнымъ намѣреніемъ избѣжать столкновенія съ нахалами, но въ это время крайній, ближайшій къ нему студентъ, такъ сильно толкнулъ его въ бокъ, что офицеръ оказался сброшеннымъ съ тротуара и едва удержался на ногахъ. Нахалы громко разсмѣялись ему въ лицо. Взбѣшенный офицеръ развернулся и ударилъ студента-обидчика по физіономіи такъ, что сшибъ его съ ногъ. Остальные бросились на офицера съ кулаками. Послѣдній, выхвативъ изъ ноженъ шашку, взмахнулъ ею по направленію къ нападающимъ такъ, что тѣ отшатнулись, и прижался спиною къ фонарному столбу. Стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тротуара полисменъ, спокойно взиравшій на эту картину, не двинулся съ мѣста, когда офицеръ крикомъ позвалъ его къ себѣ.

„Не прошло двухъ-трехъ минутъ, какъ вокругъ офицера образовалась громадная толпа, въ центрѣ которой находились четыре студента, виновники происшествія, съ озлобленными лицами и сжатыми кулаками, наступавшіе на офицера, и послѣдняго бы не сдобровать, если бы не его шашка, удерживавшая на должномъ разстояніи нахаловъ. Въ публикѣ поднялся крикъ. Раздалась чухонская брань въ родѣ: satana ryska officier и т. п. Въ это время проходили по бульвару трое солдатъ Красноярскаго пѣхотнаго полка, которые, полюбопытствовавъ узнать причину сборища, протолкались сквозь толпу и, увидѣвъ офицера осадномъ положеніи, крикнули одинъ другому „братцы, выручай офицера!“ и моментально окружили его. Получивъ неожиданную помощь, офицеръ вложилъ шашку въ ножны и, подойдя къ стоявшему тутъ же полисмену, приказалъ ему арестовать студента его столкнувшаго, на что полисменъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ пожалъ плечами и повернулся къ нему спиною; тогда поручикъ N. схватилъ его за бляху, висѣвшую на груди, и прочиталъ ея номеръ. Толпа, между тѣмъ, росла, но приступиться близко къ офицеру уже не рисковала, такъ какъ онъ былъ не одинъ. Въ это время проѣзжалъ на извозчикѣ одинъ изъ офицеровъ комендантскаго управленія и, увидѣвъ толпу, поинтересовался узнать, въ чѣмъ дѣло. Пробившись къ офицеру и выслушавъ его жалобу на причиненное ему оскорбленіе, попросилъ его сѣсть въ пролетку и, записавъ фамиліи нижнихъ чиновъ, такъ во время защитившихъ офицера, поѣхалъ съ нимъ въ комендантское управленіе“.

Это происходило въ то время, когда о „лихолѣтьѣ“ не было и помину, за финнами мѣстныя русскія власти ухаживали и боялись ихъ чѣмъ-нибудь раздражать. Поэтому понятно, что молодой офицеръ встрѣтилъ суровый пріемъ у коменданта города Гельсингфорса, генерала Чепурнова, и у другихъ военныхъ властей, и лишь командующій гарнизономъ генералъ Кокоринъ поддержалъ его.

Между тѣмъ, „на слѣдующій день утромъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ появилось описаніе вчерашняго инцидента и, притомъ, въ столь искаженномъ видѣ, что герой драмы самъ себя не узналъ въ ней. Статья гласила, что вчера на эспланадѣ, среди бѣла дня, при большомъ стеченіи публики, пьяный русскій офицеръ, еле державшійся на ногахъ, съ обнаженной шашкой въ рукѣ, приставалъ къ проходящимъ мимо дамамъ, и, когда четверо студентовъ, повстрѣчавшись съ нимъ, возмущенные недостойнымъ поведеніемъ офицера, хотѣли защитить несчастныхъ женщинъ отъ ухаживанія оскорбителя, то послѣдній, размахивая шашкой, бросился на нихъ и ударомъ эфеса по головѣ одного изъ нихъ сшибъ съ ногъ. Стоявшій возлѣ городовой очень почтительно просилъ офицера прекратить свое безчинство, но послѣдній хотѣлъ его ударить и только ловкость городового помогла избѣжать удара, причемъ у офицера оказалась въ рукахъ бляха городового. Недовольствуясь произведеннымъ безчинствомъ, офицеръ свистнулъ, и тотчасъ же, точно изъ земли, выросли трое русскихъ солдатъ, такъ же пьяныхъ, какъ и ихъ начальникъ, и устремились на безоружную публику. Могла бы произойти катастрофа, если бы случайно не проѣзжалъ комендантскій офицеръ, который, схвативъ офицера-буяна за шиворотъ, втащилъ его къ себѣ въ пролетку и, приказавъ солдатамъ идти домой, увезъ офицера въ комендантское управленіе. Пора, давно пора!—восклицаетъ газета, обуздать этихъ нахаловъ, варваровъ-русскихъ офицеровъ! Къ сожалѣнію, несчастная Финляндія уподоблена беззащитной женщинѣ, на которую нападаютъ злодѣи насильники, посягающіе на ея честь! Долго ли намъ терпѣть все это. О времена, о, нравы“! („Hufvudstadsbladet“ 1886 г., № 281).

„Приведенная статья, говоритъ авторъ „Воспоминаній“, представляетъ изъ себя образчикъ газетной финляндской литературы того времени, не останавливавшейся передъ самою наглою ложью и всевозможною клеветою, лишь бы забросать грязью ненавистное имъ русское военное сословіе, единственное, котораго они боялись, и которое за это страшно ненавидѣли, исключая, конечно, тѣхъ жалкихъ представителей русскаго офицерства, которые держали ихъ сторону, и которыхъ они, несомнѣнно, въ душѣ презирали“.

Несмотря на явную тенденціозность, статья эта очень отягчила дѣло офицера въ глазахъ начальства, и ему предстояла отставка безъ прошенія. Лишь благодаря заступничеству генерала Кокорина, дѣло было доведено до свѣдѣнія Генералъ-

Губернатора графа Гейдена, который самъ его разобралъ и призналъ дѣйствія офицера правильными.

Враждебныя отношенія къ русскимъ офицерамъ наблюдались не только со стороны штатскихъ финляндцевъ, но и со стороны офицеровъ финскихъ войскъ.

Вотъ разсказъ того же офицера, относящійся къ ноябрю 1888 года.

„Въ окрестности Гельсингфорса, называемой Брунсъ-паркъ, ютится хорошенькій ресторанъ, ярко освѣщенный внутри, откуда доносятся звуки веселаго женскаго оркестра, гастролирующаго этою осенью въ Гельсингфорсѣ. Я вмѣстѣ съ моимъ ротнымъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Владиміромъ Ивановичемъ Афанасьевымъ (нынѣ покойнымъ), входимъ въ залъ ресторана, осматриваемся кругомъ и видимъ то тамъ, то сямъ, между штатской публикой, сидятъ за круглыми столиками небольшія группы финскихъ офицеровъ. Русскихъ не видно нигдѣ. Несмотря на звуки оркестра, отчетливо слышится вслѣдъ намъ шипѣніе полупьяныхъ шведскихъ глотокъ „ryska", сопровождаемое очень и очень недружелюбными взглядами и жестами по нашему адресу. Мы дѣлаемъ поклонъ въ сторону финскихъ офицеровъ и изъ нихъ одинъ, много два, не поднимаясь со стула и не мѣняя своей развалившейся позы, отвѣчаютъ намъ небрежнымъ кивкомъ головы, несмотря на то, что еще за день до этого, въ Свеаборгскомъ военномъ собраніи на семейномъ вечерѣ, даваемомъ крѣпостной артиллеріей, были гостепріимно приглашены всѣ финскіе офицеры, проживающіе въ Гельсингфорсѣ, и радушно угощаемы, въ томъ числѣ и тѣ самые офицеры, съ которыми мы такъ любезно раскланялись. Вчера у насъ, въ Свеаборгѣ, они были очень милы и вѣжливы, а здѣсь на нейтральной почвѣ, въ ресторанѣ, имъ, изволите видѣть, стыдно отвѣчать на привѣтствія русскихъ офицеровъ!"

Бывали случаи и открытыхъ нападеній на русскихъ солдатъ и офицеровъ.

5 марта 1890 г. днемъ по Эспланадной ул. Гельсингфорса шелъ съ женой и ребенкомъ артиллерійскій офицеръ М. Вдругъ на нихъ напалъ какой то финляндецъ, оказавшійся потомъ кузнецомъ Линделемъ, и ударилъ жену г. М. ключемъ въ глазъ. Когда г. М. хотѣлъ свести его въ полицію, то онъ сталъ сопротивляться. Посаженный, наконецъ, на извозчика, Линдель дорогой сбилъ съ г. М. фуражку. По жалобѣ М. дѣло попало въ мѣстный ратгаузскій судъ. На судѣ Линдель заявилъ, будто онъ былъ пьянъ и ничего не помнитъ. Офицера М., живущаго въ Свеаборгѣ, почему то даже не вызвали въ судъ, и потому дѣло было отложено („Московскія Вѣдомости", 1890 г., № 82).

27 марта 1890 г. русскій солдатъ минной роты, расположенной въ Выборгѣ, исповѣдавшись въ православной выборгской церкви, вышелъ оттуда и присѣлъ на скамейку вблизи церкви. Въ это время къ нему подошелъ финнъ и, ударивъ его ножемъ въ спину, нанесъ ему тяжкую рану („Московскія Вѣдомости", 1890 г., № 104)

Въ газетной хроникѣ позднѣйшаго времени читаемъ о томъ, какъ однажды рабочій „случайно толкнулъ на улицѣ Выборга русскаго офицера. Передавая объ этомъ, газета „Työ" (1910 г., № 130) негодовала, что офицеръ задержалъ рабочаго и отправилъ въ участокъ. „Господамъ немного нужно, чтобы разсердиться", говоритъ соціалистическая газета.

Въ Гельсингфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ въ 1910 г. разбиралось дѣло, возбужденное поручикомъ 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка Ф. Р. противъ трамвайной прислуги, обращавшейся съ нимъ грубо и непочтительно. Въ поданномъ чрезъ Канцелярію Генералъ-Губернатора рапортѣ поручикъ Р. доложилъ, что онъ на углу Церковной и Николаевской улицъ далъ знакъ, чтобы трамвай остановился, но трамвай не былъ остановленъ; ему однако удалось вскочить на ходу. Поручикъ вошелъ въ вагонъ, поставилъ бывшій при немъ пакетъ и вынулъ кошелекъ, чтобы заплатить за проѣздъ. Вагоновожатый сбросилъ пакетъ на полъ, причемъ разбилъ находившіяся тамъ стеклянный предметъ. Когда поручикъ по этому поводу сдѣлалъ замѣчаніе, вагоновожатый жестомъ попросилъ его о выходѣ, причемъ, вмѣстѣ съ кондукторомъ, оба язвительно засмѣялись офицеру въ лицо. На судебномъ засѣданіи вагоновожатый увѣрялъ, что вагонъ былъ имъ остановленъ и что тюкъ задѣвалъ его лѣвую руку, которою онъ управлялъ тормазомъ, мѣшая движеніямъ руки. Отвѣтчикъ (не владѣющій русскимъ языкомъ) взялъ пакетъ, положилъ его „осторожно" на полъ. Никто, по его словамъ, не смѣялся и не дѣйствовалъ вызывающе. Адвокатъ отвѣтчика указалъ, что тюкъ мѣшалъ вагоновожатому управлять вагономъ, и требовалъ прекращенія дѣла. Жалобщикъ согласился съ этимъ при условіи, чтобы отвѣтчикъ тутъ же извинился за свой образъ дѣйствій. Отвѣтчикъ и его адвокатъ, не признавая наличности оскорбленія, отказались и требовали возмѣщенія судебныхъ издержекъ. Постановленіемъ суда дѣло прекращено. Отвѣтчику, однако, отказано въ возмѣщеніи судебныхъ издержекъ. Поручикъ Р., изъявивъ неудовольствіе, заявилъ, что направитъ дѣло дальше официальнымъ путемъ чрезъ посредство начальства („Hufvudstadsbladet", 1910 г. № 172).

Въ началѣ января 1911 г., въ 4 часа дня, по дорогѣ изъ Гельсингфорса въ Фредриксбергъ пьяные рабочіе напали на казака стоящаго въ Гельсингфорсѣ дивизіона. Сперва рабочіе начали ругать казака, а затѣмъ перешли къ насиліямъ. Одному изъ напавшихъ удалось вырвать у казака шашку изъ ноженъ. Казакъ успѣлъ ускакать отъ атакующихъ. Когда онъ на нѣкоторомъ разстояніи посмотрѣлъ назадъ, онъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ мужчинъ поднялъ револьверъ и произвелъ выстрѣлъ. Пуля пролетѣла близко отъ уха казака. Послѣ сего мужчины спокойно продолжали путь и исчезли въ зданіи станціи, гдѣ находятся жилыя помѣщенія служащихъ. Казакъ продолжалъ путь, пока не встрѣтилъ двухъ конныхъ полицейскихъ, которымъ и сообщилъ о происшедшемъ. Всѣ трое отправились къ станціи Фредриксбергъ, чтобы задержать нападавшихъ. Вечеромъ тайной полиціи удалось задержать въ одной кофейной четырехъ подозрительныхъ, которые и сознались въ участіи въ нападеніи („Nya Pressen", 1911 г., № 11; „Uusi Suometar". 1911 г., № 14)

Весною 1911 г. на набережной Гельсингфорсскаго порта толпою финновъ были избиты машинистъ и матросъ съ миннаго транспорта „Волга", причемъ кто то изъ напавшихъ ранилъ машиниста холоднымъ оружіемъ, спрятаннымъ въ палкѣ. Командиръ судна, по словамъ газеты „Työmies" (1911 г., № 108), подалъ по поводу этого избіенія жалобу подлежащимъ властямъ.

30 іюня 1911 г., въ 11 ч. ночи, по Абоскому мосту въ Выборгѣ проходилъ жандармскій унтеръ-офицеръ; какъ только онъ подошелъ къ концу моста у С.-Анны, къ нему подбѣжалъ какой то ужвавшійся въ сосѣдемъ паркѣ мужчина въ штатскомъ, свалилъ его сильнымъ ударомъ съ ногъ и, вынувъ ножъ, ударилъ его имъ. Къ счастью, нападавшій промахнулся и только ранилъ унтеръ-офицеру ухо. Во время борьбы съ нападавшимъ жандарму удалось освободиться. Видя это, нападавшій бросилъ вслѣдъ ему бомбу, которая, къ счастью, не успѣла разорваться и съ шипѣніемъ скатилась съ моста въ воду. Послѣ этого нападавшій бросился бѣжать, но сейчасъ же былъ задержанъ шедшими изъ казармъ солдатами и отведенъ ими въ казармы. Онъ оказался финномъ, музыкантомъ крѣпостной артиллеріи. За нѣсколько часовъ до нападенія онъ былъ за буйство въ пьяномъ видѣ въ предмѣстьѣ города задержанъ жандармомъ, доставившимъ его въ казармы. Переодѣвшись тамъ въ статское платье, онъ снова ушелъ въ городъ и изъ-за угла напалъ на случайно проходившаго мимо другого жандарма („Финляндская Газета", 1911 г., №№ 93 и 94).

Далѣе, по удостовѣренію „Новаго Времени" (1911 г., № 12741), въ томъ же Выборгѣ осенью 1911 г. стрѣляли въ автомобиль генерала Нотбека и въ нѣсколькихъ офицеровъ. Подобныхъ случаевъ газета за короткое время насчитывала въ одномъ только Выборгѣ восемь (тамъ же, № 12788).

Лѣтомъ 1911 г., во время финскаго праздника „Иванова дня" („Юханка"), два русскихъ солдата въ мѣстности „Харьюнаро" везли на Лахтинскую желѣзнодорожную станцію своего больного товарища. Близъ станціи съ ними встрѣтились крестьяне М., Н. и братья Б. Увидя солдатъ, одинъ изъ шайки, Н., набросился на нихъ *съ палкой*, а другой, Калле Б.,—*съ ножемъ*. Когда солдаты, въ цѣляхъ самозащиты, вынули штыки, Б. сталъ угрожать имъ *револьверомъ* („Lahti", 1911 г., № 119).

Иногда, въ настоящее время, враждебныя отношенія финляндцевъ къ представителямъ русскихъ войскъ принимаютъ столь демонстративно-вызывающій характеръ, что заставляетъ вмѣшиваться военное начальство.

Такъ, по словамъ „Turun Sanomat" (1911 г., № 233), командиръ расположеннаго въ Куопіо полка довелъ до свѣдѣнія мѣстнаго губернскаго управленія, что офицеры и нижніе чины полка *неоднократно подвергались оскорбленіямъ со стороны финскаго общества*. Въ виду сего, командиръ просилъ губернское управленіе довести до свѣдѣнія жителей города Куопіо и его окрестностей, что при повтореніи подобныхъ случаевъ офицеры будутъ дѣйствовать оружіемъ.

Комендантъ города Гельсингфорса, въ виду часто повторяющихся *инцидентовъ между публикою и выставленными у дворца Генералъ-Губернатора часовыми*, вынужденъ былъ возбудить ходатайство, чтобы тротуаръ былъ расширенъ на одинъ метръ и чтобы за часовыми была поставлена ограждающая ихъ рѣшетка, вышиною въ одинъ метръ („Uusi Aura", 1911 г. № 124). Очевидно, часовыхъ задѣвали и оскорбляли. Вотъ примѣръ тѣхъ милыхъ шутокъ, которыя, по словамъ финляндскихъ газетъ, позволяли себѣ финляндцы по отношенію къ выставленнымъ у дворца Генералъ-Губернатора часовымъ: „Нѣкій молодой человѣкъ прогуливался вмѣстѣ съ дѣвицею мимо Генералъ-Губернаторскаго дворца. Молодые были въ радостномъ настроеніи. Дѣвица „совершенно безъ какихъ-либо намѣреній" взяла палку своего кавалера и начала размахивать ею, любовно кокетничая. При этомъ она палкою „нечаянно" задѣла одного изъ часовыхъ. Происшедшее было замѣчено полицейскимъ, который вмѣшался и доставилъ молодыхъ въ участокъ" („Nya Pressen", 1911 г., № 136).

„Лойяльное отношеніе" финляндцевъ къ русскимъ дошло до того, что они стали *стрѣлять въ русскіе военные воздушные шары*.

По сообщенію шведоманской газеты „Åbo Underrättelser" (1911 г., № 316), „въ

Нюландской и Тавастгусской губерніяхъ дважды стрѣляли по пролетавшимъ на значительной высотѣ надъ землею воздушнымъ шарамъ, на которыхъ находились офицеры воздухоплавательнаго парка".

Подобная веселая игра культурныхъ финляндцевъ вызвала даже особый приказъ Нюландскаго губернатора, который „предписалъ всѣмъ короннымъ ленсманамъ губерніи въ своихъ участкахъ строго предупредить населеніе, чтобы никто не *осмѣливался стрѣлять по могущимъ появиться воздушнымъ шарамъ*, и если, несмотря на предупрежденіе, стрѣльба по шарамъ все же произойдетъ, всѣми мѣрами стараться обнаружить виновниковъ подобнаго проступка и подвергнуть ихъ заслуженному наказанію"

И въ изданіи такихъ приказовъ нуждается не дикая страна, въ которой не имѣютъ понятія о воздушномъ шарѣ, и не страна, находящаяся въ открытомъ возстаніи, а культурная и мирная Финляндія!

Не даромъ же въ Государственную Думу былъ внесенъ запросъ націоналистовъ, въ которомъ указывалось на враждебное въ краѣ отношеніе къ русскимъ войскамъ, причемъ ораторъ націоналистовъ, Половцовъ, требовалъ принятія самыхъ серьезныхъ мѣръ, вплоть до введенія военнаго положенія („Новое Время", 1911 г., № 12797).

Не напрасно газета „Земщина" (отъ 6 сентября 1911 г.), касаясь распоряженія начальникамъ расположенныхъ въ Финляндіи войсковыхъ частей не оставаться пассивными зрителями безпорядковъ, писала, что „при положеніи, въ какое поставлены въ Финляндіи русскія войска, пребываніе ихъ тамъ приноситъ только вредъ. Не потому, что революціонная агитація, имѣющая въ Финляндіи самое широкое и свободное поле дѣйствія, можетъ легко проникнуть и въ войска, но, главнымъ образомъ, потому, что нельзя дѣлать армію пассивной свидѣтельницей того *постояннаго униженія и поруганія*, которому подвергается на каждомъ шагу Царская власть, русскій гимнъ, честь русской арміи и русское имя".

Дѣйствительно трудно представить тѣ дерзкія выходки, которыя позволяютъ себѣ финляндцы по отношенію къ русской власти. Такъ, напр., „Новое Время" (1911 г., № 12641) описывало случай, когда навстрѣчу Генералъ-Губернатору къ пароходной пристани высылались похоронныя дроги.

Въ другой разъ, когда въ 1911 году Генералъ-Губернаторъ слѣдовалъ въ Петербургъ на курьерскомъ поѣздѣ и остановился на станціи Выборгъ, передъ вагономъ Генералъ-Губернатора на перронѣ „случайно" оказался выставленнымъ гробъ („Karjala", 1911 г., № 125).

Въ этомъ же году въ „Новомъ Времени" была помѣщена телеграмма гельсингфорсскаго корреспондента, въ коей указывалось, что *чиновникъ, командированный Канцеляріей Генералъ-Губернатора въ Сеймъ, чтобы слѣдить за преніями, былъ выпровожденъ* какимъ то наглымъ депутатомъ изъ зала, и что ему было запрещено *присутствовать на засѣданіяхъ*. На это сообщеніе шведоманская „Nya Pressen" (1911 г., № 80) реагировала слѣдующей замѣткой:

„Нѣтъ дыму безъ огня, „Новое Время" отчасти право: въ кулуарахъ, дѣйствительно, *бродила какая то личность* изъ упомянутой Канцеляріи. Одинъ изъ депутатовъ объявилъ этой личности рѣшительно, хотя и въ мягкой формѣ, что *залъ засѣданія предназначенъ для депутатовъ и для тѣхъ, кого они въ исключительныхъ случаяхъ съ собою приглашаютъ (?), но не для каждаго, кто самовольно туда вторгается*. Въ этомъ „Новое Время" право. Однако, *не правда, будто чиновнику Канцеляріи вовсе нѣтъ доступа въ залъ. Хоры къ его услугамъ*. Тамъ ему предоставляется расположиться, и, придя пораньше, онъ можетъ получить мѣсто даже на первой скамейкѣ. Это безусловно идеальное мѣсто для того, кто долженъ ex officio слѣдить за ходомъ преній. Внизу же, *въ кулуарахъ подобнымъ откомандированнымъ господамъ совершенно нечего дѣлать. Тамъ уголокъ для депутатской болтовни*. И развѣ у кого либо найдется сказать что нибудь командированному? Тѣмъ болѣе, нельзя думать, чтобы онъ долженъ былъ подслушивать то, о

чемъ говорятъ. Итакъ, *забирайтесь повыше, милостивый государь. Наверхъ, на хоры*, тамъ не помѣшаютъ наглые депутаты" *).

А вотъ еще образецъ „корректнаго" тона, въ какомъ пишутъ финляндскія газеты о русскихъ чиновникахъ. Говоря о назначеніи Директору Канцеляріи Генералъ-Губернатора Боровитинову усиленнаго содержанія, *шведоманская* газета „Tammerfors Nyheter" (1911 г., № 91) писала:

„33 000 марокъ хорошенькое вознагражденіе господину, *достойному развѣ хорошо направленнаго пинка ногой*. Въ годовщину смерти „незабвеннаго" **) такой окладъ былъ положенъ нѣкоему незаконно назначенному на финляндскую службу господину Боровитинову—или какъ тамъ его зовутъ? Онъ называется Директоръ Канцеляріи Генералъ-Губернатора и въ Россіи былъ тюремнымъ надсмотрщикомъ. Его жалованье въ торжественный день повышено до слѣдующей суммы: 24.000 м. вознагражденія, 4.000 м. жалованья, и люсъ квартира, отопленіе и освѣщеніе, изъ которыхъ только квартира равняется 5.000 м., слѣдовательно, по низкой оцѣнкѣ всего 33.000 марокъ ежегодно. Не возмутительно ли это однако.....? *Когда онъ благополучно скончается, конечно, въ отдаленномъ будущемъ, намъ придется еще заплатить за его портретъ для передней генералъ-губернаторской канцеляріи, какъ мы имѣли удовольствіе заплатить за портретъ „незабвеннаго", предназначенный для передней (tamtur) Сената въ цѣляхъ развлеченія сторожей*".

Подобнымъ, можно сказать, кабацкимъ языкомъ шведоманская (не соціалистическая) газета позволяетъ себѣ говорить объ одномъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Генералъ-Губернатора, не щадя при этомъ даже священной памяти покойнаго борца за русское дѣло въ Финляндіи Н. И. Бобрикова. Конечно, при политической борьбѣ неизбѣжна критика правительственныхъ мѣропріятій и оцѣнка тѣхъ или другихъ лицъ, но въ печатномъ словѣ имѣются извѣстныя принятыя въ цивилизованномъ обществѣ правила приличія, за предѣлами которыхъ начинается хулиганство.

Излюбленнымъ способомъ бойкотированія представителей русской государственной власти является *отказъ въ сдачѣ имъ квартиръ*.

„Въ 1904 году одинъ изъ офицеровъ Финляндскаго Жандармскаго Управленія никакъ не могъ добиться для себя квартиры, а въ одномъ домѣ ему было сказано, что здѣсь со „шпіонами" никакого дѣла имѣть не желаютъ. Бывшій Помощникъ Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ Шиповъ, не имѣя возможности получить подходящую квартиру, за все время своей службы въ краѣ пользовался помѣщеніемъ въ Императорскомъ дворцѣ. Всѣ попытки его въ лѣтнее время пріискать себѣ дачу остались безуспѣшными; не сдавали дачи также одному изъ офицеровъ генеральнаго штаба, служившему въ Гельсингфорсѣ, причемъ у упрямаго хозяина дача такъ и простояла весь сезонъ свободною. Одному изъ адъютантовъ штаба финляндскаго военнаго округа мѣстный домохозяинъ категорически заявилъ, что „ему ни съ мебелью, ни безъ мебели квартира сдана не будетъ". Случаи несдачи квартиръ русскимъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ бывали и въ самое послѣднее время, причемъ въ отношеніи военныхъ одною изъ причинъ выставляется наличность у нихъ казенной прислуги ***).

О бойкотѣ русскихъ квартиронанимателей въ Гельсингфорсѣ въ послѣднее время, между прочимъ, писала „Финляндская Газета" (1912 г., № 31), приводившая объясненія этого явленія финскою газетою „Uusi Suometar". Эта газета находила, будто отказы въ сдачѣ квартиръ русскимъ объясняются не желаніемъ бойкота, а разными присущими русскимъ особенностями, которыя-де „дѣлаютъ ихъ нетерпимыми, когда они поселяются въ финскихъ или шведскихъ домахъ". Такъ, по мнѣнію „Uusi Suometar", русскіе склонны весьма грязно содержать свои квартиры, не платятъ за нихъ, причемъ деньги, будто бы, съ нихъ трудно взыскивать, наконецъ, они-де „весьма безпокойные жильцы—шумятъ и пьянствуютъ".

*) Подобное дикое отношеніе къ представителю правительства вовсе не является чѣмъ то случайнымъ. Согласно § 51 проекта Сеймоваго Устава, составленнаго столпами финляндской науки, предполагалось лишить Генералъ-Губернатора права присутствовать на засѣданіяхъ Сейма и разрѣшить Вице-Предсѣдателю и членамъ Императорскаго Финляндскаго Сената присутствовать лишь на публичныхъ засѣданіяхъ Сейма. Прим. сост.

**) Покойнаго Генералъ Губернатора Н. И. Бобрикова.

***) „Къ вопросу о полож. русскихъ въ Финляндіи", стр. 29.

„Финляндская Газета", конечно, протестовала противъ подобныхъ мотивовъ отказа русскимъ въ сдачѣ квартиръ, находя ихъ совершенно неосновательными. Главною причиною, по мнѣнію газеты, является то, что „политика слишкомъ глубоко вѣлась въ мѣстные нравы, и она-то побуждаетъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ и ихъ управляющихъ проявлять столь непріязненное отношеніе къ русскимъ. Мы знаемъ, говоритъ „Финляндская Газета", цѣлый рядъ фактовъ, когда въ сдачѣ квартиръ отказывали сенаторамъ и другимъ лицамъ, уважаемымъ и кредитоспособнымъ; когда занимающій солидное положеніе русскій чиновникъ обошелъ 12 (двѣнадцать) пустыхъ квартиръ и вездѣ получалъ отказъ; когда другой чиновникъ, снимая комнату въ шведской семьѣ, былъ предваренъ, что ему сдадутъ таковую лишь въ случаѣ согласія на то другихъ жильцовъ; наконецъ, — очень недавно прокуроръ Сената, желая снять пустующую квартиру, получилъ отказъ подъ предлогомъ, что другіе жильцы съѣдутъ, если онъ поселится въ домѣ.

„Достаточно приведенныхъ фактовъ, чтобы стало яснымъ, что русскіе, проѣхавъ Бѣлоостровскую таможню, иногда оказываются изъ-за политическаго бойкота въ положеніи людей, лишенныхъ крова, хотя многіе изъ нихъ (офицеры, чиновники, коммерсанты), принадлежа къ наиболѣе культурнымъ слоямъ общества, на родинѣ были желанными квартирантами для всякаго домовладѣльца".

5. Отношеніе къ эмблемамъ русской государственности.

Весьма характернымъ для господствующихъ въ Финляндіи сепаратистическихъ тенденцій представляются постоянные инциденты и столкновенія на почвѣ непризнанія общегосударственнаго флага, герба и гимна.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ брошюры „Къ вопросу о положеніи русскихъ въ Финляндіи".

„Идея о *собственномъ финляндскомъ флагѣ* занимала общественную мысль и мѣстную печать уже въ 1863 году въ связи съ вопросомъ о финляндскомъ *нейтралитетѣ*. Изъ тогдашнихъ статей „Абоскихъ Извѣстій" видно, что „финляндцы желали, дабы мысль ихъ о нейтральномъ положеніи Великаго Княжества была разсмотрѣна и осуществлена на одномъ изъ предстоявшихъ иностранныхъ конгрессовъ". Что же касается *торговаго флага*, то газетѣ представлялось возможнымъ *въ критическую минуту перейти къ нему „и безъ всякой особой санкціи"*. Газета прибавляла даже, что вновь проектированный флагъ видѣли уже въ нѣкоторыхъ иностранныхъ гаваняхъ и на нѣсколькихъ судахъ Эстерботніи. Въ 1871 году въ Ріо-Жанейро на финляндскомъ купеческомъ суднѣ „Хеліосъ" (изъ Улеаборга) шкиперъ Снельманъ не поднялъ русскаго флага, пока ему не приказалъ сдѣлать это командиръ русскаго корвета Назимовъ.

„Съ 10 по 14 февраля 1910 года въ Выборгѣ происходили международныя спортивныя состязанія. Мѣсто состязаній оказалось украшеннымъ фантастическими флагами, коимъ демонстративно придается значеніе символа мѣстной обособленности. Россійскій національный бѣло-сине красный флагъ занималъ совершенно неподобающее ему мѣсто, гдѣ-то въ сторонѣ, тогда какъ на первомъ мѣстѣ красовались флаги германскій, шведскій и норвежскій. На требованіе военныхъ властей водрузить національный флагъ на подобающее ему мѣсто, губернаторъ заявилъ, что полицейскіе чины не властны воспрещать частнымъ лицамъ украшать дома тѣмъ или другимъ фантастическимъ флагомъ. Водруженіе національнаго флага на надлежащее ему мѣсто произошло безъ его участія, по требованію военныхъ властей. Вслѣдъ затѣмъ зданія въ городѣ демонстративно расцвѣтились фантастическими флагами.

„Дирекція новаго шведскаго театра въ Гельсингфорсѣ распорядилась постановкою надъ царскою ложею, взамѣнъ предположеннаго въ чертежѣ проекта финляндскаго герба, русскаго орла колоссальныхъ размѣровъ. Когда объ этомъ узнали (какъ писалъ въ 1860 г. объ этомъ корреспондентъ стокгольмской газеты), то было рѣшено, что *ни одинъ финнъ не переступитъ порога театра, если орелъ будетъ выставленъ*. Вслѣдствіе сего орла замѣнили буквою „А"

„По свѣдѣніямъ русской печати („Новое Время", № 12464), въ 1900 году директоръ завода бр. Остремъ въ Улеборгѣ позволилъ себѣ снять съ фасада завода по-

жалованный послѣднему русскій государственный гербъ, поясняя свое наглое поведеніе тѣмъ, что *въ Финляндіи не мѣсто русскому государственному гербу*, ибо она имѣетъ свой собственный гербъ.

„Въ № 248 газеты „Työmies" отъ 27 октября 1908 года было помѣщено объявленіе съ изображеніемъ россійскаго двуглаваго орла, на груди котораго, вмѣсто соотвѣтствующихъ гербовъ, нарисованы были висѣлицы, орудія казни и т. п.

„30 декабря 1901 года (12 января 1902 года), въ Тавастгусскомъ обществѣ молодежи однимъ изъ членовъ общества была произнесена рѣчь, въ которой онъ, касаясь вопроса о новыхъ маркахъ, сказалъ: „намъ горько и тошно смотрѣть на *иностранный* гербъ"; русскія же войска онъ называлъ „нашими врагами".

„Въ № 6 юмористическаго журнала „Fyren" отъ 9 февраля 1907 года была помѣщена статья, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не было разрѣшено вывѣшивать какихъ либо другихъ флаговъ, кромѣ *рогожа*, и, конечно, никому не хотѣлось чтить память Рунеберга подобными рогожами. Но онѣ развѣвались въ большомъ количествѣ въ другіе знаменательные дни, да и теперь еще развѣваются на многихъ частныхъ домахъ" и т. д

При столь отрицательномъ отношеніи къ государственному флагу финляндцы готовы вывѣшивать какіе угодно фантастическіе флаги, лишь бы не русскій.

Такъ, по сообщенію „Nya Pressen" (1911 г., № 174), на флагштокѣ одной изъ дачъ близъ Николайштадта развѣвался *черный флагъ*, а на бесѣдкѣ—*бѣло-синій*. Распоряженія полиціи о снятіи флаговъ дачевладѣлецъ, конечно, не исполнилъ.

На соціалистическихъ праздникахъ и гуляньяхъ вывѣшивются красные флаги. Удаленіе ихъ полиціей встрѣчаетъ общее неудовольствіе („Työ", 1911 г., № 175; „Työmies", 1911 г., № 176 и друг.).

Если, въ огражденіе достоинства государственнаго флага при устройствѣ какого-либо праздника, устроителямъ ставятъ условія въ смыслѣ обезпеченія надлежащаго мѣста этому флагу—устроители рѣшаютъ лучше вовсе не вывѣшивать никакихъ флаговъ (см. „Uusi Suometar", 1911 г., № 142).

Такъ, передъ самымъ началомъ рысистыхъ бѣговъ на скаковомъ кругу въ „Pohjois-Hämeen" 1 октября 1911 г. представитель полиціи по приказанію начальства потребовалъ замѣщенія флага надъ судейской бесѣдкой—краснаго съ изображеніемъ герба Финляндіи—имперскимъ флагомъ. Во избѣжаніе сего, ровно въ 12 часовъ дня, какъ по командѣ, были спущены всѣ флаги и значки, имѣвшіеся на кругу. Судейскій уполномоченный *изъ двухъ золъ* выбралъ меньшее, говоритъ газета „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 268).

Любимымъ флагомъ финляндцевъ-шведовъ является красно-желтый, который чаще всего фигурируетъ въ качествѣ національнаго; финны избрали флагъ бѣло-синій.

Преслѣдованія полиціей случаевъ вывѣшиванія подобныхъ флаговъ встрѣчаютъ въ финляндской печати сильное возмущеніе. Главный органъ шведомановъ „Hufvudstadsbladet" (1911 г., № 195) писалъ, что это вторженіе въ частную жизнь, что слѣдуетъ привлекать къ суду полицейскихъ, нарушающихъ домашній миръ. Другая газета, „Wiborgs Nyheter" (1911 г., № 184), считаетъ, что вмѣшательство полиціи нарушаетъ порядокъ на общественныхъ празднествахъ. Третья шведоманская газета, „Abo Underrättelser" (1911 г., № 216), удивляясь, какъ финляндскія должностныя лица могутъ содѣйствовать подобнымъ притѣсненіямъ, чинимымъ-де русскими властями на почвѣ стѣсненія гражданской свободы, доказываетъ, что употребленіе флаговъ финляндскихъ цвѣтовъ вовсе, будто бы, не означаетъ какой либо демонстраціи. „Финляндцы употребляютъ свои цвѣта просто по той причинѣ, что они имъ ближе къ сердцу. Но въ этомъ не заключается чего либо оскорбительнаго для русскихъ государственныхъ цвѣтовъ. Господствующая въ Финляндіи гражданская свобода создаетъ естественную свободу въ отношеніи употребленія общественныхъ цвѣтовъ и эмблемъ. Такъ смотрятъ на это дѣло и за-границей".

Для того, чтобы видѣть, насколько газета права, ссылаясь на „заграницу", можемъ сообщить, что, по словамъ датской газеты „Nationaltidende", (1911 г., № 12705), недавно участники устроеннаго въ Сендерборгѣ (Сѣвер-

ный Шлезвигъ) съѣзда молодежи были привлечены къ суду *за ношеніе букетиковъ* изъ красныхъ и бѣлыхъ, т. е. національныхъ датскихъ цвѣтовъ. Низшій судъ усмотрѣлъ въ ношеніи этихъ цвѣтовъ нарушеніе постановленія 1865 года, запрещающаго ношеніе датскихъ цвѣтовъ и кокардъ въ Сѣверномъ Шлезвигѣ, и оштрафовалъ отвѣтчиковъ. Хотя, затѣмъ, по апелляціонной жалобѣ, высшій судъ оправдалъ ихъ, но лишь въ силу того, что, какъ указалъ адвокатъ отвѣтчиковъ, означенное постановленіе 1865 г. болѣе не дѣйствительно, въ виду изданія болѣе поздняго постановленія 1872 года, которое по существу содержитъ лишь запрещеніе употреблять датскіе *флаги и знамена*.

Слѣдуетъ замѣтить, что иногда въ финляндской прессѣ раздаются голоса противъ упрямаго нежеланія мѣстныхъ политикановъ признавать общегосударственный флагъ. Такъ, старофинская газета „Waasa" (1911 г., № 77) писала по этому поводу слѣдующее:

„Какъ извѣстно, властями издано распоряженіе, въ силу котораго вывѣшиваніе флаговъ допускается только въ томъ случаѣ, если имѣется на лицо также и общегосударственный флагъ. Создалось убѣжденіе, будто вывѣшиваніе общегосударственнаго флага свидѣтельствуетъ о подчиненіи, и поэтому рѣшили не вывѣшивать вообще никакихъ флаговъ. Послѣдній исходъ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно наилучшимъ, ибо иногда просто жалко смотрѣть, до какихъ крайностей доходятъ въ этой дѣтской игрѣ. *Флаги вывѣшиваются спеціально съ намѣреніемъ досадить властямъ*".

Далѣе газета указывала, что неуваженіемъ къ русскому національному флагу финляндцы доказываютъ неуваженіе не только къ правительству, но и къ великому русскому народу. Къ тому же финляндскіе моряки всегда пользуются русскимъ трехцвѣтнымъ флагомъ, что ни въ комъ не вызываетъ ни удивленія, ни насмѣшекъ *). Поэтому газета совѣтовала на будущее время соблюдать болѣе корректный образъ дѣйствій по отношенію къ русскому государственному флагу.

---

6. Дѣла объ оскорбленіи Величества.

Наилучшимъ показателемъ лойяльности финляндцевъ служатъ постоянно наблюдаемые теперь случаи оскорбленія Величества въ мѣстной печати и въ публичныхъ рѣчахъ.

Согласно приводимымъ газетою „Nya Pressen" (1910 г., № 129) даннымъ, въ теченіе времени съ ноября 1905 г. по 1 іюня 1910 г. по иниціативѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати было возбуждено всего 70 дѣлъ **), а именно: въ 1905 г. 1 дѣло, въ 1906 г. 11 дѣлъ, въ 1907 г. 17 дѣлъ, въ 1908 г. 7 дѣлъ, въ 1909 г. 27 дѣлъ, а въ текущемъ (1910) году до 1 іюня 7 дѣлъ.

„Судебнымъ Департаментомъ 32 изъ этихъ дѣлъ представлялись на Высочайшее благоволеніе, а именно: въ 1906 г.—5, въ 1907 г.—7, въ 1908 г.—3, въ 1909 г.—14 и въ 1910 г.—3. Въ 35 случаяхъ Судебный Департаментъ не усмотрѣлъ повода давать дѣлу ходъ. Три дѣла Судебнымъ Департаментомъ еще не разсмотрѣны.

„Вслѣдствіе представленія дѣлъ на Высочайшее благоволеніе, Государемъ Императоромъ повелѣно возбудить судебное преслѣдованіе въ 39 случаяхъ, а именно:

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣднее время бывали случаи, что и торговыя суда не поднимали національнаго флага даже для производства установленнаго постановленіемъ 11 ноября 1911 г. салюта при встрѣчѣ съ русскими военными судами и Императорскими яхтами. На это, по словамъ „Åbo Underrättelser" (1911 г., № 297), обратилъ вниманіе Сената Генералъ-Губернаторъ и предложилъ принять надлежащія мѣры.

**) По офиціальнымъ даннымъ, за тотъ же срокъ было возбуждено 75 дѣлъ. Кромѣ того съ 1 іюня по 1 января 1911 г. было возбуждено 19 дѣлъ. („Къ вопр. о полож. русск. въ Финляндіи", стр. 86—116).

въ 1906 г. въ 5 случаяхъ, въ 1907 г. въ 9, въ 1908 г. въ 5, въ 1909 г. въ 17 и въ 1910 г. въ 3 случаяхъ.

„Какъ видно, упомянутая цифра 39 не соотвѣтствуетъ числу дѣлъ, представленныхъ Судебнымъ Департаментомъ на Высочайшее рѣшеніе (32). Причина этого заключается въ томъ, что Генералъ-Губернаторъ усмотрѣлъ необходимость въ 7 изъ оставленныхъ Судебнымъ Департаментомъ безъ вниманія 35 дѣлъ войти съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ о возбужденіи дѣла, каковыя представленія были Высочайше уважены.

„Изъ указанныхъ выше дѣлъ Гофгерихтами рѣшено 20. По 16 изъ нихъ состоялись приговоры, а по 4 освобожденія отъ отвѣтственности. Приговоры распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1906 г.—2, въ 1907 г.—8, въ 1908 г.—3, въ 1909 г.—3; освобожденія же отъ отвѣтственности слѣдующимъ образомъ: въ 1906 г.—1, въ 1908 г.—1 и въ 1909 г.—2.

„Подсудимые приговорены къ тюремному заключенію въ общей сложности въ размѣрѣ 92 мѣсяцевъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ, а именно: въ 1906 г.—11 мѣсяцевъ, въ 1907 г.—45, въ 1908 г.—21 и въ 1909 г.—15 мѣсяцевъ.

„Сенатомъ окончательно рѣшены три дѣла, изъ нихъ: одно въ 1906 г. и одно въ 1907 г. Подсудимые приговорены къ тюремному заключенію въ общей сложности въ размѣрѣ 16 мѣсяцевъ, изъ нихъ: въ 1906 г.—14, а въ 1907 г.—2 мѣсяца. Оправдательнаго вердикта Сенатомъ не вынесено.

„Въ Гофгерихтѣ остается 16 нерѣшенныхъ дѣлъ, а именно: 1 съ 1908 года, 12 съ 1909 г. и 3 съ 1910 года. Въ Сенатѣ остается 3 дѣла: одно съ 1908 г. и 2 съ 1909 г."

Такова печальная статистика оскорбительнаго отношенія финляндцевъ къ Священной Особѣ Россійскаго Императора. Интересно, между прочимъ, со словъ газеты „Sosialisti" (1911 г., № 18), привести одинъ изъ случаевъ разбора подобнаго дѣла для характеристики отношенія къ нимъ суда.

„Нѣкто Т. произнесъ въ Таммерфорсѣ двѣ рѣчи. Сенатъ, найдя эти рѣчи *оскорбляющими Величество*, приказалъ привлечь Т. къ судебной отвѣтственности. Дѣло было начато въ Таммерфорсскомъ ратгаузскомъ судѣ, а затѣмъ перенесено въ Абоскій Гофгерихтъ, гдѣ оно и разбиралось. Отвѣтчику былъ заданъ вопросъ, произносилъ ли онъ свои рѣчи экспромптомъ или же по конспекту. Т. отвѣтилъ, что рѣчи имъ были произнесены по запискѣ, которую представить онъ не имѣетъ возможности. Въ виду этого ему было предложено передать содержаніе своихъ рѣчей устно".

И вотъ въ засѣданіи Гофгерихта, при открытыхъ дверяхъ, Т. вновь произноситъ свою агитаціонную рѣчь, которая заносится въ протоколъ Гофгерихта и затѣмъ попадаетъ на страницы печати въ качествѣ судебнаго протокола.

Подобнымъ образомъ проходитъ разборъ такихъ дѣлъ въ финляндскихъ судахъ очень часто, и судъ служитъ лишь рекламою и агитаціонной каѳедрой для обвиняемаго.

На большое количество судебныхъ преслѣдованій за оскорбленіе Величества въ концѣ прошлаго года обратила вниманіе шведоманская газета „Hufvudstadsbladet" (1910 г., № 343).

По мнѣнію газеты, обиліе дѣлъ объ оскорбленіи Величества объясняется прежде всего уничтоженіемъ предварительной цензуры.

„Въ прежніе годы, при существованіи предварительной цензуры, оскорбленія имѣли мѣсто довольно рѣдко. Такія оскорбленія заключались обыкновенно въ словахъ, произнесенныхъ неосмотрительными или нетрезвыми людьми, и часто вовсе не подвергались преслѣдованіямъ. Послѣ введенія свободы печати число оскорбленій Величества постепенно увеличивалось. Это объясняется тѣмъ, что *общество не привыкло еще держаться извѣстныхъ границъ и умѣрять свой пылъ въ обсужденіи событій, а также считаться съ принятымъ въ монархическихъ странахъ правиломъ, въ силу котораго личность Монарха не должна быть за трагиваема при критикѣ мѣропріятій правительства*".

Газета была вынуждена констатировать фактъ, что „даже теперь, когда уже создалась извѣстная привычка пользоваться свободою печати, *оскорбленія Величества* не только не уменьшаются, но *становятся повседневнымъ явленіемъ*. Даже теперь газеты извѣстнаго рода допускаютъ на своихъ столбцахъ неосторожныя и неудобныя выраженія". Газета находила, что слѣдуетъ избѣгать необдуманныхъ поступковъ, которые могутъ повредить самой же Финляндіи. „Каждый авторъ долженъ бы имѣть столько само-

обладанія, чтобы не вмѣшивать личность Монарха въ политическіе дебаты, зная, что за это полагается, согласно дѣйствующему закону, строгое наказаніе".

Заканчивая нашъ обзоръ отношеній финляндцевъ къ Россіи и русскимъ, мы обращаемъ особое вниманіе читателя на изданную въ 1907 году П. Суворовымъ брошюру „Къ вопросу о равноправіи," представляющую сборникъ финляндскихъ законовъ, ограничивающихъ права русскихъ на завоеванной кровью русскаго народа финляндской окраинѣ, значительная часть которой еще тысячу лѣтъ тому назадъ принадлежала русскимъ великимъ князьямъ изъ дома Рюрика. Весьма краснорѣчивы собранные въ той же брошюрѣ русскіе законы, уравнивающіе въ правахъ финляндскихъ гражданъ съ прочими русскими подданными въ остальной Россіи. Заслуживаетъ вниманія и цѣлый рядъ законопроектовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ въ 1907, 1908 и 1909 годахъ и содержавшихъ постановленія, согласно которымъ русскіе уроженцы, собственники недвижимыхъ имѣній въ Финляндіи, не допускались въ члены различныхъ управъ при общинахъ (несмотря на заявляемыя о томъ требованія). Проектъ закона о промыслахъ 1907 г. не допускалъ русскихъ въ промысловые депутаты. Проекты закона о печати 1906 и 1907 гг., въ отмѣну постановленія 1904 г., лишали русскихъ уроженцевъ права содержать типографіи, литографіи, металлографіи, книжные магазины, библіотеки и т. п. Законъ 1906 года и законъ о собраніяхъ 1907 г. предоставляютъ право свободы слова, союзовъ и собраній въ Финляндіи однимъ финляндскимъ гражданамъ. Но особенно интересенъ составленный г. Мехелиномъ проектъ формы правленія 1907 г., гдѣ, въ отмѣну актовъ 1891 и 1903 г.г., проектировалось, чтобы русскіе лишены были права свободной покупки недвижимыхъ имѣній въ Финляндіи и только съ особаго каждый разъ Высочайшаго повелѣнія, наравнѣ съ иностранцами, могли пріобрѣтать недвижимыя имущества въ краѣ, не исключая и Выборгской губерніи, которая, будучи въ 30 километрахъ отъ Петербурга, все болѣе и болѣе становится петербургской дачной мѣстностью.

Не нормальное положеніе русскихъ въ Финляндіи и вызвало къ жизни принятый Гос. Думою и Гос. Совѣтомъ и Высочайше одобренный 20 января 1912 г. законъ о равноправіи съ финляндскими гражданами прочихъ русскихъ подданныхъ.

И если финляндскій сеймъ 1913 г., въ свою очередь, принялъ по своей инициативѣ два законопроекта, предоставляющіе русскимъ права по занятію промыслами и по участію въ городскомъ и сельскомъ общинномъ самоуправленіи и такимъ образомъ вторгся въ права русской законодательной власти, то всякому ясна неискренность дѣйствій финляндскаго законодательнаго органа, въ теченіе пятидесяти лѣтъ систематически ограничивавшаго русскихъ въ правахъ и представляющаго и нынѣ права русскимъ въ уменьшенномъ противъ общегосударственнаго закона о равноправіи размѣрѣ только для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на мало освѣдомленные русскіе и иностранные общественные круги.

Заключеніе.

Представляя на судъ читателей собранный въ настоящей книгѣ матеріалъ, мы заранѣе чувствуемъ протесты и возраженія, которые поднимутся въ финнофильскихъ кругахъ противъ нашего труда, если ему суждено обратить на себя вниманіе общества.

Несомнѣнно, будутъ указывать на то, что по отдѣльнымъ, болѣе или менѣе частымъ, отрицательнымъ явленіямъ изъ жизни страны нельзя опорочивать цѣлый народъ; что подобная же коллекція фактовъ можетъ быть собрана за болѣе или менѣе продолжительное время изъ газетъ каждой страны; что приведенные нами факты, говорящіе о преступности, пьянствѣ, паденіи нравственности и т. п., могли бы служить показателемъ некультурности финляндцевъ лишь въ томъ случаѣ, если бы были подкрѣплены статистическими данными, которыя подлежали бы сравненію съ подобными же данными относительно другихъ странъ. Наконецъ, намъ скажутъ, что сами финляндцы, какъ видно изъ приведенныхъ нами многочисленныхъ отзывовъ газетъ, сознаютъ свои недостатки, къ исправленію которыхъ они несомнѣнно примутъ всѣ возможныя мѣры.

Чувствуя эти предполагаемыя возраженія, мы прежде всего должны оговориться, что, предпринимая экскурсію въ область финляндской печати, мы вовсе не имѣли въ виду изобразить во всей полнотѣ жизнь Финляндіи. Представляя вниманію русской публики собранные факты изъ финляндской жизни, мы хотѣли лишь выставить отрицательныя стороны этой жизни, показать, что̀, между прочимъ, наблюдается въ Финляндіи. Сдѣланные нами ниже выводы напрашиваются сами собою.

Мы не споримъ,—подобные факты могли бы быть собраны *за болѣе или менѣе продолжительный срокъ* изъ печати едва ли не каждой страны, но добросовѣстный читатель могъ убѣдиться, что наша коллекція не имѣетъ исчерпывающаго характера и собиралась не долгіе годы; намъ достаточно было просмотрѣть наиболѣе распространенныя мѣстныя газеты за послѣдніе два-три года, и въ рукахъ нашихъ оказался такой матеріалъ, который потребовалъ бы книги значительно большого размѣра, если бы былъ использованъ весь. Весьма часто какое-либо отрицательное явленіе,—какъ можно видѣть изъ приведенныхъ при каждой цитатѣ хронологическихъ датъ,—иллюстрируется фактами, взятыми изъ газетъ всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ одного, преимущественно 1911 года.

Мы не освѣщали нашего обзора печати статистическими данными или, вѣрнѣе, приводили ихъ только попутно, именно потому, что нашъ трудъ не есть описаніе нравовъ Финляндіи, а лишь, до извѣстной степени, матеріалъ для такого описанія. Авторъ будетъ очень радъ, если найдется *русскій* изслѣдователь Финляндіи, который съ цифрами въ рукахъ докажетъ высоту ея культуры, но пусть такой изслѣдователь помнитъ, что для изображенія *характера народа*, проявляющагося въ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ, цифра—орудіе слишкомъ недостаточное.

Весьма важнымъ представляется еще возраженіе о томъ, что и сами финляндцы сознаютъ свои недостатки,—что, какъ мы видимъ, дѣйствительно, нерѣдко проскальзываетъ въ ихъ газетахъ,—а потому мы какъ-бы ломимся въ открытую дверь. На это можно отвѣтить, что сознаніе недостаточной культурности проявляется въ финляндскихъ газетахъ лишь въ видѣ исключенія, съ легкой руки соціалистической печати, которая, къ великому негодованію газетъ другихъ партій, „постоянно даетъ этимъ лишнее оружіе обрусителямъ *)". Не даромъ старофинская „Uusi Suometar" называла соціалистическія газеты „могильщиками отечества".

Сознаніе своихъ недостатковъ у финляндцевъ вовсе не имѣетъ того характера, какъ у насъ, русскихъ. Въ то время какъ мы нерѣдко, можетъ быть, и не совсѣмъ основательно, конфузимся за свою культуру передъ Европой, принимая со смиреніемъ нападки на насъ заграничной печати, финляндцы категорически заявляютъ, что въ ихъ высокой культурности не можетъ быть никакого сомнѣнія, въ особенности при сравненіи ея съ русской.

„*Болѣе высокая образованность финскаго народа по сравненію съ русскимъ была аксіомою*, противъ которой до послѣдняго времени никто не рѣшался возражать, писала старофинская газета „Uusi Suometar" (1910 г., № 173). Безпристрастные иностранцы, путешествовавшіе по Россіи и Финляндіи, безъ исключенія дали доказательства того, что разница въ образованности (между русскими и финляндцами), дѣйствительно, велика. Всѣ эти доказательства говорятъ въ пользу Финляндіи! И русскіе путешественники безъ перерыва давали такія же доказательства. Даже враждебныя намъ русскія газеты должны были печатать эти доказательства. Мы много разъ читали, что, какъ только путешественникъ переѣзжаетъ изъ Россіи черезъ Сеструрѣку, то чувствуетъ совершенно иной духъ: народъ тутъ по развитію совершенно другой" и т. д.

Такъ горделиво говоритъ старофинская газета о томъ, какъ высоко финляндская культура стоитъ въ глазахъ иностранцевъ и, въ особенности, русскихъ. И газета вполнѣ права. Имѣя внѣшній, показной, даже, если можно такъ выразиться, рекламный характеръ, финляндская культура дѣйствуетъ на путешественника по Финляндіи очень сильно. Финляндцы понимаютъ цѣну рекламы, умѣютъ показать товаръ лицомъ и достигаютъ этимъ хорошихъ результатовъ.

„Въ заграничной печати я читалъ много *восхитительныхъ характеристикъ финновъ*",—пишетъ младофинская газета „Karjala" (1910 г., № 9),—„читалъ, какой образцовый народъ финны. Финна никогда не увидишь пьянымъ; финнъ всегда скроменъ, приличенъ, а на лицѣ его всегда можно прочесть глубокую печаль и озабоченность за участь дорогой ему родины"...

Конечно, подобныя характеристики своей страны читать очень лестно. Однако, даже не всегда эти характеристики служатъ выраженіемъ свободнаго мнѣнія иностранцевъ, являющагося результатомъ ознакомленія ихъ со страною. Финляндцы, весьма заинтересованные въ привлеченіи на свою сторону общественнаго мнѣнія Западной Европы, не щадятъ усилій въ этомъ направленіи. Случалось, что въ этихъ цѣляхъ заграничнымъ журналистамъ прямо выплачивались финляндцами значительныя суммы **).

*) См. „Helsingin Sanomat" 1910 г., № 64; Uusi Suometar" 1911 г., № 14, 1912 г., № 20

**) Газета „Россія" (1910 г., № 1442) приводитъ, напримѣръ, такой фактъ *со словъ финской газеты* „Kansan Lehti" (№ 173) „Недавно умеръ *шведъ-писатель* Августъ Рамзай, дѣти котораго пустили наслѣдство въ конкурсъ. При этомъ выяснилось, что имущества не осталось у Августа Рамзая и на тысячу марокъ, а долгу болѣе двухсотъ тысячъ марокъ. Вначалѣ долгу было лишь 65 тысячъ марокъ, но на него наросли *проценты, не уплаченные съ 1863 года*, такъ что долгъ за это время во много разъ возросъ. Кредиторомъ его былъ Финляндскій Банкъ. Что же это значитъ? А то прежде всего, что Финляндскій Банкъ безъ надлежащей поруки далъ г. Рамзаю въ долгъ большія суммы денегъ. Потомъ это означаетъ то, что Финляндскій Банкъ не пытался получать даже процентовъ, которые

Но чаще помѣщаемыя въ заграничныхъ газетахъ „восхитительныя" характеристики финляндскихъ нравовъ имѣютъ финляндское происхожденіе.

Какъ отмѣчалось въ „Финляндской Газетѣ" (1912 г., № 132), „въ заграничныхъ газетахъ нерѣдко приходится читать одни и тѣ же корреспонденціи и разсужденія, которыя, очевидно, изготовляются массами въ Гельсингфорсѣ и затѣмъ, такъ сказать, циркулярно разсылаются въ заграничныя изданія. Этимъ объясняется, что подобный, мало интересный, въ сущности, для заграничнаго читателя матеріалъ чаще всего помѣщается въ мало распространенныхъ газетахъ и листкахъ и лишь изрѣдка встрѣчается въ солидныхъ періодическихъ изданіяхъ, относящихся съ большею разборчивостью къ присылаемымъ корреспонденціямъ.

Несмотря на подобную цѣнность заграничныхъ отзывовъ о Финляндіи, почти въ каждой финляндской газетѣ можно найти отдѣлъ, гдѣ сообщаются списки заграничныхъ газетъ, въ которыхъ оказались корреспонденціи, статьи, телеграммы и хотя бы самыя коротенькія замѣтки о Финляндіи.

По этому поводу финскій писатель Ялмари Финне, въ статьѣ „Мы" (см. „Финляндскую Газету", 1911 г., № 71), писалъ:

„Мы должны критиковать себя въ сравненіи съ другими народами и увѣрять себя, что мы, наша общественная жизнь, искусство стоятъ несравненно выше. Для этого необходимо перепечатывать въ свои газеты все, что только относится къ намъ съ похвалой; безразлично—хотя бы эти отзывы о насъ печатались и въ незначительныхъ газетахъ. *Но все-таки вѣрнѣе—если въ заграничную прессу сообщимъ о себѣ мы сами.* Въ нашей землѣ все заграничное идетъ за цѣнное до тѣхъ поръ, пока насъ хвалятъ. Безразлично—что заграницей большая часть врядъ-ли знаетъ о существованіи нашей земли; главное дѣло—лишь бы мы знали о своей исполинской силѣ".

Подобное саморекламированіе въ заграничныхъ газетахъ обходится, конечно, не дешево финляндцамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ финляндской печати приводились колоссальныя суммы, израсходованныя на обработываніе заграничнаго общественнаго мнѣнія; упоминалось, между прочимъ, объ израсходованіи $2^1/_2$ милліоновъ франковъ *).

Извѣстна цѣлая плеяда финляндскихъ общественныхъ дѣятелей и писателей, которые, во главѣ съ Лео Мехелиномъ, обработывали общественное мнѣніе за-границей въ пользу Финляндіи. Таковы, напр., г.г. Нюманъ, Седергельмъ, Борнъ, Рейтеръ, Тернгренъ, г-жи Александра Гриппенбергъ, Ѳекла Хультинъ, Фуругельмъ, Айно Мальмбергъ и друг.

Особенное усердіе въ заграничной агитаціи проявляетъ въ настоящее время г-жа Айно Мальмбергъ. Она постоянно совершаетъ агитаціонныя поѣздки по Англіи, Америкѣ, читаетъ доклады, лекціи, пишетъ въ газетахъ. Для того, чтобы популяризировать свѣдѣнія о Финляндіи, г-жа Мальмбергъ въ финляндскомъ костюмѣ читаетъ лекціи даже школьникамъ.

По словамъ „Финляндской Газеты" (1912 г., № 13), лондонскій корреспондентъ шведоманскаго органа „Abo Underrättelser" сообщалъ, что „15 января 1912 г. г-жею Мальмбергъ былъ прочитанъ докладъ въ Фарнвортѣ („Lancashire") относительно Финляндіи. На докладѣ присутствовали приглашенные ею учащіеся городского учи-

вѣдь можно же было какъ-нибудь получать. Вѣдь г. Рамзай былъ не изъ бѣдняковъ, если велъ блестящую свѣтскую жизнь. Хорошо бы имѣть разъясненіе этого, чтобы исчезло подозрѣніе въ томъ, что Финляндскій Банкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ благотворительнымъ учрежденіемъ для аристократіи!" „Kansan Lehti", говоритъ „Россія", надо думать, нѣсколько ошиблась въ своемъ выводѣ: Финляндскій Банкъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ благотворительнымъ учрежденіемъ" не для аристократіи, а для писателей, которымъ онъ выдаетъ деньги въ долгъ безъ поручителей, не требуетъ съ нихъ процентовъ, и вообще не безпокоитъ требованіями о возвратѣ долга"... Послѣ описаннаго случая „Россія" находила весьма понятными „восхитительныя характеристики" финновъ въ заграничной печати.

*) Интересныя данныя по этому вопросу можно найти въ брошюрахъ „Изнанка революціи вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства", Спб. 1906 г., и „Подготовка финляндской революціи 1889—1905 г.г." (Евг. Федорова), Спб., 1907 г.

лища „Day School". Послѣдніе должны были на слѣдующій день на основаніи доклада написать сочиненіе о Финляндіи. Письменныя работы представлены г-жѣ Мальмбергъ, которая распредѣлитъ три приза".

Оригинальность такого способа распространенія свѣдѣній о Финляндіи среди англичанъ отмѣчалась даже названною шведоманскою газетою.

Агитація, которую постоянно ведутъ финляндцы за-границей, производится не только путемъ печатнаго слова, рѣчей и лекцій, но также посредствомъ *устройства за-границей выставокъ*, непремѣнно *отдѣльно отъ Россіи*, въ качествѣ „государства", пользующагося-де такимъ же, какъ Россія, правомъ самостоятельнаго участія въ международныхъ конгрессахъ и т. п.

На памяти у всѣхъ, какъ держали себя финляндцы въ 1912 году на Олимпійскихъ играхъ въ Стокгольмѣ, какъ не желали они выступать совмѣстно съ русскими гимнастами подъ общимъ флагомъ и какъ, благодаря заблаговременно устроенной агитаціи, ихъ выступленіе на аренѣ сдѣлалось предметомъ довольно некорректныхъ со стороны шведовъ оваций.

Съ другой стороны, до чего щепетильны финляндцы, въ отношеніи иностранцевъ, у себя дома, видно, напримѣръ, изъ того, что ихъ шокируетъ даже *стиль крестьянскихъ построекъ въ Финляндіи*.

Такъ, младофинскій „Itä Suomen Sanomat" (1910 г., № 72) печалился, что постройки крестьянъ въ прекрасной Финляндіи устроены такъ некрасиво, что онѣ безобразятъ мѣстность. „Пора *показать иностранцамъ*, писала газета, что у насъ имѣется свой особый и прекрасный стиль, который вмѣстѣ съ тѣмъ и національналенъ. Необходимо-де, чтобы иностранцы уже по внѣшнему виду построекъ могли понять, что *здѣсь живетъ цивилизованный народъ, цивилизація котораго имѣетъ непоколебимое основаніе*".

Въ стремленіи показаться иностранцамъ съ выгодной стороны и вызвать ихъ симпатіи, финляндцы бываютъ настолько любезны съ иностранными туристами, что, напр., въ учебныхъ заведеніяхъ прерываютъ, ради ихъ услажденія, занятія.

Такъ, по словамъ „Финляндской Газеты" (1911 г., № 139), газета „Uusi Aura" сообщала, что 8-го сентября 1911 г. Абоскую городскую женскую гимназію посѣтила группа пріѣхавшихъ наканунѣ въ городъ англійскихъ экскурсантовъ. Послѣ осмотра зданія гимназіи прибывшіе просили гимназистокъ спѣть имъ нѣсколько финскихъ пѣсенъ. Просьба гостей, несмотря на учебное время, немедленно же была удовлетворена. Потомъ газета „Uusi Aura" писала, что экскурсанты по своемъ возвращеніи въ Англію прислали въ Финляндію адресованное на имя секретаря финляндскаго общества туристовъ письмо, въ которомъ, послѣ выраженія сердечной благодарности за радушный пріемъ, увѣряли финляндцевъ, что ихъ прежнее плохое мнѣніе о Финляндіи, благодаря поѣздкѣ, совершенно измѣнилось".

Слѣдовательно, цѣль была достигнута!

Говоря о размѣрахъ, которыя приняла финляндская агитація, „Кіевлянинъ" *) писалъ: „И у насъ, въ извѣстныхъ кругахъ, и заграницей продолжается агитація въ защиту „своеобразной финляндской культуры". И выдѣленіе изъ состава Финляндіи части Выборгской губерніи, и уравненіе въ Финляндіи русскихъ въ правахъ съ мѣстными уроженцами оказываются невозможными по „высококультурности" г.г. финляндцевъ: это грозитъ сведеніемъ на смарку всей „своеобразной финляндской культуры!" Группа англійскихъ профессоровъ недавно обращалась къ своему (англійскому) правительству съ требованіемъ даже дипломатическаго заступничества за Финляндію *„въ цѣляхъ спасенія для Европы ея культуры"*. А венгерскій профессоръ Бела Викоръ въ публичной рѣчи заявилъ, что „финляндскій народъ является *однимъ изъ самыхъ культурныхъ во всей Европѣ*".

„Курьезнѣе всего то, справедливо говорила газета, что, выдавая „финляндскому народу" дипломъ „самаго культурнаго во всей Европѣ", объявляя, что „спасеніе финляндской культуры необходимо для Европы", заграничные ученые и неученые граммофоны г.г. Мехелина и К° въ глаза не видѣли никогда ни Финляндіи, ни ея „своеобразной культуры".

*) См. „Финляндскую Газету" 1911 г., № 145.

Въ качествѣ образцовъ этой „своеобразной культуры" газета приводила практикуемые въ Финляндіи аукціоны при призрѣніи бѣдныхъ, больныхъ и малолѣтнихъ; описывала ужасное положеніе душевнобольныхъ въ спеціальныхъ больницахъ, гдѣ настолько плохъ надзоръ, что сумасшедшіе варятся въ кипяткѣ; упоминала о допотопныхъ порядкахъ финляндскаго суда, объ избіеніяхъ учителями учащихся, о развитомъ потребленіи алкоголя въ Финляндіи и дикомъ пьянствѣ, объ узаконенныхъ поборахъ чиновниковъ, дающихъ, напр., судьямъ по 50.000 мар. побочнаго годового дохода, о переходѣ подобныхъ чиновничьихъ мѣстъ за деньги и по наслѣдству и т. д.

„Все это, быть можетъ, и очень „своеобразно", говорилъ „Кіевлянинъ", но едва-ли такъ „высококультурно", чтобы признавать Финляндію „одной изъ самыхъ культурныхъ странъ Европы" и чтобы ломать стулья во спасеніе своеобразной финляндской культуры", на которую, къ тому же, никто и поползновенія никакого не имѣетъ".

Изъ сказаннаго видно, какъ широко поставлено дѣло саморекламированія у финляндцевъ, какъ заботятся они о созданіи себѣ славы культурнаго народа, какъ непріятно для нихъ всякое разоблаченіе, „подрывающее фирму".

Между тѣмъ факты на лицо. Какъ ни кричатъ о себѣ финляндцы въ заграничныхъ и отчасти русскихъ газетахъ, опровергнуть собранныхъ нами фактовъ они не могутъ. Впечатлѣніе же они производятъ серіозное и для финляндцевъ довольно неутѣшительное, какъ видно изъ нижеслѣдующаго краткаго перечня главныхъ отмѣченныхъ нами отрицательныхъ явленій.

1. Преступность въ Финляндіи очень развита, причемъ весьма часты убійства *), которыя отличаются жестокостью, часто совершаются въ дракѣ, въ пьяномъ видѣ и безъ особо серьезныхъ поводовъ.

2. Пьянство въ Финляндіи составляетъ обычное и весьма серьезное зло **). Ограниченіе легальной продажи водки вызываетъ развитіе корчемства и тайнаго винокуренія.

3. Финляндцы очень склонны къ буйству, дракамъ и ножевщинѣ; въ деревняхъ и городахъ среди молодежи распространено хулиганство.

4. Въ характерѣ финновъ замѣчается какая-то особенная жестокость, выражающаяся въ истязаніяхъ животныхъ, въ истязаніяхъ дѣтей въ школахъ, въ убійствахъ близкихъ родственниковъ и т. п.

5. Уваженіе къ законности въ Финляндіи вовсе не такъ прочно: нерѣдки случаи самоуправства и кулачной расправы.

6. Частые кражи, грабежи, растраты, а въ особенности мошенничества и злостныя банкротства въ коммерческой жизни весьма колеблютъ мнѣніе о финляндской честности.

7. Развитіе проституціи, постоянные случаи изнасилованія и растлѣнія малолѣтнихъ, развратное поведеніе деревенской молодежи, въ связи съ распространеніемъ венерическихъ болѣзней, не позволяютъ сдѣлать заключеніе о высокомъ состояніи нравственности въ Финляндіи.

8. Вопреки распространенному мнѣнію, въ Финляндіи отмѣчается развитіе нищенства ***). Въ числѣ способовъ призрѣнія старыхъ, душевнобольныхъ и дѣтей находимъ возмутительный способъ сдачи ихъ на содержаніе съ аукціоннаго торга.

9. Число больницъ въ Финляндіи недостаточно для населенія и порядки въ нихъ заставляютъ желать лучшаго ****).

10. Несмотря на большое вниманіе, удѣляемое въ Финляндіи вопросамъ воспитанія и образованія, финляндскія школы имѣютъ много недостатковъ: отношенія учителей къ учащимся проникнуты формализмомъ; въ

*) „Убійствъ въ Финляндіи втрое больше, чѣмъ въ Россіи". Д. С. Тризна „Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи". Спб., 1911 г., стр. 71.

**) Душевое потребленіе алкоголя въ девяти губерніяхъ Имперіи менѣе, чѣмъ въ Финляндіи. Тамъ же, стр. 30.

***) Въ 1905 году въ Финляндіи 79.225 нищихъ (2,74% населенія) нуждалось въ общественномъ призрѣніи. Тамъ же, стр. 32.

****) См. выноску вторую на стр. 253.

низшей школѣ примѣняются тѣлесныя наказанія, которыя находятъ себѣ ярыхъ защитниковъ среди учителей; даже въ средней школѣ допускается примѣненіе подобныхъ наказаній съ согласія родителей; въ школьное преподаваніе вносится партійность и политика, и, въ частности, ему придается антирусское направленіе.

11. Финны очень равнодушны къ религіи, относятся безъ уваженія къ своимъ пасторамъ, среди коихъ наблюдаются случаи безнравственнаго поведенія; въ киркахъ допускается карточная игра и въ нихъ зачастую пускаютъ собакъ.

12. Чиновники въ Финляндіи представляютъ очень многочисленный классъ (ихъ въ много разъ больше, чѣмъ въ Имперіи сообразно числу населенія) и матеріально хорошо обезпечены; пользуясь большимъ количествомъ свободнаго времени, они играютъ роль въ обществѣ въ качествѣ политическихъ дѣятелей, причемъ нерѣдко, игнорируя служебную дисциплину, допускаютъ неповиновеніе распоряженіямъ начальства (такъ называемое „пассивное сопротивленіе"). Встрѣчаются среди чиновниковъ случаи злоупотребленія властью, небрежнаго выполненія обязанностей, растратъ и даже взяточничества.

13. Порядки на желѣзныхъ дорогахъ, благодаря царствующимъ въ финляндскомъ обществѣ политиканству и партійности, весьма неудовлетворительны: скорость поѣздовъ незначительна, нерѣдки столкновенія поѣздовъ, дисциплина очень слаба.

14. Финляндскіе лоцмана, объ искусствѣ которыхъ такъ кричатъ въ виду подчиненія лоцманскаго вѣдомства Морскому Министерству, нерѣдко сажали на камни водимыя ими суда. Вообще крушенія судовъ какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ финляндскихъ водахъ не столь рѣдкое явленіе.

15. Чины полиціи въ Финляндіи нерѣдко допускаютъ самоуправство, превышеніе власти и даже истязанія арестованныхъ и въ то же время не всегда выполняютъ обязанности по преслѣдованію разврата и корчемства.

16. Финляндское судопроизводство, основываясь на средневѣковыхъ законахъ, совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ современной науки и жизни; отличительною чертою его является медленность, отсутствіе суда присяжныхъ и мироваго суда. Приговоры финляндскихъ судей отличаются партійностью, судьи нерѣдко не знаютъ финскаго языка. Личный составъ какъ судей, такъ и чиновъ прокурорскаго надзора, повидимому, не стоитъ на высотѣ призванія.

17. Въ общественной жизни Финляндіи наблюдается сильное развитіе партійности, чѣмъ объясняется изданіе огромнаго числа газетъ, которыя часто почти совсѣмъ не имѣютъ подписчиковъ и разсылаются даромъ на счетъ партій.

18. Общественное управленіе какъ городское, такъ и сельское построено на узко-капиталистическомъ принципѣ, причемъ одно лицо можетъ имѣть много голосовъ. Среди лицъ, занимающихъ общественныя должности, не рѣдки случаи растратъ.

19. Несмотря на обиліе земли въ Финляндіи, огромная масса сельскаго населенія не имѣетъ собственной земли и вынуждена арендовать ее у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, состоя до послѣдняго времени на положеніи какъ бы крѣпостныхъ.

20. Лойяльность финляндцевъ по отношенію къ Россіи, о которой кричатъ финляндскія газеты, не находитъ подтвержденія въ фактахъ, свидѣтельствующихъ, наоборотъ, о ненависти финляндцевъ къ Россіи, воспитываемой, по словамъ финляндской печати, съ юнаго возраста.

21. Несмотря на существованіе закона, по которому православная церковь является господствующей въ Финляндіи, финляндцы всѣми сред-

ствами ведутъ борьбу противъ этой церкви, оскорбляютъ священниковъ смѣются надъ обрядами.

22. Относясь съ нетерпимостью къ русскимъ людямъ, финляндскія власти систематически преслѣдовали русскихъ разносчиковъ (коробейниковъ) и отказывались признавать за ними какія либо права, игнорируя подлежащіе законы. До послѣдняго времени въ Финляндіи наблюдались случаи бойкота русскихъ товаровъ и русскихъ купцовъ, не примыкавшихъ къ „кагалу".

23. Финляндцы издавна оскорбительно и враждебно относятся къ русскимъ военнымъ и вообще къ представителямъ русской государственной власти, не признаютъ общегосударственнаго русскаго флага, герба и гимна и нерѣдко подвергаютъ ихъ оскорбленіямъ.

24. Благодаря несдержанности финляндской печати, обычно привлеченіе къ отвѣтственности газетъ за оскорбленіе Величества.

Таковы наиболѣе бросающіяся въ глаза отрицательныя явленія финляндской жизни, которыя мы могли отмѣтить на основаніи фактовъ, сообщенныхъ, большею частью, самою же финляндскою печатью и по преимуществу въ самое послѣднее время. Несомнѣнно, многія явленія мы упустили, отчасти намѣренно—какъ не представляющіяся особенно выдающимися или характеризующія скорѣе политическія настроенія финляндцевъ, чѣмъ культурный уровень, — отчасти же за невозможностью обнять весь бывшій въ нашихъ рукахъ матеріалъ.

Но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать заключеніе о Финляндіи, какъ о странѣ, хотя и идущей по пути культуры, но еще нуждающейся во многомъ, чтобы культуру эту, въ сущности чисто внѣшнюю, претворить въ жизнь народа, который въ массѣ еще далеко не можетъ назваться культурнымъ.

Русскому человѣку на слѣдуетъ, поэтому, краснѣть за свое отечество передъ Финляндіей. Вполнѣ естественно, что при обширности нашей родины и при разнообразіи условій, въ которыхъ находится каждая ея часть, мы не могли достигнуть повсюду одинаковой степени культуры, и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя части Имперіи во многомъ уступаютъ Финляндіи. Но за то встрѣчаются губерніи, по пространству и количеству населенія приблизительно соотвѣтствующія Финляндіи и стоящія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр., по числу учащихся въ народныхъ школахъ, по организаціи больничнаго дѣла и т. п.) даже выше Финляндіи. Напримѣръ, по образованію Финляндія занимаетъ (по даннымъ 1907 г.) шестое мѣсто среди губерній Имперіи *); по числу больничныхъ кроватей (въ отношеніи къ населенію)—четырнадцатое **) и т. п.

*) Въ 1902—3 учебномъ году Финляндія даже отстала отъ Имперіи по числу учащихся въ народныхъ школахъ: „Разныхъ низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ Финляндіи въ 1902—3 году было 2.115 и въ нихъ учащихся 117.691; на 10 т. населенія приходится 423. Въ 50 губ. Евр. Россіи низшихъ учебныхъ заведеній было 76.761 и въ нихъ учащихся 4.529.278; на *10 тыс. населенія приходится 429*. Преимущество, хотя ничтожное, оказывается на сторонѣ Россіи. Если сравнивать по губерніямъ въ отдѣльности, то оказывается, что *по низшему народному образованію Финляндія между 50-тью губерніями Европейской Россіи занимаетъ только 32-ое мѣсто*. Вотъ перечень губерній, стоявшихъ выше Финляндіи, съ показаніемъ числа учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ на 10 т. населенія, въ нисходящемъ порядкѣ: Лифляндская (663), Эстляндская (627), Таврическая (598), Курляндская (584), Ярославская (572), Тверская (565), Московская (550), Екатеринославская (547), Калужская (544), Тульская (543), Владимірская (536), Новгородская (526), Олонецкая (515), Смоленская (506), Саратовская (503), Орловская (488), Херсонская (486), Рязанская (475), Петербургская (472), Самарская (451), Архангельская (451), Полтавская (450), Курская (449), Черниговская (449), Костромская (448), Харьковская (445), Гродненская (441), Могилевская (438), Оренбургская (436), Вологодская (434), Нижегородская (430)" (Д. С. Тризна. „Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи", стр. 38)

**) Слѣдующія губерніи въ 1907 г. превосходили Финляндію по числу больничныхъ кроватей на 10.000 населенія: 1) С.-Петербургская—78 кроватей; 2) Московская—70; 3)

Не говоримъ уже о томъ, что преступность въ Финляндіи значительно выше, чѣмъ въ Россіи (въ 1902 г.—въ семь разъ); что финляндское судопроизводство очень отстало отъ русскаго; что тѣлесныя наказанія въ русскихъ школахъ закономъ не разрѣшаются, тогда какъ финляндскій законъ ихъ допускаетъ; что жестокіе, часто прямо звѣрскіе нравы угрюмыхъ, несообщительныхъ финновъ, конечно, не могутъ итти въ сравненіе съ мягкими славянскими нравами.

Для сравненія характера финской и славяно-русской культуры весьма интересно привести сдѣланное финскимъ писателемъ Кіанто въ „Helsingin Sanomat" сопоставленіе финской и карельской деревень.

Слѣдуетъ замѣтить, что руссификація Кареліи совершалась еще со временъ Великаго Новгорода путемъ естественнаго сліянія корелъ съ единовѣрнымъ русскимъ населеніемъ, такъ что Карелія, хотя и изъятая въ 1811 г. въ составѣ Выборгской губерніи изъ Имперскаго управленія, по своей культурѣ до сихъ поръ болѣе подходитъ къ Россіи, чѣмъ къ Финляндіи.

Вотъ, что пишетъ упомянутый финскій писатель про русскую Карелію. „Мои спутники восхищались привѣтливостью и откровенностью карелъ. Добродушное, свободное обращеніе карелъ производило изумительное впечатлѣніе! *Какъ будто здѣсь, въ Кареліи, дули совершенно иные вѣтры, чѣмъ на финляндской сторонѣ*, въ четырехъ верстахъ отсюда въ Финляндіи съ заплеванными, черными отъ грязи полами, съ отвратительными прусаками и съ самыми низменными взглядами на жизнь. Здѣсь—Карелія съ чистыми полами, съ свѣтлыми взглядами и свободными нравственными настроеніями. Въ самихъ отношеніяхъ молодежи, ихъ развлеченіяхъ замѣтна большая разница съ поведеніемъ молодежи въ Финляндіи. Говоря по правдѣ, среди карельской молодежи грѣхопаденій меньше, чѣмъ среди нашей молодежи, прошедшей леру, т. е. предпричастную школу. Нравственность карельскихъ дѣвушекъ не безъ основанія славится: внѣбрачное сожительство встрѣчается крайне рѣдко" („Helsingin Sanomat", 1911 г., № 70).

А вотъ отзывы того же писателя Кіанто о финляндской деревнѣ:

„Завернули въ одну изъ финскихъ избъ. Что за тяжелое впечатлѣніе послѣ прелестной Кареліи! Какая непривѣтливость и какая грубость! Ни одинъ изъ находящихся въ избѣ не шевельнется, ни одинъ не отвѣтитъ на привѣтствіе вошедшаго! Мужчины сидятъ съ шапками на головахъ; звуки плевковъ слышатся изъ каждаго угла, дымъ отъ трубокъ удушающій; полъ избы черенъ, мокръ и неопрятенъ; прусаки кишатъ въ щеляхъ по стѣнамъ; остатки пищи и грязная посуда валяются на столѣ. Кофейникъ—черенъ, что сажа; изорванный и грязный до вонючести псалтырь лежитъ на подоконникѣ. О дорогая моя родина! И такъ во всякомъ почти безъ исключенія домѣ, хотя бы хозяинъ дома имѣлъ деньги въ банкѣ. Никто не скажетъ вошедшему, какъ это дѣлаютъ въ Кареліи,—„будь здоровъ, гость!". Послѣ продолжительнаго и подозрительнаго молчанія кто нибудь буркнетъ вопросъ: „Что новаго?", на который и отвѣчать то не хочется!" („Helsingin Sanomat", 1910 г., № 114).

Изъ этого сопоставленія видно, что русская культура, представительницей которой въ настоящемъ случаѣ является Карелія, даже въ глазахъ финляндца, представляется достойною подражанія финляндцевъ.

Разумѣется, финляндцы не опускаютъ возможности подчеркнуть при случаѣ некультурность русскаго населенія. Такъ, напримѣръ, по словамъ „Русскаго Инвалида" (1911 г., № 97), финская газета „Туö" въ такихъ выраженіяхъ описывала празднованіе русскимъ населеніемъ Св. Пасхи.

Лифляндская—35; 4) Владимірская—28; 5) Варшавская—27; 6) Херсонская—24; 7) Ярославская и 8) Курляндская по 24; 9) Иркутская—23; 10) Екатеринославская, 11) Костромская, 12) Харьковская и 13) Виленская—по 18 кр. Въ Финляндіи же приходилось 17 кроватей (Д. С. Тризна. Тамъ же, стр. 33).

„Празднованіе русскими своей Пасхи въ Таллика въ нынѣшнемъ году, по обыкновенію, не обошлось безъ финской водки. Еще въ началѣ недѣли эти празднующіеся, спотыкаясь, ходили по улицамъ съ пѣснями, при встрѣчахъ христосуясь со своими единовѣрцами, а также, конечно, прикладываясь къ находящимся у нихъ за пазухой бутылкамъ. *Особенныхъ дракъ и безобразій все же не было.* Однако, не обошлось безъ мелкихъ стычекъ и борьбы, а также и другихъ атрибутовъ христіанскихъ праздниковъ. Когда то эти русскіе—рабы труда, дойдутъ до сознанія о необходимости отказаться отъ празднованія, посвященнаго частью христіанству, а главнымъ образомъ пьянству и безпутной жизни. *Надо надѣяться, что они когда-нибудь дойдутъ до такого сознанія*".

Такія восклицанія представляются чрезвычайно курьезными при дѣлаемомъ „Русскимъ Инвалидомъ" сопоставленіи съ картиной финскихъ нравовъ, рисуемой въ газетѣ „Туö́mies" (1911 г. № 90):

„На устроенный въ первый день Пасхи старофиннами въ деревнѣ Рухіярви, Настоласкаго прихода, праздникъ, явилась пьяная компанія молодежи другой деревни, вооруженная кнутами и ножами. Молодые люди всячески пытались затѣять ссору и драку, что къ концу вечера имъ и удалось; въ результатѣ *двое были ранены.* Удаляясь изъ деревни, эта пьяная компанія перебила окна въ домѣ, въ которомъ происходилъ вечеръ и, кромѣ того, окна въ домахъ трехъ бобылей".

„Простое сопоставленіе, говоритъ „Русскій Инвалидъ",—не въ пользу „культурныхъ" финновъ".

Защищая высоту и обособленность своей культуры финляндцы наиболѣе боятся вліянія на финновъ русской культуры *). Между тѣмъ — фактъ на лицо. По удостовѣренію газеты „Россія" (1910 г., № 1446), „русскій людъ, скопляющійся въ лѣтнее время въ мѣстности по желѣзнодорожной линіи С.-Петербургъ—Выборгъ (дачники, рабочіе, торговцы), постепенно оказываетъ свое вліяніе на мѣстное финское населеніе, понемногу содѣйствуя обрусенію его. Обрусеніе это въ настоящее время довольно замѣтно выражается какъ въ языкѣ мѣстныхъ финновъ, такъ и въ ихъ обстановкѣ. Мѣстные финны позаимствовали въ свой языкъ много русскихъ словъ, въ родѣ: лимонъ, люкъ, вьюшки, спички, тачки, фонарь, здравствуй, спасибо, и т. д. и т. д. Дома стали строиться финнами на русскій ладъ, въ домахъ обстановка также стала перениматься отъ русскихъ, стали появляться русскія картины, напр., портреты Куропаткина, Линевича и пр. Костюмы мѣстнаго населенія, упряжь лошадей заимствованы отъ русскихъ; знаніе русскаго языка составляетъ предметъ гордости почти для каждаго мѣстнаго финна".

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ принимаемыя политиканствующими финнами мѣры къ огражденію себя отъ вліянія русской культуры, культура эта, какъ болѣе сильная, беретъ верхъ, хотя, по удостовѣренію газеты „Россія", наша мѣстная космополитическая интеллигенція скорѣе противодѣйствуетъ, чѣмъ содѣйствуетъ усиленію русскаго вліянія въ означенной мѣстности.

И что бы ни говорили финнофилы,—привлекаемые, какъ мотылекъ на огонь, внѣшнею блестящею стороною финляндской жизни,—не маленькому народу Финляндіи, „жребіемъ битвъ" перешедшему „въ собственность и державное обладаніе" одной изъ величайшихъ въ мірѣ имперій, гордиться, будто бы, своею, а на самомъ дѣлѣ чужою, шведскою культурою—передъ молодою культурою народа-великана, который распространилъ эту культуру на шестую часть земной поверхности и далъ человѣчеству много великихъ именъ—двигателей мірового прогресса.

Не самодовольнымъ жестокимъ финляндцамъ издѣваться надъ своимъ вѣковымъ благодѣтелемъ—русскимъ мужикомъ, кровь котораго до сихъ поръ

*) Исключительная ненависть финляндцевъ къ русскому языку и къ русской культурѣ съ замѣчаемымъ въ то же время тяготѣніемъ къ Швеціи тѣмъ болѣе непонятна, что финское племя, ничего общаго не имѣющее съ германцами-шведами, является родственнымъ великорусскому племени, происшедшему, какъ извѣстно, отъ сліянія пришельцевъ славянъ съ мѣстными жителями финнами (см. В. Ключевскій. Курсъ Русской Исторіи, ч. I. Лекція XVII. Москва. 1911 г.).

въ Финляндіи, по словамъ финской газеты „Työmies“, *„считалась по сравненію съ кровью финна равною грязи“*: вѣдь только благодаря этому мужику, орошавшему обильными потоками своей „грязной“ крови поля битвъ и поливавшему горькимъ потомъ не особенно тучныя нивы своей родины, могла расцвѣсти чужеземная, шведская культура Финляндіи.

Не мѣшало бы подумать нашимъ финляндскимъ согражданамъ, что и въ русскомъ мужикѣ можетъ заговорить чувство обиды за ихъ мало основательную кичливость и неблагодарность: не даромъ же, при обсужденіи въ Государственной Думѣ законопроекта объ опредѣленіи суммы вознагражденія, уплачиваемаго финляндцами за неотбываніе личной воинской повинности, изъ среды крестьянскихъ депутатовъ, какъ раскаты перваго грома, раздавались голоса, требовавшіе увеличенія этого вознагражденія хотя бы до той суммы, которую уплачиваетъ на военные расходы многострадальный и „некультурный“ русскій мужикъ.

Библиотека
Университета Лонина

Корево, Н. Н. Изданіе мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи (изъ «Библіотеки Окраинъ Россіи» № 4). Спб. 1907.

Корево, Н. Н. Докладъ по финляндскому вопросу на VI съѣздѣ уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ 33 губерній въ засѣданіи 17 марта 1910 г. (см. труды съѣзда). Спб. 1910.—Тоже на французскомъ яз. Paris. 1912.—На нѣмецкомъ яз. Berlin. 1910.—На англійскомъ яз. St.-Petersbourg. 1911.—На итальянскомъ яз. Roma. 1911.—На шведскомъ и финскомъ языкахъ. Stockholm. 1912.

Корево, Н. Н. Общее Уложеніе Финляндіи 1734 г. и дополнительныя къ нему узаконенія, съ приложеніями и указателями. Три тома. Спб. 1912.

Корево, Н. Н. Къ финляндскому вопросу. Письмо издателю газеты «Times» Спб. 1911.—Тоже на французскомъ яз. St.-Pétersbourg. 1911.—На нѣмецкомъ яз. St.-Petersburg. 1911.

Корево, Н. Н. Сеймовый Уставъ 20 іюня 1906 г., съ приложеніями и указателями. Спб. 1913.

Коркуновъ, Н. М. Финляндскій Сеймъ. «Юридическая Лѣтопись». 1891 г. № 1.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право, т. I. Спб. 1892.—Изд. 7-е посмертное. Спб. 1908. Выдержка изъ общей части, изданная особо. Спб. 1910.—Тоже на нѣмецкомъ яз. Berlin. 1911. На шведскомъ и финскомъ языкахъ. Stockholm. 1912.

Кочкаревъ, Н. А. Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909.

Крохинъ, П. В. Исторія карелъ. Спб. 1908.

Крохинъ, П. В. Какъ возникла въ Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офиннивaетъ Карелію. Спб. 1910.

Куплеваскій, Н. О., проф. Манифестъ Императора Александра I $^{9}/_{21}$ февраля 1816 г. о переименованіи Финляндскаго Правительственнаго Совѣта въ Императорской Финляндскій Сенатъ. Спб. 1910.

Куплеваскій, Н. О., проф. Справка о мнѣніяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ, спеціалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи. Спб. 1910. Тоже на нѣмецкомъ яз. Berlin. 1911.—На шведскомъ и финскомъ языкахъ. Stockholm. 1912.

Курбергъ, В. Положеніе Финляндіи. Спб. 1910.—Тоже на французскомъ яз. Paris. 1912.—На англійскомъ яз. St.-Pétersbourg. 1911.—На шведскомъ яз. Stockholm. 1910.—На финскомъ яз. Stockholm. 1911.

Липранди, А. П. Финляндскій вопросъ. Спб. 1909.

Луото, К. Правда. Переводъ съ финскаго. Спб. 1910.

Малышевъ, К. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.

Малышевъ, К. Курсъ гражданскаго права въ Россіи. Спб. 1878.

Мессарошъ, П. И. Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1898.

Мнѣнія, предположенія и рѣчи членовъ Высочайше учрежденной коммиссіи для выработки проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія. Спб. 1910.—Тоже на нѣмецкомъ яз. St.-Petersburg. 1911.

Нольде, баронъ. Очерки Государственнаго Права. Единство и нераздѣльность Россіи. Спб. 1911.

О «Разсказахъ прапорщика Столя». (Fänrik Ståls sägner). Спб. 1910.

Ординъ, К. Ф. Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Спб. 1888.

Ординъ, К. Ф. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I — Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Съ портретомъ автора и предисловіемъ издателя Б. К. Ордина. Спб. 1908. Тт. II и III—«Покореніе Финляндіи» съ предисловіемъ издателя Б. К. Ордина и картою Финляндіи во II т. Спб. 1909.

Остенъ-Сакенъ, баронъ. Государственно-правовое положеніе Вел. Кн. Финлянд-